К. МАРКС
и
Ф. ЭНГЕЛЬС

ПЕЧАТАЕТСЯ
ПО ПОСТАНОВЛЕНИЮ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ
СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ИНСТИТУТ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА при ЦК КПСС

К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС

СОЧИНЕНИЯ

Издание второе

ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва · 1975

К. МАРКС
И
Ф. ЭНГЕЛЬС

ТОМ

40

3К1

М $\frac{10101-034}{079 (02)-75}$ Подписное

ПРЕДИСЛОВИЕ

40-м томом открывается серия дополнительных томов второго издания Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, выпуск которых осуществляется по постановлению ЦК КПСС. В их состав включены произведения и письма основоположников марксизма, обнаруженные после выхода в свет основных, 1—39, томов этого издания, а также печатные и рукописные работы, которые или были опубликованы в отдельных изданиях для сравнительно узкого круга специалистов (сборник «Из ранних произведений» К. Маркса и Ф. Энгельса, тома «Архива Маркса и Энгельса», «Grundrisse der Kritik der politischen Oekonomie» и другие), или же публикуются впервые.

Выпуск дополнительных томов позволяет читателю ознакомиться с этой частью литературного наследия Маркса и Энгельса в собранном и систематизированном виде, в рамках единого издания их трудов. Само второе издание Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, таким образом, по существу станет полным собранием произведений и писем основоположников научного коммунизма. Включение в состав этого фундаментального издания материалов, публикуемых в дополнительных томах, дает новые, добавочные источники для всестороннего изучения марксистской теории, ее становления и творческого развития. Значительную часть дополнительных томов составят предварительные рукописные варианты главного труда К. Маркса «Капитал». По ним читатель впервые получит возможность проследить этапы создания этого гениального произведения.

* * *

В 40-й том Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса включены произведения молодого Маркса, написанные им преимущественно в 1835—1843 гг. Том состоит из трех разделов — произведений Маркса философского и публицистического характера, его литературно-поэтических опытов и приложений. В первый раздел, помимо уже публиковавшихся в русском переводе произведений Маркса, вошли его 16 работ, не переводившиеся ранее на русский язык Во второй раздел включаются все известные стихотворения молодого Маркса. Они, за небольшим исключением, тоже публикуются на русском языке впервые. В приложениях к тому печатаются биографические документы, дополняющие содержание основных разделов, в том числе письма отца Карлу Марксу, а также письма Марксу его невесты Женни фон Вестфален.

Материалы, включенные в 40 том, значительно дополняют 1-й том Сочинений. Они показывают ранний период становления мировоззрения Маркса, сложный путь его духовной эволюции, процесс критического овладения им достижениями предшествующей философской мысли. Это было время напряженных студенческих занятий Маркса в Боннском, а затем в Берлинском университетах юридическими, историческими и философскими науками, занятий, сопровождавшихся пробой сил в области литературного творчества. В эти годы складывались атеистические и революционно-демократические убеждения Маркса. Весной 1842 г. началась его политическая деятельность как сотрудника, а затем редактора ежедневной прогрессивной оппозиционной газеты «Rheinische Zeitung». Материалы 40-го тома проливают дополнительный свет на процесс перехода Маркса от идеализма к материализму и от революционного демократизма к коммунизму.

Произведения Маркса, относящиеся к ранним периодам формирования марксизма, отражают различные ступени духовного созревания их автора: от юношеских раздумий о смысле человеческой деятельности к восприятию учения Гегеля как орудия познания мира ради достижения свободы, от радикального истолкования гегелевской диалектики к критике ограниченности идеалистической системы философии Гегеля и его учеников, наконец, к революционному пересмотру всех основ немецкой философии в материалистическом духе. Маркс в эти годы испытал на себе заметное воздействие воззрений Фейербаха, в которых он первоначально увидел выражение последовательного атеизма, а позднее, по мере созревания собственных материалистических

взглядов, в полной мере распознал глубокое материалистическое содержание. В то же время опыт политического борца, редактора «Rheinische Zeitung» позволил Марксу осознать и слабые стороны фейербахианства: созерцательность, уход от острых политических вопросов, недооценку диалектики.

В рассматриваемые периоды формировались и крепли, становились все более последовательными революционно-демократические убеждения Маркса; их развитие и углубление привело его в конце 1843 г. к коммунистическим выводам. К этому времени, произведениями которого завершается том, Маркс уже прочно становится на материалистические позиции, в том числе в объяснении общественных явлений, признав первичность сферы материальных интересов и зависимость от них политического строя. Он делается убежденным противником общества, основанного на частной собственности, провозвестником идеи его революционного переустройства на коммунистических началах. Сложившиеся материалистические и коммунистические взгляды Маркса послужили предпосылкой для последующей разработки диалектического материализма, материалистического понимания истории и теории научного коммунизма, для завершения формирования марксизма как стройного и цельного научного мировоззрения рабочего класса.

Первый раздел тома открывается гимназическим сочинением «Размышления юноши при выборе профессии» (1835 г.) — произведением, являющимся как бы исходным пунктом духовного развития молодого Маркса. Это сочинение характеризуется глубиной идей и благородством стремлений юного автора. Оно показывает страстное желание Маркса посвятить свою деятельность служению человечеству. Маркс говорит здесь о необходимости выбирать профессию, открывающую наиболее широкое поприще для деятельности во имя блага людей. Он отдает, конечно, себе отчет в том, что выбор этот не легок. Человек не всегда может избрать профессию по призванию, ибо «наши отношения в обществе до известной степени уже начинают устанавливаться еще до того, как мы в состоянии оказать на них определяющее воздействие» (настоящий том, стр. 5). И в то же время автором подчеркивается важная мысль о том, что нельзя замыкаться в узкоэгоистических рамках, а нужно искать пути и средства для того, чтобы принести максимальную пользу всему обществу. Если человек избрал профессию, занимаясь которой он больше всего сможет сделать для человечества, писал юный Маркс, тогда он испытает не жалкую, эгоистическую радость, а его счастье будет принадлежать миллионам (настоящий том, стр. 7).

«Размышления юноши» написаны под очевидным влиянием идей просветителей XVIII века.

Помещенное в томе вслед за гимназическим сочинением «Письмо к отцу» (1837 г.) ценно прежде всего тем, что это единственное сохранившееся письмо юного Маркса к родным.

Письмо дает яркую картину напряженной работы мысли Маркса-студента, раскрывает разносторонность его духовных интересов и многообразие волновавших его научных проблем. Оно свидетельствует о необычайном упорстве и трудолюбии молодого Маркса, о высокой требовательности и критическом отношении к себе.

Необходимо также отметить, что письмо фиксирует важный момент в эволюции идей юного Маркса — признание им познавательной силы гегелевской философии в противоположность фихтевскому субъективному идеализму и другим субъективистским философским системам. Однако, став сторонником учения Гегеля, присоединившись к младогегельянскому направлению, представители которого стремились делать из философии Гегеля атеистические и радикальные политические выводы, Маркс не ограничил этим напряженные поиски правильного, научного мировоззрения. Опираясь на гегелевскую диалектику, он прокладывал собственные пути в философии.

В духовном развитии Маркса в студенческие годы важное место занимало изучение античной философии, результатом которого явились «Тетради по эпикурейской философии», написанные в 1839 году. «Тетради» содержат относящиеся к взглядам Эпикура выписки из произведений древних авторов — Диогена Лаэрция, Секста Эмпирика, Лукреция Кара, Цицерона, Плутарха, Сенеки, Климента Александрийского и Стобея, сопровождаемые обширными собственными замечаниями Маркса.

«Тетради» отражают большой интерес Маркса к истории философии, особенно ко взглядам передовых представителей античного просвещения и свободомыслия — Эпикура и Лукреция. Они дают представление о широте кругозора Маркса-студента, об основательности знаний им древних языков и философской литературы.

Но интересы молодого Маркса отнюдь не ограничивались античной философской мыслью. Его волновали общефилософские проблемы, стоявшие в центре современной ему идейной борьбы: о связи между философией и реальной действительностью, о призвании и назначении философии, о ее роли в процессе познания мира и в общественной жизни, об отношении философской науки и религии. Под этим углом зрения Маркс

в своих замечаниях рассматривает воззрения философов различных направлений не только древности, но и своего времени, стремясь определить собственную позицию. Высказанные им в связи с этим суждения нередко отличаются весьма большой оригинальностью и проницательностью. Оставаясь в целом на почве гегелевской философии, он явно ищет пути радикальной интерпретации идейного наследия Гегеля, проявляет неудовлетворенность многими тенденциями, присущими идеалистической гегелевской школе, и обнаруживает весьма критическое отношение к ее правому крылу.

Так, в противовес стремлениям правых гегельянцев примирить философскую мысль с христианской ортодоксией Маркс в своих «Тетрадях», провозглашая атеистические принципы, показал несовместимость философии с религией. Религиозному мировоззрению, в основе которого, как указывал Маркс, лежит бессилие и страх человека перед неведомыми и непознанными им силами, он противопоставил смелые взгляды Эпикура, его стремление к свободе и независимости духа, его борьбу против мракобесия. Уже в то время для Маркса философия являлась активной силой, способной воздействовать на мир, разрушать укоренившиеся предрассудки, косные представления и суеверия.

Именно с позиций философии, активно вторгающейся в жизнь, Маркс критиковал в «Тетрадях» тех последователей Гегеля, которые заявили, будто «*умеренность* есть нормальное проявление абсолютного духа» (настоящий том, стр. 110).

Развивая мысль о широких познавательных возможностях философской науки, Маркс подчеркивает огромную силу ее воздействия на мир, могущество человеческого разума. При этом он особенно саркастически высмеивает представителей тех философских систем, которые считают человеческий дух неспособным постигнуть суть вещей и ратуют за слепое преклонение перед миром якобы непознаваемых явлений. К такой категории философов Маркс причислил и агностиков-кантианцев, которых он называет «профессиональными жрецами неведения», отмечая, что «их повседневное занятие заключается в причитаниях о своей собственной немощи и о мощи вещей» (настоящий том, стр. 49).

«Тетради по эпикурейской философии» Маркс использовал в качестве подготовительных материалов при работе над докторской диссертацией «Различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура». В апреле 1841 г. Иенским университетом, куда он направил свою диссертацию, ему была присвоена степень доктора философии.

В докторской диссертации Маркса, которая также публикуется в 40 томе Сочинений. получил дальнейшее развитие целый ряд положений, высказанных им в «Тетрадях». Она представляет собой стройное законченное произведение, характеризующее ее автора как незаурядного мыслителя и исследователя. По методам анализа и интерпретации материала, широте привлеченных к исследованию источников, богатству и меткости идей эта работа превосходит своим уровнем многие тогдашние труды по истории философии.

В диссертации Маркс выступает еще как сторонник идеализма, последователь Гегеля. Тем не менее он расходится с наиболее выдающимся представителем немецкой классической философии как в оценке отдельных историко-философских явлений, так и в подходе к ряду жизненных вопросов. Много лет спустя, характеризуя содержание Марксовой диссертации, Энгельс в беседе с одним из русских общественных деятелей обратил внимание именно на эту тенденцию. Он говорил, что в то время «Маркс, в совершенстве усвоив себе гегелевский диалектический метод и еще не будучи вынужден ходом своих занятий заменить его материалистическим диалектическим методом, уже обнаруживает полную самостоятельность от Гегеля, в самом применении гегелевской диалектики, и притом именно в той сфере, где Гегель, несомненно, всего сильнее: в истории мышления» («Воспоминания о Марксе и Энгельсе», М., 1956, стр. 347—348).

В самой формулировке темы исследования Маркса содержалась определенная полемика с Гегелем, который с явным предубеждением относился к античной атомистике и материализму Демокрита, Эпикура и Лукреция. В предисловии к диссертации, написанном в марте 1841 г., Маркс по существу бросил Гегелю упрек в недооценке этих философских систем, указав, что они «составляют ключ к истинной истории греческой философии» (настоящий том, стр. 153). Однако Маркс весьма далек от отрицания заслуг Гегеля — этого, как он пишет, «гигантского мыслителя», — как в разработке истории философии, так и в развитии философской мысли в целом, особенно диалектического метода. Маркс осуждает как тех, кто рабски следует за Гегелем, «с наивным некритическим доверием» к нему, так и тех, кто проявляет нигилистическое отношение к гегелевской философии. Он видит в ней не догму, сквозь призму которой следует рассматривать все явления, а отправной пункт для самостоятельной работы мысли, принцип движения вперед.

Обращение молодого Маркса в его диссертации к античной философии было обусловлено отнюдь не только стремлением

восстановить правильную оценку заслуг древнегреческой атомистики, в частности показать подлинное место в истории античной философии Эпикура, несправедливо обвиненного в простом заимствовании атомистического принципа у Демокрита. Как и в период своей работы над «Тетрадями», Маркс видел в анализе воззрений передовых античных мыслителей средство, как он считал, обосновать объективную возможность деятельного начала в жизненной борьбе, утвердить принцип свободы в действиях и поступках. Необходимость и случайность, фатальная предопределенность и свобода, скепсис и оптимизм — вот в чем усматривал Маркс разницу между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура. Эпикур — оригинальный и самостоятельный мыслитель, хотя он и кладет в основу своего учения атомистический принцип, впервые выдвинутый и развитый Демокритом и Левкиппом, — таков основной вывод, который делает Маркс из сравнительного анализа физики Демокрита и физики Эпикура. Существенной чертой философии Эпикура Маркс считал его учение о самопроизвольном отклонении атомов. Здесь, по мнению Маркса, проявились элементы диалектики, присущие древнегреческому мыслителю. Маркс говорил, что в противоположность Демокриту Эпикур по существу выдвинул идею диалектического самодвижения, трактуя ее как принцип активности, деятельности.

Маркс определяет различие и во многом противоположность этических учений Демокрита и Эпикура. В этике Эпикура Маркса привлекает оптимистическое жизнерадостное начало, освобождающее человека от слепых суеверий и фатализма. И с этим связано стремление Маркса выяснить общее отношение философии к действительности, подчеркнуть ее автономность, активное влияние ее на мир. «В том общем отношении, которое философ устанавливает между миром и мыслью, — отмечает Маркс, — он лишь объективирует для самого себя отношение своего особого сознания к реальному миру» (настоящий том, стр. 164). Отсюда, однако, не следует, что Маркс считал действительное устройство мира результатом объективации философии как проявления индивидуального самосознания. Такова была точка зрения его тогдашних единомышленников младогегельянцев. Расходясь с ними уже в то время по этому вопросу, Маркс на деле исходил из объективного существования мира реальных явлений, независимо от самосознания. Там, где младогегельянцы видели только одностороннее воздействие философии на мир, Маркс обнаруживает их взаимодействие. Он указывает, что «в той мере, в какой мир становится философским, философия становится мирской»

(настоящий том, стр. 210). В процессе этого взаимодействия, в столкновении с миром, существующим вне философии, проверяется правильность всякой философии. Философия — орудие практического изменения мира человеком, а для этого она должна стать посюсторонней, мирской, иными словами, не только правильно воспроизвести картину реальной жизни, но и стать фактором ее преобразования и улучшения.

Здесь, таким образом, в зародышевой форме высказана идея, которая впоследствии была всесторонне, с научных позиций, развита Марксом — идея органической связи между наукой и практической деятельностью.

В диссертации нашли свое дальнейшее развитие и воззрения молодого Маркса на религию. Маркс выступает как страстный провозвестник атеизма, как убежденный противник религиозных предрассудков. В религии он видит силу, сковывающую научную мысль, источник духовного рабства. В борьбе передовой философии против религиозных предубеждений, подчеркивает Маркс, недопустима половинчатость. Его симпатии к эпикурейской философии в значительной мере были вызваны тем, что в Эпикуре он увидел последовательного борца с религиозным мистицизмом. Обвинения в безбожии, которые с древних времен раздавались в адрес Эпикура, в глазах Маркса лишь свидетельствовали в его пользу. «Философия, — писал он, имея в виду прогрессивную философскую мысль, — ...всегда будет заявлять — вместе с Эпикуром — своим противникам: «Нечестив не тот, кто отвергает богов толпы, а тот, кто присоединяется к мнению толпы о богах»» (настоящий том, стр. 153).

Бросив смелый вызов «небесным и земным богам», Маркс вслед за младогегельянцами утверждает, что рядом с человеческим самосознанием «не должно быть никакого божества» (настоящий том, стр. 154). В его интерпретации это положение утрачивает, однако, в значительной мере присущую младогегельянцам тенденцию поставить самосознание на место божественного начала, искусственно придать ему почти религиозную силу. В толковании Маркса здесь акцент делается на высоком значении человеческого разума и человеческой личности в противоположность христианской религии и этике, принижающим достоинства человека.

В диссертации Маркс делает шаг вперед в подведении под атеистические взгляды научно-критической базы. Раскрывая несостоятельность и искусственность религиозных догм, доказательств существования бога, он не сводит задачу философии только к опровержению этих догм, а намечает пути изучения

сущности, происхождения и причин распространения религиозных верований. Он далек от толкования их в духе вульгарного поверхностного атеизма — как простого нагромождения нелепостей. Подходя к критике религии с присущим его взглядам историзмом, он делает вывод, что появление веры в богов отражает определенную ступень в развитии человеческого сознания, примитивный уровень мышления, не способного понять и объяснить окружающие явления и приписывающего им сверхъестественные, иррациональные черты. В мифологии, подчеркивал Маркс, получили выражение определенные формы бытия того или иного народа, его мироощущение. Нередко, особенно на ранних стадиях исторического развития, это религиозно-фантастическое восприятие жизни, имевшее своей основой реальную действительность, переплеталось с искусством, получало свое образное воплощение в художественном творчестве.

Мысли Маркса о религии, высказанные в диссертации, относятся к плодотворным результатам его первых философских исследований, хотя атеистические взгляды молодого философа в то время еще не опирались на материалистическое мировоззрение. Однако вывод о земном происхождении религии способствовал созреванию зародышей этого мировоззрения. Недаром в появившейся в том же году, когда была написана Марксова диссертация, работе Фейербаха «Сущность христианства», доказывавшей, что религия есть лишь фантастическое отражение существа самого человека, Маркс обнаружил много созвучного своим взглядам и высоко оценил этот труд.

Путь дальнейших идейных поисков Маркса шел через восприятие позитивных сторон фейербаховского материализма, при одновременном преодолении его слабостей, к выработке качественно нового, диалектико-материалистического революционного мировоззрения.

В 40 томе публикуется ряд произведений, отражающих журналистскую деятельность молодого Маркса в начале 40-х годов XIX века. Это в первую очередь работы, писавшиеся им для прогрессивной оппозиционной газеты «Rheinische Zeitung», в которой он сотрудничал с мая 1842 г. по март 1843 года (с 15 октября 1842 г. в качестве ее редактора). Публицистические выступления на страницах «Rheinische Zeitung» явились для Маркса тем поприщем, где он получил возможность реализовать свою идею об активном воздействии передовой философии на жизнь, дать выход своей революционной энергии, развернуть широкую пропаганду сложившихся у него к тому времени революционно-демократических взглядов. Именно при редакторстве Маркса газета, основанная представителями рейнской

оппозиционной буржуазии, стала принимать все более определенный революционно-демократический характер.

Период сотрудничества Маркса в «Rheinische Zeitung» явился во многих отношениях переломной вехой в развитии его мировоззрения. Хотя в это время Маркс еще стоял на идеалистических позициях в толковании соотношения между материальной и духовной деятельностью, природы и роли государства, в процессе работы в газете он в ряде вопросов обнаружил тенденцию к отходу от объяснения различных явлений в духе традиционного идеализма. Постоянное обращение к конкретной действительности, к острым политическим и социальным проблемам, стремление уяснить подоплеку общественных конфликтов, разобраться в причинах угнетенного положения народных масс побуждало молодого сотрудника и редактора «Rheinische Zeitung» настойчиво искать ключ к пониманию подлинных законов общественной жизни, проявлять все большее внимание к сфере материальных интересов. В воззрениях Маркса все больше созревали материалистические элементы, и в целом работа в газете способствовала повороту его от идеализма к материализму.

Статьи из «Rheinische Zeitung», публикуемые в 40-ом томе, примыкают к тем образцам революционной публицистики молодого Маркса, которые вошли в состав 1-го тома настоящего издания Сочинений основоположников марксизма. По своему содержанию они частично посвящены тем же вопросам и служат дополнительным источником для изучения уже известных сторон публицистической деятельности Маркса того времени. Однако некоторые из них написаны на совершенно иные темы и содержат материал, значительно расширяющий представление о Марксе-публицисте. В свете этих дополнительных материалов еще нагляднее и конкретнее предстает роль Маркса как страстного противника феодально-монархических порядков в Пруссии и других германских государствах, обличителя реакции во всех ее проявлениях, полицейско-бюрократического произвола, попрания гражданских прав, гонений на передовую печать, последовательного защитника демократических принципов. Публикуемые статьи — еще одно яркое свидетельство полемического таланта молодого Маркса, его умения отстаивать в подцензурной печати, прибегая порой к эзоповскому языку, демократические идеи, давать отпор противникам прогресса, бичевать ретроградные взгляды и угодничество представителей реакционной печати.

В статье «О сословных комиссиях в Пруссии», как и в ряде других своих выступлений на страницах «Rheinische Zeitung»,

Маркс распространяет критику феодально-абсолютистского режима в Пруссии на самые его социальные основы — на господство и сословные привилегии дворянства. Дух кастовости и сословности, подчеркивает он, пронизывает все прусские политические институты и учреждения. Решительно осуждая самый принцип сословного представительства, раскрывая его антинародную сущность, Маркс показал, что созванные на его основе в Пруссии в 1842 г. соединенные сословные комиссии провинциальных ландтагов являются лишь фикцией представительного учреждения, карикатурой на него. По своему составу, по своей организации и функциям они могли быть лишь органом, играющим прислужническую роль по отношению к прусской монархии, рупором интересов феодальной аристократии и крупного землевладения.

Статьи «Полемическая тактика аугсбургской газеты» и ««Rhein- und Mosel-Zeitung» как великий инквизитор» относятся к выступлениям Маркса, в которых он давал отповедь немецкой консервативной и клерикальной прессе, игравшей роль подголоска реакции и оправдывавшей полицейские меры правительства против либеральной и демократической оппозиции. Разоблачая общую контрреволюционную линию этих печатных органов, Маркс клеймил их и как участников травли прогрессивной прессы, в том числе и «Rheinische Zeitung». Ряд публикуемых статей («Кабинетский указ относительно периодической печати» и др.) отражает борьбу Маркса за свободу печати, против реакционной цензуры, препятствующей ее развитию.

В том включено несколько написанных Марксом заявлений и примечаний, в которых он, выступая от имени редакции газеты, раскрывает и уточняет ее позицию в связи с публикацией на ее страницах тех или других материалов или в связи с полемикой, которую «Rheinische Zeitung» приходилось вести с другими органами печати. Характерным примером в этом отношении является опубликованное Марксом 23 октября 1842 г. редакционное заявление по поводу напечатанной в «Rheinische Zeitung» неделей раньше его статьи «Коммунизм и аугсбургская «Allgemeine Zeitung»» (см. настоящее издание, т. 1, стр. 114—118). Маркс в то время еще не пришел к коммунистическим убеждениям, однако он рассматривает в этой статье коммунизм как важный современный вопрос, выдвигаемый самой жизнью, борьбой «сословия, которое в настоящее время не владеет ничем», — т. е. пролетариата. В редакционном заявлении он вновь опровергает инсинуации аугсбургской «Allgemeine Zeitung», пытавшейся представить «Rheinische Zeitung» в глазах официальных властей и обывателей распростра-

нительницей коммунистических идей, и продолжает отстаивать в полемической форме мысли своей предыдущей статьи, отражающие его тогдашнее отношение к коммунизму как к проблеме, которая требует всестороннего и глубокого изучения.

Особый интерес представляет публикуемая в томе серия из трех статей — «Муниципальная реформа и «Kölnische Zeitung»», а также примыкающая к этой серии статья «Корреспондент «Kölnische Zeitung» и позиция «Rheinische Zeitung»». Эти работы были написаны Марксом в ноябре 1842 г. и опубликованы тогда же в «Rheinische Zeitung», как и многие другие его публицистические произведения того времени, без подписи. Лишь в 1972 г. в результате проведенных немецкими учеными исследований удалось обнаружить документальные доказательства принадлежности этих статей перу Маркса.

Серия статей о муниципальной реформе показывает участие Маркса в острой дискуссии, развернувшейся в общественных кругах и в немецкой прессе по одному из важнейших политических вопросов того времени. За спорами о характере и формах проведения реформы местного управления в Рейнской провинции Пруссии скрывалось столкновение интересов прогрессивной буржуазии и народных масс с интересами господствующей феодально-аристократической верхушки прусского государства, в качестве глашатая которой выступала реакционная печать. Под видом муниципальной реформы прусское правительство и поддерживающие ее круги стремились еще больше урезать гражданские права жителей Рейнской области, сохранившиеся со времен французской буржуазной революции конца XVIII в. и наполеоновских войн, и путем введения раздельного общинного устройства для городских и сельских общин восстановить привилегии феодального дворянства, подорванные в период оккупации левого берега Рейна французскими войсками. Представители оппозиции выступали против этих новых посягательств правящего класса на элементы буржуазного правопорядка, уцелевшие на Рейне даже после присоединения рейнских территорий к Пруссии в 1815 г., и добивались проведения муниципальной реформы в духе буржуазного права.

В статьях о муниципальной реформе Маркс поддерживал требования радикальной буржуазии, но, будучи революционным демократом, он подходил к вопросу о реформе местного управления с более последовательных и решительных позиций. Выступая по этому вопросу, Маркс энергично защищал один из основных принципов французской революции: «равенство для всех, для горожан и крестьян», добивался осуществления

этого принципа в интересах широких народных масс. Ярко проявилось в этих статьях полемическое дарование Маркса, его блестящее остроумие, его умение разить противника, пользуясь его же аргументами и уличая его в отсутствии логики. Критическое острие статей было направлено против «Kölnische Zeitung», солидаризировавшейся с феодально-аристократическими кругами в вопросе о реформе. Выступая против этой газеты, выражавшей в то время умонастроения консервативных слоев рейнской буржуазии, Маркс по существу вел полемику со всей официальной Пруссией, со всеми реакционными силами Прусского королевства.

Толкование правовых проблем в статьях Маркса о муниципальной реформе явно несет на себе печать философско-правовых воззрений Гегеля, для которого было характерно абстрактное, внеклассовое представление о праве и законе. Однако здесь, как и в других статьях того периода, Маркс уже делает шаги к преодолению гегелевского идеализма. Приближаясь к материалистическому истолкованию общественных явлений, Маркс высказывает ряд проницательных мыслей, в частности, о роли реальных отношений в процессе формирования правовых норм. «*Закон,* — писал он в статье «Муниципальная реформа и «Kölnische Zeitung»», — может быть только идеальным, сознательным отражением действительности, *теоретическим* самообособившимся выражением практических жизненных сил» (настоящий том, стр. 255).

Статьи Маркса о муниципальной реформе являются еще одним свидетельством его борьбы как редактора «Rheinische Zeitung» за передовое мировоззрение и радикальные демократические требования.

В томе представлены статьи Маркса, публиковавшиеся в других органах печати того времени, в частности в журнале «Deutsche Jahrbücher für Wissenschaft und Kunst». Эти статьи написаны в том же революционно-демократическом духе, как и те, что печатались им на столбцах «Rheinische Zeitung», и также направлены против сил реакции. Так, в журнале «Deutsche Jahrbücher» осенью 1842 г. Маркс взял под защиту от нападок реакционеров взгляды одного из лидеров младогегельянцев Бруно Бауэра (см. статью «Еще несколько слов о брошюре д-ра О. Ф. Группе: «Бруно Бауэр и академическая свобода преподавания», Берлин, 1842»).

В то же время уже тогда стали обнаруживаться признаки серьезного расхождения Маркса со своими бывшими единомышленниками — младогегельянцами. В период редактирования Марксом «Rheinische Zeitung» возник прямой конфликт между

ним и младогегельянским кружком берлинских литераторов — так называемыми «Свободными». Маркса не удовлетворяла характерная для «Свободных» абстрактная критика всего, без разбора, без выдвижения положительной программы, их проповедь голого отрицания. Особенно возмущало его то трескучее ультрарадикальное фразерство, в которое они облекали свои идеи. В конце ноября 1842 г. Маркс выступил на страницах «Rheinische Zeitung» с публикуемой в томе заметкой «Отношение Гервега и Руге к «Свободным»». В ней он открыто выразил свое отрицательное отношение к этому берлинскому кружку, дав понять, что выступления его представителей компрометируют демократическое движение в Германии. Критика «Свободных» положила начало размежеванию Маркса с младогегельянским направлением.

«Rheinische Zeitung» подвергалась суровым цензурным преследованиям со стороны правящих кругов, усматривавших в том направлении, которое придал газете Маркс, угрозу для основ прусского государства. Над газетой постоянно нависала угроза закрытия. В документах, публикуемых в томе («Письмо Ренара обер-президенту фон Шаперу», «Замечания по поводу обвинительных пунктов министерского рескрипта»), отражены мужественная борьба Маркса за сохранение и продолжение издания «Rheinische Zeitung», его попытки отвести от нее удар властей. В этих документах проявилось большое тактическое искусство Маркса как политического деятеля, умевшего облекать радикальные взгляды во внешнелояльную форму, сочетать принципиальность с необходимой в тяжелых цензурных условиях гибкостью, приводить тонкие, неуязвимые для противника юридические аргументы в обоснование прав оппозиционной печати на легальное выражение своих мнений. Благодаря умелой тактике и самоотверженной борьбе с цензурой Марксу удалось продлить на несколько месяцев существование «Rheinische Zeitung», издание которой в конечном счете было запрещено прусской реакцией.

Последующий период деятельности Маркса, когда уже совершился его переход от идеализма к материализму и от революционного демократизма к коммунизму, представлен в томе несколькими работами. Сюда относится его заявление в редакцию газеты «Démocratie pacifique», написанное вместе с А. Руге в связи с подготовкой ими в Париже издания революционно-критического журнала «Deutsch-Französische Jahrbücher», а также конспект мемуаров якобинца Левассёра, составленный Марксом, по-видимому, в конце 1843 — начале 1844 г., в связи с неосуществленным намерением написать историю Конвента.

Конспект этой книги, которому Маркс дал заглавие «Борьба монтаньяров с жирондистами», свидетельствует о неослабевающем интересе Маркса к такому крупнейшему событию всемирной истории, как французская революция конца XVIII века. В конспекте немного собственных замечаний составителя, однако большой научный интерес представляет сам подбор материала, показывающий особое внимание Маркса к роли народных масс в истории, к их воздействию на ход революций. Именно возрастающая революционная активность масс, их усилившееся после падения монархии 10 августа 1792 г. недовольство правлением жирондистов — представителей умеренной буржуазии, как красноречиво свидетельствуют использованные Марксом факты, привели к установлению революционной диктатуры якобинцев. Изучение этих событий, несомненно, имело крупное значение в процессе формирования взглядов Маркса на борьбу классов как на важнейший фактор исторического развития.

Конспект книги Левассёра, как и другие подготовительные материалы Маркса этого времени, в частности пять тетрадей с выписками по всемирной истории, составленные во время пребывания в Крейцнахе летом 1843 г., свидетельствуют о той большой роли, которую играло изучение конкретного исторического процесса в становлении его материалистических взглядов и в переходе его на коммунистические позиции. К материалистическим и коммунистическим выводам вели Маркса не только критический пересмотр идеалистической философии Гегеля и размежевание с воззрениями младогегельянцев, но и глубокий анализ всемирной истории. Он постепенно осознает, что движущей пружиной общественного развития является столкновение материальных интересов различных классов, осмысливает историческую роль революционных движений и в то же время приходит к пониманию ограниченного характера революций прошлого, что приводило к мысли о необходимости радикального, коммунистического преобразования общества. Занятия историей, обобщение ее опыта ставили развитие теоретической мысли Маркса на подлинно научный фундамент, облегчили ему нахождение реальных путей для выработки научных основ революционно-пролетарского мировоззрения.

Во второй раздел 40-го тома входят литературно-поэтические произведения молодого Маркса. В том включаются все дошедшие до нас стихотворения Маркса, которые он написал главным образом в 1835—1837 гг. Стихи составляют шесть тетрадей, четыре из которых написаны собственной рукой Маркса, а пятая и шестая — рукой его сестры Софи.

Первые три тетради Маркс посвятил своей невесте Женни фон Вестфален. Четвертая тетрадь, наиболее зрелая, посвящена отцу. В ней, наряду со стихами, в качестве приложения даны главы из сатирического романа в прозе «Скорпион и Феликс», которые тоже печатаются в 40-м томе. Наконец, пятая тетрадь представляет собой альбом сестры Маркса Софи, а шестая — ее записную книжку. В альбом она вписывала только стихи брата, а в записную книжку также и стихи других авторов.

Стихосложением Маркс занимался в возрасте от 15 до 19 лет. Он самокритично относился к своему поэтическому творчеству, а в более поздние годы даже весьма иронически оценивал его. Однако стихотворения молодого Маркса представляют большой интерес для исследователей его биографии. Эти поэтические опыты юного Маркса являются важным источником для понимания ранней стадии формирования его философских и эстетических взглядов, источником особенно ценным, поскольку за этот период не сохранилось других свидетельств его творчества, кроме гимназических сочинений и письма к отцу от 10—11 ноября 1837 г.

Со стихотворных страниц перед нами встает образ молодого человека, неудовлетворенного существующей действительностью, стремящегося к активной деятельности и борьбе. Он еще не знает, как действовать, но всем своим существом чувствует, что нельзя прозябать, довольствоваться уготованным судьбой, идти по проторенному пути:

«Не могу я жить в покое,
Если вся душа в огне.
Не могу я жить без боя
И без бури, в полусне.
. . . .
Так давайте в многотрудный
И в далекий путь пойдем,
Чтоб не жить нам жизнью скудной
В прозябании пустом.
Под ярмом постыдной лени
Не влачить нам жалкий век,
В дерзновенье и стремленье
Полновластен человек»

(настоящий том, стр. 372, 373).

По своему характеру стихи Маркса можно разделить примерно на пять жанров. Это философская лирика, стихи, посвященные выдающимся немецким мыслителям, эпиграммы, нося-

щие остро сатирический характер, баллады и, наконец, посвященные Женни лирические стихи, написанные в большинстве случаев в форме сонетов.

Как известно, Маркс был помолвлен осенью 1836 г. с дочерью правительственного советника Людвига фон Вестфалена Женни, подругой его детских лет, в тайне от ее родни. Прошло семь лет с момента их обручения, прежде чем брак Маркса и Женни стал, наконец, возможен. Свои чувства к любимой, с которой он был разлучен, Маркс и запечатлел в большинстве стихов. В них отражается высокий моральный облик юноши, благородство и широта его стремлений.

Касаясь философского жанра в поэзии Маркса, следует отметить, что здесь нашли отражение идеи беспредельности мира и вечности движения. Из эпиграмм становится ясно, как Маркс уже с молодых лет презирал тупое самодовольство филистеров с их равнодушием ко всему, что делается вокруг, ненавидел мещанство, которое довольствуется только покоем и уютом. В ряде стихов воздается должное немецким поэтам и философам — Гёте, Шиллеру, Гегелю. И даже в балладах, носящих в большинстве случаев подражательный характер, чувствуется неукротимый дух готового ринуться в борьбу смелого юноши.

На поэзию молодого Маркса, безусловно, оказала прежде всего влияние немецкая классическая литература в лице ее величайших представителей — Гёте, Шиллера и Гейне. Отдельные стихотворения близки по мотивам и форме произведениям немецких романтиков первой половины XIX века.

Главная ценность стихотворений Маркса, несмотря на их недостаточное художественное совершенство, заключается в том, что в них отражены многие стороны мировоззрения пытливого юноши, его отношение к окружающей действительности, формирующиеся черты его личности. Стихи свидетельствуют об огромной эрудиции молодого Маркса, о его прекрасном знании классической и современной литературы, как немецкой, так и мировой.

Третий отдел тома составляют «Приложения», куда входит ряд документов биографического характера, отражающих занятия Маркса в Трирской гимназии, а также в Боннском и Берлинском университетах. Кроме того, в «Приложения» входят два гимназических сочинения К. Маркса, все дошедшие до нас письма отца к сыну и ряд сохранившихся писем Женни фон Вестфален Марксу.

Особенно большой интерес представляют письма Генриха Маркса сыну. Они доносят до читателя картину напряженной

жизни Маркса-студента. Письма свидетельствуют о заботливом отношении отца к юному Марксу, но вместе с тем умеренный в своих взглядах трирский адвокат выражает в них тревогу по поводу неукротимой жажды познания, бурного темперамента и свободомыслия сына, в том числе и в религиозных вопросах. Письма Женни фон Вестфален Марксу раскрывают взаимную нежность и силу связывающих их чувств.

* * *

Все ранее печатавшиеся и теперь публикуемые в 40 томе Сочинений произведения К. Маркса воспроизводятся в исправленных переводах. Бóльшая часть стихов молодого Маркса, а также почти все письма, включенные в приложения, публикуются на русском языке впервые.

В 40 и 41 томах Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса редакционные заголовки даются в квадратных скобках.

Институт марксизма-ленинизма
при ЦК КПСС

К. МАРКС

ПРОИЗВЕДЕНИЯ

(1835—1843)

РАЗМЫШЛЕНИЯ ЮНОШИ ПРИ ВЫБОРЕ ПРОФЕССИИ[1]

Животному сама природа определила круг действий, в котором оно должно двигаться, и оно спокойно его завершает, не проявив стремления выйти за его пределы, не подозревая даже о существовании какого-либо другого круга. Также и человеку божество указало общую цель — облагородить человечество и самого себя, но оно предоставило ему самому изыскание тех средств, которыми он может достигнуть этой цели; оно предоставило человеку занять в обществе то положение, которое ему наиболее соответствует и которое даст ему наилучшую возможность возвысить себя и общество.

Возможность такого выбора является огромным преимуществом человека перед другими существами творения, но вместе с тем выбор этот является таким действием, которое может уничтожить всю жизнь человека, расстроить все его планы и сделать его несчастным. Серьезно взвесить этот выбор — такова, следовательно, первая обязанность юноши, начинающего свой жизненный путь и не желающего предоставить случаю самые важные свои дела.

У каждого перед глазами есть цель, которая, по крайней мере ему самому, кажется великой и которая действительно такова, если ее признает великой самое глубокое убеждение, проникновеннейший голос сердца, ибо божество никогда не оставляет смертного совершенно без руководителя; оно говорит тихо, но уверенно.

Но это — легко заглушаемый голос, и то, что мы считали воодушевлением, порождено, быть может, мгновением, — и точно так же возможно, что мгновение вновь уничтожит его.

Наше воображение, быть может, воспламенено, наши чувства возбуждены, призраки носятся перед нашими глазами, и мы страстно стремимся к той цели, которую, мнится нам, само божество нам указало; но то, что мы с жаром прижимали к сердцу, скоро отталкивает нас, — и вот все наше существование разрушено.

Мы должны поэтому серьезно взвесить, действительно ли нас воодушевляет избранная профессия, одобряет ли ее наш внутренний голос, не было ли наше воодушевление заблуждением, не было ли то, что мы считали зовом божества, самообманом. Но сможем ли мы это узнать, не обнаружив самый источник воодушевления?

Великое окружено блеском, блеск возбуждает тщеславие, а тщеславие легко может вызвать воодушевление или то, что показалось нам воодушевлением; но того, кого увлек демон честолюбия, разум уже не в силах сдержать, и он бросается туда, куда его влечет непреодолимая сила: он уже больше не выбирает сам своего места в обществе, а это решают случай и иллюзия.

Нашим призванием вовсе не является такое общественное положение, при котором мы имеем наибольшую возможность блистать: подобное положение не таково, чтобы, занимая его, быть может, в течение долгого ряда лет, мы ни разу не почувствовали бы усталости, наше рвение никогда бы не иссякло, наше воодушевление никогда бы не остыло. Наоборот, вскоре мы почувствуем, что наши желания не удовлетворены, что наши идеи не осуществились, мы станем роптать на божество, проклинать человечество.

Но не одно только тщеславие может вызвать внезапное воодушевление той или иной профессией. Мы, быть может, разукрасили эту профессию в своей фантазии, — разукрасили ее так, что она превратилась в самое высшее благо, какое только в состоянии дать жизнь. Мы не подвергли эту профессию мысленному расчленению, не взвесили всей ее тяжести, той великой ответственности, которую она возлагает на нас; мы рассматривали ее только издалека, а даль обманчива.

В этом случае наш собственный разум не может служить нам советчиком, ибо он не опирается ни на опыт, ни на глубокое наблюдение, будучи обманут чувствами, ослеплен фантазией. Но куда же нам обратить свои взоры, кто поддержит нас там, где наш разум покидает нас?

Родители, которые уже прошли большой жизненный путь, которые испытали уже суровость судьбы, — подсказывает нам наше сердце.

И если наше воодушевление сохраняет еще свою силу, если мы продолжаем еще любить избранную профессию, чувствовать призвание к ней и после того, как хладнокровно обсудили ее, увидели все ее бремя, все ее трудности, — тогда мы должны избрать ее, тогда не обманет нас воодушевление, не увлечет поспешность.

Но мы не всегда можем избрать ту профессию, к которой чувствуем призвание; наши отношения в обществе до известной степени уже начинают устанавливаться еще до того, как мы в состоянии оказать на них определяющее воздействие.

Уже наша физическая природа часто противостоит нам угрожающим образом, а ее правами никто не смеет пренебрегать.

В наших силах, правда, стать выше ее, но тем быстрее произойдет тогда наше падение; мы решаемся в таком случае строить здание на рыхлой основе, и вся наша жизнь превращается в злосчастную борьбу между духовным и телесным принципом. Но как может тот, кто не в состоянии победить в самом себе борющиеся элементы, противостоять неудержимому натиску жизни, как может он спокойно действовать? А ведь только из спокойствия могут возникнуть великие и прекрасные дела; оно — та почва, на которой только и произрастают зрелые плоды.

Но несмотря на то, что при таком физическом состоянии, которое не соответствует нашей профессии, мы не в состоянии работать долго и редко работаем с радостью, все же мысль, что мы свое благополучие принесли в жертву долгу, толкает нас на то, чтобы действовать энергично, хотя и со слабыми силами. Если же мы избрали профессию, для которой у нас нет необходимых способностей, то мы никогда не исполним ее достойным образом и вскоре с чувством стыда должны будем убедиться в своей собственной неспособности и сказать себе, что мы — бесполезные существа творения, что мы являемся такими членами общества, которые не могут осуществить свое призвание. Самым естественным результатом будет тогда презрение к самому себе; а есть ли чувство более мучительное, есть ли чувство, которое еще меньше, чем это, может быть возмещено дарами внешнего мира? Презрение к самому себе — это змея, которая вечно растравляет и гложет сердце, высасывает его животворящую кровь, вливает в нее яд человеконенавистничества и отчаяния.

Заблуждение относительно наших способностей к определенной профессии, которую мы подвергли подобному рассмотрению, — это ошибка, которая мстит за себя, и если даже она не встречает порицания со стороны внешнего мира, то причиняет

нам более страшные муки, чем те, какие в состоянии вызвать внешний мир.

Если мы все это взвесили и если условия нашей жизни позволяют нам избрать любую профессию, тогда мы можем выбрать ту, которая придает нам наибольшее достоинство, выбрать профессию, основанную на идеях, в истинности которых мы совершенно уверены. Мы можем выбрать профессию, открывающую наиболее широкое поприще для деятельности во имя человечества и для нашего приближения к той общей цели, по отношению к которой всякая профессия является только средством, — для приближения к совершенству.

Достоинство есть именно то, что больше всего возвышает человека, что придает его деятельности, всем его стремлениям высшее благородство, что позволяет ему несокрушимо возвышаться над толпой, вызывая ее изумление.

Но достоинство может придать лишь та профессия, в которой мы не являемся рабскими орудиями, а самостоятельно творим в своем кругу; та профессия, которая не требует предосудительных действий — предосудительных хотя бы только по внешнему виду — и за которую даже самый лучший может приняться с благородной гордостью. Профессия, дающая все это в наибольшей степени, не всегда является самой высокой, но всегда самой предпочтительной.

Но подобно тому как нас унижает профессия, не соответствующая нашему достоинству, точно так же изнемогаем мы под бременем профессии, основанной на идеях, которые впоследствии будут нами признаны ложными.

Тут мы не видим другого спасения, кроме самообмана. А сколь ужасно спасение, которое дает самообман!

Те профессии, которые не столько вторгаются в самую жизнь, сколько занимаются абстрактными истинами, наиболее опасны для юноши, у которого еще нет твердых принципов, прочных и непоколебимых убеждений. Вместе с тем эти профессии кажутся нам самыми возвышенными, если они пустили в нашем сердце глубокие корни, если идеям, господствующим в них, мы готовы принести в жертву нашу жизнь и все наши стремления.

Они могут осчастливить того, кто имеет к ним призвание, но они обрекают на гибель того, кто принялся за них поспешно, необдуманно, поддавшись моменту.

Наоборот, высокое мнение об идеях, на которых основана наша профессия, придает нам более высокое положение в обществе, повышает наше собственное достоинство, делает наши действия непоколебимыми.

Начало выпускного гимназического сочинения Маркса «Размышления юноши при выборе профессии»

Тот, кто избрал профессию, которую он высоко ценит, содрогнется при мысли, что может стать недостойным ее, — он будет поступать благородно уже потому, что благородным является положение, занимаемое им в обществе.

Но главным руководителем, который должен нас направлять при выборе профессии, является благо человечества, наше собственное совершенствование. Не следует думать, что оба эти интереса могут стать враждебными, вступить в борьбу друг с другом, что один из них должен уничтожить другой; человеческая природа устроена так, что человек может достичь своего усовершенствования, только работая для усовершенствования своих современников, во имя их блага.

Если человек трудится только для себя, он может, пожалуй, стать знаменитым ученым, великим мудрецом, превосходным поэтом, но никогда не сможет стать истинно совершенным и великим человеком.

История признает тех людей великими, которые, трудясь для общей цели, сами становились благороднее; опыт превозносит, как самого счастливого, того, кто принес счастье наибольшему количеству людей; сама религия учит нас тому, что тот идеал, к которому все стремятся, принес себя в жертву ради человечества, — а кто осмелится отрицать подобные поучения?

Если мы избрали профессию, в рамках которой мы больше всего можем трудиться для человечества, то мы не согнемся под ее бременем, потому что оно — жертва во имя всех; тогда мы испытаем не жалкую, ограниченную, эгоистическую радость, а наше счастье будет принадлежать миллионам, наши дела будут жить тогда тихой, но вечно действенной жизнью, а над нашим прахом прольются горячие слезы благородных людей.

Написано К. Марксом 12 августа 1835 г.

Впервые опубликовано в издании: «Archiv für die Geschichte des Sozialismus und der Arbeiterbewegung», Jg. 11, Leipzig, 1925

Подпись: Маркс

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

ПИСЬМО К ОТЦУ [2]

В ТРИР

Берлин, 10—[11] ноября [1837 г.]

Дорогой отец!

Бывают в жизни моменты, которые являются как бы вехами, завершающими истекший период времени, но одновременно с определенностью указывают на новое направление жизни.

В подобные переходные моменты мы чувствуем себя вынужденными обозреть орлиным взором мысли прошедшее и настоящее, чтобы таким образом осознать свое действительное положение. Да и сама всемирная история любит устремлять свой взор в прошлое, она оглядывается на себя, а это часто придает ей видимость попятного движения и застоя; между тем она, словно откинувшись в кресле, призадумалась только, желая понять себя, духовно проникнуть в свое собственное деяние — деяние духа.

Отдельная личность настраивается в такие моменты лирически, ибо каждая метаморфоза есть отчасти лебединая песнь, отчасти увертюра к новой большой поэме, которая стремится придать сверкающему богатству еще расплывающихся красок прочные формы. И тем не менее, мы хотели бы воздвигнуть памятник тому, что уже однажды пережито, дабы оно вновь завоевало в нашем чувстве место, утраченное им для действия. Но есть ли для пережитого более священное хранилище, чем сердце родителей, этот самый милосердный судья, самый участливый друг, это солнце любви, пламя которого согревает сокровеннейшее средоточие наших стремлений! Да и как могло бы что-то дурное, достойное порицания, быть столь успешно выправлено и заслужить прощение, если бы оно не обнаружилось как проявление существенного, необходимого состоя-

ния? И как, по крайней мере, могла бы злополучная подчас игра случая и блужданий духа быть свободной от упрека в порочности сердца?

Следовательно, когда я теперь, в конце прожитого здесь года, оглядываюсь назад, на весь ход событий, чтобы ответить тебе, мой дорогой отец, на твое бесконечно дорогое для меня письмо из Эмса *, то да будет мне позволено обозреть мои дела так, как я рассматриваю жизнь вообще, а именно как выражение духовного деяния, проявляющего себя всесторонне — в науке, искусстве, частной жизни.

Когда я покинул вас, для меня открылся новый мир, мир любви, к тому же вначале страстной, безнадежной любви. Даже путешествие в Берлин, которое при других обстоятельствах привело бы меня в величайший восторг, побудило бы к созерцанию природы, разожгло бы жажду жизни, оставило меня холодным. Оно даже сильно расстроило меня, ибо скалы, которые я увидел, были не более непреклонны и горды, чем мои чувства, обширные города не более оживленны, чем моя кровь, обеды в гостинице не более обильны и неудобоваримы, чем тот рой фантастических образов, который я носил в себе, и, наконец, искусство не так прекрасно, как Женни **.

Приехав в Берлин, я порвал все прежние знакомства, неохотно сделал несколько визитов и попытался погрузиться в науку и искусство.

Для того состояния духа, в котором я тогда находился, лирическая поэзия должна была стать первой темой, — по крайней мере самой приятной и близкой. Однако она была чисто идеалистической; причиной этому было мое состояние и все мое прежнее развитие. Мое небо, мое искусство стали чем-то столь же далеким и потусторонним, как и моя любовь. Все действительное расплылось, а все расплывающееся лишено каких-либо границ. Нападки на современность, неопределенные, бесформенные чувства, отсутствие естественности, сплошное сочинительство из головы, полная противоположность между тем, что есть, и тем, что должно быть, риторические размышления вместо поэтических мыслей, но, может быть, также некоторая теплота чувства и жажда смелого полета — вот чем отмечены все стихи в первых моих трех тетрадях, посланных Женни. Вся ширь стремления, не знающего никаких границ, проры-

---

* См. настоящий том, стр. 628—629. *Ред.*

** — Женни фон Вестфален. *Ред.*

вается здесь в разных формах, и стихи теряют сжатость и устремляются вширь *.

Но поэзия могла и должна была быть только попутным занятием: я должен был изучать юриспруденцию и прежде всего почувствовал желание испытать свои силы в философии. Обе они так переплелись между собой, что я, с одной стороны, прочел — без всякого критического отношения, по-ученически — Гейнекция, Тибо [3] и источники (так, например, я перевел на немецкий язык две первые книги пандектов [4]), с другой стороны, я пытался провести некоторую систему философии права через всю область права. В качестве введения я предпослал некоторые метафизические положения и довел этот злополучный опус, почти в триста листов, до публичного права [5].

Здесь прежде всего оказалась серьезной помехой та самая противоположность между действительным и должным, которая присуща идеализму; она же породила дальнейшее неуклюжее и неправильное подразделение. Вначале шла у меня метафизика права, — как я милостиво окрестил ее, — т. е. принципы, размышления, определения понятий, оторванные от всякого действительного права и всякой действительной формы права, все это на манер Фихте [6], только у меня современнее и бессодержательнее. При этом с самого начала препятствием к пониманию истины служила ненаучная форма математического догматизма, при которой субъект ходит вокруг да около вещи, рассуждает так и сяк, а сама вещь не формируется в нечто многосторонне развертывающееся, живое. Треугольник дает математику возможность делать построения и приводить доказательства; он остается просто представлением в пространстве, не развивается в какую-либо высшую форму; его нужно сопоставить с чем-либо другим, — тогда он принимает новые положения, и эти различные положения, отнесенные к тому же самому предмету, создают для треугольника различные отношения и истины. Совсем иначе обстоит дело в конкретном выражении живого мира мыслей, каким является право, государство, природа, вся философия: здесь нужно внимательно всматриваться в самый объект в его развитии, и никакие произвольные подразделения не должны быть привносимы; разум самой вещи должен здесь развертываться как нечто в себе противоречивое и находить в себе свое единство.

В качестве второй части следовала философия права, то есть, согласно моему тогдашнему взгляду, рассмотрение раз-

* В оригинале игра слов: «Dichten» («сжатость») имеет также значение «сочинение стихов». *Ред.*

вития мысли в положительном римском праве, как будто положительное право в своем развитии мысли (я не говорю: в своих чисто конечных определениях) могло быть вообще чем-то иным, отличным от формирования понятия права, которым ведь и должна была заниматься первая часть!

Эту вторую часть я сверх того разделил на учение о формальном и материальном праве; при этом первое должно было описать чистую форму системы в ее последовательности и связи, а также ее подразделение и объем, второе же, наоборот, должно было описать содержание системы, показать, как форма уплотняется в своем содержании. Это та же ошибка, которая имеется и у г-на фон Савиньи, как я это впоследствии обнаружил в его ученом труде о владении [7], с той только разницей, что, согласно Савиньи, формальное определение понятия заключается в том, чтобы «найти место, которое занимает такое-то учение в (зафиксированной) римской системе», а материальное определение сводится «к учению о том положительном содержании, которое римляне связывали с зафиксированным таким образом понятием» [8], тогда как я понимал под формой необходимую архитектонику различных видов понятий, а под материей — необходимое качество этих видов. Ошибка заключалась в том, что я воображал, будто материя и форма могут и должны развиваться отдельно друг от друга, и благодаря этому получил не реальную форму, а нечто вроде письменного стола с выдвижными ящиками, в которые я насыпал затем песку.

Понятие и является посредствующим звеном между формой и содержанием. Поэтому в философском изложении права одно необходимо возникает в другом; более того, форма может быть только дальнейшим развитием содержания. Таким образом я пришел к подразделению материала, какое способен дать субъект в лучшем случае для легкой и поверхностной классификации, — но при этом дух права и его истина исчезли. Все право распалось на договорное и внедоговорное. Для большей наглядности я позволю себе привести всю схему до подразделения jus publicum *, которое тоже обработано в формальной части.

I	II
Jus privatum **	*Jus publicum*

* — публичного права. *Ред.*
** — Частное право. *Ред.*

I. *Jus privatum*

a) Об условном договорном частном праве.
b) О безусловном внедоговорном частном праве.

A) *Об условном договорном частном праве*

a) Личное право; b) Вещное право; c) Лично-имущественное право.

a) Личное право

I. Из возмездного договора; II. Из договора обеспечения; III. Из безвозмездного договора.

I. *Из возмездного договора*

2. Договор товарищества (societas); 3. *Договор найма* (locatio conductio).

3. *Locatio conductio*

1. Поскольку он относится к operae *:
a) собственно locatio conductio (не имеются в виду ни римская сдача в наем, ни сдача в аренду);
b) *mandatum* **.
2. Поскольку этот договор относится к usus rei ***:
a) на землю: usus fructus **** (тоже не в чисто римском смысле);
b) на дома: habitatio *****.

II. *Из договора обеспечения*

1. Договор о третейском решении или о мировой сделке; 2. Договор страхования.

III. *Из безвозмездного договора*

2. *Договор одобрения*

1. fide jussio ******; 2. negotiorum gestio *******.

---

* — услугам. *Ред.*
** — поручение. *Ред.*
*** — пользованию вещью. *Ред.*
**** — узуфрукт (пользование чужой собственностью и ее плодами). *Ред.*
***** — право проживания в чужом доме. *Ред.*
****** — поручительство. *Ред.*
******* — ведение чужих дел без поручения. *Ред.*

3. *Договор дарения*

1. donatio *; 2. gratiae promissum **.

b) *Вещное право*

I. *Из возмездного договора*

2. permutatio stricte sic dicta ***.
1. Собственно permutatio ****; 2. mutuum (usurae) *****; 3. *emptio venditio* ******.

II. *Из договора обеспечения*

pignus *******.

III. *Из безвозмездного договора*

2. commodatum ********; 3. depositum *********.

Но к чему заполнять еще целые страницы вещами, которые я сам потом отверг? Трихотомические деления проходят через всю систему; она изложена с утомительной растянутостью, а римские понятия были искалечены самым варварским образом для того только, чтобы можно было втиснуть их в мою систему. Но, с другой стороны, я полюбил предмет и приобрел способность обозревать его в целом — по крайней мере, под определенным углом зрения.

В заключительной части материального частного права я заметил ложность всей системы, которая, в основной своей схеме, соприкасается со схемой Канта [9], совершенно отличаясь от нее по выполнению. Снова для меня стало ясно, что без философии мне не пробиться вперед. Таким образом, я мог с чистой совестью снова кинуться в ее объятия, и я написал новую метафизическую систему принципов, в конце которой

* — дарение. *Ред.*
** — обещание благодарности. *Ред.*
*** — мена в строгом смысле. *Ред.*
**** — мена. *Ред.*
***** — заем (проценты). *Ред.*
****** — купля-продажа. *Ред.*
******* — залог. *Ред.*
******** — предоставление вещи во временное безвозмездное пользование. *Ред.*
********* — передача вещи на хранение. *Ред.*

опять-таки вынужден был убедиться в непригодности как этой системы, так и всех моих прежних попыток.

При этом я усвоил себе привычку делать выписки из всех книг, какие я читал, — например, из «Лаокоона» Лессинга, «Эрвина» Зольгера, «Истории искусств» Винкельмана, «Немецкой истории» Людена [10], — мимоходом нанося на бумагу свои размышления. В то же время я переводил «Германию» Тацита, «Скорбные элегии» Овидия и начал изучать самостоятельно, т. е. по грамматикам, английский и итальянский языки — в чем я до сих пор ничего не достиг; читал «Уголовное право» Клейна и его «Анналы» [11], а также все новинки литературы, но последнее только между прочим.

В конце семестра я снова обратился к пляскам муз и к музыке сатиров, и уже в последней тетради, посланной мною вам *, идеализм пробивается сквозь вымученный юмор («Скорпион и Феликс»), сквозь неудачную, фантастическую драму («Ouланем»), пока, наконец, он не претерпевает полного превращения и не переходит в чистое искусство формы, по большей части без воодушевляющих объектов, без вдохновенного взлета идей.

И, однако, только в этих последних стихотворениях внезапно, как бы по удару волшебного жезла, — ах, удар этот вначале был сокрушающим, — передо мной блеснуло, словно далекий дворец фей, царство подлинной поэзии, и все, что было создано мной, рассыпалось в прах.

При этих разнообразных занятиях немало было проведено в течение первого семестра бессонных ночей, немало было пережито битв, немало испытано внутренних и внешних побуждений. Однако все это не очень меня обогатило, к тому же я забросил природу, искусство, весь мир, а своих друзей я от себя оттолкнул. Это как будто почувствовал и мой организм. Один врач посоветовал мне уехать в деревню, и вот впервые, проехав через весь город, я очутился у его ворот, выходящих на дорогу к Штралову. Я не подозревал, что, хилый и немощный здесь, я стану там здоров и крепок телом.

Завеса спала, моя святая святых была опустошена, необходимо было поместить туда новых богов.

От идеализма, — который я, к слову сказать, сравнивал с кантовским и фихтевским идеализмом, питая его из этого источника, — я перешел к тому, чтобы искать идею в самой действительности. Если прежде боги жили над землей, то теперь они стали центром ее.

---

* См. настоящий том, стр. 439—539. *Ред.*

Я уже раньше читал отрывки гегелевской философии, и мне не нравилась ее причудливая дикая мелодия. Я захотел еще раз погрузиться в море, но с определенным намерением — убедиться, что духовная природа столь же необходима, конкретна и имеет такие же строгие формы, как и телесная; я не хотел больше заниматься фехтовальным искусством, а хотел испытать чистоту жемчуга при свете солнца.

Я написал диалог почти в 24 листа: «Клеант, или об исходном пункте и необходимом развитии философии» [12]. Здесь в известной степени соединились искусство и наука, совершенно разошедшиеся друг с другом. И вот я, неутомимый путник, принялся за дело, чтобы философско-диалектически раскрыть божество в таких его проявлениях, как понятие в себе, как религия, как природа, как история. Мой последний тезис оказался началом гегелевской системы, и эта работа, для которой я несколько ознакомился с естествознанием, Шеллингом, историей, стоила мне огромных умственных усилий и написана она так concinne * (она, в сущности, должна была быть новой логикой), что я сам теперь едва могу вдуматься в этот ход мыслей. Это мое любимое детище, взлелеянное при лунном сиянии, завлекло меня, подобно коварной сирене, в объятия врага.

От досады я несколько дней совершенно не был в состоянии думать и бегал, как безумный, в саду у грязных вод Шпре, которые «моют души и чай разбавляют» **; я даже отправился на охоту с моим хозяином, затем помчался в Берлин, готовый обнять каждого встречного.

Вскоре после этого я взялся за одни лишь положительные занятия. Я изучил сочинение Савиньи о владении, уголовное право Фейербаха и Грольмана, «О значении слов» Крамера, сочинение Венинг-Ингенхейма о системе пандектов и «Учение о пандектах» Мюленбруха [13], над чем я все еще работаю; я изучил наконец отдельные разделы по собранию Лаутербаха [14], гражданский процесс и особенно церковное право, первую часть которого, «Согласие противоречивых канонов» Грациана, почти целиком прочел в «Своде [канонического права]», сделав соответственные извлечения; изучил я также и приложение — «Институции» Ланчеллотти [15]. Далее я перевел часть «Риторики» Аристотеля, прочел «О приращении наук» знаменитого Бэкона Веруламского [16], много занимался Реймарусом, книгу которого «О сложных инстинктах животных» я продумал

* — тонко. *Ред.*

** *Гейне.* «Северное море» (цикл первый, стихотворение «Мир»). *Ред.*

с наслаждением [17]. Я принялся также за германское право, но главным образом лишь постольку, поскольку я занимался капитуляриями франкских королей и письмами пап к последним.

От огорчения по поводу болезни Женни и моей напрасной, бесплодной духовной работы, от грызущей досады, что приходится сотворить себе кумира из ненавистного мне воззрения, я заболел, как я уже раньше писал тебе, дорогой отец. Оправившись, я сжег все стихи и наброски новелл и пр., вообразив, что могу уже совершенно отречься от них; до сих пор, во всяком случае, я не дал каких-либо доказательств противоположного.

Во время болезни я ознакомился с Гегелем, от начала до конца, а также с работами большинства его учеников. Благодаря частым встречам с друзьями в Штралове я попал в «Докторский клуб» [18], среди членов которого было несколько приват-доцентов и ближайший из моих берлинских друзей, доктор Рутенберг. Здесь обнаружились в спорах различные, противоположные друг другу взгляды, и все крепче становились узы, связавшие меня самого с современной мировой философией, влияния которой я думал избежать; но все звуки утихли, меня охватило настоящее неистовство иронии, что́ легко могло случиться после того, как столь многое подверглось отрицанию. К этому присоединилось молчание Женни, и я не мог успокоиться, пока не отдал дань модернизму и точке зрения современной науки некоторыми плохими произведениями вроде «Посещения» [19] и т. д.

Если я здесь, может быть, недостаточно ясно изобразил тебе этот последний семестр в целом, а также не изложил всех подробностей, затушевав все оттенки, то прости меня, дорогой отец, приняв во внимание мое страстное желание поговорить о моей теперешней жизни.

Г-н фон Шамиссо прислал мне записку весьма незначительного содержания, в которой сообщает мне «о своем сожалении по поводу того, что не может использовать мои работы для альманаха [20], так как последний уже давно отпечатан». Я проглотил это с чувством досады. Книгопродавец Виганд переслал мой план доктору Шмидту, поверенному вундеровской фирмы, торгующей хорошим сыром и плохой литературой. Я прилагаю его письмо; доктор Шмидт еще не ответил. Однако я ни в коем случае не отказываюсь от этого плана, тем более, что все знаменитые эстетики гегелевской школы обещали свое сотрудничество через посредство доцента Бауэра *, играющего

* — Бруно Бауэра. *Ред.*

среди них крупную роль, и моего коллегу, доктора Рутенберга [21].

Что касается, дорогой отец, вопроса о камеральной карьере, то я недавно познакомился с неким асессором Шмидтхеннером, который посоветовал мне после третьего юридического экзамена пойти по этому пути в качестве юстициария; это мне улыбается, тем более, что я действительно предпочитаю юриспруденцию всем административным наукам. Этот человек сказал мне, что сам он и многие другие лица из мюнстерского окружного суда в Вестфалии за три года достигли звания асессора и что это не представляется трудным, — при усиленной работе, разумеется, — так как там все стадии не так твердо установлены, как в Берлине или других местах. Если впоследствии, будучи асессором, получить докторскую степень, то открывается гораздо более широкая возможность получения вслед за тем экстраординарной профессуры. Примером может служить г-н Гертнер в Бонне, который написал посредственное сочинение о провинциальном законодательстве [22], а помимо этого известен лишь тем, что принадлежит к гегелевской школе юристов. Но милый, дорогой отец, нельзя ли было бы поговорить обо всем этом лично с тобой? Состояние Эдуарда *, болезнь дорогой мамы **, твое нездоровье, — хотя я надеюсь, что оно не тяжелое, — все это заставляет меня желать, даже делает почти необходимым, мой скорый приезд к вам. Я был бы уже у вас, если бы меня не удерживало серьезное сомнение в твоем разрешении и согласии.

Поверь мне, дорогой мой отец, не эгоистические побуждения влекут меня к вам (хотя я был бы счастлив снова увидеть Женни), — меня влечет мысль, которую я не вправе высказать. Для меня в некотором отношении это было бы даже трудным шагом, но, как пишет моя единственная, милая Женни, все эти соображения должны отступить на задний план перед исполнением священного долга.

Я прошу тебя, дорогой отец, каково бы ни было твое решение, не показывать этого письма, во всяком случае этой страницы, нашему ангелу матушке. Может быть, мое внезапное прибытие поставит на ноги эту великодушную, прекрасную женщину.

Письмо, которое я послал маме, было составлено задолго до получения милого послания Женни; поэтому я неумышленно писал, может быть, о многом таком, о чем почти не подобало или совсем не подобало писать [23].

---

* — Эдуарда Маркса. *Ред.*
** Генриетты Маркс. *Ред.*

В надежде, что мало-помалу рассеются тучи, сгустившиеся над нашей семьей, и что мне суждено будет страдать и плакать вместе с вами и, может быть, доказать на деле, находясь вблизи вас, свое глубокое, искреннее участие, свою беспредельную любовь, которую я часто выражаю так плохо; в надежде, что и ты, дорогой, вечно любимый отец, взвесив различные проявления моего мятущегося духа, простишь меня, ибо часто там, где, казалось, заблуждалось сердце, его в действительности заглушал борющийся дух; в надежде, что ты скоро совсем оправишься, так что я смогу сам прижать тебя к груди и высказать все свои мысли, —

остаюсь твой вечно любящий тебя сын

Карл

Прости, дорогой отец, неразборчивый почерк и плохой стиль. Уже почти четыре часа, свеча совсем догорает, и в глазах у меня туман. Мной овладела настоящая тревога, и я не сумею справиться с потревоженными призраками раньше, чем буду вместе с вами, мои дорогие.

Передай, пожалуйста, привет моей любимой, чудесной Женни. Я уже двенадцать раз перечел ее письмо и всякий раз нахожу в нем новую прелесть. Оно во всех отношениях — также и в стилистическом — прекраснейшее письмо, какое только может написать женщина.

Впервые опубликовано в журнале «Die Neue Zeit», 16. Jg., Bd. 1, Stuttgart, 1897

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

НЕИСТОВЫЕ ПЕСНИ [24]

I

СКРИПАЧ

Скрипка яростно хохочет,
Кудри падают на очи,
   Сабля на боку висит,
   В складках черный плащ лежит.
«Что поешь на скрипке дикой,
Вкруг глядя с тоской великой?
   Кровь в тебе, огня ль поток?
   Стой! Не выдержит смычок».
«Что пою? Спроси, что к скалам
Волны мчатся, вал за валом!
   Чтобы разорвалась грудь,
   Чтобы душу в ад метнуть».
«Не кощунствуй! Кто поет,
Светлым богом избран тот.
   Возносись на крыльях песни
   К хору звезд, к лазурной бездне».
«Ты о чем? О песнях рая?
Саблей зарублю тебя я.
   Бог не знает песен, — нет.
   Песни, это — адский бред,
Что ведет к безумью души.
Мне напел их дьявол в уши,
   Дьявол такт мне отбивает,
   Он — смычок мой направляет.
Сердце, струны и смычок!
Разорваться — вот ваш рок».

Скрипка яростно хохочет,
Кудри падают на очи,
Сабля на боку висит
В складках черный плащ лежит.

II

НОЧНАЯ ЛЮБОВЬ

Обвивает вкруг нее
Он со страстью дикой руки.
«О сокровище мое,
Ты дрожишь в предсмертной муке!
Отравил тебя мой яд;
Душу испила мою ты,
И твои глаза горят,
Как алмазы, в муке лютой!»
«Речь твоя вселяет страх;
Бледен ты, родимый.
Посмотри! На небесах
Проплывают звезды мимо!»
«Милая, они плывут
И горят над нами,
Но и нашим душам тут
Угрожает пламя!»
Все беззвучней шепчет он,
Истомлен мученьем;
Взор его опустошен
Неземным гореньем.
«Яд в груди твоей кипит;
Так за мной иди же!
С неба ночь на нас глядит,
Мрак все ниже, ближе!»
Он в глаза глядит ей. Труп
Обнимают руки;
Лишь в углу холодных губ
Пена смертной муки.

Написано К. Марксом в феврале — апреле 1837 г.

Опубликовано в журнале «Athenäum» 23 января 1841 г.

Подпись: К. Маркс

Печатается по тексту журнала

Перевод с немецкого

К. МАРКС

ТЕТРАДИ ПО ЭПИКУРЕЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ [25]

Написано К. Марксом в 1839 г.

Впервые опубликовано на языке оригинала в неполном виде в Marx — Engels Gesamtausgabe. Erste Abteilung, Bd. 1, Hlbd. 1, 1927 и полностью на русском языке в сборнике: К. Маркс и Ф. Энгельс. «Из ранних произведений». М., 1956

Подпись: Карл Генрих Маркс

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого, древнегреческого и латинского

ЭПИКУРЕЙСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

Тетрадь первая

I. ДИОГЕН ЛАЭРЦИЙ, КНИГА X

ИЗВЛЕЧЕНИЯ ИЗ ДЕСЯТОЙ КНИГИ ДИОГЕНА ЛАЭРЦИЯ ПО ИЗДАНИЮ ПЬЕРА ГАССЕНДИ «ЗАМЕЧАНИЯ НА ДЕСЯТУЮ КНИГУ ДИОГЕНА ЛАЭРЦИЯ». ЛИОН, 1649, т. I [26]

I. ДИОГЕН ЛАЭРЦИЙ, КНИГА ДЕСЯТАЯ

ЭПИКУР

[2] «...впоследствии, однако [Эпикур], случайно натолкнувшись на книги Демокрита, отдался философии» (стр. 10).

[4] (Стоик Посидоний, Николай и Сотион в 12-ой книге из тех, которые носят общее заглавие «Диокловы опровержения», утверждают, что:)

«Он проповедовал, как свои собственные, учения Демокрита об атомах и Аристиппа о наслаждении» (стр. 11).

[6] «Ибо я, по крайней мере, не знаю, [говорит Эпикур], что я мог бы признать благом, если отбросить наслаждения вкусовые, [наслаждения любви], наслаждения от слушания музыки и радостные движения при созерцании [прекрасных] форм» (стр. 12).

[12] «Больше всех он признавал... древнего Анаксагора, хотя в некоторых вопросах расходился с ним» (стр. 16).

[29] «Итак, она [т. е. философия Эпикура] распадается на три части: каноническую, физическую и этическую» [стр. 25].

1) КАНОНИКА

[31] «Итак, в своем «Каноне» Эпикур утверждает, что *критериями* истины являются *чувственные восприятия,* а также *пролепсисы* [27] и *чувствования;* эпикурейцы же добавляют сверх того и *представления, созданные силой воображения разума* (стр. 25—26). Говорит он об этом также... *в «Главных положениях»»* (стр. 26).

I) «...*чувственные восприятия — истинны*. Ибо... никакое чувственное восприятие не зависит от разума, а также совершенно неспособно на воспоминание; ибо оно не *приводится в движение само собою,* а, *будучи приведено в движение* чем-либо *другим,* оно не может ничего ни *прибавить,* ни *убавить* так, чтобы *подумать что-либо* или *измыслить»*.

[32] «И нет ничего, что бы могло их опровергнуть. В самом деле, однородное чувственное восприятие не может опровергнуть другое однородное с ним, так как они равносильны, а неоднородное не может опровергнуть неоднородное, так как судят они не об одном и том же. И вообще одно чувственное восприятие не может опровергнуть другое, ибо на все из них мы обращаем одинаковое внимание. Не может опровергнуть чувственных восприятий и разум; ибо сам он целиком зависит от них».

«И то обстоятельство, что *воспринимаемое чувствами действительно существует*, гарантирует истинность чувственных восприятий. И то, что *мы видим и слышим, — факт в такой же степени действительный, как и то, что мы чувствуем боль. Ибо нет разницы между утверждениями: «нечто истинно» и «нечто существует»*» (стр. 26).

«Отсюда и неизвестное следует объяснять, исходя из явлений. Ибо всякие *представления имеют источником чувственные восприятия при посредстве случайного совпадения, аналогии, сходства и соединения*, при некотором содействии размышления» (стр. 26—[27]).

«*И видения помешанных, и сновидения — истинны, ибо они вызывают движения; то же, что не существует, никакого движения не вызывает*» (стр. 27).

II) [33] «То, что [эпикурейцы] обозначают названием *пролепсис, есть восприятие* или *верное мнение*, или *представление*, или *общее находящееся внутри нас умозрение*, т. е. *воспоминание о часто повторяющемся внешнем явлении*, как например, «вот это — человек». *Ибо как только мы произнесли слово «человек», в тот же момент благодаря пролепсису перед нами является и его образ*, возникший на основе чувственных восприятий.

Таким образом, становится ясным то, что лежит первоначально в основе любого наименования. И мы не *искали бы того, что мы ищем*, если бы не *знали его раньше*... Мы не могли бы ничего *назвать*, если бы *мы раньше с помощью пролепсиса не знали образа* [предмета]. Следовательно, *пролепсисы очевидны*. И [всякое] *мнение основывается на предварительной очевидности чего-либо*, — к этому-то мы и *сводим наше утверждение*... [34]. *Мнение* они [эпикурейцы] еще называют *предположением* и утверждают, что оно может быть и истинным и ложным, в зависимости от того, *прибавляется ли к нему* что-нибудь или *отнимается, подтверждается* ли оно или, наоборот, *опровергается в зависимости от того, обладает ли оно очевидностью или нет*. И, если предположение *подтверждается или же не опровергается*, то оно *истинно*, а если не *подтверждается* или же *опровергается, то оно ложно*. Отсюда-то и введен был [термин]: «*ожидающее*»; так, например, *выжидают*, а потом приближаются к башне и убеждаются, такова ли она вблизи, какой она кажется издали» (стр. [27]—28).

«*Они различают два вида душевных переживаний: наслаждение и боль*... Первое *близкое* [природе живого существа], второе же — *чуждое*; этими переживаниями и *руководствуются* при *выборе* или отказе от чего-либо» (стр. [28]—29).

«*Исследования* в одних случаях касаются *самих вещей*, в других же вращаются вокруг *пустых слов*» (стр. 29).

ЭПИКУР МЕНОЙКЕЮ

[123] «*Прежде всего, исходя из того, что бог — существо неуничтожаемое и блаженное*, как этого требует *общее представление о боге*, не *приписывай* ему ничего, *чуждого неуничтожаемости*, ничего, *несовместимого с блаженством*...» (стр. 82).

«*Ибо боги существуют, потому что представление о них — очевидно*» (ср. «общее о богах представление» — «consensus omnium, consensus gentium» *). *Но они не таковы*, какими их представляет себе толпа; ибо [в своем мышлении о богах] толпа не *сохраняет первоначального о них представления*».

«*Нечестив* не тот, кто *отвергает богов толпы*, а тот, *кто присоединяется к мнению толпы о богах*».

* — «согласие всех, согласие народов». (Замечание Маркса). *Ред.*

[124] «*Ибо мнения толпы о богах* являются не *пролепсисами*, а *лживыми предположениями*. Поэтому она и думает, что *боги насылают на дурных людей самые тяжелые бедствия*, а *добрым оказывают величайшие благодеяния*. Ибо, *свыкшись полностью со своими добродетелями*, она *подобных себе одобряет*, а *все не такое считает чуждым*» (стр. 83).

«*Приучайся думать*, что *смерть — для нас ничто*, так как все хорошее, как и все дурное, заключается в *ощущении*, *смерть* же есть прекращение ощущений».

«Поэтому *правильное знание* того, что *смерть* — для нас *ничто*, *делает* для нас источником наслаждения *преходящность жизни*, *не прибавляя* [к жизни] *бесконечное время*, а *устраняя жажду бессмертия*».

[125] «Ибо *в жизни нет ничего страшного* для того, кто подлинно понял, что *нисколько не страшно не жить*. Поэтому *легкомыслен* тот, кто *говорит*, что *он боится смерти* не потому, что *она причинит страдания, когда наступит*, но потому, что *ему уже сейчас причиняет страдания грядущая смерть*: *глупо беспокоиться* о том, что еще *должно наступить*. Ибо то, что не *беспокоит, будучи в наличии, причиняет лишь пустую скорбь, когда оно лишь ожидается*. Итак, *смерть, вызывающая наибольший страх из зол, — для нас ничто, так как, пока мы существуем, нет смерти, когда же наступает смерть, тогда нас уже нет. Таким образом, смерть не касается ни живущих, ни умерших, так как для первых ее еще нет, а последних уже нет*» (стр. 83—84).

[126] «*Тот, кто призывает юношу прекрасно жить*, а *старца — прекрасно умереть, глуп*, не только потому, что жизнь *привлекательна*, но потому, что *забота о прекрасной жизни есть также забота и о прекрасной смерти*...» (стр. 84).

[127] «Но *следует помнить*, что *то, что будущее, и — не наше*, и — не совсем *не наше*, чтобы мы с одной стороны *не ждали его, как нечто, что непременно наступит*, а с другой — не *теряли бы на него надежды*, как на нечто, что ни в коем случае *не наступит*» (стр. 85).

«Среди желаний *одни — естественные*, другие — *пустые*. *Из естественных* одни — *необходимые*, другие — только *естественные*. Из *необходимых* одни *необходимы для счастья* (например, для *благополучия тела*), другие — *для самой жизни*» (стр. 85).

[128] «*Ибо свободное от ошибок созерцание этих вещей... может привести к здоровью тела* и *невозмутимости* (атараксии) [28] души, так как это и есть *цель счастливой жизни*. Ибо *ради этого мы все делаем — чтобы не испытывать страдания и страха*. Раз это достигнуто, то *прекращается всякое душевное волнение*, так как *живому существу больше нет надобности искать чего-либо необходимого* или *чего-либо другого*, что *могло бы послужить для более полного благополучия духа и тела*. Ибо *мы имеем потребность в наслаждении* тогда, когда *из-за отсутствия наслаждения мы страдаем*; когда же *мы не страдаем, мы не нуждаемся больше в наслаждении*» (стр. 85).

«И *поэтому мы говорим*, что *наслаждение есть начало* и *конец счастливой жизни* (стр. 85—86). [129] Ибо *наслаждение* мы признаем *первым* и *прирожденным благом*, *им мы начинаем* всякий выбор и отказ, и к нему мы приходим, *оценивая этим душевным переживанием*, как мерилом, *всякое благо*» (стр. [85]—86).

«И *именно потому*, что наслаждение есть *первое* и *прирожденное благо*, мы выбираем не *всякое наслаждение*...»

«*Итак, всякое наслаждение, по своей природе, которая нам соответствует, — благо, однако не всякое наслаждение следует избирать*, — подобно тому, как и *всякое страдание есть зло*, но *не всегда следует избегать всякого страдания*».

[130] «Но *все это следует разрешать путем сопоставления* **и** *рассмотрения* [последствий] как *полезных,* так и *вредных,* ибо *по временам благо оказывается для нас злом,* а *зло,* наоборот, благом» (стр. 86).

«И *умение довольствоваться малым* мы признаем *большим благом* не для того, чтобы при всех обстоятельствах удовлетворяться малым, но для того, чтобы в тех случаях, когда у нас нет многого, довольствоваться малым, в полном убеждении, что *роскошью* больше всего наслаждаются те, которые меньше всего в ней нуждаются, и что *все естественное* легче всего доступно, все же пустое труднее всего достижимо» (стр. 86).

[131] «...наслаждением,.. мы называем... отсутствие страданий тела и волнений души» (стр. 87).

[132] «Началом и *высшим благом* является *рассудительность,* поэтому *рассудительности отдается предпочтение даже перед философией.* От разумности происходят все остальные добродетели, показывающие, что нельзя жить приятно, если не жить разумно, прекрасно [и справедливо], и что нельзя жить [разумно, прекрасно и] справедливо, если не жить приятно. *Ибо добродетели соединены с приятной жизнью,* и *приятная жизнь от них неотделима»* (стр. 88).

[133] «Ибо, кого ты можешь поставить выше того человека, который и о богах придерживается благочестивых воззрений, и к смерти всегда относится безбоязненно, и имеет правильное представление о конечной цели природы, и понимает, что величайшее благо легко доступно и достижимо, а величайшее из зол или преходяще или связано с кратковременными страданиями? А **что касается Необходимости, которая вводится некоторыми в качестве верховной повелительницы,** то *он объявляет ее несуществующей. Но* [по его мнению] *одно зависит от* **случая,** другое — **от нас самих, ввиду того, что необходимость безответственна, а случай, видимо, непостоянен, зависящее же от нас произвольно,** а потому за ним неотступно следует как порицание, так и его противоположность» (стр. 88).

[134] «Уж лучше было бы следовать мифу о богах, чем быть рабом предопределения физиков. Ибо миф этот оставляет надежду на умилостивление богов посредством их почитания, предопределение же заключает в себе неумолимую необходимость. Что касается случая, то он [мудрец] предполагает его существование (а не бога), как это делает толпа,... а с другой стороны — *и не считает его не веской причиной..;* [135] [мудрец] исходит из того, что лучше, поступая разумно, терпеть неудачи, чем пользоваться успехом, поступая неразумно. Но самое лучшее, когда случай содействует успеху правильно обдуманных действий» (стр. [88]—89).

«...И никогда... не будет нарушен твой покой, ты будешь жить среди людей, как бог: ибо ни в каком отношении не подобен смертному существу человек, живущий среди бессмертных благ» (стр. 89).

«*Искусство прорицания он в других книгах полностью* отрицает... *Искусство прорицания не существует,* и *если бы оно и существовало, то не в нашей власти изменить происходящее...»* [стр. 89].

[136] «По вопросу о наслаждении он расходится также с киренаиками. Последние *не признают наслаждения в состоянии покоя, а только в движении,* он же *признает и те,* и *другие* [наслаждения] — как *духа,* так и *тела... Наслаждение мыслимо как в состоянии покоя, так и в движении.* Эпикур же... так говорит: «*Душевное спокойствие* и *отсутствие страданий — наслаждения покоя, радость* же и *веселие обнаруживаются благодаря своей активности в движении»»* (стр. 90).

[137] «Еще [вот в чем он расходится] с киренаиками. Последние считают, что *физические страдания тяжелее душевных..,* по его же мнению — душевные, ибо *плоть терзается* только настоящим страданием, *душа*

же — и *минувшим*, и *настоящим*, и *предстоящим;* следовательно, и наслаждения духа выше» (стр. 90).

«В качестве доказательства [того положения], что наслаждение есть цель [жизни], он приводит [тот факт], что живым существам с момента их рождения *оно* [наслаждение] нравится, к *страданию же* они *чувствуют отвращение.* [И это происходит] *естественно, бессознательно.* Действительно, мы *непроизвольно избегаем боли...»* [стр. 90—91].

[138] «И *добродетели мы избираем не как таковые,* а *из-за наслаждения... Он говорит также, что только добродетель неотделима от наслаждения, все же остальное, как, например, пища, отделимо...»* (стр. 91).

[ГЛАВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ]

[139] «То, что *Блаженно* и *Неразрушимо,* ни *само не знает забот,* ни *других ими не обременяет,* так что ему *чужды* и *гнев* и *благодарность,* ибо *все подобное свойственно бессилию».*

«В других книгах он говорит, что боги познаваемы умом, а не *определяются числом;* и что *вследствие подобия (и в результате слияния подобных образов, созданных именно для этого) они являются человекоподобными»* (стр. 91—92).

«*Высший предел наслаждений — прекращение всякого страдания: где только ни* появляется *наслаждение, там,* пока оно *продолжается, не бывает ни страдания, ни огорчения, ни того и другого вместе»* (стр. 92).

[140] «Нельзя жить приятно, если не жить *разумно, благородно* и *справедливо,* и нельзя жить *разумно, благородно* и *справедливо, если не жить приятно»* (стр. 92).

[141] «*Никакое наслаждение* не есть *само по себе зло,* но то, что вызывает некоторые наслаждения, *влечет многократные нарушения наслаждений»* (стр. 93).

[142] «Если бы *все наслаждение слилось и по времени и по очертанию,* эта связь была бы такой же [полной], как главные части природы, и *нельзя было бы отличить одно наслаждение от другого»* (стр. 93).

[143] «Нельзя устранить страха перед самыми важными явлениями, если не познать природы всего, а [ограничиваться] кое-какими догадками, почерпнутыми из мифов, — таким образом, без [знания] естествознания нет возможности получать неомраченные наслаждения» (стр. 93—[94]).

[142] «Если бы нас не тревожили опасения перед небесными явлениями и мысли о смерти, — как бы смерть когда-нибудь все же в некоторой степени не коснулась бы нас, — и мы могли бы уяснить пределы как страданий, так и желаний, мы не нуждались бы в естествознании» (стр. 93).

[143] «Совершенно бесполезно обеспечивать себе безопасность против людей, если существуют опасения и перед тем, что находится на небесах, и перед тем, что находится под землей, и вообще перед тем, что находится в беспредельности. Ибо безопасность от людей возможна только до некоторой степени» (стр. 94).

«Безопасность, создающаяся спокойствием и уединением от толпы, достигается и благодаря способности устранения [путем умерения желания того, что не нужно] и большой легкости получения [необходимого]» (стр. 94).

[144] «Естественные блага ограничены и легко добываемы, богатство же, которое [рисуется] в пустых представлениях, выходит за всякие пределы» (стр. 94).

«Плотское наслаждение не возрастает с прекращением страдания, причиняемого нуждою; оно только изменяется (стр. 94).

Высшая же точка мышления (по наслаждению) заключается в *исследовании* тех самых вопросов (и всего с ними связанного), которые причиняли мышлению самые большие страхи» (стр. 94).

[145] «Беспредельное время заключает в себе столько же наслаждения, как и определенное время, если только правильно осмыслить пределы наслаждения» (стр. 95).

«Плотским наслаждениям предписаны границы [природой], но стремление к вечности отодвинуло эти границы в бесконечность. Мысль же, осознав и цель и границы плоти и угасив стремление к вечности, сделала нашу жизнь совершенной, так что мы больше не имеем никакой нужды в бесконечном времени. Однако она не исключила наслаждения даже тогда, когда обстоятельства требуют ухода из жизни, принимая конец лучшей жизни в качестве завершения» (стр. 95).

[146] «Следует осознать до полной очевидности поставленную окончательную цель, к которой мы сводим наши суждения; в противном случае все останется нерешенным и будет полно смятения» (стр. 95).

«Если ты оспариваешь все чувственные восприятия, то у тебя не останется ничего, на что ты мог бы опереться в своем суждении относительно тех восприятий, которые ты признаешь ложными» (стр. 95).

[148] «Если ты в каждом отдельном случае все свои действия не будешь соотносить с естественной целью, — но, — будь то при отказе от чего-либо или при стремлении к чему-либо, — обратишься к чему-либо другому, то твои действия не будут согласованы с твоими принципами» (стр. 96).

[149] «Из желаний одни естественны и необходимы, другие — естественны, но не необходимы, третьи же — ни естественны, ни необходимы, но порождены пустым представлением» (стр. 96).

[148] «То же самое сознание, которое дало нам уверенность, что зло не является ни вечным, ни длительным, привело нас к убеждению, что на нашем ограниченном [жизненном пути] самым надежным залогом безопасности является дружба» (стр. 97).

Нижеследующие места выражают взгляд Эпикура на духовную природу, на государство. Он считает основой договор, συνθήκη, и, будучи последовательным, признает целью лишь συμφέρον, принцип полезности.

[150] «Естественное право представляет собой преследующий [обоюдную] пользу договор взаимно не вредить и не терпеть вреда» (стр. 97).

«По отношению к тем живым существам, которые не могли вступать в соглашение о том, чтобы взаимно не причинять и не терпеть вреда, не существует ни справедливого, ни несправедливого. То же самое надо сказать и о всех тех народах, которые не могли или не хотели вступать в договоры о том, чтобы не причинять и не терпеть вреда» (стр 98).

«*Справедливость не была чем-то существующим само по себе,* а представляла собой договор, заключаемый *при встречах друг с другом* в любом месте относительно того, чтобы не причинять и не терпеть вреда» (стр. 98).

[151] «*Несправедливость есть зло не сама по себе,* а [зло заключается] в страхе, порождаемом опасением, что ее не удастся скрыть от тех, кто поставлен для того, чтобы карать за такие поступки... ибо неясно, останется ли он [т. е. правонарушитель] неизвестным до самой смерти» (стр. 98).

«*С общей точки зрения право для всех* [народов] *одно и то же* (ибо оно есть нечто полезное во взаимном общении людей), но в зависимости от

особенностей *отдельных стран* и *всевозможных других причин не для всех* оказывается *справедливым одно и то же*» (стр. 98).

[152] «Из того, что принято считать справедливым, то, полезность чего во взаимных отношениях человеческого общения подтверждается, обладает природой права, если оно одно и то же для всех. Если же кто-либо издает [для всех] один и тот же закон, который, однако, не приносит пользу взаимным отношениям человеческого общества, то это [законоположение] не обладает природой права» (стр. 99).

«И если полезность, содержавшаяся в праве, отживает, но все же она в течение некоторого времени совпадала с представлением [о праве],— то в течение этого времени она и была правом для тех, которые не приводят самих себя в замешательство пустыми разговорами, но больше всего обращают внимание на дела» (стр. 99).

[153] «Там, где при неизменившихся обстоятельствах выяснилось, что признанное [в свое время] правом в отношении [человеческих] дел, не согласуется с представлением [о праве], то эти законоположения и не были справедливыми. Там же, где *то же самое действующее право не приносит больше пользы при изменившихся обстоятельствах*, то *оно все же было когда-то правом, когда приносило пользу во взаимном общении сограждан, впоследствии же, когда оно перестало быть полезным, оно также перестало быть правом*» (стр. 99).

[154] «Тот, кто наилучшим образом обеспечил себе спокойствие по отношению ко всему внешнему, тот все *возможное сделал себе дружественным*, все же *невозможное счел чуждым*» (стр. 99).

Конец десятой книги Диогена Лаэрция.

ЭПИКУР ГЕРОДОТУ

[37] «Прежде всего необходимо точно установить понятия, лежащие в основе определенных слов, для того, чтобы, сводя к ним наши предположения, искания или сомнения, мы могли их разрешить и чтобы у нас в бесконечных доказательствах не оставалось все нерешенным или чтобы мы не ограничивались пустыми словами».

[38] «Ибо, в отношении каждого слова, необходимо обращать внимание на первое значение и не искать никаких доказательств, если только мы хотим иметь, к чему свести наши искания, сомнения или предположения» (стр. 30—31).

Важно, что Аристотель в своей «Метафизике» делает точно такое же замечание об отношении речи к философствованию. Так как древние философы, не исключая и скептиков, исходят из предпосылок сознания, то нужна прочная опора. Такой опорой служат им представления в том виде, в каком они даны в общем знании. Эпикур, как философ представления, наиболее тщателен в данном отношении, и он поэтому подробнее определяет те условия, которым должна удовлетворять основа. Он же наиболее последователен и — подобно скептикам, но с другой стороны — завершает древнюю философию.

[38] «Далее, необходимо все исследовать или при помощи чувственных восприятий, или просто при помощи непосредственных наблюдений или ума, или какого-либо другого критерия. То же — и в отношении имеющихся душевных переживаний, чтобы мы могли обозначить и ожидаемое и неизвестное. *А разобрав все это, следует переходить к рассмотрению неизвестного»* (стр. 31).

«Невозможно, чтобы что-нибудь произошло от несуществующего, относительно этого положения согласны все занимающиеся вопросами природы» (Аристотель. «Физика», кн. I, гл. 4. — Комментарий Коимбрской коллегии, стр. 123—[125]).

«Каким-то способом рождение происходит просто из несуществующего, другим же — всегда из существующего. Ибо то, что в потенции существует, а в действительности не существует, должно было, как говорится, предсуществовать и тому и другому способу» (Аристотель. «О возникновении и уничтожении», кн. I, гл. 3. — Комментарий Коимбрской коллегии, стр. 26).

[Диоген Лаэрций, X, 39] «Вселенная всегда была такой, какова она теперь, и вечно останется такой же...» (стр. 31).

«Вселенная представляет собой частью тело, частью же — пустоту [стр. 32].

[40] Из тел одни представляют собой соединения, другие же то, из чего соединения составляются...» (стр. 32).

[41] «Эти [образующие мир тела] *неделимы* и неизменны, *если только все не должно распасться в небытие* (стр. [32]—33). Вселенная бесконечна, ибо то, что ограничено, имеет нечто вне себя (стр. 33). Вселенная бесконечна как в силу множества тел в ней, так и в силу величины ее пустого пространства» (стр. 33).

«Бесконечное превзойдет и уничтожит конечное» (Аристотель. «Физика», кн. III, гл. 5. — Комментарий Коимбрской коллегии, стр. 487).

[Диоген Лаэрций, X, 42] «Они (т. е. атомы) представляют нечто неограниченное по разнообразию своих форм» (стр. 33—[34]).

[43] «Движутся атомы постоянно, в вечности» (стр. 34).

[44] «И нет начала атому [движению атомов], так как атомы и пустота существуют от века» (стр. 35).

«Никакого качественного признака нет у атомов, кроме формы, величины и тяжести» (стр. 35).

«Они не могут быть любой величины: по крайней мере еще ни один атом не был предметом зрительного ощущения» (стр. 35).

[45] «И миров — бесчисленное множество» (стр. 35).

[46] «Существуют также оттиски, подобные по внешнему виду твердым телам, но по своей тонкости превосходящие все, доступное чувственному восприятию» (стр. 36).

«Эти-то оттиски мы называем образами [εἴδωλα]» (стр. 36).

[48] «Кроме того [следует допустить], что возникновение этих образов происходит с быстротою мысли, ибо непрерывное *истечение* от поверхности тел *не проявляется в видимых признаках»* (стр. 37).

«*Существуют и другие пути происхождения таких естественных явлений, ибо из этого ничто не противоречит чувственному восприятию, если определенным образом обратить внимание на являющийся чувственный объект, к которому мы относим совпадающие впечатления, производимые внешними предметами»* (стр. 38).

[49] «*Следует так и считать, что когда нечто приходит к нам от внешних предметов, мы видим и осмысливаем внешние формы»* (стр. 38).

[50] «Всякое впечатление, *воспринимаемое* мыслью или *чувством, но не ставшее предметом суждения* (non judicata), *истинно.* Обман и *ошибка,*

если [впечатление] *не подтверждается* или *опровергается,* всегда заключается в том, что *примысливается нами в силу внутреннего движения,* которое, *хотя и связано с некоторым стремлением представить себе* [являющееся], все же *имеет собственную установку, вследствие которой* рождается обман» (стр. 39).

[51] «Но ошибки не произошло бы, если бы в нашем уме не появилось некое другое движение, связанное [со стремлением представить себе являющееся], но имеющее собственную установку (стр. 39).

Именно в силу этого [внутреннего движения], сопутствующего стремлению представить себе являющееся, но имеющему собственную установку, и порождается мысль, которая, буде она не подтверждается или опровергается, есть ложь, если же она подтверждается или не опровергается, есть истина» (стр. [39]—40).

[52] «Слуховое восприятие также возникает вследствие того, что какое-то веяние несется от предмета, издающего звук и т. д.» (стр. 40).

[53] «Также и относительно обоняния должно принять то (что я сказал относительно слуха)...» (стр. 41).

[54] «И *всякие находящиеся в них и присущие им* (т. е. атомам) *качества,* в том числе те, о которых *было сказано выше* (т. е. magnitudo, figura, pondus *), *не изменяются,* как *и атомы не изменяются ни в каком отношении»* (стр. 41).

[55] «*Чтобы не вступать в противоречие с видимыми явлениями, нечего и думать о том,* чтобы *у атомов могли быть любая величина. Однако некоторые различия в их величине следует допустить,* ибо при наличии этого лучше объясняется то, что происходит как в отношении душевных переживаний, так и в отношении чувственных восприятий» (стр. [42]—43).

[56] «Кроме того, нельзя допустить, чтобы в ограниченном теле заключалось бы частиц бесчисленное количество или какой угодно величины» (стр. 43).

[60] «Следует допустить одно движение, направленное в бесконечность вверх, и другое [движение] — вниз» (стр. 45).

См. конец 44-й и начало 45-й страницы, где, в сущности, нарушается атомистический принцип и в самые атомы вкладывается внутренняя необходимость. Так как они имеют какую-то величину, то должно существовать нечто меньшее, чем они. Таковы части, из которых они состоят. Но эти части непременно должны существовать совместно как некоторая «внутренне существующая общность». Таким образом, идеальность переносится в самые атомы. Наименьшее в них не есть наименьшее для представления, но есть нечто аналогичное ему, — при этом не мыслится что-либо определенное. Свойственные атомам необходимость и идеальность сами оказываются лишь чем-то воображаемым, случайным, чем-то внешним для них самих. Принцип эпикурейской атомистики выражается лишь в том, что идеальное и необходимое даны только в этой, внешней для них самих, представляемой форме, — в форме атома. До такой степени последователен Эпикур.

---

* — величина, форма, вес (слова Маркса). *Ред.*

[61] «Атомы, далее, должны по необходимости обладать одинаковой скоростью, когда они несутся через пустоту при отсутствии какого бы то ни было сопротивления» (стр. 46).

Мы видели, что необходимость, связь, различение — в самих себе — переносятся в атом, или, точнее говоря, выражаются в нем, что здесь идеальность дана лишь в этой, внешней для нее, форме. То же самое происходит и с *движением*, о котором непременно приходится говорить, коль скоро движение атома сравнивается с движением сложных тел, т. е. *конкретных* вещей. По сравнению с движением этих последних, движение атомов принципиально является абсолютным, т. е. в нем уничтожены все эмпирические условия, оно — идеально. Вообще для уяснения хода мысли эпикурейской философии и имманентной ей диалектики существенно иметь в виду, что — в то время как принцип есть нечто представляемое, проявляющееся по отношению к конкретному миру в форме бытия, — диалектика, внутренняя сущность этих онтологических определений, как такой формы абсолютного, которая сама в себе лишена существенности, может обнаружиться лишь таким образом, что они, как непосредственные, должны прийти в необходимое столкновение с конкретным миром; в их специфическом отношении к конкретному миру раскрывается, что они суть лишь воображаемая, внешняя по отношению к себе, форма его идеальности и даны скорее не как предпосылка, а лишь как идеальность конкретного. Таким образом, их определения сами оказываются неистинными, снимающими самих себя. Формулируется лишь понятие мира, в том смысле, что его основой оказывается то, чтó не имеет предпосылок, — ничто. Эпикурейская философия важна благодаря той наивности, с которой выводы высказываются без свойственной новому времени предубежденности.

[62] «И *относительно сложных тел* [можно утверждать, что] *не будет* одно нестись *быстрее* другого и т. д.» (стр. 46).

[62] «Можно только сказать, что *они часто встречают сопротивление, пока движение не представится для чувственного восприятия непрерывным*. Ибо предположение о невидимом, о том, что умозрительно различимые промежутки времени образуют непрерывное движение, при таких обстоятельствах *неверно*, так как *истинно* [только] *все видимое или интуитивно воспринимаемое мыслью*» (стр. 47).

Следует рассмотреть, почему оказывается снятым принцип чувственной достоверности и в качестве истинного критерия выдвигается, напротив, абстрагирующее представление.

[63] «Душа есть состоящее из тончайших частиц тело, рассеянное (diffusum) по всему организму (corpus)» (стр. 47).

Интересно здесь опять-таки специфическое различие, устанавливаемое между огнем и воздухом, с одной стороны, и душою, с другой стороны, для того, чтобы доказать адекватность души телу, причем применяется, но также и снимается, аналогия; в этом вообще заключается метод измышляющего сознания. Таким образом, все конкретные определения рушатся сами собой, и вместо развития получается лишь однозвучное эхо.

[63] «И надо также признать, что *душа* является *главнейшей причиной чувственного восприятия*».

[64] «Но она не стала бы такой причиной, если бы она, так сказать, не *была окутана остальной массой организма; остальная же масса, содействовавшая* тому, что душа *стала* такой *причиной*, и сама *заимствует* от души *эту способность* [ощущать], однако не все [способности], которыми обладает душа; *поэтому* с удалением души организм теряет способность чувствовать. Ибо он не *сам по себе обладал этой способностью*, но *был обязан этим свойством возникшей одновременно с ним другой* [сущности]; последняя же, благодаря *выработанной в себе способности немедленно отвечать на движение чувственными явлениями*, по близости (vicinia) и сродству, доставила эту способность остальной части тела» (стр. 48).

Мы видели, что атомы, рассматриваемые в их отношении друг к другу, отвлеченно, являются только существующими, представляемыми вообще, и что лишь при столкновении с конкретным раскрывается их воображаемая и поэтому запутавшаяся в противоречиях идеальность. Оказывается также, что, когда они становятся стороною отношения, т. е. когда мы переходим к предметам, которые в самих себе содержат принцип и его конкретный мир (живое, одушевленное, органическое), — область представления мыслится то как свободная, то как явление чего-то идеального. Следовательно, эта свобода представления также является лишь чем-то мыслимым, непосредственным, воображаемым, — что́ в своей истинной форме представляет собою атомистическое. Поэтому можно принимать одно определение за другое, каждое из них само по себе тождественно с другим; но и в отношении друг к другу приходится, смотря по тому, с какой точки зрения они рассматриваются, приписывать им одни и те же определения. Итак, разрешение оказывается опять-таки возвратом к простейшему первоначальному определению, заключающемуся в том, что область представления воображается как *свободная*. Так как этот возврат происходит здесь по отношению к совокупности, к представляемому, которое действительно содержит идеальное в себе самом и оказывается им самим в своем бытии, то здесь атом полагается таким, каков он на самом деле, в совокупности своих противоречий; вместе с тем выясняется и основа этих

противоречий, попытка считать представление также свободной идеальностью, но лишь в форме представления. Поэтому принцип абсолютного произвола обнаруживается здесь со всеми своими последствиями. В низшей форме это обнаруживается уже по отношению к атому. Так как существуют многие атомы, то единичное содержит в самом себе отличие от множественности; следовательно, оно в себе оказывается многим. Но вместе с тем единичное содержится в определении атома; следовательно, множественное в нем необходимо и имманентно оказывается некоторой единичностью; оно таково уже потому, что оно существует. Однако требовалось объяснить именно по отношению к миру, каким образом последний, исходя из одного начала, свободно развертывается во многое. Предполагается, следовательно, то, что требовалось как раз доказать: сам атом есть то, что подлежит объяснению. Затем различие идеальности вносится лишь путем сравнения; сами по себе обе стороны даны в одном и том же определении, и сама идеальность опять-таки полагается в том, что эти многие атомы внешним образом соединяются, что они суть принципы этих соединений. Итак, принципом этого соединения оказывается то, что́ первоначально было беспричинно соединено в себе, т. е. за объяснение выдается сам объясняемый объект, отодвинутый в туманную даль измышляющей абстракции. Как сказано, это обнаруживается во всем своем объеме лишь при рассмотрении органического.

Следует заметить, что в том, что душа и т. п. гибнет и что она обязана своим существованием лишь случайному смешению, вообще выражается *случайность всех этих представлений,* например, представления о душе и т. п., — которые в том виде, в каком они даны в обыденном сознании, не имеют характера необходимости, а у Эпикура также *субстанциируются как случайные состояния,* принимаемые за данные, причем их необходимость, необходимость их существования, не только не доказывается, но, наоборот, признается недоказуемой, лишь возможной. Наоборот, пребывающим считается свободное бытие представления; это бытие, во-первых, и есть свободное в себе вообще, а во-вторых, как мысль о свободе представляемого, оно оказывается ложью и фикцией, то есть чем-то по своему существу непоследовательным, призраком, обманом. Скорее в нем выражается требование конкретных определений души и т. п. как имманентных мыслей. Непреходящая заслуга и величие Эпикура состоят в том, что он не отдает предпочтения состояниям перед представлениями и также не старается отстоять их. Принцип философии Эпикура заключается в том, чтобы

доказать, что мир и мысли представляют собой нечто мыслимое, возможное; а тем аргументом и принципом, на основании которого это доказывается и к которому все сводится, оказывается опять-таки сама [существующая для себя возможность], выражением которой в природе является атом, духовным же ее выражением являются случай и произвол. Следует точнее выяснить, что все определения души и тела меняются местами и что они оказываются тождественными друг с другом в том дурном смысле, что вообще ни та, ни другая сторона не определяется в понятиях. См. конец 48-й и начало 49-й страницы [X, 65—66]: Эпикур стоит выше скептиков в том отношении, что у него не только состояния и представления разрешились в ничто, но и восприятие их, мышление о них и рассуждения об их существовании, начинающиеся с чего-то прочного, также оказываются лишь чем-то возможным.

[67] «*Ничто нельзя мыслить само по себе бестелесным, за исключением пустоты*. (Представление не мыслит бестелесного: представление об этом есть пустота и само оно пусто *). Пустота же не может ни действовать, ни подвергаться воздействию, но только предоставляет телам двигаться через себя» (стр. 49).

«Так что те, которые утверждают, что душа бестелесна, говорят вздор» (стр. [49]—50).

Надлежит исследовать сказанное на стр. 50 и начале стр. 51 [X, 69], где Эпикур говорит об определениях конкретных тел и где он будто опрокидывает атомистический принцип, утверждая:

[69] «Все тело в целом от всех этих [свойств] получает свою особую, ему свойственную природу, однако не как некое их соединение, подобное тому, когда из куч частиц образуется большая масса... но только, как я говорю, от всех этих [свойств] оно получает свою особую, ему присущую природу. Однако все эти [свойства] познаются отдельно и различаются [одно от другого], но при этом всегда сопутствует представление целого, нигде от них неотделимого, и именно представление совокупности сообщает телу особое обозначение» (стр. 50—51).

[70] «Далее, часто с телами соединяются признаки, *не являющиеся устойчивыми качествами*; из них, конечно, некоторые бывают невидимыми и бестелесными. Так что, пользуясь этим словом согласно наиболее распространенному употреблению, мы ясно показываем, что эти признаки, с одной стороны, не обладают природой целого, которое мы называем, в смысле совокупности, — телом, и, с другой стороны, не имеют природы тех особых сопровождающих качеств, без которых нельзя мыслить тело» (стр. 51).

[71] «Их следует понимать так, как они проявляются, т. е. как случайные признаки тел, не как особо свойственные сопутствующие [признаки], не как обладающие организованной природой сами по себе, но они рассматриваются так, как само чувственное восприятие выявляет их своеобразие» (стр. 52).

---

* Фраза в скобках написана Марксом в рукописи по-немецки. *Ред.*

Эпикур в высшей степени ясно сознает, что отталкивание вытекает из закона атома, из отклонения от прямой линии. По крайней мере Лукреций выражает мысль, что этого не следует понимать поверхностно в том смысле, будто лишь таким образом атомы могут встречаться в своем движении. Сказав в вышеприведенном месте: без этого отклонения атома «никаких бы ни встреч, ни толчков у начал не рождалось» [кн. II, стих 223], он говорит затем:

«Если ж *движения все непрерывную цепь образуют*
И *возникают одно из другого в известном порядке,*
И коль не могут путем *отклонения первоначала*
Вызвать движений иных, разрушающих рока законы,
Дабы причина не шла за причиною испокон веку, —
[Как у созданий живых на земле неподвластная року,
Как и откуда, скажи, появилась] свободная [воля]»

([«О природе вещей»] кн. II, стихи 251 и сл.).

Движение, при котором атомы могут встречаться, здесь принимается отличным от того движения, которое вызвано отклонением. Затем оно определяется как абсолютно детерминистическое, — следовательно, как снятие самости, так что всякое определение находит свое конкретное бытие в своем непосредственном инобытии, в своем снятии, чем и является по отношению к атому прямая линия. Лишь благодаря отклонению возникает индивидуальное движение, такое отношение, определенность которого есть определенность его самого, а не вытекает из иного.

Заимствовал ли Лукреций этот взгляд у Эпикура или нет, по существу безразлично. Сделанный при рассмотрении отталкивания вывод, что атом как непосредственная форма понятия объективируется лишь в непосредственном отсутствии понятий, применим и к философскому сознанию, для которого этот принцип оказывается его сущностью.

Этим в то же время оправдывается, что я счел целесообразным установить совершенно иное подразделение, чем то, которого придерживался Эпикур.

ЭПИКУРЕЙСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

Тетрадь вторая

I. ДИОГЕН ЛАЭРЦИЙ, КН. X
II. СЕКСТ ЭМПИРИК
III. ПЛУТАРХ. «О ТОМ, ЧТО СЛЕДУЯ ЭПИКУРУ НЕВОЗМОЖНО ЖИТЬ СЧАСТЛИВО»

ДИОГЕН ЛАЭРЦИЙ, КНИГА ДЕСЯТАЯ. КОММЕНТАРИЙ ГАССЕНДИ

ЭПИКУР ГЕРОДОТУ. ПРОДОЛЖЕНИЕ

[72] «Время нельзя исследовать так, как мы изучаем остальные свойства, заложенные в предмете, а именно *связывая их с пролепсисами, имеющимися внутри нас самих,* но *следует рассмотреть* ту очевидность, сообразно которой мы говорим о *продолжительном* или *коротком* времени... И нет надобности вводить новые способы выражения, якобы лучшие, а следует пользоваться *самыми обычными* для обозначения времени словами. *И не следует высказывать о нем что-нибудь другое, будто оно обладает той же сущностью,* которая свойственна этому названию... Но необходимо только главным образом отдать отчет в том, каким образом мы связываем частные особенности с временем и как мы его измеряем».

[73] «*Не нуждается также в доказательстве, а достаточно одного размышления, что мы связываем* время *с днями* и *ночами и с их частями, подобно тому, как* [связываем его] *с нашими душевными переживаниями и отсутствием таковых, с состояниями движения и покоя,* присоединяя мысленно ко всему этому, как своеобразный признак, то именно, что мы называем временем» (стр. 52—53). «... все они [миры] в свою очередь распадаются» (стр. 53).

«Итак, понятно также и утверждение его [Эпикура] *о разрушимости миров в результате изменений в их частях* (говорит он об этом также и в других книгах)» (стр. 53).

[74] «*Не следует,* далее, также *думать, что и миры должны иметь один и тот же вид, но* [надо допустить, что] *они различаются* между собою» (стр. 53).

«*И живые существа не отделены в силу необходимости от бесконечности* и не упали с неба... [75]... *необходимо допустить, что сами предметы научили и вынудили природу к столь многому и разнообразному* [творчеству]. *Мысль же впоследствии изучает переданное природой и еще обогащает своими находками,* в одних случаях — скорее, в других — медленнее, и достигает точного знания, в одних областях — в более длинные периоды, в других — в более короткие» (стр. [53]—54).

См. стр. 54 (конец) и стр. 55 (начало), где говорится «о происхождении названий».

[76] «*Что же касается небесных явлений, то необходимо считать, что движение, положение, затмение,* [восход], *закат и тому подобные явления происходят вовсе не благодаря некоему существу, которое будто бы распоряжается ими, приводит их — или привело уже — в порядок и которое в то же время обладает полнотой блаженства, а вместе с тем и бессмертием*».

(С этим следует сопоставить то, что Симплиций говорит от имени Анаксагора относительно «разума», приводящего вселенную в порядок).

[77] «... (ибо поступки и *заботы, гнев* и милость не согласуются с *блаженством,* а *происходят* в силу слабости, страха и *потребности,* с которыми они большей частью связаны). Не следует также думать, ибо это *затруднительно* и *противоречит* [блаженству], что тела, *обладающие блаженством, произвольно подвергают себя этим движениям.* Но *должно соблюдать всяческое благоговение при всех выражениях, приводящих к подобным мыслям, чтобы они не дали повода к каким-либо мыслям, противным благоговению.* Если с этим не согласиться, то *самое это противоречие вызовет величайшее смятение души. Отсюда следует допустить, что при самом зарождении мира возникли как первоначальные сочетания этих сгущенных масс, так и обязательность и периодичность движения*» (стр. 55 и 56).

Здесь проявляется принцип мыслимого, для того чтобы, с одной стороны, утвердить свободу самосознания, а с другой — чтобы признать за богом свободу от какой бы то ни было детерминации.

[78] «*Блаженство* [состоит] в знании того, *что касается небесных явлений...* и *в особенности* в *исследовании* того, какова *природа сущностей, наблюдаемых в связи с этими небесными явлениями,* и других близких им явлений, *происходящих* или различными способами, или *по возможности,* или *по* какому-нибудь *другому способу* (esse...id, quod pluribus modis fieri dicitur, et non uno modo necesse contingere; et posse alio quoque modo se habere) *; но скорее *является абсолютным правилом, что ничего не может быть в неразрушимой* и *блаженной природе, что способно поселить разлад или нарушить атараксию. И что это безусловно так, можно убедиться, если поразмыслить*» (стр. 56).

Далее, на стр. 56 и 57, Эпикур высказывается против бессмысленно-изумленного созерцания небесных тел, сковывающего человека и внушающего ему страх. Он утверждает абсолютную свободу духа.

[80] «*Далее нужно остерегаться предрассудка, что исследование этих* [небесных] *явлений не точно и не тонко, поскольку оно приводит нас к атараксии и к блаженству. Таким образом, должно, обращая внимание на то, сколь часто у нас на земле возникает сходное явление, искать по аналогии с этим причины небесных явлений и* [вообще] *всего скрытого от нас*» (стр. 57).

---

* В рукописи в скобках Маркс воспроизводит сделанный Гассенди латинский перевод приведенной выше греческой фразы. *Ред.*

[81] «*Кроме всего этого, надо еще принять во внимание,* что *самое большое смятение человеческой души происходит* оттого, что люди *считают небесные тела блаженными* и *неразрушимыми* и *приписывают им в то же время желания и действия,* противоречащие этим свойствам, а также оттого, что *они черпают страхи из мифов* (к этому прибавляется страх смерти и связанного с ней бесчувствия); [наконец] оттого, что они придерживаются неверных объяснений.., так что, не установив, что́ в действительности есть страшного, они подвергаются душевному смятению такому же, а то и большему, чем если бы случилось то, что́ они выдумали. [82] *Атараксия* же *есть результат полного освобождения от всего этого...*» (стр. [57]—58).

«*Поэтому должно обращать внимание на существующее и на чувственные восприятия:* на общее в отношении к общему и на частное в отношении к частному и *на всякую существующую очевидность в отношении каждого отдельного критерия*» (стр. 58).

ЭПИКУР ПИФОКЛУ

Эпикур повторяет в начале своего рассуждения о небесных явлениях, что цель этого

«знания — атараксия и твердая уверенность, как это имеет место и в отношении всего остального» [X, 85].

Однако исследование этих небесных тел по существу отличается от других наук.

[86] «И не должно *ко всему применять метод исследования,* подобный тому, который применяется в вопросах о *нормах жизни* или в установлении правил для разрешения остальных физических проблем, каковы, например, положения о том, что *вселенная состоит из тел и неосязаемой природы*» *(т. е. пустоты)* «или что имеются *неделимые элементы* и тому подобное, что допускает только *одно* объяснение, согласное с видимыми явлениями (quaecumque uno tantum modo rebus apparentibus congruunt) *. Что же касается небесных тел, то к ним это неприменимо. Напротив, *по крайней мере, эти явления допускают множество различных объяснений — как причины своего возникновения, так и своей сущности, — объяснений, находящихся в согласии с чувственным восприятием*» (стр. 60 и 61).

Для всего способа представления Эпикура важно, что, по его мнению, небесные тела, как нечто потустороннее для чувств, не могут претендовать на такую же степень очевидности, как остальной моральный и чувственный мир. Здесь практически вступает в силу учение Эпикура о disjunctio **, о том, что не имеет места «или — или», так что, следовательно, внутренняя определенность отрицается и принцип мыслимого, представимого, случая, абстрактного тождества и абстрактной свободы обнаруживает свое существо, выступая, как нечто

* В рукописи в скобках Маркс воспроизводит сделанный Гассенди латинский перевод приведенной выше греческой фразы. *Ред.*

** — разделительном суждении. *Ред.*

лишенное определенности, которое именно поэтому и определяется внешней для него рефлексией. Здесь выясняется, что метод измышляющего, представляющего сознания борется лишь со своей собственной тенью; какой окажется тень, — это зависит от того, как на нее смотрят, от того, как отражающее — из этого своего отображения — обратно отражается внутри себя. Подобно тому, как при рассмотрении органического в себе, в субстанциированной форме, обнаруживается противоречивость атомистического воззрения, — так теперь, когда предмет сам принимает *форму* чувственной достоверности и представляющего рассудка, это философствующее сознание раскрывает то, чтó оно делает. *Там представляемый принцип и его применение объективируются как нечто единичное,* и благодаря этому вызывается борьба противоречий как антагонизм самих субстанциированных представлений. Здесь, где предмет, так сказать, висит над головами людей, где он бросает вызов сознанию своей самостоятельностью, чувственной независимостью и таинственной далью своего существования, — сознание доходит до признания своей деятельности, оно созерцает, чтó оно делает, выясняя смысл предсуществующих в нем представлений и выдавая их за свое достояние. Ведь вся деятельность сознания есть лишь борьба с далью, тяготевшей как заклятие над всем древним миром; принципом сознания оказывается лишь возможность, случай; оно старается каким-либо образом осуществить отождествление себя со своим объектом и признает это, когда эта даль противостоит ему как предметно независимые небесные тела. Ему безразлично, как объяснить их; оно утверждает, что возможно не одно объяснение, а несколько, т. е. что любое объяснение удовлетворяет его; таким образом, оно признает, что его деятельность есть действующая фикция. Итак, в древнем мире, философия которого не обходится без предпосылок, небесные явления и учение о них представляют собой вообще тот образ, в котором этот мир, даже в лице Аристотеля, созерцает свое несовершенство. Эпикур высказал это, и в этом заключается его заслуга, железная последовательность его воззрений и выводов. Небесные явления бросают вызов чувственному рассудку, но он преодолевает их упорство и хочет, чтобы о них вещал лишь его собственный голос.

[86] «...Ведь не на основе пустых аксиом и законов надлежит производить исследования природы, а всякий раз так, как это подсказывают сами ее явления... [87] [Наша жизнь] нуждается не в никчемных рассуждениях и в пустых предположениях, а в [том], чтобы мы жили безмятежно» (стр. 61).

Здесь, где предпосылка сама противопоставляет себя действительному сознанию, вызывая в нем ужас, не нужно больше никаких принципов и предпосылок. В этом ужасе угасает представление.

Поэтому Эпикур повторяет, как бы открывая в этом принципе себя самого, следующее положение:

[87] «Все, стало быть, неуклонно совершается во всех явлениях небесных сфер, хотя и способом, допускающим *различные* объяснения, вполне согласные с видимыми явлениями, если оставить в силе все, чтó о них утверждается с достаточной *убедительностью*. Если же одно оставить, а другое, в такой же степени согласное с явлениями, отбросить, то ясно, что в таком случае совершенно покидают сферу науки о природе и скатываются в область мифов» (стр. 61).

Возникает таким образом вопрос, как в таком случае следует строить объяснение.

[87] «Известные указания на то, чтó действительно совершается в небесных сферах, мы получаем от тех или других окружающих нас земных явлений, открытых наблюдению или непосредственно данных, так же как от явлений самих небесных сфер. Ибо эти явления могут возникать многими различными способами. [88] Однако должно подвергать наблюдению каждое [небесное] явление в том виде, как оно нам представляется и объяснять все, чтó связано с ним. Этому не будет противоречить многообразие происходящих [на земле] явлений» (стр. 61).

Для приверженца эпикурейской точки зрения его собственный голос заглушает раскаты небесного грома, затмевает сверкание небесной молнии. Уже монотонное повторение свидетельствует о том, какое значение Эпикур придает своему новому способу объяснения, как он старается устранить чудесное, настаивает на применении не одного, а нескольких объяснений, в высшей степени легкомысленные образчики которых он сам дает нам относительно всего; Эпикур почти без обиняков говорит, что, объявляя природу свободной, он дорожит лишь свободой сознания. Единственное доказательство при объяснении состоит в том, чтобы не быть «опровергаемым» чувственной очевидностью и опытом, явлениями, видимостью, так как вообще речь идет лишь о видимости природы.

Эти положения все вновь повторяются.

О ВОЗНИКНОВЕНИИ СОЛНЦА И ЛУНЫ

[90] «... ибо и это подсказывает, таким образом, чувственное восприятие» (стр. 63).

О ВЕЛИЧИНЕ СОЛНЦА И СОЗВЕЗДИЙ

[91] «... и то, что *у нас* [на земле] ... *воспринимается при помощи чувства*» (стр. 63).

О ВОСХОДЕ И ЗАХОДЕ СОЗВЕЗДИЙ

[92] «... ибо никакое явление не противоречит» (стр. 64).

О ВОСХОДЕ И ЗАХОДЕ СОЛНЦА И ЛУНЫ

[93] «Ибо все такое и этому подобное не расходится ни с одним из очевидных явлений, если только при исследовании всех частностей подобных вопросов придерживаться возможного и приводить каждую частность в согласие с наблюдениями, не поддаваясь страху перед рабскими фокусами астрологов» (стр. [64]—65).

ОБ УЩЕРБЕ И ПРИБЫЛИ ЛУНЫ

[94] «... и *всевозможными способами,* согласно которым приводятся к подобному виду явления, имеющие место *у нас* [на земле], *если только, в увлечении одним объяснением, не отказаться безрассудно от других, не выяснив, что доступно человеку и что недоступно,* и *вследствие этого стремиться к выяснению невозможного»* (стр. 65).

О ПРЕДСТАВЛЯЮЩИХСЯ ОЧЕРТАНИЯХ ЛИЦА НА ЛУНЕ

[95] «... и *всеми способами, поскольку они находятся в согласии с явлениями.* [96] Ибо *при изучении всех небесных явлений должно придерживаться указанного пути. Ибо, если вступить в борьбу с очевидными фактами, то никогда нельзя будет добиться подлинной атараксии»* (стр. 66).

Особенно важно изгнание божественного, телеологического воздействия на периодический характер явлений; при этом в чистом виде обнаруживается, что объяснение есть лишь самоотчет сознания, а суть дела мистифицируется.

[97] «... *должно понимать* по аналогии с происходящими *и у нас* на земле *некоторыми явлениями,* но *божественную природу отнюдь не следует приводить с ними в связь; она должна пребывать в полной свободе от дел, в состоянии полнейшего блаженства.* Ведь если это не будет выполнено, то всякое истолкование небесных явлений превратится в празднословие, как это уже случалось с некоторыми, не усвоившими допускающего различные возможности способа объяснения явлений и потому *впавшими в бесплодное объяснительство, думая, будто явления допускают только одно объяснение, а все остальные допустимые объяснения отвергаются.* Таким образом они уносятся в область бессмыслия и обнаруживают неспособность охватить умственным взором все те конкретные явления, которые нужно принять за знаки, и не хотят радоваться вместе с богом» (стр. [66] — 67).

Эти рассуждения повторяются многократно, почти в тех же словах, когда он говорит:

[98] Об изменении длительности ночей и дней (стр. 67).
[98] О предвестниках (стр. 67).
[99] О происхождении облаков (стр. 68).
[100—101] О происхождении громов и молний (стр. [68]—69).
Так, например, о раскатах грома он говорит:

[104] «... возможны и многие другие способы для объяснения *явлений раскатов грома, лишь бы только не прибегать к мифу.* А мифа не будет, если мы *надлежащим образом* будем *наблюдать видимые явления* и из них брать указания для объяснения невидимых» (стр. 70).

После того, как он привел многие объяснения землетрясений, он, по обыкновению, добавляет:

[106] «и *другими способами»* и т. д. (стр. 71).

О КОМЕТАХ (стр. 75)

[112] «...это можно объяснить и многими другими способами, если только делать умозаключения в согласии с наблюдаемыми явлениями».

О ЗВЕЗДАХ НЕПОДВИЖНЫХ И БЛУЖДАЮЩИХ

[113] «... Объяснять эти явления исключительно *одной причиной,* в то время как видимые явления требуют, чтобы признавалась возможность многих различных причин, было бы *сумасбродством,* неуместным действием ревнителей суетной астрологии, которые наугад приписывают причины тем или иным явлениям, *не освобождая божественную природу от тяжелых обязанностей»* (стр. 76).

Более того, он обвиняет тех, которые о таких вопросах рассуждают «просто».

[114] «... portentosum quidpiam coram multitudine ostentare affectare» = «это подходит для тех, кто желает произвести впечатление на толпу» * (стр. 76).

Он говорит по поводу «предвестников», о предчувствии «непогоды» у животных, которое некоторые ставят в связь с богом.

[116] «*В подобного рода глупость не может впасть ни одно живое существо,* хотя бы немного просвещенное, *тем более существо, достигшее полного блаженства»* (стр. 77).

По этому можно, между прочим, судить о том, как Пьер Гассенди, который хочет спасти божественное вмешательство, отстоять бессмертие души и т. д. и тем не менее хочет быть эпикурейцем (см., напр., «Душа бессмертна. Против Эпикура», замечания *Пьера Гассенди* к X книге *Диогена Лаэрция,* стр. 549—602, или «Бог — творец мира. Против Эпикура», стр. 706—725; «Бог заботится о людях. Против Эпикура», стр. 738—751 и т. д. Ср. *Фейербах,* «История новой философии», гл. «*Пьер Гассенди»,* стр. 127—150 [29]), совершенно

* До знака равенства у Маркса в рукописи дан сделанный Гассенди латинский перевод фразы из параграфа 114 десятой книги Диогена Лаэрция (об Эпикуре). После знака равенства Маркс дает фразу в греческом оригинале. *Ред.*

не понял Эпикура и еще менее того способен разъяснить нам его. У Гассенди обнаруживается скорее лишь стремление поучать нас по Эпикуру, а не объяснять его. Там, где он нарушает железную последовательность Эпикура, он делает это для того, чтобы не противоречить своим религиозным предпосылкам. Эта борьба характерна для Гассенди, как вообще характерен факт, что именно то, в чем проявился закат древней философии, означало возрождение новой: с одной стороны, универсальное сомнение Декарта, между тем как скептики читают отходную греческой философии; с другой стороны — рациональное воззрение на природу, между тем как древняя философия преодолевается у Эпикура еще последовательнее, чем у скептиков. Древний мир коренился в природе, в субстанциальном. Принижение, профанация природы по существу означает разрыв с субстанциальной, самобытной жизнью; новый мир коренится в духе, и он может легко отрешить от себя свое иное, природу. Но также и наоборот: то, что́ у древних было профанацией природы, у людей нового времени явилось освобождением от оков, налагаемых рабской верой; новое рациональное воззрение на природу должно было еще подняться до признания того, что божественное, идея, воплощено в природе, — между тем с этого, по крайней мере в принципе, как раз и начинается древняя ионийская философия.

Кто не вспомнит здесь восторженных слов Аристотеля, вершины древней философии, в его трактате «О природе животных» [30], которые звучат совершенно иначе, чем рассудительная монотонность Эпикура!

Для метода эпикурейского воззрения характерна проблема *сотворения мира,* — проблема, на которой всегда можно выяснить точку зрения философии, так как она показывает, как дух в данной философии создает мир, каково отношение данной философии к миру, каков дух, творческая потенция философии.

Эпикур говорит (стр. 61 и 62):

[88] «Мир есть некоторая *небесная совокупность,* объемлющая светила, землю и все явления, представляющая собой выделенную часть (отрезок) *бесконечности* и *заканчивающаяся в неком пределе* — в эфирообразном, или плотном (когда этот предел разрушается, то все, заключающееся в нем, превращается в хаос). Предел мира может быть неподвижен и имеет или круглую форму, или форму треугольника, или любое иное очертание. Ибо *представляются все эти возможности,* так как ни одно из этих определений не опровергается *явлениями. Где* кончается мир — *понять нельзя,* но что таких миров *бесконечное множество* — ясно» *.

* В оригинале эта и следующая цитата из Диогена Лаэрция (стр. 46) приведены в немецком переводе. *Ред.*

Каждому тотчас бросается в глаза убожество этой конструкции мира. То, что мир есть комплекс земли, звезд и т. д., — это еще ничего не разъясняет, так как возникновение луны и т. д. излагается и объясняется лишь впоследствии.

Вообще всякое конкретное тело есть комплекс, а именно, по учению Эпикура, комплекс атомов. Определенность этого комплекса, его специфическое отличие заключается в его пределе, и поэтому излишне называть мир отрезком бесконечности, а затем добавлять, как более точное определение, указание на предел, так как один отрезок отделяется от другого и есть нечто конкретное, от него отличающееся, — следовательно, нечто отграниченное от иного. Но предел и есть именно то, что следует объяснить, так как ограниченный комплекс вообще еще не есть мир. Но далее сказано, что предел может быть определен всяким способом, παντοχῶς, и, наконец, допускается даже, что определить его специфическое отличие невозможно, но что таковое, понятно, существует.

Следовательно, говорится лишь то, что представление о сведении совокупности различий к неопределенному единству, т. е. представление «мир», дано в сознании, существует в обыденном мышлении. Говорится, что предел, специфическое отличие, а следовательно — имманентность и необходимость этого представления, необъяснимы; то, что это представление дано, можно, с этой точки зрения, понять только в силу тавтологии, — потому, что оно дано. Итак, необъяснимым признается то, что́ должно быть объяснено — создание, возникновение и внутреннее воспроизведение мира в мышлении, и за объяснение выдается наличие этого представления в сознании.

Получается то же самое, как в том случае, когда говорят, что бытие бога может быть доказано, но что его differentia specifica quid sit *, т. е. содержание этого определения — непостижимо.

Если Эпикур говорит далее, что предел можно мыслить себе как угодно, т. е. что ему можно приписать всякое определение, которое мы устанавливаем для пространственного предела, — то представление «мир» оказывается лишь сведением к неопределенному, — следовательно, допускающему любое определение, — чувственному единству; или, в более общей форме: так как мир есть неопределенное представление, наполовину чувственного, наполовину размышляющего сознания, то оказывается, что в этом сознании мир дан вместе со всеми другими чувственными представлениями и ограничен ими.

* — специфическое отличие, что́ именно он есть. *Ред.*

Итак, его определенность и предел столь же многообразны, как эти, облегающие его, чувственные представления, и каждое из них может считаться его пределом и, следовательно, его более точным определением и объяснением. Такова сущность всех эпикурейских объяснений, и это тем более важно, что такова сущность всех объяснений представляющего сознания, скованного предпосылками.

Таково же и отношение людей нового времени к богу, когда ему приписывается благость, мудрость и т. д. Каждое из этих определенных представлений может быть рассматриваемо как предел заключающегося между ними неопределенного представления «бог».

Итак, сущность этого объяснения заключается в том, что из сознания берется представление, которое должно быть объяснено. Затем объяснение или более точное определение сводится к тому, что представления из той же сферы, принимаемые за известные, стоят в связи с этим представлением, и что, следовательно, оно вообще дано в сознании, в определенной сфере. Здесь Эпикур признает несовершенство своей и всей древней философии, знающей, что представления даны в сознании, но не знающей их предела, их принципа, их необходимости.

Однако Эпикур не удовлетворяется тем, что дал свое понятие о сотворении мира; он сам разыгрывает эту драму, он объективирует для себя то, что только что сделал, и лишь тогда у него начинается, собственно говоря, сотворение мира. А именно, он говорит далее:

[89] «Такой мир может возникнуть также и в intermundium (так мы называем пространство между мирами), в совершенно пустом пространстве, в великой прозрачной пустоте, именно таким образом, что годные для этого семена текут от одного мира или от одного intermundium или же от нескольких миров и производят постепенно, смотря по обстоятельствам, сочетания, расчленения и перестановки и принимают в себя извне столько истечений, сколько сочетаний могут выдержать лежащие в основании субстраты. [90] Для образования нового мира в пустоте недостаточно, чтобы в этой пустоте возникли куча или вихрь и чтобы они увеличивались, пока не натолкнутся на другую кучу или вихрь, как говорит один из физиков. Ведь это противоречит явлениям» [стр. 62].

Следовательно, здесь, во-первых, для сотворения мира предполагаются миры; местом, где происходит это событие, оказывается пустота. Итак, то, чтó прежде подразумевалось в понятии творения, а именно: то, чтó должно быть еще созданным, заранее предполагается, здесь принимает характер субстанции. Представление без более точного его определения

и вне связи с другими представлениями, следовательно, в той форме, в какой оно предварительно допускается, — оказывается пустым или лишенным телесности *, оказывается некоторым intermundium, пустым пространством. Определение же этого представления выражается таким образом в том, что семена, пригодные для создания мира, соединяются так, как нужно для создания мира, т. е. не дается никакого определения, никакого различия. В целом мы опять-таки имеем лишь атом и «пустоту», как ни протестует против этого сам Эпикур. Уже Аристотель глубокомысленно указал на поверхностность метода, который принимает за исходный пункт какой-нибудь абстрактный принцип, но не допускает снятия этого принципа в высших формах. Он хвалит пифагорейцев за то, что они впервые освободили категории от их субстратов, не считали их особою сущностью, как это соответствует предикату, но считали, что категории — сама имманентная субстанция.

«Они [пифагорейцы] думали, что ограниченное и неограниченное не представляют собой какие-то *различные субстанции*, каковы, например, огонь или земля и т. п., но... *являются сущностью того, о чем говорится...*» Но Аристотель бросает им упрек: «*То, к чему прежде всего подходило высказанное ими определение, они считали сущностью предмета*» (Аристотель. «Метафизика», кн. I, гл. 5).

II. СЕКСТ ЭМПИРИК

Мы переходим теперь к отношению эпикурейской философии к скептицизму, поскольку оно выясняется из Секста Эмпирика.

Но предварительно следует привести из X книги Диогена Лаэрция еще одно основное определение, даваемое самим Эпикуром при описании мудреца:

[121] «Он *будет излагать учение и не будет обнаруживать колебаний*» (стр. 81).

Из всего изложения эпикурейской системы, в котором показана ее существенная связь с прежней философией, ее принцип мыслимости, рассуждения Эпикура о языке, о возникновении представлений являются важными документами и содержат в себе implicite ** его отношение к скептикам. Выяснение мотива, побудившего Эпикура, по мнению Секста Эмпирика, к философствованию, представляет некоторый интерес [31].

[18] «Если кто-нибудь спросит.., *из чего произошел хаос*, ему нечего будет ответить. И, по словам *некоторых, это именно и побудило Эпикура отдаться философии*. [19] Еще будучи совсем подростком, он спросил

* У Маркса в рукописи, очевидно, описка. Вместо «entkörpert» (не воплощенный, лишенный телесности) написано «verkörpert» (воплощенный). *Ред.*

** — в неразвернутом виде. *Ред.*

[своего] учителя, читавшего ему [стихи Гесиода]: «Из чего произошел хаос, если он появился раньше всего?». Когда же тот сказал, что обучать этому дело не его, а так называемых философов, Эпикур воскликнул: «В таком случае мне следует обратиться к ним, если они в самом деле знают истину сущего»» (Секст Эмпирик. «Против математиков». Женева, 1621, стр. 383 [кн. IX]).

[23] «Демокрит говорит, что человек есть то, что́ мы все знаем и т. д. [24] Он же [Демокрит] говорит, что *поистине существуют только атомы и пустота, которые, по его словам, присутствуют не только в живых существах, но и во всех смешанных телах, так что, поскольку* [мы будем иметь в виду] *атомы и пустоту, мы не заметим частных свойств человека, так как они общи всем.* Но, кроме этого, нет в основе ничего другого, и мы таким образом не будем знать, по каким признакам отличить человека от других животных, и *не сможем получить* [о нем] *ясное представление.*

[25] Эпикур же говорит, что человек *это* [существо] *такого-то внешнего вида,* [наделенное] *душой.* И раз, по Эпикуру, *человек определяется показом,* то *неуказанный не есть человек;* и если кто-нибудь указывает женщину, то мужчина не будет человеком; если же женщина [укажет] мужчину, то [в таком случае она] не будет человеком» («Пирроновы основоположения», кн. II, стр. 56).

[64] «Ибо и Пифагор, и Эмпедокл, и ионийцы, как Сократ, так и Платон и Аристотель, и стоики, а может быть также приверженцы сада [32], *как об этом свидетельствуют собственные слова Эпикура,* оставляют бога» (стр. 320, «Против математиков» [кн. VIII]).

[71] «И нельзя предполагать, что души уносятся вниз... [72] И, *как говорил Эпикур, они* [души], *расставшись с телами, не рассеиваются,* как дым; ибо и раньше не тела оберегали их души, а, наоборот, души были причинами сохранения тел, и, конечно, еще более того, самих себя» (стр. 321, «Против математиков» [кн. VIII]).

[58] «И *относительно Эпикура* некоторые [утверждали], что для толпы он оставляет бога, *для объяснения же природы вещей — никоим образом»* (стр. 319, «Против математиков» [кн. VIII]).

[267] «Эпикурейцы... не знали, что, если *то, что показывают, есть человек,* то, следовательно, то, что не показывается, не есть человек. И *подобный показ имеет,* конечно, в виду мужчину... со сплюснутым или с орлиным носом, с длинными и гладкими или с курчавыми волосами, и *с другими внешними отличиями»* (стр. 187, «Против математиков» [кн. VII]).

[49] «К числу их следует причислить Эпикура, *хотя он, по-видимому, и относится враждебно к представителям наук»* (стр. 11, «Против математиков» [кн. I]).

[57] «*Так как, согласно учению мудрого Эпикура, ни заниматься исследованиями, ни даже сомневаться нельзя без пролепсиса,* то будет, пожалуй, хорошо прежде всего рассмотреть, что такое есть грамматика» (стр. 12, «Против математиков» [кн. I]).

[272] «Мы найдем, что сами *противники грамматики,* Пиррон и *Эпикур,* согласно признают ее необходимость... [273] Эпикур изобличается в хищении у поэта важнейших из своих положений. Ведь, как оказывается, он свое положение о том, что пределом силы наслаждений служит наиболее полное устранение страдания, извлек из одного [гомеровского] стиха:

«И когда питием и пищею глад утолили» *.

А утверждение о смерти, что она для нас ничто, подсказал ему Эпихарм изречением:

«Умереть или быть мертвым, по мне безразлично...»

---

* *Гомер.* «Илиада». Песнь I, стих 469. *Ред.*

Равным образом и [утверждение], что тела, став трупами, ничего не чувствуют, он позаимствовал у Гомера, говорящего:

«Землю немую неистовый муж оскверняет»» * (стр. 54, «Против математиков» [кн. I]).

[14] «К нему»

(т. е. к Архелаю из Афин, который делит философию на физику и этику)

«они присоединяют и Эпикура, якобы отрицающего строго логическое рассуждение. [15] Были впрочем и другие, которые говорили, что *он отвергает не вообще логику, а только логику стоиков*» (стр. 140, «Против математиков» [кн. VII]).

[22] «Эпикурейцы же происходят от логиков: прежде всего они изучают канонику; а затем уже делают заключение как об очевидном, так и о скрытом — и о других, сопутствующих им явлениях» (стр. 141, «Против математиков» [кн. VII]).

[1] «*Ученики Эпикура* и последователи Пиррона занимают, *по-видимому, одинаковую позицию* в *полемике против представителей наук*, но исходные предпосылки у них *не одинаковы*. Ведь эпикурейцы полагают, что *науки ничем не содействуют достижению мудрости*» («Против математиков» [кн. I]).

(Это значит: эпикурейцы считают знание о вещах, как об инобытии духа, бессильным сделать последний более реальным; пирронисты считают бессилие духа понять вещи существенной стороной духа, его реальной энергией. Аналогичное отношение существует между святошами и кантианцами в их взглядах на философию, хотя оба направления представляются выродившимися, утратившими свежесть, свойственную античной философии. Первые из набожности отказываются от знания, т. е. вместе с эпикурейцами они полагают, что неведение и есть божественное в человеке, что эта божественность, которая есть не что иное, как лень, нарушается понятием. Наоборот, кантианцы являются, так сказать, профессиональными жрецами неведения, их повседневное занятие заключается в причитаниях о своей собственной немощи и о мощи вещей. Эпикурейцы более последовательны: если неведение свойственно духу, то знание вовсе не есть обогащение духовной природы, а что-то для нее безразличное; для несведущего божественное заключается не в процессе познания, а в лени.)

[1—2] «Или, как некоторые считают, они [эпикурейцы] полагали, что это может служить прикрытием их собственного невежества: ведь Эпикура упрекают в том, что он во многом был совершенным неучем и даже обычной речью владел недостаточно грамотно» (стр. 1, «Против математиков» [кн. I]).

Сообщив еще некоторые сплетни, свидетельствующие только о его замешательстве, Секст Эмпирик определяет различие

* *Гомер*. «Илиада». Песнь XXIV, стих 54. *Ред.*

между отношением к науке скептиков и эпикурейцев следующим образом:

[5] «Последователи же Пиррона [относятся отрицательно к представителям наук] *не потому, будто науки нисколько не способствуют мудрости: ведь это утверждение было бы догматично,* и не потому, будто они сами невежественны... [6] Они занимают такую же позицию по отношению к наукам, как и вообще к философии».

(Из этого выясняется, что следует различать между «наукой» и «философией» и что пренебрежение Эпикура к «науке» относится к тому, что мы называем познаниями и что это утверждение вполне соответствует всей его системе.)

«Ибо подобно тому как в стремлении познать истину, они обратились к философии, но, *натолкнувшись на аномалию в вещах, напоминающую противоречие, воздержались* [от заключения], точно так же, когда они обратились, с целью разъяснения [противоречий] к наукам, желая изучить заключенную в них истину, они встретили такие же затруднения и этого не скрыли» (стр. 6 [«Против математиков», кн. I]).

В «Пирроновых основоположениях», кн. I, гл. XVII, метко опровергается этиология, применяемая, в частности, Эпикуром, причем, однако, обнаруживается и бессилие самих скептиков:

[185] «Но, возможно, и пяти видов воздержания от суждения достаточно для опровержения этиологий. Ибо можно высказать обосноаание, или согласное со всеми направлениями философии и скептицизма и явлениями, или несогласное. И [высказать обоснование], согласное [со асем этим], пожалуй, невозможно» [«Пирроновы основоположения», кн. I].

(Конечно, указать такое основание, которое прежде всего было бы не чем иным, как явлением, невозможно потому, что основанием служит идеальность явления, явление, подвергшееся снятию. Точно так же основание не может соответствовать и точке зрения скептицизма, так как скептицизм есть профессиональное противоречие всяким мыслям, снятие самого процесса определения. Наивным становится скептицизм, когда он сопоставляет явления друг с другом, потому что явление есть утрата мысли, ее небытие: скептицизм есть то же самое небытие мысли, как отраженное внутри себя; но явление само по себе исчезло, оно есть лишь видимость, скептицизм есть наделенное речью явление, и он исчезает, как только исчезает само явление, — он также оказывается лишь явлением.)

[185—186] «Ибо относительно всех явлений и всего неочевидного *существует разногласие*. Если же *обнаруживается разногласие,* то потребуется обоснование и этого обосноаания»

(т. е. скептик желает такого основания, которое само оказывается лишь видимостью, следовательно — не есть основание):

«и если брать явление для [обоснования] явления и неочевидное для неочевидного, то это значит впасть в бесконечность» [«Пирроновы основоположения», кн. I].

(Т. е. так как скептик не выходит за пределы видимости и желает отстоять ее как таковую, он и не в состоянии выйти за ее пределы, и этот маневр может повторяться до бесконечности. Хотя Эпикур желает перейти от атома к дальнейшим определениям, но так как он не хочет дать атому как таковому раствориться, он не идет далее атомистических, внешних по отношению к самим себе и произвольных определений; наоборот, скептик принимает все определения, но в форме видимости; поэтому его приемы оказываются столь же произвольными и повсюду обнаруживают такое же убожество. Он утопает, правда, во всем богатстве мира, но остается все-таки столь же бедным, и сам он представляет собой воплощение того бессилия, которое он усматривает в вещах. Эпикур с самого начала опустошает мир, но он таким образом приходит в конце концов к тому, чтó не имеет никакого определения, к самодовлеющей пустоте, к совершенно бездействующему богу.)

[186] «Остановившись же где-нибудь, он или скажет, что причина основывается на уже сказанном и, таким образом, вводит относящееся-к-чему-либо, отклоняя относящееся-к-природе»

(именно для видимости, для явления относящееся-к-чему-либо есть относящееся-к-природе)

«или же допустит что-либо, исходя из предположения, что встретит возражения» ([«Пирроновы основоположения», кн. I], стр. 36).

Если небесные явления, — *видимое небо,* — представляются древним философам символом и созерцанием их скованности субстанцией, так что даже Аристотель считает звезды богами или, по крайней мере, приводит их в непосредственную связь с высшей энергией, — то *написанное небо, запечатленное слово* бога, раскрывшегося в ходе всемирной истории, оказывается боевым лозунгом христианской философии. Для древних предпосылкой является действие природы, для людей нового времени — действие духа. Борьба древних могла окончиться лишь тогда, когда было разрушено видимое небо, субстанциальная связь жизни, сила тяготения политической и религиозной жизни, так как природа должна быть расколота для того, чтобы было достигнуто единство духа внутри себя. Греки разбивали природу гефестовым молотом искусства, создавая статуи; римля-

нин направлял свой меч прямо в ее сердце, и народы умирали; но философия нового времени срывает печать со слова, и оно исчезает в священном пламени духа; как борец духа, борющийся с духом, а не как отдельный отступник, отрешившийся от силы притяжения природы, она действует как всеобщая сила и плавит формы, препятствующие обнаружению всеобщего.

III. ПЛУТАРХ ПО ИЗДАНИЮ Г. КСИЛАНДЕРА «О ТОМ, ЧТО СЛЕДУЯ ЭПИКУРУ НЕВОЗМОЖНО ЖИТЬ СЧАСТЛИВО»[33]

Само собой разумеется, что из этого трактата Плутарха можно извлечь очень мало. Достаточно прочитать предисловие, в котором обнаруживаются грубая хвастливость и нелепое истолкование эпикурейской философии, чтобы исчезло всякое сомнение относительно полной неспособности Плутарха к философской критике.

Пусть он и соглашается с мнением Метродора:

[III, 2] «Они [эпикурейцы] полагают, что благо сосредоточено в чреве и во всех остальных ходах внутри тела, по которым проникает наслаждение, но не [может проникнуть] боль; они [думают], что все замечательные открытия, все остроумные изобретения имеют своим источником наслаждение, доставляемое чревом, и надежду на наслаждения» (стр. 1087).

Но это ведь меньше всего учение Эпикура. Сам Секст Эмпирик усматривает различие между Эпикуром и школой киренаиков, состоящее в том, что тот утверждает значение «наслаждения» как «духовного наслаждения».

[III, 9—10] «Эпикур же говорит, что часто мудрец, будучи нездоровым, смеется над телесными страданиями, причиняемыми болезнью. Какое же в таком случае могут иметь значение наслаждения для тех людей, которые так бодро и легко переносят физические муки?» (стр. 1088).

Ясно, что Плутарх не понимает последовательности Эпикура. Для Эпикура высшим наслаждением является свобода от страдания, от различия, свобода в смысле отсутствия предпосылок; тело, не предполагающее никакого другого тела при ощущении, не ощущающее этого различия, является здоровым, положительным. Это положение, обретающее свою высшую форму в бездействующем боге Эпикура, само по себе похоже на продолжительную болезнь, так как благодаря своей продолжительности болезнь перестает быть состоянием, — она становится, так сказать, привычной и характерной. При рассмотрении натурфилософии Эпикура мы видели, что он стремится к этому

отсутствию предпосылок, к этому устранению различия как в области теории, так и в практической жизни. Высшим благом для Эпикура является атараксия, так как тот дух, о котором идет речь, есть эмпирически единичный дух. Плутарх пустословит, он рассуждает, как подмастерье.

Попутно мы можем упомянуть об определении σοφός *, в одинаковой степени являющегося объектом эпикурейской, стоической и скептической философии. Из рассмотрения этого понятия выяснится, что оно с наибольшей последовательностью выражено в атомистической философии Эпикура, что и с этой стороны упадок античной философии нашел свое законченное объективированное выражение у Эпикура.

Мудрец, ὁ σοφός, характеризуется в древней философии двумя определениями, которые, однако, имеют общий корень.

То, что́ теоретически обнаруживается при рассмотрении материи, обнаруживается практически в определении σοφός. Греческая философия начинается с семи мудрецов, к которым принадлежит ионийский натурфилософ Фалес, и она оканчивается первой попыткой выразить в понятиях образ мудреца. Начало и конец, но не в меньшей степени и центр, средина, есть σοφός, а именно Сократ. Эти субстанциальные индивиды стоят в центре движения философии, и это оказывается не просто экзотерическим фактом, — как и то, что политический упадок Греции относится к тому времени, когда Александр утрачивает свою мудрость в Вавилоне.

Так как душою греческой жизни и греческого духа является субстанция, которая впервые обнаруживается в них как свободная субстанция, то знание об этой последней проявляется в самостоятельных существах, в индивидах. При этом, они, с одной стороны, как замечательные личности, *внешним образом* противостоят другим личностям, а с другой стороны, их знание оказывается внутренней жизнью субстанции, оно, таким образом, оказывается внутренним по отношению к условиям окружающей их действительности. Греческий философ есть демиург, его мир отличается от мира, который процветает под естественным солнцем субстанциального.

Первые мудрецы являются лишь сосудами, пифиями; субстанция изрекает их устами общие, простые предписания; их язык — это еще только язык субстанции, которая глаголет их устами; в них раскрываются элементарные силы нравственной жизни. Поэтому они отчасти являются и деятельными творцами политической жизни, законодателями.

* — мудреца. *Ред.*

Ионийские натурфилософы представляют собой явления столь же изолированные, как и те формы природной стихии, в которых они пытаются постичь вселенную. Пифагорейцы организуют для себя сокровенную жизнь в государстве; форма, в которой они воплощают свое знание о субстанции, находится посредине между полной сознательной изолированностью, не свойственной ионийцам (изолированность ионийцев — это, скорее, чуждая рефлексии наивная изолированность элементарных существований), и доверчивой погруженностью в нравственную действительность. Сама форма их жизни оказывается субстанциальной, политической, но лишь абстрактной, в ней протяженность и природные основы сведены к минимуму, подобно тому как их основное начало, число, является чем-то средним между красочной чувственностью и идеальным. Элеаты первыми открыли идеальные формы субстанции, но они понимали внутреннее содержание субстанции еще как нечто вполне сокровенное, абстрактным и интенсивным образом; они — проникнутые пафосом пророческие глашатаи утренней зари. Озаренные простым светом, они с негодованием отворачиваются от народа и от старых богов. Но в случае с Анаксагором сам народ возвращается к старым богам, выступает против отдельного мудреца и признает его таковым, обособляя его от себя. В новое время Анаксагора упрекали за дуализм (см., например, Риттер. «История древней философии», часть I) [34]. Аристотель говорит в первой книге «Метафизики», что Анаксагор применяет νοῦς * как машину и пользуется им лишь там, где он не может дать естественных объяснений. Однако, этот кажущийся дуализм оказывается, с одной стороны, именно тем дуалистическим началом, которое уже начинает раскалывать сердцевину государства в эпоху Анаксагора; с другой стороны, его следует понимать глубже. Νοῦς действует и применяется там, где отсутствует природная определенность. Сам он есть non ens ** природного, идеальность. А затем активность этой идеальности проявляется лишь там, где у философа угасает физический взор, т. е. νοῦς есть собственный νοῦς философа, появляющийся именно там, где он уже не в состоянии объективировать свою деятельность. Итак, обнаружилось, что субъективный νοῦς есть сущность странствующего схоласта ***, и мощь, свойственная ему как идеальности реальной определенности, проявляется, с одной стороны, в софистах, с другой стороны — в Сократе.

* — ум. *Ред.*

** — небытие. *Ред.*

*** См. *Гёте.* «Фауст». Часть первая, сцена третья («Кабинет Фауста»). *Ред.*

Если первые греческие мудрецы являются подлинным духом субстанции, воплощенным знанием о субстанции; если их изречения отличаются столь же самобытной интенсивностью, как и сама субстанция; если, по мере того как субстанция все более и более идеализируется, носители этого движения отстаивают идеальную жизнь в ее партикулярной действительности против действительности являющейся субстанции, действительной народной жизни, — то все же идеальность является еще всего лишь в форме субстанции. Живые силы остаются незатронутыми, идеальнейшие мыслители этого периода, пифагорейцы и элеаты, прославляют государственную жизнь как действительный разум, их принципы объективны и являются силой, которая превосходит их самих, которую они возвещают с оттенком таинственности, с поэтическим воодушевлением, т. е. в такой форме, благодаря которой естественная энергия возвышается до идеальности и не уничтожается, а перерабатывается, причем целое сохраняет определенность природного. Это воплощение идеальной субстанции совершается в самих философах, ее провозглашающих; не только форма ее выражения оказывается пластично-поэтической, но и действительность ее выражается в данной личности, а действительность этой последней есть собственное проявление субстанции. Сами философы являются живыми образами, живыми художественными произведениями, и народ видит, как они возникают из него самого в пластическом величии; там, где, как у первых мудрецов, их деятельность формирует всеобщее, их изречения являются субстанцией, признаваемой на деле, — законами.

Итак, эти мудрецы столь же мало народны, как и статуи олимпийских богов; их движение оказывается самодовлеющим покоем, их отношение к народу настолько же объективно, как и их отношение к субстанции. Прорицания дельфийского Аполлона являлись для народа божественной истиной, скрытою в полумраке неведомой силы, лишь до тех пор, пока с пифийского треножника возвещалась явная мощь самого греческого духа; народ относился к ним теоретически лишь до тех пор, пока в них выражалась сама теория народа, облеченная в слово, они были народны, лишь пока они были ненародны. Таковы же были и эти мудрецы. Однако с выступлением софистов и Сократа, а потенциально уже с выступлением Анаксагора, дело принимает иной оборот. Принципом философии становится сама идеальность в своей непосредственной форме — *в субъективном духе*. Если в прежних греческих мудрецах идеальная форма субстанции, ее тождество обнаруживалось по отношению к пестрому, сотканному из различных народных индивидуаль-

ностей одеянию, прикрывавшему ее являющуюся действительность; если эти мудрецы, вследствие этого, с одной стороны, выражают абсолютное лишь в самых односторонних, самых общих онтологических определениях, а с другой стороны, сами они представляют собой обнаружение в действительности замкнутой в себе субстанции; и если, таким образом, проявляя исключительность по отношению к «толпе», представляя собой выражение тайны субстанциального духа, воплощенное в слове, они являются, с другой стороны, — подобно изваяниям богов на площадях, со свойственным им блаженным самоуглублением, — в то же время и подлинным украшением народа и возвращаются к нему в своей индивидуальности, — то наоборот, теперь сама идеальность, чистая, ставшая самодовлеющей абстракция, противопоставляет себя субстанции; субъективность выдает себя за принцип философии. Так как эта субъективность ненародна, направлена против субстанциальных сил народной жизни, то она оказывается народной, т. е. в своих внешних проявлениях она направлена против действительности, практически вплетена в нее, и ее существование есть движение. Подвижными сосудами этого развития и являются софисты. Из них самой сокровенной, очищенной от непосредственных примесей явления фигурой является Сократ, которого дельфийский оракул называет «мудрейшим».

Так как субстанции противополагается ее собственная идеальность, то она распадается на множество случайных ограниченных существований и институций, правомерность, единство, тождество которых по отношению к субстанции перешло в субъективный дух. Таким образом, сам субъективный дух, как таковой, оказывается хранителем субстанции, но эта идеальность противополагается действительности, и поэтому она проявляется объективно в умах как долженствование, субъективно — как стремление. Выражением этого субъективного духа, открывающего идеальность внутри себя, является суждение понятия, для которого критерием частного оказывается определенное в самом себе, цель, добро, но которое, однако, еще является здесь долженствованием действительности. Это долженствование действительности есть также и долженствование субъекта, сознавшего эту идеальность, потому что он сам находится внутри этой действительности и действительность вне его есть его действительность. Итак, позиция этого субъекта является столь же определенной, как и его судьба.

Во-первых, то, что эта идеальность субстанции перешла в субъективный дух, обособилась от самой субстанции, есть скачок, обособление от субстанциальной жизни, обособление,

корни которого лежат в самой этой жизни. Итак, для самого субъекта это его определение является совершившимся фактом, чуждой силой, носителем которой он оказывается, сократовским демоном. В демоне непосредственно обнаруживается, что для греческой жизни философия являлась чем-то только внутренним, и вместе с этим — чем-то только внешним. Определением демона субъект определяется как эмпирический единичный субъект, так как он представляет собой естественное отрешение в данной системе жизни от субстанциальной, следовательно — природно-обусловленной жизни, — ведь и демон проявляется в качестве природного определения. Сами софисты являются такими демонами, еще не отличающими себя от своей деятельности. Сократ сознает, что он — носитель демона. Сократ является субстанциальным модусом, с помощью которого сама субстанция теряется в субъекте. Итак, он оказывается столь же субстанциальным индивидом, как и прежние философы, но в форме субъективности; он не замыкается в себя, он носитель не божеского, а человеческого образа; Сократ оказывается не таинственным, а ясным и светлым, не пророком, а общительным человеком.

Вторым определением является то, что этот субъект высказывает суждение долженствования, цели. Субстанция утратила свою идеальность, перенеся ее в субъективный дух, и таким образом последний стал ее определением в самом себе, ее предикатом, между тем как сама она по отношению к нему оказалась низведенной до положения непосредственного, лишенного оправдания, только существующего соединения самостоятельных существований. Итак, определение предиката, относясь к чему-то существующему, само оказывается непосредственным, а так как это существующее есть живой народный дух, то определение предиката оказывается практическим определением отдельных умов, воспитанием и поучением. Долженствование субстанциальности есть подлинное определение субъективного духа, который его выражает; итак, мировая цель есть его собственная цель, учение о ней есть его призвание. Он, следовательно, воплощает в себе — как в своей жизни, так и в своем учении — цель, добро. Он мудрец в том виде, в каком он вошел в практическое движение.

И, наконец, — так как этот индивид высказывает о мире суждение понятия, то в нем обнаруживается внутренний разлад, и он оказывается осужденным. Ведь, с одной стороны, сам он коренится в субстанциальном, его право на существование основано лишь на праве его государства, его религии, одним словом — всех субстанциальных условий, проявляю-

щихся в нем как его природа. С другой стороны, в нем самом заключается цель, являющаяся судьей по отношению к этой субстанциальности. Итак, его собственная субстанциальность осуждена в нем самом, и он, следовательно, погибает именно потому, что его родиной является субстанциальный дух, — а не свободный дух, который выдерживает и преодолевает всякие противоречия и который не вынужден признавать никаких природных условий как таковых.

Сократ так важен потому, что в нем выражается отношение греческой философии к греческому духу, а следовательно, и ее внутренний предел. Само собой ясно, до какой степени нелепо было то, что недавно с ним сравнивали отношение философии Гегеля к жизни и оправдывали этим сравнением ее осуждение. Специфический недуг греческой философии заключается именно в том, что она находится в связи только с субстанциальным духом; в наше время обе стороны являются духом и обе они требуют, чтобы их признавали таковым.

Субъективность проявляется в ее непосредственном носителе как его жизнь и его практическое действие, как форма, в которой он доводит отдельных индивидов от определенностей субстанциальности до определения в себе; если оставить в стороне эту практическую деятельность, то содержанием его философии оказывается лишь абстрактное определение добра. Его философия заключается в том, что он побуждает переходить от субстанциально существующих представлений, различий и т. д. к определению в себе; однако, единственным содержанием определения в себе оказывается то, что в нем проявляется эта разлагающая рефлексия. Поэтому его философия есть по существу его *собственная мудрость*, его собственная *благость* по отношению к миру является исключительным осуществлением его учения о добре, оказывается совершенно иною субъективностью, чем субъективность, проявляющаяся в формулировке категорического императива у Канта. Для последнего отношение его самого, как эмпирического субъекта, к этому императиву является безразличным.

У Платона движение становится идеальным; как Сократ — образ и учитель мира, так у Платона идеи, его философская абстракция — прообразы мира.

У Платона это абстрактное определение добра, цели переходит в развернутую философию, охватывающую мир. Целью как определением в себе, действительным хотением философа является мышление; реальными определениями этого добра оказываются имманентные мысли. Действительное хотение философа, действующая в нем идеальность, есть действительное

долженствование реального мира. Это свое отношение к действительности Платон выразил в воззрении, что над действительностью витает самостоятельное царство идей (и эта потусторонняя область есть собственная субъективность философа) и отражается в ней в затемненном виде. Если Сократ открыл лишь наименование идеальности, перешедшей из субстанции в субъект, и сам еще сознательно являлся этим движением, то субстанциальный мир действительности в самом деле входит теперь в идеализированном виде в сознание Платона, но тем самым этот идеальный мир сам столь же просто расчленяется в себе, как расчленен противостоящий ему действительно субстанциальный мир. Относительно этого Аристотель делает чрезвычайно меткое замечание:

«В самом деле, идей приблизительно столько же или не меньше, чем вещей, от которых исследовавшие их причины дошли до этих идей» (Аристотель. «Метафизика», кн. I, гл. 9).

Итак, определенность и расчленение мира представляется самому философу чем-то потусторонним, движение устранено из этого мира.

«Однако же и при наличии идей вещи, им причастные, все же не возникают, если нет того, что́ *произведет движение*» (там же).

Философ, как таковой, — т. е. как мудрец, а не как движение действительного духа вообще, — оказывается, таким образом, потусторонней истиной противостоящего ему субстанциального мира. Платон в высшей степени наглядно выражает это, утверждая, что или философы должны стать царями, или цари должны стать философами для того, чтобы государство осуществило свое назначение. Опираясь на свои связи с одним тираном, он лично сделал подобного рода попытку. В государстве Платона оказывается налицо, как особое и высшее сословие, сословие обладающих знанием *.

Упомяну еще о двух замечаниях, которые делает Аристотель, так как они дают в высшей степени важные разъяснения относительно формы платоновского сознания и находятся в связи с той стороной, с которой мы рассматриваем его по отношению к σοφός.

Аристотель говорит о Платоне:

«В «Федоне» высказывается та мысль, что идеи являются причинами и для бытия и для возникновения вещей; однако же и при наличии идей вещи, им причастные, все же не возникают, если нет того, что́ произведет движение» (Аристотель, там же).

---

* См. *Платон*. «Государство», V, 473. *Ред.*

Платон стремится перенести в сферу идеальности не только существующие предметы, но и сферу бытия: эта идеальность есть замкнутое, специфически особое царство в самом философствующем сознании, — поэтому в нем нет движения.

Это противоречие в философствующем сознании должно само объективироваться для него, философствующее сознание должно выбросить из себя это противоречие.

«Далее, идеи являются образцами не только для вещей, воспринимаемых чувствами, но и для самих идей, например, род — для видов; так что одно и то же будет и образцом и копией» (Аристотель, там же).

Лукреций о древних ионийских философах:

«...вдохновенно открыть удавалось им ценного много,
И из святилищ сердец изрекать приходилось ответы
Много священней и тех достоверней гораздо, какие
Пифия нам говорит с треножника Феба под лавром. »
([«О природе вещей»] кн. I, ст. 736—739).

Существенны для определения эпикурейской натурфилософии:

1. *Вечность материи,* находящаяся в связи с тем, что время рассматривается как акциденция акциденций, как нечто свойственное лишь соединениям и происходящим в них случайным событиям, что оно, следовательно, считается чем-то находящимся вне материальной первоосновы, вне самого атома. Далее, это находится в связи с тем, что субстанции эпикурейской философии присуще лишь внешнее рефлектирование, она означает собой отсутствие предпосылок, произвол и случайность. Наоборот, время есть удел природы, конечного. Отрицательное единство с собою, его внутренняя необходимость.

2. Пустота, отрицание не есть отрицательное в самой материи, но оказывается налицо там, где нет материи. Итак, она и в этом отношении сама по себе вечна.

В мастерской греческого философского сознания перед нами, в конце концов, вырисовывается из сумрака абстракции и под ее темным покровом тот же образ, который был присущ греческой философии, когда она, полная жизненных сил, шествовала на всемирной арене; выступает тот самый образ, который видел богов даже в пылающем камине, который осушил кубок с ядом и который, как бог Аристотеля, наслаждается высшим блаженством — теорией.

ЭПИКУРЕЙСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

Тетрадь третья

III. ПЛУТАРХ. 1. «О ТОМ, ЧТО СЛЕДУЯ ЭПИКУРУ НЕВОЗМОЖНО ЖИТЬ СЧАСТЛИВО» 2. «КОЛОТ» [«ПРОТИВ КОЛОТА»]

[III] ПЛУТАРХ: 1) «О ТОМ, ЧТО СЛЕДУЯ ЭПИКУРУ НЕВОЗМОЖНО ЖИТЬ СЧАСТЛИВО»

[III, 10—11] «*В качестве общей цели для них* (т. е. наслаждений) Эпикур положил *прекращение всякого страдания*, как будто природа увеличивает приятное вплоть до исчезновения боли *и не в состоянии идти дальше этого предела* (но все же [наслаждение] допускает кое-какие несущественные оттенки, когда *отсутствие страданий не достигнуто*). Путь же, по которому мы стремимся к этой цели, будучи мерой наслаждений, короток и узок. Отсюда они [эпикурейцы], чувствуя слабость своего положения, *переносят высшее благо из тела, как из неплодоносного поля, в душу*» (стр. 1088).

[IV, 1] «Разве тебе не кажется, что эти люди [эпикурейцы] поступают правильно, когда они начинают с тела, где они усматривают зарождение [наслаждения], переходят к душе, как более прочному [началу], и в ней все приводят к завершению?»

Ответ на это таков: переход этот был бы правилен, но —

[IV, 3] «Когда ты слышишь, как они доказывают и кричат, что душа может радоваться и наслаждаться покоем только тогда, когда имеются налицо или ожидаются наслаждения тела — они-де являются высшим душевным благом, — не кажется ли тебе, что они используют душу как [своего рода] воронку для тела, переливая через нее [воронку] наслаждение из тела, подобно тому, как переливают вино из негодного и дырявого сосуда [в новый] и оставляют его стареть, полагая, что оно станет несколько лучше и ценнее?» (стр. 1088).

И здесь также Плутарх обнаруживает свое непонимание последовательности Эпикура. Его указание на отсутствие у Эпикура специфического перехода «от телесного наслаждения к наслаждению духовному» имеет вообще важное значение; следует точнее определить, как вопрос этот разрешается Эпикуром.

[IV, 4] «[Что касается чувственных наслаждений, то] воспринявшая их душа хранит только память о них и ничего другого... и [самая] память [о наслаждениях] есть только слабый [отблеск]» (стр. 1088).

[IV, 5] «Обрати же внимание, насколько скромнее киренаики, хотя они и пили с Эпикуром из одного сосуда; они не считают возможным пользоваться любовными наслаждениями при свете, но допускают [их только] в темноте, дабы мысль, воспринимая в себя картины совершающихся перед глазами деяний, не разжигала желаний [слишком] часто».

[IV, 6] «Они же [эпикурейцы] думают, что мудрец больше всего отличается тем, что он ясно помнит и удерживает в душе признаки наслаждений, страданий и движения, чтобы не сказать, что они не произносят ничего достойного мудрости, разрешая хранить в душе мудреца подонки от наслаждений, подобно тому, как в доме хранят останки покойников» (стр. 1089).

[IV, 9] «Такая вакхическая привязанность души к воспоминаниям обнаруживает ужасное и дикое желание переживаемых и ожидаемых проявлений наслаждения» (стр. 1089).

[IV, 10] «Отсюда, кажется мне, они сами [эпикурейцы], заметив бессмыслицу, [к которой приводят их принципы], прибегают к отсутствию страданий и здоровому состоянию тела .. Ибо, говорят они, здоровое состояние тела и твердая надежда на его сохранение доставляют тем, которые могут это осознать, величайшую и наиболее прочную радость».

[V, 1] «Обрати же прежде всего внимание на то, что они делают, переливая туда и сюда — то ли наслаждение, то ли безболезненность или хорошее самочувствие, из тела в душу и обратно из души в тело, не встречая преграды при своем переливании... Им приходится по необходимости возвращаться к исходному пункту: «приятное для тела, говорит Эпикур, они делают основой для душевной радости, а с другой стороны, душевную радость заканчивают надеждой на наслаждение»» (стр. 1089).

Это замечание имеет важное значение для эпикурейской диалектики наслаждения, хотя Плутарх и подвергает ее неправильной критике. По Эпикуру, сам мудрец находится в том неустойчивом состоянии, которое является определением «наслаждения». «Блаженством», чистым покоем самодовлеющего ничто, полным отсутствием всякой определенности оказывается лишь бог, — поэтому он и пребывает, в отличие от мудреца, не внутри мира, а вне его.

[V, 5] «Ибо часто бывает, что здоровое состояние тела не соединяется в душе мудреца с верным и прочным доверием к телу» (стр. 1090).

Плутарх возражает Эпикуру, что вследствие возможности страдания не может существовать свободы при наличии здоровья в настоящем. Но, во-первых, эпикурейский дух вовсе не заботится о таких возможностях: так как абсолютная относительность, случайность отношения есть сама по себе лишь безотносительность, то эпикурейский мудрец принимает свое состояние за безотносительное, и постольку оно является для него надежным. Ведь эпикурейцу время представляется лишь акциденцией акциденций, — каким же образом его тень могла

бы пробиться сквозь незыблемую фалангу атараксии? Если же он предполагает, что тело — эта ближайшая предпосылка индивидуального духа — здорово, то тем самым перед духом раскрывается его безотносительность, его врожденная натура, заключающаяся в том, что тело является здоровым, недифференцированным по отношению к внешнему миру. Если во время страданий эта его натура представляется ему в фантазиях и чаяниях особых состояний, в которых проявилось указанное характерное состояние его духа, то это означает лишь то, что индивид, как таковой, созерцает на индивидуальный лад свою идеальную субъективность; это — совершенно правильное замечание. С точки зрения Эпикура возражение Плутарха означает лишь то, что свободы духа в здоровом теле — нет, потому что она как раз имеется налицо; ведь переносить возможность во внешний мир оказывается излишним именно потому, что действительность определена только как возможность, как случай. А при рассмотрении вопроса в его общем виде оказывается, что если в самом деле омрачать положительное состояние случайными частностями, то это как раз и значит — отказываться от всеобщего; это именно значит — в свободном эфире думать о разных смесях, миазмах, исходящих от ядовитых растений, о вдыхании мелких животных; это сводится к тому, чтобы не жить, так как можно умереть, и т. п., к тому, чтобы лишить себя наслаждения всеобщим и погрязнуть в частностях. Такой ум заботится только о ничтожнейших мелочах, он настолько осмотрителен, что ничего не видит. Наконец, если Плутарх говорит, что следует заботиться о сохранении здоровья тела, то об этой тривиальности заботится и Эпикур, но глубже: тот, кто ощущает, что общее состояние есть истинное, всего лучше заботится о его сохранении. Таков здравый человеческий рассудок. Он воображает, что он вправе противопоставлять философам свои нелепейшие глупости и пошлости, выдавая их за некую terra incognita *. Он воображает себя Колумбом, проделывая фокусы с яичной скорлупой. Эпикур, оставляя в стороне его систему (ведь это его право, summum jus **), вообще прав в том отношении, что мудрец считает болезнь небытием, но видимость исчезает. Итак, если он болен, то ему это представляется исчезновением, лишенным длительности; если он, в своем существенном состоянии, здоров, то для него не существует видимости, и ему приходится делать нечто более важное, чем думать о том, что эта видимость могла

* — неведомую землю. *Ред.*

** — высшее право. *Ред.*

бы существовать. Если он болен, то он не верит в болезнь; если он здоров, то он считает, что это и есть подобающее ему состояние, т. е. он действует, как здоровый. Как жалок по сравнению с этим решительным, здоровым индивидуумом какой-то Плутарх, который припоминает Эсхила, Еврипида и даже врача Гиппократа, лишь бы только не наслаждаться здоровьем!

Здоровье, как тождественное с собою состояние, само собой забывается, в здоровом состоянии не приходится заниматься телом; это различие начинается лишь при заболевании.

Ведь Эпикур вовсе не хочет вечной жизни, — тем менее может беспокоить его то, что ближайшее мгновение может скрывать в себе несчастье.

Столь же неправильно и следующее возражение Плутарха:

[VI, 1] «Ибо, говорят они, люди, поступающие несправедливо и противозаконно, живут несчастно и пребывают в постоянном страхе, потому что, если им и удается скрыть [свои проступки], они все же не могут питать твердой уверенности в том, что эти проступки останутся необнаруженными. Поэтому постоянно угнетающий страх перед будущим не позволяет им ни радоваться, ни спокойно относиться к настоящему».

[VI, 2] «Они [эпикурейцы] не замечают, что сказанное ими относится и к ним самим. Ибо часто тело может находиться в бодром и здоровом состоянии и, однако, нельзя быть уверенным в сохранении этого состояния; приходится, таким образом, постоянно волноваться и тревожиться из-за состояния тела в будущем» (стр. 1090).

На самом деле происходит как раз противоположное тому, что́ предполагает Плутарх. Лишь тогда, когда отдельное лицо нарушает закон и общий обычай, они становятся для него предпосылкой; у него возникает разлад с ними, его спасением явилась бы лишь «вера», которая, однако, ничем не обеспечена.

Вообще интересно, что Эпикур во всех сферах устраняет то состояние, которое вызывает обнаружение предпосылки как таковой, и что он прославляет как нормальное то состояние, при котором предпосылка остается скрытой. Вообще нигде нет речи об одном лишь «телесном». В карающей справедливости обнаруживается именно внутренняя связь, безмолвная необходимость, и Эпикур устраняет как ее категорию из логики, так и ее кажущуюся действительность из жизни мудреца. Наоборот, случайность, которой подвержен справедливый, есть некое внешнее отношение, она не выводит его из его безотносительности.

Отсюда видно, насколько неосновательно следующее возражение Плутарха:

[VI, 3] «То обстоятельство, что ты не сделал ничего неправедного, не имеет [по Эпикуру] никакого значения для сохранения спокойного душев-

ного состояния, ибо не то страшно, что ты понесешь наказание справедливо, а то, что вообще можешь быть подвергнут наказанию» (стр. 1090).

Плутарх полагает, что Эпикур должен рассуждать именно так, согласно своим основным положениям. Ему не приходит в голову, что Эпикур, может быть, исходил не из тех основных положений, которые он ему навязывает.

[VI, 4] «Природа тела, заключающая в самой себе болезнетворные начала и извлекающая страдания из самого тела, как говорится в шутливой поговорке: «[брать] ремни из быка», — эта природа тела есть достаточная причина для того, чтобы сделать жизнь ненадежной и страшной одинаково для честных и дурных, [это имеет место], поскольку они сделали своей привычкой основывать радость и уверенность не на чем ином, как только на теле и на надежде на тело, *как Эпикур написал во многих других книгах, в особенности в той, в которой он трактует о высшем благе*» (стр. 1090—1091).

[VII, 1] «Если только по их [эпикурейцев] мнению радость и благо состоят в освобождении от зла. Но, по их утверждению, нельзя придумать ничего другого и вообще в природе нет ничего, где могло бы находиться благо, разве только там, откуда изгнано зло...» (стр. 1091).

[VII, 2] «Существуют подобные же *заявления и самого Эпикура, утверждающего, что «сущность добра состоит в том, чтобы избегать зла»,* а также в воспоминании и размышлении об этом и в радости по поводу случившегося. Ибо, продолжает он, то, что создает ни с чем не сравнимую радость, это как раз сознание того, что удалось избежать великого зла. И это-то и есть сущность добра, если только правильно понять и на этом стоять, вместо того чтобы распространяться в пустой болтовне о добре» (стр. 1091).

«Тьфу!» — восклицает здесь Плутарх.

[VII, 4] «Так что они не уступают ни свиньям, ни баранам.., впрочем для животных *по природе* более тонких и изящных избежание зла не является высшей целью... Избежав зла, они ищут блага, или, вернее, они отталкивают, как помеху, все то, что причиняет им боль и что противно [их природе], и достигают этого, стремясь к тому, что им более свойственно и что для них лучше» (стр. 1091). ([VIII, 1] «То, что необходимо, не есть добро *, но по ту сторону избежания зла лежит то, к чему следует стремиться и что должно выбирать») **.

Плутарх утверждает, выдавая это за верх премудрости, что кроме необходимости, которая является бегством от зла, животное стремится еще и к благу, находящемуся по ту сторону этого бегства. Для животного как раз характерно, что оно стремится еще и к благу, находящемуся вне его. С точки зрения Эпикура не существует никакого блага, которое находилось бы

* Совсем другого мнения держится по этому вопросу Аристотель, который в «Метафизике» доказывает, что среди свободных необходимость господствует в большей мере, чем среди рабов.

** Слова в скобках приведены Марксом в рукописи в латинском переводе. *Ред.*

для человека вне его; единственное благо, которым он обладает по отношению к миру, есть отрицательное движение, заключающееся в том, чтобы быть свободным от мира.

То, что у Эпикура все это выражено индивидуально, вытекает из принципа его философии, которую он формулирует со всеми вытекающими из нее выводами; синкретическая бессмысленная манера Плутарха не в состоянии опровергнуть эти выводы.

[VIII, 3] «Ибо, хотя и противно, когда тело покрыто чесоткой или гноятся глаза, то почесать тело или вытереть глаза еще не является чем-то особенным; и в такой же малой степени, — если страдание, страх перед богами и беспокойство о том, что делается в преисподней, являются злом, — может считаться счастьем и заслуживающим удивления избежание указанных страхов» (стр. 1091).

[VIII, 4] «Но они указывают радости слишком *тесное* и незначительное *поле деятельности*.., поскольку она состоит только в преодолении нелепых представлений об указанных страхах и делает венцом мудрости то, что, по-видимому, является доступным для животных».

[VIII, 5] «Ибо, если при отсутствии страданий тела не имеет значения, получилось ли это освобождение от страданий благодаря его собственной деятельности или в силу природы, то и в отношении невозмутимости духа нет никакой разницы, обязан ли он [дух] этим своим состоянием самому себе или природе».

[VIII, 6] «...И, таким образом, обнаружится, что они [эпикурейцы] не имеют никаких преимуществ перед животными, так как и эти не беспокоятся о том, что рассказывают о преисподней и о богах, и также не ожидают беспредельных печалей и страданий» [стр. 1091—1092].

[VIII, 7] «*В самом деле, сам Эпикур сказал, что если бы нас нисколько не беспокоили опасения перед небесными явлениями и мысли о смерти и о страданиях, мы не нуждались бы в науке о природе*» (стр. 1092).

[VIII, 8] «Так как целью их [эпикурейцев] учения о богах является преодоление страха перед богом и, таким образом, освобождение от беспокойства, то, я полагаю, этого достигают вернее те, которые вообще не думают о боге, чем те, которые научились думать о таком боге, который не вредит; ибо они [животные] не освобождаются от суеверий, но они им даже не были подвержены; и они не отказываются от причиняющей беспокойство мысли о боге, но ее у них никогда и не было».

[VIII, 9] «То же самое следует сказать о том, что касается преисподней» (стр. 1092).

[VIII, 9—10] «Сомнения и страх перед тем, что будет после смерти, менее свойственны тем, которые вообще не имеют представления о смерти, чем тем, которые сознательно приходят к заключению, что смерть нас нисколько не касается. Последних смерть во всяком случае касается постольку, поскольку они о ней рассуждают и думают; животные же вообще не думают о том, что их не касается, и, если они убегают от ударов и испытывают страх перед возможностью получения ран или быть убитыми, то они в смерти боятся именно того, что страшно и для них [эпикурейцев]» (стр. 1092).

Что эпикурейцы предписывают избегать математики, — Плутарх, указ. соч., стр. 1094,

[XII, 1] «Некоего Апеллеса они считают достойным восхищения и преклонения за то, что он, как они пишут, будучи с самого начала чуждым математике, сохранил свою чистоту [незапятнанной]».

То же и относительно истории и т. д. См. Секст Эмпирик. Плутарх вменяет в большую вину Метродору то, что последний пишет:

[XII, 2] «Поэтому, говорит он [Метродор], не смущайся тем, что не знаешь, на чьей стороне воевал Гектор, или не знаешь первых стихов поэмы Гомера, или стихов из середины поэмы» (там же).

[XIII, 1] «Эпикур говорит, что мудрец, с одной стороны, любит зрелища и, присутствуя на музыкальных и драматических представлениях дионисий, получает наслаждение не меньше всякого другого, но, с другой стороны, обсуждению музыкальных проблем и филологических исследований критиков он не отводит места даже в застольной беседе» и т. д. (стр. 1095).

[XV, 4] «Впрочем, они сами говорят, что делать добро приятнее, чем получать» (стр. 1097).

«Они сами» — это те, которые совращены в ересь Эпикура.

[XVIII, 5] «Далее, Эпикур признает, что некоторые (т. е. наслаждения) возникают благодаря славе» (стр. 1099).

Гораздо большего внимания, чем вышеприведенные поверхностные моральные возражения Плутарха, заслуживает его полемика против эпикурейской теологии, не сама по себе, а потому что здесь видно, как обыденное сознание, в общем стоящее на эпикурейской точке зрения, лишь страшится сделать открытый философский вывод. При этом следует постоянно иметь в виду, что Эпикур не интересуется ни «наслаждением», ни чувственной достоверностью, ни чем бы то ни было, кроме свободы духа и его независимости.

Итак, рассмотрим отдельные замечания Плутарха.

[XX, 3] «Что же касается наслаждения, то им (т. е. Эпикуром) уже сказано, что учение эпикурейцев, когда оно успешно и удачно проводится, *уничтожает страх* и суеверие, но *не дает радости и благосклонности богов*. Это *учение ставит нас к богам в такое отношение, при котором нам нет от них ни беспокойства, ни радости*» (т. е. они не имеют к нам никакого отношения), «как от рыб Гирканского [Каспийского. *Ред.*] моря, от которых нам нельзя ожидать ни хорошего, ни плохого».

[XX, 4] «Если же к сказанному должно кое-что добавить, то, мне кажется, это можно заимствовать у них самих. Прежде всего они выступают против тех, которые исключают печаль, слезы и стенания по случаю смерти близких людей, и говорят, что невосприимчивость к огорчениям, доходящая до бесчувственности, проистекает от другого, большего зла, а именно, от жестокости, необузданного честолюбия или ярости. Поэтому лучше быть чувствительным, быть доступным печали, не стесняться слез и даже исходить рыданиями и не воздерживаться от других проявлений чувствительности, что производит впечатление мягкосердечности и дружелюбия».

[XX, 5] «Это сказано Эпикуром во многих местах его книг» (стр. 1101).

Плутарх вообще не понимает смысла эпикуровских рассуждений о страхе перед богом; ему представляется непостижимым, что философское сознание желает избавиться от этого страха. Обыкновенный человек не понимает этого. Плутарх приводит поэтому банальные эмпирические примеры, свидетельствующие о том, что эта вера не очень страшна для публики.

В противоположность Эпикуру Плутарх сперва рассматривает веру «толпы» в бога и говорит, что у толпы, конечно, это устремление выражается, с одной стороны, в страхе. Чувственный страх и есть именно та единственная форма, в которой Плутарх может понять ужас, внушаемый свободному духу личным, всемогущим, поглощающим в себе свободу, следовательно — отталкивающим от себя существом. Затем он полагает:

[XXI, 3] «Ибо боящиеся его [бога], как властителя, благосклонного к добрым, но сурового по отношению к дурным, благодаря одному этому страху освобождаются от совершения несправедливостей и не нуждаются во многих избавителях; их злость мало-помалу обуздывается и поэтому они переживают меньше душевных страданий, чем те, которые, предаваясь порокам и осмеливаясь [совершать злодеяния], затем боятся и мучатся угрызениями совести» (стр. 1101).

Итак, этот чувственный страх предохраняет их от зла, как будто сам этот имманентный страх не является злом. В чем же заключается сущность эмпирического зла? В том, что индивид замыкается в свою эмпирическую природу против своей вечной природы, — но разве не то же самое он делает, когда отталкивает от себя свою вечную природу, рассматривает ее как пребывающую в изолированности, в эмпирии, следовательно — рассматривает ее как эмпирического бога вне себя? Или главное значение следует придавать форме отношения? Таким образом, бог карает злого, но он милостив по отношению к доброму, причем злом здесь является зло для эмпирического индивида, а добром — добро для эмпирического индивида. Раз индивид заботится о том, что́ для него является добром и злом, то откуда же иначе возникали бы этот страх и эта надежда? В этом отношении бог есть не что иное, как общность всех тех последствий, которые могут вытекать из эмпирических дурных поступков. Итак, из боязни, чтобы благо, приобретаемое эмпирическим индивидом благодаря дурному поступку, не повлекло за собой более значительных зол и не лишило его более значительных благ, он не совершает дурных поступков; не для того ли, следовательно, он это делает, чтобы непрерывность его благополучия не нарушалась имманентной возможностью лишиться этого благополучия?

Не тому ли самому учит без обиняков Эпикур: не поступай неправедно, дабы ты не боялся постоянно, что будешь наказан. Это имманентное отношение индивида к атараксии выдается за отношение к существующему вне его богу; содержанием этого бога, однако, оказывается не что иное, как та же атараксия, являющаяся здесь непрерывностью благополучия. Страх за будущее, это состояние неуверенности вкладывается здесь в отдаленное сознание бога, оно рассматривается как состояние уже предсуществующее в этом сознании, но лишь в качестве угрозы, следовательно — именно так, как оно дано в индивидуальном сознании.

2) Плутарх утверждает, что это устремление к богу доставляет и «наслаждение».

[XXI, 6] «Напротив, там, где только она (т. е. душа) наиболее твердо воображает и мыслит присутствие бога, она с особой легкостью отбрасывает прочь всякие печали, страхи и заботы и предается радостному чувству до упоения, игривости и смеха; в любви и т. д.» (стр. 1101).

Затем он сообщает, что старики, женщины, купцы, цари предаются веселью на торжественных религиозных празднествах.

[XXI, 8] «Нет, не обилие вина и не жареное мясо составляет то, что так радует на празднествах, а благая надежда и вера в милостивое присутствие бога, приемлющего с удовлетворением то, что совершается [в его честь]» (стр. 1102).

Следует выяснить точнее, как Плутарх характеризует эту радость, это «наслаждение».

Во-первых, говорит он, в присутствии бога душа наиболее свободна от грусти, страха и забот. Итак, присутствие бога определяется как свобода души от страха, грусти, забот. Эта свобода выражается в необузданном ликовании, — последнее является ведь положительным свидетельством индивидуальной души об этом ее состоянии.

Далее: случайное различие в индивидуальном положении отпадает при этом наслаждении. Итак, в этом празднестве индивид освобождается от его других определений, индивид определяется как таковой, — и это определение является существенным. Наконец, это не отдельное наслаждение, а уверенность в том, что бог не есть нечто обособленное, но обладает свойством радоваться этой радости индивида, благосклонно взирать на нее с высоты, следовательно — сам подходит под определение наслаждающегося индивида. Итак, здесь обожествляется и возвеличивается индивидуальность, обоготворенная

как таковая, освобожденная от ее обычных пут, т. е. «мудрец» Эпикура с его «атараксией». Предметом поклонения является не присутствие бога как бога, а присутствие его в виде наслаждения индивида. Никаких иных определений у этого бога нет. Ведь действительной формой, в которой здесь обнаруживается эта свобода индивида, оказывается наслаждение, и притом индивидуальное, чувственное, — такое наслаждение, которое не нарушается. Итак, эта «атараксия» парит над головами людей как общее сознание; но ее проявлением оказывается чувственное наслаждение, как у Эпикура, лишь со следующим различием: то, что здесь оказывается живым отдельным состоянием, у Эпикура является всеохватывающим сознанием жизни, так что, следовательно, у Эпикура отдельное проявление представляется более безразличным, оно в большей мере одухотворено своей душой — «атараксией», а у Плутарха этот элемент более поглощается частностями, и то и другое непосредственно смешиваются, а, следовательно, оказываются также и непосредственно раздельными. Так печально обстоит дело с различием божественного, на котором Плутарх настаивает в полемике с Эпикуром. И еще одно замечание: если Плутарх говорит, что цари наслаждаются не столько своими publicis conviviis et viscerationibus *, сколько жертвенными трапезами, то это означает лишь то, что там наслаждение рассматривается как нечто человеческое, случайное, здесь же — как божественное, что индивидуальное наслаждение рассматривается как божественное, а как раз в этом и заключается эпикурейская точка зрения.

От этого отношения к богу, которое проявляют «дурные» и «люди толпы», Плутарх отличает отношение «лучших и наиболее любящих бога людей».

Посмотрим, что он выигрывает этим в полемике с Эпикуром. Плутарх говорит:

[XXII, 1—3] «В каких отрадных чувствах пребывают все, объединенные чистыми представлениями о боге, как о вершителе всего благого, как об отце всего прекрасного, который не может ни делать ничего дурного, ни сам страдать от зла. Ибо он благ, а благой совершенно не причастен ни зависти, ни страху, ни гневу, ни ненависти. Все равно ведь, как свойство теплого не холодить, а греть, — так и благому не свойственно вредить. Гнев по существу наиболее далек от кротости, злоба от благосклонности, недоброжелательность и враждебность — от человеколюбия и дружелюбия. Одно есть плод доблести и силы, другое — плод бессилия и порочности: ведь все действие божества отнюдь не сводится к проявлению гнева и пристрастия, но раз божество от природы предрасположено творить благо и помогать, то, значит, гневаться и вредить несовместимо с его природой» (стр. 1102).

* — общественными пирами и бесплатными раздачами мяса. *Ред.*

Философский смысл утверждения, что бог есть «вершитель всего благого» и отец «всего прекрасного», заключается в том, что это не есть предикат бога, но что идея добра есть само божественное. Однако из определения Плутарха вытекает совершенно иной вывод. Добро понимается как полная противоположность злу, потому что первое есть обнаружение добродетели и мощи, а второе — слабости, лишения и испорченности. Итак, из бога устранено суждение, различие, а это как раз представляет одно из основных положений Эпикура; Эпикур поэтому последователен, когда он, в отношении человека, находит это отсутствие различия — как теоретически, так и практически — в его непосредственном тождестве, в чувственности, в боге же — как пустоту, чистый «покой». Бог, который определяется как добро путем устранения суждения, есть пустота, потому что всякая определенность содержит в себе такую сторону, которая охраняет ее от иного и замыкает ее в себе, следовательно, обнаруживает в противоположности и в противоречии свое «раздражение», свою «ненависть», свою «боязнь» отказаться от себя. Итак, у Плутарха оказывается,— но лишь как образ, как представление, — то же определение, которое дает Эпикур, выражая его в понятии и устраняя человеческий образ.

Поэтому фальшиво звучит вопрос:

[XXII, 5] «Или, может быть, еще какое-нибудь особое наказание, думаете вы, следовало бы применить к отвергающим провидение, не считая достаточным того, что они сами себя лишают такого наслаждения и радости?» (стр. 1102—1103).

Можно, напротив, утверждать, что от созерцания божественного получает большее наслаждение тот, кто созерцает его как чистое блаженство в себе, без всяких не выражаемых в понятиях антропоморфных отношений, чем тот, кто поступает противоположным образом. Блаженство состоит в том уже, чтобы мыслить себе чистое блаженство, как бы абстрактно оно ни представлялось, — что мы видим у индийских монахов. Кроме того, Плутарх упразднил «провидение», противопоставив зло, различие — богу. Его дальнейшие описания совершенно нелогичны и синкретичны; кроме того, у него обнаруживается во всем, что его интересует лишь индивид, а не бог. Поэтому Эпикур достаточно честен, чтобы сказать, что бог не заботится об индивиде.

Итак, внутренняя диалектика мыслей Плутарха заставляет его говорить не о божественном, а об индивидуальной душе, и все сводится к «рассуждениям о душе». Об Эпикуре говорится:

[XXIII, 6] «Так что она (т. е. душа) преисполняется радостью, усвоив это сверхмудрое и божественное учение, что *концом страданий* для нее является *гибель, уничтожение и превращение в ничто*» (стр. 1103).

Однако елейные слова Плутарха не должны вводить в заблуждение. Мы увидим, что он отрицает каждое из своих определений. Уже искусственная уловка с «концом страданий» и затем в качестве противоположности — с «гибелью», «уничтожением» и «превращением в ничто», показывает, где находится центр тяжести и насколько легкой оказывается одна сторона и троекратно сильнейшей — другая.

Рассмотрение опять-таки подразделяется на отношение «несправедливых и дурных», затем «людей толпы и необразованных» и, наконец, на отношение «честных и благоразумных» (стр. 1104) [35] к учению о существовании души после смерти. Уже это подразделение с его устойчивыми качественными различиями свидетельствует о том, до какой степени Плутарх не понимает Эпикура, который, как философ, рассматривает существенное отношение человеческой души вообще. Если Эпикур, считая душу преходящей, все же продолжает быть уверенным в «наслаждении», то Плутарх должен был бы выяснить себе, что всякий философ невольно восхваляет «наслаждение», которое чуждо ему, Плутарху, в его ограниченности. Для несправедливых опять-таки указывается на страх, как на исправительное средство. Мы уже рассмотрели это возражение. Так как в страхе, и притом во внутреннем, непреодолимом страхе, человек низведен до уровня животного, то по отношению к животному вообще безразлично, каким способом оно обуздывается. Если философ не считает позорнейшим взгляд на человека как на животное, то ему вообще уже ничего нельзя растолковать.

[XXVI, 1] «Людей толпы, — даже помимо страха перед загробным миром, — внушенная мифами надежда на бессмертие и *жажда бытия, эта древнейшая* и сильнейшая *из всех* страстей, преисполняет такой радостью и восторгом, что они подавляют этот детский страх» (стр. 1104).

[XXVI, 2] «Те, которые теряют детей, жен и друзей, *предпочитают, чтобы они где-нибудь существовали и пребывали, хотя бы среди страданий, а не совершенно погибли,* не были уничтожены *и превращены в ничто.* Поэтому они охотно слушают, когда *об умершем* говорят, что *он переселился* в иной мир или что *он переменил* свое местопребывание, и другие подобные выражения, которыми смерть обозначается не как *уничтожение,* а как *перемена местопребывания души*» (стр. 1104).

[XXVI, 5] «Они приходят в ужас, когда слышат об умершем: «*погиб*», «*уничтожен*», «*его больше нет*»».

[XXVII, 1] «Но им *наносят решающий удар* те, которые говорят так: «*Мы, люди, родились один раз, дважды родиться никому не дано*»...»

[XXVII, 2] «И придавая настоящей жизни, в сравнении с вечностью, мало значения или, вернее, не придавая ей никакого значения, они прозябают, не используя жизни; в своем малодушии они пренебрегают добродетелью и деятельностью и *презирают самих себя, как рожденных на один день,* неустойчивых и ни на что достойное не способных» (стр. 1104).

[XXVII, 3] «Ведь *отсутствие ощущений и распад* и *учение о том, что то, что бесчувственно, нас ни в коем отношении не касается, — не устраняет страха смерти, но как бы дает ему подтверждение. Ибо это именно и есть то, чего боится природа.., т. е. такое разрушение* души, *при котором она теряет способность и мыслить и чувствовать. Эпикур, изображая это рассеяние души в пустоте и разложение ее на атомы,* еще более подрывает *надежду на бессмертие,* надежду, ради которой, *можно сказать без преувеличения, все — как мужчины, так и женщины,* были бы готовы дать истерзать себя Церберу и таскать воду в бездонную бочку Данаид, чтобы только продолжить свое существование и не подвергнуться окончательному уничтожению» (стр. 1105).

Мы переходим теперь к воззрению «людей толпы», хотя в конце концов оказывается, что немногие чужды его, а, собственно говоря, все — «можно сказать без преувеличения, все» — клянутся в верности этому знамени.

Качественного отличия от предыдущей ступени, собственно говоря, не существует, но то, что прежде проявлялось в форме животного страха, теперь проявляется в форме человеческого страха, в форме чувства. Содержание остается тем же самым.

Нам говорят, что жажда бытия есть древнейшая форма любви. Конечно, наиболее абстрактной и, следовательно, древнейшей формой любви является себялюбие, любовь к своему частному бытию. Но это было фактически выражением слишком откровенного взгляда на дело; на словах от этого взгляда отказываются, и делу придается отблеск благородства, порожденный иллюзией чувства. Итак, тот, кто лишается жены и детей, предпочитает, чтобы они *где-либо* существовали, хотя бы им и *плохо жилось,* чем чтобы они совершенно перестали существовать. Если бы речь шла только о любви, то следовало бы сказать, что жена и дети индивида как такового с наибольшей глубиной и чистотой сохраняются в сердце этого индивида, и это представляет собой гораздо более высокую форму бытия, чем эмпирическое существование. Но дело обстоит иначе. Жена и дети как таковые просто ведут эмпирическое существование, поскольку сам индивид существует эмпирически. Итак, его предпочтение, чтобы они находились где-либо в воспринимаемом чувствами пространстве, хотя бы им и плохо жилось, чем чтобы они вовсе не существовали, — это предпочтение означает лишь желание индивида сознавать свое собственное эмпирическое существование. Покров любви являлся лишь тенью, ядром же оказывается обнаруженное

эмпирическое «я», себялюбие, древнейшая форма любви, — она не обновилась, не превратилась в более конкретную, более идеальную форму. По мнению Плутарха, слово «изменение» звучит приятнее, чем «полное прекращение существования». Но изменение не должно быть, по мнению Плутарха, качественным, единичное «я» должно пребывать в своем единичном бытии; итак, это слово оказывается лишь чувственным представлением о том, что́ оно есть, но должно оно означать нечто противоположное. Следовательно, это лживая фикция. Все сводится к тому, чтобы не изменить, а лишь затемнить суть дела; отодвигание в фантастическую даль должно только прикрывать качественный скачок, а всякое качественное различие есть скачок — без таких скачков нет идеальности.

Далее Плутарх полагает, что это сознание конечности делает бессильным и бездеятельным, [вызывает] недовольство нынешней жизнью. Но ведь преходящим оказывается это единичное бытие, а не жизнь. И если это единичное бытие считает себя изъятым из этой косной всеобщей жизни, то может ли оно стать богаче и полнее вследствие того, что его прозябание будет длиться целую вечность? Изменяется ли благодаря этому его отношение, не остается ли оно, напротив, окостеневшим в своей безжизненности? Не все ли равно, находится ли оно в этом безразличном отношении к жизни сегодня или же данный Эпикур продолжает жить тысячелетия?

Наконец, Плутарх без обиняков заявляет, что дело идет не о содержании, не о форме, а о бытии индивида. Быть, хотя бы при этом индивида рвал на куски Цербер! Итак, в чем заключается содержание его учения о бессмертии? В том, что индивид, абстрагированный от качества, которое придает ему здесь его индивидуальное положение, пребывает не как бытие некоторого содержания, а как атомистическая форма бытия; не то же ли самое говорит Эпикур, утверждая, что индивидуальная душа разрушается и распадается на атомы? Приписывать этим атомам, как таковым, чувство, допуская, однако, что содержание этого чувства безразлично, — просто непоследовательно. Итак, в своей полемике против Эпикура Плутарх излагает эпикурейское учение. Однако он не забывает изображать всюду «небытие» как самое ужасное. Это чистое для-себя-бытие есть атом. Если вообще бессмертие гарантируется индивиду не его содержанием, которое, поскольку оно является общим, существует как общее в самом себе, а поскольку оно есть форма, вечно индивидуализируется; если бессмертие гарантируется ему как индивидуальному бытию, — то исчезает конкретное различие для-себя-бытия, потому что это различие означает

не то, что индивид продолжает существовать, а что вечное существует в противоположность преходящему. Все сводится тогда к утверждению, что атом как таковой вечен и что одушевленное возвращается к этой своей основной форме.

В этом смысле Эпикур излагает свое учение о бессмертии, но он мыслит достаточно философски и последовательно, чтобы назвать это учение его настоящим именем, чтобы сказать, что одушевленное возвращается к атомистической форме. Никакая половинчатость не может здесь помочь делу. Если какое-либо конкретное отличие индивида должно исчезнуть, как это показывает сама жизнь, то должны исчезнуть и все те различия, которые не являются сами по себе общими и вечными. Если, тем не менее, индивид должен относиться безразлично к этому «изменению», то остается лишь эта атомистическая оболочка прежнего содержания, — в этом и заключается учение о вечности атомов.

«Кто вечность времени равняет,
А время вечностью считает,
От всякой борьбы
Себя освобождает», —

говорит Якоб Бёме [36].

[XXVIII, 1] «Таким образом, они [эпикурейцы] своим учением лишают людей толпы вместе с [верой] в бессмертие и самых больших и самых сладостных надежд» (стр. 1105).

Итак, если Плутарх говорит, что Эпикур уничтожает вместе с бессмертием сладчайшие надежды массы людей, то гораздо правильнее было бы, если бы он сказал то, что́ он говорит в другом месте, а именно:

[XXVIII, 3] «он не устраняет [страха смерти], но как бы его выявляет».

Эпикур не уничтожает этого взгляда, он объясняет его, он выражает его в понятиях.

Мы переходим теперь к категории «честных» и «благоразумных». Само собой разумеется, что при рассмотрении их не обнаруживается ничего нового по сравнению с предшествующим, но то, что́ сперва представлялось животным страхом, затем человеческим страхом, робкой жалобой, нежеланием отказаться от атомистического бытия, — теперь выступает в форме надменности, притязания и права. Итак, представители этой категории — как ее характеризует Плутарх — совершенно теряют рассудок. Низшая категория не предъявляет никаких претензий, вторая проливает слезы и готова примириться со всем,

чтобы спасти атомистическое бытие. Третья категория представлена филистером, восклицающим: боже мой, еще этого недоставало, чтобы такой умный, честный малый должен был отправиться к черту!

[XXVIII, 1] «А что мы будем думать о надеждах добрых, которые жили благочестиво и справедливо и не ждут в ином мире ничего плохого, а, наоборот, всего самого прекрасного и самого божественного?»

[XXVIII, 2] «Прежде всего, как атлеты получают венок не тогда, когда они вступают в борьбу, а после того как они закончили борьбу победой; точно так же те, которые *думают, что добрым предстоят после смерти награды за* [праведную] *жизнь,* удивительно побуждаются к добродетели указанными надеждами. К числу последних принадлежит также [надежда], что те, которые в настоящей жизни полны *непомерной гордыни благодаря богатству и могуществу и безрассудно высмеивают лучших, должны будут понести достойное наказание*».

[XXVIII, 3] «Затем еще никто из тех, кто стремится здесь к правде и к познанию сущего, не смог до конца исполнить свое желание».

[XXVIII, 4] «Поэтому я считаю смерть каким-то большим и чрезвычайно совершенным благом, так как только там душа заживет настоящей жизнью, в то время как здесь она живет не наяву, а переживает нечто похожее на сон» (стр. 1105).

Итак, эти хорошие и умные люди ожидают награды за жизнь после жизни, но как непоследовательно в таком случае ожидать в качестве награды продолжения жизни, раз для них награда за жизнь является чем-то качественно отличающимся от жизни. Это качественное отличие опять-таки облекается в форму фикции, — жизнь не восходит к более высоким сферам, а переносится в другое место. Итак, они только делают вид, что презирают жизнь, ни о чем лучшем они и не мечтают, они лишь выражают свои надежды в виде требования.

Они презирают жизнь, но в этой жизни их атомистическое существование является для них благом, и они хотят вечности этого блага — вечности своего атомистического бытия. Если вся жизнь представляется им призраком, чем-то дурным, то из чего же вытекает их сознание, что они хороши? Только из знания о себе как об атомистическом бытии; и Плутарх утверждает даже, что они не довольствуются этим сознанием, что, — так как эмпирический индивид существует, лишь поскольку он созерцается кем-либо другим, — эти хорошие люди радуются тому, что после их смерти те, которые их до тех пор презирали, теперь в самом деле увидят, что они хороши, и должны будут признать это и будут наказаны за то, что не считали их хорошими. Каково требование! Дурные люди должны признавать их в жизни хорошими, а сами они не признают общих сил жизни благом! Не есть ли это гордыня атома, доведенная до высшей точки?

Не выражается ли здесь со всей резкостью, что вечное надменно и высокомерно и что черствое для-себя-бытие, лишенное всякого содержания, увековечивается? Бесполезно прикрывать это бессодержательными фразами, утверждать, что никто не может удовлетворить свою жажду знания в этой области.

В этом требовании выражается лишь то, что общее должно являться в форме единичности, как сознание, и общее неизменно выполняет это требование. А затем, поскольку опять требуют, чтобы оно было дано в этом эмпирическом исключительном для-себя-бытии, это означает лишь то, что дело идет не об общем, а об атоме.

Итак, мы видим, что в своей полемике с Эпикуром Плутарх на каждом шагу попадает в объятия к Эпикуру; но Эпикур просто, абстрактно, правдиво и резко развивает свои выводы и знает, что́ именно он говорит, между тем как Плутарх везде говорит не то, что́ он имеет в виду сказать, но и имеет в виду, в сущности, не то, что́ он говорит.

Таково вообще отношение обыденного сознания к философскому.

[III]. 2) ПЛУТАРХ. «КОЛОТ». ИЗДАНИЕ КСИЛАНДЕРА

[I, 1] «О Сатурнин! Колот, которого Эпикур обыкновенно ласкательно звал Колотаром и Колотарионом, издал книгу под заглавием: «О том, что нельзя жить, если следовать учению других философов»» (стр. 1107).

Если в предшествующем диалоге Плутарх пытался доказать Эпикуру, «что невозможно жить счастливо», следуя его философии, — то теперь он старается отстоять положения других философов против такого же возражения со стороны эпикурейцев. Мы увидим, удается ли ему разрешить эту задачу лучше, чем предыдущую, где его полемику можно было бы назвать, в сущности, панегириком Эпикуру. Этот диалог важен для характеристики отношения Эпикура к другим философам. Колот удачно острит, предлагая Сократу вместо хлеба сено и спрашивая его, почему он кладет пищу не в ухо, а в рот. Сократ занимался мелочами, и это было необходимым следствием его исторического положения.

[III, 3] «Леонтей... утверждает, что *Демокрит ценился Эпикуром* за то, что первый дошел до верного *познания*.., за то, что раньше его напал на след *первоначал* природы» (стр. 1108).

[VI, 3] «Тот, кто утверждает, что ошибочно мнение большинства о том, что согревающее согревает, а охлаждающее охлаждает, [сам ошибается], если он не сознает, что из его слов следует, что ни одна вещь не является в большей степени такой, чем иной» (стр. 1110).

Плутарх испытывает раздражение всякий раз, когда философская последовательность Эпикура прорывается наружу. Филистер полагает, что если кто-нибудь оспаривает то положение, что холодное не холодно, теплое не тепло, — смотря по тому, как толпа судит сообразно своей способности чувственного восприятия, — то он сам себя обманывает, если он не утверждает, что нет ни того, ни другого. Сей муж не понимает, что благодаря этому различие лишь переносится из объекта в сознание. Чтобы разрешить эту диалектику чувственной достоверности в ней самой, следует признать, что свойство заключается в совместности, в отношении чувственного знания к чувственному бытию, а так как это отношение непосредственно различно, то, следовательно, и свойство непосредственно различно. Таким путем ошибка не будет отнесена ни к объекту, ни к познанию, но чувственная достоверность в целом будет рассматриваться как такой колеблющийся процесс. Тот, кому недостает диалектической силы для полного отрицания этой сферы, кто желает признавать ее, должен довольствоваться истиной в том ее виде, в каком она открывается в этой сфере. Для первого дела Плутарх слишком бессилен, для второго — он является слишком благопристойным и рассудительным.

[VII, 4] «...Так что о каждом качестве можно в согласии с истиной утверждать, что оно не более существует, чем не существует: для тех, которые его ощущают, оно есть, для тех же, которые не ощущают, его не будет» (стр. 1110).

Итак, говорит Плутарх, о всяком свойстве следует сказать, что оно не более существует, чем не существует, потому что оно изменяется сообразно испытанному впечатлению. Однако уже постановка вопроса у Плутарха показывает, что он не понимает, в чем дело. Он говорит о неподвижном бытии или небытии как о предикате. Но бытие чувственного заключается, наоборот, в том, чтобы не быть таким предикатом, не быть неподвижным бытием или небытием. Если я разграничиваю их таким способом, то я разграничиваю именно то, что́ не разграничено в чувственности. В обыденном мышлении всегда оказываются налицо готовые предикаты, которые оно отделяет от субъекта. Все философы делали из самих предикатов субъекты.

а) ЭПИКУР И ДЕМОКРИТ

[VII, 2] «То, что *сказал Демокрит,* а именно что *цвет,* сладость, соединение — все это существует лишь в общепризнанном мнении... [а в действительности все это только пустота и] атомы, это, *говорит он* [т. е. Колот], [противоречит] *чувственным восприятиям,* и тот, кто принимает это положение и применяет его, *не смог бы с уверенностью сказать о самом себе, жив ли он или [мертв]».*

[VIII, 3] «*Возражать* против этого утверждения мне нечего, я могу только сказать, что приведенные положения *в такой же степени неотделимы от положений Эпикура*, как, по их [эпикурейцев] собственному высказыванию, форма и вес от атома».

[VIII, 4—5] «*Ведь что утверждает Демокрит? — Неисчислимые в своем множестве сущности, неделимые и неразличимые, бескачественные и неподвергающиеся воздействию, несутся рассеянные в пустоте.* Когда они приближаются друг к другу или сталкиваются или переплетаются, *то от скопления их получается впечатление то воды*, то огня, то растения, *то человека, но все это на самом деле атомы, называемые по Демокриту идеями, и ничто другое. Ибо, мол, исключено* [всякое] *возникновение из несуществующего, а из существующего ничего не может образоваться*, вследствие того, что атомы по своей непроницаемости не допускают ни воздействий извне, ни внутренних изменений, *отсюда*, значит, ни цвет не может образоваться из бесцветного, ни природа или душа *не может образоваться из бескачественного*».

[VIII, 6] «*Итак, следует поставить в упрек Демокриту отнюдь не то, что он допускает выводы* из [существования] *своих первоначал, а то, что он выдвигает такие первоначала, из которых вытекают такие выводы.* Он *не должен был принимать основные начала как неизменные* или же, допустив [их неизменность], должен был *усмотреть, что* [этим самым] *отнимается* [возможность] *зарождения какого бы то ни было качества*, и *отрицать* [следствия], хотя бы он и заметил эту невозможность. Но совершенно неразумно говорит *Эпикур, что он полагает* [в основу всего] *те же первоначала*, [что и Демокрит], *но не говорит, что цвет... и прочие качества существуют лишь во мнении*».

[VIII, 7] «*Если* так обстоит дело *с умолчанием, не признает ли он тем самым, что делает что-то, к чему уже привык?* Так, *устраняя провидение, он, по его словам, оставляет благочестие;* утверждая, что *ищет дружбы ради наслаждения, он* [в то же время] заявляет, *что* он *из-за друзей выносит самые большие страдания; признавая беспредельность мира*, он *не отказывается от* [представлений] «*верха*» и «*низа*» ...» (стр. 1110—1111).

[IX, 1—2] «*Что же* в таком случае? *Разве Платон, Аристотель* и *Ксенократ* [не допускали, что] *золото* получается *не из золота... и все другое образуется из четырех* первоначальных и *простых* элементов?.. *Но у них первоначала с самого начала соединяются для каждого отдельного создания*, причем каждое *привносит*, наподобие большого вклада, *присущие ему качества*, и *когда сходятся воедино и сливаются* жидкое с сухим, холодное с горячим и т. д..., *т. е. сливаются тела, которые взаимно воздействуют друг на друга* и *полностью меняются*, то *в результате каждого смешения получается другой продукт*».

[IX, 3] «*Атом же, будучи сам по себе бесплодным и лишенным всякой производительной силы*, даже *когда сталкивается с другим, ощущает только сотрясение вследствие твердости и силы сопротивления, но сам не терпит и не производит никаких изменений;* так *они вечно наносят один другому и в свою очередь получают удары* и при своих непрерывных сталкиваниях и отталкиваниях они *не могут произвести из себя не только никакого животного, никакой души* и *никакой твари*, но *даже какое-либо однородное количество или хотя бы одну единственную груду*» (стр. 1111).

b) ЭПИКУР И ЭМПЕДОКЛ

[X, 1] «Колот же... снова нападает на Эмпедокла за то, что тот говорит [в своих стихах]:

Другое скажу я тебе: нет никакого рождения
Ни у одного из смертных,
И никакой необходимости жестокой смерти,
Но есть только смешение и распад смешанного —
Вот то, что у людей называется Природой» (стр. 1111).

[X, 2] «Я, по крайней мере, не вижу, в какой степени может противоречить жизни тот, кто *придерживается мнения, что не рождается то, чего нет, и не погибает то, что существует,* но *что некоему сочетанию существующего присваивается имя рождения, а некоему распадению — имя смерти.* Ведь Эмпедокл, противопоставив смерть природе, ясно показал, что он здесь под словом «природа» понимает рождение».

[X, 3] «Если же те, которые присваивают название рождения смешению, название гибели — распадению, не живут и жить не могут, то что же они другое делают?

Однако Эмпедокл, *склеивая и связывая элементы теплотой,* мягкостью и т. п., *допускает* их смешение и *превращение в нечто единое, совершенно однородное. Они же* [эпикурейцы], *сгоняя воедино неизменные* и *невосприимчивые атомы, ничего из них не получают,* но *заставляют* их *наносить взаимно* один другому *частые и непрерывные* удары, ибо сплетение, препятствующее распаду, еще усиливает взаимное столкновение, так что то, что они называют рождением, не есть ни смешение, ни склеивание, *но беспорядок и борьба* .. следовательно, из них [X, 4] не может получиться ничего, даже лишенного души».

[X, 5] «А как могут произойти в пустоте или из атомов чувство, душа, ум и рассудок, — это даже при всем желании нельзя себе представить, так как *сами по себе они не обладают никаким качеством,* а, сходясь вместе, они не подвержены ни воздействию, ни изменению, и само это схождение приводит не к смешению, соединению или срастанию, а к ударам и к взаимному отталкиванию».

[X, 6] «*Так что в результате их учения они уничтожают жизнь, отрицают существование живой твари,* так как они принимают начала пустые и лишенные чувств, без бога и без души, не способные ни к смешению, ни к соединению».

[XI, 1—2] «Как же, таким образом, они [эпикурейцы] оставляют природу, душу и живое существо? А именно так, как он [Эпикур] оставляет клятву, молитву, жертвоприношение и поклонение, т. е. *только на словах и в ничего не значащих выражениях, причем они в своих высказываниях и наименованиях утверждают то, чтó они отвергают своими началами и своими положениями.* Итак, *тому, что выросло, они дают название — природа, тому, что родилось — рождение,* наподобие того, как то, что сделано из дерева, метонимически называют древесным, а звучащие согласно тела называют созвучными» (стр. [1111]—1112).

[XI, 2] «Для чего (говорит Колот, — разумеется Эмпедоклу) мы мучим самих себя, заботясь о самих себе, добиваясь одного и отклоняя другое? Ведь и сами мы не существуем и не вступаем в общение с другими».

[XI, 3] «Будь спокоен, [можно было бы сказать], дорогой Колотарион, никто не запрещает тебе заботиться о себе самом, поучая, что природа Колота есть не что иное, как сам Колот, и [никто не мешает тебе] заниматься делами (делами же для вас являются наслаждения), доказывая, что нет [самой по себе] природы печеного, благовонного, любовного, но существуют печенье, благовонные масла, женщины».

[XI, 4] «Ведь и грамматик, говоря, что «гераклова сила» есть сам Геракл, [не отрицает этим существование самого Геракла], равно как и те,

которые утверждают, что «созвучный» и «деревянный» только производные слова, не отрицают этим существование звуков и дерева».

[XI, 5] «Когда Эпикур говорит: «Природа существующего состоит из тел и пространства», должны ли мы его так понять, будто он хочет сказать, что природа есть нечто другое, помимо существующего, или же он имеет в виду существующее и больше ничего? Подобно тому как он без сомнения под словами «природа пустоты» разумеет самое пустоту и как о вселенной он обычно говорит «природа вселенной»» (стр. 1112).

[XI, 6] «Что же в таком случае сделал Эмпедокл, высказав, что природа есть нечто иное, помимо того, что́ рождается, а смерть — помимо того, что́ умирает?» (стр. 1112).

Цитируется Эмпедокл.

[XI, 7] «Когда в результате смешения появляется на свет человек
Или что-либо из числа диких зверей, или кустарников,
Или хищных птиц, тогда это [называют] рождением;
Когда же они распадаются, тогда — несчастной судьбою
Привычно называют».

[XI, 8] «Я должен прибавить, что Колот, приведя [эти стихи Эмпедокла], не заметил, однако, что Эмпедокл не упразднил людей, зверей и т. д., которые по его утверждению, происходят в результате смешения элементов, и, вскрыв ошибку тех, которые дают этому смешению и распаду какие-то названия «рождения», «несчастной судьбы» и «жестокой смерти», не запретил, однако, пользоваться относительно этих понятий привычными выражениями» (стр. 1113).

[XII, 1] «Глупые, не тяготят сомнения их и заботы,
Мнят они, может родиться, чего никогда не бывало,
Или нечто может погибнуть, совсем в ничто
превратиться».

[XII, 2] «Ведь этими стихами он громогласно говорит имеющим уши, что он не рождение отрицает, а рождение из ничего, и не гибель отрицает, а полное уничтожение, т. е. превращение в ничто» (стр. 1113).

[XII, 3] ««Мудрый духом вещать никогда не станет такое,
Будто люди, пока живут, [что жизнью они называют], —
Истинно могут жить, и злое, и доброе зная,
И не живут, не сложившись еще иль распавшись».

Так не может говорить тот, кто отрицает существование родившихся и живущих, а скорее тот, кто допускает существование и тех, которые еще не родились, и тех, которые уже умерли» (стр. 1113).

[XII, 4] «Он же (т. е. Колот) утверждает, что, согласно мнению Эмпедокла, мы ни болеть не можем, ни быть ранеными. Но как Эмпедокл, говоря, что каждому до рождения и после смерти дано добро и зло, может отрицать восприимчивость к страданиям у живущих?»

[XII, 5] «Кому же, наконец, Колот, в действительности дано не болеть и не иметь ран? — Именно вам, состоящим из атомов и пустоты, т. е. из того, что лишено чувствительности. И не это страшно, а то, что у вас нет источника наслаждений, так как атом не воспринимает ничего, что́ производит наслаждения, а пустота остается к ним нечувствительной» (стр. 1113).

c) ЭПИКУР И ПАРМЕНИД

[XIII, 2] «Все же я не понимаю, как он своим утверждением, что мир — един, помешал нам жить».

[XIII, 3] «Ведь и Эпикур, когда он утверждает, что мир беспределен, что не было ему начала и не будет ему конца, что он не может стать ни больше, ни меньше, говорит о вселенной, как о чем-то едином. Когда он сказал в начале своего исследования, что природа сущего состоит из тел и пустоты, то он как бы делит единую сущность на две части, из которых одна есть в действительности ничто и вами же называется неосязаемым, пустым и бестелесным, так что и для вас мир — един».

[XIII, 5] «Так вот что мы должны принять за начала для возникновения сущего — бесконечность и пустоту; но последняя бездейственна сама и недоступна воздействию, она бестелесна, а первая — хаотична, бессмысленна, неограниченна, сама себя разлагает и приводит в расстройство, в силу того что из-за ее бесчисленности ею нельзя овладеть и ее нельзя ограничить».

[XIII, 6] «Напротив, Парменид не упразднил» (как говорит Колот) «ни огонь, ни воду,.. ни населенные города в Европе и в Азии. .»

[XIII, 8] «Так как и все [философы], и первый еще Сократ, признали, что в природе есть нечто, доступное только мнению, но и есть другое, что̀ может быть усвоено только умом (стр 1113—1114).

«Оно [т. е. мыслимое]

«непотрясаемо, целостно, и никогда не рождалось», как он [Парменид] сказал, тождественно самому себе и остается постоянным в своем существе (стр. 1114).

...Колот же... без обиняков заявляет, что Парменид, утверждая, что «мир — един», отрицает все существующее» (стр. 1114).

[XIII, 9] «[Парменид допускает мыслимое в форме сущего и единого], подразумевая под сущим вечное и нетленное, под единым — всегда себе подобное и недоступное перемене . чувственное же — в форме неупорядоченного, находящегося в [постоянном] движении» (стр. 1114).

[XIII, 10] ««Истина здесь, полна убедительной силы», которая относится к мыслимому, всегда самому себе тождественному.

«Мненья людские там, в них истины нет и в помине» — так как они [люди] занимаются делами, допускающими разнообразные перемены и подвержены страстям и неровностям» (стр. 1114).

«Следовательно, его утверждение, что существующее есть единое, не отрицает многих чувственных [чувственно-воспринимаемых явлений], но обозначает различие их от того, что устанавливается мыслью» (стр. 1114).

d) ЭПИКУР И ПЛАТОН

В качестве доказательства нефилософского образа мысли Плутарха может служить, например, следующее место об Аристотеле:

[XIV, 4] «*Идеи* Платона, за которые его порицает Колот *, повсюду оспариваются Аристотелем, выдвигающим относительно них всяческие сомнения: в трактатах по этике и по физике, в своих экзотерических диалогах, так что, *по мнению некоторых, в отношении этих положений проявилось не столько его стремление к мудрости,* сколько *страсть спо-*

* В рукописи: Аристотель. *Ред.*

рить, как если бы *он поставил себе целью унизить философию Платона»* (стр. 1115).

[XV, 2] «Он [Колот], у которого нет ни капли мудрости, считает совершенно равнозначными, означающими одно и то же, выражения: «человек не существует» и «человек есть нечто несуществующее». Платон же тщательнейшим образом *различал выражения: «не существовать» и «быть несуществующим»,* а именно, *в первом заключается отрицание всякого бытия,* вторым же *устанавливается различие между «подлинно сущим» и «причастным к бытию»».*

[XV, 3] «Позднейшие философы усмотрели в роде и форме... только различие, *выше же они не смогли подняться,* натолкнувшись на слишком большие логические трудности».

(Вот еще одно место, из которого можно увидеть имманентную, самодовлеющую глупость блаженного Плутарха).

[XV, 4] «Между тем, в чем принимают участие, и участником существует такое же соотношение, как между причиной и материей, оригиналом и копией, силой и действием» (стр. 1115).

Если Плутарх говорит по поводу автора учения об идеях Платона, что он

[XV, 7] «не пренебрегает чувственным, но говорит, что существует [только] мыслимое» (стр. 1116),

— то глупый эклектик не понимает, что именно в этом и следует упрекнуть Платона. Платон не упраздняет чувственного, но признает бытие за мыслимым. Таким образом, чувственное бытие не выражается в мыслях, а умопостигаемое тоже отнесено к сфере бытия, так что существуют два мира бытия — один рядом с другим. Здесь можно видеть, какой отклик находит платоновский педантизм, особенно у обыденных людей, а Плутарха по его философским взглядам мы можем причислить к обыденным людям. Само собой разумеется: то, что у Платона представляется оригинальным, необходимым, великолепным на известной ступени философского развития, — то у индивида, стоящего на рубеже древнего мира, является бледным воспоминанием об упоении того, кого уже нет в живых, светильником из допотопной эпохи и производит столь же отталкивающее впечатление, какое производит старик, впавший в детство.

Нельзя лучше критиковать Платона, чем это делает Плутарх, расхваливая его:

[XV, 7] «Он не отрицает происходящего и являющегося, воспринимаемого нашими чувствами, но утверждает, что есть нечто иное, более прочное и устойчивое»

(сплошь представления, абстрагированные от чувственного, не выражаемые в понятиях),

«не возникающее, не уничтожающееся и не подвергающееся воздействиям»

(следует обратить внимание на три отрицательные определения: не — не — не),

«и он учит своих последователей точнее выражать это различие» в словах

(правильно, различие это — чисто словесное),

«называя одно существующим, другое возникающим» (стр. 1116)

[XV, 8] «Так это случилось и с новейшими [философами]. Они отказываются дать название существующего многим, весьма важным вещам: пустоте, времени, пространству, вообще всему тому, известному по имени, среди чего находится также все действительное. Все это, утверждают они, не есть существующее, однако, есть кое-что, и пользуются всем этим постоянно в жизни и в философии как существующими и наличными величинами» (стр. 1116).

Затем Плутарх обращается к Колоту с вопросом, не делают ли сами эпикурейцы различия между прочным и преходящим бытием и т. д.

Здесь Плутарх становится насмешливым и говорит:

[XVI, 2] «Что же, разве Эпикур более мудр, чем Платон, называя все в одинаковой степени существующим... Он думает, что преходящее имеет такое же бытие, как и вечное... И сущности, которые никогда не могут разлучиться со своим бытием, [имеют такое же бытие], как и те, что существуют только как зависимые и изменчивые и ни на один миг не остаются тождественными самим себе».

[XVI, 3] «Но если Платон допустил в этом отношении даже весьма большую ошибку, то он должен был бы за смешение имен быть привлечен к ответу теми, которые точнее выражаются по-гречески...» (стр. 1116).

Забавно слышать эту напыщенную добропорядочность, воображающую себя весьма умной. Сам он, то есть Плутарх, сводит платоновское различие бытия к двум наименованиям, и однако, с другой стороны, он утверждает, что эпикурейцы неправы, приписывая обеим сторонам прочное бытие (однако эпикурейцы тщательно отличают «нетленное» и «не имеющее начала» от существующего благодаря соединению). Не делает ли этого и Платон, когда на одной стороне у него помещается «бытие», а на другой «становление»?

ЭПИКУРЕЙСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

Тетрадь четвертая

III. ПЛУТАРХ. 2) «КОЛОТ»

IV. ЛУКРЕЦИЙ. «О ПРИРОДЕ ВЕЩЕЙ» (ТРИ КНИГИ. 1), 2), 3))

III. ПЛУТАРХ. 2) «КОЛОТ»

е) ЭПИКУР И СОКРАТ

[XIX, 2] «Ибо, одно из положений Эпикура гласит: «никто, кроме мудреца, ни в чем не убежден так непоколебимо, чтобы его нельзя было разубедить»» (стр. 1117).

Важное место для понимания отношения Эпикура к скептицизму.

[XIX, 5] «Но то рассуждение, которое доказывает, что наши чувственные восприятия неточны и недостаточно достоверны, не устраняет того факта, что каждая отдельная вещь нам является. Однако когда мы в своей деятельности пользуемся в отношении являющегося чувственными восприятиями, [это рассуждение не позволяет нам считать их] вполне истинными и [безошибочными]. [Ибо достаточно, чтобы они были необходимыми и] полезными по той причине, что нет ничего другого, лучшего» (стр. 1118).

[XX, 1] «Когда Колот сверх меры подвергает Сократа насмешкам и презрительным нападкам за то, что тот исследует, что́ есть человек, и с юношеским высокомерием заявляет, — говорит он (т. е. Колот), — что он, Сократ, сам этого не знает, становится ясно, что Колот сам никогда об этом не думал» (стр. 1118).

f) ЭПИКУР И СТИЛЬПОН

[XXII, 1—2] «Он» (т. е. Колот) «говорит, что *Стильпон делает жизнь невозможной, утверждая,* что *нельзя связать одно* [понятие] *с другим, от него отличным.* «Как [восклицает Колот] *мы будем жить, не говоря: человек — добр* и т. п., — но: *человек есть человек, добрый — добр* и т. п.»» (стр. 1119).

В то время, как относительно Колота необходимо, действительно, признать, что он умеет нащупать слабые стороны противника, — Плутарх в такой мере лишен всякого философского чутья, что не знает даже, о чем идет речь. Когда положение абстрактного тождества и рассматривается как

смерть всякой жизни и осуждается, Плутарх, в противовес, бросает следующие глупые реплики, достойные самого ограниченного деревенского школьного учителя.

[XXII, 3] «Но какой же человек из-за этого жил хуже? Кто, слыша это утверждение» (т. е. Стильпона), «не понял, что это остроумная шутка или задача для упражнения в диалектике? Не страшно, Колот, не говорить: «Человек — добр». , страшно не называть и не считать бога богом (как это делаете вы), и то, что вы не хотите допустить, что есть Зевс, покровитель творения, Деметра — законодательница и Посейдон — оплодотворяющий. Это отделение понятий друг от друга дурно и наполняет жизнь презрительным отношением к богам и бесстыдством, когда вы, отнимая прозвища, присвоенные богам, упраздняете жертвоприношения, мистерии, торжественные процессии, праздники» (стр. 1119).

[XXIII, 1] «Смысл сказанного Стильпоном следующий: Когда мы относительно лошади произносим сказуемое «бежать», то сказуемое, говорит он, не однородно с тем, о чем оно сказано, но разнородно. Одно есть само по себе понятие «человек», и другое [понятие] — «добрый» [и таким же образом различаются выражения: «быть лошадью» и «быть бегущим»]. Ибо если от нас потребуют определения каждого понятия отдельно, то мы не дадим обоим одно и то же [определение]. Поэтому ошибаются те, которые употребляют относительно одного понятия отличное от него сказуемое . . . . »

[XXIII, 2] «Ибо, если бы «человек» и «хороший» значило бы одно и то же.., то как можно было бы сказать «хороший» о хлебе и о лекарстве?» (стр. 1120).

Очень хорошее и важное изложение Стильпона.

g) ЭПИКУР И КИРЕНАИКИ

[XXIV, 4] «Они» (киренаики) «говорят: «чувствуем сладость», «темнеет», поскольку каждое из этих впечатлений производит [на нас] особое, ему свойственное, и постоянное действие. Но действительно ли сладок мед . . . .
и действительно ли темен воздух ночью, ставится под сомнение многочисленными показаниями как со стороны животных и вещей, так и со стороны людей: в то время как одни отвергают, другие, наоборот, принимают . . . .»

[XXIV, 5] «Отсюда, мнение лишь постольку остается свободным от ошибки, поскольку оно основывается на ощущениях; когда же оно оставляет [почву ощущений], начинает заниматься внешними предметами и высказывать суждения о них, тогда оно часто запутывается и вступает в противоречие с другими людьми, которые от тех же самых вещей получают противоположные впечатления и приходят к совершенно иным представлениям» (стр. 1120).

[XXV, 2] «Ибо, если нам представляется одно изображение круглым, а другое сломанным, то они, несмотря на свои утверждения, что чувственные восприятия воспроизводят истинное, не позволяют, однако, признать, что башня кругла или что весло сломано; *они подтверждают свои ощущения как истинные явления, но не хотят согласиться с тем, что предметы вне нас в действительности таковы,* [как они нам кажутся] . . . .»

[XXV, 4] «Изображение, получаемое зрением, представляется нам в сломанном виде».

[XXV, 5] «Следовательно, так как есть разница между представлением, [доставляемым нам чувствами], и тем, что существует вне нас, то приходится или признать истинность воспринятого представления, или мы, отдав предпочтение сущему перед кажущимся, должны представить еще доказательства» (стр. 1121).

h) ЭПИКУР И АКАДЕМИКИ (АРКЕСИЛАЙ)

То, что об этом говорит Плутарх, сводится к тому, что академики признают три вида душевных движений: воображение, стремление, согласие [стр. 1122]; в последнем и коренится заблуждение. Таким образом, чувственное не отпадает ни в теоретическом, ни в практическом смысле, — отпадает только мнение.

Эпикурейцам он пытается доказать, что они подвергают сомнению нечто совершенно очевидное.

IV. ЛУКРЕЦИЙ. «О ПРИРОДЕ ВЕЩЕЙ»

Изд. Эйхштедта, 1801, т. I [37]

Само собой понятно, что из Лукреция лишь немногое может быть использовано.

КНИГА ПЕРВАЯ

«В те времена, как у всех на глазах безобразно влачилась
Жизнь людей на земле под религии тягостным гнетом,
С областей неба главу являвшей, взирая оттуда
Ликом ужасным своим на смертных, поверженных долу,
Эллин впервые один осмелился смертные взоры
Против нее обратить и отважился выступить против.
И ни молва о богах, ни молньи, ни рокотом грозным
Небо — его запугать не могли . . . .
. . . .
Так, в свою очередь, днесь религия нашей пятою
Попрана, нас же самих победа возносит до неба»
(ст. 62—79).

«Из ничего не творится ничто по божественной воле» (ст. 150).

«Если бы из ничего в самом деле являлися вещи,
Всяких пород существа без семян бы рождались...»
(ст. 159 и 160).

«Чтоб к словам моим ты с недоверием все ж не отнесся
Из-за того, что начала вещей недоступны для глаза...»
(ст. 267 и 268).

«Так при посредстве невидимых тел управляет природа»
(ст. 328).

«Но не заполнено все веществом и не держится тесно
Сплоченным с разных сторон: в вещах пустота существует»
(ст. 329—330).

«И» (знание пустоты)* «не допустит тебя...
Сущность вселенной познать...
Вот почему несомненна наличность пустого пространства:
Без пустоты никуда вещам невозможно бы вовсе
Двигаться было...

. . . .

...ничто бы тогда не могло продвигаться,
Ибо ничто, уступив, не дало бы начала движенью.

. . . .

...не будь пустоты...

. . . .

...на свет никогда появиться ничто не могло бы,
Ибо лежала б всегда материя стиснутой всюду» (ст. 332—345).

«...[надо признать, что] в вещах пустота существует
И что отсюда берут начало движения вещи» (ст. 382—383).

«Всю... составляют природу две вещи:
Это, во-первых, тела, во-вторых же, пустое пространство»
(ст. 419—420).

«...времени нет самого по себе...

. . . .

И неизбежно признать, что никем ощущаться не может
Время само по себе, вне движения тел и покоя»
(ст. 459—463).

«[Ясно ты видишь теперь, что у всех без изъятья деяний]
Ни самобытности нет, ни сущности той, как у тела,
И не имеют они никакого сродства с пустотою;
Но ты по праву скорей называть их явленьями можешь
Тела, а также и места, в котором все происходит»
(ст. 479—482).

«...раз уж найдено здесь основное различье
Между вещами двумя, по их двоякой природе, —
Именно телом и местом, [в котором все происходит], —
То существуют они непременно вполне самобытно.
Ибо, где есть [то] пространство, [что мы пустотой называем],
Тела там нет, а везде, где только находится тело,
Там оказаться никак не может пустого пространства»
(ст. 503—509).

«...материя вечна...» (ст. 540).

«...есть предельная некая точка
Тела [того, что уже недоступно для нашего чувства]...
...она совсем не делима на части,

* — замечание Маркса. *Ред.*

Будучи меньше всего по природе своей; и отдельно,
Самостоятельно, быть не могла никогда и не сможет»
(ст. 599—603).

«...тела существуют, [которых
Встречи, движения, строй, положения их и фигуры
Могут огонь порождать, а меняя порядок, меняют
Также природу], и нет ни с огнем у них сходства, ни с вещью,
Кроме того, никакой, способною к чувствам направить
Нашим тела и касаньем своим осязанье затронуть»
(ст. 684—689).

«И, наконец, если все из стихий четырех создается,
Если все вещи затем на них разлагаются снова,
То почему же считать, что они представляют собою
Первоначала вещей, а не те им началами служат?»
(ст. 763—766).

«[Если ж подумаешь ты, что, входя в сочетанья друг с другом,
Тело огня и земли или воздух и жидкая влага
Соединяются так, что природы своей не меняют],
То ничего у тебя из них получиться не сможет;
Ни оживленных вещей, ни бездушных, подобно деревьям.
Ибо природу свою в разнородном смешении этом
Все обнаружит, сойдясь: ты увидишь, как вместе с землею
Воздух мешается там, и огонь остается во влаге.
А между тем, при созданьи вещей, ведь должны непременно
Первоначала вносить потаенную, скрытую сущность,
Чтоб не являлось ничто препятствием или помехой
Всяким созданьям иметь свои самобытные свойства»
(ст. 773—781).

«И говорят...
. . . .
...непрерывно все это сменяет друг друга, нисходит»
(а именно: огонь поднимается в воздух, затем образуется дождь, потом — земля, а с земли все возвращается вновь) *
«С неба к земле и с земли обратно к светилам небесным.
Но невозможно никак так действовать первоначалам,
Ибо должно пребывать всегда неизменное нечто,
Чтобы не сгинуло все совершенно, в ничто обратившись.
Ведь, коль из граней своих что-нибудь, изменяясь, выходит,
Это тем самым есть смерть для того, чем оно было раньше»
(ст. 783—793).

«Ведь коль во многих вещах однородные первоначала
Смешаны многих вещей в сочетании многообразном,
Разные вещи должны и питаться различною пищей»
(ст. 814—816).

«Те же начала собой образуют ведь небо и землю,
Солнце, потоки, моря, деревья, плоды и животных.
Но и смешения их, и движения в разном различны»
(ст. 820—822).

* Пояснение в скобках принадлежит Марксу. *Ред.*

«Первоначала, к тому ж, у него» (т. е. Анаксагора)
«неустойчивы слишком...

. . . .

Что же могло бы из них удержаться под натиском мощным
И от кончины бежать...
Воздух, вода иль огонь? Или что еще? Кровь или кости?
Нет, я уверен, ничто. Ибо все одинаково вещи
Смертными будут вполне, как и то, что мы видим, открыто
Гибнет на наших глазах, какой-нибудь сломлено силой»
(ст. 847—856).

«Если таятся в дровах и пламя, и дым вместе с пеплом,
Из чужеродных вещей и дрова состоят несомненно»
(ст. 872—873).

«Здесь остается одна небольшая возможность увертки,
Анаксагор за нее и хватается, предполагая,
Будто все вещи во всех в смешеньи таятся, но только
То выдается из них, чего будет бо́льшая примесь,
Что наготове всегда и на первом находится месте.
Правдоподобия нет никакого в таком объясненьи.
Ибо тогда и зерно, дробимое камнем тяжелым,
Крови следы оставлять должно бы на нем постоянно
Или еще что-нибудь . . . .

. . . .

И, наконец, расколовши дрова, мы увидеть могли бы
Пепел и дым, и огни потаенные в маленьком виде.
Но, очевидно, раз нет подтвержденья тому никакого,
Надо считать, что в вещах не бывает такого смешенья,
А сокровенно должны в вещах семена заключаться,
Общие многим вещам в сочетании многообразном»
(ст. 875—896).

«Видишь ли ты, наконец, о чем только что мы говорили,
Что постоянно имеет большое значенье, с какими
И в положеньи каком войдут в сочетание те же
Первоначала и как они двигаться будут взаимно;
Как, лишь слегка изменив сочетаньи, они порождают
Дерево или огонь? И подобным же образом также,
При измененьи слегка сочетания букв, создаются
Разного рода слова совершенно различного смысла *»
(ст. 907—914).

«Нет никакого конца ни с одной стороны у вселенной,
Ибо иначе края непременно она бы имела;
Края ж не может иметь, очевидно, ничто, если только
Вне его нет ничего, что его отделяет...

. . . .

Если ж должны мы признать, что нет ничего за вселенной,
Нет и краев у нее, и нет ни конца ни предела»
(ст. 958—964).

---

* В латинском языке слова «ligna» — «дерево» и «ignis» — «огонь» близки по написанию. *Ред.*

«Кроме того, если все необъятной вселенной пространство
Замкнуто было б кругом и, имея предельные грани,
[Было б конечным]...
. . . .
Не было б самых небес...
. . . .
В самом же деле, телам начал основных совершенно
Нету покоя нигде, ибо низа-то нет никакого,
Где бы, стеченье свое прекратив, они оседали.
Все в постоянном движеньи всегда созидаются вещи,
Всюду, со всяких сторон, и нижние с верхними вместе
Из бесконечных глубин несутся тела основные»
(ст. 984—997).

«[Дальше, природа блюдет, чтоб вещей совокупность предела
Ставить себе не могла:] пустоту она делает гранью
Телу, а тело она ограждать пустоту принуждает,
Чередованьем таким заставляя быть все бесконечным.
И, если б даже одно не служило границей другому,
Все же иль это, или то само бы простерлось безмерно»
(ст. 1009—1013).

«[...всегда обновляется жадное море
Водами рек; и земля, согретан солнечным жаром,
Вновь производит плоды; и живые созданья, рождаясь,
Снова цветут; и огни, скользящие в небе, не гаснут].
Все это было б никак невозможно, когда б не являлось
Из бесконечности вновь запасов материи вечно,
Чтобы опять и опять восполнялася всякая убыль.
Ибо, как все существа, лишенные пищи, тощают
И начинают худеть, так же точно и все остальное
Должно начать исчезать, как только материи станет
Недоставать, и приток постоянный ее прекратится»
(ст. 1035—1041).

Подобно тому как природа весной обнажается и, как бы сознавая свою победу, открывает взору всю свою прелесть, — между тем как зимой она прикрывает снегом и льдом свое унижение и убожество, — так Лукреций, свежий, смелый, поэтический властитель мира, отличается от Плутарха, прикрывающего свое мелкое «я» снегом и льдом морали. Когда мы видим боязливо скорчившегося, униженно гнущего спину индивида, мы невольно ощупываем себя, осматриваемся, сомневаясь в своем существовании и опасаясь, как бы не затеряться. Но видя бесстрашного акробата в пестрой одежде, мы забываем о себе, чувствуем, что мы как бы возвышаемся над собой, достигая уровня всеобщих сил, и дышим свободнее. Кто чувствует себя нравственнее и свободнее: тот, кто только что вышел из классной комнаты Плутарха, размышляя о несправедливости того, что благие лишаются со смертью плодов

своей жизни, или же тот, кто созерцает полноту вечности, внимая смелой, громовой песне Лукреция:

«...острый
В сердце глубоко мне тирс вонзила надежда на славу
И одновременно мне грудь напоила сладкою страстью
К Музам, которой теперь вдохновляемый, с бодрою мыслью
По бездорожным полям Пиэрид я иду, по которым
Раньше ничья не ступала нога. Мне отрадно устами
К свежим припасть родникам и отрадно чело мне украсить
Чудным венком из цветов, доселе неведомых, коим
Прежде меня никому не венчали голову Музы.
Ибо, во-первых, учу я великому знанью, стараясь
Дух человека извлечь из тесных тенёт суеверий,
А во-вторых, излагаю туманный предмет совершенно
Ясным стихом, усладив его Муз обаянием всюду»
(ст 922 и сл.).

Тот, кому доставляет больше удовольствия вечно копаться в самом себе, чем собственными силами строить целый мир, быть творцом мира, — тот несет на себе проклятие духа, на того наложено отлучение, но в обратном смысле, — он изгнан из храма и лишен вечного духовного наслаждения, и ему приходится убаюкивать себя размышлениями о своем личном блаженстве и грезить ночью о самом себе.

«Блаженство не есть награда за добродетель, а сама добродетель» *.

Мы увидим также, как бесконечно более философски, чем Плутарх, понимает Эпикура Лукреций. Первой основой философского исследования является смелый свободный дух.

Прежде всего заслуживает признания меткая критика прежних натурфилософов с эпикурейской точки зрения. Она тем более заслуживает рассмотрения, что мастерски выдвигает на передний план характерные черты эпикурейского учения.

Мы уделяем особое внимание разъяснениям, касающимся Эмпедокла и Анаксагора, так как эти разъяснения в еще большей степени применимы к остальным натурфилософам.

1. Не могут быть признаны субстанцией никакие *определенные* элементы. Ведь если все переходит в эти элементы и все из них возникает, то почему же, наоборот, не признать, что в данном обратимом процессе они берут свое начало из совокупности всех остальных вещей? Ибо эти элементы сами представляют собой лишь определенный, ограниченный вид существования наряду с другими вещами и образуются они также благодаря процессу, совершающемуся в этих последних. И наоборот (ст. 763—766 **).

* *Спиноза*. «Этика», часть V, теорема 42. *Ред.*
** См. настоящий том, стр. 89. *Ред.*

2. Если субстанцией признаются некоторые определенные элементы, то, с одной стороны, их естественная односторонность сказывается в том, что они утверждают себя в столкновении друг с другом, проявляют свою определенность и таким образом растворяются в своей противоположности; с другой же стороны, они подвергаются естественному механическому или какому-либо иному процессу, обнаруживая способность к формированию, ограниченную их единичностью.

Если историческим извинением для ионийских натурфилософов служит то, что для них огонь, вода и т. д. являлись не определенным чувственным элементом, а чем-то общим, то Лукреций, как их противник, вполне прав, обвиняя их именно в этом. Коль скоро раскрывающиеся в свете дня, доступные чувствам элементы принимаются за основные субстанции, — то в таком случае их критерием оказываются чувственное восприятие и чувственные формы их существования. Если говорят, что они определяются иначе, когда они образуют основные начала сущего, то это определение остается, таким образом, скрытым, не обнаруживаясь в чувственной единичности элементов, — оно является лишь внутренним; следовательно, то определение, в котором они выступают как основные начала, есть для этих элементов нечто внешнее, — это значит: они оказываются таковыми не как этот определенный элемент, именно не в том, что отличает их от других как огонь, воду и т. д. (ст. 773 и сл. *).

3. В-третьих, признанию определенных особых элементов основными началами противоречит не только их ограниченное наличное бытие наряду с другими, из числа которых они произвольно выделены (таким образом, по сравнению с последними, у этих элементов не оказывается иных отличий, кроме определенности числа; однако, по-видимому, такая определенность, как ограниченная, принципиально определяется, наоборот, множеством, бесконечностью других вещей). Собственная конечность и изменчивость этих элементов проявляется не только в их взаимном отношении друг к другу, происходящем в особой форме, в которой обнаруживается как их исключительность, так и заключенная в естественные границы способность к формированию. Но проявляется эта конечность и изменчивость также и в самом процессе, благодаря которому, как полагают, из них образовался мир.

Так как эти элементы заключены в особую природную форму, то их созидательная деятельность может быть лишь

* См. настоящий том, стр. 89. *Ред.*

особой, т. е. она может быть лишь их собственным преобразованием, которому опять-таки свойственна особенность, а именно — природная особенность, то есть: их созидательная деятельность оказывается природным процессом их превращения. Эти натурфилософы допускают, что так именно трепещет в воздухе огонь, так возникает и падает на землю дождь, так образуется земля. Итак, здесь обнаруживается собственная изменчивость элементов, а вовсе не их устойчивость, не их субстанциальное бытие, которое свойственно им как основным началам; ведь их созидательная деятельность означает, наоборот, смерть их особого существования, а возникшее коренится, наоборот, в их изменчивости (ст. 783 и сл. *).

В необходимой взаимной обусловленности бытия элементов и природных вещей выражается лишь то, что их условия суть их собственные силы как вне их, так и в них самих.

4. Лукреций переходит к гомеомериям Анаксагора. Его возражение против них заключается в том, что:

«Первоначала к тому ж у него неустойчивы слишком» **.

Так как гомеомерии обладают тем же качеством, оказываются той же субстанцией, как и то, по отношению к чему они и являются гомеомериями, — то мы должны приписывать им такую же преходящность, какую мы наблюдаем в их конкретных обнаружениях. Если в дереве таятся огонь и дым, то оно, следовательно, состоит из смешения «чужеродных вещей» ***. Если бы всякое тело состояло из всех чувственных семян, то в теле, подвергшемся раздроблению, должно было бы обнаружиться, что оно содержит их.

Может показаться странным, что такая философия, как эпикурейская, которая исходит из сферы чувственного и возводит ее, по крайней мере в познании, в высший критерий, признает первоосновой нечто столь абстрактное, такую «слепую силу» как атом. Относительно этого см. ст. 773 и сл. — 783 и сл. ****, где выясняется, что первооснова должна существовать самостоятельно, не обладая какими-либо особыми, чувственными, физическими свойствами. Она — субстанция:

«Те же начала собой образуют ведь небо и землю,
Солнце, потоки, моря» и т. д. (ст. 820 и сл.).

Этой первооснове свойственна всеобщность.

---

* См. настоящий том, стр. 89. *Ред.*

** См. там же, стр. 90. *Ред.*

*** См. там же. *Ред.*

**** См. там же, стр. 89. *Ред.*

Важное замечание об отношении *атома к пустоте*. Лукреций говорит об этой «двоякой природе»:

«...существуют они непременно вполне самобытно»
(ст. 503 и сл.) *.

Далее, они взаимно исключают друг друга:

«Ибо где есть то пространство, [что мы пустотой называем,]
Тела там нет» и т. д. (там же).

Каждое из них само есть основное начало; итак, ни атом, ни пустота — не основные начала, но таким началом является их основание, то, что́ каждое из них выражает как самостоятельная сущность. При завершении эпикурейской системы это среднее звено возводится на престол.

О пустоте как первооснове движения см. ст. 363 и сл., а именно как об имманентной первооснове — ст. 382 и сл. «Пустота и атом» — объективированная противоположность мышления и бытия.

ЛУКРЕЦИЙ КАР. «О ПРИРОДЕ ВЕЩЕЙ»

КНИГА ВТОРАЯ

«Но ничего нет отраднее, чем занимать безмятежно
Светлые выси, умом мудрецов укрепленные прочно...» (ст. 7 и сл.).

«О вы, ничтожные мысли людей! О чувства слепые!
В скольких опасностях жизнь, в каких протекает потемках
Этого века ничтожнейший срок!..» (ст. 14 и сл.).

«...как в мрачных потемках дрожат и пугаются дети,
Так же и мы среди белого дня опасаемся часто
[Тех предметов, каких бояться не более надо,
Чем того, чего ждут и пугаются дети в потемках].
Значит, изгнать этот страх из души и потемки рассеять
Должны не солнца лучи и не света сиянье дневного,
Но природа сама своим видом и внутренним строем» (ст. 55 и сл.).

«...в пустоте находясь и витая по ней, неизбежно
Первоначала вещей уносятся собственным весом
Или толчками других...» (ст. 83 и сл.).

«...припомни, что дна никакого
Нет у вселенной нигде, *и телам изначальным остаться*
Негде на месте, раз нет ни конца ни предела пространству,
Если безмерно оно и простерто во всех направленьях,
Как я подробно уже доказал...» (ст. 90 и сл.).

* См. настоящий том, стр. 88. *Ред.*

«...телам изначальным, конечно,
Вовсе покоя нигде не дано в пустоте необъятной.
Наоборот: непрерывно гонимые разным движеньем
[Частью далеко они отлетают, столкнувшись друг с другом,
Частью ж расходятся врозь на короткие лишь расстоянья]»
(ст. 95 и сл.).

Образование соединений из атомов, их отталкивание и притяжение сопровождается шумом. В мастерской и кузнице мира происходит шумная, напряженная борьба. В мире, в сокровенном сердце которого бушует такая буря, царит внутренний разлад.

Даже солнечный луч, озаряющий тенистые места, является образом этой вечной войны.

«Множество маленьких тел ..
[Мечутся взад и вперед] в лучистом сиянии света;
Будто бы в вечной борьбе они бьются в сраженьях и битвах,
В схватки бросаются вдруг по отрядам, не зная покоя,
Или сходясь, или врозь беспрерывно опять разлетаясь.
Можешь из этого ты уяснить себе, как неустанно
Первоначала вещей в пустоте необъятной мятутся»
(ст. 116 и сл.).

Мы видим, как слепая, роковая сила судьбы переходит в личный, индивидуальный произвол и разрушает формы и субстанции.

«Кроме того, потому обратить тебе надо вниманье
На суматоху в телах, мелькающих в солнечном свете,
Что из нее познаешь ты *материи также движенья,*
Происходящие в ней *потаенно и скрыто от взора.*
Ибо увидишь ты там, как много пылинок меняют
Путь свой от скрытых толчков и опять отлетают обратно...»
(ст. 125 и сл.).

«Первоначала вещей сначала движутся сами,
Следом за ними тела из малейшего их сочетанья,
Близкие, как бы сказать, по силам к началам первичным,
Скрыто от них получая толчки, начинают стремиться,
Сами к движенью затем понуждая тела покрупнее.
Так, исходя от начал, движение мало-помалу
Наших касается чувств, и становится видимым также
Нам и в пылинках оно, что движутся в солнечном свете,
Хоть незаметны толчки, от которых оно происходит»
(ст. 133 и сл.).

«Первоначала же все, которые просты и плотны,
Чрез пустоту совершая свой путь, никаких не встречая
Внешних препятствий, одно составляя с частями своими
И неуклонно несясь туда, куда раз устремились,
Явно должны обладать быстротой совершенно безмерной,

Мчась несравненно скорей, чем солнца сияние мчится,
[И по пространству лететь во много раз дальше в то время,
Как по небесному своду проносятся молнии солнца]»
(ст. 157 и сл.).

«...коль даже совсем оставались бы мне неизвестны
Первоначала вещей, и тогда по небесным явленьям,
Как и по многим другим, я дерзнул бы считать достоверным,
Что не для нас и отнюдь не божественной волею создан
Весь существующий мир ..» (ст. 177 и сл.).
«...никакие тела не имеют возможности сами
Собственной силою вверх подниматься и двигаться кверху»
(ст 185 и сл.).

«Отклонение атома от прямого направления» есть один из наиболее глубоких выводов и вытекает из самой сути эпикурейской философии. Хорошо Цицерону смеяться над этим, — философия есть нечто, столь же чуждое ему, как и президент Северо-Американских Соединенных Штатов.

Прямая линия, простое направление есть снятие непосредственного для-себя-бытия, точки; она — снятая точка. Прямая линия есть инобытие точки. Атом, — точечное бытие, которое исключает из себя инобытие, — есть абсолютное, непосредственное для-себя-бытие, он исключает, следовательно, простое направление, прямую линию, отклоняется от нее. Атом обнаруживает, что его природа заключается не в пространственности, а в для-себя-бытии. Он подчиняется не закону пространственности, а иному закону.

Прямая линия выражает не только снятие точки, — она является и наличным бытием последней. Атом равнодушен к простору наличного бытия, он не расщепляется на существующие различия, но в то же время он не оказывается и просто бытием, чем-то только непосредственным, как бы безразличным к своему бытию, но он существует именно в отличие от наличного бытия, он замыкается в себе против этого бытия; в переводе на язык чувственности это значит: он отклоняется от прямой линии.

Подобно тому, как атом отклоняется от своей предпосылки, отрешается от своей качественной природы, в силу чего обнаруживается, что это отрешение, эта свободная от предпосылок, бессодержательная замкнутость в себе самом существует для него самого, что таким образом проявляется его собственное качество, — так и вся эпикурейская философия отклоняется от предпосылок. Например, наслаждение является лишь уклонением от страдания, следовательно, от такого состояния, в котором атом проявляется как дифференцированный, как обладающий наличным бытием, обремененный небытием и пред-

посылками. Но в том, что существует страдание и т. д., что данные предпосылки, от которых происходит отклонение, существуют для индивида, заключается его конечность, и в этом отношении он оказывается чем-то случайным. Правда, мы видим, что эта предпосылка как таковая уже существует для атома, потому что он не отклонялся бы от прямой линии, если бы ее для него не существовало. Но это вытекает из точки зрения эпикурейской философии; нечто свободное от предпосылок она ищет в мире субстанциальной предпосылки, или, выражаясь в терминах логики: так как для-себя-бытие оказывается для нее исключительным, непосредственным принципом, наличное бытие непосредственно противостоит ей, она не преодолела его логически.

От детерминизма в данном случае уклоняются тем путем, что случай возводится в необходимость, что произвол возводится в закон. Бог уклоняется от мира, мир для него не существует, и поэтому он — бог.

Итак, можно сказать, что «отклонение атома от прямого направления» есть закон атома, его пульс, его специфическое качество, и именно поэтому учение Демокрита имело совершенно иной характер, не было философией своего времени, как эпикурейская философия.

«Если ж, [как капли дождя], они вниз продолжали бы падать,
Не отклоняясь ничуть на пути в пустоте необъятной,
То никаких бы ни *встреч*, ни *толчков у начал не рождалось*,
И ничего никогда породить не могла бы природа»
(ст. 221 и сл.).

Так как мир создается, так как атом относится к себе, т. е. к другому атому, то его движение не есть такое движение, которое предполагает инобытие, — таково движение прямой линии, — а такое, которое отклоняется от прямой линии, относится к самому себе. В чувственном представлении это выражается так: атом может относиться только к атому, причем каждый из них отклоняется от прямой линии.

«Вновь повторяю: тела непременно должны отклоняться,
Но незаметно совсем; чтоб отнюдь никому не казалось,
Что мы движение вкось вопреки очевидности мыслим»
(ст. 243 и сл.).

«Если ж движения все непрерывную цепь образуют
И возникают одно из другого в известном порядке,
И коль не могут путем отклонения первоначала
Вызвать движений иных, разрушающих рока законы,
Чтобы причина не шла за причиною испокон века,
Как у созданий живых на земле не подвластная року,

Как и откуда, скажи, появилась свободная воля,
Что позволяет идти, куда каждого манит желанье...»
(ст. 251 и сл.).

«... [в груди нашей скрыто
Нечто]...
По усмотренью чего совокупность материи также
И по суставам должна, [и по членам] порой направляться...»
(ст. 281 и сл.).

«Отклонение от прямого направления» есть «свободная воля» *, специфическая субстанция, истинное качество атома.

«И потому в семенах, помимо ударов и веса,
Должен ты также признать и другую причину движений,
Чем обусловлена в нас прирожденная эта способность;
Из ничего ведь ничто, как мы видим, не может возникнуть.
Правда, препятствует вес появленью всего от ударов,
Силою как бы извне; но чтоб ум не по внутренней только
Необходимости все совершал и чтоб вынужден не был
Только сносить и терпеть и пред ней побежденный склоняться,
Легкое служит к тому первичных начал отклоненье,
Но не в положенный срок и совсем не на месте известном»
(ст. 284 и сл.).

Это отклонение происходит не в определенном месте пространства, не в определенное время, оно не есть чувственное качество, оно есть душа атома.

В пустоте различие веса исчезает, это значит: она есть не внешнее условие движения, а само для себя сущее, имманентное абсолютное движение.

«Наоборот, никогда никакую нигде не способна
Вещь задержать пустота и явиться какой-то опорой,
В силу природы своей постоянно всему уступая.
Должно поэтому все, проносясь в пустоте без препятствий,
Равную скорость иметь, несмотря на различие в весе»
(ст. 235 и сл.).

Лукреций подчеркивает это в противоположность движению, ограниченному чувственными условиями.

«Ибо все то, что в воде или в воздухе падает редком,
Падать быстрее должно в соответствии с собственным весом
Лишь потому, что вода или воздуха тонкая сущность
Не в состояньи вещам одинаковых ставить препятствий,
Но уступают скорей имеющим бо́льшую тяжесть»
(ст. 230 и сл.).

«Видишь ли ты, наконец, что хоть сила извне и толкает
Многих людей и влечет их часто стремглав, понуждая

* В рукописи по-латыни: «arbitrium». *Ред.*

Против их воли идти, то все же в груди нашей скрыто
Нечто, что против нее восстает и бороться способно...»
(ст. 277 и сл.).

См. приведенные выше стихи.

Эта «сила», это «отклонение» есть сопротивление, упорство атома, «нечто в груди» его; свое отношение к миру оно выражает не как отношение расколотого, механического мира к отдельному индивиду.

Как Зевс вырос под шумную военную пляску куретов, так мир образуется здесь под звуки борьбы атомов.

Лукреций — истинно римский эпический поэт, потому что он воспевает субстанцию римского духа; вместо жизнерадостных, мощных, цельных образов Гомера мы имеем здесь крепких, непроницаемо вооруженных героев, у которых нет никаких других качеств; имеем войну «всех против всех» *, застывшую форму для-себя-бытия, природу, лишенную божественного характера, и бога, отрешенного от мира.

Мы переходим к определению более конкретных качеств атомов; мы уже выяснили их внутреннее имманентное специфическое качество, которое, точнее говоря, есть их субстанция. Эти определения весьма неудовлетворительны у Лукреция, и вообще они являются одним из наиболее произвольных, а поэтому и одним из труднейших отделов всей эпикурейской философии.

1) ДВИЖЕНИЕ АТОМОВ

«И никогда не была материи масса плотнее
Сжатой, ни бо́льших в себе не имела она промежутков
. . . .
Силе нельзя никакой нарушить вещей совокупность»
(ст. 294 и сл.).

«Здесь не должно вызывать удивленья в тебе, что в то время
Как обретаются все в движении первоначала,
Их совокупность для нас пребывает в полнейшем покое, —
. . . .
Ибо лежит далеко за пределами нашего чувства
Вся природа начал. Поэтому, раз недоступны
Нашему зренью они, то от нас и движенья их скрыты.
Даже и то ведь, что́ мы способны увидеть, скрывает
Часто движенья свои на далеком от нас расстояньи...»
(ст. 308 и сл.).

* Выражение «война всех против всех» («bellum omnium contra omnes» или «bellum omnium in omnes») принадлежит Т. Гоббсу. См. его сочинения — «Основы философии». Часть III. «О гражданине». Предисловие и «Левиафан». *Ред.*

2) ФИГУРЫ [АТОМОВ]

«Ну а теперь ты узнай из дальнейшего сущность и свойства
Мира начал основных; сколь они, различаясь по формам,
Многообразны и как разнородны они по фигурам.
. . . .
...*ведь раз их количество столь изобильно,*
Что ни конца у них нет, как указано мной, ни итога,
То и не могут они, разумеется, все совершенно
Склад однородный иметь и похожими быть по фигуре»
(ст. 333 и сл.).

«Вот почему и должны далеко не похожие формы
Быть у начал, раз они вызывают различные чувства»
(ст. 442 и сл.).

«Первоначала вещей...
Лишь до известных границ разнородны бывают по формам.
Если бы не было так, *то тогда непременно иные*
Были б должны семена достигать величин необъятных.
Ибо, при свойственных им одинаково малых размерах,
Не допускают они и значительной разницы в формах.
Предположи, например, что тела изначальные будут
Три или несколько больше частей заключать наименьших;
Если затем ты начнешь эти части у данного тела
Переставлять или снизу наверх, или слева направо,
Ты обнаружишь тогда, сочетания все их исчерпав,
Все изменения форм, что для этого тела возможны;
Если ж иные еще получить ты желаешь фигуры, —
Части другие тебе прибавить придется. И дальше
Новые части опять для дальнейших нужны сочетаний,
Если еще и еще изменять пожелаешь фигуры.
И, таким образом, *форм новизна приращение тела*
Вслед за собою влечет; а поэтому нечего думать,
Будто вещей семена бесконечно различны по формам:
Иначе надо считать, что *иные размеров огромных*
Будут, а это принять, как уж я доказал, невозможно»
(ст. 479 и сл.).

Эпикурейское учение о том, что «многообразие фигур не бесконечно», но что «существует бесконечное множество частиц той же самой фигуры, из непрерывного столкновения которых создался — и продолжает создаваться — мир», — есть важнейшее, наиболее имманентное рассмотрение отношения атомов к их качествам, к себе, как к основным началам мира.

«Ибо одно за другим превосходней бы все возникало»
(ст. 507).

«Но и обратно: могло б и в худшее все обращаться
Тем же путем, как оно достигать бы могло совершенства,
Ибо одно за другим отвратительней все бы являлось...»
(ст. 508 и сл.).

«Если же этого нет, но все вещи в известных пределах
Держатся с той и с другой стороны, то признать ты обязан,
Что разнородность фигур у материи также предельна»
(ст. 512 и сл.).

«Это тебе разъяснив, продолжаю я следовать дальше:
Первоначала вещей, как теперь ты легко убедишься,
Сходные между собой по своим однородным фигурам,
Неисчислимы совсем. Ибо, хоть и *положены грани*
Разнице в формах, должны *похожие первоначала*
Или *бесчисленны быть*, иль *материи вся совокупность*
Будет конечною, что́ невозможно, как я доказал уж.. »
(ст. 522 и сл.).

Расстояние, различие атомов является конечным; если предположить, что оно бесконечно, то атомы оказались бы опосредствованными в себе, содержали бы в себе идеальное многообразие. Бесконечность атомов как отталкивание, как отрицательное отношение к себе, порождает бесконечное множество подобных, quae similes sint, infinitas, их бесконечность не имеет никакого отношения к их качественному различию. Если предположить бесконечное разнообразие форм атома, то каждый атом содержит в себе отрицаемый им другой, и в таком случае существуют атомы, представляющие всю бесконечность мира, подобно лейбницевским монадам.

«Первоначала вещей, таким образом, всякого рода
Неисчислимы и все, очевидно, способны восполнить»
(ст. 567 и сл.).

«Между началами так с переменным успехом в сраженьях
Испокон веку война, начавшися, вечно ведется:
То побеждают порой животворные силы природы,
То побеждает их смерть. Мешается стон похоронный
С жалобным криком детей, впервые увидевших солнце.
Не было ночи такой, ни дня пе бывало, ни утра,
Чтобы не слышался плач младенческий, смешанный с воплем,
Сопровождающим смерть и мрачный обряд погребальный»
(ст. 573 и сл.).

«Что же имеет в себе и сил и возможностей больше,
Тем указует на то, что и больше оно заключает
Разного рода начал совершенно различного вида»
(ст. 586 и сл.).

«Ибо все боги должны по природе своей непременно
Жизнью бессмертной всегда наслаждаться в полнейшем покое,
Чуждые наших забот и от них далеко отстранившись.
Ведь безо всяких скорбей, далеки от опасностей всяких,
Всем обладают они и ни в чем не нуждаются нашем;
Благодеяния им ни к чему, да и гнев неизвестен»
(ст. 646 и сл.).

«...начала вещей никогда освещаться не могут»
(ст. 796).

«Но не подумай, смотри, что тела изначальные только
Цвета совсем лишены: и тепла нету в них никакого,
Так же как им не присущи ни холод, ни жар раскаленный;
Да и без звука они и без всякого носятся вкуса,
И не исходит от них и особого запаха также»
(ст. 842 и сл.).

«Все это также должно совершенно быть чуждо началам.
Если построить весь мир мы хотим на бессмертных основах,
Чтобы он мог пребывать нерушимым во всем его целом,
Ибо иначе в ничто у тебя обратятся все вещи»
(ст. 861 и сл.).

«Ясно, что первоначал никакая не может затронуть
Боль и самим по себе им неведомо чувство отрады,
Раз никаких у них нет своих собственных тел изначальных,
От перемены движений которых они бы страдали
Или какой-нибудь плод наслаждений вкушали приятных.
Значит, началам вещей никакое не свойственно чувство»
(ст. 967 и сл.).

«*Если же чувство иметь способны живые созданья
Лишь потому, что самым началам их свойственно чувство,*
[То каковы же тогда в человеческом роде начала?]»
(ст. 973 и сл.).

И ответ на это таков:

«Ибо ведь, если вполне во всем они» (т. е. первоначала)
«смертным подобны,
Значит, и сами должны состоять из других элементов,
Эти опять — из других, и конца ты нигде не положишь...»
(ст. 980 и сл.).

[КНИГА ТРЕТЬЯ]

«Прежде всего, укажу, что *дух из тончайших, мельчайших
Тел основных состоит...*» (ст. 179 и сл.).
«Но, для того, чтобы быть настолько подвижным, он должен
Весь состоять *из семян совершенно округлых* и мелких»
(ст. 186 и сл.).

«[Меда же, наоборот, несравненно устойчивей влага,
Каплет ленивее он и гораздо медлительней льется],
Ибо материи вся совокупность гораздо плотнее
Сцеплена в нем, состоя, несомненно, из менее гладких
Тел основных и совсем не из столь округлых и тонких»
(ст. 193 и сл.).

«[Те же, напротив, тела], что поболее будут, а также
Шероховатей, всегда обнаружат бо́льшую стойкость»
(ст. 201 и сл.).

Уничтожение сцепления, удельного веса:

«... дух и душа по природе
Из исключительно мелких семян состоят несомненно,
Ибо они, уходя, ничего не уносят из веса.
Но вместе с тем невозможно считать, что проста их природа.
Тонкое некое вон *дуновенье* при смерти исходит
С *жаром* в смешеньи, а жар за собой увлекает и воздух;
И никакого *тепла* без примеси воздуха нету»
(ст. 228 и сл.).

«Значит, нашли мы уже, что *тройственна духа природа.*
Но для создания чувств всего этого все-таки мало,
Ибо нельзя допустить, что из этого могут возникнуть
Чувства движения в нас...
Вследствие этого нам четвертую некую сущность
Надо прибавить еще. Никакого ей нету названья,
Тоньше ее ничего и подвижнее нету в природе,
И элементов ни в чем нет более мелких и гладких»
(ст. 237 и сл.).

«Впрочем, обычно предел у поверхности тела поставлен
Этим движеньям, и жизнь удержать мы поэтому можем»
(ст. 256 и сл.).

«[Ясно, что нам ничего не может быть страшного в смерти],
Что невозможно тому, кого нет, оказаться несчастным,
Что для него все равно, хоть совсем бы на свет не родиться,
Ежели смертная жизнь отнимается смертью бессмертной»
(ст. 867 и сл).

Можно сказать, что в эпикурейской философии бессмертным началом является смерть. Атом, пустота, случай, произвол, соединение носят в себе смерть.

«Ибо, как горестно быть после смерти раздробленным пастью
Диких зверей, почему не ужасно — понять не могу я —
В пламени жарком гореть, на костре погребальном пылая,
Или положенным в лед задыхаться и мерзнуть от стужи,
Ежели труп распростерт на холодных каменьях гробницы
Или могильной землей засыпан и тяжко раздавлен»
(ст. 888 и сл).

«Если бы люди могли настолько же, как они, видно,
Чувствуют бремя, их дух давящее гнетом тяжелым,
Также сознать и причины его, и откуда такая,
Камнем гнетущая грудь, появилась страданий громада,
Жизни бы так не вели, как обычно ведут ее нынче,
Не сознавая, чего они сами хотят, постоянно
К мест перемене стремясь, чтоб избавиться этим от гнета»
(ст. 1053 и сл.).

Конец третьей книги.

Известно, что у эпикурейцев господствующей категорией является случай. Необходимым следствием этого является то, что идея рассматривается лишь как *состояние;* состояние есть само по себе случайное существование. Поэтому сокровеннейшая категория мира, атом, его связи и т. д. отодвигаются вдаль, рассматриваются как прошедшее состояние. То же самое мы находим у пиетистов и супернатуралистов. Сотворение мира, наследственный грех, искупление — все это и все их благочестивые определения, как, например, рай и т. п., являются не вечным имманентным определением идеи, не приуроченным ни к какому времени, а являются состоянием. Подобно тому, как Эпикур переносит идеальность своего мира, пустоту, в сотворение мира, так супернатуралист воплощает свободу от предпосылок, идею мира — в раю.

[*Тетрадь пятая*]

[ЛУКРЕЦИЙ. «О ПРИРОДЕ ВЕЩЕЙ»] [38]

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

«[Есть у вещей то, что мы за] образы их [почитаем];
Тонкой подобно плеве, от поверхности тел отделяясь,
В воздухе реют они, летая во всех направленьях»
(ст. 30 и сл.).

«Ибо и форму и вид хранят отражения эти
Тел, из которых они выделяясь, блуждают повсюду»
(ст. 52 и сл.).

«Значит, подобным путем непременно и призраки могут
Неизмеримую даль пробегать во мгновение ока,
Прежде всего потому, что довольно ничтожной причины,
Чтó бы их сзади толкнув, далеко уносила и гнала...
. . . .
И, наконец, потому, что их редкая ткань при полете
Без затрудненья пройти сквозь любые способна преграды
И просочиться везде, где угодно, в пространстве воздушном»
(ст. 191 и сл.).

«... неизбежно признать вылетанье
Телец, которые бьют по глазам, вызывая в них зренье.
Запахи также всегда от известных вещей истекают,
Так же, как холод от рек, зной от солнца, прибой от соленых
Моря валов, что кругом изъедает прибрежные стены;
Разные звуки летят постоянно по воздуху всюду;
Часто нам в рот, наконец, попадает соленая влага,
Если вдоль моря идем; а когда наблюдаем, как рядом
С нами полынный настой растворяют, мы чувствуем горечь.
Так ото всяких вещей непрестанным потоком струятся
Всякие вещи, везде растекаясь, по всем направленьям;
Без остановки идет и без отдыха это теченье,
Раз непрерывно у нас возбуждается чувство, и можем
Все мы увидеть всегда, обонять и услышать звучащим»
(ст. 216 и сл.).

«Дальше, раз ощупью мы, осязая любую фигуру,
Можем признать в темноте ее тою же самой, что видим
Мы среди белого дня, в освещении ярком, то, значит,
Сходным путем возбуждаются в нас осязанье и зренье»
(ст. 230 и сл.).

«*Видим из этого мы, что причиною зрения служат*
Образы нам, и без них ничего мы не можем увидеть»
(ст. 237 и сл.).

«Так происходит, что мы различаем, насколько далеко
Каждая вещь отстоит. И чем гонится воздуха больше,
Чем протяженней струя, что наши глаза задевает,
Тем отдаленнее нам представляются разные вещи.
Надо сказать, что идет это все с быстротой чрезвычайной,
Так что мы сразу и вещь и ее расстояние видим»
(ст. 251 и сл.).

«Так же и образ: когда отразится от зеркала, тотчас
К нашему взору идя, пред собой он толкает и гонит
Воздух, который меж ним и глазами у нас расположен,
Делая так, что его целиком ощущаем скорее,
Нежели зеркало, мы. Но, лишь только мы зеркало видим,
Тотчас приходит от нас до него доносящийся образ
И, отраженный, опять до наших глаз достигает,
И перед собою струю он нового воздуха гонит,
Делая так, что его мы до образа видим; и это
Видеть нам образ дает в расстояньи от зеркала должном»
(ст. 279 и сл.).

КНИГА ПЯТАЯ

«... стоявшая долгие годы
Рухнет громада тогда, и погибнет строение мира»
(ст. 95 и сл.).

«И не на деле уж лучше уверимся мы, а рассудком,
Что уничтожиться все с ужасающим грохотом может»
(ст. 108 и сл.).

«Ибо, коль мы о частях или членах чего-нибудь знаем,
Что и начала имели тела их и формы их смертны,
Мы заключаем тогда, что и в целом предмет этот смертен,
Как и рожден вместе с тем. [И если огромные мира
Члены и части, — я вижу, — погибнув, опять возникают,
Ясно, что] было когда-то начальное некое время
И для небес и земли, и что им предстоит разрушенье»
(ст. 240 и сл.).

«Иль, наконец, ты не видишь...
. . . .
Храмы ветшают богов и кумиры приходят в упадок,
А божество неспособно продлить роковые пределы
И побороть непреложный закон и порядок природы»
(ст. 306 и сл.).

«Кроме того, все то, что вечным должно оставаться,
Или, по плотности тела, должно, отражая удары,
Не допускать, чтобы что-нибудь внутрь проникало и связи
Тесные разъединяло частей, — таковая природа
Есть у материи тел, на что я указывал раньше, —
Или же может оно потому сохраняться вовеки,
Что не подвержено вовсе толчкам, — пустоты это свойство:
Неосязаема вовсе она и ударов не терпит;
Или еще потому, что кругом нет места, куда бы
Все это будто бы врозь могло разойтись и растаять, —
Вечное все таково мироздание в целом, и нету
Вне его места, чтоб врозь разлететься, и тел нет, какие
Пасть на него бы могли и толчком его мощным расторгнуть»
(ст. 351 и сл.).

«Смерти не замкнута дверь ни для свода небес, ни для солнца,
Ни для земли, ни для вод на равнинах глубокого моря, —
Настежь отверста она и зияет огромною пастью»
(ст. 373 и сл.).

«Дело ведь в том, что тогда, в старину, поколениям смертных
Дивные лики богов случалось, и бодрствуя, видеть,
Иль еще чаще во сне изумляться их мощному стану.
Чувства тогда приписали богам, потому что, казалось,
Телодвиженья они совершали и гордые речи,
Шедшие к их красоте лучезарной и силе, вещали.
Вечной считалась их жизнь, потому что всегда неизменным
Лик оставался у них и все тем же являлся их образ;
Главным же образом мощь почиталась их столь непомерной,
Что одолеть никакой невозможно, казалось, их силой.
И потому несравненным богов полагали блаженство,
Что не тревожит из них ни единого страх перед смертью.
И в сновиденьях еще представлялось людям, что боги
Много великих чудес совершают без всяких усилий»
(ст. 1169 и сл.).

КНИГА ШЕСТАЯ [32]

Точно так же, как νοῦς* Анаксагора проявляется у софистов (у них νοῦς становится realiter ** небытием мира) и это непосредственное *демоническое движение* как таковое становится объективным в *демоне* Сократа, — так сократовское практическое движение вновь становится общим и идеальным у Платона, и νοῦς развертывается в царство идей. У Аристотеля этот процесс опять охватывает единичное, которое, однако, теперь действительно оказывается единичностью, выражаемой в понятиях.

Подобно тому, как в истории философии существуют узловые пункты, которые возвышают философию в самой себе до конк-

* — ум. *Ред.*
** — реально, в действительности. *Ред.*

ретности, объединяют абстрактные принципы в единое целое и таким образом прерывают прямолинейное движение, — так существуют и такие моменты, в которые философия обращает свой взор на внешний мир, уже не ради постижения; выступая как действующее лицо, она, так сказать, завязывает интриги с миром, выходит из прозрачного царства Амента и бросается в объятия мирской сирене. Это карнавал философии; тогда она принимает собачий облик, как киник, рядится в одежду жреца, как александриец, или в душистое весеннее одеяние, как эпикуреец. Для нее существенно теперь то, что она надевает на себя характерные маски. Как, по преданию, Девкалион бросал при сотворении людей камни через плечо, так философия, решившись создать мир, устремляет свой взор назад (светящимися глазами выделяются там останки ее матери); но как Прометей, похитивший с неба огонь, начинает строить дома и водворяться на земле, так философия, охватившая целый мир, восстает против мира явлений. Такова в настоящее время гегелевская философия.

В то время как философия замкнулась в завершенный, целостный мир, определенность этой целостности оказалась обусловленной ее развитием вообще; этим развитием обусловлена и та форма, которую принимает превращение философии в практическое отношение к действительности. Таким образом, целостность мира вообще оказывается внутренне разделенной, и притом это разделение доведено до крайности, так как духовное существование стало свободным, обогатилось до всеобщности, биение сердца создало различие внутри себя — в той конкретной форме, которой является целостный организм. Разделение мира только тогда может быть цельным, когда его стороны являются целостными. Следовательно, мир, который противостоит целостной в себе философии, — это расколовшийся мир. Тем самым и проявления активности этой философии раскалываются, становятся противоречивыми; объективная всеобщность философии превращается в субъективные формы отдельного сознания, в которых проявляется ее жизнь. Но не нужно приходить в смятение перед лицом этой бури, которая следует за великой, мировой философией. Обыкновенные арфы звучат в любой руке; эоловы арфы — лишь тогда, когда по их струнам ударяет буря.

Тот, кто не понимает этой исторической необходимости, должен, будучи последовательным, отрицать, что вообще после целостной философии еще могут существовать люди, или же он должен признать диалектику меры, как таковую, высшей категорией сознающего себя духа и утверждать вместе с

некоторыми гегельянцами, неправильно понимающими нашего учителя, что *умеренность* есть нормальное проявление абсолютного духа; но умеренность, выдающая себя за регулярное проявление абсолютного, сама становится безмерной, а именно — безмерной претензией. Без этой необходимости нельзя понять, как могли появиться после Аристотеля Зенон, Эпикур, даже Секст Эмпирик, как после Гегеля оказались возможными попытки новейших философов, бесконечно жалкие в большей своей части.

В такие эпохи взгляды половинчатых умов противоположны взглядам цельных полководцев. Они полагают, что можно поправить дело уменьшением боевых сил, их раздроблением, мирным договором с реальными потребностями, — между тем как Фемистокл побудил афинян, когда Афинам угрожало опустошение, совершенно покинуть город и основать новые Афины на море, в иной стихии.

И мы не должны забывать, что за такими катастрофами наступает железная эпоха, — счастливая в том случае, если она ознаменована титанической борьбой, достойная сожаления, если она походит на века, ковыляющие за великими эпохами в истории искусства: эти века занимаются воспроизведением — в изделиях из воска, гипса и меди — того, чтó возникло из каррарского мрамора, — совершенно так же, как Афина Паллада возникла из головы отца богов, Зевса. Но эпохи, наступающие вслед за завершенной в себе философией и за субъективными формами ее развития, имеют титанический характер потому, что грандиозен разлад, образующий их единство. Так римская эпоха наступает после стоической, скептической и эпикурейской философии. Эти эпохи оказываются несчастливыми и железными, потому что их боги умерли, а новая богиня является еще непосредственно в виде неведомой судьбы, в виде чистого света или сплошного мрака. У нее нет еще красок дня.

Но корень несчастья в том, что тогда дух времени, духовная монада, насыщенная в себе, идеально сформировавшаяся во всех направлениях, не может признать такой действительности, которая сформировалась помимо нее. Счастливой стороной этого несчастья оказывается субъективная форма, модальность, в которой философия, как субъективное сознание, относится к действительности.

Так, например, эпикурейская, стоическая философия были счастьем для своего времени; так ночная бабочка, после захода общего для всех солнца, ищет света ламп, которые люди зажигают каждый для себя.

Другая сторона, более важная для историка философии, заключается в том, что этот процесс превращения философии, ее претворение в плоть и кровь, оказывается различным, смотря по определенности, которая, как родимое пятно, отличает завершенную в себе и конкретную философию. В то же время это является возражением по адресу тех, которые полагают и в своей абстрактной односторонности приходят к заключению, что, например, гегелевская философия сама себя осудила, так как Гегель считал осуждение Сократа справедливым, т. е. необходимым, и так как Джордано Бруно должен был искупить свое пламенное воодушевление в дымном пламени костра. Но в философском отношении важно отметить эту сторону, так как на основании определенной формы этого превращения можно сделать обратное заключение относительно имманентной определенности и всемирно-исторического характера хода развития философии. То, что́ прежде проявлялось как процесс роста, теперь стало определенностью; то, что́ являлось существующей в себе отрицательностью, стало отрицанием. Мы словно видим здесь curriculum vitae * философии в его наиболее сосредоточенном выражении, в его субъективной заостренности, подобно тому как на основании смерти героя можно судить о том, какова была его жизнь. Положение, занимаемое эпикурейской философией, я считаю такой именно формой греческой философии, — это, вдобавок, должно служить оправданием, почему я не выдвигаю на передний план те или иные моменты, взятые из предшествующих систем, и не объявляю их условиями развития эпикурейской философии. Наоборот, я умозаключаю от последней к первым и таким образом предоставляю ей самой выразить свое особое положение.

Чтобы еще точнее определить некоторые черты субъективной формы философии Платона, я рассмотрю подробнее некоторые взгляды, высказанные г-ном профессором Бауром в его сочинении «Христианский элемент в платонизме». Таким образом мы получаем результат путем противопоставления друг другу противоположных взглядов.

«Христианский элемент в платонизме, или Сократ и Христос». Соч. доктора теологии Ф. Х. Баура. Тюбинген, 1837 [40].

Баур говорит на стр. 24:

«Итак, философия Сократа и христианство, если их рассматривать в этом исходном пункте, относятся друг к другу как самопознание и сознание греховности».

---

* — жизненный путь. *Ред.*

Нам кажется, что сравнение Сократа с Христом доказывает, при подобной формулировке, как раз противоположное тому, что́ требовалось доказать, а именно, что между Сократом и Христом не обнаруживается никакой аналогии. Конечно, самопознание и сознание греховности относятся друг к другу как общее к частному, а именно как философия к религии. Такую позицию занимает любой философ как древнего, так и нового времени. Это оказалось бы скорее вечным разделением обеих областей, чем установлением их единства, но это было бы, конечно, и соотношением, так как всякое разделение есть разделение чего-то единого. Это означало бы лишь то, что философ Сократ относится к Христу, как философ — к учителю религии. Если устанавливается сходство, аналогия между благодатью и сократовским повивальным искусством, иронией, то это выясняет лишь крайнее противоречие, а не аналогию. Сократовская ирония, как ее понимает Баур и как необходимо понимать ее вслед за Гегелем, а именно в качестве диалектической ловушки, при посредстве которой обыденный здравый смысл оказывается вынужденным выйти из всяческого своего окостенения и дойти — не до самодовольного всезнайства, а до имманентной ему самому истины, — эта ирония есть не что иное, как форма, свойственная философии в ее субъективном отношении к обыденному сознанию. То, что в лице Сократа она приняла форму иронизирующего человека, мудреца, вытекает из основного характера греческой философии и из ее отношения к действительности; у нас ирония, в качестве общей имманентной формы, преподносилась Фридрихом фон Шлегелем, как некоторого рода философия. Но объективно, по содержанию, и Гераклит, не только презирающий обыденный здравый смысл, но и ненавидящий его; и даже Фалес, который учит, что все состоит из воды, — между тем как всякий грек знал, что он не может прожить одной водой; и Фихте с его создающим мир «Я», между тем как даже Николаи понимал, что он не может создать мир, — словом, всякий философ, отстаивающий имманентность против эмпирической личности, прибегает к иронии.

Наоборот, в благодати, в сознании греховности, не только субъект, который удостаивается благодати, который доводится до сознания греховности, но и тот субъект, от которого исходит благодать, а также и тот, который возвышается благодаря сознанию греховности, — являются эмпирическими личностями.

Итак, если здесь обнаруживается аналогия между Сократом и Христом, то она заключается в том, что Сократ является воплощенной философией, а Христос — воплощенной религией. Однако здесь идет речь не об общем отношении между филосо-

фией и религией, но вопрос заключается, наоборот, в том, как воплощенная философия относится к воплощенной религии. То, что между ними существует отношение, есть очень неопределенная истина или, скорее, общее условие постановки вопроса, а не определенное обоснование ответа. В этом стремлении обнаружить христианский элемент в Сократе отношение вышеупомянутых личностей, Христа и Сократа, не выясняется точнее, но лишь определяется вообще как отношение философа к учителю религии, и точно такая же бессодержательность обнаруживается в том, что общее нравственное расчленение сократовской идеи, платоновское государство, приводится в связь с общим расчленением идеи, а Христос, как историческая индивидуальность, приводится в связь главным образом с церковью *.

Если правильно замечание Гегеля **, с которым соглашается Баур, что Платон отстаивал в своем государстве греческую субстанциальность против надвигавшегося принципа субъективности, то ведь именно Платон диаметрально противоположен Христу, так как Христос отстаивал момент субъективности против существующего государства, которое он признавал лишь мирским и, следовательно, нечестивым. То, что платоновское государство осталось идеалом, а христианская церковь стала реальностью — тоже не есть еще истинное различие. Это различие выражает в перевернутом виде то, что платоновская идея следовала за реальностью, между тем как христианская предшествовала реальности.

Вообще, гораздо правильнее было бы сказать, что платоновские элементы имеются в христианстве, вместо того чтобы говорить, что христианские элементы имеются у Платона, тем более, что древнейшие отцы церкви, например Ориген, Ириней, исторически отчасти исходили из платоновской философии. В философском отношении важно то, что в платоновском государстве первенствующим сословием является сословие обладателей знания, или мудрецов. Это можно сказать и об отношении платоновских идей к христианскому логосу (стр. 38), платоновского воспоминания — к христианскому обновлению человека, возвращающегося к своему первоначальному образу (стр. 40), платоновского падения душ — к христианскому грехопадению (стр. 43), и о мифе о предсуществовании души.

---

* Далее в рукописи перечеркнуто: «При этом упускается из виду важное обстоятельство, заключающееся в том, что государство Платона есть его духовный продукт, а церковь, наоборот, — нечто, совершенно отличающееся от Христа». *Ред.*

** *Г. В. Ф. Гегель.* Система философии. Ч. III. Философия духа, § 552. *Ред.*

Отношение мифа к платоновскому сознанию.
Платоновское переселение душ, связь со звездами.
Баур говорит на стр. 83:

«Ни одна из философских систем древнего мира не проникнута религиозным характером в такой степени, как платонизм».

Это должно вытекать и из того, что Платон «определяет задачу философии» (стр. 86) как «освобождение, избавление, отделение» души от тела, как «умирание и помыслы о смерти».

«То, что эта искупительная сила в конечном счете постоянно приписывается философии, является, во всяком случае, односторонностью платонизма» (стр. 89).

С одной стороны, можно было бы согласиться с замечанием Баура, что ни одной философской системе древнего мира религиозный характер не присущ в такой степени, как платоновской. Но это имело бы лишь тот смысл, что ни один философ не учил философии с таким религиозным воодушевлением, что ни у одного из них философия не имела в такой мере определенность и форму, так сказать, религиозного культа. У таких, более интенсивных, философов, как Аристотель, Спиноза, Гегель, их отношение само принимало в большей степени всеобщую форму и не так погружено было в эмпирическое чувство. Но поэтому и содержательней, горячей, благотворнее для просвещенного общественного духа — то воодушевление, с которым Аристотель прославляет «теоретическое познание», как наилучшее, как «самое приятное и превосходное», или восхищается разумом природы в трактате «О природе животных», то воодушевление, с которым Спиноза говорит о рассмотрении мира «под углом зрения вечности», о любви к богу или о «свободе человеческого духа», то воодушевление, с которым Гегель раскрывает вечное осуществление идеи, грандиозный организм духовного мира. Поэтому платоновское воодушевление, в своей предельной стадии, перешло в экстаз, а воодушевление Аристотеля, Спинозы, Гегеля — в чистое идеальное пламя науки; поэтому первое было лишь грелкой для отдельных умов, а последнее оказалось животворящим духом всемирно-исторических процессов.

С одной стороны, можно, таким образом, утверждать, что именно в христианской религии, как в высшей стадии религиозного развития, оказывается больше сходства с субъективной формой платоновской философии, чем с субъективной формой других философских учений древнего мира. Но на этом же основании можно, наоборот, с таким же правом утверждать, что ни в какой другой философской системе не может явственнее

выразиться противоположность религиозного и философского элементов, потому что в последнем философия является в религиозном определении, а в первом религия — в философском определении.

Далее, изречения Платона об избавлении души и т. п. ничего не доказывают, потому что всякий философ желает освободить душу от ее эмпирической ограниченности; аналогия с религией являлась бы лишь недостатком философии, если в этом усматривать задачу философии, — тогда как это является лишь условием разрешения этой задачи, лишь началом начала.

Наконец, вовсе не недостатком Платона, не односторонностью является то, что он приписывает эту искупительную силу в конечном счете философии, — как раз эта односторонность и делает его философом, а не вероучителем. Это не односторонность платоновской философии, а та сторона, благодаря которой она только и является философией. Именно благодаря этому он сызнова отвергает — признанную выше неудовлетворительной — формулировку, которая считает задачей философии то, что́ вовсе не есть дело философии.

«Итак, стремление подвести под то, что́ познано философией, такую основу, которая не зависит от субъективности индивида, — это и послужило основанием, почему Платон именно тогда, когда он излагает истины, представляющие высший нравственно-религиозный интерес, выражает их вместе с тем в мифической форме» (стр. 94).

Выясняется ли что-либо таким образом? Не подразумевается ли в этом ответе, по существу дела, вопрос об основании для этого основания? Возникает именно вопрос, почему Платон стремился подвести под то, что́ познано философией, положительную, прежде всего мифическую основу. Подобное стремление представляется наиболее удивительным из всего того, что́ можно сказать о философе, если он не находит объективной силы в самой своей системе, в вечной мощи идеи. Поэтому Аристотель называет мифологизирование кенологизированием [41].

Если ограничиться внешней стороной дела, можно найти ответ в субъективной форме платоновской системы, а именно в ее диалогической форме и в иронии. Изречение индивида, которое утверждает себя как таковое, в противоположность мнениям или индивидам, нуждается в опоре, благодаря которой субъективная уверенность становится объективной истиной.

Но затем возникает вопрос: почему это мифологизирование встречается в тех именно диалогах, в которых преимущественно излагаются нравственно-религиозные истины, между тем как чисто метафизический диалог «Парменид» свободен от них?

Возникает вопрос: почему эта положительная основа оказывается мифической и опирается на мифы?

И здесь мы находим разгадку. При выяснении определенных нравственных, религиозных и даже натурфилософских вопросов, как, например, в «Тимее», для Платона оказывается недостаточным его отрицательное истолкование абсолютного; при этом недостаточно погружать все в лоно единой ночи, в котором, как говорит Гегель, все кошки серы *; тогда Платон прибегает к положительному истолкованию абсолютного, а для такого истолкования существенной, из него самого вытекающей формой являются миф и аллегория. Там, где на одной стороне стоит абсолютное, а на другой — отграниченная положительная действительность, и при этом положительное должно быть сохранено, — там это последнее становится средой, через которую просвечивает абсолютный свет, там абсолютный свет преломляется в фантастических переливах цветов, и конечное, положительное указывает на нечто иное, чем само оно; в нем обнаруживается душа, которой этот покров кажется удивительным; весь мир стал миром мифов. Всякий образ представляется загадкой. Это явление повторилось в новейшее время, будучи обусловлено аналогичным законом.

Это положительное истолкование абсолютного и его мифически-аллегорический покров есть источник, биение сердца философии трансцендентного, — такого трансцендентного, в котором в то же время обнаруживается существенное отношение к имманентному, так как оно по существу рассекает это последнее. В этом, конечно, обнаруживается родство платоновской философии как со всякой положительной религией, так, в особенности с христианской, которая является законченной философией трансцендентного. Здесь, следовательно, выясняется и одна из тех точек зрения, исходя из которых можно установить более глубокую связь исторического христианства с историей древней философии. В связи с этим положительным истолкованием абсолютного находится то, что для Платона зеркалом, так сказать, мифическим выражением мудрости являлся определенный индивид как таковой, а именно Сократ, и что он называет его философом смерти и любви. Это не означает, что Платон отвергал исторического Сократа; положительное истолкование абсолютного находится в связи с субъективным характером греческой философии, с определением мудреца.

Смерть и любовь являются мифами отрицательной диалектики, потому что диалектика есть внутренний простой свет,

---

* *Г. В. Ф. Гегель*. Система философии. Часть II. Натурфилософия, § 270. *Ред.*

проникновенный взор любви, внутренняя душа, не подавляемая телесным материальным раздроблением, сокровенное местопребывание духа. Итак, миф о ней есть любовь; но диалектика есть также бурный поток, сокрушающий вещи в их множественности и ограниченности, ниспровергающий самостоятельные формы, погружающий все в единое море вечности. Итак, миф о ней есть смерть.

Таким образом, она есть смерть, но в то же время и носительница жизненности, расцвета в садах духа, пена в искрометном кубке тех точечных семян, из которых распускается цветок единого духовного пламени. Поэтому Плотин называет ее средством, ведущим к «упрощению» души, т. е. к ее непосредственному единению с богом [42], — выражение, в котором смерть и любовь, и в то же время «теоретическое познание» Аристотеля соединены с диалектикой Платона. Но так как эти определения, так сказать, предопределены у Платона и Аристотеля, а не развиты в силу имманентной необходимости, их погружение в эмпирически индивидуальное сознание проявляется у Плотина как состояние, а именно — состояние *экстаза*.

Риттер (в своей «Истории философии древнего мира», ч. I, Гамбург, 1829) говорит с отталкивающе морализующей манерой о Демокрите и Левкиппе, вообще об атомистическом учении (затем также и о Протагоре, Горгии и т. д.). Нет ничего более легкого, как наслаждаться по всякому поводу своим моральным совершенством; всего легче делать это по отношению к мертвым. Даже *обширные знания* Демокрита ставятся ему в упрек в моральном отношении (стр. 563); упоминается о том,

«какой резкий контраст должен обнаруживаться при сравнении приподнятой речи, свидетельствующей о *лицемерном* воодушевлении, *с низменным умонастроением*, лежащим в основе его мировоззрения и взгляда на жизнь» (стр. 564).

Ведь нельзя же считать это исторической оценкой! Почему именно должно лежать умонастроение в основе мировоззрения Демокрита, а не обратно, — определенное мировоззрение и понимание — в основе его умонастроения? Этот последний принцип не только имеет более исторический характер, но он является единственным принципом, с помощью которого уместно рассматривать в истории философии умонастроение философа. — Мы усматриваем в образе духовной личности то, что́ развернулось перед нами в системе. Мы как бы видим живого демиурга в центре его мира.

«Таково же содержание и приводимого Демокритом основания в пользу того, что следует предположить нечто первоначальное, не возник-

шее, так как время и бесконечное не возникли; так что спрашивать об их основании значило бы искать начала бесконечного. В этом можно видеть лишь софистический отказ от постановки вопроса о первооснове всех явлений» (стр. 567).

Я могу усмотреть в этом заявлении Риттера лишь моральный отказ от постановки вопроса о том, на чем основано это демокритовское определение; бесконечное полагается в атоме как принцип, — это заключается в его определении. Спрашивать о том, на чем оно основано, значило бы, конечно, упразднить его определение понятия.

«Демокрит приписывает атомам лишь одно физическое свойство, — *тяжесть*... И в этом можно снова констатировать математический интерес, стремящийся спасти приложимость математики к вычислению веса» (стр. 568).

«Поэтому атомисты выводили движения также из необходимости, мысля себе ее как беспричинность движения, уходящего в неопределенную даль» (стр. 570).

[19] «Демокрит же утверждает, что некоторые образы приближаются к людям (встречаются), из них же одни действуют благотворно, другие — вредоносно *. Отсюда он [Демокрит] желает, чтобы ему встретились обладающие разумом образы, эти же последние отличаются своей величиной и превосходят громадой всякие размеры, и хотя они *распадаются с трудом*, все же они не *неразрушимы*, они предсказывают людям будущее, видимы и обладают способностью издавать звуки. Под влиянием представления об этих именно образах древние возымели мысль о существовании бога» (Секст Эмпирик. «Против математиков», стр. 311 и сл. [кн. XIII]).

[20—21] «Аристотель говорил, что мысль о [существовании] богов возникла у людей из двух начал: от того, что происходит в душе, и под влиянием небесных явлений. От того, что происходит в душе, вследствие проявляющегося во время сна божественного вдохновения души и прорицания: ибо, как он говорит, когда душа в состоянии сна становится сама собой, тогда она, восприняв присущую ей природу, предвещает и предсказывает будущее . . . .
поэтому-то, говорит он, и заподозрили люди, что бог есть нечто такое, что по своей природе подобно душе и обладает наиболее полным знанием всего. Но и под влиянием небесных явлений» (там же, стр. 311 и сл.).

[25] «Эпикур же полагает, что мысль о богах возникла у людей как следствие видений, являющихся во сне. Ибо, говорит он, под влиянием встречающихся им во сне огромных человекоподобных образов, люди возомнили, что действительно существуют какие-то в этом роде человекоподобные боги» (там же, стр. 312).

[58] «И относительно Эпикура некоторые [утверждали], что он оставляет бога для толпы, для объяснения же природы вещей — никоим образом» (там же, стр. 319).

а) [68] душа («Против математиков», стр. 321 [кн. VIII]).

[218—219] «Аристотель говорил, что бог — бестелесен и [представляет собой] границу неба; стоики же [учили, что] бог — пневма, пронизывающая собой и уродливое; по Эпикуру, бог — человекоподобен, по Ксенофану, бог — бесчувственный шар... Эпикур говорит: «[божество] бла-

* Эта часть цитаты в рукописи приведена в немецком переводе; далее по-гречески. *Ред.*

женно и бессмертно, ни само не имеет забот, ни других не обременяет ими»» («Пирроновы основоположения», кн. III, стр. 155).

[219—221] «Эпикуру, который пытается определить время как акциденцию акциденций (σύμπτωμα συμπτωμάτων), можно — среди многих прочих возражений — сделать и следующее: все, что проявляет себя как субстанция, относится к числу субстратов, подлежащих, — того, что лежит в основе. Но то, что обозначается словом «акциденция», не обладает никаким прочным бытием, так как акциденция не может быть отделена от субстанции. Ибо не существует никакого сопротивления (ἀντιτυπία), кроме того, какое оказывает сопротивляющееся тело; уступать (εἶξις) же может только удаляющееся тело и пустота» и т. д.* («Против математиков», кн. IX, стр. 417).

[240] «Поэтому когда Эпикур говорит, что *тело* следует *мыслить* как *соединение величины, формы, сопротивления* и тяжести, то он принуждает представлять себе действительное тело из того, что не является телом».

[241] «Так что для того, чтобы существовало время, должны существовать акциденции, а для того, чтобы существовали акциденции, [должно существовать] нечто лежащее в их основе; но такой основы наряду с ними нет, следовательно, не может быть и времени».

[244] «Итак, раз это есть время, а последнее Эпикур признает акциденцией всех этих явлений» (под ними следует понимать день, ночь, час, движение, покой, душевное переживание, состояние бесчувствия и т. п.) «то, по Эпикуру, время будет само своей акциденцией» («Против математиков», стр. 420—421 [кн. IX]).

Если и по отзыву Гегеля (см. Полное собрание сочинений, т. 14, стр. 492) [43] эпикурейская натурфилософия не заслуживает особой похвалы в том случае, когда за критерий оценки принимается объективное достижение, — то с другой стороны, с которой исторические явления не нуждаются в такой похвале, вызывает изумление та открытая, чисто философская последовательность, с которой развертываются здесь во всю ширь непоследовательности, присущие принципу самому в себе. Греки навсегда останутся нашими учителями благодаря этой грандиозной объективной наивности, выставляющей каждый предмет, так сказать, без покровов, в чистом свете его природы, хотя бы это был и тусклый свет.

Особенно наша эпоха породила даже в философии порочные явления, повинные в величайшем грехе, в грехе против духа и истины, так как скрытый умысел таится здесь за истолкованием и скрытое истолкование — за предметом.

* В рукописи данный абзац приведен в немецком переводе с греческими вставками в скобках. *Ред.*

[Тетрадь шестая]

ЛУЦИЙ АННЕЙ СЕНЕКА. «СОЧИНЕНИЯ». Т. [I]—III. АМСТЕРДАМ, 1672

«Ты хочешь знать, справедливо ли порицает в одном из своих писем Эпикур тех, которые говорят, что мудрец довольствуется самим собою и поэтому не нуждается в друге. В этом упрекает Эпикур Стильпона и тех, по мнению которых высшим благом является бесстрастный дух» (т. II, письмо 9, стр. 25).

«Сам... Эпикур... бросил слово: «Кому не кажется самым блестящим то, чем он располагает, — тот, будь он владыкой всего мира, все же несчастен»» (там же, стр. 30).

«Он (т. е. Эпикур) прибавил следующее: «ему самому и Метродору нисколько не повредило среди таких больших благ то обстоятельство, что овеянная славой Греция их [обоих] не только не знала, но и имени их почти даже не слышала»» (письмо 79, стр. 317).

«Так как сам Эпикур говорит, что он когда-нибудь откажется от наслаждения и даже будет стремиться к страданию, если за наслаждением будет угрожать раскаяние или если, вместо более сильного страдания, можно будет ограничиться менее сильным» (т. I, «О спокойствии мудреца», стр. 582).

«Эпикур говорит: «если поджаривать мудреца в быке Фалариса, он воскликнет: «приятно! и меня нисколько не касается»»... Так как Эпикур говорит, что приятно переносить мучения» ([т. II] письмо 66, стр. 235; также письмо 67, стр. 248).

«Эпикур отличает два блага, из которых слагается указанное высшее и блаженное, а именно: чтобы тело не страдало и чтобы дух был спокоен» (письмо 66, стр. 241).

«Ибо Эпикур говорит, что мочевой пузырь и воспаленный живот доставляют ему страдания, не допускающие дальнейшего нарастания боли: тем не менее это для него счастливый день» (письмо 66, стр. 242).

«Я припоминаю замечательные слова Эпикура: «Эти садики... не возбуждают, но утоляют голод, а этими напитками они не увеличивают жажду, а успокаивают естественным и даровым средством. В этом наслаждении я состарился». Я говорю с тобой о тех желаниях, которые не удовлетворяются словами утешения и для успокоения которых необходимо что-либо дать. Ибо о тех чрезвычайных [желаниях], которые можно откла-

дывать, удерживать или подавлять, я напомню только следующее: это наслаждение — естественное, не необходимое. Ты ему ничего не должен. Если ты что-либо платишь, то добровольно. Желудок не слушает наставлений, он требует, взывает, но он все же не докучливый кредитор и успокаивается на малом, если только даешь ему, что должен, а не то, что можешь» (письмо 21, стр. 80—[81]).

«Эпикур, которого вы принимаете как покровителя вашей лени и полагаете, что он предписывает приятное, располагающее к лени, и то, что ведет к наслаждениям, говорит: «Редко счастье благоприятствует мудрецу»» (т. I, «О стойкости мудреца», стр. 416).

«Эпикур не в меньшей степени порицает тех, которые страстно желают смерти, чем тех, которые [ее] боятся, и говорит: «Смешно искать смерти из-за отвращения к жизни, когда своим образом жизни ты довел до того, что приходится искать смерти». Так же он говорит в другом месте: «Что достойно осмеяния в такой степени, как стремиться к смерти, после того как из-за страха смерти ты сделал свою жизнь беспокойной?» И следующее: «Человеческое неблагоразумие, нет, безумие, так велико, что некоторые из-за страха смерти принуждают самих себя умереть»» ([т. II], письмо 24, стр. 95).

«Я, по крайней мере, того мнения — скажу я это к неудовольствию моих единомышленников, — что учения Эпикура чистые и правильные и, если ближе посмотреть, суровые: знаменитое «наслаждение» сводится к малому и ограниченному, и те требования, которые мы предъявляем добродетели, он устанавливает для наслаждения. Он требует, чтобы наслаждение сообразовалось с природой, а что удовлетворяет природе, того [нужно] немного. Что же отсюда следует? Тот, кто называет счастьем праздный досуг и смену обжорства и сладострастия, ищет приличного защитника для дурного дела. И, пока он приходит туда, побужденный привлекательным названием, он идет за наслаждением, но не за тем, о котором ему говорят, а за тем, которое он принес с собою» и т. д. (т. I, «О счастливой жизни», стр. 542).

««*Друзья*».., имя которое дал им» (т. е. *рабам*) «наш Эпикур» ([т. II], письмо 107, стр. 526).

«Эпикур, порицатель Стильпона» (письмо 9, стр. 30).

«Ты должен знать, что то же самое говорит Эпикур..: «*один только мудрец умеет благодарить* [на деле]»» (письмо 81, стр. 326).

«Есть люди, говорит Эпикур, которые в своих стремлениях к истине обходятся без всякой посторонней помощи; он из числа тех, кто сам проложил себе дорогу. Этих-то людей он больше всего хвалит как таких, которые по внутреннему убеждению выдвинулись сами, самостоятельно. С другой стороны, есть люди, нуждающиеся в чужой помощи; сами они не пойдут вперед, если никто другой не откроет пути перед ними, но зато уж тогда они будут следовать усердно. К числу таких относит он Метродора. Это, мол, тоже выдающийся ум, но только уже второго разряда» (письмо 52, стр. [176] — 177).

«Кроме этих, ты найдешь еще другой род людей — и этим также не следует пренебрегать — таких людей, которых можно понудить встать на правильный путь: им, однако, нужен не руководитель, а помощник и, так сказать, понудитель. Это третий класс [людей]» (там же).

«У Эпикура, этого известного учителя наслаждения, были определенные дни, в которые он скупо утолял свой голод с целью посмотреть, заметно ли будет какое-либо уменьшение в отношении полноты и тонкости наслаждения или насколько оно уменьшится и стоит ли это уменьшение того, что каждый оплачивает его тяжелым трудом. Он, по крайней мере, рассказывает об этом в тех письмах, которые он писал Полиену в архонт-

ство Харина, и даже хвастает, что он тратит на питание неполный асс, а Метродор, который еще не настолько успел [в ограничении своих потребностей], целый асс. И, думаешь ты, при таком питании можно быть сытым? Да, и получить даже наслаждение, — не то слабое и скоропреходящее наслаждение, которое необходимо многократно возобновлять, а прочное и верное. Конечно, вода и ячменная крупа или кусок ячменного хлеба вещь мало приятная, но высшее наслаждение состоит в том, что ты даже из этого можешь получить наслаждение, в сознании, что довел себя до того, чего не может лишить никакая превратность судьбы» (письмо 18, стр. 67—[68]).

«[Ему (т. е. Идоменею) Эпикур написал это свое знаменитое поучение, в котором он убеждает его сделать Пифокла богатым не общепринятым, не сомнительным путем. «Если ты хочешь, — говорит он, — сделать Пифокла богатым, следует не денег ему прибавлять, а уменьшать его желания»» (письмо 21, стр. 79).

Ср. Стобей. Беседа XVII. «Если ты хочешь сделать кого-либо богатым, не давай ему денег, но лиши его желаний».

««Несчастье — жить в необходимости, но жить в необходимости вовсе не является необходимостью». Почему же это вовсе не является? Пути к свободе везде открыты, их много, они коротки и легки. *Возблагодарим же бога за то, что никого нельзя удержать в жизни. Обуздать самое необходимость — дозволено*... сказал... Эпикур» (письмо 12, стр. 42).

«Среди других недостатков глупость имеет еще этот, ей свойственный: *она постоянно начинает жить*... Что же может быть более мерзким, чем старец, начинающий жить? Я не назвал бы автора этого изречения, если бы оно не принадлежало к числу менее известных, мало распространенных изречений Эпикура» (письмо 13, стр. 47).

««Тот больше всего наслаждается богатством, кто меньше всего в богатстве нуждается»... [это изречение] принадлежит Эпикуру» (письмо 14, стр. 53).

«Эпикур сказал: «Если ты будешь жить согласно природе, ты никогда не будешь беден; если же [ты будешь жить] по представлениям людей, ты никогда [не будешь] богат». Природа требует малого, людские же представления — непомерного» (письмо 16, стр. 60).

«Для многих достижение богатства явилось не концом их несчастий, а видоизменением» (письмо 17, стр. 64).

«Я переведу мой долг тебе на Эпикура... «Неумеренный гнев порождает безумие». Ты должен знать, насколько это верно, так как ты имел и раба и врага. Все люди подвержены гневу. Он возникает как на почве любви, так и на почве ненависти, и как в серьезных делах, так и среди игр и шуток. Важна не причина, подавшая повод к гневу, а индивидуальность лица, охваченного гневом. Так и относительно огня: не то важно, насколько он силен, но на какую попадает почву; в самом деле, негорючие предметы противостоят даже весьма сильному пламени, а сухие и горючие, наоборот, от одной искры разгораются в целый пожар» (письмо 18, стр. [68]—69).

«Следует, — говорит [Эпикур], — прежде посмотреть, с кем ты ешь и пьешь, чем на то, чтó ты ешь и пьешь, ибо обжираться мясом без [общества] друга, это жизнь льва и волка» (письмо 19, стр. 72).

««Никто», — говорит он (т. е. Эпикур), — «не уходит из жизни иначе, чем как он родился»... Познал мудрость тот, кто умирает так же безмятежно, как он рождается» (письмо 22, стр. 84).

«Я могу... оплатить... изречением Эпикура..: «Тяжело постоянно начинать жизнь»» (письмо 23, стр. 87).

««Тот, кто свел свои желания к этому» (т. е. к хлебу и воде, к тому, чего требует природа, ср. письмо 110, стр. 548) «тот может спорить о счастье с самим Юпитером», как говорит Эпикур» (письмо 25, стр. 97).

«Эпикур, который сказал: «Обдумай, что из двух лучше: или чтобы смерть пришла к нам, или чтобы мы [пришли] к ней»» (письмо 26, стр. 101).

«Богатством [говорит Эпикур] — является бедность, приведенная в согласие с законами природы» (письмо 27, стр. 105).

««Сознание проступка — начало спасения». Это, кажется мне, замечательно сказал Эпикур» (письмо 28, стр. 107).

«Эпикур в письме к одному из участников своих занятий сказал: «Это я [пишу] не для многих, а [только] для тебя: мы составляем друг для друга достаточно большую аудиторию»» (письмо 7, стр. 21).

«До сих пор мы повторяем за Эпикуром: «...ты должен служить философии, чтобы достигнуть истинной свободы. Тому, кто подчинился и весь отдался ей, не приходится долго ждать, он тотчас же становится свободным. Ибо само служение философии есть свобода»» (письмо 8, стр. 24).

«[Этих] людей сделала великими не школа Эпикура, а общение с ним» (письмо 6, стр. 16).

«Умно, по моему мнению, сказал Эпикур: «Преступнику может удаться скрыть [свое преступление], но уверенности в том, что [оно] не откроется, у него быть не может»» (письмо 97, стр. 480).

«Я читал имеющее отношение к этому вопросу письмо Эпикура, адресованное Идоменею. Он его просит бежать как можно [скорее] и поспешить, прежде чем вмешается какая-нибудь высшая сила и лишит свободы ухода. Однако, он же добавляет, что попытаться можно только [тогда], когда попытку можно будет совершить удобно и своевременно; но, говорит он, когда этот долгожданный момент наступит, следует выпрыгнуть. Помышляющему о бегстве он запрещает спать, и он надеется на благополучный выход даже из самых затруднительных обстоятельств, если мы не поспешим раньше времени и не упустим удобный момент» (письмо 22, стр. 82).

«Ни один человек в здравом уме не боится богов. Ибо бояться того, что благодетельно, безумие; с другой стороны, никто не любит тех, кого он боится. Ты, наконец, Эпикур, обезоруживаешь бога: ты лишил его всякого оружия, всякого могущества; и чтобы никто не должен был бы его бояться, ты выбросил его за пределы мира. Этого бога, огражденного невесть какой огромной и непроходимой стеной, отделенного от соприкосновения и даже от взора смертных, нет причины бояться: у него нет никаких средств ни жаловать, ни вредить. Одинокий в пространстве между нашим небом и другим, без живого существа, без человека, без всего, он старается избегнуть развалин миров, падающих сверху и вокруг него, не внимая нашим мольбам, не интересуясь нами. И ты хочешь, чтобы казалось, что ты чтишь этого бога не иначе, как отца, и даже с чувством благодарности, полагаю я; а если ты не хочешь казаться благодарным, потому что он не оказал тебе никаких благодеяний, а тебя образовали эти твои атомы и частицы, случайно и неожиданно сгустившись, — то почему ты чтишь [его]? За величие, говоришь ты, за [его] исключительную, единственную в своем роде природу. Я в этом соглашусь с тобой; но ты, конечно, это делаешь без всякой надежды, не ожидая никакой награды. Есть, следовательно, нечто такое, что само по себе заслуживает того, чтобы его домогались, само достоинство чего тебя влечет: это и есть добродетель» (т. I, «О благодеяниях», кн. IV, гл. 19, стр. 719).

«Эпикур утверждает, что все эти причины могут существовать, и пытается дать еще ряд других, при этом он порицает тех, кто утверждает,

что имеется лишь какая-нибудь одна из этих причин: ведь трудно ручаться за какую бы то ни было достоверность в таких вещах, о которых приходится, по необходимости, строить одни только предположения. Следовательно, как он говорит, землетрясение может быть вызвано водой, если она вымывает и сносит некоторые части, которые в неповрежденном состоянии служили опорой соответствующему участку земли, а будучи ослаблены, не могут его больше поддерживать. Земля может также быть приводима в движение под давлением воздуха. А именно, может быть, воздух выводится из состояния равновесия под влиянием входящего внешнего воздуха. Может быть, воздух сотрясается и приходит в движение под действием какой-либо внезапно обрушивающейся части. Может быть, в той или иной части земля поддерживается некиим подобием колонн и столбов, — когда же они повреждаются и распадаются, то лежащая сверху тяжесть сотрясается. Может быть, горячая масса воздуха, превратившись в огонь, несется подобно молнии, сокрушая все, что встречает на своем пути. Может быть, болотные и стоячие воды увлекаются каким-то ветром, и отсюда или земля сотрясается ударом, или движущаяся масса воздуха, разрастаясь и увеличивая свою скорость в самом движении, выносится из самых глубин наружу. Однако, ни одна из причин, [вызывающих землетрясение], не является, по его мнению, более действительной, чем движение воздуха» (т. II, «Вопросы природы», кн. VI, гл. 20, стр. 802).

«По этому вопросу больше всего расходятся две школы: эпикурейцев и стоиков, и каждая из них указывает иной путь к покою. Эпикур говорит: «Не станет мудрец заниматься государственными делами, разве только случится что-нибудь особенное».

Зенон говорит: «Мудрец будет заниматься государственными делами, разве только что-нибудь ему помешает». Один стремится к спокойствию по внутреннему побуждению, другой — по [внешней] причине» (т. I, «О спокойствии мудреца», гл. 30, стр. 574).

«И ценится наслаждение не то [какое имел в виду] Эпикур, так как оно трезвое и воздержанное; они же прибегают к одному только имени в поисках какого бы то ни было защитного покрова для своего распутства. Таким образом они теряют единственное хорошее качество, которое они сохранили в своей порочности: стыд перед грехом. В самом деле, они хвалят то, что их раньше заставляло краснеть, и хвастаются пороком, и по этой причине даже молодежь не может восстановить свои силы, так как постыдная праздность скрыта под приличным названием» (т. I, «О счастливой жизни», гл. 12, стр. 541).

«Ибо все они» (т. е. Платон, Зенон, Эпикур) «говорили, не как они сами жили, но как следует жить» (там же, гл. 18, стр. 550).

«Значит, божество не расточает милостей, но, далекое от всяких забот и не интересуясь нами, оно даже не смотрит на мир, оно делает что-нибудь другое или (что Эпикуру кажется величайшим блаженством) не делает ничего, и добрые дела столь же мало трогают его, как и беззакония» (т. I, «О благодеяниях», кн. IV, гл. 4, стр. 699).

«В данном месте следует воздать справедливость утверждению Эпикура, который беспрестанно жалуется на то, что мы неблагодарны по отношению к прошлому, не помним благ, которые мы получили, и даже не считаем их среди наслаждений, между тем как нет более верного наслаждения, чем то, которого уже нельзя лишиться» ([т. I], «О благодеяниях», кн. III, гл. 4, [стр. 666]).

«Рассуждать можно с Сократом, сомневаться с Карнеадом, наслаждаться покоем с Эпикуром, побеждать человеческую природу со стоиками, совершать эксцентричности с киниками, и сообразно естественному

порядку идти в ногу с каждым веком, как его современники» (т. I, «О кратковременности жизни», стр. 512).

«С этой стороны у нас борьба с изнеженной и пребывающей в уединении толпой эпикурейцев, философствующих за пиршественными столами; для них добродетель — служанка наслаждений: наслаждениям она повинуется, наслаждениям она служит, она видит превосходство наслаждений над собой» (т. I, «О благодеяниях», кн. IV, гл. 2, стр. 697).

«Как же может добродетель управлять наслаждением, за которым она следует, в то время как следовать — дело повинующегося, а управлять — дело приказывающего?» (т. I, «О счастливой жизни», гл. II, стр. 538).

«Для вас» (т. е. для эпикурейцев) «наслаждение значит предавать свое тельце изнеживающей праздности, пребывать в беззаботности, весьма похожей на сон, укрываться под густою тенью, услаждать неподвижный вялый дух чувствительнейшими размышлениями, которые вы называете душевным покоем, и насыщать в тени садов яствами и напитками наши хворые от безделья тела. Для нас наслаждение значит творить благодеяния, будь то требующие больших усилий, лишь бы только облегчить труды других; будь то сопряженные с опасностью, лишь бы только избавить от опасности других; будь то обременительные для нашего собственного достояния, лишь бы только уменьшить нужду и затруднения других» (т. I, «О благодеяниях», кн. IV, гл. 13, стр. 713).

«Люди неопытные и несведущие не перестают совершать ошибки: они то и дело попадают в этот беспредельный, ничем не заполненный хаос Эпикура» (т. II, письмо 72, стр. 274).

«Эпикурейцы считали, что у философии есть лишь две части: физика и этика, логику они отрицали. Затем, когда сами факты заставили их подвергнуть разбору спорное, выявлять ложное, скрывающееся под видом истинного, они сами также ввели под другим именем логику, назвав ее «О правилах суждения», *но они считают ее добавлением к физической части*» (письмо 89, стр. 397).

«Эпикурейский бог... ни сам ничего не делает, ни других не заставляет [делать]» (т. II, «На смерть императора Клавдия», стр. 851).

««Что ж, — говоришь ты, — Сенека, ты рекомендуешь мне покой? — Ты, [значит], переходишь на эпикурейские поучения». — Да, я рекомендую тебе покой, чтобы ты в это время делал [нечто] более важное и более красивое, чем то, что ты оставил» (письмо 68, стр. 251).

«Я не настолько глуп, чтобы в данном месте повторять известную эпикурейскую басню и говорить, что страх перед потусторонним миром [есть страх] пустой, что не вращается Иксион на колесе, что не падает скала с плеч Сизифа в противоположную сторону, что ничьи внутренности не могут ежедневно пожираться и вновь отрастать. Никто не является настолько младенцем, чтобы бояться Цербера, мрака и привидений, принимающих вид обнаженных костей. Смерть или превращает нас в ничто, или переносит нас в другое место. Для тех, которые перенесены в другое место, остается лучшее, так как они освобождены от бремени; для тех же, которые превращены в ничто, не остается ничего, так как от них одинаково далеко как добро, так и зло» (письмо 24, стр. 93).

Конец

И. СТОБЕЙ. «СЕНТЕНЦИИ И ЭКЛОГИ» и т. д. ЖЕНЕВА, 1609

«Хвала блаженной природе за то, что необходимое она сделала легкодостижимым, а труднодостижимое — не необходимым.

Если ты хочешь сделать кого-либо богатым, не давай ему денег, но лиши его желаний».

«Умеренность — это добродетель, при помощи которой разумом умеряют стремления, направленные на дурные наслаждения.

Свойство умеренности — быть в состоянии подавлять рассудком желание, направленное на дурные удовольствия от наслаждения, стойко и мужественно переносить естественные лишения и печаль» («Об умеренности», беседа XVII, стр. 157).

«Мы рождаемся раз, дважды не дано родиться [никому], и необходимо, чтобы жизнь не была более продолжительной (necessarium est aetatem finiri). А ты, который не властен даже над своим завтра (qui ne crastinum diem quidem in tua potestate habes), откладываешь момент (tempus differs). Жизнь всех погибает из-за медлительности, и по этой именно причине каждый из нас умирает в разгаре своей деятельности» («О бережливости», беседа XVI, стр. 155).

«Я переполняюсь радостью, [доставляемой мне] моим бедным телом, имея воду и хлеб, и плюю на дорогостоящие наслаждения, не из-за них самих, а вследствие связанных с ними неприятностей.

Мы тогда имеем нужду в наслаждении, когда из-за его отсутствия мы страдаем; когда же мы из-за этого не страдаем, владея своими чувствами, тогда нет никакой нужды в наслаждении, ибо не естественное наслаждение производит внешние неприятности, а стремление к тому, что связано с пустыми представлениями» («Об умеренности», беседа XVII, [стр. 159]).

«Законы изданы для мудрецов не с той целью, чтобы они не поступали несправедливо, но чтобы они не подвергались неправедным действиям» («О государстве», беседа XLI, стр. 270).

«Смерть для нас ничто, ибо то, что погибло, то не чувствует, то же, что бесчувственно, для нас ничто» («О смерти», беседа CXVII, стр. 600).

«Эпикур Гаргетский убежденно говорит: «Тот, кто не довольствуется малым, не довольствуется ничем». Он же заявлял, что, имея хлеб и воду, он готов оспаривать счастье у Зевса» («Об умеренности», беседа XVII, стр. 158).

«Откуда и Эпикур полагает, что люди честолюбивые и славолюбивые не должны предаваться покою, а, следуя своим природным наклонностям, должны заниматься государственными и общественными делами, так как они так устроены, что больше будут тревожиться и сокрушаться от бездействия, если им не удастся достичь того, к чему они стремятся. И тем не менее безумен тот, кто привлекает не тех, кто в состоянии работать на общее благо, а тех, кто не может быть бездеятельным; ведь не большим или малым количеством содеянного, а тем, насколько оно благо или постыдно, обусловлено спокойное или тревожное состояние духа (securitatem animi anxietatemque metiri).

Ибо, как сказано, неделание благого тягостно и тревожно (molestum est et turbulentum) не менее, чем осуществление постыдного» («О настойчивости», беседа XXIX, стр. 206).

«Когда кто-то сказал: «мудрец не влюбится, по крайней мере, [живой] свидетель... Эпикур...» «Я, сказал [Хризипп], воспользуюсь этим доказательством, ибо, если... бесчувственный Эпикур... не влюблялся (мудрец, конечно, не влюбится) (ne sapiens quidem eo capietur)»» («О сладострастии и любви», беседа LXI, стр. 393).

«Но мы хотим обратить внимание на скучных философов, для которых наслаждение не соответствует природе, а следует за тем, что соответствует природе, т. е. справедливости, самообладанию и свободе. Почему же тогда душа радуется и успокаивается (tranquillatur) малыми телесными

благами, как говорит Эпикур [...?]» («О неумеренности», беседа VI, стр. 81—82).

«Эпикур говорит, что все боги имеют человекоподобный вид, но познать их можно только умом из-за тонкости природы изображений. Он же считает неразрушимыми следующие четыре субстанции: атомы, пустоту, бесконечность и однородные *частицы*, которые называются также *гомеомериями* и *элементами*» («Эклоги физические», кн. I, стр. 5).

«Эпикур руководствуется необходимостью, свободным решением, судьбой ...

О судьбе они [пифагорейцы] высказывались таким образом: Имеется, правда, в ней какая-то божественная часть, ибо от бога некоторые люди вдохновляются как на хорошее, так и на дурное. И очевидно, что именно по этой причине одни — счастливы, а другие — несчастны. Но на глазах у всех имеет место такое явление, что одни, предпринимая что-либо необдуманно и легкомысленно, часто преуспевают, а другие, напротив, несмотря на предварительное обсуждение и размышление над тем, как поступить в каком-либо деле правильно, ничего не добиваются. Есть еще и другое проявление судьбы, в силу которого одни одарены, талантливы и способны на все, другие же бесталанны, так как имеют противоположную природу; первые попадают во всякую цель, какую бы они ни наметили, последние же бьют мимо цели, так как мысль их никогда не идет правильным путем, а беспорядочно. Но это несчастье уже прирожденное, а не внешнее (non externam)» («Эклоги физические», кн. I, стр. 16).

«Эпикур (называет время) акциденцией, т. е. тем, что сопутствует движениям» (там же, стр. 19).

«Эпикур [утверждает], что началом всего существующего являются тела, познаваемые умом, не заключающие в себе пустоты, не имеющие ни начала, ни конца; они не поддаются ни уменьшению, ни измельчению. Называется же [такое тело] атомом не потому, что оно самое меньшее [из того, что существует], но потому, что его нельзя разделить, так как оно лишено ощущений и не заключает в себе пустоты» («Эклоги физические», кн. I, стр. 27).

«Эпикур [допускал], что первоначальные тела неразличимы по размерам и элементарны, а тела, из них (атомов) составленные, обладают весом. Движутся же атомы, то падая прямолинейно (rectis lineis), то путем отклонения; а движение вверх — результат удара и отталкиваний» («Эклоги физические», кн. I, стр. 33).

«Эпикур ... [говорит], что в темноте цветные тела не имеют цвета» («Эклоги физические», кн. I, стр. 35).

«Эпикур [утверждал], что атомы беспредельны по количеству, пустота же по размерам» («Эклоги физические», кн. I, стр. 38).

«Эпикур вперемежку пользуется всякими названиями — пустота, место, пространство» («Эклоги физические», кн. I, стр. 39).

Ср.: *Диоген Лаэрций:* «если бы не было того, что мы называем пустотой, местом и неосязаемой природой» ([X, 40], письмо Геродоту, стр. 32).

«Эпикур [различал] два вида движений: по прямой линии и путем отклонения» («Эклоги физические», кн. I, стр. 40).

«Эпикур [говорил], что мир погибает многими способами: частью — как животное, частью — как растение, частью же другими различными способами» («Эклоги физические», кн. I, стр. 44).

«Все другие философы [полагали], что мир одушевлен и управляется провидением. Левкипп же, Демокрит и Эпикур не [признавали] ни того, ни другого из указанных [предположений], но [утверждали], что мир возник естественным путем из атомов сам собою» («Эклоги физические», кн. I, стр. 47).

«Эпикур [говорил], что граница одних миров редка, других же — плотна, и из них [границ] одни подвижны, другие же неподвижны» («Эклоги физические», кн. I, стр. 51).

Следующее место из Стобея, не принадлежащее Эпикуру, вместе с тем, возможно, самое возвышенное.

«Есть ли, отец, что-либо прекраснее, помимо указанного?» (под словами «помимо указанного» следует разуметь: фигуру, цвет и тело). — «Только бог, сын мой; *а еще более великое есть, скорее, имя бога*» (Стобей. «Эклоги физические», кн. I, стр. 50).

«Метродор, наставник Эпикура, утверждает: первопричины — это атомы и элементы» (там же, стр. 52).

«Левкипп, Демокрит и Эпикур [полагали], что бесчисленные миры [носятся] в бесконечности, по всем кругообращениям. Анаксимандр [утверждал], что бесчисленные видимые миры отстоят на равном один от другого расстоянии. Эпикур же [говорил], что расстояние между мирами не равно» (там же, стр. 52).

«Эпикур не отвергает ни одного из этих мнений» (а именно — относительно звезд), «придерживаясь возможного» (там же, стр. 54).

«Эпикур говорит, что солнце представляет собой сгущенную земельную массу ноздреватого или губчатого строения, охваченную пламенем, [пробивающимся] сквозь поры» (там же, стр. 56).

В большей степени, чем место, приведенное Шаубахом, цитированное выше место из «Эклог физических», кн. I, стр. 5 *, подтверждает, по-видимому, представление о двух видах атомов. В этом месте «Эклог», в качестве бессмертных начал, наряду с атомами и пустотой, приводятся «однородные частицы», которые не являются εἴδωλα **, но получают следующее разъяснение: «они называются гомеомериями и элементами». Из этого места, во всяком случае, следует, что атомы, которые лежат в основе явлений, в качестве элементов не имеют гомеомерий и обладают свойствами тел, в основе которых они лежат. Это, конечно, неверно. Равным образом и Метродор приводит в качестве причин «атомы и элементы» (кн. I, стр. 52).

КЛИМЕНТ АЛЕКСАНДРИЙСКИЙ. «СОЧИНЕНИЯ». КЁЛЬН, 1688

«Да вот также и Эпикур позаимствовал у Демокрита свои основные положения» («Ковры», кн. VI, стр. 629).

«Кажется, что и Гомер знал бога, хотя он выводит богов, обуреваемых человеческими страстями. Не с таким благоговением относится к нему Эпикур» («Ковры», кн. V, стр. 604).

«Эпикур же полагает, что устранение страдания и есть наслаждение; к этому, говорит он, должно стремиться, это то, что прежде всего влечет от самого себя к самому себе, что, по-видимому, вообще находится в движении . . . .

* См. настоящий том, стр. 127. *Ред.*

** — отображениями [отражениями]. *Ред.*

Итак, Эпикур и киренаики говорят, что наслаждение — это то, что прежде всего сродни [нашей природе]. Ибо добродетель, утверждают они, введена ради наслаждения и сама порождает наслаждение» («Ковры», кн. II, стр. 415).

«Эпикур же полагает, что всякая душевная радость зарождается в плоти, обладающей чувствительностью прежде всего.

Метродор в своем трактате, носящем заглавие «О том, что источник счастья больше в нас самих, чем во внешних обстоятельствах», говорит: «Чтó иное есть душевное благо, как не здоровое состояние тела и достоверная надежда, что оно таковым же и останется?»» («Ковры», кн. II, стр. 417).

«Эпикур, по крайней мере, допускает, что тот, кто, по его определению, мудр, не пожелает из-за какой-то выгоды поступить неправедно, ибо он не может получить уверенности, что это останется скрытым. Так что, если он будет убежден, что останется необнаруженным, то, по его [Эпикура] мнению, он поступит неправедно» («Ковры», кн. IV, стр. 532).

Клименту небезызвестно, что надежда на загробную жизнь также не свободна от принципа полезности.

«Если же кто-либо воздержится от совершения зла в надежде на награду праведным от бога, то это не значит быть праведным по доброй воле (ne hic quidem sua sponte bonus est). Ибо, подобно тому как того делает праведным страх, так этого делает праведным награда, — вернее, приводит к тому, что он кажется праведным» (там же и сл. стр.).

«Эпикур, который ставил наслаждение гораздо выше истины, полагает, что [вера есть] пролепсис (anticipationem) мысли. Пролепсис же он определяет как намек на что-то очевидное и на ясное понятие о предмете. Однако никто не может ни исследовать, ни сомневаться, ни даже думать и ни опровергать (arguere) — без пролепсиса» («Ковры», кн. II, стр. 365—366).

Климент добавляет:

«Если, таким образом, вера есть не что иное, как предвосхищение мысли относительно того, о чем говорится» и т. д.

Из этого можно видеть, что следует понимать под верой.

«Демокрит отвергает брак и деторождение из-за доставляемых ими многочисленных неприятностей и из-за того, что они отвлекают (abstractio) от более необходимого. С ним соглашается и Эпикур и все те, кто усматривает благо в наслаждении, а также в отсутствии волнений и боли» («Ковры», кн. II, стр. 421).

«Эпикур же, наоборот (contra), полагает, что одни только греки могут заниматься философией» («Ковры», кн. II, стр. 302).

«Прекрасно, следовательно, говорит Эпикур в письме к Менойкею: «Пусть никто, пока он молод, не откладывает занятий философией»» и т. д. («Ковры», кн. IV, стр. 501). Ср. у Диогена Лаэрция письмо к Менойкею.

«Но эпикурейцы говорят, что есть некие тайные (arcana) учения, и не всякому разрешается читать о них сочинения» («Ковры», кн. IV, стр. 575).

По мнению Климента Александрийского, апостол Павел имел в виду Эпикура, когда он говорил:

««Смотрите, братья, чтобы кто не увлек вас философиею и пустым обольщением, по преданию человеческому, по *стихиям мира*, а *не* по Христу» *. Философии же [остерегайтесь] не всякой, а такой, как *эпикурейская*, о которой упоминает в «Деяниях апостолов» Павел, осуждая ее за то, что *она отвергает божественный промысел* и *обожествляет наслаждение*, и всякой другой, если она возвеличила стихии, не поставив над ними творческой первопричины, и не дошла до мысли о творце» («Ковры», кн. I, стр. 295).

Хорошо, что отметаются философы, не фантазирующие о боге.

Теперь это место понимают лучше, теперь знают, что Павел имел в виду вообще всякую философию.

* Библия. Новый завет. Послание к колоссянам апостола Павла, глава 2 стих 8. *Ред.*

ЭПИКУРЕЙСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

Тетрадь седьмая

ЦИЦЕРОН

I. «О ПРИРОДЕ БОГОВ»
II. «ТУСКУЛАНСКИЕ БЕСЕДЫ». 5 КНИГ [44]

ЦИЦЕРОН. «О ПРИРОДЕ БОГОВ»

КНИГА ПЕРВАЯ

Гл. VIII. [18] «Тогда сказал Веллей весьма самоуверенно по их (т. е. эпикурейцев) обыкновению, больше всего боясь, как бы не показалось, что он в чем-либо сомневается, словно он только что спустился с собрания богов и из эпикуровских межмировых пространств» — и т. д. и т. д.

Гл. XIII. [32] Очень хорошее место из Антисфена:

«В той книге, которая носит заглавие «Физик», он говорит, что *по народному представлению существует* много *богов,* а *естественный бог только один...*»

Гл. XIV. [36] О стоике Зеноне говорится:

«Когда же Зенон комментирует «Родословную богов» Гесиода, он совсем отбрасывает привычные и усвоенные представления о богах: он не принимает в число богов ни Юпитера, ни Юнону, ни Весту, никого, кого так называют, но он утверждает, что эти имена по какой-то аллегории присвоены вещам, лишенным души и способности речи».

Гл. XV. [41] О стоике Хризиппе говорится:

«Во второй» (т. е. книге о природе богов) «он стремится привести в согласие басни Орфея, Мусея, Гесиода и Гомера с тем, что он сам сказал в первой книге о бессмертных богах, чтобы выглядело, что и древнейшие поэты были стоиками, чего они сами даже и не подозревали».

«А, следуя за ним, Диоген Вавилонский в книге, озаглавленной «О Минерве», отступает от мифа, давая естественное толкование разрешению Юпитера от бремени и рождению богини-девственницы».

Гл. XVI. **[43] «Итого только он один» (т. е. Эпикур) «усмотрел, что боги существуют прежде всего потому, что сама природа впечатлела в души всех [людей] представление о богах. В самом деле, есть ли такой народ, существует ли такое племя, которое и без обучения не имело бы какого-то предвосхищающего представления о богах? Эпикур называет его «пролепсис» [27],**

т. е. некое предвосхищающее представление о предмете, без чего ничто не может быть ни понято, ни исследовано, ни подвергнуто обсуждению. Значение и полезность этого учения мы узнали из несравненной книги Эпикура «О правилах суждения»».

Гл. XVII. [44] «...должно понять, что боги существуют, так как мы имеем внутреннее или, лучше сказать, врожденное о них представление. То же, в отношении чего согласна природа всех, по необходимости истинно».

[45] «...Если это так, то правильно сказано в известном изречении Эпикура: «То, что блаженно и вечно, то само не имеет никаких дел и на других не возлагает, так что оно не доступно гневу и не обязано благодарностью, ибо все подобное... было бы признаком бессилия»».

«...Все выдающееся имеет полное основание претендовать на поклонение».

Гл. XVIII. [46] «Мы все, все народы, по самой природе представляем себе богов не иначе, как в образе людей.., но, чтобы не сводить все к первоначальным представлениям, и самый разум утверждает то же самое...»

[47] «Какой образ... может быть прекраснее человеческого?..»

[48] «Приходится признать, что боги по внешнему виду — люди.

[49] Все же этот образ не есть тело, а квазитело; и имеет оно не кровь, а квазикровь».

Гл. XVIII. [49] «Эпикур... учит, что сила и существо богов таковы, что они прежде всего познаются не чувством, а умом, — не как нечто плотное, не по числу, в отличие от того, что Эпикур вследствие твердости обозначает словом στερέμνια *, а воспринимаются они как изображения, в силу сходства и переноса».

Гл. XIX. «Когда от бесчисленного количества образов возникает нескончаемый ряд чрезвычайно сходных изображений и восходит к богам, наша мысль, напряженно направленная на эти изображения, вместе с чувством самого большого наслаждения получает понятие о блаженной и вечной сущности».

[50] «Высший же принцип бесконечности весьма достоин длительного и внимательного рассмотрения: при этом по необходимости постигается, что эта сущность такова, что все соответствует всему и равное соответствует равному. Эпикур называет это изономией, т. е. равномерным распределением. Отсюда, таким образом, следует то, что, если *существует такое огромное количество смертных, то число бессмертных не меньше;* и если силы уничтожающие не определимы числом, то и сил сохраняющих должно быть бесчисленное множество».

[51] «И еще, Бальб, вы обыкновенно спрашиваете нас, какова жизнь богов и как проходит их век. Очевидно [жизнь их] такова, что нельзя придумать ничего более счастливого, ничего более насыщенного всевозможными благами. В самом деле, оно [божество] ничего не делает, не связано никакими занятиями, не обременено никакой работой; оно наслаждается собственной мудростью и добродетелью, оно подлинно уверено, что будет вечно пребывать как среди величайших, так и среди бессмертных благ».

Гл. XX. [52] «Этого бога мы по справедливости можем назвать блаженным, вашего же — настоящим мучеником: в самом деле, или бог есть не что иное, как сама вселенная, — то что может быть менее спокойным, чем вращаться с изумительной быстротой вокруг небесной оси без единого мгновения перерыва? А вне покоя ничто не может быть счастливым. Или в самом мире существует некий бог, который царствует, который управляет, который направляет бег звезд, соблюдает последовательность

* — твердый предмет. *Ред.*

времен, смену и порядок всего и, созерцая земли и моря, охраняет благоденствие и жизнь людей: [вот] он подлинно загружен тяжелыми и многотрудными делами. [53] Мы же полагаем счастливую жизнь в спокойствии духа, в свободе от каких бы то ни было обязанностей. Ибо нас учил тот, кто [объяснил и все] другое, — что мир возник естественным путем: он не был делом искусства какого-либо мастера. И представить себе это не труднее, чем при вашем отрицании того, что природа без божественного искусства создаст, создает или создала бесчисленные миры. Так как вы не видите, каким образом может природа создавать это без какого-либо разума, то вы, как трагические поэты, когда вы не можете представить развязку пьесы, прибегаете к богу. [54] Вы, конечно, не пожелали бы его помощи, если бы вы видели повсюду огромные пространства, без меры и предела, в которых дух, стремительно бросаясь, так странствует повсюду, что он не видит, однако, никакого предельного рубежа, на котором он мог бы остановиться. Итак, в этом безмерном в ширину, длину и глубину [пространстве] *носится бесконечная в своей бесчисленности масса атомов; эти атомы, несмотря на то, что они разделены пустотой, сцепляются, однако, взаимно,* и, *схватывая одни других, продолжаются непрерывно;* от этого-то происходят эти формы и фигуры вещей, образование которых без наковален и кузнечных мехов вы не считаете возможным. И *таким образом вы посадили нам на шею вечного владыку, чтобы мы боялись его денно и нощно. В самом деле, кто не побоится бога, все предвидящего, обо всем думающего, все замечающего, полагающего, что все имеет к нему отношение, любопытного и обремененного делами?*»

[55] «*Отсюда-то впервые обнаружилась перед вами та, судьбой предназначенная, необходимость, которую* вы называете «*роком*»; и таким образом вы утверждаете, что все, что бы ни случилось, происходит как следствие вечной истины и непрерывного ряда причин. Но что следует думать о такой философии, по воззрению которой, — как это представляется старушонкам, и притом невежественным, — все происходит по воле рока? Далее следует ваша *мантика,* которую мы переводим как «дар прорицания»; если бы мы хотели вас слушать, то мы под влиянием этой мантики преисполнились бы таким суеверием, что мы должны были бы поклоняться жрецам, предсказателям, гадателям, вещунам и толкователям снов».

[56] «Избавленные Эпикуром от этих страхов и получившие свободу, мы не боимся тех [богов], которые, как мы понимаем, ни для себя не выдумывают никаких неприятностей, ни для других не выискивают, и мы благоговейно и свято чтим это существо превосходной и возвышенной природы».

За этим следует возражение Котта.

Гл. XXI. [58] «Я признаю.., что речь твоя понятна: она не только мыслями богата, но и изложена *в более изящных выражениях, чем это в обыкновении у ваших* [т. е. у эпикурейцев]».

Гл. XXIII. [62] «Ибо по твоим словам, то обстоятельство, что всем народам и человеческим племенам так кажется, является достаточно большим основанием, почему мы должны признать существование богов. Это не только само по себе легкомысленно, но и ошибочно».

(Котта, рассказав о том, что книги Протагора, который отрицал существование богов, были сожжены в народном собрании, а сам Протагор был изгнан из страны) [продолжал]: [63] «вследствие этого я, по крайней мере, думаю, что многие стали осторожнее с публичным высказыванием такого мнения, так как даже сомнение не могло избежать наказания».

Гл. XXIV. [66] «Ибо эти мерзкие высказывания Демокрита или еще раньше Левкиппа, будто существуют какие-то атомы, одни гладкие, другие шероховатые, одни круглые, частью же угловатые, некоторые крючковидные и как бы загнутые внутрь: из этих-то атомов создано небо и земля, *без всякого принуждения со стороны природы*, но *по какому-то случайному столкновению...*»

[67] «Итак, это и есть твоя истина? Ибо я нисколько не возражаю против счастливой жизни, которой, по твоему мнению, не обладает даже бог, если он не пребывает в полном покое и бездействии...»

«Я, таким образом, готов допустить, что все состоит из атомов. Какое же это имеет отношение к делу? Ведь речь идет [68] о природе богов. Пусть и они состоят из атомов. Следовательно, они не вечны, ибо то, что состоит из атомов, должно было когда-то образоваться. Если они [боги] образовались, то прежде, чем они произошли, не было никаких богов. И если есть рождение богов, то по необходимости должна быть и гибель [богов], как ты сам незадолго до настоящего момента рассуждал о платоновской вселенной. Где же таким образом ваше знаменитое «блаженное и бессмертное»: этими двумя словами вы обозначаете бога. Когда же вы хотите это доказать, вы попадаете в непроходимую чащу; ты, например, говорил, что [в боге] есть не тело, но квазитело; и не кровь, но квазикровь».

Гл. XXV. [69] «Вы очень часто, когда вы говорите что-нибудь неправдоподобное и желаете избежать упрека, приводите что-нибудь такое, что даже случиться не может: было бы лучше согласиться с тем, о чем идет спор, чем упорствовать так бесстыдно. Вот, например, Эпикур. Так как он понял, что если бы атомы вследствие своей собственной тяжести неслись вниз, то от нашей власти ничего бы не зависело, ибо движение атомов является определенным и необходимым, — то он, *чтобы избегнуть необходимости,* измыслил такое средство, *до которого Демокрит, очевидно, не додумался*. Эпикур говорит, что атом, хотя он и несется сверху вниз вследствие своего веса и тяжести, все же чуть-чуть отклоняется». [70] «Утверждать это постыднее, чем не уметь доказать то, чего он хочет».

Весьма замечательным явлением оказывается то, что цикл трех греческих философских систем, которыми завершается чисто греческая философия, а именно эпикурейская, стоическая, скептическая системы, черпают из прошлого, — как уже данные, — свои основные моменты. Так, стоическая натурфилософия является по большей части гераклитовской, а ее логика сходна с логикой Аристотеля, так что уже Цицерон замечает:

«Стоики, по-видимому, по существу согласны с перипатетиками, на словах же не согласны» («О природе богов», кн. I, гл. VII [16]).

Натурфилософия Эпикура оказывается в основных чертах демокритовской, мораль же сходна с моралью киренаиков. Наконец, скептики являются учеными среди философов; их работа заключается в противопоставлении, а следовательно — и в собирании различных, ранее высказанных утверждений. Они бросили выравнивающий, сглаживающий ученый взгляд на прежние системы и обнаружили таким образом противоречие и противоположность. Общий прототип их метода также дан

в элейской, софистической и доакадемической диалектике. Тем не менее эти системы оригинальны и составляют нечто цельное.

Но они не только нашли готовые строительные материалы для своей науки; живые духи их духовных миров сами, так сказать, предшествовали последним как пророки. Личности, неотделимые от их системы, были историческими лицами. Одна система оказывалась, так сказать, включенной в другую. Таковы были Аристипп, Антисфен, софисты и другие.

Как это следует понимать?

Аристотель говорит о «растительной душе»:

«она может существовать отдельно от других, но у смертных существ другие не могут существовать без нее» (Аристотель. «О душе», кн. II, гл. 2).

Это его замечание следует иметь в виду и по отношению к эпикурейской философии, как для понимания ее самой, так и для выяснения кажущихся нелепостей самого Эпикура и несообразительности его позднейших критиков.

У Эпикура наиболее общей формой понятия является *атом*, как его наиболее общее бытие, которое, однако, конкретно в себе и является родовым понятием, но в то же время оно является видом по отношению к более высоким различениям и конкретизациям понятия его философии.

Итак, атом остается абстрактным в-себе-бытием, например, личности, мудреца, бога. Это — более высокие, дальнейшие качественные определения того же понятия. Поэтому при генетическом рассмотрении этой философии не следует ставить тот неуместный вопрос, который ставят Бейль, Плутарх и другие: как может личность, мудрец, бог возникнуть и состоять из атомов? С другой стороны, кажется, что оправдание для этого вопроса можно найти у самого Эпикура, потому что о более высоких формах, например, о боге, он говорит, что последний состоит из более мелких и тонких атомов. Относительно этого следует заметить, что собственное сознание Эпикура так относится к дальнейшему его развитию, к неизбежным для него дальнейшим определениям его принципа, как ненаучное * сознание людей более поздних эпох — к его системе.

Если, например, по отношению к богу и т. д., — оставляя в стороне его дальнейшие определения формы, составляющие необходимое звено в этой системе, — ставится вопрос о его существовании, о его в-себе-бытии, то общей формой существования

* В рукописи, очевидно, описка: вместо «das wissenschaftliche Bewußtsein» («научное сознание»), написано «das unwissenschaftliche Bewußtsein» («ненаучное сознание»). *Ред.*

вообще является атом и множество атомов; но именно в понятии бога, мудреца это существование перешло в более высокую форму. Его специфическое в-себе-бытие оказывается именно дальнейшим определением его понятия, необходимым в том целом, которое представляет собой эта система. Если ставится вопрос еще о каком-то бытии кроме этого, то это является возвращением на низшую ступень и к низшей форме принципа.

Однако Эпикур вынужден постоянно возвращаться на эту низшую ступень, потому что его сознание является столь же атомистическим, как и его принцип. Сущность природы в его понимании оказывается и сущностью его действительного самосознания. Побуждающий его инстинкт и дальнейшие определения этой инстинктивной сущности опять-таки представляются ему такими же явлениями, как и другие явления, и из более высокой сферы философствования он снова спускается в наиболее общую сферу главным образом потому, что существование, как для-себя-бытие вообще, представляется ему формой всякого существования вообще.

Это существенное сознание философа отделяется от его собственного являющегося знания, но само это являющееся знание, — в беседах, которые философ как бы ведет с самим собой, о своем подлинном сокровенном побуждении, о мысли, которую он мыслит, — есть нечто обусловленное, — оно обусловлено принципом, составляющим сущность его сознания.

Задача философской историографии заключается не в том, чтобы представить личность философа, хотя бы и духовную, так сказать, как фокус и образ его системы, еще менее в том, чтобы предаваться психологическому крохоборству и мудрствованиям. История философии должна выделить в каждой системе определяющие мотивы, подлинные кристаллизации, проходящие через всю систему, и отделить их от доказательств, оправданий в виде диалогов, от изложения их у философов, поскольку эти последние осознали себя. Она должна отделить бесшумно продвигающегося вперед крота подлинного философского знания от многословного, экзотерического, принимающего разнообразный вид, феноменологического сознания субъекта, которое является вместилищем и двигательной силой этих рассуждений. В разделении этого сознания должно быть прослежено как раз его единство, взаимная обусловленность. Этот *критический момент* при изложении философской системы, имеющей историческое значение, безусловно необходим для того, чтобы привести научное изложение системы в связь с ее историческим существованием, — в связь, которую нельзя игнорировать именно потому, что это существование является историческим,

Но в то же время она должна быть утверждена и как философская связь, — следовательно, должна быть развернута в соответствии со своей сущностью. Всего менее можно, основываясь только на авторитете и на искренней вере, признавать, что та или иная философия действительно является философией, — хотя бы этим авторитетом являлся целый народ и эта вера существовала в течение веков. Доказательство может быть дано лишь путем раскрытия существа этой философии; кроме того, каждый, кто пишет историю философии, различает существенное и несущественное, изложение и содержание; в противном случае ему приходилось бы только списывать, вряд ли даже приходилось бы переводить; еще менее того он мог бы сказать свое слово или что-либо вычеркнуть и т. п. Он был бы лишь переписчиком копий.

Наоборот, вопрос следует формулировать так: каким образом в систему включаются понятия о личности, мудреце, боге и каковы специфические определения этих понятий, как они развиваются из системы?

ЦИЦЕРОН. «О ВЫСШЕМ ДОБРЕ И ЗЛЕ»

КНИГА I

Гл. VI. [17] «Я начну с утверждения [говорит Цицерон], что в физике, которой он особенно кичится, он (т. е. Эпикур) прежде всего совершенно несведущ...

Тот (т. е. Демокрит) полагает, что атомы, т. е. тела, неделимые, вследствие своей плотности, носятся в безграничной пустоте, в которой нет ни верха, ни низа, ни средины, ни начала, ни конца. Эти атомы при столкновениях взаимно сцепляются, и от этого происходит все то, что существует и что мы воспринимаем зрением, и это движение атомов мыслится им не имеющим никакого начала, но существующим от века...»

[18] «Ведь он (Эпикур) утверждает, что эти неделимые и плотные тела несутся в силу своей тяжести вниз по прямой линии: это и есть, по его мнению, естественное движение всех тел».

[19] «Затем тут же его, как человека острого ума, осенила мысль, что если бы все атомы двигались сверху вниз и, как я уже сказал, по прямой линии, то никогда ни один атом не пришел бы в соприкосновение с другим, — и он преподнес такого рода выдумку: он заявил, что атом чуть-чуть, — меньше чего ничто не может быть, отклоняется. Отсюда-де возникают сплетения, сочетания и сцепления атомов между собой, и в результате образуется мир, все части мира и все, что в нем содержится... Да и само отклонение есть произвольная выдумка, — ведь он [Эпикур] говорит, что атом отклоняется *без причины*, а ничего нет для физика постыднее, как утверждать, что то или другое совершается без причины...»

[20] «Солнце представляется великим по своим размерам Демокриту, как человеку ученому и вполне овладевшему геометрией, а вот ему [т. е. Эпикуру] оно представляется величиной всего, примерно, *в два фута;* он, значит, считает, что величина солнца *в действительности* такова, какой она нам кажется, либо немного больше или немного меньше».

[21] «Значит, все, что он [Эпикур] изменяет, он искажает, а те положения, которым он следует, целиком остаются демокритовскими: атомы, пустота, *образы, называемые ими idola, под влиянием* притока которых [к глазам] мы не только видим, но даже мыслим; *сама* бесконечность, *которую* они обозначают словом ἀπειρία, — все это заимствовано у того [Демокрита], затем бесчисленность миров, которые ежедневно создаются и погибают» и т. д.

Гл. VII. [22] «А уж во второй части философии, ... которая называется логикой, этот ваш философ [Эпикур] совершенно... безоружен и беспомощен: он уничтожает определения, исключает учение о разделении и расчленении, не излагает, как образуется и как выводится умозаключение, не показывает, каким путем распутываются софизмы, разрешаются двусмысленности; суждения о вещах он основывает на чувственных восприятиях; он полагает, что, если хоть раз под влиянием чувственных восприятий что-нибудь ложное признано истинным, то уничтожается всякая возможность суждения об истинном и ложном».

[23] «В особенности же он выдвигает то, что, по его словам, сама природа одобряет и отвергает: наслаждение и страдание; к этому он сводит все, — и чего мы должны избегать, и к чему мы должны стремиться».

Гл. IX. [29] «... это Эпикур видит в наслаждении, его он считает высшим благом, а страдания он считает крайним злом, и это положение он попытался доказать следующим образом:

[30] Всякое живое существо, лишь только рождается, стремится к наслаждению и испытывает его, как высшее благо: страдание же отвергает, как крайнее зло, и, по мере своих сил, отталкивает его от себя; и это оно делает еще будучи неиспорченным, по неподкупному и беспристрастному указанию самой природы. И он [Эпикур] утверждает, что нет нужды ни в обоснованиях, ни в рассуждениях, почему следует добиваться наслаждения и избегать страдания... Сама природа должна давать указания, что̀ согласно с природой и что̀ ей противно».

Гл. XI. [37] «Так во всех случаях устранение страдания влечет за собой наступление наслаждения».

[38] «Эпикур, таким образом, не признавал существования чего-либо среднего между страданием и наслаждением».

Гл. XII. [40] «По необходимости тому, кто подвергся таким переживаниям, должна быть свойственна твердость духа, не испытывающего страха ни перед смертью, ни перед страданием, потому что смерть сопровождается потерей чувств, а страдание обыкновенно, если оно длительное, бывает легким, а если сильное, бывает кратковременным, так что сила страдания смягчается быстротечностью, а длительность [смягчается] ослаблением [силы страдания]».

[41] «Когда же к этому прибавляется то, что и воля божества не внушает ему страха и минувшие наслаждения не исчезают [из памяти], а он испытывает радость при постоянном о них воспоминании, то есть ли что-либо лучшее, что можно было бы сюда присовокупить?»

[42] «Но так как это есть или высшее, или крайнее, или конечное из благ, которое греки обозначают словом τέλος * — *потому что все сводится к нему, а оно само ни к чему другому — приходится признать, что высшее благо состоит в том, чтобы жить приятно*».

Гл. XIII. [45] «В самом деле, какое деление [желаний] может быть более полезным и для хорошей жизни более пригодным, чем то, которое использовал Эпикур? Он установил один вид желаний, которые и естественны, и необходимы; другой, — которые естественны, но не необхо-

* — конечная цель. *Ред.*

димы; третий, — которые не являются ни естественными, ни необходимыми; отношение между ними таково, что необходимые [желания] удовлетворяются без большого труда и без [больших] расходов; и естественные [желания] требуют немногого, потому что сама природа обладает богатствами, легко приобретаемыми и ограниченными, которыми она и довольствуется; для пустых же желаний нельзя найти никакой меры, никакого предела».

Гл. XVIII. [57] «Тот Эпикур, который, как вы утверждаете, слишком предан наслаждениям, громогласно заявляет, что нельзя жить приятно, если не жить разумно, благородно и справедливо, и что нельзя жить разумно, благородно и справедливо, если не [жить] приятно... [58] (Насколько же меньше) дух, несогласный с самим собой и находящийся с собой в разладе, может вкусить какую-либо долю чистого и невозмутимого наслаждения».

Гл. XIX. [62] «Мудреца, всегда блаженного, Эпикур изображает так: он имеет ограниченные желания, равнодушен к смерти, придерживается правильного мнения о бессмертных богах, не питая никакого страха, не колеблется, если так лучше, уйти из жизни. Настроенный таким образом, он постоянно пребывает в наслаждении, — ибо нет ни одного момента, в котором он не испытывал бы больше наслаждений, чем страданий: в самом деле, он с благодарностью помнит минувшее *и владеет настоящим, сознавая, как оно значительно и приятно;* не находится в зависимости от будущего, но [спокойно] ждет его, и пользуется настоящим; ...когда он сравнивает жизнь глупцов со своей [жизнью], то он преисполняется великим наслаждением; если же случаются страдания, то они никогда не обладают такой силой, чтобы у мудреца не было больше поводов для радости, чем для печали».

[63] «В самом деле, прекрасно сказал Эпикур, что судьба обладает небольшой властью над мудрецом и что самые великие и самые важные дела решаются им, по его собственному усмотрению и рассуждению, и что в неограниченное время жизни нельзя получить большее наслаждение, чем получается в то время, которое нам представляется ограниченным.

А за вашей диалектикой он не признавал никакого значения ни для лучшей жизни, ни для более удобного изложения.

Больше всего он придавал значения учению о природе.., познав же природу всего сущего, мы освобождаемся от суеверия, избавляемся от страха смерти и от смущения, вызываемого незнанием сущего, отчего именно и возникают часто страшные призраки; мы, наконец, будем более благонравными, если мы изучим требования природы».

Когда мы признаем природу разумной, наша зависимость от нее прекращается. Природа перестает быть пределом для нашего сознания, и именно Эпикур делает форму сознания в ее непосредственности, для-себя-бытие, — формой природы. Лишь тогда, когда природа признается вполне свободной от сознательного разума, рассматривается в самой себе как разум, она становится полным достоянием разума. Всякое отношение к ней, как таковое, оказывается в то же время и ее отчужденностью.

[*Гл. XIX,* 64] «Если же не будет постигнута сущность вещей, то мы никоим образом не сможем отстаивать правильность показаний чувств. Далее, все, что мы ни познаем умом, — все это берет начало в чувствен-

ных восприятиях; только в том случае, если все они, как утверждает учение Эпикура, истинны, — только в этом случае можно что-либо познать и постичь. Те же, которые отвергают истинность чувственных восприятий и утверждают, что ничего нельзя постичь, — при отрицании чувственных восприятий, не могут ясно изложить даже это свое положение... Таким образом из учения о природе черпаются и мужество против страха смерти и стойкость против ужасов, внушаемых религией».

Гл. XX. [65] «Эпикур... так говорит: из всего того, что мудрость подготовила для счастливой жизни, нет ничего более значительного, более плодотворного, более приятного, чем дружба...»

[68] «Прекрасно сказал Эпикур в следующих приблизительно словах: то самое знание, которое постигло, что в уделенном нам жизненном отрезке самой надежной [опорой] является опора дружбы, укрепило наш дух, чтобы он не боялся никакого зла — ни вечного, ни длительного».

Гл. XXI. [71] «Если все, что я сказал, почерпнуто из источника природы, если достоверность всей моей речи подтверждается чувственными восприятиями, т. е. неподкупными и правдивыми свидетелями, то...»

[72] «Итак, не Эпикур был необразован, а невежественны те, которые думают, что вплоть до старости следует учиться тому, чего стыдно не знать мальчику».

КНИГА II

Гл. II. [4] «Ибо он отрицает необходимость давать определения вещам...»

Гл. VII. [21] (Место из «Главных положений» Эпикура) «Если то, что доставляет наслаждения чувственным людям, освобождало бы их от страха перед богами, перед смертью и перед болью и указывало бы пределы желаний, мы бы нисколько не колебались: так как они со всех сторон получали бы наслаждения в изобилии и ниоткуда не было бы ничего, причиняющего боль или страдание, т. е. зло».

Гл. XXVI. [82] «Мне кажется, что среди [этих положений] я узнаю одно, сказанное самим Эпикуром, [а именно]: дружба неотделима от наслаждения, и ее следует почитать именно потому, что без нее нельзя жить ни безопасно, ни безбоязненно, следовательно — нельзя жить приятно».

Гл. XXXI. [100] «В самом деле, он» (т. е. Эпикур) «написал: смерть не имеет к нам никакого отношения, ибо то, что разрушено, то бесчувственно, а то, что бесчувственно, нас вообще не касается ни в какой степени».

КНИГА III

Гл. I. [3] «Сам Эпикур говорит: по поводу наслаждения нечего даже приводить доказательства...»

СХЕМА НАТУРФИЛОСОФИИ [45]

[ПЕРВЫЙ ВАРИАНТ]

А. Общее разделение. Идея как природа есть:

I) В определении *внеположности, абстрактной разрозненности,* вне которой существует единство формы; это единство — как идеальное, существующее лишь в себе, — *материя* и ее *идеализированная система — механика. Всеобщая природа.*

II) В определении *особенности,* так что реальность полагается с имманентной определенностью формы и существующим в ней различием; это — рефлективное соотношение, внутри-себя-бытие которого есть *естественная индивидуальность.*

III) *Единичная природа.* Определение субъективности, в которой реальные различия формы точно так же сведены вновь к идеализованному единству, которое обрело само себя и существует для себя, — *органика.*

I

МЕХАНИКА

А). *Абстрактная всеобщая механика.*

а) *Пространство. Непосредственная непрерывность;* внешними являются:

α) *Измерения: высота, длина* и *ширина.*

β) *Точка, линия* и *поверхность;* [поверхность], с одной стороны, [есть] определенность по отношению к линии и точке, с другой стороны, [выступает], как восстановление пространственной целостности: замкнутая поверхность, которая отделяет некое единичное целое пространство.

b) *Время. Непосредственная прерывность.* Созерцаемое становление: *настоящее, будущее и прошлое* (теперь и т. д.).
c) Непосредственное единство пространства и времени, в определении пространства — *место,* в определении *времени — движение,* их единство — *материя.*

B). *Особенная механика. Материя и движение. Отталкивание — притяжение — тяжесть.*

1) *Инертная материя, масса...* как *содержание,* безразличное к форме *пространства и времени.*
Движение внешне — инертная материя.
2) *Толчок. Сообщение движения — вес — скорость — внешний центр, покой, стремление к центру — давление.*
3) *Падение. Отдаление от центра.*

C). *Абсолютная механика или* единичная *механика. Тяготение, движение как система нескольких тел. Всеобщий центр — лишенная центра единичность. Особенные центры.*

II

ФИЗИКА

a) *Всеобщее в физике.*
1) *Всеобщие тела. Тождество.*
α) *Свет* (*солнце,* звезды). *Темнота (гладкое),* (*пространственное отношение* — непосредственно).
β) *Тела противоположности. Темнота.*
1) как *телесное различие, твердость, материальное для-себя-бытие.*
2) *противополагание как таковое,* распад и нейтральность лунных и кометных тел.
γ) *Тела индивидуальности. Земля или планета* вообще.
2) *Особенные тела. Элементы.*
1) *Воздух* — отрицательная всеобщность.
2) *Элементы противоположности, огонь* и *вода.*
3) *Индивидуальный элемент, земность, земля.*

3) *Единичность. Процесс элементов. Метеорологический процесс.*
   1) *Распадение индивидуального тождества* на моменты самостоятельной противоположности, на *твердость* и *лишенную самости нейтральность.*
   2) *Самовозгорающееся пожирание испробованной различающейся устойчивости.* Таким образом, *земля* становится для себя *реальной* и *плодоносной индивидуальностью.*

b) *Физика особенной индивидуальности.*
   α) *Удельная тяжесть. Плотность материи,* отношение *веса массы* к *объему.*
   β) *Сцепление,* проявляет себя как *своеобразный способ противодействия* в механическом отношении к другим массам.
      Прилипание — сцепление и т. д.
      Эластичность.
   γ) *Звук.*
   δ) *Теплота (удельная теплоемкость).*

c) *Физика единичной индивидуальности.*
   a) *Образ.*
      α) Непосредственный образ — *крайний случай точечности, хрупкости,* крайний случай *собирающейся в шар жидкости.*
      β) *Хрупкое* раскрывается в различенности понятия. *Магнетизм.*
      γ) *Деятельность,* перешедшая *в свой продукт, кристалл.*
   b) *Особенный образ.*
      α) *Отношение к свету.*
         1) *Прозрачность.*
         2) *Преломление* (внутреннее *сравнение в кристалле*).
         3) *Хрупкость* как *потемнение,* металличность (цвет).
      β) *Отношение к огню и воде, запах и вкус.*
      γ) *Целостность в особенной индивидуальности. Электричество.*
   c) *Химический процесс.*
   1) *Соединение.*
      α) *Гальванизм. Металлы, окисление, раскисление.*
      β) *Процесс огня.*
      γ) *Нейтрализация, процесс воды.*
      δ) *Процесс в целостности. Избирательное сродство.*
   2) *Разделение.*

[ВТОРОЙ ВАРИАНТ]

I
МЕХАНИКА

a) *Абстрактная механика.*
  1) *Пространство*, высота, широта, глубина. Точка, линия, поверхность.
  2) *Время.* Прошлое, настоящее, будущее.
  3) *Место. Движение* и *материя* (*отталкивание, притяжение, тяжесть*).

b) *Конечная механика.*
  1) *Инертная материя. Масса* как содержание. *Пространство и время как форма, движение внешне.*
  2) *Толчок.* Сообщение движения, вес. Скорость, внешний центр, покой, стремление к центру. Давление.
  3) Падение.

c) *Абсолютная механика. Тяготение.* Различные центры.

II
ФИЗИКА

a) *Физика всеобщей индивидуальности.*
  α) *Свободные тела.*
  1) *Свет* (световые тела).
  2) *Твердость* (луна). *Распад* (комета).
  3) *Земля.*
  β) *Элементы.*
  1) *Воздух.*
  2) *Огонь. Вода.*
  3) *Земля.*
  γ) *Метеорологическая физика.*

b) *Физика особенной индивидуальности.*
  1) *Удельная тяжесть.*
  2) *Сцепление* (прилипание, сцепление и т. д. Эластичность).
  3) *Звук* и *теплота.*

c) *Физика целостной индивидуальности.*
  α) Образ.
  1) *Хрупкая точечность, собирающаяся в шар жидкость.*

2) *Магнетизм.*
3) *Кристалл.*
β) *Особенный образ.*
1) Отношение к *свету*. Прозрачность, преломление, металличность, цвет.
2) Отношение к воде и огню, запах, вкус.
3) Электричество.

[ТРЕТИЙ ВАРИАНТ]

I

a)

1) *Пространство,* 2) *время,* 3) *место,* 4) *движение,* 5) *материя, отталкивание, притяжение, тяжесть.*

b)

1) *Инертная материя,* 2) *толчок,* 3) *падение.*

c)

Тяготение, реальное отталкивание и притяжение.

II

a)

α) 1) *Световые тела.* 2) *Лунное и кометное тело.* 3) *Земность.*
β) *Воздух, огонь и вода. Земля.*
γ) *Метеорологический процесс.*

b)

1) *Удельная тяжесть.* 2) *Сцепление.* 3) *Звук и теплота.*

c)

1) *Магнетизм.* 2) *Электричество* и *химизм.*

III

a)

a) *Геологическая природа.*
b) *Растительная природа.*

Написано К. Марксом в 1839 г.

Впервые опубликовано в Marx—Engels Gesamtausgabe. Erste Abteilung, Bd. 1, Hlbd. 2, 1929

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

РАЗЛИЧИЕ МЕЖДУ НАТУРФИЛОСОФИЕЙ ДЕМОКРИТА И НАТУРФИЛОСОФИЕЙ ЭПИКУРА

С ПРИЛОЖЕНИЕМ [46]

Написано К. Марксом во второй половине 1840 — марте 1841 г.

Впервые опубликовано с сокращениями в книге: K. Marx, F. Engels und F. Lassalle. «Aus dem literarischen Nachlaß». Erster Band. Stuttgart, 1902; полностью опубликовано в Marx—Engels Gesamtausgabe. Erste Abteilung, Bd. 1, Hlbd. 1, 1927

Подпись: Карл Генрих Маркс, доктор философии

Печатается по выправленной К. Марксом копии рукописи

Перевод с немецкого, древнегреческого и латинского

ДОРОГОМУ ОТЦУ И ДРУГУ

ТАЙНОМУ СОВЕТНИКУ

ГОСПОДИНУ

ЛЮДВИГУ фон ВЕСТФАЛЕН

В ТРИРЕ

ПОСВЯЩАЕТ ЭТИ СТРОКИ В ЗНАК СЫНОВНЕЙ ЛЮБВИ

АВТОР

*Вы простите мне, **мой дорогой отец и друг**, что я предпосылаю **Ваше** столь дорогое мне имя незначительной брошюре. У меня совершенно нет терпения ждать другого случая, чтобы представить **Вам** небольшое доказательство моей любви.*

*Я желал бы, чтобы все, кто сомневается в идее, имели, подобно мне, счастье восхищаться полным юношеских сил старцем, который приветствует всякий прогресс времени с энтузиазмом и серьёзностью, присущими истине; проникнутый тем убежденным и светлым идеализмом, который один только знает подлинное слово, способное вызвать всех духов мира, он никогда не отступал в страхе перед мрачными тенями ретроградных призраков, перед черными тучами, часто застилающими горизонт нашего времени, но всегда, с божественной энергией и мужественно уверенным взглядом, смотрел сквозь все покровы в тот эмпирей, который пылает в сердце мира. **Вы, мой отец и друг,** всегда были для меня живым argumentum ad oculos *, что идеализм — не фантазия, а истина.*

*Мне незачем просить для **Вас** физического благополучия. Дух — великий врач-волшебник, которому **Вы** доверились **.*

* — наглядным доказательством. *Ред.*

** Первоначально в последнем абзаце говорилось: «Я надеюсь следовать этому посланию любви, которое я *Вам* посылаю, и вместе с *Вами* вновь совершить прогулки по нашим чудесным живописным горам и лесам. Мне незачем просить для *Вас* физического благополучия. Дух и природа — великие врачи-волшебники, которым *Вы* доверились». *Ред.*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Форма этой работы была бы, с одной стороны, в большей мере строго научной, с другой стороны, в некоторых своих частях, менее педантичной, если бы она не предназначалась первоначально для докторской диссертации. Внешние причины заставляют меня, однако, отдать ее в печать в этом виде. Кроме того я думаю, что мне удалось в ней разрешить одну неразрешенную до сих пор проблему из истории греческой философии.

Людям, знакомым с делом, известно, что по предмету этой работы не существует никаких сколько-нибудь пригодных предварительных работ. Болтовню Цицерона и Плутарха продолжают повторять до настоящего времени. Гассенди, освободивший Эпикура от интердикта, наложенного на него отцами церкви и всем средневековьем, этой эпохой воплощенного неразумия, дает в своих комментариях один только интересный момент. Он старается как-нибудь примирить свою католическую совесть со своим языческим знанием, Эпикура — с церковью, что было, конечно, напраспым трудом. Это равносильно тому, как если бы захотели набросить на цветущее, полное жизни тело греческой Лаисы христианское монашеское одеяние. Гассенди скорее сам учится у Эпикура философии и не может нас учить философии Эпикура.

На эту работу надо смотреть лишь как на предвестника более обширного сочинения, в котором я думаю обстоятельно разобрать цикл эпикурейской, стоической и скептической философии в их связи со всем греческим спекулятивным мышле-

нием [47]. Недостатки этой работы как со стороны формы, так и в других отношениях там будут устранены.

Хотя *Гегель* в целом правильно определил общие черты названных систем, но при удивительно обширном и смелом плане его истории философии, с которой вообще только и начинается история философии, он не мог вдаваться в детали. С другой стороны, взгляд Гегеля на то, что он называл спекулятивным par excellence *, мешал этому гигантскому мыслителю признать за указанными системами их высокое значение для истории греческой философии и для греческого духа вообще. Эти системы составляют ключ к истинной истории греческой философии. Более глубокое указание на их связь с греческой жизнью можно найти в сочинении моего друга *Кёппена* «Фридрих Великий и его противники» [48].

Если в виде приложения добавлена критика полемики Плутарха против теологии Эпикура, то это сделано потому, что полемика эта не является чем-то единичным, но характерна для определенного направления, очень отчетливо выражая отношение теологизирующего рассудка к философии.

В этой критике остается, помимо прочего, незатронутым также и то, насколько неправильна вообще точка зрения Плутарха, когда он привлекает философию пред судилище религии. По этому поводу достаточно привести, вместо всяких рассуждений, одно место из Давида Юма:

> «Для философии, *верховный авторитет* которой должен был бы повсюду признаваться, является, конечно, своего рода унижением, что ее по всякому поводу заставляют извиняться за ее выводы и оправдываться перед всяким искусством и всякой наукой, которым она не угодила. *При этом вспоминается король, которого обвиняют в государственной измене против своих собственных подданных»* [49].

Философия, пока в ее покоряющем весь мир, абсолютно свободном сердце бьется хоть одна еще капля крови, всегда будет заявлять — вместе с Эпикуром — своим противникам:

> «Нечестив не тот, кто отвергает богов толпы, а тот, кто присоединяется к мнению толпы о богах» [50].

Философия этого не скрывает. Признание Прометея:

По правде, всех богов я ненавижу **,

есть ее собственное признание, ее собственное изречение, направленное против всех небесных и земных богов, которые

---

* — по преимуществу. *Ред.*

** *Эсхил.* «Прикованный Прометей». *Ред.*

не признают человеческое самосознание высшим божеством. Рядом с ним не должно быть никакого божества.

А в ответ заячьим душам, торжествующим по поводу того, что положение философии в обществе, по-видимому, ухудшилось, она повторяет то, что Прометей сказал слуге богов, Гермесу:

Знай хорошо, что я б не променял
Своих скорбей на рабское служенье:
Мне лучше быть прикованным к скале,
Чем верным быть прислужником Зевеса *.

Прометей — самый благородный святой и мученик в философском календаре.

Берлин, март 1841 г.

* *Эсхил.* «Прикованный Прометей». *Ред.*

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

РАЗЛИЧИЕ МЕЖДУ НАТУРФИЛОСОФИЕЙ ДЕМОКРИТА И НАТУРФИЛОСОФИЕЙ ЭПИКУРА В ОБЩЕМ

I. ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ

Греческая философия, на первый взгляд, закончилась так, как не должна кончаться хорошая трагедия, а именно: бесцветной развязкой. Кажется, что с Аристотелем, этим Александром Македонским греческой философии, прекращается объективная история философии в Греции, и даже мужественно сильным стоикам не удается то, что удалось спартанцам в их храмах: крепко приковать Афину к Гераклу, чтобы она не могла убежать.

Эпикурейцев, стоиков, скептиков рассматривают чуть ли не как неуместный придаток, ни в какой мере не соответствующий своим величественным предпосылкам. Эпикурейская философия представляет собой будто бы синкретический агрегат из физики Демокрита и морали киренаиков; стоицизм является будто бы соединением гераклитовской философии природы, нравственного мировоззрения киников и, пожалуй, еще аристотелевской логики; наконец, скептицизм есть якобы необходимое зло, выступающее против этих догматических систем. Превращая, таким образом, эти философские учения в односторонний и тенденциозный эклектизм, их бессознательно связывают с александрийской философией. Наконец, александрийская философия рассматривается как полнейшее фантазерство и хаос, как путаница, в которой, самое большее, можно-де признать универсальность намерения.

Существует, правда, очень избитая истина, которая гласит, что возникновение, расцвет и гибель образуют тот железный круг, в который заключено все человеческое и который оно должно пройти до конца. В таком случае не было бы ничего

удивительного, если бы греческая философия, достигнув в лице Аристотеля высшего расцвета, затем увяла. Но смерть героев подобна закату солнца, а не смерти лягушки, лопнувшей с натуги.

Кроме того, возникновение, расцвет и гибель — совершенно общие, совершенно смутные представления, в которые, правда, можно вложить все, но с помощью которых нельзя ничего понять. Сама гибель заложена уже в живом, и присущую ей форму следовало бы поэтому рассматривать — точно так же, как и данную форму жизни, — в ее специфической особенности.

Наконец, если бросить взгляд на историю, то представляют ли эпикуреизм, стоицизм и скептицизм частные явления? Не представляют ли они основные типы римского духа, ту форму, в которой Греция перекочевала в Рим? Не являются ли они по своему существу настолько характерными, мощными, вечными, что даже современный мир должен был признать за ними полное духовное право гражданства?

Я указываю на это лишь для того, чтобы напомнить историческую важность этих систем. Но здесь речь идет не об их общем значении для образования вообще; речь идет об их связи с более древней греческой философией.

Не должно ли было бы это отношение побудить, по крайней мере, к исследованию того, каким образом греческая философия закончилась двумя различными группами эклектических систем, одна из которых составляет цикл эпикурейской, стоической и скептической философии, а вторая известна под общим именем александрийской спекулятивной философии? Разве, далее, не замечателен тот факт, что после платоновской и аристотелевской философских систем, приближающихся к завершенности по широте своего охвата, появляются новые системы, которые опираются не на эти богатые духовные формы, а возвращаются гораздо дальше назад, к самым простым школам: в области физики — к натурфилософам, в области этики — к сократовской школе? Чем, далее, объясняется тот факт, что системы, выступающие после Аристотеля, словно находят в прошлом свою основу как нечто готовое, что Демокрит соединяется с киренаиками, а Гераклит — с киниками? Случайное ли это явление, что у эпикурейцев, стоиков и скептиков полностью представлены все моменты самосознания, но каждый момент представлен здесь как нечто существующее в отдельности? Является ли случайным, что эти системы, вместе взятые, образуют законченную структуру самосознания? Наконец, разве это случайность, что указанные системы признают действительностью истинной науки тот образ, который, в лице семи мудрецов, знаменует мифологическое начало греческой фило-

софии и который, словно в фокусе, воплотился в Сократе, этом демиурге философии, я имею в виду образ мудреца — σοφός?

Мне кажется, что если более ранние системы представляют больше интереса и значения в смысле содержания греческой философии, то послеаристотелевские системы, и преимущественно цикл эпикурейской, стоической и скептической школ, более значительны и интересны со стороны ее субъективной формы, ее характера. Однако эта-то субъективная форма — духовный носитель философских систем — до сих пор была почти совершенно забыта из-за их метафизических определений.

Изложение эпикурейской, стоической и скептической философий в их совокупности и во всей полноте их отношения к более ранней и более поздней греческой философской мысли я предполагаю дать в более подробном исследовании.

Здесь достаточно развить это отношение на одном как бы примере и с одной только стороны, именно со стороны связи этих философий с более ранней философской мыслью.

В качестве такого примера я беру отношение натурфилософии Эпикура к натурфилософии Демокрита. Я не думаю, чтобы оно было наиболее подходящей исходной точкой. Ибо, с одной стороны, это старый, глубоко укоренившийся предрассудок — отождествлять физику Демокрита и физику Эпикура и видеть в изменениях, внесенных Эпикуром, только произвольные фантазии; с другой стороны, я вынужден, что касается частностей, вдаваться в то, что может показаться мелочами. Однако именно потому, что этот предрассудок так же стар, как история философии, и различия так глубоко скрыты, что их можно обнаружить как бы только с помощью микроскопа, — именно поэтому особенно важно будет указать существенное, доходящее до мельчайших подробностей различие между физикой Демокрита и физикой Эпикура, несмотря на связь между ними. То, что можно проследить на деталях, еще легче выявить там, где отношения эти выражены в более крупном масштабе, — между тем как, наоборот, совершенно общие соображения оставляют сомнение в том, подтвердится ли общий вывод в каждом отдельном случае.

II. СУЖДЕНИЯ О ВЗАИМООТНОШЕНИИ МЕЖДУ ФИЗИКОЙ ДЕМОКРИТА И ФИЗИКОЙ ЭПИКУРА

В каком вообще отношении находится мое мнение к прежним мнениям, — это будет видно, когда мы бегло рассмотрим суждения древних о взаимоотношении между физикой Демокрита и физикой Эпикура.

Посидоний Стоик, Николай и *Сотион* обвиняют Эпикура в том, что учение Демокрита об атомах и Аристиппа о наслаждении он выдал за свое собственное учение [1]. Академик *Котта* задает у Цицерона вопрос: «Что же собственно есть в физике Эпикура, что не принадлежало бы Демокриту? Эпикур, правда, кое-что изменяет, но большей частью повторяет слова Демокрита» [2]. Сам же *Цицерон* говорит: «В физике, которой Эпикур особенно кичится, он совершенно несведущ. Бо́льшая часть принадлежит Демокриту; там же, где Эпикур от него отклоняется, где он хочет исправить, там он только портит и ухудшает» [3]. Но в то время как многие упрекали Эпикура в том, что он поносит имя Демокрита, Леонтей, наоборот, утверждает (как об этом говорит Плутарх), что Эпикур почитал Демокрита за то, что тот до него провозгласил истинное учение, что он раньше открыл принципы природы [4]. В сочинении «О мнениях философов» [51] Эпикур именуется философствующим в духе Демокрита [5]. В своем произведении «Колот» Плутарх идет дальше. Сравнивая по порядку Эпикура с Демокритом, Эмпедоклом, Парменидом, Платоном, Сократом, Стильпоном, киренаиками и академиками, он силится сделать тот вывод, что «из всей греческой философии Эпикур усвоил себе ложное, истинного же он не понял» [6]. Враждебных инсинуаций подобного рода полно также и сочинение «О том, что следуя Эпикуру невозможно жить счастливо».

Это неблагоприятное мнение более древних писателей остается таким же и у отцов церкви. Я привожу в примечании только одно место из Климента Александрийского [7], отца церкви, отношение которого к Эпикуру особенно заслуживает упоминания, так как предостережение апостола Павла против философии вообще он превратил в предостережение против эпикурейской философии, как такой философии, которая даже не фантазировала о провидении и тому подобном [8]. Но как вообще склонны были обвинять Эпикура в плагиатах — это самым наглядным образом показывает *Секст Эмпирик*, который пытается выдать за главные источники эпикурейской философии несколько совершенно не подходящих для этого мест из Гомера и Эпихарма [9].

Как известно, писатели нового времени в целом точно так же считают Эпикура, — поскольку он является натурфилософом, — лишь плагиатором Демокрита. Их мнение вообще может быть здесь представлено одним замечанием *Лейбница:*

«Мы знаем об этом великом человеке» (Демокрите) «почти лишь то, что заимствовал у него Эпикур, который неспособен был брать у него всегда самое лучшее» [10].

Если, таким образом, по Цицерону, Эпикур ухудшил учение Демокрита, причем Цицерон признает за Эпикуром, по крайней мере, намерение исправить учение Демокрита и способность видеть недостатки этого учения; если Плутарх приписывает ему непоследовательность [11] и предопределенную склонность к худшему, распространяя, таким образом, свое подозрение и на его намерения, то Лейбниц отказывает ему даже в способности умело делать извлечения из Демокрита.

Все, однако, сходятся в том, что Эпикур заимствовал свою физику у Демокрита.

III. ЗАТРУДНЕНИЯ, ВОЗНИКАЮЩИЕ ПРИ ОТОЖДЕСТВЛЕНИИ НАТУРФИЛОСОФИИ ДЕМОКРИТА С НАТУРФИЛОСОФИЕЙ ЭПИКУРА

За тождественность физики Демокрита и Эпикура говорит многое и кроме исторических свидетельств. Принципы — атомы и пустота — бесспорно одни и те же. Только в отдельных определениях преобладает, по видимости, произвольное, а следовательно несущественное, различие.

Но в таком случае остается странная, неразрешимая загадка. Два философа выступают с одной и той же наукой, развивают ее одним и тем же способом, однако — как это непоследовательно! — они диаметрально противоположны друг другу во всем, что относится к вопросу об истине, достоверности, применении этой науки, что касается вообще отношения между мыслями и действительностью. Я говорю, что они диаметрально противоположны друг другу, и постараюсь теперь это доказать.

A) Суждение Демокрита *об истинности и достоверности человеческого знания* установить, по-видимому, трудно. У него встречаются противоречащие друг другу места, или, вернее, не эти места противоречат друг другу, а самые взгляды Демокрита. Утверждение Тренделенбурга в комментарии к аристотелевой психологии, что лишь позднейшие писатели, а не Аристотель, знали об этом противоречии, фактически неверно. В психологии * Аристотеля сказано: «Демокрит считает душу и разум одним и тем же, ибо явление есть, по его мнению, истинное» [1], в «Метафизике» же, наоборот, говорится: «Демокрит утверждает, что либо ничто не истинно, либо же истина сокрыта от нас» [2]. Разве не противоречат друг другу эти места у Аристотеля? Если явление есть истинное, — как истина может быть сокрыта? Сокрытое начинается лишь там, где явление и истина отделяются друг от друга **. Но *Диоген Лаэрций* говорит,

* Исправлено Марксом; первоначально было: «в науке о природе». *Ред.*
** Эта и предыдущая фразы вписаны рукой Маркса. *Ред.*

что Демокрита причисляли к скептикам. Приводится его изречение: «Доподлинно мы ничего не знаем, ибо истина сокрыта в бездонной глубине» [3]. Подобные же замечания можно найти у *Секста Эмпирика* [4].

Это скептическое, неуверенное и внутренне противоречивое воззрение Демокрита получило всего лишь дальнейшее развитие в *том*, как *он определяет соотношение атома и чувственно воспринимаемого мира.*

С одной стороны, чувственное явление не присуще самим атомам. Оно не *объективное явление,* а *субъективная видимость.* «*Истинные* принципы — это атомы и пустота; *все остальное — мнение, видимость*» [5]. «Только во мнении существует холодное, только во мнении существует теплое, в действительности же — только атомы и пустота» [6]. Поэтому *единое* в действительности не слагается из многих атомов, а «в результате соединения атомов *кажется,* что возникает всякое единое» [7]. Только разумом можно поэтому созерцать принципы, которые уже вследствие малых размеров недоступны чувственному глазу и поэтому называются даже *идеями* [8]. Однако, с другой стороны, чувственное явление есть единственный истинный объект, и «чувственное восприятие» есть «разумное мышление», но это истинное — изменчиво, непостоянно, оно есть явление. Но говорить: явление есть истинное — значит противоречить самому себе [9]. Таким образом, то одна сторона, то другая превращается попеременно в субъективное или в объективное. И вот противоречие как будто устраняется тем, что обе противоречащие стороны распределяются между двумя мирами. Демокрит превращает поэтому чувственную действительность в субъективную видимость, но антиномия, изгнанная из мира объектов, продолжает существовать в его собственном самосознании, в котором понятие атома и чувственное созерцание враждебно сталкиваются друг с другом.

Демокриту, таким образом, не удается избегнуть антиномии. Здесь еще не место объяснять ее. Довольно того, что нельзя отрицать ее существование.

Послушаем, наоборот, Эпикура.

Мудрец, — говорит он, — относится к вещам *догматически,* а *не скептически* [10]. И именно в том и состоит его преимущество перед остальными, что он убежден в своем знании [11]. «Все чувства суть вестники истинного» [12]. «*Ничто не может опровергнуть чувственное восприятие:* однородное восприятие не может опровергнуть другое, однородное с ним, так как они равносильны, а неоднородное не может опровергнуть неоднородное, ибо судят они не об одном и том же; не может опровергнуть

его и понятие, так как понятие зависит от чувственных восприятий»[13)], — сказано в «Каноне». Но в то время как *Демокрит* делает *чувственный мир субъективной видимостью, Эпикур* делает его *объективным явлением.* И в этом он сознательно усматривает свое отличие от Демокрита, так как утверждает, что разделяет *те же принципы, однако не* считает чувственные качества *существующими лишь во мнении*[14)].

Но если, таким образом, критерием служит Эпикуру чувственное восприятие; если восприятию соответствует объективное явление, — то остается только признать правильным выводом то, что заставляет Цицерона пожимать плечами. «Солнце представляется великим по своим размерам Демокриту, как человеку ученому и вполне овладевшему геометрией, Эпикуру же оно представляется величиной примерно в два фута, потому что он считает, что величина солнца *в действительности* такова, какой она *нам кажется»*[15)].

B) *Это различие теоретических взглядов* Демокрита и Эпикура на достоверность науки и истинность ее объектов *проявляется* в *различии научной энергии* и *практической деятельности* этих двух мыслителей.

Демокрит, у которого принцип не выступает в явлении, а остается лишенным действительности и существования, имеет зато перед собой, как мир реальный и полный содержания, *мир чувственного восприятия.* Правда, этот мир — лишь субъективная видимость, но именно в силу этого он оказывается оторванным от принципа и пребывающим в своей самостоятельной реальности; являясь в то же время единственным реальным объектом, мир этот имеет ценность и значение *как таковой.* Демокрит вынужден поэтому перейти к *опытному наблюдению.* Неудовлетворенный философией, он бросается в объятия *положительного знания.* Мы уже слышали, что Цицерон называет его vir eruditus *. Он был сведущ в физике, этике, математике, во всех дисциплинах, входивших в круг знания его времени, во всех искусствах[16)]. Уже приведенный Диогеном Лаэрцием перечень сочинений Демокрита свидетельствует об его учености[17)]. Но так как для учености характерно стремление все больше расширяться, собирать материал, направляя свои поиски вовне, то мы видим, что Демокрит *объезжает полмира,* чтобы накопить опыт, знания и наблюдения. «Из всех моих современников, — с гордостью говорит о себе Демокрит, — я объехал наибольшую часть земли, исследуя самое отдаленное; я видел наибольшее число земель и стран и я слушал речи

* — ученый муж. *Ред.*

наибольшего числа ученых людей, а в комбинировании линий, связанном с доказательством, никто меня не превзошел, даже египетские так называемые арсипедонапты *»[18].

Деметрий в «Одноименных авторах» и *Антисфен* в «Диадохах» рассказывают, что Демокрит отправился в Египет к жрецам, чтобы изучить геометрию, и к халдеям в Персию и что он доехал до Красного моря. Некоторые утверждают, что он встречался с гимнософистами[52] в Индии и что он побывал в Эфиопии[19]. С одной стороны, *жажда знания* не дает ему покоя; с другой стороны, *неудовлетворенность истинным, т. е. философским, знанием* гонит его вдаль. Знание, которое он считает истинным, бессодержательно; знание, которое дает ему содержание, лишено истинности. Возможно, что анекдот древних о Демокрите представляет собой вымысел, но в таком случае это очень правдоподобный вымысел, так как он подчеркивает внутреннюю противоречивость, присущую Демокриту. Рассказывают, будто Демокрит сам ослепил себя для того, чтобы *свет, чувственно воспринимаемый глазом,* не затмил *остроты его ума*[20]. И это — тот самый человек, который, по словам Цицерона, объехал полмира. Но он не нашел того, чего искал.

В лице Эпикура — перед нами совершенно противоположная фигура.

В *философии* Эпикур находит *удовлетворение* и *блаженство.* «Ты должен служить философии, — говорит он, — чтобы достигнуть истинной свободы. Тому, кто подчинился и весь отдался ей, не приходится долго ждать; он тотчас же становится свободным. Ибо само служение философии есть свобода»[21]. «Ни юноша, — поучает он дальше, — не должен откладывать занятия философией, ни старик не должен оставлять эти занятия. Ибо для забот о здоровье души никто не бывает ни недозревшим, ни перезревшим. А тот, кто говорит, что время для занятий философией еще не наступило или уже миновало, — похож на того, кто утверждает, что для счастья час еще не наступил или что он уже прошел»[22]. В то время как Демокрит, неудовлетворенный философией, бросается в объятия эмпирического знания, *Эпикур презирает положительные науки,* так как они, по его мнению, ничем не содействуют достижению *истинного совершенства*[23]. Его называют *врагом науки,* противником грамматики[24]. Его упрекают даже в невежестве, «но, — говорит один эпикуреец у Цицерона, — не Эпикур был необразован, а невежественны те, которые думают, что и старик

* — землемеры. *Ред.*

должен повторять как заученное то, чего стыдно не знать мальчику» [25].

Но в то время как *Демокрит* стремится приобрести знания у *египетских жрецов, персидских халдеев* и *индийских гимнософистов, Эпикур гордится* тем, что он не имел *никаких учителей,* что он *самоучка* [26]. Некоторые, — говорит он, по свидетельству Сенеки, — стремятся к истине без всякой посторонней помощи. Он, проложивший сам себе путь, относится к их числу. И их, самоучек, он больше всего хвалит. Другие — это, мол, умы второго разряда [27]. В то время как беспокойный дух Демокрита гонит его во все части света, Эпикур лишь два или три раза покидает свой сад в Афинах и ездит в Ионию не для исследований, а для того, чтобы навестить друзей [28]. В то время, наконец, как Демокрит, отчаявшись в знаниях, лишает себя зрения, Эпикур, чувствуя приближение смерти, садится в теплую ванну, требует чистого вина и советует своим друзьям оставаться верными философии [29].

С) Нельзя приписать только что указанные различия случайной индивидуальности обоих философов; два противоположных направления — вот что воплощено в них. Здесь перед нами выступает как различие в практической деятельности то, что выше получило свое выражение как различие в теоретическом сознании.

Рассмотрим, наконец, ту *форму рефлексии,* которая *выражает отношение мысли к бытию, их взаимоотношение.* В том общем отношении, которое философ устанавливает между миром и мыслью, он лишь объективирует для самого себя отношение своего особого сознания к реальному миру.

Демокрит рассматривает *необходимость* как форму рефлексии действительности [30]. Аристотель говорит о нем, что он все сводит к необходимости [31]. Диоген Лаэрций сообщает, что вихрь атомов, из которого все происходит, и есть демокритовская необходимость [32]. Обстоятельнее говорит об этом автор сочинения «О мнениях философов»: «Необходимость, по Демокриту, является судьбой, и правом, и провидением, и созидательницей мира. Субстанцией же этой необходимости являются сопротивление материи, ее движение и удар» [33]. Подобное же место находится в физических эклогах *Стобея* [34] и в шестой книге «Евангельского подготовления» *Евсевия* [35]. В этических эклогах Стобея сохранилось следующее изречение Демокрита [36], которое почти буквально повторено и в четырнадцатой книге Евсевия [37], а именно: люди измыслили себе призрак случая — свидетельство своей собственной беспомощности, так как *случай враждует с сильным мышлением.* Точно так же *Симплиций*

относит к Демокриту то место у Аристотеля, где он говорит о древнем учении, устраняющем случай [38].

Эпикур же, наоборот, говорит: «*Необходимость*, которая вводится некоторыми в качестве верховной повелительницы, *не существует*, но одно *случайно*, другое зависит от нашего *произвола*. Необходимость непререкаема, случай, наоборот, непостоянен. Уж лучше следовать мифу о богах, чем быть рабом εἱμαρμένη* физиков. Ибо миф этот оставляет надежду на умилостивление богов посредством их почитания, εἱμαρμένη же есть неумолимая необходимость. Признать же надо *случай*, а *не бога*, как думает толпа» [39]. «Несчастье — жить в необходимости, но жить в необходимости вовсе не является необходимостью. Пути к свободе везде открыты, их много, они коротки и легки. Возблагодарим же бога за то, что никого нельзя удержать в жизни. Обуздать самое необходимость — дозволено» [40].

Нечто подобное высказывает эпикуреец Веллей у Цицерона по поводу стоической философии: «Что следует думать о такой философии, по воззрению которой, — как это представляется старым и притом невежественным бабам, — все происходит по воле рока?.. Эпикур — наш избавитель, он дал нам свободу» [41].

Чтобы избегнуть признания какой бы то ни было необходимости, Эпикур *отрицает* даже *разделительное суждение* [42].

Утверждают, правда, что и Демокрит признавал случай, но из двух мест, которые мы находим об этом у Симплиция [43], одно делает сомнительным другое, так как оно ясно показывает, что не Демокрит применял категорию случая, а Симплиций приписывал ее Демокриту как последовательный вывод. А именно, Симплиций говорит, что Демокрит не указывает причины сотворения мира вообще и что он, *по-видимому*, считает причиной случай. Но здесь дело не в *определении содержания*, а в той *форме*, которую Демокрит *сознательно* применял. Так же обстоит дело с сообщением Евсевия: Демокрит, сделав случай властелином общего и божественного, утверждал, что здесь все происходит благодаря случаю, тогда как из человеческой жизни и природы, данной в опыте, он изгонял случай, а проповедников его поносил как глупцов [44].

Отчасти мы имеем здесь дело просто с домыслами христианского епископа *Дионисия*, отчасти же — там, где начинается общее и божественное, — представление Демокрита о необходимости перестает отличаться от случая.

---

* — судьбы, рока. *Ред.*

Одно, таким образом, исторически верно: *Демокрит* признает *необходимость, Эпикур — случайность,* и каждый с полемическим жаром отрицает противоположный взгляд.

Главное следствие этого различия выражается в способе объяснения отдельных физических явлений.

Необходимость проявляется в конечной природе как *относительная необходимость,* как *детерминизм.* Относительная необходимость может быть выведена только из *реальной возможности,* это значит: существует круг условий, причин, оснований и т. д., которыми опосредствуется эта необходимость. Реальная возможность является раскрытием относительной необходимости. И мы находим применение ее у Демокрита. Приведем несколько доказательств из Симплиция.

Если человек, почувствовав жажду, напьется воды и станет здоров, то Демокрит будет считать причиной не случай, а жажду. Ибо если он и допускал, по-видимому, случай при сотворении мира, то он все же утверждает, что в каждом отдельном явлении случай не есть причина чего-либо, а лишь указывает на другие причины. Так, например, причиной находки клада является-де рытье ямы или причиной роста оливкового дерева — его посадка [45].

Энтузиазм и серьезность, с которыми Демокрит вводит этот способ объяснения в исследование природы, значение, которое он придает стремлению все обосновывать, наивно высказывается в признании: «Я предпочел бы открытие одной новой причинной связи персидскому престолу!» [46]

Эпикур опять-таки прямо противоположен Демокриту. Случай есть та действительность, которая имеет лишь значение возможности, *абстрактная же возможность* есть прямой *антипод реальной.* Последняя ограничена строгими пределами, подобно рассудку; первая же беспредельна, как фантазия. Реальная возможность стремится обосновать необходимость и действительность своего объекта; абстрактная же возможность интересуется не объектом, которому дается объяснение, а субъектом, который это объяснение дает. Лишь бы только предмет был возможен, мыслим. То, что абстрактно возможно, что можно мыслить, то не становится поперек дороги мыслящему субъекту, не составляет для него границы, камня преткновения. Безразлично, осуществлена ли эта возможность, потому что интерес направлен здесь не на предмет как таковой.

Поэтому Эпикур допускает безграничную беспечность при объяснении отдельных физических явлений.

Яснее это видно будет из письма к Пифоклу, которое нам предстоит еще рассмотреть. Здесь достаточно обратить внима-

ние на отношение Эпикура к мнениям прежних физиков. Там, где автор сочинения «О мнениях философов» и Стобей приводят различные взгляды философов о субстанции звезд, о величине и форме солнца и т. п., они обыкновенно говорят об Эпикуре: он не отвергает ни одного из этих мнений, *все они*, по его мнению, *могут* быть верны, он придерживается *возможного* [47]. Эпикур даже *полемизирует* против логически обосновывающего, а потому одностороннего, способа объяснения из реальной возможности.

Так, *Сенека* говорит в своих «Вопросах природы»: Эпикур утверждает, что все эти причины могли бы существовать, пытается дать помимо этого еще и другие объяснения и *порицает* тех, кто утверждает, что имеется лишь какая-нибудь одна из этих причин, так как рискованно судить аподиктически о том, что можно выводить только из предположений [48].

Как мы видим, здесь отсутствует интерес к исследованию реальных оснований объектов. Дело идет лишь об успокоении объясняющего субъекта. Так как все возможное допускается как возможное, что соответствует характеру абстрактной возможности, то, очевидно, *случайность бытия* лишь переносится в *случайность мышления*. Единственное правило, которое предписывает Эпикур, — «объяснение *не* должно *противоречить* чувственному восприятию» — есть нечто само собой понятное, ибо абстрактно возможное в том именно и состоит, чтобы быть свободным от противоречия, которого, следовательно, надо остерегаться [49]. Наконец, Эпикур сознается, что его способ объяснения имеет целью *атараксию самосознания*, а *не познание природы само по себе* [50].

Нет необходимости, конечно, доказывать еще, что и в данном случае он представляет полную противоположность Демокриту.

Мы видим, таким образом, как оба мыслителя на каждом шагу оказываются противоположными друг другу. Один — скептик, другой — догматик; один считает чувственный мир субъективной видимостью, другой — объективным явлением. Тот, который считает чувственный мир субъективной видимостью, опирается на эмпирическую науку о природе и на положительные знания и воплощает в себе беспокойство наблюдения, экспериментирующего, всюду ищущего познаний, странствующего по свету. Другой, который считает мир явлений реальным, презирает опыт; в нем воплощены покой самоудовлетворенного мышления, самостоятельность, которая черпает свое знание ex principio interno *. Но противоречие идет

* — из внутреннего принципа. *Ред.*

еще дальше. *Скептик* и *эмпирик,* считающий чувственную природу субъективной видимостью, рассматривает ее с точки зрения *необходимости* и старается объяснить и понять реальное существование вещей. Наоборот, *философ* и *догматик,* признающий явление реальным, везде видит только *случай,* и его способ объяснения скорее сводится к тому, чтобы отвергнуть всякую объективную реальность природы. В этих противоположностях как будто кроется известная несообразность.

Лишь с трудом можно еще допустить, что эти философы, во всем противореча друг другу, будут придерживаться одного и того же учения. И все же они представляются прикованными друг к другу.

Выяснить в общем их отношение друг к другу — такова задача следующего отдела [53].

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

О РАЗЛИЧИИ МЕЖДУ ФИЗИКОЙ ДЕМОКРИТА И ФИЗИКОЙ ЭПИКУРА В ЧАСТНОСТЯХ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ОТКЛОНЕНИЕ АТОМА ОТ ПРЯМОЙ ЛИНИИ

Эпикур признает *трoякое* движение атомов в пустоте [1]. Одно из них есть движение *падения по прямой линии;* другое происходит вследствие того, что атом *отклоняется от прямой линии;* третье же возникает благодаря *отталкиванию многочисленных атомов друг от друга.* Признание первого и последнего из этих видов движения является общим для Демокрита и Эпикура; *отклонение же атома* от прямой линии отличает Эпикура от Демокрита [2].

По поводу этого движения отклонения много острили. *Цицерон* в особенности неистощим, когда он затрагивает эту тему. Так, между прочим, у него говорится: «Эпикур утверждает, что атомы несутся в силу своей тяжести вниз по прямой линии; это и есть, по его мнению, естественное движение тел. Но затем его осенила мысль, что если бы все атомы двигались сверху вниз, то никогда ни один атом не пришел бы в соприкосновение с другим. Поэтому Эпикур прибег к ложному утверждению: он заявил, что атом якобы чуть-чуть отклоняется, что совершенно невозможно. Отсюда-де возникают сплетения, сочетания и сцепления атомов между собой, и в результате образуется мир, все части мира и все, что в нем содержится. Не говоря уже о том, что все это по-детски выдумано, Эпикур не достигает даже того, чего хочет» [3]. Другую версию мы находим у Цицерона в первой книге его сочинения «О природе богов». «Так как Эпикур понял, что если бы атомы вследствие своей собственной тяжести неслись вниз, то от нашей власти ничего бы не зависело, ибо движение атомов является определенным и необходимым, — то он, чтобы избегнуть

необходимости, измыслил такое средство, до которого Демокрит не додумался. Эпикур говорит, что атом, хотя он и несется сверху вниз вследствие своего веса и тяжести, все же чуть-чуть отклоняется. Утверждать это постыднее, чем не уметь доказать то, чего он хочет»[4)].

Аналогично рассуждает *Пьер Бейль:*

«До него» (т. е. Эпикура) «в атомах допускали только движение, обусловленное тяжестью, и движение, обусловленное отталкиванием. Эпикур предположил, что даже в пустоте атомы немного отклоняются от прямой линии, и отсюда, говорил он, явилась свобода... Надо заметить, между прочим, что это не было единственным мотивом, побудившим его придумать это движение отклонения; последнее служило ему также для объяснения встречи атомов, потому что он, конечно, видел, что никогда не в состоянии будет объяснить возможность встречи атомов при предположении, что они с одинаковой скоростью движутся по прямым линиям, все сверху вниз, и что при этом условии невозможно было бы возникновение мира. Атомы должны были поэтому отклоняться от прямой линии»[5)].

Я пока оставляю в стороне вопрос о степени убедительности этих рассуждений. Однако всякий может с первого же взгляда заметить, что новейший критик Эпикура, *Шаубах,* неправильно понял Цицерона, когда он говорит:

«Атомы вследствие тяжести, т. е. по физическим основаниям, все несутся параллельно вниз, но от взаимного отталкивания приобретают другое движение — а именно, по Цицерону («О природе богов», I, 25), некоторое косое движение в силу случайных причин, действующих притом извечно»[6)].

Во-первых, Цицерон в цитированном месте считает не отталкивание основанием косого направления, а, наоборот, косое направление — основанием отталкивания. Во-вторых, он не говорит о случайных причинах, а, наоборот, порицает Эпикура за то, что тот не приводит никаких причин; да и само по себе было бы противоречием считать в одно и то же время основанием косого направления как отталкивание, так и случайные причины. Тогда можно было бы говорить самое большее о случайных причинах отталкивания, но не косого направления.

Впрочем, в рассуждениях Цицерона и Бейля есть одна особенность, которая настолько бросается в глаза, что ее необходимо тут же и отметить. А именно, они приписывают Эпикуру такие побудительные мотивы, из которых один исключает другой: Эпикур допускает якобы отклонение атомов то для объяснения отталкивания, то для объяснения свободы. Но если атомы *не* встречаются друг с другом без отклонения, то в таком случае отклонение излишне для обоснования свободы,

так как противоположность свободы берет свое начало, как мы видим у *Лукреция* [7)], лишь вместе с детерминистической и вынужденной встречей атомов. Если же атомы встречаются друг с другом *без* отклонения, то последнее излишне для обоснования отталкивания. Я утверждаю, что противоречие это возникает в том случае, если причины отклонения атома от прямой линии понимаются так внешне и бессвязно, как это имеет место у Цицерона и Бейля. У Лукреция, который вообще из всех древних один только постиг эпикурейскую физику, мы найдем более глубокую трактовку вопроса.

Обратимся теперь к рассмотрению самого отклонения.

Как точка снята в линии, точно так же каждое падающее тело снято в той прямой линии, которую оно описывает. Специфическое его качество не имеет здесь значения. Яблоко при своем падении описывает такую же отвесную линию, как и кусок железа. Всякое тело, поскольку мы его рассматриваем в движении падения, есть, таким образом, не что иное, как движущаяся точка, и притом точка, лишенная самостоятельности, теряющая свою индивидуальность в определенном наличном бытии — в прямой линии, которую она описывает в своем движении. Поэтому Аристотель справедливо замечает против пифагорейцев: «Вы говорите, что движение линии образует поверхность, движение точки — линию; в таком случае и движения монад будут линиями» [8)]. Таким образом, вывод из этого пифагорейского представления — как для монад, так и для атомов, ввиду их постоянного движения [9)], — был бы тот, что ни атомы, ни монады не существуют, что они скорее исчезают в прямой линии; ибо поскольку мы представляем себе атом лишь падающим по прямой линии, мы не имеем еще дела с плотностью атома. Прежде всего, если представлять себе пустоту как пространственную пустоту, то *атом* является *непосредственным отрицанием абстрактного пространства*, является, следовательно, *пространственной точкой*. Плотность, интенсивность, которая, в противовес внеположности пространства, утверждает себя внутри себя, может явиться следствием только принципа, отрицающего пространство во всей его сфере, а таким принципом в действительной природе является время. Кроме того, если даже не согласиться с этим, то атом, поскольку движение его составляет прямую линию, определяется исключительно пространством, имеет, в силу необходимости, бытие относительное и существование чисто материальное. Но мы видели, что одним из моментов, содержащихся в понятии атома, является чистая форма, отрицание всякой относительности, всякого отношения к другому

наличному бытию. Мы вместе с тем заметили, что Эпикур объективировал оба момента, которые хотя и противоречат один другому, но оба заключены в понятии атома.

Как же в таком случае реализуется Эпикуром это чистое определение формы атома, понятие чистой единичности, отрицающее всякое, определенное другим, наличное бытие?

Так как Эпикур движется в сфере непосредственного бытия, то все определения являются непосредственными. Таким образом, противоположные определения противопоставляются друг другу как непосредственные реальности.

Но *относительное существование,* противостоящее атому, *то наличное бытие, которое он должен подвергнуть отрицанию,* есть *прямая линия.* Непосредственное отрицание этого движения есть *другое движение,* оно, следовательно, есть, — если представить его опять-таки пространственно, — *отклонение от прямой линии.*

Атомы — совершенно самостоятельные тела или, лучше сказать, тела, мыслимые — как и небесные тела — в абсолютной самостоятельности. Они поэтому и движутся, подобно небесным телам, не по прямым, а по косым линиям. *Движение падения есть движение несамостоятельности.*

Если, таким образом, Эпикур в движении атома по прямой линии выразил его материальность, то в отклонении от прямой линии он реализовал присущее атому определение формы, и эти противоположные определения он представил как непосредственно противоположные движения.

Лукреций поэтому справедливо утверждает, что отклонение прорывает «рока законы» [10)], и подобно тому как он тотчас же применяет это к сознанию [11)], так и об атоме можно сказать, что отклонение есть именно нечто такое в его груди, что́ может противоборствовать и сопротивляться.

Цицерон упрекает Эпикура в том, что «он не достигает даже того, ради чего он это выдумал; ибо если бы все атомы отклонялись, то никогда между ними не произошло бы никаких сцеплений; либо же одни атомы отклонялись бы, а другие были бы увлечены движением по прямой линии. Это все равно, как если бы указать определенные места атомам — каким нестись прямо, каким вкось» [12)].

Возражение это находит свое оправдание в том, что оба момента, содержащиеся в понятии атома, представлены как непосредственно различные движения и, следовательно, должны были бы принадлежать различным индивидуумам, — непоследовательность, которая, однако, последовательна, так как сфера атома есть непосредственность.

Эпикур очень хорошо чувствует заключающееся здесь противоречие. Он старается поэтому представить отклонение по возможности *нечувственно*. Оно совершается «не в положенный срок и совсем не на месте известном»[13], оно происходит в наименьшем пространстве, какое только возможно[14].

Далее *Цицерон*[15] и, по Плутарху, многие древние[16] порицают Эпикура за то, что, по его учению, отклонение атома происходит *без причины*, а ничего более постыдного, говорит Цицерон, не может случиться с физиком[17]. Но, во-первых, физическая причина, какой требует Цицерон, вновь отбросила бы отклонение атома в сферу детерминизма, между тем как оно, наоборот, должно этот детерминизм преодолеть. *Затем, атом отнюдь не завершен, пока в нем не проявилось определение отклонения.* Спрашивать о причине этого определения все равно, что спрашивать о причине, превращающей атом в принцип, — вопрос, очевидно, лишенный смысла для того, кто признает, что атом есть причина всего и, следовательно, сам не имеет причины.

Когда, наконец, *Бейль*[18], опираясь на авторитет *Августина*[19], по мнению которого Демокрит приписал атомам духовный принцип, — авторитет, который, впрочем, будучи противопоставлен Аристотелю и другим древним, совершенно ничтожен, — упрекает Эпикура, что он вместо этого духовного принципа придумал отклонение, то можно ему возразить, что душа атома — это только слово, между тем как в отклонении представлена действительная душа атома, понятие абстрактной единичности.

Прежде чем рассматривать последствия отклонения атома от прямой линии, нужно указать еще на один в высшей степени важный момент, на который до сих пор совершенно не обращали внимания.

А именно, отклонение атома от прямой линии не есть особое, случайно встречающееся в эпикурейской физике определение. Напротив, закон, который оно выражает, проходит через всю эпикурейскую философию, но таким образом, что — как это само собой разумеется — определенность его проявления зависит от той сферы, в которой он применяется.

Абстрактная единичность может осуществить свое понятие — присущее ей определение формы, чистое для-себя-бытие, независимость от непосредственного наличного бытия, снятие всякой относительности — только путем *абстрагирования от противостоящего ей наличного бытия.* Ведь для того, чтобы действительно преодолеть это последнее, она должна была бы его идеализировать, что возможно только для всеобщности.

Следовательно, подобно тому как атом освобождается от своего относительного существования, от прямой линии, путем абстрагирования от нее, путем отклонения от нее, — так и вся эпикурейская философия уклоняется от ограничивающего наличного бытия всюду, где понятие абстрактной единичности — самостоятельность и отрицание всякого отношения к другому — должно быть представлено в его существовании.

Так, целью деятельности является абстрагирование, уклонение от боли и смятения, атараксия [20)]. Так, добро есть бегство от зла [21)], а наслаждение есть уклонение от страдания [22)]. Наконец, там, где абстрактная единичность выступает в своей высшей свободе и самостоятельности, в своей завершенности, там — вполне последовательно — то наличное бытие, от которого она уклоняется, есть *наличное бытие в его совокупности;* и *поэтому боги избегают мира,* не заботятся о нем и живут вне его [23)].

Очень много острили по поводу этих богов Эпикура, которые, будучи похожи на людей, живут в межмировых пространствах действительного мира, имеют не тело, а квазитело, не кровь, а квазикровь [24)]; пребывая в блаженном покое, они не внемлют ничьей мольбе, не заботятся ни о нас, ни о мире, и почитаются они ради их красоты, их величия и совершенной природы, а не ради какой-нибудь корысти.

И все же эти боги не фикция Эпикура. Они существовали. *Это — пластические боги греческого искусства. Цицерон* как *римлянин* вправе высмеивать их [25)], но *Плутарх, грек,* совершенно забыл греческое мировоззрение, когда он говорит, что это учение о богах, уничтожающее страх и суеверие, не дает ни радости, ни благоволения богов, а ставит нас в такое отношение к ним, в каком мы находимся к рыбам Гирканского моря [54], от которых мы не ждем ни вреда, ни пользы [26)]. Теоретический покой есть главный момент в характере греческих богов, как говорит и *Аристотель:* «То, что лучше всего, не нуждается в действии, ибо оно само есть цель» [27)].

Рассмотрим теперь *вывод,* непосредственно вытекающий из отклонения атома. В этом отклонении выражено то, что атом отрицает всякое движение и всякое отношение, в котором он как особое наличное бытие определяется другим наличным бытием. Это представлено таким образом, что атом абстрагируется от противостоящего ему наличного бытия и отклоняется от него. Но то, что заключается в отклонении атома — *отрицание им всяких отношений к другому,* — должно *быть осуществлено, проявлено в положительной форме.* Это возможно лишь в том случае, если *то наличное бытие, к которому атом*

себя относит, есть *не что иное, как он сам,* следовательно тоже есть *атом,* а так как он сам непосредственно определен, то этим наличным бытием являются *многие атомы. Таким образом, отталкивание многих атомов оказывается необходимым осуществлением «закона атома»,* как *Лукреций* называет отклонение. Но так как здесь всякое определение полагается как особое наличное бытие, то отталкивание прибавляется как третье движение к прежним. Лукреций справедливо замечает, что если бы атомы не отклонялись, то не было бы ни столкновений атомов, ни их встреч, и мир никогда не создался бы [28]. Ибо атомы — *единственный объект для самих себя,* они *могут относить себя только к самим себе;* они, следовательно, — выражая это в пространственной форме, — могут *встречаться друг с другом,* только отрицая всякое относительное существование, в котором они относили бы себя к другому; а это относительное существование есть, как мы видели, их первоначальное движение, движение падения по прямой линии. Таким образом, они встречаются друг с другом только вследствие отклонения от этой последней. О простом материальном распылении здесь нет и речи [29].

И в самом деле: непосредственно сущая единичность только тогда реализована сообразно своему понятию, когда она относит себя к другому, которое есть она сама, хотя это другое и противостоит ей в форме непосредственного существования. Так, человек перестает быть продуктом природы лишь тогда, когда то другое, к которому он себя относит, не есть отличное от него существование, но само есть отдельный человек, хотя бы еще и не дух. Но чтобы человек, как человек, стал своим единственным действительным объектом, для этого он должен сломить в себе свое относительное наличное бытие, силу вожделений и слепой природы. *Отталкивание есть первая форма самосознания;* поэтому оно соответствует тому самосознанию, которое воспринимает себя как непосредственно сущее, абстрактно-единичное.

В отталкивании, следовательно, осуществлено понятие атома, поскольку он есть абстрактная форма, но не менее того и противоположность последней, поскольку он есть абстрактная материя; ибо то, к чему он относит себя, — это, правда, атомы, однако это *другие* атомы. *Но если я отношусь к самому себе как к непосредственно-другому, то мое отношение является материальным.* Это самая крайняя ступень внешнего состояния бытия, какую только можно мыслить. Следовательно, в отталкивании атомов их материальность, выраженная в падении по прямой линии, и присущее им определение формы, выраженное в отклонении, синтетически соединены.

Демокрит, в противоположность Эпикуру, превращает в вынужденное движение, в дело слепой необходимости то, что для Эпикура есть осуществление понятия атома. Выше мы уже видели, что субстанцией необходимости он признает вихрь (δίνη), происходящий от отталкивания и столкновения атомов друг с другом. Он берет, следовательно, в отталкивании только материальную сторону — распыление, изменение, а не идеальную, сообразно которой в атоме отрицается всякое отношение к другому и движение полагается как самоопределение. Это ясно видно из того, что он вполне чувственно представляет себе одно и то же тело разделенным посредством пустого пространства на многие тела, подобно золоту, разломанному на куски [30)]. Едва ли он, таким образом, постигает единичность как понятие атома.

Аристотель справедливо полемизирует против него: «Поэтому Левкиппу и Демокриту, утверждающим, что первичные тела вечно движутся в беспредельной пустоте, следовало сказать, какого рода это движение и какое движение соответствует природе этих тел. Ибо если каждый из элементов принуждается к движению другим, то необходимо все же, чтобы каждый имел и естественное движение, помимо которого существует вынужденное; и это первое движение должно быть не вынужденным, а естественным. В противном случае причины будут все более отодвигаться в бесконечность» [31)].

Эпикурейское отклонение атома изменило, следовательно, всю внутреннюю конструкцию мира атомов благодаря тому, что в нем выявлено было определение формы и осуществлено противоречие, заложенное в понятии атома. Эпикур поэтому первый постиг сущность отталкивания, хотя и в чувственной форме, между тем как Демокрит знал только его материальное существование.

Мы поэтому встречаем у Эпикура применение и более конкретных форм отталкивания. В области политики это — *договор* [32)], в социальной жизни — *дружба* [33)], которая восхваляется как высшее благо *.

ГЛАВА ВТОРАЯ

КАЧЕСТВА АТОМА

Обладание свойствами противоречит понятию атома; ибо, как говорит Эпикур, всякое свойство изменчиво, атомы же не изменяются [1)]. Тем не менее *логически необходимо* наделить

* Весь абзац вписан рукой Маркса. *Ред.*

их таковыми. Ибо многочисленные атомы отталкивания, отделенные друг от друга чувственным пространством, необходимо должны *непосредственно отличаться друг от друга и от своей чистой сущности,* т. е. обладать *качествами.*

В дальнейшем изложении я поэтому совершенно не принимаю во внимание утверждение *Шнейдера* и *Нюрнбергера,* будто Эпикур не наделил атомы никакими качествами, что §§ 44 и 54 в письме к Геродоту у Диогена Лаэрция являются позднейшими вставками. Если бы это в самом деле было так, то каким образом можно было бы признать недействительными свидетельства Лукреция, Плутарха и всех вообще писателей, писавших об Эпикуре? К тому же у Диогена Лаэрция упоминается о качествах атома не в двух только параграфах, а в десяти, а именно: в §§ 42, 43, 44, 54, 55, 56, 57, 58, 59 и 61. Основание, выставляемое этими критиками — «они не в состоянии соединить качества атома с его понятием», — является весьма плоским [55]. *Спиноза* говорит, что невежество не аргумент *. Если бы всякий стал вычеркивать у древних те места, которых он не понимает, — как скоро мы оказались бы перед tabula rasa **!

Благодаря качествам атом получает существование, противоречащее его понятию, полагается как *отчужденное, отличающееся* от *его сущности наличное бытие.* Это именно противоречие и интересует главным образом Эпикура. Поэтому, устанавливая какое-нибудь свойство и выводя, таким образом, следствие, вытекающее из материальной природы атома, он в то же самое время противопоставляет ему такие определения, которые снова уничтожают это свойство в его собственной сфере и, наоборот, вновь утверждают понятие атома. *Поэтому он определяет все свойства так, что они сами себе противоречат.* Демокрит же, наоборот, нигде не рассматривает свойства в отношении к самому атому и не объективирует противоречие между понятием и существованием, заложенное в этих свойствах. Напротив, весь интерес Демокрита направлен на то, чтобы представить качества в их отношении к конкретной природе, которая должна быть из них образована. Они для него только гипотезы для объяснения проявляющегося многообразия. Поэтому понятие атома не имеет к ним никакого отношения.

Чтобы доказать наше утверждение, необходимо прежде всего разобраться в источниках, которые здесь как будто противоречат друг другу.

---

* *Спиноза.* «Этика» (часть I, теорема XXXVI, приложение). *Ред.*

** — чистой доской. *Ред.*

В сочинении «*О мнениях философов*» сказано: «*Эпикур* утверждает, что атомам присущи такие три свойства: величина, форма, тяжесть. Демокрит признавал только два: величину и форму; Эпикур прибавил к ним в качестве третьего — тяжесть» [2]. То же самое место повторяется дословно в «Евангельском подготовлении» *Евсевия* [3].

Оно подтверждается свидетельством *Симплиция* [4] и *Филопона* [5], согласно которому Демокрит наделял атомы только различием величины и формы. Прямо противоположного мнения придерживается *Аристотель,* который в своей книге «*О возникновении и уничтожении*» приписывает атомам Демокрита различный вес [6]. В другом месте (в первой книге «*О небе*») *Аристотель* оставляет открытым вопрос о том, наделял ли Демокрит атомы тяжестью или нет, ибо он говорит: «Таким образом, ни одно из тел не будет абсолютно легким, если они обладают тяжестью; если же все будут обладать легкостью, тогда ни одно не будет тяжелым» [7]. *Риттер* в своей «Истории древней философии» отвергает, опираясь на авторитет Аристотеля, показания Плутарха, Евсевия и Стобея [8]; свидетельства Симплиция и Филопона он не принимает во внимание.

Посмотрим, противоречат ли эти места в самом деле так сильно друг другу. В приведенных цитатах Аристотель говорит о качествах атома не ex professo *. В седьмой книге «Метафизики», наоборот, сказано: «Демокрит допускает три различия атомов. Ибо лежащее в основе тело по материи одно и то же, а различается оно либо по ῥυσμός **, что означает форму, либо по τροπή ***, что означает положение, либо же по διαθιγή ****, что означает порядок» [9]. Одно, по крайней мере, сразу же видно из этого места *****. Тяжесть не упоминается в числе свойств демокритовских атомов. Распыленные, отделенные друг от друга пустотой, частицы материи должны иметь особые формы, и эти последние берутся совершенно внешним образом из рассмотрения пространства. Еще яснее это вытекает из следующего места у Аристотеля: «Левкипп и его сотоварищ Демокрит считают элементами полное и пустое... Причиной же всего сущего является то и другое, как материя. И подобно тому как те, которые, утверждая единство основной субстанции, все остальное выводят из ее состояний, при-

---

* — специально. *Ред.*

** — очертанию. *Ред.*

*** — повороту. *Ред.*

**** — соприкосновению. *Ред.*

***** Далее Марксом вычеркнуто: «Демокрит не устанавливает противоречия между качеством атома и его понятием». *Ред.*

нимая разреженное и плотное за начала всех качеств, — таким же образом Левкипп и Демокрит учат, что различия атомов суть причины всего остального, ибо лежащее в основе бытие различается лишь по ῥυσμός, по διαθιγή и по τροπή... Например, A отличается от N формой, AN от NA порядком, Z от N положением» [10].

Из этого места с очевидностью следует, что Демокрит рассматривает свойства атомов только в их отношении к образованию различий в мире явлений, а не в отношении к самому атому. Отсюда следует, далее, что Демокрит не придает тяжести значения существенного свойства атомов. Она для него — нечто само собой разумеющееся, ибо все телесное является тяжелым. Точно так же, по его мнению, даже величина не представляет собой основного качества. Она — привходящее определение, которое дано атомам уже с фигурой. Только различие фигур интересует Демокрита, так как ничего кроме этого различия не содержится в форме, положении и порядке. Величина, форма, тяжесть, будучи сопоставлены так, как это делает Эпикур, представляют собой различия, которые атом имеет сам по себе; форма, положение, порядок — это различия, присущие атому по отношению к чему-то другому. В то время как у Демокрита мы находим, таким образом, чисто гипотетические определения для объяснения мира явлений, Эпикур устанавливает то, что вытекает из самого принципа. Мы рассмотрим поэтому его определения свойств атома каждое в отдельности.

Во-первых, атомы имеют *величину* [11]; но, с другой стороны, величина также и отрицается. А именно: атомы обладают не *какой угодно* величиной [12]: нужно допустить только *некоторые* различия в их величине [13]. Следует приписать им только отрицание большого — малое [14], однако не минимальное, так как это было бы чисто пространственным определением; им нужно приписать бесконечно малое, которое выражает противоречие [15]. *Розини* в своих примечаниях к фрагментам Эпикура переводит поэтому неправильно одно место и совершенно упускает из виду другое, когда говорит:

«А такого рода тонкость атомов Эпикур обосновывал их невероятной малостью, говоря, по свидетельству Лаэрция, X, 44, что они совсем не имеют величины» [16].

Я не стану считаться с тем, что, по *Евсевию,* Эпикур первый приписал атомам бесконечно малую величину [17], Демокрит же допускал существование и атомов самых больших размеров, — по словам *Стобея,* величиной даже с мир [18],

С одной стороны, это противоречит свидетельству *Аристотеля* [19], с другой стороны, Евсевий или, вернее, александрийский епископ *Дионисий*, которого он цитирует, противоречит самому себе; ибо в той же книге сказано, что Демокрит признавал принципами природы неделимые, созерцаемые разумом тела [20]. Одно ясно: Демокрит не осознает этого противоречия, оно его не занимает, между тем как Эпикура оно интересует больше всего.

Второе свойство эпикуровских атомов есть *форма* [21]. Но и это определение противоречит понятию атома, и поэтому должна быть утверждаема его противоположность. Абстрактная единичность есть абстрактно-себе-равное и потому лишено формы. Различия формы атомов поэтому, правда, неопределимы [22], но они и не абсолютно бесконечны [23]. Наоборот, количество форм, которыми различаются атомы, является определенным и конечным [24]. Из этого само собой следует, что различных фигур меньше чем атомов [25], между тем как Демокрит допускает бесконечное множество фигур [26]. Если бы каждый атом имел особую форму, то должны были бы существовать атомы бесконечной величины [27], так как они обладали бы бесконечным различием, различием от всех остальных, наподобие лейбницевских монад. Поэтому утверждение Лейбница, что нет двух одинаковых вещей, заменяется противоположным утверждением, что существует бесконечно много атомов одной и той же формы [28], и благодаря этому опять отрицается определение формы, так как форма, не отличающаяся уже больше от других, не есть форма *.

Наконец, в высшей степени важно, что Эпикур признает, как *третье* качество, *тяжесть* [29], так как в центре тяжести материя обладает идеальной единичностью, образующей одно из главных определений атома. Раз атомы перенесены в мир представлений, то они в силу необходимости должны обладать также и тяжестью.

Но и тяжесть прямо противоречит понятию атома, так как она есть единичность материи в виде идеальной точки, лежащей вне ее. Между тем атом сам есть эта единичность, представленная, подобно центру тяжести, как единичное существование. Тяжесть существует поэтому для Эпикура только как *различный вес,* и атомы сами являются *субстанциальными центрами тяжести*, наподобие небесных тел. Если применить это к кон-

---

* Далее Марксом вычеркнут следующий абзац: «Эпикур и здесь таким образом объективировал противоречие, в то время как Демокрит, придерживаясь только материальной стороны, не позволяет усмотреть в дальнейших определениях такого последовательного развития принципа». *Ред.*

кретному, то само собой следует то, что старый *Бруккер* находит столь удивительным [30)] и в чем уверяет нас *Лукреций* [31)], а именно: что земля не имеет центра, к которому все стремится, и что антиподов не существует. Так как, далее, тяжесть присуща только атому, отличному от других, отчужденному и наделенному свойствами, то понятно, что там, где атомы мыслятся не как многие, в их отличии друг от друга, а только в отношении к пустоте, — там отпадает определение веса. Атомы, как бы они ни были различны по своей массе и форме, движутся поэтому с одинаковой скоростью в пустом пространстве [32)]. Эпикур поэтому применяет тяжесть только при отталкивании и при тех сочетаниях, которые возникают из отталкивания, и это дало повод * утверждать, что только скопления атомов, а не они сами, наделены тяжестью [33)].

Уже *Гассенди* хвалит Эпикура за то, что он, руководствуясь одним только разумом, предвосхитил опыт, согласно которому все тела, несмотря на то что они весьма различны по своему весу и массе, с одинаковой скоростью движутся при падении сверху вниз [34)] **.

Рассмотрение свойств атомов приводит, следовательно, к тому же результату, что и рассмотрение отклонения, а именно: Эпикур объективировал противоречие в понятии атома между сущностью и существованием и, таким образом, дал науку атомистики, между тем как у Демокрита нет реализации самого принципа, а только фиксируется материальная сторона и выдвигаются гипотезы для нужд эмпирии.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

НЕДЕЛИМЫЕ НАЧАЛА И НЕДЕЛИМЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ

В своей вышеупомянутой статье об астрономических понятиях Эпикура *Шаубах* говорит:

«*Эпикур* вместе с *Аристотелем* проводил различие между *началами* (ἄτομοι ἀρχαί, *** Диоген Лаэрций, X. 41) и *элементами* (ἄτομα στοιχεῖα, **** Диоген Лаэрций, X. 86). Первые — это атомы, познаваемые только умом, они не заполняют никакого пространства [1)]. Они называются *атомами* не в качестве самых маленьких тел, а потому, что они не могут быть разделены в пространстве. По этим представлениям можно было бы думать, что Эпикур не наделил атомы никакими свойствами, относящимися к пространству [2)]. Но в письме к Геродоту (Диоген Лаэрций,

* Далее Марксом вычеркнуто: «рассматривать их как причину и». *Ред.*

** Далее Марксом вычеркнута следующая фраза: «Мы добавили к этой похвале разъяснения, вытекающие из принципа Эпикура». *Ред.*

*** — неделимые начала. *Ред.*

**** — неделимые элементы. *Ред.*

X, 44, 54) он наделяет атомы не только тяжестью, но и величиной и формой... Я поэтому причисляю эти атомы ко второму роду, они произошли из первых, но рассматриваются, в свою очередь, как элементарные частицы тел» [3].

Остановимся внимательно на том месте, которое *Шаубах* цитирует из Диогена Лаэрция [X, 86]. Там сказано: «таково учение, что вселенная есть тело и неосязаемая природа или что есть неделимые элементы, и прочие учения в том же роде». Эпикур поучает здесь Пифокла, которому он пишет, что учение о небесных телах отличается от всех других физических доктрин, например от доктрины, признающей, что все есть тело и пустота, что существуют неделимые основные вещества. Как видно, здесь нет абсолютно никакого основания допустить, будто речь идет об атомах какого-то второго рода *. Пожалуй, может показаться, что различение между двумя положениями: «вселенная есть тело и неосязаемая природа» и «есть неделимые элементы», устанавливает различие между «телом» и «неделимыми элементами» и что, в таком случае, «тело» означает атомы первого рода в противоположность «неделимым элементам». Но об этом и думать нечего. «Тело» означает *телесное* в противоположность *пустому*, которое поэтому и называется «бестелесным» [5]. В понятие «тела» включены поэтому как атомы, так и составные тела. Так, например, в письме к Геродоту сказано: «Вселенная есть *тело*... если бы не было того, что мы называем *пустотой*, местом и неосязаемой природой... Из тел некоторые представляют собой *соединения*, другие же то, из чего эти соединения образуются. *Последние неделимы* и неизменяемы... Поэтому первоначала необходимо должны быть неделимой телесной природой» [6]. В вышеупомянутом месте Эпикур говорит, таким образом, сначала о *телесном* вообще в отличие от *пустого*, а затем об особом виде телесного, об атомах **.

Ссылка *Шаубаха* на Аристотеля также ничего не доказывает. Различие между «первоначалом» и «элементом», на котором особенно настаивают стоики [7], встречается, правда, у Аристотеля [8], но последний, тем не менее, допускает и тождество обоих выражений [9]. Он даже определенно говорит, что «элемент» означает преимущественно атом [10]. Точно так же Левкипп и Демокрит называют полное и пустое «элементом» [11].

---

* Далее Марксом в рукописи вычеркнуто:

«Столь же правильно или неправильно можно было бы из слов Эпикура: «начала всему этому нет, потому что причинами являются атомы» [4], сделать тот вывод, что Эпикур допускал существование *третьего* рода атомов — «атомов-причин»». *Ред.*

** Далее Марксом вычеркнуто: «Неделимые элементы здесь не имеют другого значения, кроме как неделимые тела, о которых в последнем цитируемом месте сказано, что они суть начала». *Ред.*

У Лукреция, в письмах Эпикура, у Диогена Лаэрция, в «Колоте» Плутарха [12], у Секста Эмпирика [13] свойства приписываются самим атомам, почему эти свойства и были определены так, что они сами себя снимают.

Но если считается антиномией, что постигаемые только разумом тела наделены пространственными качествами, то гораздо большей антиномией является то, что сами пространственные качества могут быть восприняты только умом [14].

Наконец, *Шаубах* приводит для дальнейшего обоснования своего взгляда следующее место из Стобея: «Эпикур считал первоначальные (тела) простыми; составленные же из них сложные тела все обладают весом». К этому месту из Стобея можно было бы еще прибавить следующие, в которых «неделимые элементы» упоминаются как особый вид атомов: *(Плутарх) «О мнениях философов»*, I, 246 и 249, и *Стобей* «Эклоги физические», т. I, стр. 5 [15]. Впрочем, в этих местах вовсе не утверждается, что первичные атомы не имеют величины, формы и тяжести. Напротив, говорится только о тяжести как об отличительном признаке «неделимых начал» и «неделимых элементов». Но мы уже заметили в предыдущей главе, что тяжесть получает свое применение только при отталкивании и при возникающих благодаря ему конгломерациях.

Измышление «неделимых элементов» тоже ничего не дает. Так же трудно перейти от «неделимых начал» к «неделимым элементам», как приписать им непосредственно свойства. Тем не менее я не отрицаю безусловно этого различения. Я отрицаю только существование двух различных неизменных видов атомов. Это, скорее, различные определения одного и того же вида атомов.

Прежде чем разобрать это различие, я обращаю внимание еще на одну манеру Эпикура. А именно: он охотно представляет различные определения понятия как различные самостоятельные существования. Точно так же как принципом является для него атом, так и самый способ познания у него атомистичен. Каждый момент развития тотчас же превращается у него в устойчивую действительность, как бы отделенную пустым пространством от связи с целым. Всякое определение принимает форму изолированной единичности.

Манера эта станет ясна из следующего примера.

Бесконечное, τὸ ἄπειρον, или infinitio, как переводит Цицерон, иногда употребляется Эпикуром в смысле особой природы. И именно в тех же самых местах, в которых «элемент» определяется как постоянная, лежащая в основе субстанция,

мы находим, что и «бесконечное» превращается в нечто самостоятельно существующее [16)].

Но бесконечное, по собственным определениям Эпикура, не представляет собой ни особой субстанции, ни чего-либо существующего вне атомов и пустого; напротив, бесконечное является акцидентальным определением их. Мы находим, таким образом, три значения для «бесконечного».

Во-первых, «бесконечное» выражает для Эпикура качество, общее атомам и пустому. В этом смысле оно выражает бесконечность вселенной, которая бесконечна в силу бесконечного множества атомов, в силу бесконечной величины пустого [17)].

Во-вторых, ἀπειρία * — это множественность атомов, так что не атом, а бесконечно многие атомы противополагаются пустому [18)].

Наконец, если мы вправе из учения Демокрита делать умозаключения относительно Эпикура, то «бесконечное» означает и нечто прямо противоположное — безграничную пустоту, противополагаемую определенному внутри себя и ограниченному самим собой атому [19)].

Во всех этих значениях, — а они единственные, даже единственно возможные для атомистики, — бесконечное является просто определением атомов и пустого. Тем не менее оно получает особое самостоятельное существование, ставится даже как особая природа рядом с теми принципами, определенную сущность которых оно выражает **.

Поэтому, — сам ли Эпикур фиксировал то определение, в котором атом становится «элементом», как самостоятельный, первичный вид атома, чего, впрочем, не было, если судить по историческому преимуществу одного источника перед другим; или же, чтó нам кажется более вероятным, впервые Метродор, ученик Эпикура [56], превратил различные определения в различные существования [20)], — мы должны это превращение отдельных моментов в нечто самостоятельно существующее приписать субъективному методу атомистического сознания. Тем путем, что различным определениям придается форма отдельных существований, не достигается понимание их различия.

Для Демокрита атом имеет только значение «элемента», материального субстрата. Различение между атомом как «первоначалом» и «элементом» как принципом и основанием принадлежит Эпикуру. Важность этого различения ясна из следующего.

---

* — бесконечность, беспредельность. *Ред.*

** Далее Марксом вычеркнуто: «Этот пример убедителен». *Ред.*

Противоречие между существованием и сущностью, между материей и формой, заложенное в понятии атома, проявляется в единичном атоме, в нем самом, так как он наделен качествами. Благодаря качеству атом делается чуждым своему понятию, но в то же самое время становится завершенным в своей конструкции. И вот из отталкивания и связанных с ним конгломераций атомов, обладающих качествами, возникает являющийся мир.

В этом переходе из мира сущности в мир явлений противоречие в понятии атома явно достигает своего наиболее резко выраженного осуществления. Ибо атом, по своему понятию, есть абсолютная, существенная форма природы. *Эта абсолютная форма низведена теперь к абсолютной материи, к бесформенному субстрату являющегося мира.*

Атомы составляют, правда, субстанцию природы [21)], из чего все возникает и на что все распадается [22)], но постоянное уничтожение мира явлений не приводит ни к какому результату. Образуются новые явления, но самый атом, как нечто прочное, всегда остается в основе [23)]. Поскольку, следовательно, атом мыслится сообразно своему чистому понятию, его существование есть пустое пространство, уничтоженная природа; поскольку он переходит в действительность, он низводится до материальной основы, которая, являясь носителем мира многообразных отношений, никогда не существует иначе, как в безразличных для нее и внешних формах. Это — необходимое следствие, так как атом, мыслимый как абстрактно-единичное и законченное, не может действенно проявить себя в качестве силы, идеализирующей это многообразие и пронизывающей его собой.

Абстрактная единичность есть свобода от наличного бытия, а не свобода в этом бытии. Она не может сиять в свете наличного бытия. В этой стихии она теряет свой характер и становится материальной. Поэтому атом не переходит в доступную взору область явлений [24)] или же — там, где он вступает в нее, — низводится до материальной основы. Атом как таковой существует только в пустоте. Таким образом, смерть природы стала ее бессмертной субстанцией, и Лукреций с полным правом восклицает:

«Смертная жизнь отнимается смертью бессмертной» *.

Философское отличие Эпикура от Демокрита заключается именно в том, что первый рассматривает и объективирует

* *Лукреций.* «О природе вещей», книга III, стих 869. *Ред.*

противоречие в этой его предельной заостренности, различает, таким образом, атом, становящийся основанием явления, в качестве «элемента», от атома в том виде, как он существует в пустоте, в качестве «первоначала»; Демокрит же объективирует только один момент. Это то же самое различие, которое в мире сущности, в царстве атомов и пустого, отделяет Эпикура от Демокрита. Но так как только наделенный качествами атом является завершенным, — ибо мир явлений может произойти только из завершенного и ставшего чуждым своему понятию атома, — то Эпикур выражает это так, что только наделенный качествами атом становится «элементом», или что только «неделимый элемент» наделен качествами.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ВРЕМЯ

Так как в атоме материя, как чистое отношение к самой себе, не подвержена никакой изменчивости и относительности, то отсюда непосредственно следует, что из понятия атома, из мира сущности, время должно быть исключено. Ибо материя вечна и самостоятельна лишь постольку, поскольку абстрагируются в ней от момента времени. В этом согласны и Демокрит и Эпикур. Но они расходятся в вопросе, как определить время, удаленное из мира атомов, куда его отнести.

У Демокрита время не имеет никакого значения, никакой необходимости для системы. Демокрит объясняет его, чтобы его устранить. Он определяет время как вечное, чтобы, как говорят *Аристотель*[1] и Симплиций[2], удалить из атомов возникновение и уничтожение, т. е. все временнóе. Оно само, время, является, мол, доказательством того, что не все должно иметь происхождение, момент начала.

Но в этом содержится более глубокий смысл. Воображающий рассудок, который не может постичь самостоятельность субстанции, ставит вопрос о ее становлении во времени. При этом он не замечает, что, делая субстанцию временнóй, он вместе с этим превращает время в нечто субстанциональное и этим уничтожает его понятие, так как ставшее абсолютным время перестает быть временны́м.

Но, с другой стороны, решение это неудовлетворительно. Время, исключенное из мира сущности, переносится в самосознание философствующего субъекта, но перестает соприкасаться с самим миром.

Иначе обстоит дело у Эпикура. Исключенное из мира сущности *время* становится для него *абсолютной формой явления.*

Оно определяется именно как акциденция акциденции. Акциденция есть изменение субстанции вообще. Акциденция акциденции есть изменение, отражающееся внутрь себя, смена как таковая. Эта чистая форма мира явлений и есть время [3].

Соединение есть только пассивная форма конкретной природы, время — ее активная форма. Если я рассматриваю соединение со стороны его наличного бытия, то атом существует за этим соединением, в пустом, в воображении; если же я рассматриваю атом со стороны его понятия, то соединение либо вовсе не существует, либо же оно существует только в субъективном представлении; ибо оно есть отношение, которое — в равной же степени — выражает отсутствие всякого отношения между самостоятельными, замкнутыми в себе, как бы равнодушными друг к другу атомами. Наоборот, время, смена конечного, полагаемая как смена, в такой же мере есть действительная форма, отделяющая явление от сущности, полагающая явление как таковое, в какой оно, время, и обратно приводит явление к сущности. Соединение выражает только материальность как атомов, так и возникающей из них природы. Напротив, время есть в мире явлений то же, что и понятие атома в мире сущности, а именно абстракция, уничтожение и сведе́ние всякого определенного наличного бытия к для-себя-бытию.

Из этих соображений вытекают следующие выводы. *Во-первых,* Эпикур рассматривает противоречие между материей и формой как характер являющейся природы, которая становится таким путем отображением существенной природы — атома. Это происходит путем противопоставления времени пространству, активной формы явления — пассивной. *Во-вторых,* только Эпикур понимает явление как явление, т. е. как отчуждение сущности, которое само проявляет себя в своей действительности как такое отчуждение. Напротив, у Демокрита, для которого соединение есть единственная форма являющейся природы, явление само по себе не обнаруживает, что оно есть явление, есть нечто отличное от сущности. Таким образом, если рассматривать явление со стороны его существования, то сущность совершенно сливается с ним, если же рассматривать явление со стороны его понятия, то сущность совершенно отделяется от него, так что оно низводится до субъективной видимости. Соединение относится безразлично и материально к своим существенным основам. Время, наоборот, есть огонь сущности, вечно пожирающий явление и налагающий на него печать зависимости и несущественности. *Наконец,* так как, по Эпикуру, время есть смена как таковая, отражение

явления внутрь себя, то являющаяся природа справедливо может быть сделана реальным критерием конкретной природы, хотя атом, ее основа, доступен лишь созерцанию разума.

И именно потому, что время есть абстрактная форма чувственного восприятия, для эпикурейского сознания, в соответствии с его атомистическим характером, возникает необходимость фиксировать время как особо существующую природу в природе. Изменчивость чувственного мира как изменчивость, присущая ему смена как таковая, это отражение явления внутрь себя, образующее понятие времени, имеет свое отдельное существование в осознанной чувственности. *Чувственность человека есть, таким образом, воплощенное время, существующее отражение чувственного мира внутрь себя.*

Все это непосредственно вытекает из определения понятия времени у *Эпикура*, и это же вполне отчетливо можно доказать на частностях. В письме Эпикура к Геродоту [4] время определяется так: оно возникает, когда воспринятые чувствами акциденции тел мыслятся как акциденции. Отраженное внутрь себя чувственное восприятие является здесь, таким образом, источником времени и самим временем. Поэтому нельзя определять время по аналогии, нельзя и ничего другого о нем сказать, но нужно держаться самóй непосредственной очевидности; ведь так как отраженное внутрь себя чувственное восприятие и есть само время, то невозможно выйти за его границы.

С другой стороны, у *Лукреция*, *Секста Эмпирика* и *Стобея* [5] акциденция акциденции, отраженное внутрь себя изменение, определяется как время. Отражение акциденций в чувственном восприятии и их отражение внутрь себя полагаются поэтому как одно и то же.

Благодаря этой связи между временем и чувственностью, εἴδωλα *, которые мы находим также и у Демокрита, приобретают более последовательный смысл.

Εἴδωλα представляют собой формы природных тел, которые отпадают от них, подобно внешним оболочкам, и переносят их в явление [6]. Эти формы вещей постоянно из них истекают и проникают в чувства и тем самым дают объектам возможность проявиться. В слухе поэтому природа слышит самое себя, в обонянии она обоняет самое себя, в зрении она видит самое себя [7]. Человеческая чувственность, таким образом, образует ту среду, в которой, как в фокусе, отражаются процессы природы и в которой они, воспламенившись, излучают свет явлений.

---

* — образы. *Ред.*

У *Демокрита* это — непоследовательность, так как явление у него только субъективно, у Эпикура же — необходимое следствие, так как чувственность есть у Эпикура отражение являющегося мира внутрь себя, его воплощенное время.

Наконец, связь чувственности и времени проявляется так, что *временной характер вещей и их явление для чувств обнаруживаются в них самих как одно и то же*. Ибо именно оттого, что тела являются чувствами, они исчезают [8]. Так как εἴδωλα постоянно отделяются от тел и проникают в чувства, так как они имеют свою чувственность не в самих себе, а вне себя — как вторую природу — и, следовательно, не возвращаются из состояния отторгнутости, то они распадаются и исчезают.

Таким образом, подобно тому как атом не составляет ничего иного, кроме природной формы абстрактного, единичного самосознания, — так чувственная природа есть только объективированное эмпирическое единичное самосознание, а это и есть чувственное. Чувства поэтому составляют единственный критерий в конкретной природе, как абстрактный разум — в мире атомов.

ГЛАВА ПЯТАЯ

НЕБЕСНЫЕ ЯВЛЕНИЯ

Астрономические взгляды *Демокрита*, может быть, и проницательны для его времени, но философского интереса они не представляют. Они не выходят из круга эмпирических рассуждений и не находятся также в сколько-нибудь определенной внутренней связи с учением об атомах.

Наоборот, теория *Эпикура* о небесных телах и связанных с ними процессах, или о *небесных явлениях* (данным выражением он охватывает все это вместе), противоположна не только мнению Демокрита, но и мнению греческой философии в целом. Почитание небесных тел — это культ, признаваемый всеми греческими философами. Система небесных тел есть первое наивное, обусловленное природой, бытие действительного разума. Такое же положение занимает греческое самосознание в области духа. Оно — духовная солнечная система. В небесных телах греческие философы поклонялись поэтому своему собственному духу.

Даже *Анаксагор*, который первый физически объяснил небо и таким образом — в другом смысле, чем Сократ — приблизил его к земле, на вопрос, для чего он родился, ответил: «для созерцания солнца и луны и неба» [1]. *Ксенофан* же, посмотрев на небо, сказал: Единое есть бог [2]. Известно

религиозное отношение к небесным телам у *пифагорейцев, Платона, Аристотеля.*

Действительно, Эпикур выступает против мировоззрения всего греческого народа.

Аристотель говорит: иногда кажется, что понятие подтверждает явления, а явления — понятие. Так, все люди имеют представление о богах и отводят божественному горнее место; так поступают и варвары и эллины, вообще все те, кто верит в существование богов, связывая, очевидно, бессмертное с бессмертным; иначе и невозможно. Если, таким образом, божественное существует, — как оно и есть на самом деле, — то и наше утверждение о субстанции небесных тел верно. Но это соответствует и чувственному восприятию, поскольку речь идет о человеческом убеждении. Ибо за все прошедшее время, судя по воспоминаниям, перешедшим от одних людей к другим, ничего, по-видимому, не изменилось ни во всем небе, ни в какой-либо из его частей. Даже название, по-видимому, передано нам древними, причем они имели в виду то же самое, что и мы. Ибо не однажды и не дважды, а бесконечное число раз доходили до нас одни и те же представления. А так как первичное тело есть нечто отличное от земли и огня, воздуха и воды, то они назвали горнее место «эфиром» — от слов θεῖν ἀεί *, придав ему наименование «вечное время» [3]. Но небо и горнее место древние отвели богам, так как только оно бессмертно. А современное учение удостоверяет, что небо неразрушимо, не имеет начала, непричастно ко всяким злоключениям смертных. Таким образом, наши понятия в то же самое время соответствуют откровению о боге [4]. А что небо *одно* — это очевидно. До нас из глубокой древности дошло от предков, сохранившись в виде мифов более поздних поколений, представление о том, что небесные тела суть боги и что божественное начало объемлет всю природу. Остальное было прибавлено, в мифологической оболочке, для веры толпы, как полезное для законов и для жизни. Ибо толпа объявляет богов человекоподобными и похожими на некоторые другие живые существа и придумывает многое другое, связанное с этим и родственное ему. Если кто-нибудь отбросит все остальное и оставит только первое, веру в то, что первичные субстанции суть боги, то он должен считать, что это — божественное откровение и что с тех пор изобретались и снова погибали всевозможные искусства и философские учения, указанные же мнения, как реликвии, дошли до настоящего времени [5].

---

* — вечно течь. *Ред.*

QUOD
FELIX FAUSTUMQUE ESSE IUBEAT
SUMMUM NUMEN
AUCTORITATE
HUIC LITTERARUM UNIVERSITATI
AB

FERDINANDO I

IMPERATORE ROMANO GERMANICO
ANNO MDLVII CONCESSA
[illegible]
SERENISSIMORUM
MAGNI DUCIS ET DUCUM SAXONIAE
NUTRITORUM ACADEMIAE IENENSIS
MUNIFICENTISSIMORUM
RECTORE ACADEMIAE MAGNIFICENTISSIMO
AUGUSTO ET POTENTISSIMO PRINCIPE AC DOMINO

CAROLO FRIDERICO

[illegible]
PRORECTORE ACADEMIAE MAGNIFICO
[illegible]

ERNESTO REINHOLDO

[illegible]
[illegible]
DECANO ORDINIS PHILOSOPHORUM ET BRABEUTA
MAXIME SPECTABILI
[illegible]

CAROLO FRIDERICO BACHMANNO

[illegible]
[illegible]
ORDO PHILOSOPHORUM
[illegible]

CAROLO HENRICO MARX

[illegible]
DOCTORIS PHILOSOPHIAE HONORES
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
PUBLICO HOC DIPLOMATE
[illegible]
[illegible]
[illegible]

TYPIS BRANII

Диплом о присуждении Марксу ученой степени доктора философии, выданный Иенским университетом 15 апреля 1841 г.

У *Эпикура*, наоборот, мы читаем:

Кроме всего этого, надо еще принять во внимание, что самое большое смятение человеческой души происходит оттого, что люди считают небесные тела блаженными и неразрушимыми и приписывают им в то же время желания и действия, противоречащие этим свойствам, а также оттого, что они черпают страхи из мифов [6)]. Что касается небесных тел, то необходимо считать, что движение, положение, затмение, восход, закат и тому подобные явления происходят в них вовсе не благодаря некоему существу, которое будто бы распоряжается ими, приводит их — или привело уже — в порядок и которое в то же время обладает полнотой блаженства, а вместе с тем и бессмертием. Ибо действия не согласуются с блаженством, а происходят в силу слабости, страха и потребности, с которыми они большей частью связаны. Не следует также думать, что некоторые огнеподобные тела, обладающие блаженством, произвольно подвергают себя этим движениям. Если с этим не согласиться, то самое это противоречие вызовет величайшее смятение душ [7)].

Если поэтому *Аристотель* порицал древних за то, что они думали, будто небо нуждается для своей опоры в Атланте [8)], который

«стоит на западных пределах,
Столб неба и земли плечами подперев»
(Эсхил, «Прометей», стих 348 и сл.) *, —

то Эпикур, наоборот, порицает тех, которые думают, что человек нуждается в небе; и самого Атланта, на которого опирается небо, он видит в человеческой глупости и в суеверии. Глупость и суеверие также титаны.

Все письмо Эпикура к Пифоклу говорит о теории небесных тел, за исключением последнего отдела. Этот завершающий отдел содержит этические сентенции. И вполне уместно присоединены к учению о небесных явлениях правила нравственности. Это учение является для Эпикура делом совести. Наше исследование поэтому будет опираться главным образом на это письмо к Пифоклу. Мы дополним его выдержками из письма к Геродоту, на которое сам Эпикур ссылается в своем послании к Пифоклу [9)].

Во-первых, не надо думать, что изучение небесных явлений, взятое в целом или в частностях, — как и изучение всего естествознания, — может привести к иной цели, кроме атараксии [28] и твердой уверенности [10)]. Не в идеологии и пустых

* Цитата вписана Марксом по-гречески вместо зачеркнутого им латинского перевода. *Ред.*

гипотезах нуждается наша жизнь, а в том, чтобы мы могли жить, не зная смятения. Подобно тому как задачей науки о природе вообще является исследование причин главнейших явлений, так и здесь блаженство имеет своим источником познание небесных явлений. Само по себе наблюдение заката и восхода, положения и затмения светил не содержит никакого особенного основания для блаженства; только страх овладевает теми, которые это видят, не зная ни природы того, что происходит, ни главных причин этого [11]. До сих пор отвергается только *преимущество*, которое имеет якобы теория небесных явлений перед другими науками, и теория эта ставится в один ряд с ними.

Но изучение небесных явлений *отличается еще специфически* как от метода этики, так и от остальных физических проблем, например от проблемы о неделимых элементах и тому подобном, где явлениям соответствует только одно-единственное объяснение. Небесным же явлениям это несвойственно [12]. Их происхождение не сводится к одной простой причине, и они имеют более чем одну соответствующую явлениям категорию сущности. Ибо в науке о природе следует руководствоваться не пустыми аксиомами и законами [13]. Постоянно повторяется, что не ἁπλῶς (просто, абсолютно) следует объяснять небесные явления, а πολλαχῶς (многообразно); это применимо к восходу и заходу солнца и луны [14], к прибыли и ущербу луны [15], к представляющимся очертаниям лица на луне [16], к изменению длины дня и ночи [17] и к остальным небесным явлениям.

Как же все это объяснить?

Всякое объяснение можно принять. Только миф должен быть отвергнут. Но он будет отвергнут лишь тогда, когда, при умозаключениях о том, что невидимо, будут исходить из явлений и следовать за ними [18]. Нужно строго держаться явлений, чувственного восприятия. Поэтому надлежит применять аналогию. Таким образом, можно будет изгнать страх и освободиться от него посредством объяснения, обнаруживающего причины небесных явлений и всего остального, что́ совершается постоянно и особенно поражает других людей [19].

Масса объяснений, множество возможностей должны не только успокоить сознание и удалить причины страха, но вместе с тем должны подвергнуть отрицанию в небесных телах самое их единство, равный себе и абсолютный закон в них. Небесные тела могут вести себя то так, то иначе. Эта лишенная закономерности возможность составляет характерное свойство их действительности. Все в них непостоянно, изменчиво [20].

Многочисленность объяснений должна уничтожить вместе с тем единство объекта.

В то время, следовательно, как *Аристотель*, в согласии с другими греческими философами, считает небесные тела вечными и бессмертными, так как они всегда ведут себя одинаковым образом; в то время как он даже приписывает им особый, высший, не подчиненный силе тяжести элемент, — *Эпикур*, в прямую противоположность ему, утверждает, что дело обстоит как раз наоборот. Теория небесных явлений именно тем специфически отличается от всякой другой физической доктрины, что в них все происходит многообразно и неупорядоченно, что в них все должно быть объяснено разнообразными, неопределенно-многими причинами. И Эпикур гневно и с жаром отбрасывает противоположное мнение: те, которые придерживаются одного способа объяснения и отвергают все остальные, те, которые признают в небесных явлениях единое, а потому вечное и божественное начало, впадают в пустое резонерство и поддаются влиянию рабских фокусов астрологов; они переступают границу науки о природе и бросаются в объятия мифов; они стараются совершить невозможное, трудятся над бессмысленным, они даже не знают, где сама атараксия подвергается опасности. Болтовня их заслуживает презрения [21]. Нужно держаться подальше от предрассудка, будто исследование этих предметов недостаточно основательно и недостаточно тонко, поскольку оно ставит себе целью только нашу атараксию и блаженство [22]. Абсолютная норма, наоборот, состоит в том, что все то, что нарушает атараксию, что вызывает опасность, не может принадлежать неразрушимой и вечной природе. Сознание должно понять, что это — абсолютный закон [23].

Эпикур приходит, таким образом, к заключению: *Именно потому, что вечность небесных тел нарушила бы атараксию самосознания, необходимым, неизбежным следствием является, что они не вечны.*

Как же понять это своеобразное воззрение Эпикура?

Все авторы, писавшие об эпикурейской философии, изображали это учение как несовместимое со всей остальной физикой, с учением об атомах. Борьба против стоиков, против суеверия, астрологии принимается за достаточные основания.

И мы видели, что Эпикур сам отличает *метод*, примененный в теории небесных явлений, от метода остальной физики. В каком же определении его принципа кроется необходимость этого различия? Как пришел он к подобной мысли?

Ведь не только против астрологии ведет он борьбу, но и против самой астрономии, против вечного закона и разума в небесной

системе. Наконец, то обстоятельство, что Эпикур противоположен стоикам, также ничего не объясняет. Их суеверие и все их мировоззрение были уже опровергнуты, когда небесные тела были изображены как случайные комплексы атомов, а происходящие в них процессы — как случайные движения этих атомов. Этим была уничтожена вечная природа небесных тел, — Демокрит ограничился тем, что вывел это следствие из упомянутой предпосылки [24)]. Да и само наличное бытие их этим было уничтожено [25)]. Последователь атомистики не нуждался, таким образом, в новом методе.

Но в этом не вся еще трудность. Тут возникает более загадочная антиномия.

Атом есть материя в форме самостоятельности, единичности, есть как бы воображаемая тяжесть. Но высшей действительностью тяжести являются небесные тела. В них разрешены все антиномии, составляющие развитие атома, — антиномии между формой и материей, между понятием и существованием; в них осуществлены все определения, которые были необходимы. Небесные тела вечны и неизменны; их центр тяжести внутри их, а не вне их; их единственным действием является движение; разделенные пустым пространством, они отклоняются от прямой линии, образуют систему отталкивания и притяжения, сохраняя вместе с тем свою самостоятельность, и из самих себя порождают, наконец, время как форму своего явления. *Небесные тела суть, следовательно, ставшие действительными атомы.* В них материя восприняла в самое себя единичность. Здесь поэтому Эпикур должен был бы увидеть высшее осуществление своего принципа, вершину и заключительный момент своей системы. Он утверждал ведь, что принимает атомы для того, чтобы в основание природы был положен бессмертный фундамент. Он говорил, что для него важна субстанциальная единичность материи. Но стоило ему найти реальность этой своей природы, — он не признает ведь никакую иную природу, как только механическую, — стоило ему найти самостоятельную, неразрушимую материю в небесных телах, вечность и неизменность которых доказывали вера толпы, суждения философии, свидетельства чувств, — как его единственной целью стало низвести эту природу до преходящего земного существования, как он с жаром набрасывается на почитателей самостоятельной природы, содержащей в себе момент единичности. В этом его величайшее противоречие.

Эпикур чувствует поэтому, что его прежние категории здесь рушатся, что метод его теории * становится другим. И *самое*

* Исправлено Марксом; первоначально было: «теория его метода». *Ред.*

глубокое познание, достигнутое его системой, та последовательность, которая ее насквозь пронизывает, в том и заключается, что он это чувствует и сознательно высказывает.

Мы уже видели, как вся эпикурейская натурфилософия проникнута противоречием между сущностью и существованием, формой и материей. *Но в небесных телах это противоречие уничтожено,* эти борющиеся друг против друга моменты примирены. В небесной системе материя приняла в себя форму, включила в себя единичность и, таким образом, достигла своей самостоятельности. *Но, достигнув этой точки, она перестает быть утверждением абстрактного самосознания.* В мире атомов, как и в мире явлений, форма боролась с материей; одно определение уничтожало другое, и именно *в этом противоречии абстрактно-единичное самосознание чувствовало, что его природа приобрела предметный характер.* Абстрактная форма, которая, в образе материи, боролась с абстрактной материей, и была *этим самосознанием.* Но теперь, когда материя примирилась с формой и стала самостоятельной, единичное самосознание высвобождается из своей личины, объявляет себя истинным принципом и восстает против ставшей самостоятельной природы.

Это, с другой стороны, может быть выражено так: восприняв в себя единичность, форму, как это имеет место в небесных телах, *материя перестает быть абстрактной единичностью. Она стала конкретной единичностью, всеобщностью.* В небесных явлениях против абстрактно-единичного самосознания поднимается, таким образом, во всем своем блеске, его опровержение, принявшее вещественную форму, — поднимается всеобщее, ставшее существованием и природой. Самосознание узнает в небесных явлениях своего смертельного врага. Им, следовательно, приписывает оно всякий страх и смятение людей, как это делает Эпикур. Ибо страх и гибель абстрактно-единичного и есть всеобщее. Здесь, таким образом, истинный принцип Эпикура, абстрактно-единичное самосознание, перестает уже скрываться. Оно выходит из своего убежища и, освобожденное от своей материальной оболочки, старается уничтожить действительность ставшей самостоятельной природы — уничтожить ее посредством объяснения на основе абстрактной возможности: то, что возможно, может происходить и иначе; возможна также и противоположность возможного. Отсюда полемика против тех, которые ἁπλῶς *, т. е. одним определенным образом,

* — просто. *Ред.*

объясняют небесные тела; ибо единое есть необходимое и в себе самостоятельное.

Итак, пока природа, как атом и явление, выражает единичное самосознание и его противоречие, субъективность самосознания выступает только в форме самой материи; там же, наоборот, где эта субъективность становится самостоятельной, самосознание обращается на само себя, выступает против материи в своем собственном образе, как самостоятельная форма.

Можно было заранее сказать, что там, где осуществится принцип Эпикура, этот принцип перестанет быть для него действительностью. Ибо если бы единичное самосознание в самом деле было подчинено определенности природы или же природа — определенности единичного самосознания, то определенность последнего, т. е. его существование, прекратилась бы, так как только всеобщее в своем свободном отличении от себя может осуществлять в то же время свое утверждение.

В теории небесных явлений проявляется, таким образом, душа эпикурейской натурфилософии. Ничто не вечно, если оно уничтожает атараксию единичного самосознания. Небесные тела нарушают его атараксию, его равенство с самим собой, так как они представляют собой существующее всеобщее, так как в них природа стала самостоятельной.

Таким образом, не *гастрология Архестрата,* как думает Хризипп [26)], является принципом эпикурейской философии, а абсолютность и свобода самосознания, хотя это самосознание и понимается только в форме единичного.

Если абстрактно-единичное самосознание полагается как абсолютный принцип, то всякая истинная и действительная наука постольку, конечно, уничтожается, поскольку в природе самих вещей не господствует единичность. Однако рушится и все то, что является трансцендентным по отношению к человеческому сознанию, что принадлежит, следовательно, воображающему рассудку. Если же, наоборот, абсолютным принципом провозглашается такое самосознание, которое знает себя только в форме абстрактной всеобщности, то этим широко раскрываются двери суеверной и несвободной мистике. Историческое доказательство этого мы находим в стоической философии. Абстрактно-всеобщее самосознание заключает в себе стремление утверждать себя в самих вещах, а утвердиться оно может в них, только отрицая их.

Эпикур поэтому величайший греческий просветитель, и он заслужил похвалу Лукреция [27)]:

В те времена, как у всех на глазах безобразно влачилась
Жизнь людей на земле под религии тягостным гнетом,

С областей неба главу являвшей, взирая оттуда
Ликом ужасным своим на смертных, поверженных долу,
Эллин впервые один осмелился смертные взоры
Против нее обратить и отважился выступить против.
И ни молва о богах, ни молньи, ни рокотом грозным
Небо его запугать не могли...
. . . .
Так, в свою очередь, днесь религия нашей пятою
Попрана, нас же самих победа возносит до неба.

Различие между натурфилософией Демокрита и Эпикура, которое мы установили в конце общей части, получило свое дальнейшее развитие и подтверждение во всех сферах природы. У *Эпикура* осуществлена и завершена, доведена до последних выводов *атомистика* со всеми ее противоречиями, *как естественная наука самосознания,* а это последнее в форме абстрактной единичности есть для себя абсолютный принцип, который представляет собой упразднение атомистики и сознательную противоположность всеобщему. Для Демокрита, наоборот, *атом* есть только *общее объективное выражение эмпирического исследования природы вообще.* Атом для него остается поэтому чистой и абстрактной категорией, гипотезой, представляющей результат опыта, а не его энергический принцип, и эта гипотеза остается поэтому нереализованной, точно так же как дальнейшее развитие реального исследования природы не определяется ею.

ФРАГМЕНТ ИЗ ПРИЛОЖЕНИЯ
[КРИТИКА ПОЛЕМИКИ ПЛУТАРХА ПРОТИВ ТЕОЛОГИИ ЭПИКУРА] [57]

[II. ИНДИВИДУАЛЬНОЕ БЕССМЕРТИЕ]

[1. О РЕЛИГИОЗНОМ ФЕОДАЛИЗМЕ. АД ДЛЯ ЧЕРНИ]

Рассмотрение опять-таки подразделяется на отношение «несправедливых и дурных», затем «людей толпы и необразованных» и, наконец, на отношение «честных и благоразумных» (там же, стр. 1104) [35] к учению о существовании души после смерти. Уже это подразделение с его устойчивыми качественными различиями свидетельствует о том, до какой степени Плутарх не понимает Эпикура, который, как философ, рассматривает существенное отношение человеческой души вообще.

Для несправедливых опять-таки указывается на страх как на исправительное средство, и таким образом оправдывается тот ужас, который преисподняя внушает чувственному сознанию. Мы уже рассмотрели это возражение. Так как в страхе, и притом во внутреннем, непреодолимом страхе, человек низведен до уровня животного, то по отношению к животному вообще безразлично, каким способом оно обуздывается.

Мы переходим теперь к воззрению «людей толпы», хотя в конце концов оказывается, что немногие чужды его, а, собственно говоря, все — «можно сказать без преувеличения, все» — клянутся в верности этому знамени.

«Людей толпы, даже помимо страха перед загробным миром, внушенная мифами надежда на бессмертие и жажда бытия, эта древнейшая и сильнейшая из всех страстей, преисполняет такой радостью и восторгом, что они подавляют этот детский страх (стр. 1104). Те, которые теряют детей, жен и друзей, предпочитают, чтобы они где-нибудь существовали и пребывали, хотя бы среди страданий, а не совершенно погибли, не были уничтожены и превращены в ничто. Поэтому они охотно слушают, когда об умершем говорят, что он переселился в иной мир или что он переменил свое местопребывание, и другие подобные выражения, которыми смерть

обозначается не как уничтожение, а как перемена местопребывания души (стр. 1104). Они приходят в ужас, когда слышат об умершем: «погиб», «уничтожен», «его больше нет»... Но им наносят решающий удар те, которые говорят: «Мы, люди, родились один раз, дважды родиться никому не дано»... И придавая настоящей жизни, в сравнении с вечностью, мало значения или, вернее, не придавая ей никакого значения, они прозябают, не используя жизни; в своем малодушии они пренебрегают добродетелью и деятельностью и презирают самих себя как рожденных на один день, неустойчивых и ни на что достойное не способных [стр. 1104]. Ведь отсутствие ощущений и распад и учение о том, что то, что бесчувственно, нас ни в коем отношении не касается, — не устраняет страха смерти, но как бы дает ему подтверждение. Ибо это именно и есть то, чего боится природа.., т. е. такое разрушение души, при котором она теряет способность и мыслить и чувствовать. Эпикур, изображая это рассеяние души в пустоте и разложение ее на атомы, еще более подрывает надежду на бессмертие, надежду, ради которой, можно сказать без преувеличения, все — как мужчины, так и женщины — были бы готовы дать истерзать себя Церберу и таскать воду в бездонную бочку Данаид, чтобы только продолжить свое существование и не подвергнуться окончательному уничтожению». Там же, стр. 1105.

Качественного отличия от предыдущей ступени, собственно говоря, не существует, но то, что прежде проявлялось в форме животного страха, теперь проявляется в форме человеческого страха, в форме чувства. Содержание остается тем же самым.

Нам говорят, что жажда бытия есть древнейшая форма любви. Конечно, наиболее абстрактной и, следовательно, древнейшей формой любви является себялюбие, любовь к своему частному бытию. Но это было фактически выражением слишком откровенного взгляда на дело; на словах от этого взгляда отказываются, и делу придается отблеск благородства, порожденный иллюзией чувства.

Итак, тот, кто лишается жены и детей, предпочитает, чтобы они где-либо существовали, хотя бы им и плохо жилось, чем чтобы они совершенно перестали существовать. Если бы речь шла только о любви, то следовало бы сказать, что жена и дети индивида с наибольшей чистотой сохраняются в его сердце, и это представляет собой гораздо более высокую форму бытия, чем эмпирическое существование. Но дело обстоит иначе. Жена и дети как таковые просто ведут эмпирическое существование, поскольку сам индивид, которому они принадлежат, существует эмпирически. Итак, его предпочтение, чтобы они находились где-либо в воспринимаемом чувствами пространстве, — хотя бы им и плохо жилось, — чем нигде, означает лишь желание индивида сознавать свое собственное эмпирическое существование. Покров любви являлся лишь тенью, ядром же оказывается обнаженное эмпирическое «я», себялюбие,

древнейшая форма любви, — она не обновилась, не превратилась в более конкретную, более идеальную форму.

По мнению Плутарха, слово «изменение» звучит приятнее, чем «полное прекращение существования». Но изменение не должно быть, по мнению Плутарха, качественным, единичное «я» должно пребывать в своем единичном бытии; итак, это слово оказывается лишь чувственным представлением о том, что́ оно есть, но должно оно означать нечто противоположное. Все сводится к тому, чтобы не изменить, а лишь затемнить суть дела; отодвигание в фантастическую даль должно только прикрывать качественный скачок, а всякое качественное различие есть скачок — без таких скачков нет идеальности.

Далее Плутарх полагает, что это сознание *...

* На этом сохранившаяся часть рукописи обрывается. *Ред.*

[ПРИМЕЧАНИЯ][58]

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

РАЗЛИЧИЕ МЕЖДУ НАТУРФИЛОСОФИЕЙ ДЕМОКРИТА И НАТУРФИЛОСОФИЕЙ ЭПИКУРА В ОБЩЕМ

II. СУЖДЕНИЯ О ВЗАИМООТНОШЕНИИ МЕЖДУ ФИЗИКОЙ ДЕМОКРИТА И ФИЗИКОЙ ЭПИКУРА

1) *Диоген Лаэрций,* X, 4: «Также и последователи стоика Посидония, и Николай, и Сотион... [утверждают], что он (Эпикур) проповедовал, как свои собственные, учения Демокрита об атомах и Аристиппа о наслаждении».

2) *Цицерон,* «О природе богов», I, 26, [73]: «Чтó в физике Эпикура не от Демокрита? Ведь если он [Эпикур] и внес некоторые *изменения..*, то все же, в большинстве своих положений, он утверждает то же самое».

3) *Цицерон,* «О высшем добре и зле», I, 6 [21]: «Значит, все, что он [Эпикур] изменяет, он искажает, а те положения, которым он следует, целиком остаются демокритовскими».

Там же: [17, 18] «...в физике, которой он особенно кичится, он прежде всего *совершенно несведущ;* он делает добавления к Демокриту, внося ничтожные изменения, но так, что, на мой по крайней мере взгляд, *извращает* то, что хочет *поправить*... А там, где он следует Демокриту, он почти не делает промахов».

4) *Плутарх,* «Колот» [«Против Колота»] (изд. Ксиландера), стр. 1108: «Леонтей... утверждает, что Демокрит ценился Эпикуром за то, что первый дошел до верного познания.., за то, что раньше его напал на след первоначал природы». Ср. *там же,* стр. 1111.

5) *Плутарх,* «О мнениях философов», т. V, стр. 235, изд. Таухница: «Эпикур, сын Неокла, афинянин, который в своей философии шел по стопам Демокрита...»

6) *Плутарх,* «Колот», стр. 1111, 1112, 1114, 1115, 1117, 1119, 1120 и сл.

7) *Климент Александрийский,* «Ковры», VI, стр. 629 (изд. кёльнское): «Да вот также и Эпикур позаимствовал у Демокрита свои основные положения...»

8) *Там же,* стр. 295: ««Смотрите, братия, чтобы кто не увлек вас философиею и пустым обольщением, по преданию человеческому, по

стихиям мира, а не по Христу» *. Философии же [остерегайтесь] не всякой, а такой, как эпикурейская, о которой упоминает в «Деяниях апостолов» Павел, осуждая ее за то, что она отвергает божественный промысел,... и всякой другой, если она возвеличила стихии, не поставив над ними творческой первопричины, и не дошла до мысли о творце».

⁹⁾ *Секст Эмпирик,* «Против математиков» (изд. женевское) [I, 273]: «Эпикур изобличается в хищении у поэтов важнейших из своих положений. Ведь, как оказывается, он свое положение о том, что пределом силы наслаждений служит наиболее полное устранение страдания, извлек из одного [гомеровского] стиха:

И когда питием и пищею глад утолили **.

А утверждение о смерти, что она для нас ничто, подсказал ему Эпихарм изречением:

«Умереть или быть мертвым, по мне безразлично...»

Равным образом и [утверждение], что тела, став трупами, ничего не чувствуют, он позаимствовал у Гомера, говорящего:

Землю немую неистовый муж оскверняет» ***.

10) «*Письмо Лейбница к Де Мезо,* содержащее разъяснение изложения и т. д.», стр. 66, т. 2, [Женева, 1768], изд. Дютана [Полное собр. соч.].

11) *Плутарх,* «Колот», стр. 1111: «Следует поставить в упрек Демокриту отнюдь не то, что он допускает выводы из [существования] своих первоначал, а то, что он выдвигает такие первоначала, из которых вытекают такие выводы... Если так обстоит дело с умолчанием, не признает ли он» (Эпикур) «тем самым, что делает что-то, к чему уже привык? Так, устраняя провидение, он, по его словам, оставляет благочестие; утверждая, что ищет дружбы ради наслаждения, он [в то же время] заявляет, что он из-за друзей выносит самые большие страдания; признавая беспредельность мира, он не отказывается от [представлений] «верха» и «низа»».

III. ЗАТРУДНЕНИЯ, ВОЗНИКАЮЩИЕ ПРИ ОТОЖДЕСТВЛЕНИИ НАТУРФИЛОСОФИИ ДЕМОКРИТА С НАТУРФИЛОСОФИЕЙ ЭПИКУРА

1) ***Аристотель,*** «О душе», I, стр. 8 (по изд. Тренделенбурга): «Для него» (т. е. Демокрита) «душа и разум полностью совпадают, ибо истинно-сущее и явление совпадают».

2) ***Аристотель,*** «Метафизика», IV, 5: «Вот почему Демокрит, например, утверждает, что либо нет ничего истинного, либо оно для нас недоступно. И вообще, благодаря тому, что разумное мышление отождествляется с чувственным восприятием, а это последнее признается качественным изменением, приходят к утверждению, что являющееся, как оно воспринимается, и есть по необходимости истинно-сущее. На этом-то основании и Эмпедокл утверждает, что с изменением [прежнего] состояния в людях меняется и способность разумения, то же самое и Демокрит и, можно

* Библия. Новый завет. Послание к колоссянам апостола Павла, глава 2, стих 8. *Ред.*

** *Гомер.* «Илиада». Песнь I, стих 469. *Ред.*

*** Там же. Песнь XXIV, стих 54. *Ред.*

сказать, из всех прочих философов каждый подпал под власть таких воззрений».

Впрочем, в данном месте самой «Метафизики» выражено противоречие.

[3] *Диоген Лаэрций,* IX, 72: «Но даже и Ксенофан, и Зенон Элейский, и Демокрит, по их мнению, — скептики... Демокрит же [говорит]: «и опять-таки доподлинно мы ничего не знаем, ибо истина сокрыта в бездонной глубине»».

[4] Ср. *Риттер,* «История древней философии», ч. I, стр. 579 и сл.

[5] *Диоген Лаэрций,* IX, 44: «По его» (т. е. Демокрита) «взгляду, первоначалами всего сущего являются атомы и пустота, все остальное — плод условного признания, мнение».

[6] *Диоген Лаэрций,* IX, 72: «...Демокрит же отвергает качества там, где он говорит: «только во мнении существует холодное, только во мнении существует теплое; в действительности же — только атомы и пустота»».

[7] *Симплиций,* в схолиях к Аристотелю (собр. Брандисом), стр. 488: «Из них [т. е. атомов], однако, действительно единой природы он» (т. е. Демокрит) «отнюдь не производит. Ибо совершенно наивно [воображать], чтобы два или многое могли когда-либо образовать одно».

Там же, стр. 514: «И вот потому-то они» (т. е. Демокрит и Левкипп) «отрицали как образование множества из единого.., так и образование из множества — подлинно целостного единства. Но это только кажется, что в результате соединения атомов возникает то или другое единое целое».

[8] *Плутарх,* «Колот», стр. 1111: «...атомы, называемые им» (т. е. Демокритом) «идеями».

[9] Ср. *Аристотель,* указ. место.

[10] *Диоген Лаэрций,* X, 121: «Он» (т. е. мудрец) [говорит Эпикур] «будет выступать с положительными учениями, а не будет теряться в спорных вопросах».

[11] *Плутарх,* «Колот», стр. 1117: «Ибо одно из положений Эпикура гласит: «никто, кроме мудреца, ни в чем не убежден так непоколебимо, чтобы его нельзя было разубедить»».

[12] *Цицерон,* «О природе богов», I, 25: «По его» (т. е. Эпикура) «утверждению, *все чувства* суть *вестники истинного*».

Ср. *Цицерон,* «О высшем добре и зле», I, 7.

(Плутарх), «О мнениях философов», IV, стр. 287: «По Эпикуру, всякое ощущение и всякое представление истинны».

[13] *Диоген Лаэрций,* X, 31: «Итак, в своем «Каноне» Эпикур утверждает, что критериями истины являются чувственные восприятия, а также пролепсисы и чувствования,.. и нет ничего, что могло бы их опровергнуть». 32: «В самом деле, однородное чувственное восприятие не может опровергнуть другое однородное с ним, так как они равносильны, а неоднородное не может опровергнуть неоднородное, ибо судят они не об одном и том же. И вообще, одно чувственное восприятие не может быть судьей другого: ибо ко всем ним мы равно прислушиваемся. Но не может быть судьей чувственных восприятий и разум; ибо сам он целиком зависит от них».

[14] *Плутарх,* «Колот» указ. место: «То, что сказал Демокрит, а именно, что цвет, сладость, соединение — все это существует лишь в общепризнанном мнении, [а в действительности все это только пустота и] атомы, это, гово-

рит он [т. е. Колот], [противоречит] чувственным восприятиям... Возражать против этого утверждения мне нечего, я могу только сказать, что приведенные положения в такой же степени неотделимы от положений Эпикура, как, по их [эпикурейцев] собственному высказыванию, форма и вес от атома. Ведь что утверждает Демокрит? — Неисчислимые в своем множестве сущности, неделимые и неразличимые, бескачественные и неподвергающиеся воздействию, несутся рассеянные в пустоте. Когда они приближаются друг к другу или сталкиваются, или переплетаются, то от скопления их получается впечатление то воды, то огня, то растения, то человека, но все это на самом деле атомы, называемые, по Демокриту, идеями, и ничто другое. Ибо, мол, исключено [всякое] возникновение из несуществующего, а из [существующего] ничего не может образоваться, вследствие того что атомы по своей непроницаемости не допускают ни воздействий извне, ни внутренних изменений; отсюда значит, ни цвет не может образоваться из бесцветного, ни природа или душа не может образоваться из бескачественного. Итак, следует поставить в упрек Демокриту отнюдь не то, что он допускает выводы из [существования] своих первоначал, а то, что он выдвигает такие первоначала, из которых вытекают такие выводы... *А об Эпикуре утверждает, что он полагает* [в основу всего] *те же первоначала* [что и Демокрит], *но не говорит, что цвет... и прочие качества существуют лишь во мнении*».

[15]) *Цицерон,* «О высшем добре и зле», I, 6: «Солнце представляется великим по своим размерам Демокриту, как человеку ученому и вполне овладевшему геометрией, а вот ему» (т. е. Эпикуру) «оно представляется величиной всего, примерно, в два фута; он, значит, считает, что величина солнца *в действительности* такова, какой она нам кажется». Ср. *Плутарх,* «О мнениях философов», II, стр. 265.

[16]) *Диоген Лаэрций,* IX, 37: «Не только в физике и этике, но и в математике и в общеобразовательных науках, а также в области всех искусств он» (т. е. Демокрит) «обладал всей полнотой знаний».

[17]) Ср. *Диоген Лаэрций,* [IX], § 46—[49].

[18]) *Евсевий,* «Евангельское подготовление», X, стр. 472: «Где-то по этому поводу он» (т. е. Демокрит) «о себе с похвальбой говорит: «...Из всех моих современников я объехал наибольшую часть земли, исследуя самое отдаленное; я видел наибольшее число земель и стран, и я слушал речи наибольшего числа ученых людей, а в комбинировании линий, связанном с доказательством, никто меня не превзошел, даже египетские так называемые арсипедонапты. Во всех этих [странствованиях] я пробыл на чужбине в продолжение восьмидесяти лет». Он в самом деле объездил Вавилонию, Персию и Египет и учился у египетских жрецов».

[19]) *Диоген Лаэрций,* IX, 35: «Деметрий в своем произведении «Одноименные авторы» и Антисфен в своем произведении «Диадохи» утверждают, что он» (т. е. Демокрит), «пустившись в путешествие, побывал в Египте у тамошних жрецов для изучения геометрии, потом у халдеев в Персии и доезжал до Красного моря. Некоторые утверждают, что он встречался с гимнософистами в Индии и что он побывал в Эфиопии».

[20]) *Цицерон,* «Тускуланские беседы», V, 39: «Когда Демокрит лишился зрения,.. он, этот муж, полагал еще, что зрение даже является препятствием для остроты ума, и, в то время как другие часто не видели того, что находилось у их ног, он обозревал бесконечность, не останавливаясь ни на каком пределе».

Цицерон, «О высшем добре и зле», V, 29: «Демокрит.., который, говорят, ослепил себя с той именно целью, *чтобы ум его как можно менее отвлекался от размышлений*».

[21] *Луц. Анн. Сенека,* Соч., II. Письмо 8, стр. 24 (изд. амстердамское, 1672): «До сих пор мы повторяем за Эпикуром: «...ты должен служить философии, чтобы достигнуть истинной свободы. Тому, кто подчинился и весь отдался ей, не приходится долго ждать; он тотчас же становится свободным. Ибо само служение философии есть свобода»».

[22] *Диоген Лаэрций,* X, 122: «Не должно ни в юности откладывать занятия философией на будущее время, ни в старости прекращать их. Ибо для забот о здоровье души никто не бывает ни недозревшим, ни перезревшим. А тот, кто говорит, что время для занятий философией еще не наступило или уже миновало, похож на того, кто утверждает, что для счастья час еще не наступил или что он уже прошел. Пусть же философствуют и старик и юноша; первый — чтобы, старея, он черпал молодость в благах, которые ему доставила его прекрасная жизнь в прошлом; второй — чтобы, будучи молодым, он обладал, подобно старцу, бесстрашием перед будущим». Ср. *Климент Александрийский,* IV, стр. 501.

[23] *Секст Эмпирик,* «Против математиков», [кн. I], стр. 1: «Ученики Эпикура и последователи Пиррона занимают, по-видимому, одинаковую позицию в полемике против представителей наук, но исходные предпосылки у них не одинаковы. Ведь эпикурейцы полагают, что науки ничем не содействуют достижению мудрости».

[24] *Секст Эмпирик,* там же, стр. 11: «К числу их следует причислить Эпикура, хотя он, по-видимому, и относится враждебно к представителям наук».

Там же, стр. 54: «...противники грамматики, Пиррон и Эпикур».

Ср. *Плутарх,* «О том, что следуя Эпикуру невозможно жить счастливо», стр. 1094.

[25] *Цицерон,* «О высшем добре и зле», I, 21: «Итак, не Эпикур был необразован, а невежественны те, которые думают, что вплоть до старости следует учиться тому, чего стыдно не знать мальчику».

[26] *Диоген Лаэрций,* X, 13: «Аполлодор в «Хронике» говорит, что он» (т. е. Эпикур) «был слушателем Лисифана и Праксифана. Сам же он отрицает это и в письме к Эвридику говорит, что слушал себя самого».

Цицерон, «О природе богов», I, 26: «Хвалится он» (т. е. Эпикур), «что никого не имел своим учителем, а я бы и так, без его бахвальства, этому легко поверил».

[27] *Сенека,* Письмо 52, стр. [176]—177: «Есть люди, говорит Эпикур, которые в своих стремлениях к истине обходятся без всякой посторонней помощи; он из числа тех, кто сам проложил себе дорогу. Этих-то людей он больше всего хвалит как таких, которые по внутреннему побуждению выдвинулись сами, самостоятельно. С другой стороны, есть люди, нуждающиеся в чужой помощи; сами они не пойдут вперед, если никто другой не откроет пути перед ними, но зато уж тогда они будут следовать усердно. К числу таких относит он Метродора. Это, мол, тоже выдающийся ум, но только уже второго разряда».

[28] *Диоген Лаэрций,* X, 10: «Хотя Греция тогда переживала самые тяжелые времена, он [Эпикур] постоянно оставался там и только два или три раза ездил к друзьям в Ионию. Последние сами съезжались

к нему отовсюду и жили вместе с ним в саду, как говорит о том и Аполлодор, [по словам которого] этот сад Эпикур купил за 80 мин».

[29] *Диоген Лаэрций,* X, 15: «...тогда-то, как передает Гермипп, он [Эпикур] сел в медную ванну, наполненную теплой водой, попросил чистого вина и глотнул». § 16: «Затем, наказав друзьям помнить его учения, он скончался».

[30] *Цицерон,* «О судьбе», X: «Эпикур... [полагал], что есть возможность уклониться от роковой необходимости... Демокрит же предпочел принять, что все происходит в силу необходимости».

Цицерон, «О природе богов», I, 25: «Чтобы избегнуть необходимости, он [Эпикур] измыслил такое средство, до которого Демокрит, очевидно, не додумался».

Евсевий, «Евангельское подготовление», I, стр. 23 и сл.: «Демокрит из Абдер... [полагает], что все вообще, и прошедшее, и настоящее, и будущее, искони целиком предопределяется необходимостью».

[31] *Аристотель,* «О происхождении животных», V, 8: «Демокрит... все сводит к *необходимости*».

[32] *Диоген Лаэрций,* IX, 45: Демокрит «утверждает, что все совершается в силу *необходимости,* что вихреобразное вращение есть причина происхождения всего, и его-то он и называет необходимостью».

[33] *(Плутарх),* «О мнениях философов», I, стр. 352: «По Пармениду и Демокриту, все совершается в силу *необходимости:* это она есть *судьба,* и *право,* и *провидение,* и *созидательница мира*».

[34] *Стобей,* «Эклоги физические», I, 8: «Парменид и Демокрит утверждают, что все совершается в силу *необходимости* и что она есть *судьба,* и *право,* и *провидение* [и созидательница мира]. Левкипп утверждает, что все совершается в силу *необходимости,* необходимость же есть *судьба...* Ни одна вещь не возникает беспричинно, но все [возникает] в причинной связи и в силу *необходимости*».

[35] *Евсевий,* «Евангельское подготовление», VI, стр. 257: «*Судьба,* рок... для него (т. е. Демокрита) — это результат стремительного движения вниз и движения вверх указанных малых телец, взаимно переплетающихся и разъединяющихся, то расходящихся, то сходящихся в силу *необходимости*».

[36] *Стобей,* «Эклоги этические», II: «Люди измыслили себе призрак случая, [как благовидное] оправдание своей собственной беспомощности; на самом деле только для слабого разума случай является противодействием».

[37] *Евсевий,* «Евангельское подготовление», XIV, стр. 782 и сл.: «Ставя во главе всего сущего случайность, как владычицу и царицу над всем божественным, и доказывая, что все происходит по ее произволу, он (т. е. Демокрит) в то же время исключает ее из жизни человеческой, а тех, кто выступает в пользу ее признания, клеймит как людей безрассудных. Вот что по крайней мере он говорит в начале своих «Заветов»: «Люди измыслили себе призрак случая в оправдание собственного неразумия. Ведь рассудок по своей природе восстает против случая. И вот этот злейший враг разумности, по их утверждениям, сильней ее; больше того, устраняя разумность совершенно и умалчивая о ней, они ставят на место разумности — случай. Ведь и гимны поют они не благотворной разумности, а благоприятнейшему случаю»».

38) *Симплиций,* указ. соч., стр. 351: «Выражение «в старину говорили — случайности не существует» как будто прямо подразумевает Демокрита».

39) *Диоген Лаэрций,* X, 133: «...что касается судьбы, которая вводится некоторыми в качестве верховной повелительницы, то он» (т. е. Эпикур) «объявляет ее несуществующей. Но [по его мнению] одно зависит от случая, другое — от нас самих, ввиду того, что необходимость безответственна, а случай, видимо, непостоянен; зависящее же от нас — произвольно, а потому за ним неотступно следует как порицание, так и его противоположность». 134: «Уж лучше было бы следовать мифу о богах, чем быть рабом предопределения физиков. Ибо миф этот оставляет надежду на умилостивление богов посредством их почитания, предопределение же заключает в себе неумолимую необходимость. Что касается случая, то он не принимает его за божество, как это делает толпа...»

40) *Сенека,* «Письма», XII, стр. 42: «Несчастье — жить в необходимости, но жить в необходимости вовсе не является необходимостью... Пути к свободе везде открыты, их много, они коротки и легки. Возблагодарим же бога за то, что никого нельзя удержать в жизни. Обуздать самое необходимость — дозволено,.. сказал... Эпикур».

41) *Цицерон,* «О природе богов», I, 20: «Но что следует думать о такой философии (т. е. стоической), по воззрению которой, — как это представляется старушонкам, и притом невежественным, — все происходит по воле рока... Избавленные Эпикуром [от этих страхов] и получившие свободу...»

42) *Цицерон,* там же, гл. 25: «Тем же приемом пользуется он «(т. е. Эпикур)» и в своей полемике против диалектиков. Последние учили, что во всех разделительных суждениях, в которых ставится дилемма *«или да, или нет»,* — верно одно из двух. Испугавшись, как бы в случае допущения альтернативы вроде той, например, что *«Эпикур либо будет жив завтра, либо нет»,* не оказалось одно из двух неизбежным, — он целиком отверг обязательную силу этого «или да, или нет»».

43) *Симплиций,* указ. соч., стр. 351: «...но вот и Демокрит — там, где он требует по какому-нибудь принципу устанавливать различия между многообразными видами, — не говорит, как и на каком основании; потому и похоже на то, что он допускает их самопроизвольное и случайное зарождение».

Симплиций, указ. соч., стр. 352: «И этот последний» (т. е. Демокрит) «ведь тоже признавал случай при созидании мира».

44) Ср. *Евсевий,* указ. соч., XIV, стр. [781]—782: «...и вот так-то попусту и беспочвенно мудрствуя, он» (т. е. Демокрит), «исходя из пустого начала и шаткого основания, не видя корня и общей необходимости природы вещей, почитал за величайшую мудрость уразумение слепых случайностей».

45) *Симплиций,* указ. соч., стр. 351: «Вот, например, если кто, почувствовав жажду, напьется холодной воды и станет здоров, то Демокрит, конечно, не скажет, что случай тому причиной, а [будет считать причиной] обуявшую его жажду».

Там же, стр. 351: «Он» (т. е. Демокрит), «оказывается, тоже допускал случай при сотворении мира. А в явлениях более частичного характера он ни для одного из них не считает причиной случай, но относит эти явления на счет других причин, как, например, причиной находки клада

[выставляет] рытье ямы или причиной роста оливкового дерева — его посадку».

Ср. *Симплиций,* указ. соч., стр. 351: «А в явлениях частичного характера он» (т. е. Демокрит) «ни для одного не признает случай причиной».

46) *Евсевий,* указ. соч., XIV, стр. 782: «Демокрит сам, как говорят, заявлял, что он предпочел бы [открытие] одной причинной связи персидскому престолу».

47) *(Плутарх),* «О мнениях философов», II, стр. 261: «Эпикур не отвергает ни одного из этих мнений» (т. е. мнений философов о субстанции природы) *, «[придерживаясь] возможного».

(Плутарх), указ. соч., стр. 265: «Эпикур опять-таки утверждает, что все вышеприведенные мнения [о величине солнца] возможны».

Там же: «Эпикур [признает], что все вышеприведенные мнения возможны».

Стобей, «Эклоги физические», I, стр. 54: «Эпикур не отвергает ни одного из этих мнений [относительно звезд], придерживаясь возможного».

48) *Сенека,* «Вопросы природы», [VI], XX, стр. 802, т. II: «Эпикур утверждает, что все эти причины могут существовать, и пытается дать еще ряд других; при этом он порицает тех, кто утверждает, что имеется лишь какая-нибудь одна из этих причин: ведь трудно ручаться за какую бы то ни было достоверность в таких вещах, о которых приходится, по необходимости, строить одни только предположения».

49) Ср. II часть, 5 гл.

Диоген Лаэрций, X, 88: «Однако должно подвергать наблюдению каждое [небесное] явление в том виде, как оно нам представляется и объяснять все, что связано с ним. Этому не будет противоречить многообразие происходящих [на земле] явлений... Ведь это может произойти всякими способами: ибо ни одно из явлений не свидетельствует о противном...»

50) *Диоген Лаэрций,* X, 80: «Далее, нужно остерегаться предрассудка, что исследование этих [небесных] явлений не точно и не тонко, поскольку оно приводит нас к атараксии и к блаженству».

IV. ОБЩЕЕ ПРИНЦИПИАЛЬНОЕ РАЗЛИЧИЕ МЕЖДУ НАТУРФИЛОСОФИЕЙ ДЕМОКРИТА И НАТУРФИЛОСОФИЕЙ ЭПИКУРА

1) Плутарх в своей биографии Мария дает отталкивающую историческую иллюстрацию того, как эта моралистическая манера уничтожает всякое теоретическое и практическое бескорыстие. Описав ужасную гибель кимвров, он повествует: трупов было такое множество, что массалиоты [59] могли удобрять ими свои виноградники. Затем наступили дожди, и это был самый обильный вином и плодами год. На какие же размышления наводит благородного историка трагическая гибель этого народа? Плутарх находит вполне моральным со стороны бога, что

* Слова в скобках принадлежат Марксу и приведены в диссертации на немецком языке. *Ред.*

он дал погибнуть и сгнить целому большому благородному народу, лишь бы доставить обильный сбор плодов марсельским филистерам. Таким образом, даже превращение целого народа в навозную кучу дает желанный повод к тому, чтобы предаваться сладостным морализирующим мечтаниям!

[2] Также и по отношению к Гегелю ученики его проявляют только свое невежество, когда они то или иное определение его системы объясняют приспособлением и тому подобным, одним словом, объясняют *морально*. Они забывают, что еще совсем недавно они с восторгом повторяли все его односторонности, как это можно со всей очевидностью доказать им примерами из их собственных произведений.

Если они действительно были так поражены полученной в готовом виде наукой, что отдались ей с наивным некритическим доверием, то как бессовестно бросать учителю упрек в том, будто за высказываемыми им взглядами скрываются тайные намерения, упрекать в этом учителя, для которого наука не была чем-то полученным в готовом виде, а еще только создавалась, так что до самой ее отдаленной периферии пульсировала духовная кровь его собственного сердца. Напротив, они этим дают повод заподозрить их самих в том, что они прежде не относились серьезно к делу и что теперь они борются против своего прежнего состояния, приписывая его Гегелю. Но они забывают при этом, что Гегель стоял в непосредственном, субстанциальном отношении к своей системе, они же — в рефлектированном.

Вполне мыслимо, что философ совершает ту или иную кажущуюся непоследовательность в силу того или иного приспособления; он может даже сознавать это. Но одного он не сознает, а именно, что сама возможность подобного кажущегося приспособления имеет свои наиболее глубокие корни в недостаточности его принципа или в недостаточном понимании философом своего принципа. И если бы философ действительно приспособлялся, то дело его учеников — объяснить *из его внутреннего, существенного сознания* то, что *для него самого* имело форму *экзотерического сознания*. То, что является прогрессом совести, представляет, таким образом, вместе с тем, прогресс знания. Тут не заподазривается личная совесть философа, а конструируется существенная форма его сознания; последняя приобретает определенное очертание и значение, — и тем самым совершается выход за ее пределы.

Я, впрочем, рассматриваю это нефилософское направление значительной части гегелевской школы как явление, которое

всегда будет сопровождать переход от дисциплины к свободе.

Таков психологический закон, что ставший в себе свободным теоретический дух превращается в практическую энергию и, выступая как *воля* из царства теней Амента, обращается против земной, существующей помимо него действительности. (Но в философском отношении важно резче оттенить специфические черты этих сторон, так как из определенного способа этого превращения возможно обратное заключение к имманентной определенности и всемирно-историческому характеру той или иной философии. Мы словно видим здесь ее curriculum vitae * в его наиболее сосредоточенном выражении, в его субъективной заостренности.) Однако сама *практика* философии *теоретична*. Именно *критика* определяет меру отдельного существования по его сущности, а меру особой действительности — по ее идее. Однако это *непосредственное осуществление* философии по своей внутренней сущности полно противоречий, и эта ее сущность формируется в явлении и налагает на него свою печать.

В то время как философия в качестве воли выступает против являющегося мира, система низводится до абстрактной целостности, т. е. она становится одной стороной мира, которой противостоит другая его сторона. Отношение философской системы к миру есть отношение рефлексии. Одушевленная стремлением осуществить себя, она вступает в напряженное отношение к остальному. Внутренняя самоудовлетворенность и замкнутость нарушены. То, что было внутренним светом, превращается в пожирающее пламя, обращенное наружу. Таким образом, в результате получается, что в той мере, в какой мир становится философским, философия становится мирской, что ее осуществление есть вместе с тем ее потеря, что то, против чего она борется вне себя, есть ее собственный внутренний недостаток, что именно в борьбе она сама впадает в те ошибки, против которых она и борется, и что, лишь впадая в эти ошибки, она уничтожает их. То, что́ выступает против нее и против чего она борется, является всегда тем же, что́ и она сама, только с обратным знаком.

Такова одна сторона, если мы будем рассматривать дело *чисто объективно,* как непосредственное осуществление философии. Но оно имеет и *субъективную* сторону, что́ является лишь другой формой его. Это — *отношение* осуществляющейся *философской системы к ее духовным носителям,* к отдельным самосознаниям, в которых проявляется ее поступательное дви-

* — жизненный путь. *Ред.*

жение. Из самого этого отношения, которое в осуществлении философии противостоит миру, следует, что этим отдельным самосознаниям всегда присуще *обоюдоострое требование:* одно острие направлено против мира, другое — против самой философии. Ибо то, что в самом предмете выступает как превратное внутри самого себя отношение, в этих самосознаниях выступает как двоякое, противоречащее самому себе, требование и действие. Освобождая мир от внефилософского состояния, они в то же время освобождают самих себя от философии, которая в качестве определенной системы держала их в оковах. Так как они сами находятся только в процессе развития и охвачены его непосредственной энергией, следовательно, не вышли еще в теоретическом отношении за пределы этой системы, то они испытывают лишь противоречие с пластическим равенством системы себе самой и не знают, что, обращаясь против нее, они осуществляют только ее отдельные моменты.

Наконец, эта двойственность философского самосознания выступает как два до крайности противоположных направления; одно из этих направлений мы в общем можем назвать *либеральной* партией, — оно удерживает понятие и принцип философии; другое же направление сохраняет как главное определение *то, что не есть понятие,* — момент реальности. Это второе направление есть *позитивная философия* [60]. Действием первого направления является критика, следовательно как раз обращение философии вовне; действием второго — попытка философствовать, следовательно — уход философии в себя, причем это второе направление полагает, что недостаток имманентен философии, тогда как первое направление понимает его как недостаток мира, который надо сделать философским. Каждая из этих партий делает именно то, что хочет делать другая и чего она сама делать не хочет. Но первая в своем внутреннем противоречии сознает свой принцип вообще и свою цель. Во второй проявляется превратность, так сказать, бессмысленность как таковая. По содержанию только либеральная партия, как партия понятия, может привести к реальному прогрессу, между тем как позитивная философия в состоянии привести только к таким требованиям и тенденциям, форма которых противоречит их значению.

То, следовательно, что является сначала превратным отношением и враждебным расколом между философией и миром, становится потом расколом отдельного философского самосознания внутри самого себя и, наконец, проявляется как внешнее разделение и раздвоение философии, как два противоположных философских направления.

Понятно, что кроме того появляется откуда-то еще масса второстепенных, назойливых, лишенных всякой индивидуальности фигур. Одни из них прячутся за спиной какого-нибудь философского великана прошлого; но вскоре из-под львиной шкуры становится виден осел, жалкой пародией звучит плаксивый голос какого-нибудь новоиспеченного манекена в сравнении, например, с могучим, оглашавшим целые столетия, голосом Аристотеля, непрошенным органом которого этот манекен себя сделал; это напоминает немого, который захотел бы заменить недостаток речи огромным рупором. Или же какой-нибудь вооруженный двойными очками лилипут, стоя на крохотной точке posterius'а * великана, с удивлением возвещает миру, какой поразительно новый горизонт открывается с этой его точки зрения, и делает смешные усилия доказать, что не в бурных порывах сердца, а в той плотной, массивной основе, на которой он стоит, найдена точка Архимеда, ποῦ στῶ, та точка опоры, на которой держится мир. Так появляются философы волос, ногтей, пальцев, экскрементов и тому подобные субъекты, которые должны представлять еще худшие места в мистическом мировом человеке Сведенборга. Однако по существу своему все эти слизняки принадлежат обоим упомянутым направлениям, входя в них как в свою стихию. Что касается самих этих направлений, то я в другом месте вполне выясню их отношение частью друг к другу, частью к гегелевской философии, а также отдельные исторические моменты, в которых проявляется это развитие.

[3] *Диоген Лаэрций*, IX, 44: «...ничто не возникает из несуществующего и ничто не переходит в несуществующее» (Демокрит).

Диоген Лаэрций, X, 38: «Во-первых, ничто не возникает из несуществующего: ибо в таком случае все что угодно могло бы возникнуть из чего угодно...». 39: «И если бы то, что уничтожается, исчезало, превращаясь в ничто, то все вещи совершенно исчезли бы, так как то, во что они разрешались бы, было бы ничто. Но на самом деле вселенная всегда была такой, какова она теперь, и вечно останется такой же. Ведь нет ничего, во что она могла бы превратиться» (Эпикур).

[4] *Аристотель*, «Физика», I, 4: «Ведь если все, что возникает, по необходимости может возникать либо из существующего, либо из несуществующего, причем возникновение из несуществующего невозможно; это мнение разделяется абсолютно всеми...»

[5] *Фемистий*, «Схолии к Аристотелю» (собр. *Брандисом*), лист 42, стр. 383: «Ведь подобно тому как «ничто» не имеет никакого отличительного признака, так точно и пустота. Ибо «пустое» есть нечто *несуществующее* и *отсутствие всего*, говорит он [т. е. Демокрит] и т. д.»

* — зада. *Ред.*

[6]) *Аристотель,* «Метафизика», I, 4: «Левкипп и его сотоварищ Демокрит признают элементами полное и пустое, называя одно сущим, другое небытием, а именно: полное и плотное — сущим, а пустое и полое — небытием. Поэтому они и говорят, что бытие существует отнюдь не более, чем небытие, потому что и пустота существует так же, как и тело».

[7]) *Симплиций,* указ. соч., стр. 326: «И Демокрит признает [за первоначала] полное и пустое, из которых первое называет существующим, а второе — несуществующим».

Фемистий, указ. соч., стр. 383: «Ибо «пустое» есть нечто несуществующее и отсутствие всего, говорит Демокрит».

[8]) *Симплиций,* указ. соч., стр. 488: «Демокрит полагает, что природу вечных начал образуют малые сущности в бесчисленном множестве; для них он отводит еще особое место, беспредельное по величине, причем он именует это место следующими названиями: пустота, ничто, беспредельность, а каждую из сущностей называет: нечто, плотное, сущее».

[9]) Ср. *Симплиций,* указ. соч., стр. 514: «Единое и многое».

[10]) *Диоген Лаэрций,* X, § 40: «Если бы не было того, что мы называем *пустотой,* пространством и неосязаемой природой...»

Стобей, «Эклоги физические», I, стр. 39: «Эпикур вперемежку пользуется всякими названиями — пустота, место, пространство».

[11]) *Стобей,* «Эклоги физические», I, стр. 27: «Называется же [такое тело] атомом не потому, что оно самое меньшее».

[12]) *Симплиций,* указ. соч., стр. 405: «Другие же, отрицающие делимость до бесконечности на том основании, что мы не можем делить до бесконечности и таким путем убедиться в [возможности] бесконечного деления, говорили, что тела состоят из неделимых и разлагаются на них. Разница только в том, что Левкипп и Демокрит признают причиной неделимости первотелец не только их непроницаемость, но также малость и отсутствие частей; Эпикур же, живший позже, отрицает, что они не имеют частей, и неделимость их обосновывает их непроницаемость. Много раз подвергал разбору учение Демокрита и Левкиппа Аристотель, и, вероятно, под влиянием критических замечаний последнего, направленных против отрицания частей у первотелец, позднее выступивший Эпикур, сочувствуя учению Демокрита и Левкиппа о первотельцах, сохранил за ними, т. е. первотельцами, по крайней мере свойство непроницаемости...»

[13]) *Аристотель,* «О возникновении и уничтожении», I, 2: «Что же касается худшей способности рассматривать общепризнанное, то тут виной всему недостаток опытного знания. Поэтому лица, более твердые в познании природы, и более способны выдвигать такие основные положения, которые далеко простирают свою объединяющую силу. А люди, не ориентированные в явлениях действительности в результате долгих размышлений, видят лишь немногое и судят легкомысленнее. Из этого всякий может видеть, какая великая разница между мыслителями, исходящими из явлений природы, и мыслителями, исходящими из логических рассуждений. Ведь относительно существования неделимых величин некоторые утверждают, что даже треугольник как таковой многообразен. Напротив, Демокрит, надо полагать, пришел к своим убеждениям в результате самостоятельных выводов из данных природы».

[14] *Диоген Лаэрций,* IX, [§ 40]: «Аристоксен в своих «Исторических записках» передает, что Платон задумал было сжечь все сочинения Демокрита, какие только он смог собрать; но пифагорейцы Амикл и Клиний его удержали, так как это было бы бесполезно, ввиду того что эти книги имеются уже у многих. Действительно, Платон, упоминая почти всех древних мыслителей, ни разу не упоминает Демокрита даже там, где ему приходится по какому-нибудь вопросу возражать [Демокриту]. Очевидно, Платон понимал, что спорить пришлось бы с наиболее выдающимся из философов».

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

О РАЗЛИЧИИ МЕЖДУ ФИЗИКОЙ ДЕМОКРИТА И ФИЗИКОЙ ЭПИКУРА В ЧАСТНОСТЯХ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ОТКЛОНЕНИЕ АТОМА ОТ ПРЯМОЙ ЛИНИИ

[1] *Стобей,* «Эклоги физические», I, стр. 33: «По Эпикуру... атомы движутся, то падая прямолинейно, то путем отклонения, а движение вверх — результат удара и отталкивания».

Ср. *Цицерон,* «О высшем добре и зле», I, 6. *Плутарх,* «О мнениях философов», стр. 249. *Стобей,* указ. соч., стр. 40.

[2] *Цицерон,* «О природе богов», I, 26: «Что в физике Эпикура не от Демокрита? Ведь если он [Эпикур] и внес некоторые *изменения,* как, например, в только что упомянутом вопросе об *отклонении атомов...*»

[3] *Цицерон,* «О высшем добре и зле», I, 6: «...ведь он» (т. е. Эпикур) «утверждает, что эти неделимые и плотные тела несутся в силу своей тяжести вниз по прямой линии: это и есть, по его мнению, естественное движение всех тел. Затем тут же его, как *человека острого ума,* осенила мысль, что если бы все атомы двигались сверху вниз и, как я уже сказал, по прямой линии, то никогда ни один атом не пришел бы в соприкосновение с другим, — и он преподнес такого рода выдумку: он заявил, что атом чуть-чуть (меньше чего ничто не может быть) отклоняется. Отсюда-де возникают сплетения, сочетания и сцепления атомов между собой, и в результате образуется мир, все части мира и все, что в нем содержится».

[4] *Цицерон,* «О природе богов», I, 25: «Так как Эпикур понял, что если бы атомы вследствие своей собственной тяжести неслись вниз, то от нашей власти ничего бы не зависело, ибо движение атомов является определенным и необходимым, — то он, чтобы избегнуть необходимости, измыслил такое средство, до которого Демокрит, очевидно, не додумался. Эпикур говорит, что атом, хотя он и несется сверху вниз вследствие своего веса и тяжести, все же чуть-чуть отклоняется. Утверждать это постыднее, чем не уметь доказать то, чего он хочет».

Ср. *Цицерон,* «О судьбе», X.

[5] *Бейль,* «Исторический и критический словарь», см. «Эпикур».

[6] *Шаубах,* «Об астрономических понятиях Эпикура» («Archiv für Philologie und Pädagogik» Зеебоде, Яна и Клоца, т. V, вып. IV, [Лейпциг, 1839], стр. 549).

[7]) *Лукреций*, «О природе вещей», II, 251 и сл.:
«Если ж движения все непрерывную цепь образуют
И возникают одно из другого в известном порядке,
. . . .
. . . .
Как и откуда, скажи, появилась свободная воля?»

[8]) *Аристотель*, «О душе», I, 4, 16—17: «Как на самом деле мыслить движение монады? Кем и как приводится она в движение, неделимая на части и лишенная отличительных признаков? Ведь если она способна приводить в движение и сама подвижна, то в таком случае она должна иметь отличительные признаки. *Кроме того, если говорят, что движение линии образует поверхность, а движение точки — линию, то в таком случае и движения монад будут линиями*».

[9]) *Диоген Лаэрций*, X, 43: «Движутся атомы *постоянно*».
Симплиций, указ. соч., стр. 424: «[Ученики] Эпикура признают *вечность* движения».

[10]) *Лукреций*, «О природе вещей», II, 253 и сл.:
«И коль не могут путем отклонения первоначала
Вызвать движений иных, разрушающих рока законы,
Дабы причина не шла за причиною испокон века...»

[11]) *Лукреций*, там же, II, 279 и сл.:
«...в груди нашей скрыто
Нечто, что против нее восстает и бороться способно».

[12]) *Цицерон*, «О высшем добре и зле», I, 6: «И все-таки он [Эпикур] не достигает того, ради чего он это выдумал; ибо если бы все атомы отклонялись, то никогда между ними не произошло бы никаких сцеплений; либо же одни атомы отклонялись бы, а другие были бы увлечены движением по прямой линии. Это все равно, как если бы указать определенные места атомам — каким нестись прямо, каким вкось».

[13]) *Лукреций*, указ. соч., [II], 293.

[14]) *Цицерон*, «О судьбе», X: «Атом отклоняется на самое малое расстояние, которое Эпикур называет наименьшим».

[15]) *Цицерон*, там же: «Беспричинность этого отклонения он [Эпикур] вынужден признать, если не прямо на словах, то по существу».

[16]) *Плутарх*, «О происхождении души», VI (т. VI, стр. 8, изд. стереотипное): «Они не признают за Эпикуром права допускать отклонение атома, хотя бы на волос, так как полагают, что он вводит беспричинное движение от несуществующей исходной точки».

[17]) *Цицерон*, «О высшем добре и зле», I, 6: «Да и само отклонение есть произвольная выдумка, — ведь он говорит, что *атом отклоняется без причины, а ничего нет для физика постыднее, как утверждать, что то или другое совершается без причины*, — и без всякого основания он [Эпикур] лишил атомы, вопреки собственным положениям, движения по прямой линии вниз, естественного для всего весомого».

[18]) *Бейль*, указ. соч.

[19]) *Августин*, «Письма», 56.

[20]) *Диоген Лаэрций*, X, 128: «Ведь все наши действия направлены к одной этой цели, к тому, чтобы не испытывать страдания и страха».

21) *Плутарх,* «О том, что следуя Эпикуру невозможно жить счастливо», стр. 1091: «Существуют подобные же заявления и самого Эпикура, утверждающего, что «сущность добра состоит в том, чтобы избегать зла»».

22) *Климент Александрийский,* «Ковры», II, стр. 415: «Эпикур же полагает, что устранение страдания и есть наслаждение».

23) *Сенека,* «О благодеяниях», IV, стр. 699: «Значит, божество не расточает милостей, но, далекое от всяких забот и не интересуясь нами, оно даже не смотрит на мир, добрые дела столь же мало трогают его, как и беззакония».

24) *Цицерон,* «О природе богов», I, 24: «...ты, например, говорил, что в боге есть не тело, а квазитело, не кровь, но квазикровь».

25) *Цицерон,* «О природе богов», I, 38: «...какую же пищу, какие напитки, какое разнообразие звуков и цветов, какие осязательные ощущения или же какие ароматы ты преподнесешь богам, чтобы доставить им наслаждение?..». 39: «...как же ты можешь требовать от людей почитания богов, если боги не только не почитают людей, но вообще ни о чем не заботятся, ничего не делают? Но, возражаешь ты, природа их так возвышенна и превосходна, что она сама по себе должна влечь мудреца к ее почитанию. — Да разве может быть что-нибудь возвышенное в природе существ, которые, замыкаясь в самоуслаждении, ничего никогда не намерены делать, ничего не делают и раньше также пребывали в бездействии?»

26) *Плутарх,* «О том, что следуя Эпикуру невозможно жить счастливо», стр. [1100] — 1101: «Учение эпикурейцев уничтожает страх и суеверие, но не дает радости и благосклонности богов. Это учение ставит нас к богам в такое отношение, при котором нам нет от них ни беспокойства, ни радости, как от рыб Гирканского моря[54], от которых нам нельзя ожидать ни хорошего, ни плохого».

27) *Аристотель,* «О небе», II, 12: «...то, что пребывает в наилучшем состоянии, не нуждается в действии, ибо оно само есть цель».

28) *Лукреций,* «О природе вещей», II, 221 и сл.:

«Если ж, [как капли дождя], они вниз продолжали бы падать,
[Не отклоняясь ничуть на пути в пустоте необъятной,]
То никаких бы ни встреч, ни толчков у начал не рождалось,
И ничего никогда породить не могла бы природа».

29) *Лукреций,* «О природе вещей», II, 284 и сл.:

«И потому в семенах, помимо ударов и веса,
Должен ты также признать и другую причину движений,
Чем обусловлена в нас прирожденная эта способность.
. . . .
...препятствует вес появленью всего от ударов,
Силою как бы извне; но чтоб ум не по внутренней только
Необходимости все совершал и чтоб вынужден не был
Только сносить и терпеть и пред пей побежденный склоняться, —
Легкое служит к тому первичных начал отклоненье».

30) *Аристотель,* «О небе», I, 7: «Если же вселенная не есть нечто сплошное, но, как учат Демокрит и Левкипп, тела отделены друг от друга

пустотою, то движение их всех должно быть едино... Природа же их едина, например, как природа золота в каждом от него отломанном куске».

31) *Аристотель,* «О небе», III, 2: «Поэтому Левкиппу и Демокриту, утверждающим, что первичные тела вечно движутся в беспредельной пустоте, следовало сказать, какого рода это движение и какое движение соответствует природе этих тел. Ибо если каждый из элементов принуждается к движению другим, то необходимо все же, чтобы каждый имел и естественное движение, по сравнению с которым другое движение является вынужденным. Но элемент, впервые вызвавший движение, должен был его вызвать не под действием насилия, а согласно своей природе. Иначе, если не окажется какого-либо естественного перводвигателя, причины будут все более отодвигаться в бесконечность: вечно будут вызывать насильственное движение те элементы, которые ранее сами насильственно были вызваны к движению».

32) *Диоген Лаэрций,* X, 150: «По отношению к живым существам, которые не могут вступать в соглашение о том, чтобы взаимно не причинять и не терпеть вреда, не существует ни справедливого, ни несправедливого. То же самое надо сказать и о всех тех народах, которые не могли или не хотели вступать в договоры о том, чтобы взаимно не причинять и не терпеть вреда. Справедливость не есть нечто существующее само по себе, но она существует лишь во взаимном общении людей между собой, и она есть договор, заключаемый каждый раз в границах определенных стран относительно того, чтобы не причинять и не терпеть вреда».

33) *

ГЛАВА ВТОРАЯ

КАЧЕСТВА АТОМА

1) *Диоген Лаэрций,* X, 54: «Ибо всякое свойство изменчиво, атомы же совершенно не изменяются».

Лукреций, «О природе вещей», II, 861 и сл.:

«Все это также должно совершенно быть чуждо началам,
Если построить весь мир мы хотим на бессмертных основах,
Чтобы он мог пребывать нерушимым во всем его целом».

2) *(Плутарх),* «О мнениях философов» [I, стр. 235—236]: «Эпикур... утверждал,.. что телам присущи такие три свойства: форма, величина и тяжесть. Демокрит признавал два: величину и форму; Эпикур прибавил к ним еще третье — тяжесть, ибо, как необходимо признать, тела движутся под действием тяжести». Ср. *Секст Эмпирик,* «Против математиков», стр. 420.

3) *Евсевий,* «Евангельское подготовление», XIV, стр. 749.

4) *Симплиций,* указ. соч., стр. 362: «...он» (т. е. Демокрит) «полагал, что они» (т. е. атомы) «различаются по величине и по форме».

5) *Филопон,* там же: «...он» (т. е. Демокрит) «определенно предполагает единую общую природу тела для всех видов сущего, а частями этого общего тела являются атомы, отличные друг от друга по величине и форме; ибо они не только имеют разную форму, но из них одни больше, другие же меньше».

---

* Примечание 32 написано рукой Маркса. Примечание 33 написано не было. *Ред.*

[6] *Аристотель,* «О возникновении и уничтожении», I, 8: «...между тем он» [Демокрит] «признает, в зависимости от большего размера, и больший его» (т. е. атома) «вес».

[7] *Аристотель,* «О небе», I, 7: «Движение всех тел, согласно сказанному, по необходимости должно быть одно и то же... Таким образом, ни одно из тел не будет абсолютно легким, если все они обладают тяжестью; если же все будут обладать легкостью, тогда ни одно не будет тяжелым, и если бы отдельное тело имело вес или совершенную легкость, то оно было бы или на краю всего сущего, или в середине его ..»

[8] *Риттер,* «История древней философии», ч. I, стр. 568, прим. 2.

[9] *Аристотель,* «Метафизика», VII (VIII), 2: «Демокрит, по-видимому, полагал, что имеется три различия [атомов]. Ибо лежащее в основе тело — материя — одно и то же, а различается оно либо по «очертанию», что означает форму, либо по «повороту», что означает положение, либо же по «соприкосновению», что означает порядок».

[10] *Аристотель,* «Метафизика», I, 4: «Левкипп и его сотоварищ Демокрит считают элементами полное и пустое, называя одно сущим, другое небытием, а именно: полное и плотное — сущим, а пустое и разреженное — небытием. Поэтому они и говорят, что бытие существует отнюдь не более, чем небытие, потому что и пустота существует так же, как и тело; причиной же всего сущего является то и другое, как материя. И подобно тому как те, которые, утверждая единство основной субстанции, все остальное выводят из ее состояний, принимая разреженное и плотное за начала всех состояний, — таким же образом Левкипп и Демокрит считают различия атомов причинами всего остального. А этих различий они указывают три: форму, порядок и положение. Ибо бытие, по их словам, различается лишь «очертанием» [ῥυσμός], «соприкосновением» [διαθιγή] и «поворотом» [τροπή]; причем «очертание» — это форма, «соприкосновение» — это порядок, а «поворот» означает положение; например, А отличается от N формой, AN от NA — порядком, Z от N — положением».

[11] *Диоген Лаэрций,* X, 44: «...никакого качественного признака нет у атомов, кроме формы, *величины* и тяжести... Они не могут быть любой *величины:* по крайней мере еще ни один атом не был предметом зрительного ощущения».

[12] *Диоген Лаэрций,* X, 56: «Наличие атомов любой величины вовсе не является необходимым условием для объяснения качественных различий: конечно, тогда имелись бы и атомы, доступные нашему зрению. Но в действительности этого не наблюдается и даже нельзя себе представить, каким образом могли бы атомы стать доступны зрению».

[13] *Диоген Лаэрций,* X, 55: «...нечего и думать о том, чтобы у атомов могла быть любая величина... Однако *некоторые* различия в их величине следует допустить».

[14] *Диоген Лаэрций,* X, 59: «Ведь мы показали, на основании приведенной аналогии, что атом имеет величину, но только малую, а наличие большой величины у атомов отвергли».

[15] Ср. *Диоген Лаэрций,* X, 58; *Стобей,* «Эклоги физические», I, стр. 27.

[16] *Эпикур,* «Фрагменты» («О природе», II и XI) в сборнике, сост. Розини, изд. Орелли, стр. 26.

17) *Евсевий*, «Евангельское подготовление», XIV, стр. 773 (изд. парижское): «Они впали между собой в такое разногласие, что один, например», (т. е. Эпикур) «принял величину всех без исключения атомов самой малой и потому неощутимой, а другой, Демокрит, признал, что некоторые атомы могут быть и очень большой величины».

18) *Стобей*, «Эклоги физические», I, 17: «Демокрит, например, говорит .., что возможно существование атома величиной даже с мир». Ср. *(Плутарх)*, «О мнениях философов», I, стр. 235 и сл.

19) *Аристотель*, «О возникновении и уничтожении», I, 8: «Они [атомы], за малостью своих размеров, невидимы».

20) *Евсевий*, «Евангельское подготовление», XIV, стр. 749: «Демокрит . признавал .. за первоначала всех вещей неделимые, созерцаемые разумом тела» Ср. *(Плутарх)*, «О мнениях философов», I, стр. 235 и сл.

21) *Диоген Лаэрций*, X, 54: «Вот и насчет атомов нужно решительно признать, что они не обладают никаким присущим всем явлениям качеством, кроме только *формы*, тяжести, величины и всего, что́ необходимо связано с наличием *формы*». Ср. § 44.

22) *Диоген Лаэрций*, X, 42: «...к тому же атомы... представляют нечто неограниченное по разнообразию своих форм».

23) *Диоген Лаэрций*, X, 42: «...однако же по своим разновидностям атомы вовсе не представляют совершенно беспредельное множество, а только неопределенное».

24) *Лукреций*, II, 513 и сл.:

«...признать ты обязан,
Что разнородность фигур у материи также предельна».

Евсевий, «Евангельское подготовление», XIV, стр. 349: «Эпикур признает количество форм атомов определенным, а не беспредельным». Ср. *(Плутарх)*, «О мнениях философов», указ. место.

25) *Диоген Лаэрций*, X, 42: «...атомов каждой из разновидностей в точном смысле слова бесконечное количество».

Лукреций, «О природе вещей», указ. место [II], 525 и сл.:

«...Ибо, хоть и положены грани
Разнице в формах, должны похожие первоначала
Или бесчисленны быть, иль материи вся совокупность
Будет конечною, что́ невозможно, как я доказал уж».

26) *Аристотель*, «О небе», III, 4: «Но ведь, конечно, вывод, как некоторые его формулируют, например, Левкипп и Демокрит, уроженец Абдер, лишен вероятности... И вдобавок к этому они еще утверждают, что ввиду того что тела различаются формами, а эти формы бесчисленны, то бесчисленны и простые тела. Но каково свойство и какова форма каждого элемента в отдельности, они никак не определили, но только приписали огню сферическую форму, воздух же и все прочее...»

Филопон, указ. место: «...они» [т. е. атомы] «имеют не только разную форму...»

27) *Лукреций*, «О природе вещей», указ. место [II], 479 и сл.:

«Первоначала вещей...
Лишь до известных границ разнородны бывают по формам.
Если бы не было так, то тогда непременно иные
Были бы должны семена достигать величин необъятных.

Ибо, при свойственных им одинаково малых размерах,
Не допускают они и значительной разницы в формах.

. . . .

Если ж иные еще получить ты желаешь фигуры,
Части другие тебе прибавить придется...

. . . .

И, таким образом, форм новизна приращение тела
Вслед за собою влечет; а поэтому нечего думать,
Будто вещей семена беспредельно различны по формам».

28) Ср. прим. 25.

29) *Диоген Лаэрций*, X, 44 и 54.

30) *Бруккер*, «Руководство по истории философии», [1747], стр. 224.

31) *Лукреций*, «О природе вещей», I, 1052:
«Тут одного берегись и не верь утвержденью, Меммий,
Что устремляется все к какому-то центру вселенной».

32) *Диоген Лаэрций*, X, 43: «...и движутся они [атомы] с равной скоростью ввиду того, что всем им, как легчайшему, так и тяжелейшему из них, пустота предоставляет одинаковый простор для вечного движения». 61: «Разумеется также, что атомы должны по необходимости обладать одинаковой скоростью, когда они несутся через пустоту при отсутствии какого бы то ни было сопротивления. Ведь раз ничто не будет оказывать сопротивления их движению, то тяжелые будут нестись не с большей скоростью, чем малые и легкие, равно как и малые сравнительно с большими, если у первых на всем протяжении будет соответственный путь и вторым не будет встречаться никакого препятствия».

Лукреций, «О природе вещей», II, 235 и сл.:
«Наоборот, никогда никакую нигде не способна
Вещь задержать пустота и явиться какой-то опорой,
В силу природы своей постоянно всему уступая.
Должно поэтому все, проносясь в пустоте без препятствий,
Равную скорость иметь, несмотря на различие в весе».

33) Ср. гл. 3.

34) *Фейербах*, «История новой философии». *Гассенди*, цит. соч., XXXIII, 7: «Эпикур, которому, быть может, этот эксперимент никогда и в голову не приходил, додумался, однако, трактуя об атомах, до такого вывода, до которого мы только недавно дошли путем опыта. Именно, в полном соответствии с реальным фактом одинаковой скорости движения тел при падении сверху вниз, несмотря на громадное различие их по своему весу и массе, Эпикур установил, что все атомы, хотя бы они по своей величине и весу представляли огромную разницу, тем не менее в своем движении имеют, один сравнительно с другим, одинаковую скорость».

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

НЕДЕЛИМЫЕ НАЧАЛА И НЕДЕЛИМЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ *

1) Ἀμέτοχα κενοῦ [*Стобей*, «Эклоги физические», I, стр. 306] отнюдь не значит: «*не заполняют никакого пространства*», но значит: «*непричастны пустоте*»; это все равно, как в другом

* Название главы дано Марксом по-гречески. *Ред.*

месте у *Диогена Лаэрция* сказано: «не имеют раздельности частей». Точно так же надо толковать это выражение и у *Плутарха,* «О мнениях философов», I, стр. 236, и у *Симплиция,* стр. 405.

[2] И этот вывод тоже неверен. То, что не может быть разделено в пространстве, вовсе не существует поэтому вне пространства и безотносительно к пространству.

[3] *Шаубах,* указ. соч., стр. [549] — 550.

[4] *Диоген Лаэрций,* X, 44.

[5] *Диоген Лаэрций,* X, 67: «Ничто нельзя мыслить само по себе бестелесным, за исключением пустоты».

[6] *Диоген Лаэрций,* X, 39, 40 и 41.

[7] *Диоген Лаэрций,* VII, [гл.] I, [§ 134]: «Они» (т. е. стоики) «утверждают, что существует разница между первоначалами и элементами: первые извечны и нетленны, а элементы уничтожимы действием огня».

[8] *Аристотель,* «Метафизика», IV, 1 и 3.

[9] Ср. указ. место.

[10] *Аристотель,* «Метафизика», указ. место, 3: «На таком же основании говорят и об элементах тел, называя так те предельные составные части, на которые разлагаются тела, в то время как сами эти предельные части уже не разделяются на другие, отличающиеся друг от друга по виду... Оттого-то все малое, простое и неразложимое называется элементом».

[11] *Аристотель,* «Метафизика», I, 4.

[12] *Диоген Лаэрций,* X, 54.
(Плутарх), «Колот», стр. 1110: «Приведенные [положения Демокрита] в такой же степени неотделимы от положений Эпикура, как по их [эпикурейцев] собственному высказыванию, форма и вес от атома».

[13] *Секст Эмпирик,* «Против математиков», стр. 420.

[14] *Евсевий,* «Евангельское подготовление», XIV, стр. 773: «Эпикур... признает атомы недоступными ощущению...». Стр. 749: «Имеют они» (т. е. атомы) «свои особые формы, созерцаемые умом».

[15] *(Плутарх),* «О мнениях философов», I, стр. 246: «Сам он» (т. е. Эпикур) «признал неуничтожимыми еще следующие четыре различного рода субстанции: атомы, пустоту, беспредельность и однородные частицы; последние и суть гомеомерии и элементы». Стр. 249: «Эпикур же учит, что тела не ограничены; первичные, в качестве простых, и прочие, как результат их сцепления, все имеют тяжесть».
Стобей, «Эклоги физические», I, стр. 52: «Метродор, наставник Эпикура, утверждает: первопричины — это атомы и элементы». Стр. 5: «Эпикур... считает неразрушимыми следующие четыре субстанции:

атомы, пустоту, беспредельность и однородные частицы, которые называются также гомеомериями и элементами».

[16] Ср. там же.

[17] *Цицерон,* «О высшем добре и зле», I, 6: «Затем следуют... атомы, пустота,.. сама бесконечность, которую они [Демокрит и Эпикур] называют беспредельностью».

Диоген Лаэрций, X, 41: «Да и на самом деле вселенная бесконечна... И действительно, вселенная бесконечна как в силу множества тел в ней, так и в силу величины ее пустого пространства».

[18] *Плутарх,* «Колот», стр. 1114: «Так вот что мы должны принять за начала для возникновения сущего — бесконечность и пустоту; но последняя бездейственна сама и недоступна воздействию, она бестелесна, а первая — хаотична, бессмысленна, неограниченна, сама себя разлагает и приводит в расстройство, в силу того что из-за ее бесчисленности ею нельзя овладеть и ее нельзя ограничить».

[19] *Симплиций,* указ. соч., стр. 488.

[20] *(Плутарх),* «О мнениях философов», стр. 239: «Метродор же говорит: «...что число миров беспредельно по своему множеству, это явствует из того, что беспредельно число первопричин.., а первопричинами являются атомы или элементы»».

Стобей, «Эклоги физические», I, стр. 52: «Метродор, наставник Эпикура, утверждает: первопричины — это атомы и элементы».

[21] *Лукреций,* «О природе вещей», I, 820 и сл.:

«Те же начала собой образуют ведь небо и землю,
Солнце, потоки, моря, деревья, плоды и животных».

Диоген Лаэрций, X, 39: «И действительно, вселенная всегда была такой, какова она теперь, и вечно останется такой же. Ибо нет ничего, во что она могла бы превратиться. Ведь кроме вселенной нет ничего, перейдя во что, она могла бы совершить свое превращение... Вселенная есть тело...». 41: «Эти [образующие мир тела] неделимы и неизменны, если только все не должно распасться в небытие. Они имеют силу устоять при распадах сцеплений, оставаясь незатронутыми по своей природе, и исключают всякую возможность как-либо или во что-либо распасться».

[22] *Диоген Лаэрций,* X, 73: «...и все они [миры] в свою очередь распадаются, одни быстрее, другие медленнее; одни претерпевают эту гибель от одних причин, другие — от других». 74: «Итак, понятно также и утверждение его [Эпикура] о разрушимости миров в результате изменений в их частях».

Лукреций, V, 108 и сл.:

«И не на деле уж лучше уверимся мы, а рассудком,
Что уничтожиться все с ужасающим грохотом может...»

Лукреций, V, 373:

«Смерти не замкнута дверь ни для свода небес, ни для солнца,
Ни для земли, ни для вод на равнинах глубокого моря, —
Настежь отверста она и зияет огромною пастью».

[23] *Симплиций,* указ. соч., стр. 425.

[24] *Лукреций,* II, 796:

«... и что начала вещей никогда освещаться не могут...»

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ВРЕМЯ

[1] *Аристотель,* «Физика», VIII, 1: «И потому Демокрит утверждает, что невозможно, чтобы вселенная имела начало: ибо время безначально».

[2] *Симплиций,* указ. соч., стр. 426: «Действительно, Демокрит до такой степени был убежден в вечности времени, что, желая доказать безначальность вселенной, воспользовался признанием безначальности времени как очевидным доказательством».

[3] *Лукреций,* I, 459 и сл.:

«Также и времени нет самого по себе...
. . . .
И неизбежно признать, что никем ощущаться не может
Время само по себе, вне движения тел и покоя».

Лукреций, I, 479 и сл.:

. . . .
«[Ясно ты видишь теперь, что у всех без изъятья деяний]
Ни самобытности нет, ни сущности той, как у тела,
И не имеют они никакого сродства с пустотою;
Но ты по праву скорей называть их явленьями можешь
Тела, а также и места, в котором все происходит».

Секст Эмпирик, «Против математиков», стр. 420: Эпикур называет время акциденцией акциденций.

Стобей, «Эклоги физические», I, стр. 11: «Эпикур (называет время) акциденцией, т. е. тем, что сопутствует движениям».

[4] *Диоген Лаэрций,* X, 72: «Далее должно обратить серьезное внимание и на следующее. Дело в том, что время нельзя исследовать так, как мы изучаем остальные вещи, заложенные в предмете, а именно, связывая их с пролепсисами, имеющимися внутри нас самих, но следует рассмотреть ту очевидность, сообразно которой мы говорим о продолжительном или коротком времени, понимая это как нечто родственное с временем. И нет надобности вводить новые способы выражения, якобы лучшие, а следует пользоваться самыми обычными для обозначения времени словами. И не следует высказывать о нем, как это делают некоторые, что-нибудь другое, будто оно обладает особой сущностью, которая свойственна этому названию. Но необходимо только главным образом отдать отчет в том, каким образом мы связываем частные особенности с временем и как мы его измеряем». 73: «Не нуждается также в доказательстве, а достаточно одного размышления, что мы связываем время с днями и ночами и с их частями, подобно тому, как [связываем его] с нашими душевными переживаниями и отсутствием таковых, с состояниями движения и покоя, присоединяя мысленно ко всему этому, как своеобразный признак, то именно, что мы называем временем. Это он говорит также и во второй книге «О природе» и в «Большом извлечении»».

[5] *Лукреций,* «О природе вещей», указ. место.

Секст Эмпирик, «Против математиков», стр. 420 и сл.: Акциденция акциденций... Поэтому когда Эпикур говорит, что тело следует мыслить как соединение величины, формы, сопротивления и тяжести, то он принуждает представлять себе действительное тело из того, что не является телом... Так что для того, чтобы существовало время, должны существовать акциденции, а для того, чтобы существовали эти акциденции, [дол-

жно существовать] нечто, лежащее в их основе; но такой основы наряду с ними нет, следовательно, не может быть и времени... Итак, раз все это есть время, а Эпикур признает, что акциденции этих явлений есть время, то, по Эпикуру, время будет само своей акциденцией. Ср. *Стобей,* указ. соч.

6) *Диоген Лаэрций,* X, 46: «Существуют также оттиски, подобные по внешнему виду твердым телам, но по своей тонкости превосходящие все, доступное чувственному восприятию... Эти-то оттиски мы называем образами [εἴδωλα]...». 48: «Кроме того [следует допустить], что возникновение этих образов происходит с быстротою мысли... От поверхности тел происходит непрерывное истечение, неощутимое вследствие постоянно получаемого телами взамен восполнения. Это истечение сохраняет положение и порядок атомов соответствующего тела».

Лукреций, IV, 30 и сл.:

«[Есть у вещей то], что мы за призраки их почитаем;
Тонкой подобно плеве от поверхности тел отделяясь,
В воздухе реют они, летая во всех направленьях».

Лукреций, IV, 52 и сл.:

«Ибо и форму и вид хранят отраженья эти
Тел, из которых они, выделяясь, блуждают повсюду».

7) *Диоген Лаэрций,* X, 49: «С другой стороны, следует так и считать, что когда нечто привходит к нам от внешних предметов, мы видим и осмысливаем внешние формы. Ибо иначе предметы внешнего мира не могли бы отпечатлевать своей собственной природы... Следовательно, мы видим по той причине, что в нас проникают от вещей некоторые отпечатки, имеющие одинаковые с ними цвет и форму в соответствующем соотношении; эти отпечатки проникают в глаза...». 50: «В силу последней причины [скорости движения] они порождают в нас представление одного непрерывного предмета и сохраняют соответствие с лежащим в основе их предметом...». 52: «*Слуховое восприятие* также возникает вследствие того, что какое-то веяние несется от предмета, издающего звук или шум, или стук, или производящего какое-либо другое слуховое ощущение. Это истечение рассеивается на однородные в своих частях массы, причем последние сохраняют некоторое соответствие между собой...». 53: «Также и относительно обоняния должно принять, что оно, как и слух, никогда не могло бы вызвать никакого ощущения, если бы не было некоторых частиц, истекающих от предметов и способных раздражать этот орган восприятия».

8) *Лукреций,* «О природе вещей», II, 1139:

«И справедливо должны погибать, таким образом, вещи,
Коль истончились они...»

ГЛАВА ПЯТАЯ

НЕБЕСНЫЕ ЯВЛЕНИЯ

1) *Диоген Лаэрций,* II, 3, 10.

2) *Аристотель,* «Метафизика», I, 5: «[Ксенофан говорит, что] единое есть бог».

3) *Аристотель,* «О небе», I, 3: «Кажется, что понятие подтверждает явления, а явления — понятие. Так, все люди имеют представление о богах и отводят божественному горнее место; так поступают и варвары

и эллины, вообще все те, кто верит в существование богов, связывая, очевидно, бессмертное с бессмертным; иначе и невозможно. Если, таким образом, божественное существует, — как оно и есть на самом деле, — то и наше утверждение о субстанции небесных тел верно. Но это соответствует и чувственному восприятию, поскольку речь идет о человеческом убеждении. Ибо за все прошедшее время, по воспоминаниям, перешедшим от одних людей к другим, ничего, по-видимому, не изменилось ни во всем небе, ни *в какой-либо* из его частей. Даже название, по-видимому, передано нам древними, причем они имели в виду то же самое, что и мы. Ибо не однажды и не дважды, а бесконечное число раз доходили до нас, следует полагать, одни и те же представления. А так как первичное тело есть нечто отличное от земли и огня, воздуха и воды, то они назвали горнее место эфиром [αἰθέρα] — от слов «вечно течь» [θεῖν ἀεί], придав ему наименование вечное время».

[4] *Аристотель,* там же, II, 1: «Но небо и горнее место древние отвели богам, так как только оно бессмертно. А современное учение удостоверяет, что небо неразрушимо, не имеет начала и к тому же непричастно ко всяким злоключениям смертных... И не только целесообразнее было бы принять такое мнение о его [неба] вечности, но мы получили бы возможность делать соответственное заключение в согласии с откровением о боге».

[5] *Аристотель,* «Метафизика», XI (XII), 8: «А что небо одно — это очевидно... До нас из глубокой древности дошло от предков, сохранившись в виде мифов более поздних поколений, представление о том, что небесные тела суть боги и что божественное начало объемлет всю природу. Остальное было прибавлено, в мифологической оболочке, для веры толпы, как полезное для законов и для жизни. Ибо толпа объявляет богов человекоподобными и похожими на некоторые другие живые существа и придумывает многое другое, связанное с этим и родственное ему. Если кто-нибудь отбросит все остальное и оставит только первое, веру в то, что первичные субстанции суть боги, то он должен считать, что это — божественное откровение и что с тех пор изобретались и снова погибали всевозможные искусства и философские учения, указанные же мнения, как реликвии, дошли до настоящего времени».

[6] *Диоген Лаэрций,* X, 81: «Кроме всего этого, надо еще принять во внимание, что самое большое смятение человеческой души происходит оттого, что люди считают небесные тела блаженными и неразрушимыми и приписывают им в то же время желания и действия, противоречащие этим свойствам, а также оттого, что они черпают страхи из мифов».

[7] *Диоген Лаэрций,* X, 76: «Что же касается небесных явлений, то необходимо считать, что движение, положение, затмение, восход, закат и тому подобные явления происходят вовсе не благодаря некоему существу, которое будто бы распоряжается ими, приводит их — или привело уже — в порядок и которое в то же время обладает полнотой блаженства, а вместе с тем и бессмертием». 77: «Ибо поступки... не согласуются с блаженством, а происходят в силу слабости, страха и потребности, с которыми они большей частью связаны. Не следует также думать, что некоторые огнеподобные тела, обладающие блаженством, произвольно подвергают себя этим движениям... Если с этим не согласиться, то самое это противоречие вызовет величайшее смятение душ».

[8] *Аристотель,* «О небе», II, 1: «Поэтому не следует полагать, что, как рассказывается в древнем мифе, небо нуждается для своей опоры в некоем Атланте».

[9] *Диоген Лаэрций,* X, 85: «Итак, обдумай» (обращение к Пифоклу) «хорошенько эти мои рассуждения и, стараясь хранить их в памяти, время от времени внимательно пробегай их вместе с прочими учениями, которые я изложил в «Малом извлечении» в письме к Геродоту».

[10] *Диоген Лаэрций,* X, 85: «Итак, прежде всего следует принять, что от познания небесных явлений, будут ли они рассматриваться в [более широкой] связи или сами по себе, не должно ожидать никакого иного результата, кроме атараксии и твердой уверенности, что́ является конечной целью и остального знания».

Диоген Лаэрций, X, 82: «Атараксия же есть результат освобождения от всего этого и неустанное памятование о вселенной в целом и о самых основных принципах».

[11] *Диоген Лаэрций,* X, 87: «Ведь наша жизнь нуждается не в мудрствовании и пустых гипотезах, а в том, чтобы мы жили безмятежно».

Диоген Лаэрций, X, 78: «Также следует считать, что задачей науки о природе является исследование причин главнейших явлений и что блаженство, испытываемое при изучении небесных явлений, имеет в этом свой источник».

Диоген Лаэрций, X, 79: «Что же касается изучения заката и восхода, положения и затмения светил и тому подобных явлений, то оно нисколько не способствует блаженству, получаемому от познания. Напротив, те, которые изучают эти явления, не зная ни природы того, что происходит, ни главных причин этого, находятся во власти страха. А если бы они научились предвидеть такие явления, они, может быть, испытали бы еще больший страх».

[12] *Диоген Лаэрций,* X, 86: «И не должно насильственно добиваться невозможного и ко всему применять метод исследования, подобный тому, который применяется в вопросах о нормах жизни или в установлении правил для разрешения остальных физических проблем, каковы, например, положения о том, что вселенная состоит из тел и неосязаемой природы или что имеются неделимые элементы и тому подобное, что́ допускает только одно объяснение, согласное с видимыми явлениями. Что же касается небесных тел, то к ним это не применимо».

[13] *Диоген Лаэрций,* там же, 86: «Напротив, эти по крайней мере явления допускают множество различных объяснений — как причины своего возникновения, так и своей сущности, — объяснений, находящихся в согласии с чувственным восприятием. Ведь не на основе всеобщих аксиом и произвольно устанавливаемых законов надлежит производить исследования природы, а всякий раз так, как это подсказывают сами ее явления».

[14] *Диоген Лаэрций,* X, 92.

[15] *Диоген Лаэрций,* X, 94.

[16] *Диоген Лаэрций,* X, 95 и 96.

[17] *Диоген Лаэрций,* X, 98.

[18] *Диоген Лаэрций,* X, 104: «Он» (т. е. Эпикур) «допускает, что возможны и многие другие способы для объяснения явлений раскатов грома, лишь бы только не прибегать к мифу. А мифа не будет, если мы надлежащим образом будем наблюдать видимые явления и из них брать указания для объяснения невидимых».

[19] *Диоген Лаэрций,* X, 80: «Таким образом, должно, обращая внимание на то, сколь часто у нас на земле возникает сходное явление, искать по аналогии с этим причины небесных явлений и [вообще] всего скрытого от нас».

Диоген Лаэрций, X, 82: «...атараксия же — есть результат полного освобождения от всего этого... Поэтому должно обращать внимание на существующее и на чувственные восприятия: на общее в отношении к общему и на частное в отношении к частному и на всякую существующую очевидность в отношении каждого отдельного критерия. Ведь в самом деле, если мы на все это обратим внимание, то мы правильно определим источник, откуда возникают смятение и страх, и избавим себя от них, объясняя причины как небесных явлений, так и всех прочих вечно надвигающихся явлений и всего того, что наводит такой ужас на всех остальных людей».

Диоген Лаэрций, X, 87: «Известные указания на то, что́ действительно совершается в небесных сферах, мы получаем от тех или других окружающих нас земных явлений, открытых наблюдению или непосредственно данных, так же как от явлений самих небесных сфер. Ибо эти явления могут возникать многими различными способами».

[88]: «Однако должно подвергать наблюдению каждое [небесное] явление в том виде, как оно нам представляется, и объяснять все, что́ связано с ним. Этому не будет противоречить многообразие происходящих [на земле] явлений».

[20] *Диоген Лаэрций,* X, 78: «Здесь имеется бытие различными способами, бытие по возможности или бытие по какому-нибудь другому способу».

Там же, 86: «Эти явления допускают множество различных объяснений причин своего возникновения».

Там же, 87: «Все, стало быть, неуклонно совершается во всех явлениях небесных сфер, хотя и способом, допускающим различные объяснения.., если оставить в силе все, что́ о них утверждается с достаточной убедительностью».

[21] *Там же,* 98: «А те, которые принимают только одно-единственное объяснение, вступают в конфликт с чувственно воспринимаемыми явлениями и обнаруживают несостоятельность в вопросе о том, что собственно возможно человеку постичь умом».

Там же, 113: «Объяснять эти явления исключительно одной причиной, в то время как видимые явления требуют, чтобы признавалась возможность многих различных причин, было бы сумасбродством, неуместным действием ревнителей суетной астрологии, которые наугад приписывают причины тем или иным явлениям, не освобождая божественную природу от тяжелых обязанностей».

Там же, 97: «Далее: закономерность кругового пути светил должно понимать по аналогии с происходящими и у нас на земле некоторыми явлениями, но божественную природу отнюдь не следует приводить с ними в связь; она должна пребывать в полной свободе от дел, в состоянии полнейшего блаженства. Ведь если это не будет выполнено, то всякое истолкование небесных явлений превратится в празднословие, как это уже случалось с некоторыми, не усвоившими допускающего различные возможности способа объяснения явлений и потому впавшими в бесплодное объяснительство, думая, будто явления допускают только одно объяснение, а все остальные допустимые объяснения отвергаются. Таким образом они уносятся в область бессмыслия и обнаруживают неспособность

охватить умственным взором все те конкретные явления, которые нужно принять за знаки».

Там же, 93: «...не поддаваясь страху перед рабскими фокусами астрологов».

Там же, 87: «...ясно, что в таком случае совершенно покидают сферу науки о природе и скатываются в область мифов».

Там же, 80: «Итак,.. определяя причины небесных явлений и вообще всего неизвестного, надо презирать тех, которые заявляют, что это существует или совершается одним только образом и не говорят, что все может происходить разным образом, в соответствии с представлениями, создающимися в отдалении, и которые, кроме того, не знают, при каких условиях нельзя сохранить атараксию».

22) *Диоген Лаэрций*, X, 80: «Далее нужно остерегаться предрассудка, что исследование этих [небесных] явлений не точно и не тонко, поскольку оно приводит нас к атараксии и блаженству».

23) *Диоген Лаэрций*, X, 78: «...ничего не может быть в неразрушимой и блаженной природе, чтó способно поселить разлад или нарушить атараксию. И что это безусловно так, можно убедиться, если поразмыслить».

24) Ср. *Аристотель*, «О небе», I, 10.

25) *Аристотель*, «О небе», (I, 10): «Если предположить, что мир возник из чего-то раньше бывшего, отличного от него, то это предположение окажется невозможным, раз это отличное от мира бытие искони было от него отличным и исключало возможность стать иным».

26) *Атеней*, «Пир мудрых», III, стр. 104: «Следует похвалить славного Хризиппа, который заглянул в самую глубь существа Эпикура и метко сказал, что матерью философии Эпикура является гастрология Архестрата».

27) *Лукреций*, «О природе вещей», I, 62—79.

ПРИЛОЖЕНИЕ

КРИТИКА ПОЛЕМИКИ ПЛУТАРХА ПРОТИВ ТЕОЛОГИИ ЭПИКУРА

I. ОТНОШЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА К БОГУ

1. СТРАХ И ПОТУСТОРОННЕЕ СУЩЕСТВО

[1] *Плутарх,* «О том, что следуя Эпикуру невозможно жить счастливо» (изд. Ксиландера), т. II, стр. 1100: «Что же касается наслаждения, то им (подразумевается Эпикуром) уже сказано, что учение эпикурейцев, когда оно успешно и удачно проводится, уничтожает страх и суеверие, но не дает радости и благосклонности богов».

[2] [*Гольбах*], «Система природы» (Лондон, 1770), ч. II, стр. 9[61]: «Представление об этих столь могущественных силах всегда соединялось с представлением о страхе; их имя всегда напоминало человеку его собственные бедствия или бедствия его предков. Мы трепещем теперь, потому что наши предки трепетали тысячи лет тому назад. Представление о божестве вызывает в нас всегда горестные мысли... И в настоящее время страхи и мрачные мысли возникают в нашем уме всякий раз, когда при нас произносят имя божества». Ср. стр. 79: «Основывая мораль на мало моральном облике бога, не отличающегося постоянством поведения, человек никогда не может знать, что̀ ему делать, — ни в вопросе о своих обязанностях по отношению к богу, ни в вопросе о своих обязанностях по отношению к самому себе, ни в вопросе о своих обязанностях по отношению к другим людям. Поэтому было крайне пагубно убедить человека в том, что существует сила, превосходящая человека, сила, перед которой должен смолкнуть разум и ради которой, если желать быть счастливым, надо всем пожертвовать здесь на земле».

[3] *Плутарх,* указ. соч., стр. 1101: «Ибо боящиеся его [бога], как властителя, благосклонного к добрым, но сурового по отношению к дурным, благодаря одному этому страху освобождаются от совершения несправедливостей и не нуждаются во многих избавителях; их злость мало-помалу обуздывается, и поэтому они переживают меньше душевных страданий, чем те, которые, предаваясь порокам и осмеливаясь [совершать злодеяния], затем боятся и мучатся угрызениями совести».

2. КУЛЬТ И ИНДИВИД

[4] *Плутарх,* указ. соч., стр. 1101: «Напротив, там, где только она» (т. е. душа) «воображает и мыслит присутствие бога, она с особой легкостью отбрасывает прочь всякие печали, страхи и заботы и предается радостному чувству до упоения, игривости и смеха; в любви...»

5) *Плутарх,* там же.

6) *Плутарх,* указ. соч., стр. 1102: «Нет, не обилие вина, не жареное мясо составляет то, что так радует на празднествах, а благая надежда и вера в милостивое присутствие бога, приемлющего с удовлетворением то, что совершается [в его честь]».

3. ПРОВИДЕНИЕ И УНИЖЕННЫЙ БОГ

7) *Плутарх,* там же, стр. 1102: «В каких отрадных чувствах пребывают все, объединенные чистыми представлениями о боге, как о вершителе всего благого, как об отце всего прекрасного, который не может ни делать ничего дурного, ни сам страдать от зла. Ибо он благ, а благой совершенно непричастен ни зависти, ни страху, ни гневу, ни ненависти. Все равно ведь, как свойство теплого не холодить, а греть, — так и благому несвойственно вредить. Гнев по существу наиболее далек от кротости, злоба — от благосклонности, недоброжелательность — от человеколюбия и дружелюбия. Одно есть плод доблести и силы, другое — плод бессилия и порочности: ведь все действие божества отнюдь не сводится к проявлению гнева и пристрастия, но раз божество от природы предрасположено творить благо и помогать, то, значит, гневаться и вредить несовместимо с его природой».

8) *Там же:* «Или, может быть, еще какое-нибудь особое наказание, думаете вы, следовало бы применить к отвергающим провидение, не считая достаточным того, что они сами себя лишают такого наслаждения и радости?»

9) * «Но *слабый* ум есть не тот ум, который не познает объективного бога, а тот, который *хочет* его познать». *Шеллинг,* «Философские письма о догматизме и критицизме», — в «Философских произведениях», т. I, Ландсхут, 1809, стр. 127, письмо II.

Г-ну Шеллингу можно было бы вообще посоветовать вспомнить свои первые произведения. Так, например, в работе «О «я» как принципе философии», сказано:

«Допустим, например, что *бог,* определяемый как объект, есть *реальное основание* нашего знания, но в таком случае бог, поскольку он есть объект, *сам* попадает в *сферу нашего знания* и не может, следовательно, быть для нас последней точкой, на которой держится вся эта сфера». Там же, стр. 5.

Мы, наконец, напоминаем г-ну Шеллингу заключительные слова его указанного выше письма:

«*Пора* возвестить *лучшему* человечеству *свободу духа* и *не терпеть более, чтобы оно оплакивало потерю своих оков*». Там же, стр. 129.

Если уже в 1795 г. было «пора», то что сказать относительно 1841 года? [62]

Упоминая здесь, при случае, о теме, пользующейся довольно худой славой, — о *доказательствах бытия бога,* — надо заме-

---

* Примечание 9 вписано рукой Маркса; ему принадлежат почти все подчеркивания в цитатах из сочинений Шеллинга. *Ред.*

тить, что *Гегель* перевернул все эти теологические доказательства, т. е. отверг их, чтобы их оправдать. Что же это за клиенты, которых адвокат не может избавить от осуждения иначе, как убивая их собственной рукой? Гегель, например, таким образом толкует умозаключение от бытия мира к бытию бога: «Так как случайного *нет*, — то существует бог, или абсолютное» [63]. Но теологическое доказательство гласит как раз наоборот: «Так как случайное имеет истинное бытие, то бог существует». Бог есть гарантия для случайного мира. Само собой понятно, что этим утверждается и обратное.

Доказательства бытия бога представляют собой не что иное, как *пустые тавтологии*, — например, онтологическое доказательство сводится к следующему: «то, что я действительно (реально) представляю себе, есть для меня действительное представление», — значит действует на меня, и в этом смысле *все боги*, как языческие, так и христианские, обладали действительным существованием. Разве не властвовал древний Молох? Разве Аполлон Дельфийский не был действительной силой в жизни греков? Здесь даже критика Канта ничего поделать не может [64]. Если кто-нибудь представляет себе, что обладает сотней талеров, если это представление не есть для него произвольное, субъективное представление, если он верит в него, — то для него эти сто воображаемых талеров имеют такое же значение, как сто действительных. Он, например, будет делать долги на основании своей фантазии, он будет *действовать так, как действовало все человечество, делая долги за счет своих богов*. Наоборот, пример, приводимый Кантом, мог бы подкрепить онтологическое доказательство. Действительные талеры имеют такое же существование, как воображаемые боги. Разве действительный талер существует где-либо, кроме представления, правда, общего или, скорее, общественного представления людей? [65] Привези бумажные деньги в страну, где не знают этого употребления бумаги, и всякий будет смеяться над твоим субъективным представлением. Приди со своими богами в страну, где признают других богов, и тебе докажут, что ты находишься во власти фантазий и абстракций. И справедливо. Если бы кто-нибудь принес древним грекам какого-либо вендского бога [66], то он нашел бы доказательство несуществования этого бога. Ибо для греков он не существовал. *Чем какая-нибудь определенная страна является для иноземных богов, тем страна разума является для бога вообще — областью, где его существование прекращается.*

Или же доказательства существования бога представляют собой не что иное, как *доказательства бытия существенного*

человеческого самосознания, логические объяснения последнего. Например, онтологическое доказательство. Какое бытие является непосредственным, когда мы его мыслим? Самосознание.

В таком смысле все доказательства существования бога представляют собой доказательства его *несуществования, опровержения* всех представлений о боге. Действительные доказательства, наоборот, должны были бы гласить: «Так как природа плохо устроена, то бог существует». «Так как существует неразумный мир, то бог существует». «Так как мысль не существует, то бог существует». Но разве это не означает следующее: *для кого мир неразумен, кто поэтому сам неразумен, для того бог существует. Иными словами: неразумность есть наличное бытие бога.*

«Если вы предполагаете *идею объективного бога,* то как можете вы говорить о *законах,* которые *разум* производит *из самого себя,* так как *автономия* может быть присуща лишь *абсолютно свободному существу?*» *Шеллинг,* там же, стр. 198 [письмо X].

«Преступно скрывать от человечества принципы, которые могут быть сообщены всем». *Шеллинг,* там же, стр. 199.

НАБРОСОК НОВОГО ПРЕДИСЛОВИЯ К РАБОТЕ «РАЗЛИЧИЕ МЕЖДУ НАТУРФИЛОСОФИЕЙ ДЕМОКРИТА И НАТУРФИЛОСОФИЕЙ ЭПИКУРА» [67]

Труд, который я предлагаю общественности, это старая работа, и она должна была найти свое место сперва в общем изложении эпикурейской, стоической и скептической философии *, на осуществление которого я в настоящее время не могу рассчитывать из-за политических и философских занятий совсем другого рода **.

Только теперь настало время, когда поймут системы эпикурейцев, стоиков и скептиков. Это — *философы самосознания*. Эти строки по меньшей мере покажут, как мало эта задача решена до сих пор.

Написано К. Марксом в конце 1841 — начале 1842 г.

Впервые опубликовано в Marx—Engels Gesamtausgabe, Erste Abteilung, Bd. 1, Hlbd. 2, 1929

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

---

* В рукописи зачеркнуто: «Так как, однако, занятия политическими и философскими работами, представляющими более непосредственный интерес, не позволяют мне пока что завершить общее изложение этих философских систем, так как я не знаю, когда я вновь буду иметь случай вернуться к этой теме, я ограничиваюсь...». *Ред.*

** В рукописи зачеркнуто: «Эпикурейская, стоическая, скептическая философии, *философии самосознания*, в одинаковой мере отвергались и прежними философами как неспекулятивные, и учеными школьными учителями, которые тоже пишут историю философии, как...». *Ред.*

МАРКС — КАРЛУ ФРИДРИХУ БАХМАНУ [68]

В ИЕНУ

Берлин, 6 апреля 1841 г.
Schützenstraße, 68

Ваше высокоблагородие!

Пересылая Вашему высокоблагородию свою диссертацию о «Различии между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура» * с целью получения докторской степени и прилагая к ней litterae petitoriae **, curriculum vitae ***, выпускные свидетельства Боннского и Берлинского университетов ****, а также предусмотренный законом сбор в размере двенадцати фридрихсдоров, одновременно покорнейше Вас прошу, в случае если моя работа удовлетворит факультет, по возможности ускорить присуждение докторской степени. С одной стороны, я смогу пробыть в Берлине всего лишь несколько недель, а с другой — по независящим от меня обстоятельствам мне было бы желательно получить докторскую степень до отъезда.

Выпускные свидетельства я хотел бы получить обратно ввиду того, что они являются подлинными.

С высочайшим уважением весьма преданный Вашему высокоблагородию

Карл Генрих Маркс

Впервые опубликовано в сборнике: «Archiv für die Geschichte des Sozialismus und der Arbeiterbewegung», Jg. 12, Leipzig, 1926

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

---

* См. настоящий том, стр. 147—233. *Ред.*

** — заявление. *Ред.*

*** — автобиографию. *Ред.*

**** См. настоящий том, стр. 610—611, 652—653. *Ред.*

МАРКС — ЛЮДВИГУ БЕРНХАРДУ ВОЛЬФУ

В ИЕНУ

Берлин, 7 апреля [1841 г.]
Schützenstraße, 68

Высокопочтенный г-н профессор!

Приношу Вам сердечную благодарность за дружеское участие в выполнении моей просьбы и осмеливаюсь сообщить Вашему высокоблагородию, что я только что отправил свою диссертацию вместе с документами на философский факультет и прошу Ваше высокоблагородие, согласно Вашему любезному обещанию, соблаговолить ускорить мне пересылку диплома. Мне кажется, что я уже слишком злоупотребил Вашей добротой, чтобы осмелиться утруждать Вас еще просьбой переслать диссертацию непосредственно мне.

С уверением в моей глубочайшей благодарности и почтеннейшем уважении весьма преданный Вам

Карл Генрих Маркс

Впервые опубликовано в сборнике: «Archiv für die Geschichte des Sozialismus und der Arbeiterbewegung», Jg. 12, Leipzig, 1926

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

ПРОБЛЕМА ЦЕНТРАЛИЗАЦИИ

САМА ПО СЕБЕ И В СВЯЗИ С ПРИЛОЖЕНИЕМ К № 137 «RHEINISCHE ZEITUNG», ВТОРНИК, 17 МАЯ 1842 ГОДА [69]

В статье «Германия и Франция в их отношении к проблеме централизации», помеченной значком ÷ ÷, говорится:

«Должна ли *государственная власть исходить* из одного пункта, или же каждая провинция, каждая община должна сама управлять своими делами, а центральное правительство, как власть целого, должно господствовать также и над отдельными частями государства лишь в тех случаях, когда речь идет о представительстве государства во внешних отношениях, — по этому вопросу существует еще серьезное расхождение во взглядах».

Всякий вопрос, выдвигаемый временем, имеет общую судьбу со всяким вопросом, который является по своему содержанию правомерным и, следовательно, разумным: основная трудность здесь не *ответ*, а *вопрос*. Поэтому истинная критика анализирует не ответы, а вопросы. Подобно тому как решение алгебраического уравнения уже дано, лишь только задача поставлена в своих наиболее чистых и четких соотношениях, — так и каждый вопрос получает ответ, лишь только он становится *действительным* вопросом. Сама мировая история не обладает иным методом, кроме разрешения и устранения старых вопросов посредством новых. Поэтому легко отыскать загадочные слова каждого исторического периода. В них выражены вопросы, выдвигаемые временем, и если в ответах большую роль играют намерения и понимание отдельного индивида, — так что нужен опытный глаз, чтобы различить, что́ должно быть отнесено за счет индивида, а что́ за счет времени, — то *вопросы*, напротив, — это голоса времени, которые звучат открыто и бесстрашно, властвуя над всеми отдельными индивидами.

Каждый такой вопрос — девиз времени, его в высшей степени *практический* клич, выражающий его собственное душевное состояние. Поэтому реакционеры любого времени — такие же хорошие барометры его духовного состояния, как собаки — непогоды. Публике это представляется так, будто реакционеры *изобретают* вопросы. Поэтому она полагает, что если тот или другой обскурант не ведет борьбы против какого-либо современного течения, если он не ставит под вопрос то или иное дело, то этого вопроса и *не существует*. Таким образом, публика сама принимает реакционеров за подлинных мужей прогресса.

«Должна ли государственная власть исходить из одного пункта», т. е. должен ли *один пункт* быть средоточием управления или же каждая провинция и пр. должна сама управлять своими делами, а центральное правительство только во внешней политике должно выступать как власть целого «во внешних отношениях», — так ни в коем случае нельзя ставить проблему централизации. Автор уверяет нас, что

«эта проблема, если рассматривать ее с более высокой точки зрения, распадается сама собой, как недействительная», ибо «если человек на самом деле является тем, кем он должен быть по своей сущности, то индивидуальная свобода ничем не отличается от свободы всеобщей». «Если, таким образом, предположить, что народ сплошь состоит из *праведников*, то вопрос, о котором идет речь, не мог бы даже быть поставлен. Центральная власть жила бы тогда во всех членах и т. д. и т. п.». «Но как вообще всякий внешний закон, всякий положительный институт и т. п., так и всякая центральная государственная власть и т. п. оказалась бы излишней. Такое общество было бы не *государством*, а *идеалом* человечества». «Можно с поразительной легкостью разрешать самые сложные государственные проблемы, если взирать на нашу социальную жизнь с высокой философской точки зрения. *Теоретически* такое разрешение всех этих проблем является совершенно правильным, даже единственно правильным. Но речь идет здесь не о теоретическом и т. д. разрешении проблемы централизации, а о практическом, — правда, только эмпирическом и относительном, — ее разрешении и т. д.».

Автор статьи начинает с того, что *сам критикует* свою же постановку вопроса. Если рассматривать этот вопрос с более высокой точки зрения, то его-де не существует. Но в то же время мы узнаем, что для этой высокой точки зрения исчезают все законы, положительные институты, центральная государственная власть и, наконец, само государство. Автор справедливо превозносит «поразительную легкость», с которой эта точка зрения находит распространение. Но он ошибочно называет такое разрешение проблем «теоретически совершенно правильным, даже единственно правильным», ошибочно называет эту точку зрения «философской». Философия должна серьезно

протестовать, когда ее смешивают с воображением. Фикция о народе, состоящем сплошь из «праведников», так же чужда философии, как чужда природе фикция о «молящихся гиенах». Автор подсовывает философии «свои абстракции» *.

Написано К. Марксом во второй половине мая 1842 г.

Впервые опубликовано в Marx—Engels Gesamtausgabe, Erste Abteilung, Bd. 1, Hlbd. 1, 1927

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

* Здесь рукопись обрывается. *Ред.*

ЕЩЕ НЕСКОЛЬКО СЛОВ О БРОШЮРЕ Д-РА О. Ф. ГРУППЕ: «БРУНО БАУЭР И АКАДЕМИЧЕСКАЯ СВОБОДА ПРЕПОДАВАНИЯ»

БЕРЛИН 1842 [70]

Если бы кто-либо захотел написать в Германии *комедию дилетантизма,* то г-н д-р *О. Ф. Группе* непременно должен был бы фигурировать в ней. Судьба наградила этого человека той железной настойчивостью, без которой не могут обойтись великие мужи, особенно великие мужи дилетантизма. Если в большинстве случаев его приключения заканчивались, подобно приключениям Санчо Пансы, двусмысленными знаками признания, то некоторое разнообразие в монотонность этих успехов вносили комическое простодушие и трогательная наивность, с которыми г-н Группе принимал свои лавры. Нельзя даже не признать какого-то величия духа в той последовательности, с которой г-н Группе умозаключал: Так как меня выбросили из класса филологии, то задачей моей станет, чтобы меня выбросили из бальной залы эстетики и из портика философии. Это много, но это еще не все. Моя роль будет сыграна только тогда, когда я буду выброшен из храма теологии, — и г-н Группе настолько добросовестен, что играет свою роль до конца.

Однако последнее выступление г-на Группе свидетельствует о том, что он несколько спустился с высоты занятой им позиции. Мы, правда, ни на минуту не сомневаемся в том, что свое последнее сочинение «Бруно Бауэр и свобода академического преподавания» он писал, не находясь «на службе у какой-либо партии или под чьим-либо влиянием». Г-н Группе испытал повелительную потребность быть выброшенным из храма теологии, но здесь на помощь его комическому инстинкту пришла *мировая мудрость.* Г-н Группе действовал до сих пор — как и подобает комическим персонажам — с забавнейшей серьезно-

стью и самой необычайной спесью. Половинчатость, поверхностность, недоразумения были его *уделом*, но не его *тенденцией*. Великий муж выражал в своей игре свою природу, но делал это для себя, а не для других. Он был *шутом по призванию;* но в своем последнем выступлении он — в этом нет сомнения — *шут по заказу и за вознаграждение*. Злой умысел, бессовестное извращение, низкое вероломство не оставят сомнения в этом и у читателя.

Нашему взгляду на комические персонажи противоречило бы, если бы мы захотели применить к г-ну Группе обширный аппарат критики. Кому придет в голову требовать критическую историю Уленшпигеля? В этих случаях требуют *анекдотов*, и мы приведем анекдот о г-не Группе, являющийся *анекдотом из его брошюры*. Он касается бауэровского толкования евангелия от Матфея, гл. 12, ст. 38—42. Мы просим снисхождения у благосклонного читателя, что займем на минутку его внимание теологическими проблемами, но пусть он не забывает, что наша цель не теология, а г-н Группе. Читатель, надеемся, сочтет справедливым, чтобы после того, как характер и учение Бауэра стали каким-то журнальным мифом, журнальной публике была дана характеристика противников Бауэра.

Мы приведем здесь целиком то место из евангелия от Матфея, о котором идет речь.

«Тогда некоторые из книжников и фарисеев сказали: Учитель! Хотелось бы нам видеть от тебя знамение. Но он сказал им в ответ: род лукавый и прелюбодейный ищет знамения; и *знамение не дастся* ему, кроме знамения *Ионы* пророка; ибо как Иона был во чреве кита три дня и три ночи, так и сын человеческий будет в сердце земли три дня и три ночи. Ниневитяне восстанут на суд с родом сим и осудят его, ибо они *покаялись от проповеди Иониной; и вот, здесь больше Ионы*. Царица южная восстанет на суд с родом сим и осудит его, ибо она приходила от пределов земли послушать *мудрости Соломоновой; и вот, здесь больше Соломона*».

Протестантские богословы обратили внимание на противоречие, заключающееся в том, что Иисус здесь отвергает чудеса, в то время как в других случаях он сам творит их. Они обратили также внимание и на заключающееся здесь более крупное противоречие. В тот самый момент, в который господь отвергает требование чуда, он обещает чудо — и притом великое чудо: свое трехдневное пребывание в подземном мире.

Но так как протестантские теологи слишком безбожны, чтобы допустить противоречие между писанием и *своим* разумом, и слишком святоши, чтобы допустить противоречие между *своим* разумом и *писанием*, то они искажают, извращают и всячески коверкают ясный, простой смысл евангельского текста.

Они утверждают, что Иисус не *противопоставляет* здесь свое *учение* и свою *духовную личность* требованию знамения; они утверждают, что

«он говорит вообще о своем явлении, которое больше, чем явление Соломона и Ионы, и к которому «собственно» относятся также *его чудеса*» [71].

Бауэр тщательным экзегетическим анализом доказывает им несуразность такого толкования [72]. Он цитирует им евангелие от Луки *, в котором вовсе нет путаного места о ките и о трехдневном пребывании в земле. Там сказано следующее:

«Род сей лукав, он ищет знамения, и знамение не дастся ему, кроме знамения Ионы пророка; ибо как Иона был знамением для ниневитян, так будет и сын человеческий для рода сего».

Вслед за тем господь говорит у Луки, что ниневитяне, в ответ на *проповедь* Ионы, покаялись и что царица южная прибыла с конца земли, чтобы услышать Соломонову *мудрость*. Еще более просто, показывает Бауэр, изложен этот эпизод у Марка**.

«Для чего, — говорит Иисус, — род сей требует знамения? Истинно говорю вам, не дастся роду сему знамение. И оставил их Иисус».

Бауэр ополчается против лжетолкований и произвольного искажения текста писания у теологов и, указывая на то, что *написано*, он резюмирует еще раз *смысл речи Иисуса* в следующих словах:

«*Убирайся вон, теолог!* ибо *написано: здесь больше Ионы, больше Соломона,* т. е. ниневитяне, в ответ на *проповедь* Ионы, покаялись, царица южная прибыла с конца земли, чтобы услышать Соломонову *мудрость;* вы же не поверили моим словам, моей речи, между тем слова эти принадлежат *личности, духовное величие которой бесконечно, в то время как Иона и Соломон были ограниченными личностями.* Пусть так, вам будет дано только знамение Ионы, другого знамения вы не получите, кроме *моей личности* и ее — хотя и бесконечного — проявления в слове».

Объяснив, таким образом, *речь Иисуса,* Бауэр прибавляет:

«*Итак,* что же собственно остается от чудес?»

А г-н Группе? Г-н Группе говорит:

«Самое странное при этом, что Бауэр, в своей причудливой манере, *представляет самого себя пророком.* На стр. 296 мы читаем следующие патетические слова: «*Убирайся вон, теолог!*» и т. д. (стр. 20).

Г-н Группе в своем бесстыдстве хочет навязать читателю представление, будто Бауэр говорит *о самом себе,* будто он выдает самого себя за *бесконечную личность,* — в то время как Бауэр занимается *экзегезой речи Иисуса.* При всем своем жела-

* Евангелие от Луки, гл. 11, ст. 29—30. *Ред.*

** Евангелие от Марка, гл. 8, ст. 12—13. *Ред.*

нии, мы не можем извинить этого qui pro quo *, этого скоморошества, общеизвестным слабоумием и дилетантским невежеством г-на Группе. Здесь налицо прямой *обман.* Дело не только в том, что г-н Группе скрывает от читателя, о чем идет речь! Мы могли бы думать, что дилетант случайно открыл стр. 296 бауэровского труда и, торопясь изо всех сил сфабриковать свою книжку, не имел времени прочесть ни того, что предшествует, ни того, что следует за цитируемым им местом. Но нет, г-н Группе *утаивает* то, что не оставляет места никаким недоразумениям, а именно заключение «патетического отрывка»:

«Пусть так, вам будет дано только знамение Ионы, другого знамения вы не получите, кроме *моей личности* и ее, — хотя и бесконечного — проявления в слове. *Итак,* что же «собственно» остается от чудес?»

Г-н Группе понимал, что эти слова должны были бы убедить даже робкого читателя, — читателя, настолько глупого, чтобы искать взгляды Бауэра не в сочинениях Бауэра, а в сочинениях г-на Группе; они должны были бы убедить его в том, что Бауэр говорит здесь не о себе, а о том, *что написано.* Не говоря уже о всех других несуразностях, что́ означали бы в противном случае слова: «Итак, что же собственно остается от чудес?»

Мы сомневаемся, найдется ли еще в немецкой литературе другой пример подобного бесстыдства.

Г-н Группе пишет в предисловии:

«Я во время своей работы все более убеждался, что мы живем в эпоху риторов и софистов» (стр. IV).

Если это — *самопризнание,* то мы решительно протестуем против него. Г-н Группе не ритор и не софист. До того, как он написал свою брошюру о Бауэре, он был *комическим персонажем,* он был плутом в наивном смысле слова; с тех пор он потерял лишь свою наивность и стал теперь — но пусть его совесть подскажет ему, кем он стал теперь. Впрочем, Бауэр может считать признанием своего духовного превосходства то, что против него могут выставить лишь людей, которые не ведают какой бы то ни было духовной жизни, которых, следовательно, он мог бы встретить лишь в том случае, если бы позволил себе *опуститься* до их уровня.

Написано К. Марксом, по-видимому, в конце октября — начале ноября 1842 г.

Напечатано в журнале «Deutsche Jahrbücher für Wissenschaft und Kunst» № 273, 16 ноября 1842 г.

Подпись: К. М.

Печатается по тексту журнала

Перевод с немецкого

* — одно вместо другого, смешение понятий. *Ред.*

РЕДАКЦИОННОЕ ЗАЯВЛЕНИЕ В СВЯЗИ СО СТАТЬЕЙ «КОММУНИЗМ И АУГСБУРГСКАЯ «ALLGEMEINE ZEITUNG»» [73]

Кёльн, 22 октября. В № 292 «Rheinische Zeitung» * была перепечатана из «Mannheimer Abend-Zeitung» статья с пометкой «Из Пфальца, 12 октября», начинавшаяся словами:

«Я был весьма удивлен, найдя вчера в аугсбургской «Allgemeine Zeitung» заимствованную из одного ахенского листка статью (о коммунизме), которая, право, не заслуживает того, чтобы ее напечатала обычно столь хорошо информированная газета».

В связи с этим «Aachener Zeitung» в № 293 ** публикует ответ, с содержанием которого — в соответствии с желанием этой газеты — мы хотим познакомить в выдержках наших читателей, тем более что это дает нам возможность внести некоторые исправления. «Aachener Zeitung» совершенно справедливо допускает в отношении «Rheinische Zeitung», что

«она могла знать, что аугсбургская «Allgemeine Zeitung» выхватила лишь некоторые места из нашей статьи о коммунистах (№ 277 «Aachener Zeitung») и добавила к этому свои замечания, которые придали статье, разумеется, другой смысл».

Как уже говорилось, «Rheinische Zeitung» знала не только это, ей было также известно, что «Aachener Zeitung» совершенно неповинна в тех пошлых и хитроумно сплетенных отрывках, которые были напечатаны в № 284 аугсбургской газеты и направлены исключительно против «Rheinische Zeitung». Поэтому «Rheinische Zeitung», давая в № 289 отповедь аугсбургской газете, совершенно не втянула, — как и подобало, — «Aachener

* 19 октября 1842 года. *Ред.*
** — «Stadt-Aachener Zeitung» № 293 от 22 октября 1842 г. *Ред.*

Zeitung» в этот спор. Если же, однако, кто-нибудь в Пфальце мог быть введен в заблуждение напечатанными вразрядку словами из аугсбургской статьи: «Мы читаем в ахенском листке», то это свидетельствует лишь о том, что «Aachener Zeitung» могла уже раньше рассеять подобное недоразумение и выступить против аугсбургской «Allgemeine Zeitung». Раз уж «Rheinische Zeitung» целиком отнесла на свой счет упомянутую аугсбургскую статью, то она могла, конечно, не давать пояснений к перепечатанной попутно заметке из «Mannheimer Abend-Zeitung», так как ее читатели и без того знали, как обстоит дело. Следующие строки из сегодняшней статьи в «Aachener Zeitung» * не нуждаются в дальнейших пояснениях:

«Она [«Rheinische Zeitung»] знает, что мы не против какого-либо свободного исследования, что мы не намерены мешать стремлениям людей, ставящих себе целью благо какого-либо класса. Мы либеральны по отношению ко *всем*, а это больше, нежели может до сих пор сказать о себе масса иных либералов. Но мы действительно сказали, что коммунизм не может найти у нас почвы, тогда как, наоборот, во Франции и Англии он — естественное явление. Наконец, мы добавили, что не возражаем против коммунистических устремлений в Германии, но мы решительно высказались против всякого братания в клубах в той форме, в какой оно, как утверждают, происходило в Силезии. Либеральные идеи все еще не пустили у нас глубоких корней, еще не достигли таких успехов, чтобы каждое стремление не нуждалось бы в бережной поддержке. Как правило, мы, однако, наблюдаем, что газеты одного и того же направления слишком мало действуют солидарно, не учитывая того, что каждый в отдельности никогда не заполнит всего пространства, что совместное действие возможно лишь в том случае, когда каждый станет попеременно носителем и распространителем идей другого».

Редакция «Rheinische Zeitung»

Написано К. Марксом 22 октября 1842 г.

Напечатано в «Rheinische Zeitung» № 296, 23 октября 1842 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

* — «Stadt-Aachener Zeitung» № 293 от 22 октября 1842 г. *Ред.*

РЕДАКЦИОННОЕ ПРИМЕЧАНИЕ К СТАТЬЯМ «ПРОМАХИ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ОППОЗИЦИИ В ГАННОВЕРЕ» И «С РЕЙНА» [74]

Так как выражение «*либеральная* оппозиция», стоящее в заголовке обсуждаемой статьи, принадлежит не ее автору, а редакции, то последняя считает необходимым сказать несколько слов в объяснение этого названия.

Против этого названия приводятся два возражения. В отношении формы указывается, что оппозиция не либеральна, *ибо* она консервативна, так как ставит своей целью сохранение существующего правового порядка. По этой диалектике выходит, что Июльская революция была консервативной, *следовательно,* не либеральной, так как она стремилась прежде всего к сохранению * хартии [75]. Тем не менее либерализм объявил Июльскую революцию своим делом. Либерализм, конечно, консервативен. Он стремится сохранить свободу и оберегает от посягательств грубой материальной силы даже жалкое status quo ** свободы. К тому же, если эта абстракция хочет быть последовательной, то она должна признать прогрессивной и либеральной оппозицию сторонников правового порядка, возникшего в 1833 г., по сравнению с реакцией, стремящейся насильственно оттеснить 1833 г. к 1819 г. [76]

Что же касается *самого содержания,* то выдвигается далее тот аргумент, что содержание действий оппозиции, — выступление в защиту конституции 1833 г., — вовсе не основывается на принципе свободы. Допустим! Конституция 1833 г. ни в коем

---

* В оригинале здесь и ниже игра слов: «konservativ» — «консервативный»; «Konservation» — «сохранение»; «konservieren» — «сохранить». *Ред.*

** — теперешнее состояние. *Ред.*

случае не является выражением свободы, если сопоставить ее с идеей свободы, но она, конечно, является выражением свободы при сопоставлении ее с конституцией 1819 года. Вообще речь шла сначала не о *каком-либо определенном* содержании этой конституции, — речь шла о том, чтобы во имя *законного* содержания выступить против *незаконной* узурпации.

Редакция тем более была вправе назвать ганноверскую оппозицию либеральной, что почти все немецкие палаты приветствовали ее как либеральную оппозицию, как оппозицию законной свободы. Оправдывается ли это название перед судом *критики,* перешла ли оппозиция от одного только высказывания мнений и претензий либерализма к *подлинному* либерализму, — рассмотреть этот вопрос и ставила своей задачей обсуждаемая статья.

Попутно заметим, что, по нашему мнению, подлинный либерализм в Ганновере должен в будущем стремиться не к защите конституции 1833 г. и не к возвращению к конституции 1819 года. Он должен стремиться к совершенно новой государственной форме, соответствующей более глубокому, более развитому и *свободному* народному сознанию.

Редакция «Rheinische Zeitung»

Написано К. Марксом около 8 ноября 1842 г.

Напечатано в приложении к «Rheinische Zeitung» № 312, 8 ноября 1842 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

МУНИЦИПАЛЬНАЯ РЕФОРМА И «KÖLNISCHE ZEITUNG» [77]

Кёльн, 7 ноября. При рассмотрении вопроса о муниципальной реформе мы не сочли уместным принять во внимание то, что опубликовано об этом в провинциальных газетах и особенно в «Kölnische Zeitung». Мы легко избежим упреков в этом, если покажем на одном примере приблизительную силу суждения тех, кто пожелал взять под свою защиту разделение городских и сельских общин.

В приложении к № 309 «Kölnische Zeitung» под рубрикой «Резюме» [78] приводятся авторитетные мнения «за» и «против» упомянутого разделения. В числе прочих курьезов встречаются такие доводы против разделения, как «некоторые газетные статьи», и в пользу разделения — «равным образом газетные статьи», подобно тому как появились газетные статьи также и в защиту цензуры. Во всяком случае мы должны с величайшей похвалой упомянуть то благоговение, благодаря которому статью считают доводом уже потому, что она является газетной статьей, — упомянуть это благоговение, рассматривая его как признание газетной прессы, хотя и весьма некритическое, но несмотря на свой комический вид, все же не часто встречающееся признание. Однако столь похвальное беспристрастие отсутствует при сопоставлении двух других авторитетных мнений за и против разделения городских и сельских общин. Сообщается, что против этого разделения был ландтаг 1833 года, который к тому же еще находился под влиянием одной энергичной личности, посему, следовательно, против разделения была только эта одна личность, а за разделение высказался весь ландтаг 1827 г. за исключением одного голоса. Однако дражайшее

«Резюме», если весь ландтаг 1833 г. значит лишь столько же, сколько одна личность, за которой он следовал, то разве исключено, что ландтаг 1827 г. значит не больше, чем тот один голос, против которого он выступал. И как вообще столь колеблющийся, столь несамостоятельный ландтаг остается еще авторитетом! [79] Если затем петиции из Кёльна, Ахена и Кобленца приводятся в качестве петиций в пользу разделения городских и сельских общин, поскольку эти петиции ограничиваются пределами Кёльна, Ахена и Кобленца, то в лучшем случае этим была бы доказана лишь ограниченность этих петиций, но отнюдь не их разумность. Однако хотя эти города в первоначальной спешке мало постигли общий характер вопроса и в недостаточной степени приняли во внимание интересы всей провинции, они в столь же малой степени противопоставили свою особую реформу общей реформе. Города подавали петиции только в своих интересах, но отнюдь не против всей провинции [80]. Комическая беспристрастность «Резюме» нас восхитила уже в своей начальной части и, даже если оно не остается верным этому на всем протяжении, а, как мы только что услышали, не может обойтись без того, чтобы походя не пускаться на маленькие преднамеренные хитрости, то в заключительной части этот комизм и это беспристрастие вновь победоносно восстанавливаются. Сообщается, что за разделение города и деревни выступали также

«прочие города Рейнской провинции, содержание петиций которых неизвестно, но требования которых могли быть, конечно, только требованиями для себя, так как отдельный населенный пункт не может быть рупором целой провинции».

Итак, не только некая газетная статья вообще является авторитетным мнением, но даже некое безусловно заурядное «конечно, только» дает разгадку неизвестного содержания петиций прочих городов. То, что этот пророк, который зовется «конечно, только», оказывается лжепророком, доказывает петиция города Трира [81]. В заключительных словах «Резюме» наружу выступает то внутреннее основание, которое составляет подлинное жизненное основание требования разделения города и деревни. Хотят отделить не только город от деревни, хотят отделить отдельные города друг от друга и от провинции, хотят отделить провинцию от ее собственного разума. Отдельный населенный пункт не может-де быть рупором целой провинции! Верно, отдельный населенный пункт не должен целиком быть рупором, но он должен быть частью этого рупора, а, следовательно, в своих пределах рупором целого и всеобщего

интереса. И разве такое мнение не упраздняет всякую возможность даже отдельного городского муниципального устройства? Если отдельный населенный пункт не может быть рупором целой провинции, то разве отдельный горожанин может быть рупором целого города? Требование этого горожанина, как следует из вышеприведенного рассуждения, может поэтому быть только требованием для себя, но не для целого города, а так как целый город состоит только из отдельных горожан, то выходит, что нельзя требовать ничего общегородского. «Резюме» приходит в конечном счете к тому, к чему вообще должно, если быть последовательным, привести разделение города и деревни: делает невозможным не только город, не только провинцию, но даже само государство. Уж если утверждать частное как враждебную противоположность всеобщему, то неизбежно придешь к тому, чтобы заставить все политические и социальные формы исчезнуть перед крайним безраздельным партикуляризмом, перед отдельным индивидом с его физическими вожделениями и целями. Те войска, которые «Резюме» заставляет выступить в поход в свою защиту, подобны, за немногими исключениями, рекрутам Фальстафа. Они годны лишь на то, чтобы заполнить ров трупами мыслей *. Довольно же заниматься ремеслом могильщика!

В заключение одно благожелательное замечание в адрес «Kölnische Zeitung». В первый раз в ее передовую статью вкралось чувство скромности и неуверенности в своих силах [82], хотя в прочих случаях ее передовицы имеют обыкновение с авторитетным видом распространяться de omnibus rebus et de quibusdam aliis **. Не в первый раз, но в данном случае, пожалуй, раз и навсегда «Kölnische Zeitung» может убедиться в несостоятельности своего редакционного принципа. Так как всех сотрудников, не требующих гонорара, встречают с распростертыми объятиями, то достаточно, чтобы нашлось несколько охочих до писания рук, приводимых в движение посредственной головой, и будет выражено в фальсифицированном виде общественное мнение. Если бросить взгляд на столбцы «Kölnische Zeitung», то можно полагать, что в Рейнской провинции преобладает мнение в пользу разделения города и деревни. Если бросить взгляд на Рейнскую провинцию, то можно полагать, что в «Kölnische Zeitung» Рейнская провинция не преобладает.

---

* Перефразированные слова Фальстафа из исторической хроники В. Шекспира «Король Генрих IV», часть I, акт 4, сцена вторая. *Ред.*

** — о всякой всячине. *Ред.*

Кёльн, 11 ноября. Наш призыв к рейнским «провинциальным газетам» по вопросу о муниципальной реформе [83] не остался безрезультатным. «Kölnische Zeitung» сочла себя обязанной пролить в своем номере от 11 ноября мнимый свет вместо обычного полумрака и, хотя с нескрываемым неудовольствием, с нерешительностью и оговорками, с подозрительными оглядками назад, с умышленной двусмысленностью признать равноправие города и деревни [84]. Сегодня мы еще раз воспользуемся случаем, чтобы довести до сознания «Kölnische Zeitung» ее состояние духа, и не хотим отказаться от приятной, хотя и фантастической надежды на то, что она оставит свою точку зрения, как только осознает свою точку зрения.

«Впрочем, — заканчивает «Kölnische Zeitung» свою сегодняшнюю статью, — что касается вопроса о муниципальном устройстве, привлекающего к себе в столь высокой степени всеобщий интерес, то редакция «Kölnische Zeitung» считает нужным заявить, что она также и в этом отношении придерживается принципа равноправия, но что она считает своим долгом предоставить как можно более широкий простор дискуссии о *формах,* в которых можно достигнуть улучшения тех отношений, которые в настоящее время являются совершенно несвободными и признаются всеми партиями как не могущие быть долее терпимыми».

До сих пор «Kölnische Zeitung» не поместила ни единой статьи о тех *формах,* в которых следует провести муниципальную реформу, строго придерживаясь принципа равноправия. Поэтому мы не могли бороться с противником, которого не существовало. Или «Kölnische Zeitung» считает «разделение города и деревни», — разделение, которое в ряде ее статей предлагалось законодательно сконструировать посредством раздельного муниципального устройства, — также одной из тех *форм,* в которых кристаллизуется принцип равноправия? Не считает ли она такое фиксированное неравноправие некоей формой равноправия? Сражение на столбцах «Kölnische Zeitung» разворачивалось не из-за различных форм одного и того же принципа, а скорее из-за различия самого принципа, и, если мы станем рассматривать статьи «Kölnische Zeitung», согласно предложению самой «Kölnische Zeitung», только как предметы *, т. е. по их численной массе, то окажется, что большинство солдат в этом сражении принадлежало к стану противников равенства. Мы говорили «Kölnische Zeitung»: будьте честны, не фальсифицируйте выражение общественного мнения, исполните призвание рейнской газеты выражать дух Рейнской про-

* В оригинале игра слов: «Artikel» — «статья», «Artikel» — «предмет». *Ред.*

винции, отвлекитесь от личных соображений, закройте по жизненно важному вопросу провинции доступ на ваши столбцы всем индивидуальным мнениям, которые страдают той слабостью, что хотят утвердить некую особую позицию в противовес воле народа! И как же отвечает «Kölnische Zeitung»!

Она находит «уместным» воздать должное принципу равноправия в отношении муниципальной реформы. Это «нахождение уместным» найдут весьма благоразумным по отношению к Рейнской провинции и вовсе не будут рассматривать просто как доказательство силы изобретательного мышления «Kölnische Zeitung». Наряду с этим умеренным воздаянием должного духу провинции «Kölnische Zeitung» считает своим «долгом» предоставлять как можно более широкий простор дискуссии о «формах» муниципальной реформы, под каковыми формами она понимает также и формы «неравенства». Подобное «радение о долге» найдут уместным с точки зрения, вытекающей из ее частных интересов и частных соображений, как ни неуместна эта точка зрения сама по себе. Чтобы закрыть всякую лазейку для «Kölnische Zeitung», которая прячется за различие формы и содержания, мы ставим категорический вопрос: считает ли она неравенство города и деревни, законодательно зафиксированное посредством раздельного муниципального устройства, некоей «формой» равноправия и рассчитывает ли также впредь предоставлять свои столбцы для подобных утверждений под видом простого вопроса формы? Завтра мы вернемся к рассматриваемой нами статье «Kölnische Zeitung».

Кёльн, 12 ноября. Статья в № 314 «Rheinische Zeitung», которая касается (употребляя для начала элегантное, типичное для «Kölnische Zeitung» словосочетание *) привлекающего к себе в столь высокой степени интерес вопроса о муниципальном устройстве, является не чем иным, как avant-propos ** к подробному, продолжающемуся на страницах приложения к нашей газете освещению проблемы *равенства муниципального устройства для города и деревни* [85]. Свою ссылку на это, т. е. на самую суть дела, «Kölnische Zeitung» начинает словом «*впрочем*», подобно тому как на празднике ремесленников ouvrier *** начинает свою речь словами «вообще говоря», что,

* В оригинале Маркс, ставя в начале фразы три немецких артикля один за другим (der, die, das), высмеивает высокопарный стиль «Kölnische Zeitung». *Ред.*

** — введением. *Ред.*

*** — мастеровой. *Ред.*

однако, отнюдь не должно умалять заслуги «Kölnische Zeitung» по части оригинальности, так как мы готовы всегда признать столь же своеобразное, сколь и похвальное обыкновение этой газеты при рассмотрении вопроса, представляющего всеобщий интерес, касаться *«впрочем»* также и «самой сути дела». Этому методу рассмотрения, отличающемуся известной преднамеренностью, свойственна поразительно изворотливая способность плести редкостные небылицы и придавать им в глазах третьих лиц даже видимость правдоподобного истолкования сути дела.

Так, «Kölnische Zeitung» начинает рассматриваемую нами статью от 11 ноября с анекдота о том, что «соседняя газета», а именно «Rheinische Zeitung», призывает «все рейнские провинциальные газеты сообща энергично выступить против якобы исходящей из Берлина угрозы равноправию городских и сельских общин» и выдвигает общий лозунг: «равенство для всех, для горожан и крестьян». «Kölnische Zeitung» объявляет себя готовой присоединиться к этому лозунгу,

«если под равенством понимается не *безумная мечта коммунистов*, а, как мы *предполагаем*, единственно возможное равенство, равенство прав».

Этот лукавый намек на коммунистические мечтания был бы немыслим и равным образом отпала бы необходимость в великодушном предположении о нашей некоммунистической тенденции, если бы «Kölnische Zeitung» начала свое сообщение *с самой сути дела*, с факта: «Rheinische Zeitung» требует *равного муниципального устройства* для города и деревни и при этом определенным образом обозначает это равенство в приводимой статье как «*равноправие* городских и сельских общин». Но если в глазах «Kölnische Zeitung» это равенство выглядит чуть ли не коммунистическим безумием, то ее следует просто отослать к ее же собственному вероучению, начинающемуся катоновским: «Ceterum» *.

Смехотворного намека на коммунистические мечтания оказывается еще недостаточно, «Kölnische Zeitung» считает нужным связать с исповеданием равноправия некое другое исповедание.

«Однако надо признаться, — говорит она, — что мы никоим образом не можем *разделить опасение* насчет того, *будто мудрое правительство Фридриха-Вильгельма IV проявляет намерение нарушить рейнское равноправие*. Прежде чем мы убедимся в этом, нам непременно должны быть представлены факты, а не те утверждения, относительно которых мы надеемся, что они лишены всякого основания».

* Начало известной фразы Катона «Ceterum censeo Carthaginem esse delendam» («Впрочем, считаю, что Карфаген должен быть разрушен»). *Ред.*

Прибегая к этой неуклюжей и подлой инсинуации, которая приписывает нам опасения насчет некоего *преднамеренного* покушения на рейнское равноправие мудрого правительства Фридриха-Вильгельма IV и распространение оных опасений, «Kölnische Zeitung» переходит из области аргументов в область подозрения и доноса. Она снова убеждает нас в том, что бессилие ума пытается в конечном счете подкрепить себя бессилием характера, пустым безрассудством деморализации. На чем основывается эта инсинуация «Kölnische Zeitung»? Мы сообщили, согласно берлинским известиям, что рейнским депутатам центральных комиссий представлен проект муниципального устройства, который *не* признает равенства города и деревни [86]; на этот случай мы рекомендовали рейнской прессе энергично стоять за истину.

Если правительство представляет *рейнским* депутатам на рассмотрение проект такого муниципального устройства, которое разделяет город и деревню, то уже из этого простого факта следует, что правительство далеко от всякой скрытой преднамеренности, а скорее полностью *убеждено* в том, что таким разделением рейнское равноправие *не* нарушается. Если рейнская пресса, этот глас Рейнской провинции, убеждена в противоположном мнении провинции, то вывод из этого столь же прост: она должна доказывать, что одинаковое муниципальное устройство для города и деревни является необходимым следствием рейнского равноправия; а разве не является *обязанностью прессы по отношению к правительству* не только высказывать убеждение народа, не принимая во внимание особого мнения отдельных индивидов, но также и доказывать разумность этого убеждения по существу?

Наконец, более чем непристойно со стороны «Kölnische Zeitung» вовлекать в подобные споры высочайшую особу его величества. Поистине требуется минимум ума и максимум беспринципности, чтобы в чисто монархическом государстве сделать невозможной всякую политическую дискуссию посредством простого и легкого маневра, — путем абстрагирования от действительного содержания дискуссии, ограничения вопроса личным отношением к монарху и превращения таким образом любых *дебатов, по существу дела, в дебаты о доверии*. Мы выразили надежду на то, что все рейнские газеты будут представлять мнение Рейнской провинции, поскольку питаем непоколебимое убеждение в том, что его величество не откажется признать большого значения всеобщего мнения Рейнской провинции, даже если наши берлинские известия окажутся обоснованными, сомневаться в чем у нас нет повода, и даже если рейнские

депутаты одобрят разделение города и деревни. В последнем, кажется, вряд ли можно усомниться, тем более, что как только что доказали статьи «Kölnische Zeitung», не все жители Рейнской провинции понимают и разделяют убеждение огромного, подавляющего большинства ее населения.

«Rheinische Zeitung» выдвинула лозунг равноправия города и деревни, а «Kölnische Zeitung» принимает этот лозунг с тем осторожным условием, что мы под «равноправием» понимаем равенство прав, а не коммунистическое мечтание. «Rheinische Zeitung» сопроводила берлинские известия апелляцией к убеждениям рейнских газет, а «Kölnische Zeitung» доносит на нее за подозрения насчет намерений его величества. «Rheinische Zeitung» призвала различные редакции наших провинциальных газет пожертвовать индивидуальными соображениями и предвзятыми мнениями ради отечества, а «Kölnische Zeitung» приводит некое сухое, лишенное всякого основания признание равноправия города и деревни, признание, формальное достоинство которого она сама снова упраздняет тем, что объявляет «разделение» города и деревни некоей «формой» равноправия. Можно ли писать более нелогичным, бесхарактерным и жалким образом? Можно ли более явственно провозглашать устами свободу, а сердцем несвободу? Но «Kölnische Zeitung» знает шекспировское изречение:

> «Да, сэр. Быть честным — по нашим временам, значит быть единственным из десяти тысяч» *.

И «Kölnische Zeitung» не поддалась искушению быть этим *одним* из десяти тысяч.

В заключение еще несколько слов о «разделении города и деревни». Даже независимо от общих доводов, *закон* может быть только идеальным, сознательным отражением действительности, *теоретическим* самообособившимся выражением практических жизненных сил. В *Рейнской провинции* город и деревня в действительности не разделены. Стало быть, закон не может декретировать этого разделения, не декретируя своей собственной ничтожности.

Написано К. Марксом 7—12 ноября 1842 г.

Напечатано в «Rheinische Zeitung» №№ 312, 316 и 317; 8, 12 и 13 ноября 1842 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

---

* *В. Шекспир*. «Гамлет». Акт 2, сцена вторая. *Ред.*

РЕДАКЦИОННОЕ ПРИМЕЧАНИЕ К СТАТЬЕ «ПРОЕКТ НОВОГО ЗАКОНА О РАЗВОДЕ» [87]

Помещенная здесь критика проекта закона о разводе изложена с точки зрения *рейнской* юриспруденции, тогда как ранее приведенная критика (см. приложение к № 310 «Rheinische Zeitung») [88] исходила из точки зрения старопрусской юриспруденции и ее практики. Остается еще третий род критики, — критика, которая отправляется преимущественно от общей *философско-правовой* точки зрения. Согласно ей уже недостаточно исследовать отдельные доводы pro и contra *, а необходимо развить понятие брака и вытекающие из этого понятия следствия.

Обе ранее опубликованные статьи в одинаковой мере отвергают вмешательство религии в область права. Они, однако, не рассматривают вопроса, в какой степени брак как таковой является по своей сущности религиозным или нерелигиозным. Тем самым они не в состоянии выяснить, как надлежит поступать последовательному законодателю, если он руководствуется сущностью вещей и никоим образом не может удовольствоваться чисто абстрактным определением этой сущности. Если законодатель считает сущностью брака не человеческую нравственность, а его духовную святость, и, следовательно, ставит на место самоопределения предопределение свыше, на место внутреннего, естественного освящения — сверхъестественную санкцию, а на место разумного подчинения природе этих отношений — пассивное послушание заповедям, стоящим над природой этих отношений, то можем ли мы бросить

* — за и против. *Ред.*

упрек этому религиозному законодателю, если он также и брак подчиняет церкви, — которая для того только и существует, чтобы осуществлять требования и наставления религии, — и ставит светский брак под верховный надзор церковных властей? Не является ли это простым и необходимым следствием?

Люди ошибаются, когда рассчитывают опровергнуть религиозного законодателя указанием на то, что те или иные его установления противоречат светской сущности брака. Религиозный законодатель выступает не против расторжения светского брака, скорее он выступает против светской сущности брака. Он стремится частично лишить брак его светского характера, частично же, — там, где это невозможно, — он, считая светский характер брака неизбежным злом, старается дать ему почувствовать каждую минуту его ограниченность, сломить греховную силу его последствий.

Но точка зрения *рейнской* юриспруденции, остроумно изложенная в только что помещенной критике, представляется совершенно недостаточной. Недостаточно подразделить брак на две сущности: духовную и светскую — так, чтобы одна из них была связана только с церковью и совестью отдельных личностей, другая же — с государством и правовым сознанием граждан. Противоречие не снимается тем, что брак подразделяется на две различные сферы. Напротив, тем самым создается противоречие и неразрешимая коллизия между самими этими жизненными сферами. И кто в состоянии вменить законодателю в обязанность придерживаться дуализма, двойного мировоззрения? Разве всякий добросовестный законодатель, стоящий на религиозной точке зрения, не должен признать единственной силой в реальном мире и в его земных формах то, что в духовном мире и в религиозных формах он признает воплощением самой истины и перед чем он преклоняется, как перед единственной силой?

В этом пункте проявился коренной изъян рейнской юриспруденции, ее двойственное мировоззрение, которое, отделяя, с присущей ему поверхностностью, совесть от правового сознания, не разрешает труднейших коллизий, а разрубает их; отрывает мир права от мира духа, а тем самым право от духа и, следовательно, юриспруденцию от философии. Но в еще большей степени обнаружилась в оппозиции против обсуждаемого закона полнейшая беспринципность старопрусской юриспруденции, проявившаяся здесь самым недвусмысленным образом. Если верно, что никакое законодательство не может декретировать нравственность, то тем более верно, что никакое законодательство не может провозгласить нравственность правом.

Прусское право [89] основано на рассудочной абстракции, которая, будучи сама по себе бессодержательной, восприняла естественное, правовое и нравственное содержание как внешнюю, поверхностную, лишенную внутренней закономерности материю. Эту материю, лишенную духа и закономерности, оно пыталось приспособить, расположить и приладить в соответствии с внешней целью. В своем отношении к предметному миру оно не считается с присущими ему законами, а только со своими произвольными субъективными выдумками и со своими, не вытекающими из существа дела, намерениями. Старопрусские юристы проявили весьма мало понимания природы прусского права. Они критиковали не его сущность, а отдельные внешние его проявления. Поэтому-то они и выступали не против самого содержания и стиля нового проекта закона о разводе, а против его реформаторской тенденции. В дурных нравах они, вероятно, думали найти оправдание дурных законов. Мы требуем от критики, прежде всего, чтобы она критически относилась к самой себе и не упускала из виду трудностей своего предмета.

Редакция «Rheinische Zeitung»

Написано К. Марксом около 15 ноября 1842 г.

Опубликовано в «Rheinische Zeitung» № 319, 15 ноября 1842 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

[КАБИНЕТСКИЙ УКАЗ ОТНОСИТЕЛЬНО ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ] [90]

Кёльн, 15 ноября. В сегодняшнем номере «Kölnische Zeitung» опубликован следующий королевский кабинетский указ, разосланный в течение прошлого месяца всем обер-президентам:

«Я уже часто указывал на необходимость бороться с тенденцией худшей части периодической печати: вводить в заблуждение общественное мнение относительно общих дел путем распространения ложных или искаженных фактов, бороться с этой тенденцией так, чтобы каждому такому ложному сообщению сразу же противопоставлялась правда путем опровержения фактов в тех самых газетах, которые повинны во лжи. — Недостаточно предоставить противодействие дурным, вредным для общественного духа стремлениям одной газеты другим, руководствующимся лучшим духом газетам и надеяться только на них. Там, где яд соблазна пущен в действие, там же он и должен быть обезврежен, — это не только долг властей перед читателями, которым яд направлен, но это одновременно самое действенное из всех средств уничтожения тенденции обмана и лжи, когда она себя проявляет, средство, которое вынуждает редакцию опубликовать приговор самой себе. Я считал это дурным потому, что это правомерное и необходимое средство обуздать вырождение прессы до сих пор мало или совсем не применялось. Поскольку предыдущие законы недостаточно закрепляли обязанность газет без промедления публиковать все фактические поправки, направленные им должностной властью, публиковать без всяких примечаний и вводных рассуждений, постольку я ожидаю от правительства предложений о необходимых дополнениях к этим законам. Но если они уже сейчас достаточны для достижения цели, то я хочу, чтобы они со всей силой использовались моими властями для защиты права и истины, и поручаю это, наряду с самими министерствами, в особенности непосредственной заботе обер-президентов, которым правительство должно дать указания на этот счет.

Чем больше я забочусь о том, чтобы благородному, лояльному, достойному образу мыслей, где бы он ни проявился, не была урезана свобода слова, чтобы в интересах истины по возможности меньше сужались рамки общественных обсуждений, тем беспощаднее должен подав-

ляться дух, применяющий оружие лжи и соблазна, чтобы свобода слова из-за злоупотреблений этого низкого духа не могла быть лишена своих плодов и благословений.

Сан-Суси. 14 октября 1842. *Фридрих-Вильгельм*».

Мы потому так торопимся сообщить нашим читателям этот королевский кабинетский указ, что видим в нем *гарантию* для прусской прессы. Каждая лояльная газета будет рассматривать его только как значительную поддержку со стороны правительства, если *ложные* или *искаженные факты,* сообщения которых при самой большой осмотрительности редакции не всегда можно избежать, будут исправляться из официального источника. Правительство гарантирует периодической печати этими *официальными разъяснениями* не только известную *историческую точность* фактического материала, но и признает также, что еще важнее, большое значение прессы положительным сотрудничеством с ней, которое ставит во все более узкие рамки отрицательное сотрудничество, проводимое через *запрещение, закрытие* и *цензуру.* В то же время королевский кабинетский указ исходит из предпосылки известной *независимости* периодической печати, так как без нее, если и не смогли бы появиться тенденции обмана, лжи и вредных стремлений, то еще меньше возможности было бы у благородного, лояльного, достойного образа мыслей появиться в газетах и утвердиться в них.

Прусские газеты должны приветствовать эту королевскую предпосылку известной независимости периодической печати ***как превосходнейшую гарантию этой независимости*** и как ***недвусмысленное выражение королевской воли.***

Написано К. Марксом 15 ноября 1842 г.

Напечатано в «Rheinische Zeitung» № 320, 16 ноября 1842 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

КОРРЕСПОНДЕНТ «KÖLNISCHE ZEITUNG» И ПОЗИЦИЯ «RHEINISCHE ZEITUNG»

Кёльн, 16 ноября. Самый ревностный поборник «разделения города и деревни» в «Kölnische Zeitung» ныне снова поднял свой громоподобный глас. Сегодня он избрал сулящей лавры жертвой своего частного разумения и своих частных иллюзий не Рейнскую провинцию, а «Rheinische Zeitung»[91]. Мы верим, что этому доброму малому чтение за завтраком статей «Rheinische Zeitung» об общинном устройстве затуманило голову и вновь повергло в «чрезвычайно запутанные грезы». Мы верим, что знатоку *Кёльна* и *Биккендорфа* [92] весьма неприятно, когда его прогоняют сквозь Восток, Грецию, Древнюю Германию, Галлию и Францию и даже сквозь *идеи,* которые *рутине* практического *обихода* и узкоограниченного созерцания неизбежно представляются «софистикой» и «диалектическими ухищрениями». Мы не хотим дурно истолковывать те весьма далекие от умеренности комплименты, которые это *бодрое* самодовольство умеет расточать своим собственным творениям, ибо в характере ограниченности — считать свои индивидуальные узкие пределы пределами, свойственными всему миру, его столпами. Поскольку ныне наш добрый и не лишенный юмора друг не выдвигает никаких новых доводов, а придерживается того мнения, что довод, который при его первом упоминании был опровергнут и отвергнут, может, подобно назойливому просителю, в конце концов достигнуть цели, если только обладать достаточным упорством, чтобы вновь и вновь к нему возвращаться; поскольку, стало быть, наш друг ожидает эффекта от своих умело расставленных и тщательно взвешенных доводов, рассчитывая при этом, в соответствии с принципами, выдвигаемыми в отноше-

нии газетных статей, не на сами эти доводы, а на их повторение, то не остается ничего другого, как изгнать наконец из реального мира некоторые фантасмагории, которые могли взбрести ему в голову во «сне» или в «запутанных грезах», и таким образом, насколько это зависит от нас, содействовать устранению вновь появляющейся веры в привидения, которая, как известно, смешивает свои иллюзии о предметах с самими предметами. Наш ясновидец увидел во сне, как «Rheinische Zeitung» возбуждает тревогу среди крестьян,

«толкая их на то, чтобы с заступами и мотыгами идти в поход на города, потому что эти города вынашивают тиранические замыслы».

Нашему ясновидцу в моменты проблеска сознания придется убедить самого себя в том, что «города» расположены не в «Kölnische Zeitung», что мы даже отвергли ее произвольную интерпретацию намерений городов и, наконец, что тот труд, который даже не входит в пределы кругозора *«знатока Кёльна и Бикендорфа»*, еще меньше может возбудить крестьянина к демонстрации «с заступами и мотыгами», хотя последние, вероятно, играют известную роль для проверки «свободных от предрассудков воззрений», почерпнутых «из практической жизни и обихода». Наш ясновидец найдет, далее, при своем пробуждении, что *вразумление* некоего мнимого «корреспондента» «Kölnische Zeitung» без всякого сомнения не является «искажением истины», что возбуждение «недовольства» по отношению к «Kölnische Zeitung» и *выступление* против ее глубокомысленного корреспондента отнюдь *не* представляет собой антигосударственного «возбуждения недовольства и партийной ярости»; в противном случае, пожалуй, не только «города» оказались бы расположенными в «Kölnische Zeitung», но также и само *государство* оказалось бы воплощенным в ней и ее сотрудниках! Наш друг тогда поймет также, что можно позволить себе *«безграничную дерзость»*, возбуждая раздражение по отношению к литературной продукции, публикуемой под значком — . — , не «осмеливаясь» при этом «на непристойные выпады против высших государственных учреждений», которые он хочет сделать ответственными не только за свои *мнения*, но даже за свои *аргументы* и которые охотно дезавуировали бы этого самозванного союзника.

При теперешнем состоянии немецкой науки потребовалось бы совершить нечто большее, чем переворот, для того чтобы те пустые теории, которые силятся утвердить себя в качестве результатов *всемирной истории*, и общие точки зрения современной доктрины испытали горькую судьбу, взяв в качестве

критического мерила «свободные от предрассудков», почерпнутые из гражданского обихода и практической жизни воззрения «*знатока Кёльна и Биккендорфа*». Но наш знаток поймет, что до наступления эпохи этой реформации и установления предполагаемого литературного величия значка — . — мы считаем разрозненные плоды его теперешних усилий слишком отрывочными и, да позволит он нам сказать, слишком незначительными во всех отношениях, чтобы, продолжая удостаивать их внимания, поддерживать и взращивать иллюзию об их важности.

Написано К. Марксом 16 ноября 1842 г.

Напечатано в «Rheinische Zeitung» № 321, 17 ноября 1842 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

[ПИСЬМО РЕНАРА ОБЕР-ПРЕЗИДЕНТУ ФОН ШАПЕРУ] [93]

Высокочтимый г-н обер-президент!

Ваше высокоблагородие!

Ваше высокоблагородие распорядились направить мне через правительственного президента в Кёльне, г-на фон Герлаха, двенадцатого числа сего месяца рескрипт министерства цензуры и кроме того два распоряжения, в связи с каковыми я должен был сделать заявление для занесения в протокол. Но ввиду важностей затребованных у меня объяснений я счел за лучшее вместо того, чтобы по всей форме делать заявление для протокола, обратиться сегодня письменно к Вашему высокоблагородию.

1. Что касается рескрипта министерства цензуры и в особенности предъявляемого «Rheinische Zeitung» требования изменить свое направление и принятъ иное, угодное правительству, то я могу понять это требование лишь применительно к *форме*, которую можно будет — поскольку это позволит содержание — смягчить. Направление газеты, которая, подобно «Rheinische Zeitung», не является просто беспринципной амальгамой из сухих рефератов и низкой лести, а освещает государственные дела и деятельность отечественных учреждений в духе сознающей свою благородную цель (хотя и резкой) * критики, — направление это, судя по недавно опубликованной цензурной инструкции [94] и по неоднократно высказанным взглядам его величества в другом месте, может, как нам кажется, быть лишь желательным для правительства. Да! Ответственному редактору

* — «хотя и резкой» — зачеркнуто карандашом. *Ред.*

до сих пор никогда не указывалось на то, что это направление не встречает одобрения. Кроме того, так как «Rheinische Zeitung» находится под строжайшей цензурой, то как можно считать правомерным, чтобы сделанное ей *первое предупреждение* явилось и ее запрещением? Могу заверить Ваше высокоблагородие, что «Rheinische Zeitung», поскольку это от нее зависит, будет и впредь помогать прокладывать путь прогрессу, по которому Пруссия идет теперь впереди всей остальной Германии. Но именно поэтому я должен отвергнуть сделанный мне в рескрипте упрек, будто «Rheinische Zeitung» старалась распространять в Рейнской области французские идеи и симпатии. «Rheinische Zeitung», напротив, считала своей главной задачей * обратить взоры, прикованные еще у многих к Франции, на Германию и вместо французского либерализма вызвать к жизни немецкий либерализм, который, конечно, не может быть неприятен *правительству Фридриха-Вильгельма IV*. «Rheinische Zeitung» при этом всегда указывала на Пруссию, от развития которой зависит развитие остальной Германии. Доказательством этого служат полемические статьи о прусской гегемонии [95], направленные против антипрусских устремлений аугсбургской газеты **. Доказательством служат все статьи о прусском Таможенном союзе, направленные против статей гамбургского «Correspondent» *** и других газет, — статьи, в которых «Rheinische Zeitung» обстоятельнейшим образом доказывала, что вступление в союз Ганновера, Мекленбурга и Ганзейских городов является исключительно полезной мерой. Наконец, доказательством служит прежде всего то, что «Rheinische Zeitung» постоянно подчеркивала значение северогерманской науки в противоположность поверхностности не только французских, но и южногерманских теорий. «Rheinische Zeitung» была первой рейнской и вообще южногерманской газетой, которая ввела в Рейнскую провинцию и южную Германию северогерманский дух, протестантский дух ****, — а чем можно неразрывнее связать разобщенные племена, как не духовным единством, являющимся душой и единственной гарантией политического единства от всех внешних бурь!

Что же касается якобы *антирелигиозной* тенденции «Rheinische Zeitung», то высшим властям не может быть неизвестно, что по вопросу о содержании определенного положительного

* Слова «считала своей главной задачей» вписаны Марксом вместо зачеркнутых им слов: «немало способствовала тому, чтобы». *Ред.*

** — «Allgemeine Zeitung». *Ред.*

*** — «Staats-und Gelehrte Zeitung des Hamburgischen unpartheiischen Correspondenten». *Ред.*

**** Слова «протестантский дух» зачеркнуты карандашом. *Ред.*

вероучения, — а ведь речь идет только о нем, а не о религии, которую мы не затрагивали и никогда не будем затрагивать, — вся Германия, и в особенности Пруссия, раскололась на два лагеря, каждый из которых насчитывает среди своих представителей деятелей, занимающих высокое положение в науке и государстве. Неужели газета обязана в нерешенном еще злободневном споре не занимать никакой позиции или же занимать позицию, предписанную ей в официальном порядке? ⟨Если Лютеру не вменяется в вину, что он — вопреки императору и империи — напал на единственную тогдашнюю форму существования христианства, на католическую церковь, в весьма несдержанной и неумеренной форме, то неужели в протестантском государстве будет запрещено защищать противное современному догмату воззрение не путем легкомысленных выпадов, а путем последовательных рассуждений, основанных на серьезной, по преимуществу немецкой науке⟩ *. К тому же мы никогда не выходили за пределы газетной тематики и касались догматов, церковных учений и порядков вообще лишь постольку, поскольку ** другие газеты пытались отнести религию к области государственного права и перенести ее из ее собственной сферы в сферу политики. Нам было бы нетрудно подкрепить каждое из наших утверждений аналогичными и более энергичными утверждениями одного прусского короля, Фридриха Великого, а мы считаем этот авторитет таким, на который вправе ссылаться прусские публицисты.

Поэтому «Rheinische Zeitung» вправе считать, что она прежде всего исполняла выраженное в цензурной инструкции желание его величества о независимой, свободомыслящей печати и тем немало умножила те добрые пожелания, которыми теперь вся Германия сопровождает его величество, нашего короля, на его возвышенном поприще.

«Rheinische Zeitung» была, Ваше высокоблагородие, основана не ради торгашеской цели, не в расчете на какой-нибудь барыш. Значительное число самых уважаемых лиц из Кёльна и Рейнской провинции, по справедливости печалясь горестным состоянием немецкой печати, сочли, что они не сумеют исполнить волю его величества короля более достойным образом, нежели созданием в лице «Rheinische Zeitung» национального памятника, органа, который бесстрашно, в сознании своего достоинства будет говорить языком свободных мужей и — редкое явление — даст королю возможность услышать подлинный голос народа.

* Фраза, стоящая в угловых скобках, зачеркнута карандашом. *Ред.*

** Далее зачеркнуто Марксом: «другие хотели их превратить в политические учения, аксиомы и предписания». *Ред.*

Беспримерно быстрое распространение этой газеты показывает, как хорошо она поняла пожелания народа. Для указываемой цели эти лица дали свои капиталы, для этой цели они не остановились ни перед какими жертвами, а теперь пусть Ваше высокоблагородие само решит, могу ли я, вправе ли я, как представитель этих лиц, заявить, что «Rheinische Zeitung» изменит свое направление, и не будет ли ее запрещение насилием не над отдельной частной личностью, а скорее над Рейнской провинцией и над немецким духом вообще?

Впрочем, чтобы доказать правительству, насколько я готов исполнять его желания — в той мере, в какой они согласуются с позицией независимой газеты, — я, как это уже и делается некоторое время, по возможности оставлю в стороне все церковные и религиозные вопросы, если только другие газеты и политические обстоятельства не заставят коснуться их.

2. Что касается, во-вторых, требования Вашего высокоблагородия уволить немедленно д-ра Рутенберга, то я уже 14 февраля заявил правительственному президенту фон Герлаху, что он вовсе не редактор «Rheinische Zeitung», а является лишь переводчиком при ней. В ответ на сообщенную мне президентом фон Герлахом угрозу, что если Рутенберг не будет вскоре уволен, то газету тотчас же закроют, я, уступая насилию, устранил его пока от всякого участия в газете. Но так как мне неизвестна вовсе статья закона, которая оправдывала бы этот пункт рескрипта, то я прошу Ваше высокоблагородие об указании мне таковой статьи или же о скором ответе, останется ли в силе принятое решение или нет, дабы я мог законным образом защитить свое право перед соответствующими инстанциями.

3. Что касается третьего пункта, представления на утверждение нового * редактора, то, согласно закону о цензуре от 18 октября 1819 г., только высшие цензурные власти облечены правом требовать представления на утверждение другого ** редактора. Мне неизвестна статья закона, переносящая это право на обер-президентов. Поэтому я прошу об указании мне этой статьи или же о соответственном распоряжении министерства цензуры. Тогда, — но только тогда, — я охотно представлю редактора на утверждение.

Написано К. Марксом около 17 ноября 1842 г.

Впервые опубликовано в книге: «Rheinische Briefe und Akten zur Geschichte der politischen Bewegung 1830—1850», Bd. 1, Hrsg. von Hansen, Essen a. d. Ruhr, 1919

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

* Слово «нового» зачеркнуто карандашом. *Ред.*

** Слово «другого» зачеркнуто карандашом. *Ред.*

РЕДАКЦИОННОЕ ПРИМЕЧАНИЕ К СТАТЬЕ «ГАННОВЕРСКИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛИ И ПОКРОВИТЕЛЬСТВЕННЫЕ ПОШЛИНЫ» [96]

Мы можем признать историческую аргументацию автора, мы можем, далее, согласиться с его утверждением, что Англия — о чем говорят факты — в течение последних четырех-пяти столетий сделала исключительно много для защиты промышленности и ремесла, — и все же не согласиться принять систему *покровительственных пошлин.* Пример Англии опровергает сам себя: именно в Англии проявились гибельные последствия системы, которая не является больше системой нашего времени, хотя она и могла вполне соответствовать средневековым условиям, основанным на разделении, а не на единстве; эти условия делали необходимым, чтобы каждой *особой* сфере обеспечивалось *особое* покровительство, ибо не было общего покровительства разумного государства и разумной системы отдельных государств. Торговля и промышленность должны были находиться *под защитой.* Но предметом спора является именно вопрос о том, действительно ли *покровительственные пошлины* защищают *торговлю* и *промышленность?* Мы, напротив, рассматриваем такую систему как *организацию военного положения* в мирное время, — такого военного положения, которое, будучи сначала направлено против чужих стран, при его осуществлении неизбежно обращается против своей же собственной страны. Но, конечно, *отдельная* страна, как бы она ни признавала принцип свободы торговли, зависит от положения дел во всем мире, и поэтому данный вопрос может быть разрешен только международным конгрессом, а не каким-либо отдельным правительством.

Редакция «Rheinische Zeitung»

Написано К. Марксом около 22 ноября 1842 г.

Напечатано в приложении к «Rheinische Zeitung» № 326, 22 ноября 1842 г.

Подпись: Редакция «Rheinische Zeitung»

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

ОТНОШЕНИЕ ГЕРВЕГА И РУГЕ К «СВОБОДНЫМ» [97]

Берлин, 25 ноября. В «Elberfelder Zeitung» помещено сообщение, перепечатанное в «Didaskalia», о том, что *Гервег* посетил общество *«Свободных»* [98] и нашел, что оно ниже всякой критики. В действительности Гервег этого общества *не* посещал, следовательно, он не мог найти его ни ниже всякой критики, ни выше ее. *Гервег* и *Руге* считают, что «свободные» своим политическим романтизмом, претензией на гениальность и хвастовством компрометируют дело свободы и ее приверженцев. Это мнение было высказано совершенно открыто и, вероятно, дало повод для сообщения в печати. Итак, если Гервег и не посетил общества «Свободных», члены которого, если взять каждого в отдельности, большей частью превосходные люди, то это произошло не потому, что Гервег выступает за какое-либо другое дело. Произошло это единственно потому, что он, как человек, который хочет быть *свободным* также и от французских авторитетов, ненавидит и находит смешным фривольность, берлинскую манеру выступлений, плоское слепое подражание французским клубам. Скандалы, непристойности должны быть открыто и решительно осуждены в наше время, которое нуждается в серьезных, мужественных и выдержанных людях для достижения его возвышенных целей.

Написано К. Марксом 25 ноября 1842 г.

Напечатано в «Rheinische Zeitung» № 333, 29 ноября 1842 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

ПОЛЕМИЧЕСКАЯ ТАКТИКА АУГСБУРГСКОЙ ГАЗЕТЫ

«Это всего лишь блудливость и безволие!» *

Кёльн, 29 ноября.

Аугсбургская «Allgemeine Zeitung», когда ей приходится по тому или иному поводу вступать в полемику с «Rheinische Zeitung», придерживается столь же своеобразной, сколь и похвальной тактики. Проводимая последовательно, эта тактика не может не оказать своего воздействия на поверхностного читателя. При всякой отповеди, которую мы давали этой газете за ее нападки на принципы и направление «Rheinische Zeitung», при всяком споре по существу, при всяком принципиальном выступлении со стороны «Rheinische Zeitung» против «Allgemeine Zeitung», эта последняя рядилась в тогу многозначительного молчания, — и никогда нельзя решить, обязано ли это молчание своим неприглядным существованием сознанию слабости, которая *не может* ответить, или сознанию превосходства, которое *не желает* отвечать. Нам, собственно, не следует быть в претензии за это на аугсбургскую кумушку, ибо она относится к нам так же, как к *Германии,* симпатию к которой, — как, очевидно, считает эта газета, — она лучше всего может выразить глубокомысленным молчанием, прерываемым изредка путевыми заметками, бюллетенями о состоянии здоровья и парафразированными свадебными стихотворениями. Аугсбургская кумушка, пожалуй, права, считая свое молчание благодетельным для общества.

Но у аугсбургской кумушки наряду с этой тактикой молчания имеется еще и другая манера полемики, которая в своем безудержном, самодовольном и высокопарном многословии составляет как бы активное дополнение к пассивному, меланхолическому молчанию. Аугсбургская кумушка молчит, когда

* *В. Шекспир.* «Отелло», акт 1, сцена третья. *Ред.*

дело идет о принципиальной борьбе, о борьбе по существу; но она прислушивается из своей засады, наблюдает издали, выжидает момент, когда ее противница допустит какую-либо небрежность в своем туалете, сделает faux pas * в танце, уронит носовой платок, — тут она

«главой качая, добродетель корчит» **

и с безапелляционным апломбом изливает всю свою благонамеренную досаду, которую она долго сдерживала, и весь гнев своего накрахмаленного чванства. Она восклицает, обращаясь к Германии: «Смотрите-ка, вот каков характер, вот каков образ мыслей, вот какова последовательность «Rheinische Zeitung»!»

«Там ад, там мрак, там серный дух, там пламя, кипенье, зловонье, разложение! Фу, фу, фу, брр, брр! Дай мне мускуса, добрый аптекарь!» ***

Подобными экспромтами аугсбургская кумушка пользуется не только для того, чтобы освежить в слабой памяти забывчивой публики свою давно утраченную добродетель, свою добропорядочность и свой почтенный возраст, не только для того, чтобы украсить увядшими, зачахнувшими воспоминаниями свои впалые щеки. Кроме этих мелких и невинных успехов кокетства, она всяческими уловками добивается еще иных практических успехов. Она становится, quasi re bene gesta ****, против «Rheinische Zeitung» в позу бодрой воительницы, шумит, делает газете выговоры, провоцирует ее, а читающая публика из-за этой разнузданной провокации забывает и о старческом молчании аугсбургской кумушки и о только что происшедшем ее отступлении. К этому присоединяется заботливо поддерживаемая ею иллюзия, будто между ней и «Rheinische Zeitung» борьба идет из-за такого именно рода мелочей, скандальных историй и погрешностей в туалете. Целое сонмище бездарных и беспринципных людей, не понимающих существа спора, — спора, при котором мы говорим, а аугсбургская кумушка молчит, — но зато усматривающих в крючкотворстве и в крохоборческой критике аугсбургской «Allgemeine Zeitung» отражение своей собственной возвышенной души, — все это воинство аплодирует и выражает свое уважение почтенной госпоже, которая опытной рукой и с весьма внушительным видом подвергает наказанию свою буйную противницу, скорее-де в целях воспитания чем причинения ущерба. В № 329 аугсбургской «Allgemeine Zeitung»

* — неверный шаг. *Ред.*
** *В. Шекспир.* «Король Лир», акт 4, сцена шестая. *Ред.*
*** Там же. *Ред.*
**** — словно после хорошо выполненного дела. *Ред.*

мы вновь находим образчик этой умничающей, отвратительной обывательской полемики.

Один наш корреспондент с Майна писал, что аугсбургская «Allgemeine Zeitung» похвалила политический роман Юлиуса Мозена «Веронский конгресс» потому, что он вышел в издательстве Котта[99]. Мы должны сознаться, что в литературно-критический отдел аугсбургской «Allgemeine Zeitung», — зная, насколько он убог, — мы заглядываем лишь случайно, что мы не знакомы с ее критикой Мозена и в этом вопросе положились à discrétion * на добросовестность нашего корреспондента. Наряду с тем, что в корреспонденции была верно изложена фактическая сторона дела, она не лишена и внутреннего правдоподобия, ибо даже теперь, после новых разъяснений аугсбургской «Allgemeine Zeitung», в которых полемика ведется больше с помощью крючкотворства, чем с помощью доводов, можно по меньшей мере усомниться в том, сохранила ли критическая совесть газеты независимость от штутгартской типографии. Остается, таким образом, лишь утверждение, что мы не знали, в какой типографии печатался этот политический роман, но ведь, enfin **, незнание места, где печатался тот или иной роман, не является еще смертным политическим грехом.

Впоследствии редакция, когда обратили ее внимание на ошибку в указании места печатания, дала разъяснение в следующей заметке:

«Мы только что узнали, что роман «Веронский конгресс» поэта Юлиуса Мозена появился вовсе не в издательстве Котта, и поэтому просим наших читателей иметь в виду эту поправку при чтении корреспонденции «С Майна», помещенной в № 317» [100].

Так как главное обвинение со стороны майнского корреспондента против аугсбургской «Allgemeine Zeitung» основывалось только на предпосылке, что «Веронский конгресс» появился у Котта, так как мы объяснили, что этот роман появился не у Котта, так как всякое умозаключение теряет само собой силу, когда отброшена его предпосылка, — то мы вправе были предъявить к умственным способностям наших читателей чрезмерное требование внести после этого разъяснения поправку в указанную корреспонденцию, и мы могли быть уверены, что искупили свою вину перед аугсбургской «Allgemeine Zeitung». Но ведь мы имеем дело с аугсбургской логикой! Аугсбургская логика вкладывает в нашу поправку следующий смысл:

* — безусловно. *Ред.*
** — в конце концов. *Ред.*

«Если бы «Веронский конгресс» Мозена появился у Котта, то все друзья права и свободы должны были бы рассматривать его как негодный, залежавшийся хлам; но так как мы впоследствии узнали, что книга вышла в Берлине, то мы просим наших уважаемых читателей приветствовать в ней, по собственным словам поэта, творение одного из духов вечной молодости, которые шествуют к нам по лучезарному пути и железной пятой попирают весь старый сброд»[101].

«Наш молодец орудует своим луком, точно чучело неуклюжее. Натяните-ка ему, в виде мишени, целое полотнище! — Попал, попал! — Ура!» *

«И это-то», — восклицает с торжеством аугсбургская кумушка, — «и это-то «Rheinische Zeitung» называет своим образом мыслей, своей последовательностью!»

Но разве «Rheinische Zeitung» выдавала когда-либо последовательность аугсбургской логики за свою последовательность, а тот образ мыслей, на котором базируется эта логика, за *свой* образ мыслей? Аугсбургская кумушка имела право сделать только такой вывод: «Вот как дурно понимают в Аугсбурге, что́ такое последовательность и что́ такое образ мыслей!» Или в самом деле аугсбургская «Allgemeine Zeitung» думает, что, помещая тост Мозена, мы хотели дать комментарий, вносящий поправку в оценку «Веронского конгресса»? Мы подробно осветили в разделе фельетона празднество в честь Шиллера, мы указали на Шиллера «как на пророка нового движения умов» (см. № 326, корреспонденция из Лейпцига) ** и на вытекающее отсюда значение шиллеровского празднества; почему же мы не должны были поместить тост Мозена, подчеркивавшего это значение? [102] Потому разве, что в нем содержится выпад против аугсбургской «Allgemeine Zeitung», который она заслужила хотя бы за одну свою оценку Гервега? Но все это не имеет никакого отношения к майнской корреспонденции. Для этого мы должны были бы — как *нам подсовывает* это *аугсбургская кумушка* — написать: «Пусть читатель судит о корреспонденции с Майна в № 317 по стихотворению Мозена в № 320». Аугсбургская логика придумала exprès *** эту бессмыслицу, чтобы навязать ее нам. Отзыв, помещенный в разделе фельетона № 317 «Rheinische Zeitung» **** о «Бернхарде Веймарском» Мозена, доказывает, — хотя это и не нуждается в доказательствах, — что и по отношению к Мозену она ни на шаг не отступает от своего обычая — критиковать, исходя из существа дела.

* *В. Шекспир.* «Король Лир», акт 4, сцена шестая. *Ред.*
** — от 22 ноября 1842 г. *Ред.*
*** — специально. *Ред.*
**** — от 13 ноября 1842 г. *Ред.*

Мы, впрочем, охотно согласимся с аугсбургской кумушкой, что даже и «Rheinische Zeitung» не может отвадить от себя литературных кондотьеров — этот назойливый и отвратительный сброд, буйно расплодившийся повсюду в Германии в газетную эру, воплощением которой является аугсбургская «Allgemeine Zeitung».

Под конец аугсбургская газета напоминает нам о катапульте,

«стреляющей громкими словами и фразами, которые совсем не задевают действительность».

Аугсбургская «Allgemeine Zeitung» задевает *, конечно, какую угодно действительность: мексиканскую действительность, бразильскую действительность, но только не германскую, и даже не баварскую, а если случайно она и заденет что-нибудь подобное, то обязательно примет иллюзию за действительность, а действительность — за иллюзию. Если бы речь шла о духовной и подлинной действительности, то «Rheinische Zeitung» могла бы по адресу аугсбургской кумушки крикнуть вместе с Лиром: «Напрасный труд, слепой Купидон. Посмотри-ка на почерк!» А аугсбургской кумушке оставалось бы ответить вместе с Глостером: «Будь солнцем буква каждая, не вижу!» **

Написано К. Марксом 29 ноября 1842 г.

Напечатано в «Rheinische Zeitung» № 334, 30 ноября 1842 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

* В оригинале игра слов: «berühren» — «касаться», «berühren» — «задевать». *Ред.*

** *В. Шекспир.* «Король Лир», акт 4, сцена шестая. *Ред.*

[О СОСЛОВНЫХ КОМИССИЯХ В ПРУССИИ]

ВОПРОС О ПРУССКИХ СОСЛОВНЫХ КОМИССИЯХ В ПРИЛОЖЕНИЯХ к №№ 335 и 336 АУГСБУРГСКОЙ «ALLGEMEINE ZEITUNG» [103]

Кёльн, 10 декабря. В приложении к № 335 аугсбургской «Allgemeine Zeitung» помещена небезынтересная статья о сословных комиссиях в Пруссии. Так как мы намерены подвергнуть ее критике, то с самого же начала должны положить в основу одно простое правило, которое, тем не менее, часто забывается в пылу пристрастной полемики. Рассуждение о каком-нибудь государственном учреждении не есть еще само это учреждение. Полемика, направленная против такого рассуждения, вовсе не является поэтому полемикой против данного государственного учреждения. Консервативная печать, которая постоянно напоминает о том, что следует-де отвергнуть взгляды оппозиционной печати как всего лишь индивидуальное мнение и искажение действительности, постоянно забывает, что также и она не есть самый объект, а только известное мнение о нем, и что, следовательно, борьба с консервативной печатью не означает непременно борьбу с ее объектом. Всякий объект, включаемый — с одобрением или с порицанием — в кругозор печати, тем самым становится литературным объектом и, значит, объектом литературной дискуссии.

Это-то и превращает печать в могучий рычаг культуры и духовного образования народа: печать превращает материальную борьбу в борьбу идейную, борьбу плоти и крови — в борьбу духовную, борьбу потребностей, страстей, эмпирии — в борьбу теории, разума, формы.

Рассматриваемая статья сводит критические соображения, выдвигаемые против института сословных комиссий, к двум

главным пунктам: к критике их состава и к критике их компетенции.

Мы должны, прежде всего, осудить как основную логическую ошибку то, что сначала разбирается вопрос о составе комиссий, а вопрос о компетенции их откладывается до следующей статьи. Состав не может быть чем-либо иным, как внешним механизмом; его руководящей и организующей душой является компетенция объекта. Кто взялся бы судить о целесообразности устройства какой-нибудь машины, прежде чем он исследовал и узнал ее назначение? Возможно, что пришлось бы критиковать состав комиссии именно за то, что он соответствует их компетенции, — в том случае, если само это назначение не может быть признано истинным; но возможно также, что состав комиссий заслуживает признания потому именно, что он не соответствует их назначению и выходит за его рамки. Указанный порядок изложения представляет, таким образом, первую ошибку статьи, но это такого рода ошибка, которая делает порочным все изложение.

Почти всюду, — читаем мы в разбираемой статье, — раздавались с удивительным единодушием жалобы на то, что

«право сословного представительства по большей части предоставляется только земельной собственности».

В противовес этому указывалось, с одной стороны, на расцвет промышленности, а с другой, «с еще бо́льшим ударением», на интеллигенцию и на «ее право участвовать в сословном представительстве».

Если, согласно органическому закону о провинциальных сословных собраниях [104], — говорится в статье, — земельная собственность была сделана условием сословного представительства — положение, которое последовательным образом распространилось на сословные комиссии, выделенные из среды провинциальных сословных собраний, — то все же земельная собственность, хотя она и является общим условием пользования правом сословного представительства, ни в коем случае не служит единственным масштабом для этого. Но именно на смешении этих двух, по существу различных, принципов основывались,

«по большей части, энергичные возражения, раздававшиеся против состава сословных комиссий».

Землевладение представляет все сословия. Это — факт, который признает автор статьи, но, добавляет он, не просто землевладение, не абстрактное землевладение, а землевладение плюс некоторые дополнительные обстоятельства, землевладение

определенного характера. Землевладение — это общее, но не единственное условие сословного представительства.

Мы вполне согласны с утверждением нашего автора, что дополнительные условия существенно изменяют общий принцип представительства, основанный на землевладении. Но мы должны в то же время подчеркнуть следующее: противники, считающие даже и общий принцип слишком ограниченным, совершенно не могут быть опровергнуты указанием на то, что нашлись люди, которые этот, ограниченный сам по себе принцип объявили недостаточно ограниченным и сочли поэтому необходимым прибавить к нему еще дальнейшие, чуждые его существу ограничения. Отвлечемся от совершенно общих требований безупречной репутации и тридцатилетнего возрастного ценза, причем первое из них, с одной стороны, выражает нечто само собой разумеющееся, а с другой — допускает слишком неопределенные толкования. Укажем на следующие специальные условия:

«1) десятилетнее непрерывное владение землей; 2) принадлежность к какой-нибудь христианской церкви; 3) владение землей, которая в прошлом была непосредственно зависимой от императора, — для первого сословия; 4) владение рыцарским поместьем — для второго сословия; 5) должность в магистрате или занятие каким-нибудь бюргерским промыслом — для городского сословия; 6) ведение самостоятельного хозяйства на собственной земле в качестве главного занятия — для четвертого сословия»[105].

Эти условия отнюдь не вытекают из сущности землевладения, а представляют собой такие условия, которые, исходя из чуждых этому последнему соображений, ставят ему чуждые границы, *суживая* его сущность, вместо того чтобы делать ее всеобщей.

С точки зрения общего принципа такого представительства, которое обусловлено землевладением, нельзя было бы обнаружить какое-либо различие между еврейским и христианским землевладением, между землевладением адвоката и купца, между десятилетним или только годичным владением. Согласно этому общему принципу, все перечисленные различия не существуют. Следовательно, если мы спросим, что́ же доказал наш автор, то мы можем ответить лишь следующее: он доказал только то, что общее условие землевладения ограничивается специальными условиями, которые не присущи самому землевладению, а связаны с существованием *сословных различий*.

Автор статьи признает это:

«В тесной связи с указанным положением находятся раздающиеся со всех сторон жалобы, что также и в этих сословных комиссиях — в противоречии будто бы с нашими теперешними социальными отношениями

и с требованиями духа времени — снова извлекают на свет всецело принадлежащие прошлому сословные различия и применяют их в качестве принципа для сословной организации».

Автор не исследует вопроса, не противоречит ли общее условие владения землей сословному представительству, не делает ли оно его даже невозможным! Иначе ему трудно было бы не заметить, что условие, характерное только для крестьянского сословия, не может быть сделано — при последовательном проведении сословного принципа — общей предпосылкой для представительства других сословий, существование которых вовсе не обусловлено землевладением. Ведь принципом сословного представительства может служить только существенное различие между сословиями, — стало быть, этим принципом не может служить что-либо, не связанное с сущностью сословий. Следовательно, если принцип представительства землевладения уничтожается особыми сословными соображениями, то, со своей стороны, принцип сословного представительства уничтожается общим условием землевладения, и ни один из этих принципов не претворяется в жизнь. Автор статьи не исследует далее, выражает ли различие сословий, предполагаемое в разбираемом институте, — если даже принять это различие, — характерные черты сословий прошлого или же сословий настоящего. Вместо этого он рассуждает о сословном различии вообще. Это различие, по его мнению, нельзя искоренить,

«как нельзя уничтожить существующее в природе различие элементов и привести все к хаотическому единству».

Нашему автору можно было бы ответить: подобно тому как никому не придет в голову уничтожить различие элементов природы и привести все к хаотическому единству, так никто не думает и об *искоренении* различий сословий; но в то же время от нашего автора можно было бы потребовать, чтобы он занялся более глубоким изучением природы и от первого чувственного восприятия различных элементов поднялся до разумного восприятия органической жизни природы. Вместо призрака хаотического единства перед ним предстал бы дух живого единства. Даже элементы не остаются в состоянии спокойной разъединенности. Они непрерывно превращаются друг в друга, и уж одно это превращение образует первую ступень физической жизни земли, метеорологический процесс, тогда как в живом организме совершенно исчезает всякий след различных элементов как таковых. Различие заключается здесь уже не в раздельном существовании различных элементов, а в живом движении отличных друг от друга функций, которые все одушев-

лены одной и той же жизнью. Таким образом, само их различие не предшествует в готовом виде этой жизни, а, напротив, само непрестанно вытекает из нее самой и столь же постоянно исчезает и парализуется в ней. Подобно тому как природа не застывает на данных элементах и уже на низшей ступени ее жизни обнаруживается, что это различие — простой чувственный феномен, не обладающий духовной истинностью, — подобно этому и государство, это естественное духовное царство, не должно и не может искать и обнаруживать свою истинную сущность в факте чувственного явления. Поэтому наш автор, остановившийся на различии сословий как на последнем, окончательном результате «божественного миропорядка», показывает этим лишь свое поверхностное понимание этого миропорядка.

Но, замечает наш автор,

«надо позаботиться о том, чтобы народ не был приведен в движение как *сырая неорганическая масса*».

Поэтому

«не может быть и речи о том, должны ли вообще *существовать сословия* или нет, но лишь о том, насколько и в каком соотношении могут быть призваны к политической деятельности *существующие сословия*».

Разумеется, дело идет не о том, в какой мере существуют сословия, а о том, в какой мере они должны продолжать свое существование как сословия, вплоть до высочайшей сферы государственной жизни. Если неразумна была бы попытка привести в движение народ как сырую неорганическую массу, то столь же неразумно рассчитывать, что можно вызвать органическое движение, механически разбив народ на твердые абстрактные составные части и потребовав от этих неорганических, насильственно фиксированных частей самостоятельного движения, которое может быть только конвульсивным. Наш автор исходит из того воззрения, что народ — вне некоторых произвольно выхваченных сословных различий — существует в реальном *государстве* лишь в качестве сырой неорганической массы. Он, следовательно, вовсе не видит самóго организма государственной жизни, а видит только сосуществование разнородных частей, которые государство охватывает поверхностно и механически. Но будем откровенны. Мы не требуем, чтобы в вопросах народного представительства отвлекались от действительно существующих различий. Мы требуем, напротив, чтобы исходили из действительных, созданных и обусловленных внутренним строем государств, различий и чтобы из области государственной жизни не переходили в какие-то фантастические сферы,

которые государственная жизнь давно лишила их значения. Бросим же теперь взгляд на всем известную, для всех очевидную реальность прусского государства. Те подлинные сферы, в пределах которых государство становится ареной управления, суда, администрирования, налогового дела, военного обучения, школьного образования и в которых развертывается все движение государственной жизни, — это округа, сельские общины, местные правительственные органы, провинциальное управление, воинские части. Но этими сферами не являются четыре категории сословий, которые, напротив, самым пестрым образом переходят друг в друга в этих высших объединениях и различаются между собой не в самой жизни, а только в официальных документах и реестрах. А те различия, которые по самой своей природе ежеминутно растворяются в единстве целого, — это свободные творения духа прусского государства, а не сырой материал, навязываемый нашему времени слепой естественной необходимостью и процессом разложения прошлого! Они члены, а не части, они движения, а не устойчивые состояния *, они различия в едином, а не единства в различном. Подобно тому как наш автор не решится утверждать, что, скажем, то большое движение, посредством которого прусское государство ежедневно переходит в постоянную армию и в ландвер, есть движение сырой неорганической массы, — в такой же степени не вправе он сказать это и о народном представительстве, основывающемся на аналогичных принципах. Повторяем еще раз. Мы требуем только, чтобы прусское государство не оборвало своей реальной государственной жизни, не поднявшись до той сферы, в которой должен проявиться сознательный расцвет этой государственной жизни, мы требуем только последовательного и всестороннего развития основополагающих установлений Пруссии, мы требуем, чтобы люди не покидали внезапно почву реальной органической государственной жизни и не погружались снова в нереальные, механические, подчиненные, негосударственные сферы жизни. Мы требуем, чтобы государство не разлагалось в том самом акте, который должен быть высшим актом его внутреннего единения. В следующем очерке мы будем продолжать критику разбираемой статьи.

Кёльн, 19 декабря. Наш автор, оставаясь верен своей точке зрения, хочет установить,

«насколько существующие сословия призваны участвовать в политической деятельности».

* Игра слов: «Stand» означает «сословие», а также «устойчивое состояние». *Ред.*

Как уже указано нами, наш автор не исследует того, насколько предполагаемые избирательным законом сословия являются *существующими в настоящее время сословиями*, насколько вообще в настоящее время существуют сословия; он, наоборот, кладет в основу своего исследования такой факт, доказательство которого должно было составить главную тему его исследования, и аргументирует дальше следующим образом:

«Компетенция комиссий столь ясно выражена как в распоряжениях от 21 июня сего года об их образовании, так и в королевском кабинетском указе от 19 августа о созыве их в виде одной центральной комиссии, что никаких сомнений по этому поводу быть не может. По словам вышеупомянутого кабинетского указа, *сословный совет* отдельных провинций должен быть дополнен элементом *единства*. Согласно этому, общая компетенция сословных комиссий та же, что и провинциальных сословных собраний, — поскольку и комиссии выполняют совещательные функции в публичных делах и особенно в вопросах законодательства; отличительной чертой их деятельности является только ее централизованный характер. Поэтому те, кто высказывал сомнения относительно состава сословных комиссий, должен был бы показать, имеются ли, при объединении их в одну центральную комиссию, основания, в силу которых образующие их *элементы* не могут соответствовать централизованному характеру их деятельности. Вместо попытки дать такое доказательство ограничивались простым уверением, что состав сословных комиссий (образованных по тому же принципу, что и провинциальные сословные собрания) достаточен, пожалуй, для обсуждения второстепенных вопросов провинциального масштаба, но что он недостаточен для деятельности в общегосударственном масштабе. В противоречии с этим высказываются упомянутые жалобы, которые, — в том случае, если бы они были обоснованы, — можно было бы распространить и на провинциальные сословные собрания».

Мы уже с самого начала отмечали, что нелогично исследовать вопрос о целесообразности *состава* сословных комиссий, прежде чем дана критика их компетенции. Это-то и привело к тому, что наш автор втихомолку предположил целесообразность «компетенции», чтобы вывести из нее целесообразность «состава». Он говорит нам, что компетенция комиссий отличается полной ясностью!

Если даже допустить ясность, т. е. формальную правильность «компетенции», то разве этим хоть в малейшей степени затрагивается вопрос о ее содержании, об истинности этого содержания? *Комиссии*, говорит наш автор, отличаются от «провинциальных сословных собраний» только своей «централизацией». Остается только показать,

«имеются ли, *при объединении их* в одну центральную комиссию, основания, в силу которых образующие их элементы не могут соответствовать централизованному характеру их деятельности».

Мы должны отвергнуть это требование как *нелогичное*. Дело не в том, имеются ли при объединении представителей

провинциальных сословных собраний в одну центральную комиссию основания, в силу которых образующие сословные комиссии элементы не могут соответствовать централизованному характеру их деятельности. Дело, наоборот, в том, насколько в самих элементах, образующих провинциальные сословные собрания, имеются основания, парализующие подлинное объединение их в одну действительную центральную комиссию, а следовательно и подлинно центральную деятельность. Не бывает, чтобы объединение делало невозможными образующие его элементы, но образующие элементы могут сделать невозможным объединение. Но если предположить *действительное* объединение, подлинную централизацию, то вопрос о возможности центральной деятельности теряет всякий смысл, ибо центральная деятельность есть *только* проявление, следствие, жизнедеятельность подлинной централизации. Центральная комиссия по самой своей природе включает в себя центральную деятельность. Как же доказывает наш автор, что провинциальные сословные собрания представляют собой элементы, пригодные для образования центральных комиссий? Как он доказывает, следовательно, реальное, а не иллюзорное *существование* центральной комиссии?

Он говорит:

«В том случае, если бы они» (жалобы по поводу состава комиссий) «были обоснованы, их можно было бы распространить и на провинциальные сословные собрания».

Разумеется, — ведь как раз о том и идет речь, что эти элементы не годятся для централизованного целого. Не думает же наш автор, будто он опровергает своих противников тем, что он только уясняет самому себе и формулирует их возражения?

Вместо того чтобы довольствоваться указанием, что жалобы по поводу состава сословных комиссий распространяются и на состав провинциальных сословных собраний, автор статьи должен был, наоборот, доказать, в какой мере возражения против провинциальных сословных собраний перестают быть возражениями против сословных комиссий. Он не должен был задавать себе вопрос, в силу чего сословные комиссии *не* соответствуют центральной деятельности, а должен был задать себе вопрос, *в силу чего* они могут стать способными для центральной деятельности. На страницах нашей газеты уже подробно было показано на конкретных примерах, как мало призваны провинциальные сословные собрания для участия в законодательной работе (в чем бы она ни выражалась: в *совете* или в *содействии*, что представляет различие во *власти*, но не в *способности* этих сословных собраний). К этому присоединяется еще

и то, что комиссии образуются не провинциальными ландтагами как юридическими лицами, а ландтагами, распавшимися на свои механические части. Не ландтаг выбирает своих депутатов в комиссии, а различные, изолированные части ландтага, каждая сама по себе, выбирают в комиссию своих депутатов. Эти выборы основываются, таким образом, на механическом разложении организма ландтага на его составные части, основываются на itio in partes *. Это и сделало возможным, что в комиссиях представлено не большинство ландтага, а меньшинство его. Так, какой-нибудь депутат от дворянства может иметь за собой большинство депутатов своего сословия, но не иметь большинства всего ландтага, ибо большинство ландтага может ведь получиться, например, в результате присоединения меньшинства дворянских сословных представителей к сословию горожан или крестьян. Следовательно, возражения, выдвигаемые против состава ландтага, не просто распространяются на комиссии, а обрушиваются на них *с двойной силой*, ибо здесь отдельное сословие изъято из-под влияния целого и вновь втиснуто в свои особые рамки. Но мы оставляем и это в стороне.

Мы исходим из факта, который, несомненно, признáет и наш автор. Мы предполагаем, что состав провинциальных сословных собраний вполне соответствует их цели, т. е. цели представлять свои *особые провинциальные интересы* с точки зрения своих *особых сословных интересов*. Этот характер ландтагов отразится на характере каждого их действия, а значит и на *характере выборов* в комиссии, следовательно и на характере *самих депутатов комиссий*, ибо ландтаг, соответствующий своей цели, конечно, останется верен этой цели в важнейшем своем действии, которое состоит в том, что он *сам выбирает* представителей. Но какой же *новый* элемент внезапно превращает представителей провинциальных интересов в представителей общегосударственных интересов и придает их *особой* деятельности характер *всеобщей* деятельности? Очевидно, этим элементом является только *общее место* их пребывания. Но неужели абстрактное пространство само по себе способно придать новый характер человеку с характером и химически разложить его духовное существо? Мы стали бы на точку зрения крайнего материалистического механизма, если бы допустили, что пространство само по себе обладает такой организующей душой, тем более, что существующее обособление сословий признано и представлено также и *пространственно* в собрании комиссий.

* — обособлении отдельных частей. *Ред.*

Мы должны после всего изложенного признать все дальнейшие доводы, которыми наш автор хочет оправдать состав комиссий, только попытками оправдать *состав провинциальных сословных собраний*.

Кёльн, 30 декабря. Панегирист сословных комиссий в аугсбургской «Allgemeine Zeitung» защищает, как мы показали в предыдущей статье, не состав сословных комиссий, а *состав провинциальных ландтагов*.

Ему кажется

«*странным*, что в интеллигенции видят *особый, наряду* с промышленностью и земельной собственностью, элемент, *нуждающийся в сословном* представительстве».

Мы рады, что можем хоть один раз согласиться с нашим автором и ограничиться не опровержением, а разъяснением его слов. Что́ представляется ему странным в поползновениях интеллигенции? Считает ли он, что интеллигенция *вовсе* не есть элемент сословного представительства, или же разбираемую статью можно было бы понять в том смысле, что интеллигенция не есть *особый* элемент? Но сословное представительство знает *только* особые элементы, существующие рядом друг с другом. Следовательно, то, что́ не есть *особый* элемент, *не* является и элементом сословного представительства. Разбираемая статья совершенно правильно изображает дело так, что интеллигентность участвует в сословном представительстве как *«всеобщее свойство* наделенных интеллектом существ», значит не как *особое свойство* сословных представителей, ибо свойство, которое обще мне со всеми людьми и которым я обладаю в одинаковой со всеми степени, не образует ни моего характера, ни моего преимущества, ни моего особого существа. В собрании естествоиспытателей недостаточно обладать «общим свойством» наделенного интеллектом существа, но в собрании сословных представителей достаточно обладать интеллигентностью как общим свойством, достаточно принадлежать к естественноисторическому роду «наделенных интеллектом существ».

Член сословного представительства должен обладать интеллигентностью как общим человеческим свойством, но человек не должен обладать интеллигентностью как особым сословным свойством; иначе говоря, интеллигентность не делает человека членом сословного представительства, она только делает члена сословного представительства человеком. Наш автор согласится с тем, что интеллигентности этим не уделяется особого места в ландтаге. Всякое газетное объявление — это факт интелли-

гентности *. Но кто решился бы на основании этого утверждать, что объявления представляют литературу? Земля не может говорить, может говорить лишь владелец земли. Поэтому земля, чтобы заговорить о своих правах, должна выступить в интеллигентной *форме;* желания, интересы сами не говорят, говорит только человек; но разве земля, интерес, желание выходят за присущие им рамки в результате того, что они заявляют о своих правах устами человеческого существа, устами существа, наделенного интеллектом? Дело идет не просто о *форме интеллигентности,* а о *содержании* ее. Если интеллигентность вовсе не нуждается — в чем мы охотно соглашаемся с нашим автором — в сословном представительстве, а нуждается как раз в несословном представительстве, то сословное представительство, наоборот, нуждается в интеллигентности, но в очень ограниченной интеллигентности, — подобно тому как каждому человеку нужно столько ума, сколько требуется для проведения в жизнь его намерений и интересов, что́, однако, вовсе не означает, что намерения и интересы человека становятся намерениями и интересами «ума».

Утилитарная интеллигентность, борющаяся за свой домашний очаг, отличается, конечно, от *свободной* интеллигентности, защищающей, в ущерб своему очагу, правое дело. Интеллигентность, которая служит какой-либо одной определенной цели, какой-либо одной определенной вещи, в корне отлична от той интеллигентности, которая властвует над всякой вещью и служит только себе самой.

Итак, наш автор желает только сказать: интеллигентность вовсе не есть сословное свойство; он не задает себе вопроса, представляет ли сословность свойство интеллигентности! Он утешает себя тем, что интеллигентность — общее свойство сословности, но отказывает нам в утешительном доказательстве того, что сословность — это особое свойство интеллигентности!

Наш автор вполне *последователен* — не только с точки зрения своих принципов, но и с точки зрения принципов *сословного представительства,* — когда он превращает вопрос о праве представительства «интеллигенции» в ландтагах в вопрос о праве представительства *ученых сословий,* сословий, которые *монополизировали* интеллигентность, в вопрос о праве интеллигенции, ставшей *сословной.* Наш автор прав, поскольку, при наличии сословного представительства, речь может идти лишь об интеллигенции, ставшей сословной, но он неправ, отрицая право ученых сословий на представительство, ибо там, где господст-

* Ирония, построенная на игре слов: «Intelligenzblatt» означает «листок объявлений». *Ред.*

вует сословный принцип, должны быть представлены все сословия. Он ошибается, когда исключает духовных лиц, учителей, а также ученых, не занимающих официальных должностей, и даже вообще не ставит вопроса относительно адвокатов, врачей и пр.; полное же непонимание существа сословного представительства он обнаруживает тогда, когда на одну доску с упомянутыми выше учеными сословиями ставит относящихся к правительству «государственных служащих». В сословном государстве правительственные чиновники являются представителями государственных интересов как таковых и, следовательно, враждебно противостоят представителям сословных частных интересов. Если присутствие правительственных чиновников в народном представительстве не содержит в себе противоречия, то оно является противоречием в сословном представительстве.

Разбираемая статья пытается далее доказать, что земельная собственность представлена во французской и в английской конституциях не в меньшей степени, если даже не в большей, чем в прусском сословном строе. Если бы это и было верно, то разве тот или иной недостаток перестает быть в Пруссии недостатком оттого, что он существует также в Англии и Франции? Мы не станем подробно доказывать, что это сравнение совершенно ошибочно уже по одному тому, что французские и английские депутаты избираются не как *представители землевладения,* а как *народные представители;* что же касается особых интересов, то, например, какой-нибудь Фульд остается представителем промышленности *несмотря на то,* что он платит в каком-нибудь уголке Франции сравнительно ничтожный поземельный налог. Мы не намерены повторять то, на что мы уже указывали в нашей первой статье, а именно, что принцип сословного представительства уничтожает принцип представительства землевладения и, в свою очередь, сам уничтожается им и что, следовательно, не получается ни действительного представительства землевладения, ни действительного представительства сословий, а только непоследовательное амальгамирование обоих этих принципов. Мы далее не будем останавливаться на основной ошибке самого сравнения, которая состоит в том, что выхватываются различные *цифры* для Англии, Франции и Пруссии, без какой бы то ни было необходимой связи с различными *отношениями,* существующими в этих странах. Мы подчеркиваем только один пункт, а именно: во Франции и в Англии принимается в расчет, что́ дает государству земельная собственность и какие повинности несет владелец ее, между тем как, наоборот, в Пруссии учитывается, — например, для боль-

шинства дворянских поместий и медиатизированных владений[106], — насколько они *свободны* от государственных повинностей и независимы в своем частном пользовании. Во Франции и в Англии, — системам которых мы, впрочем, отнюдь не симпатизируем, — право представительства вытекает не из того, что́ имеет субъект, а из того, что́ он имеет в интересах государства, не из владения, а как бы из государственной функции, выполняемой владением.

Автор пытается далее доказать, что крупная земельная собственность представлена соразмерно с мелкой земельной собственностью. По этому вопросу, а также по затронутому выше пункту, мы отсылаем к сочинению «О сословном строе в Пруссии» (Штутгарт и Тюбинген, издательство Котта) и к сочинению Людвига Буля о прусских провинциальных сословных собраниях[107]. Но, — оставляя в стороне различие между крупной и мелкой земельной собственностью, — следующие примеры могут наглядно показать, как неправильно распределено представительство. Земельная собственность города Берлина оценивается в 100 миллионов талеров, а площадь дворянских поместий Бранденбургской марки только в 90 миллионов талеров, между тем Берлин посылает лишь трех депутатов, а владельцы упомянутых поместий выбирают из своей среды 20 депутатов. Даже между городами распределение не проведено в строгом соответствии с размерами землевладения. Потсдам посылает в ландтаг одного депутата, хотя стоимость земельных участков Потсдама вряд ли достигает десятой части стоимости земельных участков Берлина. В Потсдаме один депутат приходится на 30 000 жителей, а в Берлине — на 100 000. Еще более резкий контраст получается, если сравнить со столицей мелкие города, которым предоставлено было, в силу исторических причин, право вирильного голоса[108].

Чтобы правильно определить, кроме того, соотношение между представительством интеллигенции и сословным представительством земельной собственности, мы вернемся еще раз к классическому основному положению, к правильно отмеченному нашим автором странному явлению, что

«в интеллигенции видят *особый, наряду* с промышленностью и земельной собственностью, элемент, *нуждающийся* в сословном представительстве».

Автор поступает правильно, когда он ищет корень провинциальных сословных собраний не в *государственной необходимости* и когда видит в них не *государственную потребность*, а *потребность особых интересов,* противостоящую государству. Не органическим разумом государства, а голой потребностью

частных интересов создан *сословный* строй; интеллигентность же не есть ищущий удовлетворения эгоистический интерес, это — всеобщий интерес. Следовательно, представительство интеллигенции в сословном собрании есть противоречивое, бессмысленное требование. Мы, впрочем, обратим внимание нашего автора на те последствия, которые вытекают из того, что *слепая потребность* принимается за принцип народного представительства. Эти последствия столь неизбежны, что автор на мгновение сам пугается их и отвергает не только определенные требования со стороны представительства особых интересов, но отвергает также и требование самого этого представительства.

В самом деле: или потребность *действительна,* и тогда недействительно государство, так как оно сохраняет особые элементы, которые не находят в нем надлежащего удовлетворения своих интересов и вынуждены поэтому конституироваться рядом с ним в особую организацию, вступающую с ним в договорные отношения, — или же потребность получает в государстве свое действительное удовлетворение, и, значит, представительство ее, противостоящее государству, иллюзорно или опасно. Автор на одно мгновение становится на точку зрения иллюзорности. По поводу *промышленности* он замечает, что если бы даже она не была достаточно представлена в ландтагах, то у нее остается еще немало путей, чтобы добиваться признания своих интересов в государстве и перед правительством. Он утверждает, следовательно, что *сословное представительство*, представительство по принципу *слепой потребности* — *иллюзия*, ибо сама эта потребность иллюзорна. Действительно, то, что сказано о промышленном сословии, относится ко всем сословиям; к *сословию* же *земельных собственников* это относится еще в большей степени, чем к промышленности, так как это сословие представлено в таких вполне сложившихся государственных органах, как ландрат, окружные сословные собрания и т. д.

Из всего сказанного само собой следует, что мы совсем не можем присоединиться к хору недовольных тем, что *функции*, предоставляемые комиссиям, *подверглись ограничению;* наоборот, мы готовы решительно протестовать против всякого расширения этих функций, считая, что такое расширение противоречит интересам государства. Превратной является также точка зрения либерализма, мечтающего о представительстве *интеллигенции* в ландтаге. Интеллигентность не только не есть *особый* элемент представительства, она вообще не *элемент*, она — *принцип*, который не может принимать участия ни в какой организации, *составленной* из элементов, — она может лишь создать из самой себя некоторое *расчленение*. Об интеллигент-

ности речь может идти не как о части, входящей в состав целого, а как об организующем начале. Дело идет здесь не о *дополнении*, а о *противоположении*. Вопрос ставится так: «представительство интеллигентности» или же «представительство сословности»? Вопрос в том, должны ли особые интересы представлять политическую интеллигентность или же политическая интеллигентность должна представлять особые интересы. Политическая интеллигентность будет, например, регулировать земельную собственность согласно государственным принципам, а не государственные принципы — согласно земельной собственности; она будет принимать в расчет земельную собственность не по ее частному эгоизму, а по ее государственной природе; она будет определять сущность целого не по этой особой сущности, а, наоборот, эту особую сущность будет определять в соответствии с целым. Наоборот, земельная собственность как принцип представительства сообразуется не с интеллигентностью, а сообразует интеллигентность с собой, будучи похожей в этом отношении на часовщика, который хотел бы не часы поставить по солнцу, а солнце поставить по своим часам. Вопрос резюмируется в немногих словах: кто кого должен подвергнуть критике, кто кого должен подчинить себе — земельная собственность политическую интеллигентность или же политическая интеллигентность земельную собственность?

Для интеллигентности нет ничего внешнего, ибо она есть внутреннее определяющее начало всего, между тем как, наоборот, для какого-нибудь определенного элемента (например, для земельной собственности) все, что не есть он сам, является чем-то внешним. Поэтому не только состав ландтага, но и его действия *механичны*, ибо он должен относиться ко всякого рода всеобщим интересам, и даже к отличным от него особым интересам, как к чему-то постороннему, чуждому. Все особое — например, земельная собственность — само по себе является ограниченным. Следовательно, особое, как нечто ограниченное, должно подчиняться стоящей над ним всеобщей силе, но невозможно, чтобы оно подчинило себе эту всеобщую силу и приспособило ее к своим потребностям.

Ландтаги, в силу своего специфического состава, представляют собой не что иное, как объединение особых интересов, имеющих привилегию противопоставлять государству то, что *ограничивает их как нечто особое;* они являются, стало быть, узаконенной самоорганизацией негосударственных элементов в государстве. Следовательно, по своему *существу* они *враждебно* настроены против государства, ибо особое, в своей изолированной деятельности, всегда враг целого, так как именно это целое

дает ему чувствовать, как *ничтожно* особое в силу своей ограниченности.

Если бы это превращение особых интересов в нечто политически самостоятельное было государственной необходимостью, то это было бы только проявлением внутренней болезни государства, подобно тому как нездоровое состояние организма, по естественным законам, неизбежно проявляется в болезненных наростах. Нужно было бы принять одно из двух: либо признать, что особые интересы, отрываясь и отчуждаясь от политического духа государства, стремятся ограничить государство, либо же признать, что государство концентрируется только в *правительстве* и, в виде компенсации, предоставляет ограниченному народному духу лишь некоторую сферу деятельности как отдушину для его особых интересов. Можно было бы, наконец, объединить обе эти точки зрения. Следовательно, для того чтобы требование представительства интеллигенции имело смысл, мы должны толковать его как требование сознательного представительства народной интеллигентности, которая отнюдь не пытается противопоставлять отдельные потребности государству, но для которой высшая потребность заключается в том, чтобы претворить в жизнь самую сущность государства, рассматриваемого притом как ее собственное деяние, как ее собственное государство. Быть представляемым — это вообще нечто страдательное; только материальное, бездушное, несамостоятельное, беззащитное нуждается в представительстве; но ни один элемент государства не должен быть материальным, бездушным, несамостоятельным, беззащитным. Представительство должно рассматриваться не как представительство некоей особой вещи, которая не есть сам народ, а лишь как *самопредставительство* народа, как такая государственная деятельность, которая, не будучи единственной, исключительной государственной деятельностью народа, отличается от прочих проявлений его государственной жизни только всеобщностью своего содержания. Представительство нельзя рассматривать как уступку, которая делается беззащитной слабости, бессилию, а, напротив, как уверенную в себе жизнедеятельность высочайшей силы. В истинном государстве нет места такой земельной собственности, такой промышленности, такой материальной сфере, которые, в этом своем качестве грубых материальных элементов, вступают в соглашение с государством; в нем существуют только *духовные силы;* и только в своем государственном воскрешении, в своем политическом возрождении естественные силы получают право голоса в государстве. Государство пронизывает всю природу духовными нитями,

и в каждой его точке с необходимостью обнаруживается, что господствующим началом является не материя, а форма, не природа вне государства, а природа государства, не *лишенный свободы предмет*, а *свободный человек*.

Написано К. Марксом
10, 19 и 30 декабря 1842 г.

Напечатано в «Rheinische Zeitung»
№№ 345, 354 и 365; 11, 20 и 31 декабря 1842 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

ИЗВЕЩЕНИЕ РЕДАКЦИИ «RHEINISCHE ZEITUNG» О ПРЕДСТОЯЩЕМ ОТВЕТЕ ОБЕР-ПРЕЗИДЕНТУ ФОН ШАПЕРУ [109]

Кёльн, 2 января. Так как «опровержение» [110] г-на обер-президента фон Шапера и требуемое объяснение от «Rheinische Zeitung» многократно обсуждалось в прессе, то мы считаем необходимым заявить, что наш ответ будет дан на следующей неделе. Задержка произошла только из-за необходимости многих дополнительных расследований.

Написано К. Марксом 2 января 1843 г.

Напечатано в «Rheinische Zeitung» № 3, 3 января 1843 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

[ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ ПРОТИВ «ALLGEMEINE ZEITUNG»]

Аугсбургская кумушка вступила в ту пору жизни, когда прекрасный пол, не смея более *претендовать* на *молодость*, не находит более тяжкого упрека по адресу своих сестер, нежели упрек в той же молодости. Однако в № 360 возрастная мерка сильно подвела почтенную сивиллу. Она говорит там о необходимости *охладить* «юный пыл» «Rheinische Zeitung», относя эти слова к корреспонденту, которому волею судеб *шестьдесят* лет и который вряд ли ожидал найти на страницах аугсбургской «Allgemeine Zeitung» свидетельство своей молодости. Но так уж водится! Свобода то слишком стара, то слишком молода. Она никогда не стоит на повестке дня, во всяком случае на повестке дня аугсбургской «Allgemeine Zeitung», относительно которой ходят все более настойчивые слухи, что она издается в *Аугсбурге*.

Если бы редакция «Rheinische Zeitung» пожелала добавить послесловие в стиле предыдущей корреспонденции аугсбургской «Allgemeine Zeitung», то мы могли бы, коль скоро она была так любезна, что обнаружила прапорщика *Пистоля* в «Rheinische Zeitung», предоставить ей выбор лишь между *Долль Тершит* и *мистрис Куикли*. Но за ее *мужским* символом веры мы обратились бы к другу сих дам *Фальстафу:*

«Честь меня окрыляет. А что если честь меня обескрылит, когда я пойду в бой? Что тогда? Может честь приставить мне ногу? Нет. Или руку? Нет. Или унять боль от раны? Нет. Значит, честь — плохой хирург. Безусловно. Что же такое честь? Слово. Что же заключено в этом слове? Воздух. Хорош барыш! Кто обладает честью? Тот, кто умер в среду.

А он чувствует ее? Нет. Слышит ее? Нет. Значит, честь неощутима? Для мертвых — неощутима. Но, быть может, она будет жить среди живых? Нет. Почему? *Злословие* не допустит этого. Вот почему честь мне не нужна. Она не более как щит с гербом, который несут за гробом. Так заканчивается мой катехизис» *.

И так же заканчивается политический катехизис аугсбургской «Allgemeine Zeitung», так она напоминает «прессе», что в *критические* времена можно потерять руку и ногу, так она клевещет на честь, ибо сама отреклась от всякой чести, на которую можно было бы клеветать.

Аугсбургская «Allgemeine Zeitung» посулила вступить в борьбу с нами из-за принципов, и она сдержала это обещание. У нее их *нет* и, следовательно, *своих* принципов она в бой с нами не послала. Время от времени она выражала нам свое негодование, сеяла мелкие подозрения, пыталась делать мелкие поправки, раздувала свои скромные успехи и претендовала на превосходство в силу старшинства. По поводу же ее притязания в отношении последнего пункта, притязания на титул *ветерана,* мы могли бы сказать то же, что господин Дезами говорит господину Кабэ:

«Que monsieur Cabet ait bon courage: avec tant de titres, il ne peut manquer d'obtenir bientôt ses *invalides!*» **.

Аугсбургская кумушка существует благодаря просчету, анахронизму. Она утратила *форму*, единственное, чем она обладала в былые времена, даже форму, parfum littéraire ***. Ее заменила мещанская, расплывчатая, надменная бесформенность, а ведь никому не придет в голову считать элегантным пошлость «господина Пуффа» и сравнение с «лягушкой, раздувшейся как вол», на том основании, что подобное можно обнаружить в аугсбургской «Allgemeine Zeitung».

Написано К. Марксом 2—11 января 1843 г.

Напечатано в «Rheinische Zeitung» № 3 и № 12, 3 и 12 января 1843 г.

Печатается по тексту газеты
Перевод с немецкого
На русском языке публикуется впервые

* *В. Шекспир.* «Король Генрих IV». Часть первая, акт 5, сцена первая. *Ред.*

** Пусть господин Кабэ не падает духом: при таком количестве титулов он непременно вскоре добьется почетной пенсии[111]. *Ред.*

*** — литературный аромат. *Ред.*

ЗАМЕЧАНИЯ ПО ПОВОДУ ОБВИНИТЕЛЬНЫХ ПУНКТОВ МИНИСТЕРСКОГО РЕСКРИПТА [112]

I

«Он» (Рейнский листок *) «с самого своего возникновения придерживался столь *предосудительного* направления» и т. д. «В газете явно господствовало», — говорится в рескрипте, — «постоянное намерение нападать на сами основы государственного строя, развивать теории, имеющие целью потрясение монархического принципа, злонамеренно вызывать в общественном мнении подозрения по отношению к действиям правительства, восстанавливать друг против друга отдельные сословия народа, порождать недовольство существующим законным порядком, поощрять направления, весьма враждебно относящиеся к дружественным державам. Рассуждения по поводу мнимых недостатков управления, — не говоря уже о том, что по большей части эти рассуждения были беспочвенны, лишены основательности и знания дела, — излагались не серьезным, спокойным и полным достоинства тоном, а с ненавистническими нападками на государство, на его формы правления и органы».

Направление не становится, конечно, *предосудительным* только потому, что правительство объявляет его предосудительным. Даже *система мира Коперника* не только была объявлена предосудительной высшим в то время авторитетом, но и осуждена им в действительности. Далее: повсюду существует правило, что обязанность приведения доказательств лежит на *обвинителе*. Наконец, «Rheinische Zeitung» вменяется в вину «*явное* намерение» совершить приписываемые ей преступления. Но *узнать* чье-либо намерение, а тем более говорить о нем, как о *явном*, можно лишь тогда, когда оно уже проявилось в *делах*.

Но допустим даже на минуту (мы это, однако, решительно оспариваем), что все обвинения министерского рескрипта

* — «Rheinische Zeitung». *Ред.*

обоснованы. Тем не менее и тогда окажется, что в теперешней их неопределенной и допускающей множество толкований форме они с таким же успехом — или столь же безуспешно — могут служить мотивировкой запрещения *любой* газеты, как и «Rheinische Zeitung».

В «Rheinische Zeitung», говорится в рескрипте, господствовало «явное намерение» «нападать на сами основы государственного строя». Но, как известно, бесспорно существует огромное расхождение во взглядах на прусский государственный строй и его основу. Одни отрицают, что эта основа имеет свой строй, другие, что этот строй имеет основу.

Одного взгляда придерживаются Штейн, Гарденберг, Шён, другого — Рохов, Арним, Эйххорн. Гегель в свое время думал, что он в своей философии права заложил основу прусского государственного строя, и того же мнения были правительство и немецкая публика. Правительство доказало это, между прочим, тем, что официально распространяло его произведения; публика же упрекала его в том, что он — прусский государственный философ, как это можно прочесть в старом лейпцигском энциклопедическом словаре [113]. То, что тогда думал Гегель, это думает теперь Шталь. Гегель в 1831 году читал по специальному распоряжению правительства курс философии права.

В 1830 году «Staats-Zeitung» * объявила Пруссию монархией с республиканскими учреждениями. Теперь она объявляет Пруссию монархией с христианскими учреждениями.

При столь значительном расхождении во взглядах на прусский государственный строй и на его основу представляется естественным, что и «Rheinische Zeitung» имела *свое* мнение. Это мнение могло, конечно, отклоняться от теперешнего взгляда правительства, но мнение это, тем не менее, в состоянии было приводить в свою пользу и прусскую историю, и многие элементы современной государственной жизни, и, наконец, высокие авторитеты.

Поэтому «Rheinische Zeitung» не только не имела намерения нападать на сами основы прусского государственного строя, но, наоборот, она по ее мнению, подвергала нападкам только отклонения от этих основ.

В связи с запрещением «Rheinische Zeitung» одна официальная статья в «Allgemeine Königsberger Zeitung» характеризует Пруссию как государство либерального суверенитета [114]. Это такое определение, которое не встречается в прусском праве и допускает всевозможные толкования.

* — «Allgemeine Preußische Staats-Zeitung». *Ред.*

Под «либеральным суверенитетом» можно понимать двоякого рода вещи: либо то, что свобода является просто *личным* образом мыслей короля, следовательно — его личным качеством, либо же то, что свобода является духом суверенитета и, следовательно, уже осуществлена или, по крайней мере, должна быть осуществлена в свободных учреждениях и законах. В первом случае перед нами despotisme éclairé *, противопоставляющий *особу* государя государственному целому как бездушному и несвободному материалу. Во втором же случае государя не ограничивают — и таков был именно взгляд «Rheinische Zeitung» — тесными рамками его особы, а рассматривают все государство как его тело, так что учреждения являются теми органами, в которых он живет и действует, а законы являются глазами, которыми он видит.

Далее сказано, что намерением «Rheinische Zeitung» было — «развивать теории, имеющие целью потрясение монархического принципа».

Снова возникает вопрос: что понимают под «монархическим принципом»? Например, «Rheinische Zeitung» утверждала, что господство сословных различий, закоснелая бюрократия, цензура и т. д. противоречат монархическому принципу, и она постоянно старалась *доказать* свои утверждения, — они не были для нее только случайно пришедшими в голову мыслями. Но вообще «Rheinische Zeitung» никогда не проявляла особого предпочтения по отношению к какой-нибудь *особой форме правления*. Ее волновали вопросы *нравственного и разумного устройства общества;* она полагала, что требования подобного общественного устройства должны были бы и могли бы быть осуществлены при *любой* государственной форме. Она поэтому рассматривала *монархический принцип* не как *особый* принцип, скорее она рассматривала монархию как осуществление государственного принципа вообще. Если это была ошибка, то состояла она не в недооценке, а в переоценке.

Далее, «Rheinische Zeitung» никогда не пыталась злонамеренно вызывать в общественном мнении подозрения по отношению к действиям правительства. Побуждаемая доброй волей, она, наоборот, старалась опорочить те мероприятия самого правительства, которые противоречат народному духу. Она, далее, никогда не противопоставляла абстрактно правительство народу, но, наоборот, рассматривала государственные недостатки как недостатки, присущие как правительству, так и народу.

* — просвещенный деспотизм. *Ред.*

Что касается основательности, знания дела и тона «Rheinische Zeitung», то, по крайней мере, ни одна газета в Германии не обнаружила больше основательности и знания дела. Тон же ее действительно серьезен, спокоен и полон достоинства, если сравнить его с крикливым тоном сервильных (консервативных) * газет. В этом отношении «Rheinische Zeitung» не без основания был брошен упрек в *непопулярной,* слишком *научной* форме, что диаметрально противоположно тому упреку, который брошен министерством.

Так же мало пыталась «Rheinische Zeitung» восстанавливать друг против друга отдельные сословия народа; она, напротив, пыталась поднять каждое сословие на борьбу против его собственного эгоизма и его собственной ограниченности; она повсюду противопоставляла государственно-гражданский разум сословному неразумию и человеческую любовь — сословной ненависти. Если она и согрешила в этом отношении, то это был грех, санкционируемый законом и обычаями Рейнской провинции.

Упрек в желании вызвать «недовольство существующим законным порядком» — в такой неопределенной форме не может даже рассматриваться как упрек.

Правительство также пыталось вызвать недовольство существующим законным порядком, — например, недовольство старопрусскими законами о браке. Всякая реформа законодательства и его пересмотр, всякий прогресс основывается на подобном недовольстве.

Так как законное развитие невозможно без развития законов; так как развитие законов невозможно без критики законов; так как всякая критика законов вызывает у граждан разлад между умом — а следовательно, и сердцем — и существующими законами; так как этот разлад ощущается как недовольство, — то лояльное участие печати в развитии государства невозможно, если она лишена права возбуждать недовольство существующим законным порядком.

Упрек в том, что «Rheinische Zeitung» преследует лояльные органы печати недостойными насмешками, — упрек, относящийся, очевидно, к газетной полемике, — вовсе не может служить основанием для запрещения газеты. «Rheinische Zeitung» донимали со всех сторон доносами, ее закидывали грязью, на нее нападали. Ее обязанностью было — защищаться. К тому же не существует никакой *официальной* печати.

* Слово «консервативных» вставлено в рукописи над словом «сервильных». *Ред.*

«Rheinische Zeitung» не оскорбляла *иностранных* держав [115], она только осуждала их за оскорбления, наносимые ими Германии. В этом отношении она следовала только духу *национальной* политики. Что касается немецких союзных государств, то «Rheinische Zeitung» в данном вопросе выразила только взгляд большинства народных представителей в этих государствах.

Наконец, в отношении религии «Rheinische Zeitung» поступала согласно статье второй указа о цензуре от 1819 года, а именно: она боролась против фанатического перенесения религиозных истин в политику и против вытекающей отсюда путаницы понятий [116].

II

Если бы «Rheinische Zeitung» хотела оказывать систематическое противодействие правительству, то она должна была бы придерживаться совершенно *противоположной* тактики.

Она льстила бы предрассудкам Рейнской провинции, а не боролась бы с ними. Она прежде всего потворствовала бы *религиозным предрассудкам* и использовала бы в своих целях (на манер ультрамонтанов [117]) противоречие между северонемецкой и южнонемецкой культурой, а не стремилась бы вводить северонемецкую культуру в Рейнскую провинцию.

Она примкнула бы к французским теориям, а не к немецким.

Она противопоставила бы государственной идее в ее единстве провинциальный дух в его обособленности и ограниченности, т. е. она, подобно Гёрресу, прежде всего стала бы защищать провинциальные ландтаги [118].

Она полагала бы, что все хорошее сосредоточено на стороне сословных собраний, а все дурное — на стороне правительства, как это делает обыкновенный либерализм. В своей критике рейнских сословных собраний * она не противопоставляла бы — как она это сделала в противоречии с многими рейнскими либералами — всеобщую мудрость правительства частному эгоизму сословий. Наконец, она поддерживала бы хор прочих газет и требовала бы расширения прав комиссий, а не характеризовала бы подобное требование как противоречащее интересам государства.

III

Наконец, невероятным преувеличением было бы говорить о *злонамеренном характере всего направления* газеты, так как в таком случае злонамеренными оказались бы также:

---

* См. настоящий том, стр. 275—291. *Ред.*

1) борьба за Таможенный союз;

2) выступление за интересы Пруссии в истории с русским договором;

3) борьба за прусскую гегемонию;

4) постоянное указание на Пруссию, как на государство, которое следует по пути прогресса;

5) одобрение прусских народных учреждений, как, например, войска, управления и т. д.

«Rheinische Zeitung» точно так же не вела одностороннюю борьбу против бюрократии. Она, напротив, признавала ее значение:

1) в противовес Бюлову-Куммерову,

2) в противовес романтическому направлению.

Она была, напротив, единственной *либеральной* газетой, признававшей также и хорошую сторону бюрократии, как и хорошую сторону старого прусского законодательства.

Так, «Rheinische Zeitung» одна, в противоречии почти со всеми другими газетами, защищала основной принцип нового закона о разводе [119].

Так, наконец, она была первой и почти единственной газетой, которая приветствовала кабинетский указ об *опровержениях* как шаг вперед *.

Мы приводим эти примеры только для того, чтобы доказать, что «Rheinische Zeitung» не занималась какой-то *систематической*, абстрактной оппозиционной деятельностью, а всегда отстаивала только то, что, по ее убеждению, было разумно, от какой бы стороны это ни исходило.

Написано К. Марксом между 4 и 7 февраля 1843 г.

Впервые опубликовано в книге: «Rheinische Briefe und Akten zur Geschichte der politischen Bewegung, 1830—1850», Bd. 1, Essen, 1919

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

* См. настоящий том, стр. 259—260. *Ред.*

МЕСТНЫЕ ВЫБОРЫ ДЕПУТАТОВ В ЛАНДТАГ

Кёльн, 9 марта. «*Rhein-und Mosel-Zeitung*», которая настолько скромна, что не считает себя ни «наиболее распространенной газетой в Рейнской провинции», ни «носительницей политической мысли», делает по вопросу о выборах депутатов от города Кёльна, среди всего прочего, следующее замечание [120]:

«Мы охотно готовы признать, что господа *Меркенс* и *Кампгаузен* *почтеннейшие* люди» («и все они почтеннейшие люди» * — так говорится в трагедии) «и даже» (подумайте только!), «*даже* самой «Rheinische Zeitung» мы готовы выразить наше одобрение» (какой это для нас ценный дар!), «когда она торжественно противопоставляет этих людей противникам прав нашей провинции. Но тем резче и решительнее мы должны осудить те ***мотивы,*** с помощью которых пытались оказать влияние на ход выборов в пользу этих лиц, — не потому, что эти мотивы не имеют будто ***никакого*** значения, а потому, что значение их — не ***исключительное,*** а *только* второстепенное. Дело в том, что среди ***отдельных*** избирателей города Кёльна было распространено следующее литографированное письмо:

«Бесспорно, что город Кёльн на предстоящем ландтаге должен отстаивать, как первоочередные и наиважнейшие, свои торговые и промышленные интересы. Поэтому мы должны избрать таких людей, которые, отличаясь честным образом мыслей и занимая среди граждан независимое положение, в то же время имели бы точное представление о ходе этих дел во всех направлениях и могли бы с правильной точки зрения их рассматривать, освещать и двигать вперед».

Далее следует указание на вышеупомянутых, бесспорно почтеннейших лиц. — В заключение говорится следующее:

«В настоящее время наш город занимает уже выдающееся место в торговом мире. Однако его торговле и промышленности предстоит еще большее расширение, и это время не за горами. Парусное судоходство

* *В. Шекспир*. «Юлий Цезарь». Акт 3, сцена вторая. *Ред.*

и пароходство, буксирное судоходство и железные дороги вернут нашему городу времена старой Ганзы — для этого необходимо только, чтобы на предстоящем ландтаге разумно и дальновидно защищались истинные интересы нашего города.

Кёльн, 24 февраля. *Группа избирателей*»».

По поводу этого письма проникнутая весьма высокой духовностью «Rhein-und Mosel-Zeitung» разразилась следующей напыщенной проповедью:

«Если где-либо местные материальные интересы настолько преобладают, что сквозь них не может пробиться даже слабый отблеск духовных и всеобщих потребностей, то нужно ли удивляться тому, что те, кто держит в своих руках бразды правления, считаются лишь с материальными интересами, а духовные интересы они предоставляют собственной судьбе? О ты, великий город Кёльн, ты, священный город Кёльн, ты, мудрый город Кёльн, как низко пали некоторые сыны твои в своем духовном состоянии и исторических воспоминаниях! Они воображают, что осуществление их желаний и надежд, которые в лучшем случае могут превратить тебя в огромный денежный мешок, вернет тебе времена старой Ганзы!!!»

«Rhein-und Mosel-Zeitung» осуждает не результат выборов, она осуждает те *причины*, которые, по ее мнению, «оказали влияние» на ход этих выборов. Каковы же были эти причины? «Rhein-und Mosel-Zeitung» цитирует *одно-единственное* циркулярное письмо, обращенное к *отдельным* избирателям, — письмо, в котором говорится, что «торговые и промышленные интересы» являются наиважнейшими для представителей Кёльна на предстоящем ландтаге. Откуда «Rhein-und Mosel-Zeitung» известно, что на умы избирателей оказало такое воздействие это циркулярное письмо, которое, впрочем, — как это признает сама «Rhein-und Mosel-Zeitung», — дошло только до «отдельных» избирателей? Откуда ей известно, что это письмо решительно и окончательно определило исход выборов в пользу господ Кампгаузена и Меркенса? Если циркулярное письмо, исходя из совершенно *особых* причин, рекомендовало избрание этих лиц и если они действительно были избраны, — то разве отсюда в какой-нибудь степени следует, что их избрание есть результат данной рекомендации и ее особой мотивировки?

«Rhein-und Mosel-Zeitung» благосклонно выражает свое одобрение «Rheinische Zeitung», когда она «торжественно противопоставляет противникам прав нашей провинции Кампгаузена и Меркенса». Что же побуждает «Rhein-und Mosel-Zeitung» к этому «выражению своего одобрения»? Очевидно, характер избранных депутатов. Но разве их характер был в Кёльне менее известен, чем в Кобленце? [121] Среди интересов, которые должны быть представлены в ландтаге, «Rhein-und

Mosel-Zeitung» называет *только «более свободное общинное устройство»* и *«расширение сословных прав»*. Уж не полагает ли она, будто в Кёльне не знают, что г-н Меркенс приобрел известность своими выступлениями на заседаниях ландтага различных созывов, где он боролся за «свободное общинное устройство», не знают того, что он, выступая на заседаниях одного ландтага против почти всего собрания, мужественно и неуклонно отстаивал свободное общинное устройство? Что же касается «расширения сословных интересов», то в Кёльне очень хорошо известно, что г-н Меркенс протестовал прежде всего против того, чтобы эти интересы были ограничены автономией, и что он вместе с этим так же решительно отстаивал тот взгляд, что сословные интересы не должны выходить за свои пределы в тех случаях, когда они противоречат всеобщему интересу, всеобщему праву и разуму, как это имело место при дебатах по поводу закона о краже леса [122] и закона об охоте. Таким образом, если вся парламентская деятельность г-на Меркенса не оставляет сомнений в том, что он вообще призван к тому, чтобы быть депутатом ландтага; если редкая универсальная образованность г-на Кампгаузена, его высокий ум и серьезный, достойный уважения характер широко известны и общепризнаны, — то откуда «Rhein-und Mosel-Zeitung» знает, что избрание этих господ вызвано не этими очевидными причинами, а, главным образом, вышеуказанным циркулярным письмом?

Нет! Нет! — ответит нам достопочтенная газета, — я этого не утверждаю, ни в коем случае! Моя утонченная спиритуалистическая душа досадует только на *авторов* этого циркулярного письма, на тех материалистов, которые вместо духовных и истинных интересов народа выдвигают совсем другие, гораздо более низменные мотивы, на тех, кто необоснованными доводами пытался оказать влияние на ход выборов в пользу Кампгаузена и Меркенса; повлиять на тех «сынов Кёльна», которые так низко пали в своем «духовном состоянии и исторических воспоминаниях»!

Но если «Rhein-und Mosel-Zeitung» имеет в виду только *авторов* этого анонимного письма, то почему поднимает она такой страшный шум? Почему она изрекает:

«Если *где-либо* местные материальные интересы настолько *преобладают*, что *сквозь них не может пробиться даже слабый отблеск духовных и всеобщих потребностей*, то нужно ли удивляться тому, что те, кто держит в своих руках бразды правления, считаются лишь с материальными интересами, а духовные интересы они предоставляют собственной судьбе?»

Разве могут местные материальные интересы безраздельно господствовать в Кёльне потому только, что они безраздельно

господствуют в одном анонимном циркулярном письме? Это так же невозможно, как невозможно, чтобы *юридические* интересы безраздельно господствовали в Кёльне только потому, что в каком-то другом циркулярном письме, также обращенном к *отдельным* избирателям, этим интересам придается безраздельно господствующее значение! Разве в каждом городе, как и в каждой семье, не могут быть *тупые* дети? Правильно ли будет судить обо всем городе или обо всей семье по таким детям?

Однако при более внимательном рассмотрении циркулярное письмо оказывается не таким предосудительным, каким хочет изобразить его нам достопочтенная кобленцская газета. Более того, оно полностью оправдывается целью сословных собраний, как это уже определено законом. Эта закрепленная в законе цель состоит, с одной стороны, в защите *общих интересов провинции*, с другой — в защите *ее особых сословных интересов*. Общепризнано, что Кампгаузен и Меркенс являются достойными представителями *интересов Рейнской провинции*, и авторам циркулярного письма не было никакой необходимости поддерживать это убеждение или хотя бы даже упоминать о нем.

Так как совершенно не подлежало сомнению, что эти лица достойны быть депутатами ландтага в качестве представителей *общих* интересов, то речь шла, главным образом, об особых требованиях, предъявляемых *кёльнскому* депутату. Речь шла о том, какие *городские интересы*, «как первоочередные и наиважнейшие», должен представлять на *«предстоящем ландтаге»* Кёльн! Кто станет отрицать, что такими именно являются «торговые и промышленные интересы»! К тому же одного простого отрицания недостаточно, нужно еще привести и *доказательство*.

Больше всего возмущается «Rhein-und Mosel-Zeitung» по поводу следующего места:

«Парусное судоходство и пароходство, буксирное судоходство и железные дороги вернут нашему городу *времена старой Ганзы*».

О, горе тебе, несчастный город Кёльн! Как тебя обманывают! Как ты сам себя обманываешь!

«Они воображают, — скорбит «Rhein-und Mosel-Zeitung», — что осуществление их желаний и надежд, которые в лучшем случае могут превратить тебя в огромный *денежный мешок*, вернет тебе времена старой Ганзы!»

Бедная «Rhein-und Mosel-Zeitung»! Она не понимает, что под «временами старой Ганзы» здесь имеется в виду только былой

расцвет торговли; не понимает того, что если бы Кёльн захотел воскресить политическое, социальное и интеллектуальное состояние ганзейских городов, воскресить времена *средневековья,* то «все *духовные* и *всеобщие* потребности» действительно были бы похоронены, «духовное состояние» оказалось бы совершенно *извращенным,* и все «исторические воспоминания» были бы вырваны с корнем! Разве в том случае, если бы какой-либо город совершенно отошел от всех разумных и здравых современных взглядов, чтобы жить отныне в грезах и прошлом, — разве в этом случае правительство не должно было бы объявить область «духовных и всеобщих потребностей» своим безраздельным частным владением! Разве это не долг правительства, его долг самосохранения, — покрепче взять в свои руки бразды правления там, где всячески стремятся взорвать наше настоящее и будущее, чтобы восстановить *прежние, устаревшие порядки!*

Мы хотим говорить нашим читателям чистую правду. В Кёльне происходила серьезная *предвыборная борьба,* — и это служит наилучшим доказательством политической активности Кёльна, — борьба между людьми настоящего и людьми прошлого. Люди прошлого, люди, которые стремятся восстановить *целиком, с головы до ног,* «времена старых ганзейских городов», потерпели, несмотря на все свои махинации, полнейшее поражение. И вот приходят эти материалисты из области фантастики, — люди, непроходимая глупость которых доказывается ad oculos * каждым пароходом и каждой железной дорогой, — и лицемерно разглагольствуют о «духовном состоянии» и «исторических воспоминаниях». На реках вавилонских оплакивают они «великий город Кёльн, священный город Кёльн, мудрый город Кёльн». Так будем же надеяться, что слезы их не так-то скоро иссякнут!

Написано К. Марксом 9 марта 1843 г.

Напечатано в «Rheinische Zeitung» № 68, 9 марта 1843 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

* — наглядно. *Ред.*

«RHEIN- UND MOSEL-ZEITUNG» КАК ВЕЛИКИЙ ИНКВИЗИТОР

Кёльн, 11 марта. Несколько дней тому назад *«Rhein-und Mosel-Zeitung»* напечатала религиозную буллу, в которой осуждается благочестивая *«Kölnische Zeitung»;* ныне перед судом инквизиции в Кобленце стоит *«Trier'sche Zeitung»*. И недаром.

Дело в том, что «Trier'sche Zeitung» в связи со смертью Фридриха фон Заллета написала, между прочим, следующее [123]:

«Перед нами — его произведение «Евангелие для мирян», *раскрывающее* нам *в чистом виде священные вечные евангельские истины*». «Он» (Заллет) «стремился к тому, чтобы быть человеком в высоком смысле того прообраза, которым явился Иисус. *Как настоящий воин господен был он глашатаем вечной истины*».

«Тот, кто прочтет эти слова, ничего другого не зная о прославленном авторе», — говорит «Rhein-und Mosel-Zeitung», — «подумает, конечно, что г-н фон Заллет был верующим христианином и с пламенным рвением проповедовал в своем «Евангелии для мирян» слово божие. Но что же в действительности содержится в этом евангелии? То ложное и пагубное учение, которое люди вроде Штрауса, Фейербаха и Бруно Бауэра и как их еще там звать — все эти апостолы современного язычества — преподносят в аудиториях, а также в своих произведениях, узкому кругу ученых» и т. д.

Для документального подтверждения своего взгляда «Rhein-und Mosel-Zeitung» цитирует

«*одно только* место из «Евангелия для мирян», а именно то, в котором проводится параллель между предателем Иудой и евангельским Христом, т. е. Христом, каким его изображает библия».

Приведенные вслед за этим цитаты убедительно показывают, как сознательно противопоставлял Заллет свои взгляды *историческому* христианству.

Чувство ложной гуманности будет, пожалуй, оскорблено той беззастенчивой полемикой, которую «Rhein-und Mosel-Zeitung» направляет против только что скончавшегося человека, но разве апология этого человека в «Trier'sche Zeitung» не носит гораздо более антигуманный, гораздо более оскорбительный характер? Можно ли сказать, что я чту память умершего, если я *искажаю* его духовный облик? Несомненно, Заллет стремился быть глашатаем истины, но отнюдь не евангельской. Заллет стремился, несомненно, быть *истинным* человеком, но отнюдь не поборником церковной истины.

Напротив, Заллет полагал, что разумная истина может быть утверждена только противопоставлением ее священной истине, а нравственный человек — только противопоставлением его христианину; поэтому Заллет и написал «Евангелие для мирян». И что же? Разве почтил память этого человека его апологет из «Trier'sche Zeitung», поставив все дело его жизни прямо-таки на голову? Выражаете ли вы свое почитание Лютера, объявляя его хорошим католиком, а почитание папы Ганганелли, называя его покровителем иезуитов? Какое ханжество! Какое бессилие мысли! Заллет был республиканцем; какой же ты ему друг, если всюду оглушительно трубишь о его роялизме? Заллет больше всего любил правду, а вы хотите выразить свое уважение к нему, сказав о нем неправду? Или же в вашей душе борются христианство и чувство дружбы? Пусть так! Но тогда сознайтесь в этом и скажите: Заллет был хорошим человеком и т. д., но плохим *христианином!* Сожалейте об этом, если угодно, выражайте свое сожаление во всеуслышание, но только не выдавайте его произведения за блестящие свидетельства его приверженности христианству. Если вы *осуждаете* стремления вашего друга, осуждайте их sans gêne *, как это делает «Rhein-und Mosel-Zeitung», но не ханжеским окольным путем, не так, чтобы хвалить его за то, чем он *не* был, а, следовательно, осуждать его как раз за то, чем он был *в действительности.*

Если даже признать, что «Евангелие для мирян» и могло дать повод к подобному толкованию; если признать, что Заллет *в этом произведении* еще далеко не уяснил себе своей точки зрения, что он сам *считает* себя проповедником истинного смысла евангелия, что цитате, которую привела «Rhein-und Mosel-Zeitung», нетрудно противопоставить иные цитаты, звучащие совсем по-христиански, — то все же «Rhein-und Mosel-Zeitung» права в том, что Заллет на место *исторического* христианства ставит христианство *своего собственного образца.*

---

* — без стеснения. *Ред.*

В заключение, еще одно слово по поводу тех мест, которые цитирует «Rhein-und Mosel-Zeitung». Все они страдают одним коренным недостатком — *отсутствием поэзии*. Да и вообще, что за нелепая идея излагать в стихах богословские споры! Приходило ли какому-нибудь композитору в голову положить догматы на музыку?

Не говоря уже об этой ереси в отношении законов искусства, каково содержание цитируемых мест? *Заллет* полагает, что *несовместимо* с божественностью Христа, чтобы он, зная о предательских замыслах Иуды, ничего не предпринял для его исправления или для того, чтобы предотвратить злодеяние. И по этому поводу Заллет восклицает («Rhein-und Mosel-Zeitung» приводит эти строки):

«Позор тому — кто б ни был он, слепец! —
Кто господа таким изобразил:
Сей каплей знания людских сердец
Он дорогой нам образ исказил»[124].

Суждение Заллета говорит о том, что он не был ни *теологом*, ни *философом*. Если бы он был *теологом*, он не стал бы беспокоиться по поводу того, что это противоречит *человеческому* разуму и *человеческой* нравственности, ибо для теолога человеческий разум и нравственность не являются мерилом для евангелия, а, наоборот, евангелие является мерилом для них. А если бы Заллет был *философом*, то он знал бы, что такого рода противоречия коренятся в *природе религиозного мышления*, он признал бы тогда и указанное противоречие *неизбежным продуктом* христианского мировоззрения, а отнюдь не осудил бы его как *искажение этого мировоззрения*.

Пусть «Rhein-und Mosel-Zeitung» и впредь с таким же пылом ратует за дело веры, набрасывая сан-бенито[125] на все рейнские газеты. Мы же посмотрим, как отнесутся к *терроризму веры половинчатые* — те, которые не являются ни холодными, ни горячими, а только теплыми, — будет ли он для них более приемлемым, чем *терроризм разума*.

Написано К. Марксом 11 марта 1843 г.

Напечатано в «Rheinische Zeitung» № 71, 12 марта 1843 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ УПРАЖНЕНИЯ «RHEIN- UND MOSEL-ZEITUNG»

Кёльн, 13 марта. На нашу статью от 9-го марта * о депутатах ландтага «Rhein-und Mosel-Zeitung» откликнулась сегодня [126]. Мы не скроем от наших читателей некоторых образчиков этого *стилистического* шедевра. Здесь можно встретить, между прочим, и такие перлы:

«Так «Rheinische Zeitung» чересчур замахнулась, и притом не алебардой, а своей *привычной дубинкой»* (подумайте только! *Привычная дубинка! Замахиваться дубинкой!*) «на призрак, который она будто бы увидела в статье «Rhein-und Mosel-Zeitung», и, как само собой разумеется» (что за роскошь это разглагольствование о вещах, само собою разумеющихся!), «все ее удары не попали в цель, пролетев мимо», (*не попали в цель,* пролетев мимо! Не попали в «Rhein-und Mosel-Zeitung», следовательно, по-видимому, в ее редактора!) «и *подвергшаяся нападкам* газета» (подвергся-то нападкам призрак!) «осталась в целости и невредимости».

Какая щедрая логика, избавляющая читателя даже от необходимости самому сделать вывод, что удары, пролетевшие *мимо* подвергшейся нападкам газеты, не попали *прямо* в нее! Какое богатство мысли, какая основательность исторического изложения! Подумать только, каким интересным делом должно представляться «Rhein-und Mosel-Zeitung» возвещать о том, что спина ее осталась в целости! Какую честь делает фантазии «Rhein-und Mosel-Zeitung» великолепная идея о «призраке», на который набросилась «Rheinische Zeitung», и об ударах, которые падают в стороне от нее! Доказательством тому могут служить следующие, столь же остроумные, сколь и порази-

* См. настоящий том, стр. 301—305. *Ред.*

тельные вариации на эту грандиозную тему (излагая эти вариации, мы не преминем обратить внимание читателя на их тонкие нюансы и оттенки). Итак:

1. ««Rheinische Zeitung» от 9-го марта чересчур замахнулась своей привычной дубинкой на *призрак,* который она будто бы увидела в статье «Rhein-und Mosel-Zeitung» и, как само собой разумеется, все ее удары не попали в цель, пролетев мимо».

2. «Эта статья наделила «Rheinische Zeitung» способностью *духовидения»* (только что этот дух был призраком, и с каких это пор «Rheinische Zeitung» открыла признаки *духа* в этом захолустном ультрамонтанском листке?) «и вследствие этого сделала ее героиней, ведущей борьбу с *тенью»*.

Итак, на этот раз мы попали, по крайней мере, в тень «Rhein-und Mosel-Zeitung»!

3. «Однако «Rheinische Zeitung» сама, *пожалуй,* сознает, что по отношению ко всему *существенному,* истинному и *крепкому»* (не идет ли речь о спине «Rhein-und Mosel-Zeitung»?) «ее силы становятся посмешищем» (а какие духовные силы не становятся посмешищем, натолкнувшись на спину?). «*Все же* она хочет доказать, что у нее имеются *рога»* («привычная дубинка» под шумок превратилась в «рога») «и что она умеет бодаться» (раньше — чересчур замахиваться). «Она *создала в своем воображении* призрак» (раньше — «увидела» или «*будто бы увидела»*), «который она пыталась выдать за подлинный дух нашей статьи» (повторение с целью напомнить читателю обстоятельства дела!). «На этом призраке и проявляет она вволю свою ярость и испытывает свои силы» (крепкий риторический оборот), — «подобно тому, как во время боя быков *рассвирепевшее животное»* (несколько выше «Rheinische Zeitung» фигурировала как «человек с дубинкой», — в роли «животного» выступает, стало быть, «Rhein-und Mosel-Zeitung») «изливает свою ярость на отданное ему на растерзание чучело и, изорвав его в клочки, *считает* себя победителем».

Какой подлинно гомеровский язык! Какая, подумать только, эпическая широта изложения! И какое прямо-таки эзоповское глубокое проникновение в психологию животного! Это утонченное понимание душевного состояния быка, *считающего* себя победителем!

Было бы «очень по-детски и наивно», но в той же мере «пошло и тривиально», если бы мы вздумали вступать в спор по существу дела с таким «выдающимся публицистом». Мы добавим только, для характеристики сего мужа, следующее:

«Rhein-und Mosel-Zeitung» в своей статье, подвергшейся столь неудачным нападкам, «только» выразила «сомнение», «*действительно ли вернутся назад времена старой Ганзы,* если осуществятся надежды этих людей» (имеются в виду авторы циркулярного письма, призывающего к избранию господ К. и М. *). Но «о *восстановлении* прежних и отживших свой век порядков» в ее «статье *нет* и речи». Пойми, кто может!

* — Кампгаузена и Меркенса. *Ред.*

Далее:

«Rheinische Zeitung» пыталась «пустить в ход явную *ложь*, когда она писала: «Среди интересов, которые должны быть представлены в ландтаге, «Rhein-und Mosel-Zeitung» *называет только* более свободное общинное устройство и расширение сословных прав» *. Между тем в «Rhein-und Mosel-Zeitung» можно прочесть еще о *«констатировании множества других нерешенных вопросов развития народной жизни»»*.

Но разве «Rhein-und Mosel-Zeitung» когда-либо уделяла внимание этим «нерешенным вопросам» или хотя бы *упоминала о* них? Полагает ли она, что такие расплывчатые слова, как «констатирование *множества других нерешенных вопросов*», могут иметь значение для *формулирования* этих вопросов с целью предъявления определенных требований к депутатам ландтага? И пусть наш читатель еще раз обратит свое внимание на оригинальный стиль «Rhein-und Mosel-Zeitung»:

К *«интересам*, которые подлежат защите» (в ландтаге), «относится *констатирование* столь многих нерешенных вопросов развития народной жизни»!

Нерешенный вопрос развития народной жизни! Констатирование, которое подлежит защите!

Написано К. Марксом 13 марта 1843 г.

Напечатано в «Rheinische Zeitung» № 72—73, 14 марта 1843 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

* См. настоящий том, стр. 302—303. *Ред.*

[ОТНОСИТЕЛЬНО ВЗГЛЯДОВ ГЕГЕЛЯ НА СООТНОШЕНИЕ МЕЖДУ КОНКРЕТНО-ИСТОРИЧЕСКИМИ ФОРМАМИ ГОСУДАРСТВА И АБСТРАКТНОЙ ИДЕЕЙ ГОСУДАРСТВА]

(ИЗ «КРЕЙЦНАХСКИХ ТЕТРАДЕЙ» 1843 г.) [127]

При *Людовике XVIII* — конституция милостью короля (октроированная хартия короля), при *Луи-Филиппе* — король милостью конституции (октроированная королевская власть) [128]. Вообще мы можем заметить, что превращение субъекта в предикат и предиката в субъект, замена определяющего определяемым, всегда составляет очередную революцию и не только со стороны революционеров. Король создает закон (старая монархия), закон — короля (новая монархия). Точно так же дело обстоит с конституцией. И с реакционерами тоже. Майорат есть закон государства. Государство хочет закона майората. Итак, превращая тем самым моменты государственной идеи в субъект, а старые формы существования государства в предикат, — в то время как в исторической действительности дело обстояло как раз наоборот: идея государства была всегда предикатом тех [старых] форм его существования, — Гегель лишь высказывает общий дух времени, его *политическую теологию*. Здесь дело обстоит точно так же, как и с его философско-религиозным пантеизмом. Все формы неразумия становятся таким образом формами разума. Но в принципе здесь определяющими моментами сделаны: в религии — разум, а в государстве — государственная идея. Эта метафизика есть метафизическое выражение реакции, для которой старый мир есть истина нового мировоззрения.

Написано К. Марксом в июле — августе 1843 г.

Впервые опубликовано в Marx—Engels Gesamtausgabe. Erste Abteilung, Bd. 1, Hlbd. 1, 1927

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

[ВАРИАНТ ПРОСПЕКТА «DEUTSCH-FRANZÖSISCHE JAHRBÜCHER»] [129]

Статьи нашего ежегодника, написанные немцами или французами, будут посвящены:

1) людям и системам, которые приобрели полезное или опасное влияние, и злободневным политическим вопросам, касаются ли они конституций, политической экономии или государственных учреждений и нравов;

2) мы дадим обзор газет, который будет своего рода карой за раболепие и низость одних и привлечет внимание к достойным усилиям других, направленным на благо человечества и свободы;

3) мы дополним это обзором литературы и иных изданий Германии ancien régime *, который в настоящее время идет к своему разложению и гибели, и, наконец, обзором книг обеих стран, открывающих и продолжающих собой новую эпоху, в которую мы вступаем.

Написано К. Марксом в августе — сентябре 1843 г.

Впервые опубликовано на английском языке в: Karl Marx — Frederick Engels. Collected Works. Volume 3, Moskow 1975

Печатается по рукописи

Перевод с французского

На русском языке публикуется впервые

---

* — старого режима. *Ред.*

ЗАЯВЛЕНИЕ В ГАЗЕТУ «DÉMOCRATIE PACIFIQUE»[130]

В № 28 «Bien public» содержатся следующие строки:

««Kölnische Zeitung» публикует письмо из Лейпцига, в котором сказано, что вскоре в Париже под редакцией д-ра Руге должен выйти журнал на французском и немецком языках, которому якобы обещали свое содействие г-н де Ламартин и г-н де Ламенне[131].

Неверно, что г-н де Ламартин обязался писать вместе с г-ном де Ламенне в каком-либо журнале, и в частности в упомянутом выше.

Г-н де Ламартин, всецело поглощенный своей парламентской деятельностью, посвящает тот короткий досуг, который оставляет ему политика, работе над своей «Историей жирондистов»».

Действительно, г-н де Ламартин не брал на себя обязательства писать вместе с г-ном де Ламенне в вышеназванном журнале, но мы утверждаем, что он позволил нам надеяться на его содействие в выпуске журнала, который мы намерены создать.

Мы обратились к этим двум знаменитостям потому, что полагали, что в таком деле, как интеллектуальный союз между Францией и Германией, следует заручиться поддержкой всех выдающихся представителей прогресса во Франции.

Впрочем, мы заявляем, что опубликованное в «*Kölnische Zeitung*» письмо из Лейпцига, которое послужило поводом для статьи в «Bien public», не исходит ни от нас, ни от кого-либо из наших друзей.

Арнольд Руге,
бывший редактор «Deutsche Jahrbücher».
Карл Маркс,
бывший редактор «Rheinische Zeitung».

Париж, 10 декабря 1843 года.

Опубликовано в «Démocratie pacifique» 11 декабря 1843 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с французского

На русском языке публикуется впервые

ИЗ КНИГИ «МЕМУАРЫ Р. ЛЕВАССЁРА (ДЕ ЛА САРТА)»

ПАРИЖ 1829. ТОМ 1—4

ТОМ 1 [132]

[ВЫПИСКИ]

«Итак, то, что сегодня считают безумием нескольких экзальтированных маньяков, было общим чувством всего народа и, так сказать, его способом существования!» (стр. 21).

«*Позднее разногласия раскололи нацию; но в 1788 г. этого не было:* все те, кто во Франции не жил злоупотреблениями, объединились в единодушном желании разрушить режим деспотизма; все те, кто не был расхитителем общественного достояния, хотели, чтобы управление им было доверено депутатам народа; все те, кто не являлся членом привилегированных каст, хотели, чтобы закон был одинаков для всех и чтобы все граждане несли одинаковые повинности» (стр. 27).

«Конституция была пересмотрена» (после бегства короля) «в менее демократическом духе, чем она была первоначально задумана: изменения были малозначительными; но их оказалось достаточно для того, чтобы собрание утратило всю свою популярность, а конституция — самую желательную санкцию, санкцию нации» (стр. 32).

«Заседания Законодательного собрания представляли собой лишь плохо скрытую войну народной власти против королевской. Это была война, в которой обе соперничавшие стороны поочередно пользовались конституцией как мечом или щитом. Война ожесточенная, в которой обе стороны непрестанно ссылались на конституцию, являвшуюся для них лишь пустым словом, которому не верили. Впрочем, это бессильное собрание, ограниченное рамками конституции, не могло *сделать ничего полезного..,* поэтому те многочисленные события, которые произошли *в период его существования, не исходили из его среды.* С точки зрения конституции или в пределах своих законных полномочий, королевский двор и собрание *не могли ничего сделать и ничего не делали.* Эти два великих колосса молча созерцали друг друга и путем *тайных заговоров* пытались добиться того, чего они не могли ожидать от закона» (стр. 37, 38).

«Ни та, ни другая» (сторона) «не была искренней... Поэтому из кризиса, в состоянии которого Учредительное собрание оставило Францию, могло быть лишь два выхода: свержение монархии или возврат к старому порядку. Таким образом, для каждой из обеих сторон дело шло о самом существовании» (стр. 38).

«Эта великая эпоха с 1791 по 1792 год, которая определила судьбы Франции, не ознаменовалась заслуживающей внимания парламентской борьбой. Война продолжалась между *народом и властью.* 20 июня, победа Петиона 14 июля, движения, послужившие поводом к вступлению в Париж марсельских федератов — эти события имели громадные последствия [133], хотя собрание не приняло в них ни малейшего участия. Депутаты выступали в собрании в роли *заговорщиков,* а не в качестве *депутатов.* Даже решение об объявлении войны — главное событие этого периода — было принято в Якобинском клубе» [134] (стр. 39).

Лафайет [135]. — стр. 40.
10 августа [136]. — стр. 41.

«*Восстание,* которое 10 августа *заменило все власти,* продолжалось... это была активная сила, и она подавила врагов свободы» (стр. 43).

«Единственной силой, которая существовала во Франции во время междуцарствия, начавшегося 10 августа [137], был народный порыв, восстание, анархия... Таким образом, последняя оставшаяся возможность спасения состояла в том, чтобы использовать те средства, которые давала анархия, и направить против наших врагов ту грубую силу, которую она поднимала» (стр. 43, 44).

«Декреты, которые оно» (Законодательное собрание) «издавало, не имели никакой силы. Министерство, вышедшее из недр бессильного собрания, также не имело действительной власти .. Правление таким образом перешло в руки тех, кто сумел от них отделиться, то есть в руки *народных обществ и муниципалитетов.* Но эти импровизированные центры правления, будучи *порождениями самой анархии* и не имея никаких прав на основании закона или конституции, были лишь представителями народа, обладавшими властью, пока они ограничивались тем, что придавали направление его движению и делали действенной его волю; они не добились бы повиновения, как только вступили бы в противоречие с ним и попытались наложить на него *узду законов*» (стр. 44, 45).

«Именно *Жиронда* отделилась от нас. Бюзо покинул место, которое он занимал в Учредительном собрании; Верньо оставил место, которое он еще недавно занимал в Законодательном собрании» (а именно: места на левой стороне) (стр. 49). «Мы были далеки от того, чтобы стремиться к *разногласиям*... Петион был почти единогласно избран председателем [Конвента]; другие члены бюро [138] были избраны из числа влиятельных депутатов последнего собрания» (стр. 49).

Новые депутаты (Горы) ничего не знали о внутреннем расколе — стр. 50.

«Во время нашего заседания новые депутаты [Конвента].., которые составляли значительное большинство Горы, не знали даже того, что имелось два лагеря и что не все республиканцы были проникнуты одинаковыми чувствами и чаяниями» (стр. 51).

«*Центр* составился из всех тех, кто имел постоянную привычку высказываться в пользу партии, одерживающей верх, и кто, прежде чем занять ту или иную позицию, сначала изыскивал возможность не скомпрометировать себя и в безопасности выждать дальнейшее развитие событий. Такой депутат, который сперва укрывался в центре, впоследствии становился рьяным монтаньяром, а затем еще более рьяным реакционером. В их числе были также и... талантливые деятели: *Баррер...* Сиейес, Дюлор... Буасси д'Англас» (стр. 52).

«Единственная партия, которая вступила в Конвент с готовой системой и с разработанным наперед планом действий, заняла места на скамьях справа». (Жирондисты) (стр. 52). «Устремиться всей массой на скамьи, противоположные нашим, означало объявить нам войну, даже не узнав нас» (стр. 53).

Главными ораторами жирондистов являлись адвокаты из адвокатской коллегии Бордо; жирондисты были всевластны в Законодательном собрании, в котором они обладали большинством; одновременно они господствовали в Якобинском клубе, то есть над общественным мнением; во время восстания 10 августа они полагали, что Франция у них в руках; поэтому при созыве Национального конвента считали, что не может образоваться независимого от них большинства. Но 42-дневное междуцарствие изменило положение вещей. Та энергия, которую Законодательное собрание, — а стало быть, жирондисты, — проявило в борьбе против королевского двора, угасла после 10 августа. «Они оказались слабыми и безвольными, как только кормило государственного правления беспрепятственно перешло в их руки».., [прибегая к] речам, декламациям, отступившись от общественного мнения, будучи не в состоянии воспрепятствовать беспорядку, они «лишили себя имевшихся в их распоряжении средств, чтобы направлять поток. Якобинский клуб был тогда барометром общественного мнения. Очень редко случалось, чтобы большинство французов отвергало его постановления». В течение длительного времени жирондисты диктовали здесь законы, даже перед роспуском Учредительного собрания они изгнали братьев Ламет и загнали конституционалистов «под непопулярные своды фельянов»[139]. После 10 августа они оказались в хвосте, перешли в оппозицию к якобинцам. Временный совет министров, которому жирондисты 10 августа предоставили исполнительную власть, оказался бессильным, «как только партия, от которой он зависел, сделалась непопулярной», «исполнительная власть фактически осуществлялась коммунами, и особенно *Коммуной Парижа*, состоявшей из энергичных и любимых народом людей. *Выборы* в столице прошли под влиянием Коммуны, виднейшие члены которой были избраны [в Конвент]» (стр. 53, 54). Отсюда враждебная позиция жирондистов. «Все депутаты, известные сколько-нибудь своей энергией и патриотизмом, были по прибытии в Париж привлечены в Якобинский клуб, где Коммуна пользовалась большим влиянием. Те же депутаты заняли места на левой стороне; этого было достаточно, чтобы жирондисты устремились на скамьи правой стороны. Якобинцы, отвергнув их власть, сделались их врагами» так же, как и те депутаты, которые были на стороне Коммуны в числе депутатов от Парижа (стр. 55).

«Таким образом, в *начале* сессии Конвент не был расколот на партии... Только в его недрах возникла честолюбивая клика, которая хотела навязать свои взгляды собранию и готовилась вести войну, чтобы отомстить за раны, нанесенные ее самолюбию, и удовлетворить свою личную злобу» (стр. 55).

Дантон, — стр. 56, 57. *Робеспьер, Марат*, — стр. 57, 58[140].

«Партия жирондистов в своем большинстве также не состояла из изменников, но она укрывала изменников в своей среде. Нет, она не хотела гибели республики, но ее теории вели к этому» (стр. 59). Жирондисты были нападающей стороной, монтаньяры первое время в обороне (там же).

21 сентября 1792 г. Конвент начинает свои заседания. Председатель: *Петион*.

Дантон, — стр. 60, 61, 62.

Первые два декрета собрания, принятые по предложению *Дантона:* 1) «Не может быть конституции, не принятой народом» *. 2) «Неприкосновенность личности и собственности под охраной государства». По предложению *Грегуара* единогласно [декретировано]. 3) Упразднение королевской власти.

Жирондисты начинают борьбу. — стр. 63.

24 сентября Керсен, ссылаясь на опасности, грозящие Конвенту в столице, предложил вызвать вооруженные силы из департаментов (стр. 63). Жирондисты — против Коммуны, которая с 10 августа сводила на нет их влияние, а также против Дантона, который господствовал в Исполнительном совете (стр. 64). До созыва Конвента почти все депутаты от Парижа входили в состав Коммуны, созданной 10 августа (стр. 63).

Отсюда озлобление жирондистов «против этой опасной Коммуны и, в частности, против депутатов от Парижа» (стр. 63, 64).

Итак, очевидно: жирондисты хотели отомстить за свое поражение и за свою жалкую роль во время междуцарствия, начавшегося 10 августа.

Жозеф Эгалите, [герцог] Орлеанский и *Жан Поль Марат.* — стр. 64, 65.

«Такой человек» (Марат) «никогда не оказал бы ни малейшего влияния, если бы жирондисты, преследуя в его лице сам принцип энергии, не приумножили его значение и не предоставили ему возможности продемонстрировать, по меньшей мере, спокойствие, выдержку, хладнокровие и презрение к оскорблениям, — качества, которые характеризуют подлинную убежденность и самоотверженность» (стр. 65).

24 сентября косвенное обвинение Коммуны и ряда депутатов от Парижа «в стремлении к установлению диктатуры».

25 сентября. Барбару и Ребекки обвиняют Робеспьера. *Дантон* проповедует примирение. — стр. 66, 67. Жирондисты продолжают выдвигать обвинения. Верньо против Марата. — стр. 67.

Марат, — стр. 68, 69 [141].

Столкновения продолжаются ежедневно: «разрыв между министрами Роланом и Дантоном, обвинения Коммуны Парижа в неправомерных действиях, афиши Марата были предлогами для этих бесполезных стычек» (стр. 69). Победа почти всегда, по-видимому, на стороне жирондистов (стр. 70). Еще не организованное систематически большинство колебалось в нерешительности. «Так значительное число энергичных республиканцев долгое время голосовало с правыми; к ним относятся Филиппо, Камбон, Камбасерес и др.» (стр. 70).

29 сентября. Ролан, избранный депутатом от департамента Соммы, заявляет Конвенту, что он слагает с себя обязанности министра внутренних дел. Бюзо вносит предложение «просить министра остаться на своем

* Цитируется Марксом в немецком переводе. *Ред.*

посту; все жирондисты его поддерживают». Филиппо предлагает «распространить эту просьбу на Дантона»; Дантон противится этому [заявляя]: «единственный возможный способ удержать Ролана на его посту — объявить недействительными его выборы».

Борьба, письмо Ролана и т. д. — стр. 70, 71 *.

Издан декрет о роспуске Коммуны Парижа. — стр. 73, 74, 75 **.

«Каждый день с новой яростью возобновлялись взаимные обвинения: правая всегда начинала нападение, опираясь на факты, предшествовавшие созыву Конвента, и постоянно используя своего рода отвращение, которое *Марат* внушал всему собранию, чтобы обвинять всю Гору» (стр. 78, ср. стр. 79). «...Партийные распри, в которых избранники народа растрачивали драгоценное время, и те силы, которые они должны были бы целиком и полностью направить на борьбу с врагами Франции». (стр. 79).

29 октября. Ролан, Луве обвиняют Робеспьера. — стр. 80 и след.

«...он» (*Луве*) «и *Барбару* были, вне всякого сомнения, единственными *людьми действия* в своей партии» (стр. 81).

«*Туманное и многословное красноречие* этого последнего». (Робеспьера) (стр. 82) [142].

«Комитеты Конвента и сам Конвент занимались всеми отраслями управления и посредством декретов совершали многочисленные и частые акты исполнительной власти. С другой стороны, муниципалитеты также присвоили себе значительную часть административных функций. Ни гражданская, ни военная, ни даже судебная власти — ни одна из них не была как следует регламентирована... Как только по той или иной инициативе созывалось собрание граждан, чтобы заниматься тем или иным общественным делом, оно вмешивалось в то же время в дела, не имевшие никакого отношения к порученной ему миссии... Если *фактически* существовало бесчисленное множество *властей*, то *юридически* один коллективный орган, *Конвент, объединял всю власть социального организма*, и он часто использовал ее; он осуществлял *законодательную власть* посредством своих декретов, административную — через свои комитеты, а также и судебную — посредством расширительного толкования права обвинения» (стр. 85).

«Как переходное состояние между уничтоженной монархией и создаваемой республикой, как средство войны против аристократии, эмиграции и иноземных врагов эта концентрация всех полномочий была благоприятным симптомом и, я бы сказал больше, необходимой» (стр. 86).

«Это они» (т. е. *жирондисты*) «требовали обвинительных декретов против своих коллег; это они, предав Марата революционному трибуналу, нарушили неприкосновенность избранников народа» (стр. 87) ***.

16 декабря предложение *Бюзо* об изгнании [герцога] Орлеанского и его сыновей; Бюзо поддержали Луве и Ланжюине [143].

---

* См. настоящий том, стр. 324. *Ред.*

** См. там же. *Ред.*

*** См. настоящий том, стр. 328. *Ред.*

Интриги Ролана. — стр. 88, 89 *.

«Несмотря на свои предубеждения против нас, — *Луве, Ролан, Гюаде, Петион, Жансонне* были настоящими и искренними республиканцами» (стр. 90).

О жирондистах — стр. 90, 91 [144].

«Разногласия, которые мешали работе Национального конвента, скоро стали ощущаться и в *Исполнительном совете.* Поскольку Серван был вынужден оставить пост военного министра вследствие плохого состояния здоровья, то Конвент по рекомендации Ролана, не колеблясь, назначил на его место гражданина Паша, служившего в министерстве внутренних дел. Новый министр не разделял антипатий и взглядов своего покровителя» (стр. 91).

«Во время этих вечных распрей *комитеты* Конвента не были столь пассивны, как он; комитет всеобщей обороны, под влиянием *Карно,* оказывал помощь нашим армиям и подготовлял наши победы; комитет финансов, докладчиком которого обычно был *Камбон,* создал ресурсы путем выпуска бумажных денег, которые, под названием ассигнатов, так сильно и так часто обесценивались, а также путем продажи национальных имуществ» (стр. 92, 93).

«В конце января 1793 г. ...монтаньяры отказались от тактики обороны, которой они, быть может, слишком долго придерживались, чтобы в свою очередь перейти в наступление на Жиронду» (стр. 100).

После гибели Мишеля Лепелетье Сен-Фаржо... «жирондисты уже не располагали большинством» (стр. 101).

Дантон, — стр. 143 и след. **

БОРЬБА МОНТАНЬЯРОВ С ЖИРОНДИСТАМИ

[КОНСПЕКТ]

С 10 августа 1792 г. начинается междуцарствие. Бессильно Законодательное собрание, бессильно министерство, вышедшее из его недр. Правление переходит в руки *народных собраний и муниципалитетов,* импровизированных центров правления, порождений анархии; они должны были быть выразителями народного движения, ибо их властью была власть народного мнения (стр. 44, 45).

Отсюда раскол между влиятельными партиями.

Одна партия желает восстановить опрокинутый событиями 10 августа порядок и привести в действие существующие законы. Главные фигуры в министерстве и Законодательном собрании являются вождями этой партии.

Другая партия видит в анархии единственную движущую силу в вызываемом ею энтузиазме — замену готовой органи-

---

* См. настоящий том, стр. 325—326. *Ред.*

** См. настоящий том, стр. 328—329. *Ред.*

зации, единственную силу сопротивления вовне и внутри. Представители этой партии занимают господствующее положение в Коммуне Парижа и почти во всех муниципалитетах Франции и имеют один голос (Дантон) в министерстве (стр. 45, 46).

Жирондисты (первая партия) не противопоставляют никакого действенного средства народному потоку. Их теории ограничиваются на практике речами и декламациями, которые окончательно делают их непопулярными, но не оказывают ни малейшего влияния на развитие событий.

«Тем временем Коммуна Парижа посылает граждан на защиту границ. Грохот сигнальных пушек раздается ежечасно, возвещая об общественных опасностях. Все граждане записываются в секции, чтобы выступить против неприятеля».

Сентябрьские дни [145] разыгрываются в это время.

Если бы это движение было подавлено, угасла бы всякая общественная жизнь (стр. 46, 47).

В провинции клянут сентябрьские убийства, но выражают благодарность людям, которые поддерживают *повстанческую лихорадку* для того, чтобы наполнить военные лагеря гражданами-солдатами.

Презирают жирондистов, которые, не найдя смелости бросить граждан против чужеземных войск, совершенно не сумели энергично противостоять преступлениям; жирондисты их проклинают, но пользуются ими как источниками для контробвинений своих могущественных противников.

В это бурное время происходят выборы.

В момент открытия Конвента повстанческое движение в Париже продолжается; Коммуна всесильна.

Жирондисты первыми отделяются от монтаньяров. Как мало ищут разрыва вновь прибывающие монтаньяры, показывает почти единогласное избрание *Петиона* в председатели Конвента. Точно так же и другие члены бюро избираются среди влиятельных членов последнего собрания *. Вновь прибывшие депутаты почти все ничего не знали о внутренних разногласиях. Робеспьер и Петион, Дантон и Гюадэ — одинаково пользовались их уважением.

Единственная партия, которая вступила в Конвент с готовой системой и с разработанным наперед планом (жирондисты), занимает места справа. Оставив свои прежние скамьи (на левой стороне) и устремляясь всей массой на правую сторону, они объявляют войну вновь прибывшим республиканцам, которые

* — т. е. Законодательного собрания. *Ред.*

устремляются на левую сторону, — традиционную для патриотизма.

Жирондисты имели большинство в Законодательном собрании и одновременно господствовали в Якобинском клубе. Во время событий 10 августа они полагали, что Франция у них в руках. Созывая Национальный конвент, они ни на одно мгновение не предполагали, что может образоваться независимое от них большинство. Но 42-дневное междуцарствие изменило положение вещей и характер выборов.

«Законодательное собрание, а стало быть жирондисты, — проявили некоторую энергию в борьбе против королевского двора. Они оказались слабыми и безвольными, как только кормило государственного правления беспрепятственно перешло в их руки. Они не смогли сдержать прорвавшегося 10 августа потока; они были настолько неумелы, что противопоставили ему декламации. Они пренебрегли общественным мнением, не будучи в состоянии воспрепятствовать беспорядку. Они сами лишили себя имевшихся у них в распоряжении средств, чтобы направлять ход событий. *Якобинский клуб* был тогда барометром общественного мнения. В течение длительного времени жирондисты диктовали здесь законы. Даже перед роспуском Учредительного собрания они ниспровергли братьев Ламет и загнали конституционалистов под непопулярные своды фельянов. После 10 августа они, в свою очередь, оказались в хвосте; популярность их упала. Почти все они покинули это общество, о заслугах которого они трубили, пока оно одобряло их взгляды; но, как только оно стало думать иначе, чем они, оно стало в их глазах всего лишь гнездом мятежников.

Далее, 10 августа жирондисты предоставили исполнительную власть временному совету министров. Этот совет, не имея опоры в нации, стал бессилен, как только партия, к которой он принадлежал, потеряла популярность. Исполнительная власть фактически осуществлялась коммунами, и особенно Коммуной Парижа, состоявшей из энергичных представителей народа. Выборы в столице прошли под влиянием Коммуны, виднейшие члены которой были избраны [в Конвент].»

Отсюда враждебная позиция жирондистов с первых моментов деятельности Конвента.

«Все новые депутаты, известные сколько-нибудь своей энергией и патриотизмом, были по прибытии привлечены в Якобинский клуб, где Коммуна пользовалась большим влиянием. Те же депутаты заняли места на левой стороне. Этого было достаточно, чтобы жирондисты устремились на правую сторону. Якобинцы [...] сделались их врагами, [...] — поэтому и своих новых противников они называли якобинцами [...]. Первоначально относясь враждебно только к Коммуне Парижа и к депутатам от Парижа, они распространили свою ненависть на всех, кто сидел на той же стороне, на которой обычно сидели якобинцы, и был страстным республиканцем. Таким образом, в начале сессии Конвент не был расколот; он состоял из компактной массы республиканцев, объединенных одним общим чувством, хотя они и расходились по многим пунктам. Только в его недрах возникла честолюбивая клика, которая хотела навязать свои взгляды собранию и готовилась вести войну, чтобы отомстить за раны, нанесенные ее самолюбию, и удовлетворить свою личную злобу».

Большинство жирондистов — не изменники, но среди них скрывались изменники. Гибель республики не была их целью, но к этому вели их теории. Поэтому немногочисленные роялисты Конвента присоединились к ним. Они были нападающей стороной, «Гора» долго была в обороне. Жирондисты не сумели пожертвовать своим самолюбием ради общего дела (стр. 47—59).

21 сентября 1792 г. — открытие Конвента. *Петион* — председатель. *Дантон* слагает с себя полномочия министра юстиции. Примирительная речь. Никакая конституция не может существовать, если она не принята большинством голосов на первичных собраниях. Декларация о неприкосновенности собственности должна быть декретирована. Оба предложения Дантона стали декретами (первые декреты Конвента). Дантон в своей речи рассматривает народное возбуждение как необходимое, но преходящее явление; теперь на его место должна вступить узаконенная власть Конвента, излишества должны прекратиться.

Единогласное упразднение королевской власти по предложению Грегуара.

По первому заседанию Конвента видно стремление Горы к общему примирению в интересах порядка и свободы. Жирондисты сейчас же обнаруживают жажду мщения.

24 сентября. Керсен, ссылаясь на опасность, грозящую [Конвенту в] столице, предлагает вызвать значительные *вооруженные силы из департаментов.* Это — первое объявление войны со стороны жирондистов, которые были очень озлоблены против депутатов от Парижа, поскольку действия Коммуны и господство Дантона в Исполнительном совете свели на нет влияние жирондистов, как членов Законодательного собрания.

Жан Поль Марат и *Жозеф Эгалите* дали жирондистам повод для враждебных выпадов против Горы, с одной стороны, для обвинений ее в кровожадности и анархии, с другой, — в честолюбии и роялизме.

24 сентября Косвенное обвинение Коммуны Парижа в стремлении к диктатуре.

25 сентября. Ребекки и Барбару называют Робеспьера кандидатом, намеченным в диктаторы. Дантон снова проповедует примирение, оправдывает Коммуну: внезаконная власть была необходима при слабом руководстве Законодательного собрания; теперь следует вернуться к законному порядку. Жирондисты не поддаются увещеваниям Дантона, они все вновь обращаются к прошлому, чтобы постоянно искать в нем материал для обвинений.

Нападки Верньо и Буало на Марата. Мужественный ответ Марата. Собрание переходит к очередным делам. Но начавшиеся враждебные действия продолжаются.

«В ожидании решающего события и разрыва между Роланом и Дантоном предлогом для этих бесполезных стычек являются мнимые нарушения законов Коммуной Парижа и афиши Марата. Победа почти всегда склоняется, по-видимому, на сторону жирондистов. Во время этих первых столкновений еще не сорганизовалось большинство; оно колебалось в нерешительности; значительное число энергичных республиканцев долгое время голосовало с правыми: к ним относятся *Филиппо*, *Камбон*, *Камбасерес* и др.».

29 сентября. Ролан, избранный депутатом от департамента Соммы, заявляет Конвенту, что он намерен сложить с себя обязанности министра внутренних дел. Правая выражает свое сожаление. Бюзо вносит предложение просить Ролана остаться на своем посту, Филиппо — о том, чтобы эту просьбу распространить на Дантона. Последний противится этому, — такое предложение было бы недостойно Конвента; единственный способ удержать Ролана на его посту — объявить недействительными его выборы. Жирондисты настаивают на предложении [Бюзо]. Валазе заявляет, что имя Ролана для него священно. Луве, Барбару осыпают его похвалами. На этот раз против предложения Бюзо выступают депутаты центра Баррер, Лакруа, Тюрио, которые, не принадлежа к правым, часто доставляли им большинство.

30 сентября. Ролан пишет Конвенту письмо, в котором выражает желание остаться министром. Он весьма восхваляет себя в этом письме, поучает своих противников, косвенно обвиняет Дантона. Все эти обвинения против Дантона и Коммуны основаны на фактах, предшествовавших созыву Конвента, и свидетельствуют о ненависти побежденной партии к партии-победительнице.

Каждый день правая совершает выпады против Коммуны; ее защищают депутаты от Парижа. Наконец, издается распоряжение о роспуске этого революционного органа власти, от него требуют представления отчета. Появляется новый спорный пункт. Комитет бдительности Коммуны заявляет о захвате важных бумаг, которые прольют свет на изменнические происки двора, причем оказываются скомпрометированными некоторые депутаты. Он потребовал, чтобы у него не забирали этих документов и предоставили ему продолжать выполнять свои функции, пока не наступит удобный момент для использования их [...]. Жирондисты усмотрели в этом открытое желание [комитета] Коммуны продолжать без конца свою деятельность, монтаньяры же увидели в своих противниках людей, заинтересованных в том, чтобы задушить правду. Каждая партия ведет дебаты с точки зрения своих предубеждений [...]. Наконец, эти документы передаются комиссии из 25 представителей, среди которых нет ни членов

Коммуны, ни депутатов от Парижа, ни членов Учредительного и Законодательного собраний.

Не обнаруживается ничего ни против Коммуны, ни против жирондистов. Даже доклад депутата *Жозефа Делоне* (жирондист) говорит по существу в пользу Коммуны.

«Взаимные обвинения повторяются каждый день с новой яростью. Правая всегда начинает атаку, опираясь на факты, предшествовавшие созыву Конвента [...]. Свобода мнений всегда подавляется, когда хочет говорить представитель левой. Робеспьер криками и оскорблениями был согнан с трибуны».

Марат только своим упорством добился возможности отвечать.

До сих пор правая постоянно имеет большинство. Гора голосует с нею, как только дело касается принципиальных вопросов, восстановления порядка, исполнения законов.

Ролан в своих докладах Конвенту беспрестанно повторяет, что преступления, совершенные во время междуцарствия, остались безнаказанными, примешивает сюда косвенные обвинения в адрес Робеспьера и Дантона, депутатов от Парижа.

Ролан — в ярости по поводу того, что благодаря своему превосходству Дантон затмил его в совете.

29 октября. Ролан подает в Конвент доклад, в котором снова назван Робеспьер. Робеспьер на трибуне, чтобы защищаться, но должен прервать свою речь, так как жирондисты поднимают шум и его все время перебивает председатель *Гюаде.*

Нападки *Луве* на Робеспьера.

5 ноября. Ответ Робеспьера.

«Со всех сторон раздаются требования перехода к очередным делам; даже Верньо, Гюаде, Петион поддерживают это. С Луве остаются только Салль, Барбару, Ланжюине, Ларивьер... Переход к очередным делам принят почти единогласно. Барбару все еще требует слова, чтобы поддержать обвинение [...]. Затем он спускается вниз к перилам и хочет говорить как проситель и даже как обвиняемый. Эта неприличная сцена длится довольно долго; она кончилась по обыкновению ничем, — собрание не приняло никакого решения» (стр. 60—83).

16 декабря. По предложению Тюрио провозглашается единство и неделимость Республики. Бюзо выдвигает предложение изгнать герцога Орлеанского и его сыновей; его поддерживают Луве и Ланжюине. Жирондисты делают таким образом первую попытку значительно сократить число членов Национального собрания. Впрочем, жирондисты в тесной дружбе с креатурами герцога Орлеанского — Дюмурье, Силлери, Бироном, Валансом.

Откровенное проявление министрами своей приверженности к жирондистам.

«Когда Луве выступил с обвинением Робеспьера, Конвент вынес постановление о публикации обвинительных и защитительных речей. Ролан распорядился широко распространить речь Луве, предпослав ей слова: «Печатается по постановлению Конвента», и ограничил распространение речи Робеспьера членами Конвента. Таким образом, у широкой публики должно было быть создано впечатление, будто Робеспьеру вынесено какое-то неодобрение. То же жульничество было повторено с декретом об изгнании Бурбонов. Еще до того, как был зачитан протокол, который констатировал принятие декрета, — т. е. прежде чем его текст, согласно общему правилу, был утвержден большинством, — по распоряжению Ролана были быстро осуществлены его печатание и рассылка в 84 департамента; в то же время отсрочка решения судьбы Филиппа Эгалите не была предана подобной гласности. Таким образом, можно было думать, что приверженцы герцога Орлеанского неожиданным действием добились на другой день отмены направленного против него декрета».

Разногласия, которые мешали работе Национального конвента, скоро стали ощущаться и в *Исполнительном совете*. Поскольку Серван ушел в отставку по болезни, Конвент по рекомендации *Ролана*, назначил на его место Паша, служившего в министерстве внутренних дел. Паш желает быть самостоятельным, притом он часто встречается с якобинцами. Паш — хороший патриот, но плохой военный министр. Выдвинув против него обвинения в измене, жирондисты усилили обвинения, которые с давнего времени поднимались против Ролана.

Ассигнаты. Закон, касающийся отправления культа (ср. стр. 93). *Декрет о продовольствии* (см. речь Левассёра, стр. 94 и сл.) [146].

Вскоре после принятия декрета о *средствах пропитания* происходят дебаты относительно суда над Людовиком XVI. По этому случаю вновь ожесточение.

Конец января 1793 г. Как и в начале сессии Конвента, — беспредметные проявления враждебности. Но заметно значительное изменение в настроениях собрания. Гора от обороны перешла к наступлению. Война партий в разгаре.

«Чувствуется, что отныне нельзя приступить к какой-либо организации республики, пока не будет совершенно уничтожена одна из двух партий.

Злодейское убийство Мишеля Лепелетье Сен-Фаржо привело к объяснению и к открытому разрыву между крайними партиями».

Болото, утомленное интригами, капризами и тщеславием жирондистов, часто соединяется с Горой против них. Отставка Ролана принята.

28 января. Бюзо выступает с обвинением против Комитета общественной безопасности (в который кроме жирондистов входило несколько монтаньяров: Тальен, Шабо, Базир) из-за ареста одного журналиста и требует его роспуска.

«Жирондисты имели обыкновение скорее жертвовать учреждением, чем допустить его процветание в руках противников» (стр. 84—103).

8 марта. Сильное возбуждение из-за военных неудач в Бельгии армии под командованием Дюмурье. Посланы комиссары во все секции Парижа, а также в департаменты, чтобы призвать граждан к оружию.

9 марта. Комиссары представляют отчет. Раздаются требования гарантий против заговоров внутри страны. Принят декрет об учреждении чрезвычайного трибунала для суда без права апелляции над всеми изменниками, заговорщиками и контрреволюционерами. Сильные волнения в столице. Типография Горзаса разрушена, он вынужден был бежать. Народ был так возбужден, что потребовался декрет Конвента, чтобы вернуть пекарей в их булочные и заставить почтовых чиновников снова отправлять депеши.

10 марта. Дебаты об организации революционного трибунала.

Сильное возбуждение в Париже. Вечернее заседание Конвента в 9 часов. Скамьи правых почти пусты. После полуночи настроения собравшихся на Елисейских полях толп принимают мятежный характер. Забираются в Якобинский клуб и Клуб кордельеров и призывают к восстанию против Конвента. Эти предложения отвергаются монтаньярами [147].

11 марта. Декрет о революционном трибунале.

12 марта. Марат выступает против покушений 10 марта.

13 марта. Жалобы и нападки жирондистов в связи с 10 марта.

«Мятежное движение 10 марта в Париже было порождено всеми партиями, потому что все они принимали участие в возбуждении народа, вызвав его для того, чтобы двинуть народ к границам. Сцены, имевшие место 10 марта, были необходимым следствием этой экзальтации. Гора, заседая одна в собрании, в течение немногих часов успокоила волнение, имевшее грозный характер. Паш и Сантер [...] получили одобрение за свое усердие. Марат и Дюбуа-Крансе умиротворили оба клуба, якобинцев и кордельеров, и убедили их отказаться от их мрачных планов. Марат первый выступил против инициаторов беспорядков 10 марта; он побудил принять обвинительный декрет против Фурнье-Американца, одного из зачинщиков. Ласурс, экзальтированный жирондист, рассыпается в похвалах ему на заседании 12 марта. Наконец, [...] несмотря на возмутительную пристрастность, которую обыкновенно проявляли по отношению

к «другу народа», одному депутату правой, который именно на этом заседании оскорбил Марата, [...] единогласно было вынесено порицание с занесением в протокол» [стр. 122—123].

Комитет общественного спасения, когда он впервые был организован, в своем значительном большинстве состоял из жирондистов.

Несколько дней спустя после 10 марта жирондисты стремятся свалить ответственность на Гору.

«Бурные заседания стали обычными в Конвенте. Шумные сцены [...]. Трибуны часто вмешиваются в эти скандальные перерывы заседаний. И вот жирондисты начинают кричать, что они уже не чувствуют себя в безопасности в Париже; они призывают на помощь департаментские вооруженные силы. Со своей стороны, монтаньяры обвиняют своих противников в проповеди гражданской войны. Так проходят дни и ночи в этих печальных дебатах» [стр. 127].

Тем не менее до сих пор всеми сторонами признавалась неприкосновенность депутатов. Правая сторона первая отступает от этого правила. По инициативе Гюаде было возбуждено обвинение против Марата. Законодательный комитет составил обвинительный акт, [...] заранее предусматривавший осуждение. Марат был единогласно оправдан революционным трибуналом и с триумфом доставлен народом обратно в Конвент [стр. 127—129].

Это событие имело важные последствия. Партийным столкновениям депутатов была придана форма судебных процессов, преследование Марата явилось непосредственным прологом событий 31 мая [148].

18 марта. Поражение Дюмурье при Неервиндене. Его письма Исполнительному совету содержат оскорбления Конвента (мнение Дантона о Дюмурье, стр. 133) [149]. Жирондисты аплодируют его дерзким письмам.

29 марта. Новое письмо Дюмурье вызывает сильнейшее негодование. Декрет, предписывающий Дюмурье предстать перед Конвентом. Измена Дюмурье.

3 апреля. Ласурс осмеливается объявить Дантона соучастником Дюмурье (стр. 137). Дантон объявляет жирондистам войну. Огромный эффект речи Дантона. До этого Дантон пытался добиться примирения между обеими сторонами собрания.

«Несмотря на то, что он находился на вершине Горы, он до известной степени был вождем Болота. Он часто порицал страстность монтаньяров, боролся с недоверием Робеспьера; он открыто стремился вместо войны с жирондистами заставить их поддерживать Гору, чтобы общими усилиями спасти общественное дело. Всего за несколько дней до нападок

Ласурса Дантон совещался с главными вождями правой; они пришли к соглашению о том, чтобы действовать единодушно и думать лишь о борьбе с чужеземцами и аристократами. Вся Гора любила Дантона, но большинство полагало, что он неправильно оценивал положение вещей, когда рассчитывал добиться союза Горы и Жиронды» [стр. 143].

«В конце апреля и в начале мая дебаты приобрели значительно более серьезный характер. Это была уже не словесная перебранка с трибуны, а война не на жизнь, а на смерть. Каждая из обеих сторон, чтобы добиться победы, начала искать поддержки вовне. Но [...] Гора, несмотря на эти внутренние раздоры, серьезно занималась делами Франции, в то время как Жиронда думала только об уничтожении своих противников и совершенно выпустила из рук бразды правления. В течение этих двух месяцев занимались вопросом о *максимуме* [150]. [...] Правая борется против этой меры при помощи оскорблений. Она выдвинула обвинение в нарушении права собственности и в угрозе жизни собственников. Такие декламаторские заявления имели целью поднять *средний класс* против Горы .. Максимум был принят» [стр. 147, 150].

Жирондисты всегда имели большинство, когда дело касалось партийных распрей, — так, например, когда обсуждался вопрос об обвинении Марата, о мартовских беспорядках, о петициях от секций, о комиссии 12-ти [151]. Гора имела большинство в важных вопросах, затрагивающих общие интересы, а именно в вопросах о максимуме, о средствах революционного набора, о чрезвычайном трибунале, о принудительном займе и пр.

Во время дебатов о максимуме произошел такой случай. Когда *Дюко* был на трибуне, осуждая предложенные меры, и противопоставлял санкюлотов средним классам, поднялся страшный шум на одной из трибун для публики. Гюаде требует перенесения заседаний Конвента в Версаль. Громкое одобрение на правой стороне. Левассёр предлагает придерживаться регламента и очистить трибуну. Правые оказывают сопротивление. Филиппо, Дантон, Лакруа тщетно призывают собрание подумать о его достоинстве и о его настоятельном долге. Они тщетно требуют не прерывать обсуждение важнейших вопросов из-за незначительного инцидента. Гнев жирондистов должен был излиться, чтобы остыть. Горячие дебаты. Нападки на парижские власти. Угрозы мести со стороны провинций.

Таким-то образом зазвучал набатный колокол гражданской войны в такой момент, когда вопрос шел об интересах, которые довели народ до восстания. Хотели натравить оба класса народа друг на друга. Гора шла с партией народных масс, где находились жилистые руки, энергия и преданность [стр. 152—153].

Смуты в Вандее превратились в настоящую гражданскую войну. Понадобились новые наборы и новые затраты национальных средств. Дантон, Демулен, Филиппо, Кутон изыски-

вают способы добыть их. Единственно возможным средством удовлетворения настоятельных нужд было введение национальных имуществ в обращение. Принудительный заем (ср. стр. 161 и след.) у граждан, имевших избыток средств.

Жирондисты, осуждавшие мероприятия Горы, ни разу не противопоставили им какого-нибудь другого плана. Они вообще ничего не делали.

Написано К. Марксом
в конце 1843 — начале 1844 г.

Впервые напечатано в неполном виде в первом издании Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, т. III, 1930 и полностью в Marx — Engels Gesamtausgabe. Erste Abteilung, Bd. 3, 1932

Печатается по рукописи

Перевод с французского и немецкого

Полностью на русском языке публикуется впервые

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЭТИЧЕСКИЕ ОПЫТЫ МОЛОДОГО МАРКСА [152]

(1833—1837)

КНИГА ЛЮБВИ

МОЕЙ ДОРОГОЙ, ВЕЧНО ЛЮБИМОЙ ЖЕННИ ФОН ВЕСТФАЛЕН

Берлин 1836

К. Г. Маркс Конец осени

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ[153]

Написано К. Марксом в середине октября—начале ноября 1836 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

ДВА НЕБА

К ЖЕННИ

По пути в Берлин в карете

Леса мелькают
И горы тают,
Их не удержит взгляд.
Они бегут назад.

Едва они, красуясь пышно,
Взнесутся в небо — вмиг,
Бог некий бережно, чуть слышно
Уже сменяет их.

Их удержать — напрасное стремленье,
Влекут нас вдаль неясные виденья.
А душа пуста, холодна,
Недовольна вечно она.

На миг лишь сердце ощущает
Блаженство, негу и покой —
И вот уж чудо исчезает,
И сатир смеется злой.

Картины проносятся мимо,
Все неповторимо.
Нас словно несет быстрина морская;
Вкруг плещутся волны, шумя и играя.

Но над суетой бесконечной
Два неба сверкают вечно —

Одно вознеслось над нами
Со звездами и облаками,
Другое — в груди, вот тут, —
В нем горе и радость живут.
На верхнем небе звезды сияют,
Горят в ночи и даль освещают.
Но лишь одна всегда горит,
Над бурным морем, над долом блестит.
Другая на миг только вспыхнет,
Потом сиянье затихнет.
Всегда
Эта горит звезда.

В небе внизу — огней кипенье,
Духа всеобщего порожденья,
Как метеоров рой,
Во тьме несутся ночной.

Ушли от творца огни и звуки,
Он человеку отдал их в руки.
Они же пляшут и звучат,
То шепчут нежно, то кричат.

Они ему чуть грудь не разрывают,
В пространство эфира его бросают.
Незнакомый край раскрыли они,
Где жизнь их текла в былые дни.

Ликует от радости, в горе он стонет,
В себе самом он сейчас утонет.
Он так велик, и так он мал,
Тьмой ночи, сияньем эфира он стал.

Это пламя, преходяще-непреходящее,
Солнце рождает кипящее,
Хаос проясняет оно,
Проникая на самое дно.
Оно гармонией стройной
Свет мирит с тенью спокойно.
И слышна
Высота в нем и глубина.

Над стариной и новью
Блестит — и зовется любовью.

Buch der Liebe.

Meiner theuren, ewiggeliebten

Jenny v. Westphalen.

Berlin 1836.
im Herbst.

K. H. Marx

Erster Theil.

Обложка тетради стихов Маркса:
«Книга любви», часть первая

И во мне его свет запылал,
Лишь только, Женни, я душу твою узнал.

Лишь только дух и взгляд влюбленный
Коснулись тебя упоенно,
Лишь только мимо меня ты прошла,
Только пищу ты чувствам дала,
Лишь только душа в тебя погрузилась,
Передо мною небо открылось,
В груди огонь, а во взгляде — свет.
И мрака сил уже больше нет.

Верхнее небо стоит всех выше,
Над тучей и громом любовью дышит,
Для нас обоих всегда горит,
Эфирным сияньем нас дарит.

Пусть и в сердце небо также прочно пребудет,
В двух душах пусть звуки одни оно будит!
А узы порвешь, да свершится рок:
Пусть поглотит могила меня иль поток!

Утонут оба неба в пучине,
Душа, истекая кровью, остынет.

НОЧЬ

К ЖЕННИ

Ночь из мелодий будто соткана,
Разносит их тоску ночная тишина.
С небес они слетают вдохновенно,
Охватывая Вселенную.

Тку рукой, увлеченной мечтаньем,
Из их паутины крылатую ткань я,
Пусть она улетает в духовные дали
И окутает Женничку тонкой вуалью.

Чую, исполненный страсти и радостных чувств,
Как срывается слово со сладостных уст,
Как скрывает кто-то годами
Сердце, избранное богами,

Те слова будто песня эфира во мне,
Я порывом души и любви упоен в тишине.
Если же сердце твое сильнее стучит,
Если в воздухе скорбь твоя тихо кружит,

Если боль в твоих глазах
В бурных выльется слезах,
Если на щеках румянец ляжет тих
И синева небес уйдет из глаз твоих,

Если жизни твоей сокровенной,
Что замкнула все тайны Вселенной,
Бремя тяжкое больше не будет стеснять
И оковы его ты сумеешь порвать,

И у темных желаний в сетях
Исчерпаешь тоску ты и страх,
Если станет твой облик прекрасен более,
Просветленный чудесною силою боли,

То хотел бы к тебе я мчать,
Слово смелое лепеча,
Говоря, что тебя лишь одну признаю,
Что огнем тем же самым, что ты, я горю.

Что в груди моей бешеной страстью
У иронии горькой во власти
Та же царствует тайная сила,
Что из глаз твоих слезы точила.

Что судьба нам написана кровью
Наших предков, делами, любовью,
Что исчезнет бесследно страданье,
Если пламя над нами единое встанет.

Я хотел бы тогда слезы вечные лить
И дыханье, и душу с тобою делить,
И склонившись главою на милую грудь,
Я хотел бы навеки блаженно заснуть,

Вместе жизни лишиться
И в дыханье одном раствориться.

МЫСЛЬ

К ЖЕННИ

Женни, пусть кружатся сферы,
Солнца и эфира ты светлей.
Пусть миры бранят меня без меры,
Все снесу, останься лишь моей.

Сфер извечных постоянней,
Выше, чем небес дворец,
И прекраснее страны мечтаний,
Глубже моря — ужаса сердец,

Безгранична, бесконечна,
Как ее сам бог создал,
Вновь ее творящий вечно —
Мысль, что образ мне твой дал.

Ты сама та мысль. Но слово
Бедно — можно ли сказать о том,
Что пылает вечно ново
В сердце трепетном моем.

ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ГОРДОСТЬ

К ЖЕННИ [154]

(См. стр. 494—496)

ПОСЛЕДНЯЯ ПЕСНЬ ПЕВЦА

БАЛЛАДА

Средь полночи глубокой
Стоит седой поэт,
Он сердцем одиноким
Готов объять весь свет.

И на плече усталом
Украсил лиру бант,
Звездою небывалой
На ней горит брильянт.

С единственной подругой
Он тихо говорит,
Давно поблекли кудри,
Но взор огнем горит.

В эфире безмятежно
Смеется неба свод.
«Спи!..» — шепчет ветер нежно,
Но сон к нему нейдет.

Как душно в узкой спальне!
И жар в груди повлек
Из тесноты подвальной
Под звездный потолок.

Легли на струны руки,
Прошлись любовно вдоль,
И все сильнее звуки,
И глубже страсть и боль.

«Еще волнуют сердце
Мечтанья юных лет,
И в старость мне не верится,
В душе покоя нет.

Огромный и туманный
Все так же манит мир,
И полон звуков странных
Полуночный эфир.

Скитайся, бард нелепый,
Пока достанет сил,
В могильном только склепе
Угаснет сердца пыл.

Но в глубине сердечной,
Тебе доступный лишь,
Прекрасный, юный, вечный
Ты образ сохранишь.

С упорством безнадежным
Ты гонишься за ним,
Но этот образ нежный,
Как сон, неуловим.

Он, вечно ускользая,
Зовет к себе певца,
Скитаньям обрекая
До смертного конца.

Силен и молод прежде,
Теперь ты сед, устал,
Но все идешь в надежде
Настичь свой идеал.

Так, отдыха не зная,
По всей земле иди,
Пока огонь пылает
Божественный в груди.

Своей мечтой исполнен,
Ты должен петь, поэт,
Пока поглотят волны,
Угаснет солнца свет.

Гоним своей судьбою,
Ты вышел в долгий путь,
Твоя мечта с тобою,
Покуда дышит грудь...»

Желанья, боль и муки
Сдавили сердце вмиг, —
Умолкли песни звуки,
Певец седой поник.

И, опершись на лиру
Слабеющей рукой,
Взор обратил к эфиру,
Исполненный тоской.

Вселенная без края
Раскинулась у ног,
А он стоит, страдая,
Величествен, как бог.

И красотой нетленной
Опять стихи звучат,
И звезды во Вселенной,
Заслушавшись, молчат.

«Любви далекий образ,
Свет милого лица
В двух случаях лишь может
Предстать глазам певца:

Когда, пронзенный страстью,
Он наслажденье пьет
Или в порыве счастья
Восторженно поет.

Тогда в краю полнощном,
Где лишь алмазы звезд,
Стоит он древом мощным
В чудесном царстве грез.

Бальзам любви целебный
Он пить безмерно рад,
Мерцанием волшебным
Не насладится взгляд.

Но в этом упоенье
Вдруг холодеет кровь,
Душе его мученьем
Становится любовь.

Он видит бесконечность,
Но как ее объять?!
И остается вечно
Надеяться и ждать.

Ведь, словно звезд мерцанье,
Чуть видное с земли,
Любимой очертанья
Теряются вдали.

Не зная постоянства,
Богиня грез моих
Из звездного пространства
Приходит лишь на миг.

И слезы сожаленья
Мне остаются в дар,
Да пенье, только пенье —
Небесный вечный жар.

Потоком звуков дивных
Хочу я всколыхнуть
И горные вершины,
И человека грудь.

И, если в восхищенье
Душа умрет, тиха,
Пусть погрузится в пенье,
В гармонию стиха.

И на краю могилы,
Запев в последний раз,
Восславить близость милой
Сумею в этот час...»

Слеза скатилась скупо
Из тусклых глаз певца,
Но, уступая сердцу,
Поет он до конца.

Вновь в тишине эфира
Раздался страстный звук...
Затем умолкла лира
И выпала из рук.

БЛЕДНАЯ ДЕВУШКА

БАЛЛАДА [155]

(См. стр. 500—503)

ЛЮЦИНДА

БАЛЛАДА

(См. стр. 475—481)

ЛЮБОВЬ ПЕВЦА

К ЖЕННИ

Вечно, пламенно и нежно
Суждено певцу любить,
Плыть течением мятежным,
Пока может петь и жить.

Что однажды опалило
Сердце юное огнем,
Вечной страстью, буйной силой
День и ночь пылает в нем.

Ищет он повсюду это,
Полны им и луг, и лес,
Сны волшебные поэта,
Голубой простор небес.

Только он хранить умеет
В первозданной чистоте
Красоту, что в сердце зреет,
Верность музам и мечте.

Не ему изведать счастье,
Не ему узнать покой —
Вечно в нем бушуют страсти,
Гонит демон роковой.

Вечность юности прекрасной
И любви дал бог ему,
Ее искры не погаснут,
Прочертив мирскую тьму.

Покорившись божьей воле,
Пренебрег он суетой,
Ради муки, ради боли
Наслажденья красотой.

Полный страстного желанья
И мечты о красоте,
Видит нежное мерцанье
Он в воздушной чистоте.

Лишь к тому оно нисходит,
Чей сердечный пыл глубок,
Кто в скитаньях жизнь проводит,
В чьей груди любовь и бог.

Но коль сердце замирает
Под влияньем сил иных,
Равнодушно ускользает
Красота из сфер земных.

И тогда тоскою вечной,
Вечной болью полон свет.
Лишь борьбою бесконечной
Формируется поэт.

Потрясенный страстным чувством,
Он поет, прозревши вдруг,
И становятся искусством
Его сердце, его дух.

Если ж нежная богиня
Вдруг низвергнулась с небес,
И померкнул купол синий,
Во Вселенной свет исчез, —

Мир гармонии, блаженства
Погружается во мрак,
Форм прекрасных совершенство
Разбивается во прах.

И пока в подлунном мире
Я сгораю от страстей,
Женни, ты царишь в эфире
И не быть тебе моей.

Нет тоски моей огромней,
Нет страданиям конца,
Коль полюбишь, Женни, вспомни
Одинокого певца.

Кто надежд питать не смея,
Покорясь своей судьбе,
Лишь тебя любить умеет,
Может петь лишь о тебе.

Как прекрасно упоенье!
Но, борьбою изнурен,
Чем сильнее наслажденье,
Тем сильней страдает он.

И когда мне вдруг предстанет
Женни об руку с другим,
Лира пламенная грянет
О тебе последний гимн.

Посреди чужого пира,
В блеске свадебных огней,
Разобьется вдребезг лира
И поэта сердце с ней.

ЖАЛОБА НЕВЕСТЫ ДИКАРЯ

БАЛЛАДА

Идет, печаль скрывая,
По камышам густым:
«Все, что своим звала я,
Не будет уж моим.

Здесь мне была отрадой
Источника струя,
Здесь к шуму водопада
Прислушивалась я.

Здесь серна убегала,
Здесь прыгнула она.
А там она упала,
Стрелою сражена.

Вот дуб — мое владенье,
Он выше всех вокруг.
С густой, могучей тенью,
Он молниям был друг.

Порой я собирала
Здесь ветки и цветки,
Из них себе сплетала
Чудесные венки.

И с сердцем упоенным
Их посвящала я
Всем духам благосклонным; —
Нас любит их семья.

Здесь я в грозу бродила
Средь молний голубых —
Как разгулялись силы
Коварных духов злых!

Здесь гордо я смеялась
   Со всеми наравне,
Желаньям предавалась
   При звездах и луне.

Здесь я свой клад искала,
   Таящийся во мгле —
Как говорят, не мало
   Сокровищ здесь в земле.

И с вами мне проститься,
   Дом отчий, мир друзей —
С венками разлучиться
   И с юностью своей!»

Где в мире есть ей место?
   Как дни ее горьки!
И падает невеста
   На землю от тоски!

Вокруг нее долина,
   И камни и гора.
Ее гнетет кручина,
   Ей стать рабой пора.

И волосы с рыданьем
   Склонила до земли,
Но слышится ворчанье
   Старушечье вдали.

Лицо старухи в складках,
   Как бы в морских волнах,
Суровая повадка
   Внушает людям страх.

Лицо всегда сурово
   И сумрачно всегда,
И ласкового слова
   Не вымолвят уста.

И с бусами на шее
   И с кольцами в ушах
Встает, скалы страшнее,
   И гром в ее словах.

«Бежать ты не пытайся,
Со мною не шути,
На свадьбу возвращайся,
Строптивость укроти!

Кораллами украшу
Тебя богато я,
И будешь ты всех краше,
Красавица моя.

Тебе я платье сшила
Из нежных трав лесных,
И дымом окурила
Я благовонным их.

Иди! Даров прекрасных
Соседи нанесли.
Звон песен сладкогласных
Ты слышишь там вдали».

Дочь, ужаса не пряча,
Мать молит вновь и вновь,
И говорит ей плача, —
Застыла в сердце кровь:

«Ведь в хижине просторно,
Всем хватит места там!
Зачем же так упорно
Меня гнать нужно вам?

Что есть на свете хуже,
Чем вечно жертвой жить,
Рабыней быть у мужа
И грубому служить?

Олень свободно мчится
По долам и горам,
Летит свободно птица
Навстречу облакам.

Вода спокойно льется,
Каскадами летит,
И в пляске брызг несется,
И среди скал кипит.

А где мои дороги?
　　Куда ни глянь — стена,
Меня забыли боги,
　　Кем буду спасена?

Коль зверя убиваем,
　　Он прыгает, ревет,
Коня мы укрощаем —
　　Он на дыбы встает.

Срубаем дуб — он глухо
　　На землю, вниз, летит,
И словно голос духа
　　Из недр его звучит.

А я, чей предок, верно,
　　Был некий дух благой,
Страдаю беспримерно,
　　Должна я стать рабой!

Печали нет предела —
　　Отдать я все должна —
И трепетное тело
　　И грудь, что так полна.

Не будет мне дыханье
　　Мое принадлежать,
Как жертва на закланье,
　　Так буду я дрожать.

Что жадно я искала
　　И все, что я нашла,
Теперь я потеряла,
　　Для вас я умерла.

Я убегу со зверем,
　　Где море бьет в гранит,
К утесам и пещерам,
　　Где страх из нор глядит!

Я так люблю наш милый
　　Уютный уголок,
А брак грозит могилой —
　　Как мой удел жесток».

В сердце матери сверкает
Память отошедших лет,
Словно солнце изливает
На нее свой кроткий свет.

«Будешь слушать вечерами
Про супруга своего,
Как сражался он с врагами,
Не страшился ничего.

Будешь милых деток нежить
Скоро у своей груди,
Будешь с ними сердце тешить
Их ласкать — все впереди».

«Нет! Какая же мне сладость
Будет от его побед —
Ведь потом вкусит он радость
От моей тоски и бед.

Будет бить моих малюток
В озлобленье, дик и яр,
От меня еще ждать шуток
В благодарность за удар».

Но старухой злоба снова
Овладела, и она
Вновь глядит на дочь сурово,
Бесконечно холодна.

«Что, себя ты мнишь всех лучше,
Выше женщины любой?
Нет, ты тоже то получишь,
Что всем нам дано судьбой!

Сделай то, чего хочу я,
Иль, упорства не любя,
За косы поволоку я
К Дереву пиров тебя».

«Что ж! Смирюсь с моим уделом,
В дом проклятья пусть ведут!»
И она дрожит всем телом,
Дыбом волосы встают.

Падает она без силы,
  Вопль безумный издает,
А потом встает уныло,
  К месту радости идет.

Небо блещет в отдаленье,
  Горы гордостью полны,
Нет у них людских мучений,
  От забот удалены.

Почки расцвели прекрасно,
  В мире все, как быть должно;
Лишь одна душа несчастна,
  Сердце смолкло лишь одно.

ВЕЧЕР ПРОЩАНИЯ

К ЖЕННИ

I

Они проплывали пред нами,
  Как любо им было играть!
Исчезали миры пред глазами,
  Появлялись в блеске опять.

А нам уходить не хотелось
  С холма под сводом небес,
Нам там дышалось и пелось,
  В душе — предвкушенье чудес.

Звездное небо смеялось,
  Но мы не видали его,
Ведь в нас самих загоралось
  Дивных огней волшебство.

Стены вокруг и зданья
  Уходили во тьму, назад.
Ведь выше всего мирозданья
  Был ясный, бездонный взгляд.

Я был погружен так глубоко
  В созерцанье твоей красоты,

Предо мной так чудесно-высоко
Рисовались твои черты.

Слова мы друг другу шептали
Чуть слышно, тихо, тайком,
Но в нас они громко звучали,
Как будто небесный гром.

Но звукам тем невозможно
Передать было нашу суть,
Что мыслью глубокой, тревожной
Переполнила нашу грудь.

И звуков любых яснее
Говорило пожатье рук,
Твой бездонный взгляд, пламенея,
Был прекрасней всего вокруг.

II

Другие могли веселиться
С вечной жаждой веселья в крови,
Наша жажда могла утолиться
Только новой клятвой любви.

Ты мне вручила тихонько
Прядь твоих темных волос,
Кольцом сплетенную тонко —
С любовью искусство сплелось.

Под ней завитками тугими,
Что тесно так сплетены,
Стоит — как любовь — твое имя,
Как призыв из лучшей страны.

В нем ангелов слышу дыханье,
И кротость оно таит,
Я слышу богов в нем воззванье,
В нем эфирное царство горит.

Оно таится стыдливо
В рамке темных кудрей твоих,
И любовь в нем, и песни — диво,
В книгах ты не опишешь таких,

Никогда не читал так много
   Я всего на одном листке,
Исчезла боль и тревога,
   Как от музыки, что вдалеке.

Напрасно в книги, как в море,
   Погружался я — в них тщета,
В сердце было по-прежнему горе,
   И царила в душе пустота.

Вот книга всех чудесней,
   И я нашел ее,
Исцелило мои болезни,
   Женни, имя только твое,

III

Я локон твой, Женни, целую,
   Едва просыпаюсь я,
На сердце его держу я
   И ночью, в час забытья,

Он сладкие сны выводит
   Из души, лишенной тревог,
Они в просторы выходят,
   Что дал тебе некий бог,

И если замолкнут песни
   И покажется мгла впереди —
Я коснусь лишь его — и чудесной
   Цитры звук раздастся в груди.

Вкруг меня духов сонм певучий
   Заведет любви хоровод,
И мелодиям новым научит,
   И венок цветов расцветет.

Ах, до смерти я мог бы глазами,
   Пока музыка будет звучать,
Впивать в себя это пламя
   И душу со словом сливать.

Ты в этих песнях звучала,
   Дыханье твое было в них,

В тебе их конец и начало,
Жила ты в них каждый миг.

Туманное лишь стремленье
Я чувствовал прежде в глуши,
Но было смутным томленье
Чего-то хотевшей души.

Ты свет зажгла мне ясный,
И я не блуждаю во мгле,
Жизнь стала светлей и прекрасней,
Ты — солнца мне луч на земле.

IV

Тебе дал я цветы живые,
Как я завидую им —
Они горят, огневые,
Над самым сердцем твоим.

Они отражают любовно,
Богиня, твое существо,
Их краса — твой облик духовный,
И все обаянье его.

И погибнут они безмятежно
На груди твоей в сладкий миг,
Ах, мне бы, обняв нежно,
Погибнуть в объятьях твоих.

Но мои мечты бесполезны,
И не взглянешь ты на цветы;
Из души твоей я исчезну,
Мне не видеть твоей доброты.

И все, что душе мечталось —
Лишь мираж, будоражащий кровь,
От меня ты в душе отказалась,
Оказалась обманом любовь.

На миг только жар сердечный,
На миг ощутила ты.
Себя не связала навечно —
О высшем твои мечты.

В своей кротости ты не хотела
  Охлаждать влюбленного пыл,
В огне его сердце горело —
  Тот огонь и тебя охватил.

Но когда от тебя удалился,
  Кем душа на миг увлеклась,
Его образ туманом покрылся,
  Порвалась непрочная связь.

V

Уже двенадцать пробило,
  К твоим кудрям я приник,
Я сжал тебя с нежной силой,
  То был незабвенный миг.

На месте священном этом —
  Там духи вели хоровод —
Все было залито светом
  И ночью был солнца восход.

Любви покорная власти,
  Ко мне повернулась ты,
Я грудью вдыхал свое счастье,
  Светились твои черты.

Глаза широко открыты,
  Была ты нежна и горда,
Любовь и печаль в тебе слиты,
  Ты была сама красота.

И ночь исчезла в смятенье,
  Просторы, как днем, расцвели,
И я увидал в изумленье
  Золотую поэму земли.

Когда-то я видел все это,
  Мечты меня нес поток,
Но флером все было одето,
  Что видел, понять я не мог.

Мое наградилось терпенье,
  Я с истиной наедине.
Туманные прежде виденья,
  Вы стали жизнью вполне.

И вечно-прекрасное встало
  Предо мной, всех чар светлей,
Поэзией музыка стала,
  Видел я небеса на земле.

VI

К высочайшему я стремился,
  Жизнь влекла меня, как волшебство,
От сует я душой отвратился,
  Я мечтал увидать божество.

Я искал его в царстве мыслей,
  Средь далеких фантазий и грез,
В небесах, где звезды повисли,
  И в дыхании теплом роз.

Но горячего сердца стремленья
  Они не могли утолить,
Где нет теплого сердцебиенья,
  Там мечты потеряна нить.

А теперь предо мной она блещет
  В сиянье своей высоты,
От муки счастья трепещет
  Душа, видя лик красоты.

Тебя обнимал я безмолвно,
  Чтобы клад не отдать никому,
А сердце огня было полно,
  И было так сладко ему.

С тобою я мог пробиться
  На край света, где, без лица,
Горою Ничто взгромоздится,
  Некий бог леденит сердца.

Но ах! Мы уже перед гранью,
　Что ревниво тебя заберет,
Меж душами, молнией раня,
　Разлука, грозя, встает.

Еще раз обнял тебя я,
　Сжал руку твою — и тогда
Захлопнулась дверь глухая,
　Меж нами земля и вода.

ИСТЕРЗАННАЯ

БАЛЛАДА [156]

(См. стр. 491—493)

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ СОНЕТЫ

К ЖЕННИ

I

Возьми же песни, что, робея,
　Любовь к твоим ногам кладет,
Душа горит в них, пламенея,
　И пламя лире отдает.

Когда их отзвук, не слабея,
　В душе твоей ответ найдет
И сердце застучит сильнее,
　Почуяв звуков тех полет, —

Ко мне твой отклик донесется
　Из далей радостных твоих,
И буду я смелей бороться,
И песнь мою туман не спрячет,
　Отважней загремит мой стих,
Но лира от тоски заплачет.

II

Мне слава не нужна земная,
Что мчится гордо над землей,
А побежденные, рыдая,
Ее возносят над собой.

Лишь взгляд твой, что горит, сверкая,
И сердца пламень огневой,
И слезы, что, стихам внимая,
Ты пролила — вот светоч мой.

Когда б в моей то было власти,
Я душу б вылил в лирный звук,
Пред смертью знал бы, что я мастер —
Когда б — иного мне не надо —
Я песней радости и мук
Тебя смягчил — вот мне награда.

III

Летать листки способны эти.
Им лечь к твоим ногам дано.
Мне — лишь мечтам и горю в сети
Попасть разрешено.

Одно у мысли на примете —
Идти путем отваги. Но,
Стремясь лишь к высшему на свете,
Страданье вижу я одно.

Когда меня из далей примет
Тот милый дом, мечты приют,
Тебя уже супруг обнимет
В блаженстве, в упоенье...
И молньей предо мной сверкнут
Отчаянье... забвенье.

IV

Прости, когда признанье это,
Души горящей тихий стон,
Произнесут уста поэта,
Что вечной страстью опален.

Я не могу уйти от света,
С кем, как с самим собой, сроднен,
И мне иного нет завета,
Как петь любовь — в ней мой закон.

Мечтою высоко взлечу я,
И все ж ты выше вознеслась.
Но ах! Одних лишь слез хочу я,
Хочу, чтоб слух ты преклонила,
Певцу дав радость хоть на час —
И пусть его берет могила.

Карл Маркс

СОДЕРЖАНИЕ*

* После названия стихотворения указаны страницы, данные Марксом в рукописи. В квадратных скобках обозначены страницы, на которых стихотворения помещены в томе. *Ред.*

КНИГА ЛЮБВИ

МОЕЙ ДОРОГОЙ, ВЕЧНО ЛЮБИМОЙ ЖЕННИ ФОН ВЕСТФАЛЕН

Берлин 1836

ноябрь

ЧАСТЬ ВТОРАЯ[163]

Написано К. Марксом в ноябре 1836 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

АМУЛЕТ

Годы бесконечно
По Вселенной мчат,
Словно ночью вечный
Бурный водопад.

Я смотрю с улыбкой
Свысока на них,
В их движенье зыбком
Тайну я постиг.

Потому что мною
Найден талисман —
С ним сильней душою,
Лечит он от ран.

Вызвать вдохновенье
И насмешки соль,
Глубину стремлений,
И любовь, и боль —
В этих превращеньях
Амулета роль.

ЯД

Поцелуем мимолетным
Я твоих касаюсь рук —

Стая демонов бессчетных
Душу мне терзает вдруг.

Яд от рук медоточивых
Вмиг мою заполнил грудь,
Взор, что был таким счастливым,
Наполняют скорбь и грусть.

Прежней жизни мне не надо,
Фея милая, пойми:
Если ты дала мне яду,
Душу, жизнь мою возьми.

Только так залечишь раны,
Что нанес твой сладкий яд.
Гибну я, тобой отравлен,
Торопись, любовь моя.

ПЕСНЯ О ПОДСТАВКЕ

Высóко на подставке
Хранитель-ангел мой,
Он нежными крылами
Привет мне дарит свой.

И лик его сияет,
Как будто на лету
Он счастье ощущает
И жизни теплоту.

Один мне здесь товарищ,
Покой мой сторожа,
Он мягко наблюдает
С большого стеллажа.

И песни мои льются,
В них столько юных сил,
Он не поймет их грусти —
Не он их породил.

Творец — другой мой ангел,
Кто в сердце мне проник,

И в песнях я рисую
Его прекрасный лик.

Но образ тот неверный
Не удержать, как сон.
Он так далек безмерно
И все же рядом он.

ПЕСНЯ К ЗВЕЗДАМ [158]

(См. стр. 497—498)

ДВЕ ЗВЕЗДЫ

ЗАГАДКА

В далекой синеве небесной
Две золотых звезды чудесных.

Друг к другу век они летят —
И вечно противостоят.

На светлых крыльях им легко лететь,
Чтобы однажды вместе прозвенеть.

Но лишь союз их близок вдруг,
Вмиг разжимают пальцы рук.

Тебе их имена известны?
Но, Женни, говорю я честно:

Не мы те звезды в вышине —
Ведь образ твой всегда во мне.

Смотри! Сквозь звездные скопленья,
Сквозь злобу, атомов боренье

К тебе стремятся вновь и вновь
Мои страданья и любовь.

МОЙ МИР

Не мирам мою тоску утешить,
Не волшебной помощи богов —
Воля духа несравненно выше,
Что кипит в груди моей без слов.

Я в себе вмещаю звезд сиянье,
Солнц бессчетных отблеск и тепло,
Беспредельны смелые дерзанья
И желаний велико число.

Глянь! В борьбе безмерной и жестокой
Будто всемогущий талисман
К цели меня движет столь далекой,
Что ее коварный скрыл туман.

А вокруг обломки, мертвый камень,
И лежит тоска моя на них,
И небесный вечный светлый пламень
Кажется костром надежд моих.

Как людьми отмерено пространство
Для желаний взлета и мечты!
И моих стремлений постоянство
Замирает возле той черты.

Женни! Спросишь ты меня значенье,
Этих слов загадочную суть?
Если так, напрасно обращенье,
Зря словами облегчал я грудь.

Если б ты увидела сиянье
Глаз твоих, что глубже неба дна,
Ярче солнц и звездного сверканья,
Ты отгадку поняла б одна.

Наслаждаясь красотой и жизнью,
Жажду руку мягкую пожать.
Не боясь возможной укоризны,
Ты должна решение принять.

Ах! Довольно губ твоих дыханья,
Слова задушевного тепла,

Чтобы сила страстного мечтанья
В бесконечность властно унесла.

Взбудоражит кровь мою и нервы,
Душу в глубине перевернет,
Будто демоны, когда волшебник
Стаю молний гневно в них метнет.

Но ничтожна сила слова, звука
И недолговечна, как туман.
Бесконечны лишь стремленье духа,
И Вселенная, и Женни ты сама.

ПЕСНЯ ЗВОНАРЯ НА КОЛОКОЛЬНЕ

Грохочет могуче
　　Набат, набат,
И в бурю и в град;
И пыль и тучи
　　Вздымает порыв,
　　Окутав мгновенно,
И купол, и стены
　　Туманом закрыв.

Дома трясутся,
　　Глаза глядят,
　　Как обломки летят
И к свободе рвутся
　　Внезапно вокруг,
И рвут оковы,
И шум громовый
　　Раздается вдруг.

Свой напор копила
　　В пышных стенах,
　　В эфирных цепях,
Непокорная сила,
　　Но вот поднялась —
И прочь оковы,
К свободе новой
　　Она родилась.

Как с ней бороться?
К чему подойдет,
Змеей обовьет,
И все распадется,
Исчезнет, умрет,
Станет жертвой тленья, —
Следить превращенья
Глаз устает.

Но чудище это
Все ж создал порыв,
Все чувство излив,
Что мглою одето, —
Любви грозной всплеск —
И союз был упрочен
Темных дщерей ночи
Под молний блеск.

Так вместе слился
Их страстный бред,
Душ их свет
Светлым пламенем взвился.
Он светит, горит,
Весь мир озаряет,
Он о выси мечтает,
Но вниз летит.

Сам с собой порывая,
Летит его дух,
Все сражая вокруг,
Вместе с тем истребляя
Своей силы взлет
И все, что в стремленье
К красоте, к горенью,
Некий бог создает.

Так в любви сверкает
Вышних духов хор,
Наполняя простор,
К небесам взлетает,
Но едва обретет
Душа свою душу,
Вниз летит, все руша,
Ненавидя свой взлет.

СВЕТ ЛАМПЫ

Когда ночью забываюсь
От усталости в жару
И безмолвно погружаюсь
Я в больной души игру,

Губы лампе шепчут еле,
Истомленные тоской:
«Не вселится неужели
В душу бедную покой!»

И затем гашу я пламя
Дуновением одним.
Дом темнеет. Лишь струями
Исчезает легкий дым.

Ах, как жизнь его завидна,
Догоревшая легко!
В царстве грезы так же гибнут,
Погрузившись глубоко.

Хочешь ты своим дыханьем
Пламя сердца усмирить?
Я б тогда в страну мечтаний
Мог душою воспарить.

Не туда, где мрак струится,
А туда, где с давних пор
В небесах твоих лучится
Твой глубокий, нежный взор.

Ах, я там мечтал бы вечно,
Ты сама была б мечтой,
Звездный жемчуг бесконечной
Окружал бы красотой.

И полнее б сердце билось,
Грудь дышала бы бодрей,
И прекрасное б родилось
В битвах яростных скорей.

ЧУВСТВА

Не могу я жить в покое,
Если вся душа в огне,
Не могу я жить без боя
И без бури в полусне.

Пусть другим приносит радость
Быть вдали от шума битв,
Льстит желаний скромных сладость,
Благодарственных молитв.

Мой удел — к борьбе стремиться,
Вечный жар во мне кипит,
Тесны жизни мне границы,
По теченью плыть претит.

Мне обнять по силам небо,
Целый мир к груди прижать,
И в любви, и в страстном гневе
Я хотел бы трепетать.

Я хочу познать искусство —
Самый лучший дар богов,
Силой разума и чувства
Охватить весь мир готов.

Что же в силах сам создать я?
Мой не слыша страстный зов,
Гибнут рядом мирозданья
Под волшебной властью снов.

Мертвым им смешно боренье
В мире том, где все кипит,
И бесстрастно их движенье
Вдоль невидимых орбит.

Не сменяю я свой жребий
На подобный ни за что —
Жалко их великолепье,
Их стремление в Ничто.

Ведь в безудержном движенье
Поглощает все эфир,

И из праха разрушенья
Возникает новый мир.

Бесконечно измененье,
Жизни мира сущность в нем —
От рожденья и до тленья,
То паденье, то подъем.

И вот так, изнемогая,
Наши души там парят,
Пока собственных хозяев
До конца не изпурят.

И, не властны над собою,
Мчат, как всем им бог велит,
Всем нам взвешено судьбою
Боль и радость разделить.

Так давайте в многотрудный
И в далекий путь пойдем,
Чтоб не жить нам жизнью скудной
В прозябании пустом.

Под ярмом постыдной лени
Не влачить нам жалкий век,
В дерзновенье и стремленье
Полновластен человек.

ВЕЧЕРНИЙ ЧАС

Горит спокойно лампа,
Неярок свет и тих,
Ей, кажется, понятна
Безмерность мук моих.

Я с нею постоянно
Один и погружен
В мир образов туманных
И фантастичный сон.

И словно ей известно,
Что свет ее слабей

Огня, который бьется
Давно в груди моей.

Но этот свет чудесный
Спокоен так и чист,
Как будто шлют свой отблеск
Твоей души лучи.

ЖАЛОБА

Борьбой души томимый,
Пока не сброшу пут,
Я взор ловлю любимый,
Уста тебя зовут.

Но знак любви минутный
Не шлют твои глаза,
И губы немы, будто
Им нечего сказать.

Горит, пока не сгинет,
Огонь в моей крови,
Пока меня покинет
Дух, преданный любви.

Напрасно ввысь стремленье
Ветвей моей души,
Она свое движенье
Закончить там спешит.

И зря ловлю с надеждой
Твой свет, твою любовь —
Ты взор отводишь нежный,
И я сникаю вновь.

МОЕ СТРЕМЛЕНИЕ

Написано немало
Таинственно о том,
Как ночью жизнь рождалась,
Окутанная сном.

Горят Вселенной знаки,
Их говорит язык
О танце звезд во мраке,
Как жизни звук возник.

Но не хочу читать я
Смысл тайный знаков тех,
И звездам оставляю
Я их далекий бег.

Лишь о словах мечтаю
Из нежных уст твоих,
Возвышенно сияю,
Когда услышу их.

Как можешь неизменно
Отказывать мне ты?
Богаче ты Вселенной,
Прекраснее мечты.

И целый мир прекрасный
В глазах твоих лежит,
И наслажденьем страстным
Сфер музыка звучит.

Позволь тебе довериться,
Хочу лишь одного —
Дух посвятить и сердце,
Все помыслы его.

ПРИЗРАК

БАЛЛАДА

Там наверху, в долине,
Горами окружен,
Старинный замок виден,
На солнце блещет он.

Он здесь, где гаснут звуки,
Заброшен так и стар,
И не достанут руки
И молнии удар.

Старик седоволосый
В нем издавна живет,
И жизнь его привычно,
Размеренно идет.

Пред ним пергамент ветхий,
Он в чтенье углублен;
Пусть гром грохочет дерзкий
И слышен бури стон.

Но к бурям безучастен,
В мечтанья погружен,
Разгадку ищет счастья,
Несбыточный свой сон.

Пергамент излучает
Волшебный жар и свет,
Но он не отгадает
Источника их, нет.

В глубоком размышленье
К листам склонился он,
К познанию стремленьем
Упорным вдохновлен.

Раскрыта в книге тайна,
Как призрак был рожден,
Какой необычайной
Он силой наделен,

Что нет в небесных сферах
Бездонной пустоты,
Их души заполняют
И светлые мечты.

А свет волшебный реет
И разгадать зовет,
Что в каждом сердце зреет,
В любой душе живет.

Оковы обвивают
Цветущий дом. Порой
Из окон вылетает
Лишь чудных звуков рой.

Над новым талисманом
Старик склонил главу,
И взор пылает странно,
Он грезит наяву.

Познать бы совершенство
И вырваться из пут,
В небесное блаженство
И в бездну заглянуть.

Но лишь усильем страстным
Златые цепи рвет,
Невидимых препятствий
Отбрасывает гнет,

Внезапный блеск и грохот
Вдруг потрясают дом,
И сатанинский хохот
Звучит злорадно в нем.

И мигом за угрозой
Все на места встает,
И снова в рабских грезах
Идет за годом год.

В тревожном ожиданье,
Сломить не в силах рок,
Сидит старик в сиянье,
Угрюм и одинок.

И тихо льются слезы
По старческим щекам:
Того, что видит в грезах,
Невмочь свершить рукам.

МЕЧТА

Еще одно мечтанье —
В плену очарованья
Ночного окажусь,
Пока не пробужусь.

Так грезя в упоенье,
Дневной утратив пыл,
В вечерних размышленьях
Я все вокруг забыл.

Уснул во тьме кромешной,
Мечту в душе безгрешной
Взлелеяв, и такой
Ко мне пришел покой.

Объятия Морфея
Покинув поутру,
Я ринулся скорее
На битвы и на труд.

Но мысль в забот кипенье
Возникла на мгновенье,
Мелькнувшая вчера,
Как молния быстра.

И редкостным виденьем
Она явилась в мир,
Как будто дуновеньем
Принес ее зефир.

Прочел я в свете дня:
«Любовь зовут меня,
Мой образ здесь парит,
Завесой легкой скрыт».

И я сорвал завесу
Трепещущей рукой,
И вот в огне небесном
Богиня предо мной.

И с небывалой силой
Любовь меня пронзила.
Упав с мольбой у ног,
Взор отвести не мог.

Она ж смотрела нежно,
Тепло в глаза мои,
И я в душе мятежной
Ей клятву дал любви.

И я признал отныне
Ее своей богиней.
Но, Женни, тщетен зов —
Моих не слышишь слов.

ПЕСНЯ МОРЯКА В МОРЕ

Вы можете биться в бессилье
Вокруг моего корабля
И все же нести его к цели,
Меня о пощаде моля.

Подобно стреле быстрокрылой,
Лечу я сквозь водную гладь,
Пусть берег уносится милый,
К нему я сумею пристать.

Там ждут того, кто упорно
Волнами и ветром гоним,
Стихии морской непокорный,
Вернется домой невредим.

Внизу в синеволном кипенье
Давно похоронен мой брат,
Его увлекло ваше пенье,
Теперь вы терзаете прах.

Мальчишкой я был неумелым,
Когда он, корабль оснастив,
К опасности ринулся смело,
Но судно наткнулось на риф.

Над вашей безбрежностью рьяной
Я клятву вам в сердце принес —
Мстить за него постоянно,
Хлестать вас до боли, до слез.

Той клятве сердечной я верен,
Я данное слово сдержал,
Хлестал вас упорно, безмерно,
Я вас без конца бичевал.

И вам остается лишь злиться
Под мощным ударом весла,
Под судном, что к цели стремится, —
Его ваша ярость несла.

В покое мне жить невозможно.
Как часто в ночи пробужден,
Я колокол слышу тревожный
И ветра могучего стон.

Тогда покидаю я вскоре
Уютный и теплый свой дом
И правлю в открытое море,
Где молний сверканье и шторм.

Я с бурей в борьбе закаляюсь
И помощи бога не жду,
Креплю я уверенно парус,
В надежную верю звезду.

Охваченный радостной силой,
В смертельном и долгом бою,
Исполненный дерзкого пыла,
Я гордую песню пою.

Вы можете биться в бессилье
Вокруг моего корабля
И все же нести его к цели,
Меня о пощаде моля.

Пусть брата давно поглотила
Плюющая пеною пасть,
В бездонную моря могилу
Свела его к плаванью страсть.

Но взмыл его дух непокорный
В подвластные богу края,
И слушает там он, как волны
Под днищем ревут корабля.

Я вас разрезаю форштевнем,
Своей беспощадной рукой
Я словно тащу вас за гребни
Из страшной пучины морской.

Я бью крутогорбые спины
И к вам не иду на поклон,
Вскипаете гневом бессильным,
Но бешеный вал укрощен.

И вот вы должны обуздаться
И гибелью мне не грозить,
В вас небо должно отражаться,
Вас солнце должно озарить.

Всей грудью вдохну я прохладу
Морских животворных ветров.
Нет больше границ, и не надо
Дышать в тесноте городов.

Смеется высокое небо,
Широк и приволен мой путь,
А взор мой свободнее не был,
И миром наполнена грудь.

ПРЕВРАЩЕНИЕ

Мой взор почти безумен,
А щеки так бледны,
Так хаотичны думы
И странно смятены.

Как будто я в дороге —
Корабль покинул брег,
Туда, где скал отроги
И волн могучий бег.

И сердце уношу я
На полных парусах,
Пусть шторм вокруг бушует —
Я презираю страх.

Окинул путь опасный
Орлиный дерзкий взгляд,
Вперед иду я страстно
И никогда назад.

И сердце я сиренам
Не захочу дарить,
Их льстивым песнопеньям
Меня не покорить.

Чтоб звуков тех не слышать,
Чем уши мне заткнуть?
Восторг награды высшей
Мою волнует грудь.

Но ах! Бурливы волны,
На месте не стоят
И исчезают прежде,
Чем их увидит взгляд.

Слова волшебной силы
Я посылал им вслед,
Но так же уносились
Они стремглав в ответ.

И слабостью томимый,
Средь волн, бегущих прочь,
Я бросился пред ними
Вперед, в туман и ночь.

Но тщетность утомила
Борьбы. И грянул час —
Мои иссякли силы
И сердца жар угас.

И потрясен и бледен
Взглянул в свою я грудь,
Но не было в ней песен,
В ней поселилась грусть.

Исчезли песен радость,
Искусства сладкий сон,
Не дав блаженства сладость,
Общенья с божеством.

И крепость духа пала,
Напрасен был мой труд.
Нет пламени накала,
И опустела грудь.

Тогда тебя увидел
В лучах твоей души,
Там, где, танцуя, небо
Вокруг земли спешит.

И взор мой прояснился,
Открылось перед ним,
Что прежде было смутным
Стремлением моим.

И в пламени небесном
Свободней и сильней
Взлетела снова песня,
Родясь в груди моей.

А следом устремился
Оживших духов рой,
И, как волшебник властный,
Я правлю их игрой.

Воскресшей силы полный,
Я стряхиваю сон,
Дроблю о скалы волны,
Жгу внутренний огонь.

И что искал напрасно,
Души моей порыв, —
Дает мне взор твой ясный,
Улыбкой озарив.

СМЕРТЕЛЬНАЯ БОЛЬ

Когда б обрушились волны,
  Бесконечной яростью полны,
    Летя все вперед,
    В свой грозный поход.

На меня и мои стремленья,
  Тесня и давя меня,
Я б не пошел в отступленье.
  Это слово не для меня.

Чтоб своего добиться,
  Я б с ветром, с волной стал биться.
    И мощь огня
    Одолел бы я.

И все бы погибли,
  Кто со мною пошел бы на бой.
Они все бы поникли,
  Я бы справился с силой любой.

Я овладел бы тобою,
  И враждой, и любовью.
    Я бы смело сразился,
    Ничего б не страшился.

Но ах! День лишь сыростью дышит.
  Лишь дождь каплет с крыши,
Силы точит, грызет
  И стремленьям простор не дает.

Вступить против них в сраженье —
  Увидишь коварство вокруг:
И я терплю пораженье,
  Истлевает мой вечный дух.

Надежды всякой лишенный
  И от небес отрешенный,
Проиграл я битву свою,
  Не побывав в бою.

Звезды лишиться
  Я должен навек.
Назад стремится
  Времени бег.

Тебя держать я
  Хочу в объятьях,
А он ползет змеей,
  Невидимый мной и тобой.

Подбирается враг потихоньку,
  Ползет змея,
Жалит сердце мне жалом тонким,
  И слабею я.

Я падаю, содрогаюсь,
Глазами в небо впиваюсь.
«Женни» — шепчут уста,
И глотает меня пустота.

ЮНОША И ДЕВУШКА

БАЛЛАДА

Влюбленные при встрече
Так трепетно нежны,
И пламенны их речи,
И руки сплетены.

Но юноша сказал ей:
«Зовет меня мой рок,
Я розы оставляю
Моей любви в залог».

И девушка стыдливо
Потупила глаза,
Как искра золотая,
Блеснула в них слеза.

Ни слова не добавив,
Расправив гордо грудь,
Красивый, величавый,
Ушел он в дальний путь.

Цветы из рук упали.
Любовь осталась с ней,
Но с каждым днем печальней
Глаза, а лик бледней.

И вот увяли розы,
Его любви залог.
Она увяла тоже,
Как сломанный цветок.

Ее внесли в холодный
И опустевший дом...

Как алый рот поблекнул
И сколько горя в нем!

И на груди холодной
Покоится цветок,
В огне любви сгоревший,
Он мертв и одинок.

Израненный мужчина
К могиле той склонен,
Очарованьем странным
Как будто покорен.

Он бьет свой лоб высокий,
И мнет земли комок. —
И бешеная пуля
Впивается в висок.

МАТЬ

БАЛЛАДА

В объятьях материнских
Спокойно он лежит,
Как будто бы единствен,
Кто ей принадлежит.

Ребенка мать качает,
О! как прелестен он!
И взор ее сияет,
Любовью напоен.

И, глядя в безмятежный
Младенца кроткий лик,
Она смеется нежно,
И шутит, и шалит.

Вдруг содрогнулось тело,
Мать охватила жуть —
Ребенок омертвелый
Вмиг выпускает грудь.

Труп нежный и безвольный
Лежит в ее руках,
Охваченная болью,
Застыла мать в слезах.

А в сердце шевельнулась
Змея — ей боль сладка,
И смесью захлебнулась
Крови и молока.

С лицом от боли бледным
Мать сердце сжала вмиг —
И вырвался победный,
Глухой и страшный крик.

Затем в глубокой скорби
В могилу гроб кладет,
В нем плод ее и сердце, —
И рухнул неба свод.

БУРЯ

Шумит снаружи буря,
Туман тяжел и глух,
И мертвецы бушуют,
Чтоб успокоить дух.

Они должны излиться
Вселенной в океан,
В потоке бурном биться,
Ревя, как ураган.

Кровь юно приливает
Еще к моим щекам,
Но я хотел бы с бурей
Соединиться сам.

Ее мятежных духов
Влечет меня порыв,

Но не достиг их слуха
Мой пламенный призыв.

УПРЕК

Твоя гармония правит
Среди стихов моих,
Тебя лишь только славит
И помнит каждый стих.

Какое-то томленье
Велит моим словам
Нести мое стремленье
К далеким небесам.

А ты, что мне внушаешь
Всю силу чувств моих —
Что ж ты мне не желаешь
Забвенье дать на миг?

Кровь выливая в звуки,
Я все тебе пишу,
Но отзыва на муки
Напрасно я прошу.

ЖЕЛАНИЕ

Ты даришь многим людям
Бесценные слова,
Слова, что вдаль уходят,
Из уст твоих едва.

На маленький пергамент
Их лучше запиши
И мне пришли, чтоб спала
Тоска моей души.

Мертво мое жилище
Без этих нежных слов,
Пусть мне согреет сердце
Твоей любви тепло.

Бальзам волшебной силы,
Наверное, в них есть —
Вмиг взор мой исцелится,
Чтоб только их прочесть.

Карл Маркс

СОДЕРЖАНИЕ*

* После названия стихотворения указаны страницы, данные Марксом в рукописи. В квадратных скобках обозначены страницы, на которых стихотворения помещены в томе. *Ред.*

Карл Маркс

КНИГА ПЕСЕН

МОЕЙ ДОРОГОЙ, ВЕЧНО ЛЮБИМОЙ ЖЕННИ ФОН ВЕСТФАЛЕН[159]

Берлин 1836

Написано К. Марксом
в ноябре — декабре 1836 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

ДУХИ

БАЛЛАДА

К ЖЕННИ

«Мне б быть волшебником хотелось!» —
Я молвил. Оправдалась смелость,
Явились духи, слыша зов:

«Погибну я, ее не видя,
Скорей ее перенесите
Сюда, с далеких берегов.

Как кровь по жилам бурно мчится.
Она в виски мои стучится
И говорит она о том,

Что хочет жизнь уйти из тела,
К ней отлететь она б хотела,
Махая золотым крылом.

Исполнить просьбу обещайте,
И кровь в уплату получайте,
Души спасенье отдаю.

Что́ толпы вечностей грядущих
Безжалостных и всемогущих?
Мне б видеть милую мою!»

Эфир небесный рассекая,
Несется быстро духов стая,
К добыче устремлен их взгляд,

«Коль будет здесь моя отрада,
Готов принять я муки ада —
Ведь жизнь в тоске — кромешный ад».

Но рой вернулся, не помешкав,
И вот уж мне кричит с насмешкой,
С издевкой злобной адский хор:

«Знай, обмануть нас очень трудно.
Цветок ты любишь этот чудный —
Тогда какой здесь договор?

Мы, духи ада, к ней примчались,
И сами мы заколебались,
Решили ангелами стать,

Чтоб лишь впивать ее дыханье,
Улыбки нежной обаянье,
Ее сиянье созерцать.

А ты задумал обмануть нас,
Ты не был нашим ни минуты,
Недаром ты любил ее.

Пусть договор скрепил ты кровью,
Что значит клятва пред любовью,
В любви — спасение твое.

Тот человек, чья жизнь — желанье,
Стремленье ввысь, огня пыланье,
Что вечно вдаль стремят его, —

Тот навсегда от нас уходит,
И ад такого не поглотит.
Его здесь силы торжество.

Когда б она сюда явилась,
Все б дивным светом озарилось,
И мы застыли бы в испуге.

С тобой мы б справились едва ли,
Ее словам бы лишь внимали,
Исчезли бы твои недуги».

Мне стало на мгновенье страшно,
Земля, дрожа, вкруг стен и башни
Вдруг на две части раздалась.

И, темным пурпуром блистая,
Вглубь потянулась духов стая
И в пропасть скрылась в тот же час.

«От вас не вижу я служенья,
Вы, вечной ночи порожденье,
Вы в бездну скрылись от меня.

Что ж, гении добра, спасите,
На жезл волшебный мой взгляните,
С почтением головы склоня.

Вы, духи, с вашей светлой силой,
Несете мне лишь образ милой,
Но сердце дорогой во мне. —

Ну что же! Дар ваш мне несите,
А госпоже моей скажите:
Все — радость, боль, вся жизнь — все в ней!»

АЛЬБОИН И РОЗЕМУНДА [160]

РОМАНС

I

Альбоин, отважный рыцарь,
На коня лихого сел
И по белу свету рыщет,
Упоенный свистом стрел.

И за ним его вассалы
Скачут следом, как один.
Где прошли они, осталось
Лишь безмолвие руин.

Гонит их желанье славы,
Блеск трофеев, гром побед.
И опять вассалов бравых
Собирается совет.

«В бой веди нас, вождь отважный, —
Раздается чья-то речь, —
Пусть в стране гепидов каждый
Кровью обагрит свой меч!»

Вождь кивнул, храня молчанье,
Разрешая им уйти.
И за славой все умчали
По кровавому пути.

На конях, расправив плечи,
Гордо рыцари сидят,
Серебром доспехов блещут
И оружием звенят.

Пламя жаркое трепещет,
Что зажег в них бог войны.
Взоры рыцарей зловеще
Тем огнем озарены.

И земля собой гордится,
Блещет в утренних лучах —
Величайшее из рыцарств
На своих неся плечах.

II

Поднялся над перелеском
Солнца светлый ореол,
И предстал в кровавом блеске
Улыбающийся дол.

Яростно гепиды бьются
За добро, вождя и честь,
Жены с ними неразлучны,
Разжигают гнев и месть.

Вьются локоны густые,
И растет бойцов напор,
Песни воинов простые
Запевает женщин хор.

Вдохновляют песен звуки,
Но все чаще слышен стон —

Это стонут в тяжкой муке
Те, кто насмерть поражен.

И победа храбрым мнится —
Все смелей гепидов рать,
Не один уж рухнул рыцарь,
Чтоб вовек с земли не встать.

Но, издавши крик громовый,
Как чудовище велик,
Весь в сиянии багровом
Альбоин, сверкнув, возник.

Все в смятенье отступают,
Он врагов швыряет в ночь.
Слабых стрелы настигают
Там, где глаз достать невмочь.

Будто бог над ним витает
И натягивает лук,
От ударов защищает
Беспощадных вражьих рук.

III

Видит рыцарь среди боя
Короля — то Кюнемунд.
Горстка воинов собою
Преграждает путь к нему.

Он вперед. Его увидев
И утратив речи дар,
Холодеет вождь гепидов,
Но настиг его удар.

Волны жизни замирают,
Льется кровь струей из ран, —
Дух отважный отлетает —
Вождь гепидов бездыхан.

Покидая поле боя,
Его воины бегут,
Увлекая за собою
Тех, кто бьется там и тут.

Следом женщины, стеная,
Вознося богам мольбы,
Трусов громко проклиная
И безжалостность судьбы.

Лишь одна в роскошном платье,
Крикам женщин не внемля,
В безутешном бьется плаче
Возле тела короля.

Альбоин, обычай зная,
Обезглавливает труп,
И она над ним рыдает,
И язык проклятий груб.

«Пусть свой гнев обрушит правый
Небо, станет мраком свет,
Льдом — огонь в руках кровавых,
Ядом — поданный обед».

IV

«Пусть на лбу твоем пылает
Огнь проклятий за отца,
Пусть заря не освещает
Твоего вовек лица!»

— «Боже! Образ бесподобный!
Вот трофей мне дорогой...
Не смотри, прошу, так злобно,
Альбоин, владыка, — твой».

— «Осквернить я не позволю
Кровь гепидских королей,
Лучше смерть, чем жизнь в неволе,
В роли подданной твоей».

— «Да, твой род, о королева,
Был высок, я признаю.
Покорюсь тебе и смело
Сердце в рабство отдаю».

— «Ты убил отца!..» — «Не надо
Много слов. Забудь свой страх.

Будешь ты моей наградой,
Ношей милой на руках».

И, обняв трофей прекрасный,
В лагерь едет, осмелев,
Бьется девушка напрасно,
Постепенно гаснет гнев.

Альбоин спешит добычу
Поскорее увезти,
Но одна из вдов гепидов
Мрачно встала на пути,

Говоря: «Юнец презренный,
Наслаждения ты ждешь,
Но с добычей драгоценной,
Помни, скоро упадешь».

V

Альбоин домой вернулся
Из страны блаженной той,
Что для севера казалась
Недоступною звездой.

Но страну, где правил Цезарь,
Дух покинул, словно вор.
Лишь осталось неизменным
Небо звездное с тех пор.

Пусть под миражом кровавым
Скрыта грешная земля,
Боги верность сохраняют
Ее стройным тополям.

Альбоин, отваги полный,
Смело рыцарство призвал,
Бились стойко, словно волны
У прибрежных бьются скал.

Альбоин всего добился
Смертным воинским трудом,
За победу храбро бился
И в родной вернулся дом.

И в стране чужой, роскошной
Цитры звонкие поют,
Как он, пламени подобно,
Захватил ее в бою.

«Роземунда! Среди пира
Взор красой порадуй мой.
Пусть рассказывает лира,
Как вернулись мы домой».

И, таинственно вздыхая,
Плавно голову склоня,
Она рыцарю кивает,
Думу тайную храня.

VI

Чаши полные налиты
Кипрским пламенным вином,
Что кутила наш похитил
В крае солнечном, чужом.

«Эй, Хельмихис, щеголь бравый,
Спой, оруженосец мой!
Пусть нам песнь звучит во славу,
Будто танец боевой!»

«Хорошо, мой князь!» — и гордо
Лиру юноша берет,
Струн касается и бодро
Песнь победную поет.

«Есть внизу, в стране прекрасной,
Трон, назначенный богам.
Блеск эфира, чистый, ясный,
Словно разлит всюду там.

И, когда они, страдая,
Видят гибель там, внизу,
Слезы катят, орошая
Виноградную лозу.

Эти слезы станут соком
Виноградных терпких лоз;

Так оплакивают боги
Рим, былой апофеоз.

Альбоин, прекрасный, сильный,
Тут пришел, отваги полн,
Он приплыл на белых спинах
Укрощенных буйных волн.

Альбоина появленьем
Рать богов покорена,
И по их благоволенью
Пала знойная страна».

VII

«Мой певец непревзойденный,
Был ты нынче молодцом!
Кубок этот позлащенный
Осуши одним глотком».

И, обняв оруженосца,
Рыцарь пьет здоровье всех.
Взор его еще смеется,
Но зловещ и мрачен смех.

«Пусть сегодня кубок славы
Напоит вином вождя
Тех, кто в отблеске кровавом
Бился, жизни не щадя.

Пей, возлюбленная! Губы
Поцелуй подарят мне.
Видишь, как сверкает кубок,
Утопи печаль в вине!»

Но она дрожит в испуге,
Кровь отхлынула от щек,
А глаза горят, как угли,
Так что взор его прожег.

Искажает ярость жутко
Все черты ее лица:
«Как преступна эта шутка
С кубком-черепом отца!

Разве я сумею выпить
Из глазниц его глоток,
Из которых уж не брызнет
Жизни пламенный поток!»

— «Смеешь спорить ты, рабыня!
За меня не хочешь пить?!
Иль не тот отец твой ныне,
Кто тебе позволил жить?

VIII

Ты смеешься над кумиром,
Что тебе благоволит,
Перед кем дрожит полмира,
Стонут волны и гранит.

Ах, блудница ты слепая!
Родилась ты в том краю,
Где мужчины умирают,
Лишь завидев тень мою.

Кубок мой ты опрокинешь,
За мое здоровье пьешь
Или этот мир покинешь,
В преисподнюю уйдешь!»

«Пусть я этот мир покину,
Мне твоя презренна речь.
Если б я была мужчиной,
Мой тебя сразил бы меч».

— «Что ж, смотри! Отца теперь я
Из земли велю достать,
Пусть его терзают звери,
Будут вороны клевать.

Мне твоя противна дерзость.
В жертву богу солнца сам
Всех подруг велю зарезать,
Смерти и тебя предам!»

Розамунда умолкает,
И Хельмихис, замерев,

Страсти пламенем сжигаем,
Шепчет: «Утоли свой гнев!»

И она, как лист осины
Трепеща, берет бокал,
Пьет на радость Альбоину.
Снова тот ее обнял.

IX

В час ночной сидит, вздыхает
Розамунда. Нет ей сна —
Жажда мести грудь сжигает,
Слышит голос вдруг она.

«Словно жизнь, его люблю я,
Ты ж дороже — верь словам.
И за сладость поцелуя
Жизнь его тебе отдам.

Но коль я исполню слово
И уснет он вечным сном,
Стать моею ты готова ль?
Улыбнешься ль вешним днем?

Мы на юг златой уедем,
Солнце ждет и счастье там.
Ах, как манит меня демон
К тем высоким тополям!

О, к своей груди, богиня,
Я прижму тебя, и знай,
Чтоб забыть, навек покинем
Мы жестокий этот край.

С той минуты, как увидел
Я рыдающей тебя,
Боль деля твою, живу я,
И страдая, и любя».

И Хельмихису кивает
Дочь вождя — сбылись мечты...
Поцелуй — и исчезает
Он под сенью темноты.

Еще небо не светлело,
От шатра пошел он прочь;
Хватит слов, уж близко дело,
Все надежно скрыла ночь.

X

Альбоин на царском ложе
Горд, прекрасен, недвижим.
То тоска его тревожит,
То манит фантазий дым.

«Ха! Мне лучше б не рождаться...
Потерял уже коня,
Сил уж нет, чтобы держаться,
Все смешалось вкруг меня.

О, Хельмихис, мой соратник,
Раскали-ка мне стрелу,
Ночь падет пред утром ранним —
Жизнь иль смерть я изберу?!..

Ну, иди! Путь меч проложит,
Не оставят силы нас,
Сонм врагов прорвать поможет
Нам отчаянья экстаз».

— «Грезит... Сколько в нем величья!
Меч вонзить суметь ли мне?..
Как убить того, кто кличет,
Ищет так меня во сне?!..»

— «Ну, Хельмихис, не колеблись!
Подобает сила нам,
Покровитель — мое небо —
И награда ждет нас там».

— «О, награды сладкой бремя,
Призывает к делу нас.
Что ж, на юг мы с ней уедем,
Где нас ждет отрады час».

Меч пронзил глубоко тело...
«Ах, Хельмихис, дорогой!

Поздно. Боль моя смертельна...
Ты ж беги, товарищ мой!..»

XI

Словно молний порожденье,
Горя тяжкого плоды,
Мчат они от преступленья,
Ночь скрывает их следы.

«Стой, Хельмихис!» — и внезапным
Сбит копьем он из седла.
Из кустов виденьем страшным
Тень неслышно подошла.

Пустотой глаза зияют,
И струит волос волна,
Месть ей сердце иссушает, —
То гепидова жена.

— «Розамунда, ты виною,
Умереть я должен здесь.
Боги жертвуют вам мною,
Как богов ужасна месть!

Но я духом к галерее
Стройных тополей взлечу,
Пусть поет листва их, с нею
Легкой песней стать хочу!»

И она в ответ: «Тебе я
Радость не смогу принесть.
Но тебе я благодарна —
За меня свершил ты месть».

Приоткрылись на мгновенье
Губы, и мечты летят
С теплым ветра дуновеньем
В край, где мирры аромат.

«О, приди же, Роземунда!
Путь наш сладок и далек.
Там расскажем о народе,
Чей последний ты залог».

ГАРМОНИЯ

К ЖЕННИ[161]

(См. стр. 490—491)

МУЗЫКА ДУШИ

К ЖЕННИ

Как вилась в моей душе, бывало,
Песен пламенная нить;
Звуки удержать душа желала,
Их моля — не уходить...

«От меня летите вы напрасно,
С вами счастьем дышит грудь,
С вами так привольно, так прекрасно,
Не спешите упорхнуть!

Я из вас дворец себе построю,
Песенный прекрасный мир,
Сотни образов для вас открою,
С вами полечу в эфир!

Будете в моей груди жить вечно,
Услаждать собой мой слух,
Никогда не стихнет жар сердечный,
Мой не охладеет дух!

Трепетные звезды повидаем,
Грудь подставим их лучам,
По родным долинам погуляем,
По далеким небесам!»

А они в ответ, тихонько жаля:
«Даже думать ты не смей,
Чтоб твои нас песни удержали,
Не боимся мы теперь».

«Так останьтесь же, во имя Женни!»
И они остались вдруг:
«Знай, чтó правит нашим приближеньем,
Как мы в твой приходим круг.

Назови ее лишь только имя, —
　Мы тотчас на твой порог.
Не зажечься звуками такими
　Кто бы в целом мире мог!»

ТОСКА

К ЖЕННИ

Вижу я — идет арфист, отринув
　Все заботы по пути,
Если б с ним мне малою долиной,
　Не спеша, пройти,

Где утесы громоздятся
　Вплоть до самых туч. Кругом
Там туманы понизу гнездятся,
　Выше — молнии и гром.

Я тогда на лире заиграл бы
　Под окошком дорогой,
Нечисть злую вновь я отогнал бы,
　Охраняя твой покой:

«Спи, моя родная,
　В грезах золотых,
И во сне внимая
　Звону струн моих.

Ангельские хоры
　Встанут пред тобой,
Синие просторы,
　Звезд блестящий рой.

Там, в зефирах рея,
　Будешь ты играть,
Как младая фея,
　Всем повелевать.

Боги сна умоют
　Маками тебя
И тебе откроют
　Сто картин, любя.

И толпою зыбкой
Полетит их рой,
Будешь ты с улыбкой
Слушать хор ночной.

Духи улетают,
Внемля пенью лир,
Ввысь, где звонко тает
Голубой эфир.

Милой в одеянье
Стаю туч дадут,
Все твои страданья,
Горести уснут.

Услыхав полночный
Сфер высоких хор,
Ступишь на цветочный
Золотой ковер.

Ангелочков нежных
Ты увидишь ряд,
И твой жар мятежный
Тучки охладят.

Будет сердце биться
У тебя вольней,
Взгляд твой загорится
Сотнями огней.

Ты в огне эфирном,
В блеске золотом,
В дивном пенье лирном,
С радостным лицом.

Словно образ божий,
Как прекрасный день,
И к тебе не вхожи
Сумерки и тень.

Сад благоухает,
Песнь звенит кругом,
Радость расцветает
В сердце волшебством.

Радостно, беспечно
Утоляй мечты,
Все твое навечно!»...
Тут проснешься ты.

«Ах, блаженный сон исчез и скрылся,
Сникли радости огни!»
«Милая, твой сон не удалился,
Лишь в себя ты загляни!»

Цитра вновь моя звенит и стонет,
Я с певцом пою опять.
«Ах! Тоска меня к любимой гонит,
Рок велит мне убегать!»

И в тебе как бы воспоминанье
Просыпается на миг:
«Рядом было не его ль дыханье,
Вздох послышался и стих?»

ДВЕ АРФИСТКИ

БАЛЛАДА [162]

(См. стр. 484—485)

К ЖЕННИ

СОНЕТЫ

I

Ах, слова! Вы ложь, пустые тени,
Жизни нет в вас и следа!
В вас ли, мертвых, вылить вдохновенье,
Что приносит дней чреда?
Но презреть ли нам богов решенье? —
К людям гложет их вражда,
И они велят души волненье
В звуках изливать всегда.

Ибо если бы оно восстало
Из глубин души живой,

Ваши все миры оно б объяло,
И самих вас свергло б с трона властно,
Пляской брызгнув огневой,
И над вами встал бы мир прекрасный.

II

И оно лохмотья надевает,
Облик ложный и дрянной,
Слово хладом душу разрывает,
Огневой рожденное рекой;
Горести, стремленья застывают,
Не найдя еще покой,
Лик приняв чужой, они теряют
Счастье быть с тобой.

Ничего не постигают души,
Нас одела скорлупа;
Суть до нас доносится все глуше,
Мысль от нас куда-то убегает,
Так она теперь тупа,
Что в ничто безмолвно исчезает.

III

Для чего же слово для огромной
Огневой любви моей,
Что и скалы силой неуемной
Рушит, всех стихий сильней?
То — души предатель вероломный,
Злой, коварный лиходей,
Раньше это был осадок темный,
Ныне — сущность всех вещей.

Обладал бы сфер я красноречьем
И гармонией громов,
Я любовью огласил бы вечность,
Задрожали бы земные шири,
Ты б укрылась средь лесов,
Молнии гремели б в целом мире...

IV

Дай моей любви лишь облик зримый —
Встанет до небес она.

И тогда пред ней, неодолимой,
   Звезды склонятся, луна,
Океан в очах неугасимых,
   Нету края, нету дна,
Пред огнем ее неохладимым
   Ярость солнца холодна.

Небо голову б пред ней склонило,
   Исчезая в глубине,
Мир моя любовь бы заменила,
Но от горя пороха зарядом
   Вспыхнув, сгинула б в огне,
Расцветя затем прекрасным садом.

К ЖЕННИ

Зазвучит моя лишь лира,
Закипает в сердце кровь,
И богов всесильных мира
Презирать могу я вновь.

Им вместить ли звезд сиянье,
Смочь ли небо им обнять,
Слушать танец мирозданья
И в эфире пировать?

Их дары я отвергаю,
Мне не нужен этот тлен.
Наивысших благ от рая
Не получишь ведь в замен!

Ночи, грез непостоянство
И поток горящий дня,
Не нужны мне их пространства,
Их туман не для меня.

Лишь тебя хочу добиться,
Женни, сладостный кумир,
Высь пусть громом разразится
Или песнею зефир.

Но меж радостью и мною
Вдруг чудовища встают,

Дорогой плачу ценою —
Жизнь души отдам свою.

Упаду опустошенный,
Обессилевший гореть,
Из любви неутоленной
И желанья выпью смерть.

Так красиво, словно ангел,
На груди моей уснуло,
А теперь в тоске стенает,
Потому что обмануло.

Не прильнуть своею грудью
Мне к твоей — ты вдалеке,
Здесь, на севере угрюмом
Жизнь моя пройдет в тоске.

Что меня здесь ожидает?
Пыл сдержать мне трудно свой,
В твое сердце улетает
Добрых духов легкий рой.

Далека ли глубь Вселенной?
Может, скрыли облака?
Ночь и солнца свет нетленный,
И любовь, и зло в веках?

Может, гроты и просторы
Только карликов приют?
И завистливые боги
Молнии насмешек шлют?

Не понятны им желанья,
В робкой что кипят крови?
Не завидуют ли втайне
Скромной радости любви?

Мир наполнить величавой
Песней сердца я мечтал;
Чтоб добиться блеска славы,
Крепость духа штурмовал.

Больше нет воздушных замков
И иллюзий сон разбит,

И тумана дым кровавый
Блеск души моей затмит.

Из глубин его обмана
Призрак бледный восстает,
Час стремительный, желанный,
Как судьба, меня влечет!

Обращусь в ничто со смертью.
Ужас! что найду я там?!
Обрести я должен зрелость,
Словно факел, вспыхнуть сам.

РОМАНС О ГРОБНИЦЕ

Злой ветер свищет, мчатся тучи,
Без звезд печальный небосклон,
И слышится шум ив плакучих,
И воздух молнией пронзен.
О берег бьют волны,
Мятежности полны,
К могиле высокой жемчуг несут,
В прыжке могучем скалы бьют.

Тритоны собрались толпою,
Их раковины — волшебство
Трубят о подвигах героя,
О гневе вечных на него.
Но вот уж темнеет,
И ночь чернеет.
Молчание во всей природе,
Лишь тени пляшут в хороводе.

Из тьмы ужасной, изначальной,
Из сердца мрачного земли
Встал дух; чело его печально,
В очах страданья залегли.
Пред ним встал из бездны,
Словно железный,
Демонов силой вызван на брег,
Заклятьем скован, земной человек.

«Я, дух земли, исполнен боли,
Ковал тебе стальную грудь,
Чтоб крепче дать закалку воле
И душу в солнце окунуть.
Я плакал, страдая,
Тебя рождая,
Я мучился в боли, в вечной борьбе,
Чтоб богом сражений стать в тебе.

Ответь мне, чем же отплатил ты
И чем был я вознагражден?
Всю жизнь лишь на себя взвалил ты
И пал под ней, Наполеон!
Бесплодно сила
В тебе бродила,
Ту землю, которой ты богом стал,
Враждой и злобой опустошал.

Как погасил ты самовластно
Все искры моего огня,
Все было начато напрасно —
Ты отвернулся от меня!
В вечном мученье,
С собой боренье,
Не смог сдержать я слез,
И бросил тебя на скалистый утес.

И это должен все терпеть я
И сына моего губить!
Ведь долгие тысячелетья
Мечтал героя я родить.
Но клятву я богам давал,
В грозу и смерч им обещал —
Коль сын посрамит их приказ надзвездный,
Я от величья столкну его в бездну.

Я сам себя терзать обязан,
Коль сын мой кровный виноват,
Ведь духи слушают наказы,
Что землю с небом единят».
Миры катятся глухо
Пред гневом духа,
По лбу струится горячий пот,
Он жаркими каплями мир зальет.

Открылись мглистые теснины
Средь вешних радостных лугов,
И тени хлынули лавиной,
Соча из ран открытых кровь.
Дух тряхнул кудрями,
Его взглядов пламя
Долетает до дальних стран,
Сеет ужас и смерть, как вулкан.

Герой сжимается пугливо,
Он словом духа устрашен,
И плачет в горе горделивом
В пурпурной мгле Наполеон.
Он хочет, суровый,
Сбросить оковы,
Но как от заклятий освободиться?
И должен он в ничто возвратиться.

Но образ огненно-прекрасный
Спустился вниз из вечных стран,
Спокоен взгляд лучисто-ясный,
Волшебной мощью осиян.
Звучит безмятежно
Голос кроткий и нежный,
В нем ясность, лучезарный свет,
В нем ласка есть, а гнева нет.

«Охвачен гневом ты кипучим,
О, дух! Покой несу я вновь.
Приличен гнев богам могучим,
Я знаю пламя — и любовь.
Коль помчат тебя волны,
Ярости полны,
И сам ты наполнишься гневом кипучим,
В рожденной тобою силе могучей —

Покров поэзии тогда я
Наброшу на дитя твое,
Богов возмездья ослепляя,
Их погружу я в забытье.
Кто ошибку свершает,
Это лира скрывает,
Но что делает душу достойной небес —
То воспою я выше чудес.

Его судил ты прежде смело,
Ведомый клятвою своей,
Но брань лихая откипела,
Зачем же вспоминать о ней?
В заревом сиянье,
В другом упованье
Ему несу я славы венок,
Он — вечных деяний блестящий исток».

Бог света развязал оковы:
Венок возложен на чело,
И бог земли, уж не суровый,
Лишь улыбается светло.
И огнем пламенеет,
В ярком свете рдея,
Герой высоко в облака взлетает
И вечной звездой с высоты сияет.

ПЕСНЯ СИРЕН [163]

БАЛЛАДА

(См. стр. 451—454)

ПЕСНЯ ЭЛЬФОВ

Глядим, играя,
Как пыль, сверкая
В живых лучах,
Как берег лижет
Прибой, как движет
Землей рычаг.

Возник когда-то,
Блестя, как злато,
Могучий дух.
Окинул взглядом
Миров мирьяды,
Парящих вкруг.

Он создал горы,
Морей просторы
И все кругом —
Планет движенье,
И звезд склоненье,
И вешний гром.

И в блеске мира,
И в пляске зефира
Звенит, поет,
В заре рассвета,
В лучи одетый
Весь эльфов род.

Из почек рдяных,
Благоуханных
Они растут.
Потом цветами,
Горя как пламя,
Они цветут.

Голос их — тихий ветер,
Как в звездный вечер,
В глазах — огонек,
Стучит равномерно
Их сердце — верной
Любви залог.

По скалам и утесам,
Каменистым откосам,
Летим, играем,
Чрез поля, кусты,
Огни, цветы
Всегда порхаем.

А вечерами
Мы меж цветами
Ложимся спать;
Пока не проснется
И не улыбнется
Нам день опять.

А коль удастся
Нам в сны пробраться —

Туда летим,
В глазах прекрасной
Мечтой неясной
Всю ночь горим.

Потом улетаем
И запираем
Мы сны в цветы —
С людьми пусть играют,
В них пробуждают
Скорбь и мечты.

ПЕСНЬ ГНОМОВ

Весь день непрестанно
Молотком неустанно
Стучим мы, стучим,
Легко и умело
Ночное дело
Вершим, вершим.

Вы, эльфы, спешите,
По ветру летите —
Что вам до того,
Что земля, скрыв в глубинах
Алмазы, рубины,
Была прежде всего.

Здесь блеск несравненных
Камней драгоценных,
Здесь грезы цветут,
Здесь искры трепещут
И молнии блещут
Ведь здесь их приют.

Алмазы куем мы,
Рубин создаем мы
Искусством своим,
Дворцы вырастают
И к небу взлетают,
Как мы хотим.

Мы снизу считаем
Дни, в пестрой их стае,
Следим их лёт;
Миров паденье
И их цветенье
Пред взором встает.

В глухих долинах,
В страшных глубинах,
Здесь книга лежит,
Миров зарожденье,
Исчезновенье
Их возвестит.

Лишь старцы седые
В глубины земные
Кидают взгляд.
А мы здесь топазы
Находим, алмазы,
Они горят.

Камней не хватает —
И старцы рыдают.
От этих слез
Золотое море
В глубинном просторе
Широко разлилось.

По залам богатым,
Подземным палатам,
Идем мы толпой.
Нам стукнуть лишь стоит —
Ворота откроет
Дворец нам любой.

Порой на лирах
О рожденье мира
Мы все поем.
Взлетает пламя,
И мир над нами
Горит огнем.

ОБРАЗЫ ФАНТАЗИИ

СОНЕТЫ К ЖЕННИ

I

Улетим с тобой далеко,
В дальние края,
Сладкая моя,
Там где горного потока,
В скалы врезавшись глубоко,
Вниз летит струя,
Ярость не тая
Иль вздымаяся высоко.

Мы стоим там, в упоенье
Сладкой радостью мгновенья,
Счастьем мир одет,
Расцветают луговины,
Обливает свет
Эту дивную картину.

II

В ярких залах, огневея
Средь живых огней,
Не боясь теней,
Светится любовь светлее.
Сердце радостней, вольнее,
Тяжких нет теней,
И душе теплей.
Звуки льются не слабея.

Арфою Эола нежной
Вся душа звенит безбрежно,
Звуки ввысь летят,
К трону лучезарной силы,
А потом назад,
К сердцу, что их породило.

III

Коль приляжешь утомленно
Ты средь мхов густых
И цветов живых,

Я, любовью окрыленный,
Сяду рядом, упоенный,
И в очах твоих
Утону в тот миг,
Вновь на песни вдохновленный.

Всех богов я заклинаю,
К нам лучи я призываю,
Звать не устаю —
Вы цветов благоуханье
Влейте в песнь мою
И предвечного дыханье.

IV

Если грудь твоя в томленье
Песнь мою вдохнет,
Что тебя зовет —
Ты заплачешь в упоенье.

Склонишь кудри в умиленье,
Слыша песен взлет,
Звуков хоровод,
Чувствуя мое волненье...

Весь тогда я запылаю,
Вечное тогда узна́ю,
Небо обойму,
И тебя, мечту лелея,
Я к груди прижму,
И земное одолею.

V

Мы вдыхаем духа пламя,
Жизни сладкий цвет,
За любовью вслед
Счастье расцвело над нами,
Порожденное сердцами,
Чей прекрасный свет,
Унося от бед,
В нас зажег надежды пламя.

Падают миры, бледнея,
Но пред нами вновь живее

Новые встают;
Гармонично их горенье,
Словно дух, цветут,
Сфер вращанье — их движенье.

VI

Ах, то сны лишь золотые,
Сердца сладкий бред,
В жизни счастья нет,
Радость скрыли дали злые,
Тени над тобой чужие
И другой рассвет
Шлет тебе привет,
Ветры веют — все иные.

Вижу я тебя лишь тенью,
Ты подобна сновиденью,
Красоту твою
Лишь в фантазии я вижу,
Но, как ни молю,
Ты на миг не станешь ближе.

ДВЕ РОЗЫ

РОМАНС

«Во мхах, боясь мороза,
Сияет ало роза,
Как жаркий огонек;
К ней прислонясь, другая
Головкою качает,
Белее, чем снежок.

Слезой тоски мерцая,
К подруге припадая —
Источник силы в ней;
Волшебные картины
В гармонии единой
Становятся нежней.

И, если пламя гаснет
Дрожит пред бурей властной,

Роняя лепестки,
То снежная сияет,
В небесных звуках тает,
В эфира блеске спит.

Сначала запылает,
Но следом опадает
В могилы мрак глухой...»
Так пел поэт, блуждая
И робко опираясь
На верный посох свой.

СОНЕТЫ К ЖЕННИ

I

Не сердись, моя царица,
Коль признаюсь я,
Правды не тая,
Ведь любовь на крыльях мчится.

Смертным день нередко снится,
Звездные края,
Тихий плеск ручья,
Но все это прочь стремится.

Как грозы напор
Средь скалистых гор,
Все безжалостно ломает,
Из глубин ночных
Мощь встает — и вмиг
Жизнь с любовью сокрушает.

II

Тушат, глушат беспощадно
Наших душ расцвет,
Небывалый свет,
С ненавистью безоглядной.

Все ж мне петь всегда отрадно,
Этим я согрет,

Хоть надежды нет,
Но стремлюсь к любви я жадно.

И не устаю,
Песнь тебе пою,
И любовь моя пребудет
До смертного дня,
Лишь тогда меня
Море, взяв к себе, остудит.

III

И когда душа в томленье
По свету бредет
И мечту зовет,
И в тревогах, и в смятенье
Мысли вечное броженье
Сковывает лед,
Все в ничто идет,
Дух мой погружен в забвенье —

Все не меркнет свет
И не гаснет, нет, —
Все пылает, неустанно —
То моя любовь
Средь туманов вновь
Ищет образ твой желанный.

НАПОМИНАНИЕ ЖЕННИ

Женни, дай мне знак чудесный
И мелодии небес,
И тебя достигнет песня,
Что легко пою я здесь.

ВОЛШЕБНИЦА

К ЖЕННИ

Прекрасный образ чистый,
Сверкающий, лучистый
Живет в душе моей.

Его узнать — влюбиться
И им навек плениться —
  Удела нет славней.

В нем капли нет разлада,
И для теней услада
  Лететь туда, где свет.
Черты лица, как волны,
Гармоний дивных полны,
  И ими мир согрет.

К лицу мечта стремится
И небо, чтоб с ним слиться,
  Из облачных высот.
В нем духа жизнь сверкает,
В нем божий свет сияет,
  В нем высь зовет в полет.

И сам зефир украдкой
Любуется той сладкой,
  Волшебницею той;
Владеет им мечтанье —
Впивать ее дыханье
  И взгляд ее живой.

Все формы тесно свиты
И с высотою слиты
  В сиянье красоты;
В них вечного блаженства,
Мечты и совершенства
  Прекрасные черты.

Привыкшая к свободе,
Живет среди мелодий,
  Свою не зная суть;
Вздымается могуче,
Горит огнем кипучим
  Под нежным флером грудь.

В груди, не зная грусти,
Исполненный предчувствий —
  Звук арфы золотой.
В нем — тайных жил биенье
И в небеса стремленье,
  Погоня за мечтой.

Но вдруг грудь встрепенется,
И сердце вмиг забьется,
В нем света нет следа;
Ей грусть овладевает,
И голову склоняет
Она в тоске тогда.

Тогда, как издалека,
Глядит она высокой
Звездою в небесах;
Огонь вселенной блещет,
И молния трепещет
В сверкающих очах.

Природа оживает:
Зефир ей грусть смягчает,
Улыбку тучка шлет,
Земля, раскрывши недра,
Дарит ей радость щедро,
Цветами дань несет.

Так в кротком обаянье
Стоит она в сиянье,
И локоны ее
Ей обвивают шею,
Пред красотой робея,
Впадая в забытье.

И льется песней сладкой
То, что уста украдкой,
Нечаянно шепнут;
На дивный сон похожи
Те звуки — слово божье,
Они любовь зовут.

Ей божество одело
Вуалью нежной тело,
Вся светится она,
Небесной высотою,
Прекрасною мечтою,
Любовью зажжена.

Да, бог, тебя создавший,
Твой облик изваявший —

В тебя облек мечты,
И небо победило
И землю покорило
В сиянье красоты.

К ЖЕННИ

Кончу плакать, грусти полный,
А печальный сердца стон
Брошу я в седые волны —
Пусть с грозой уходит он.

Достоверность прижимаю
Я к пылающей груди,
Я сомненья забываю,
Радость, радость впереди!

Поглядите! Вам прочту я
Буквы в звездной вышине,
Да, ее любить могу я,
И любовь — в награду мне!

С истиной совсем не схожи,
Слишком вечны те слова!
Женни любит! Боже, боже,
Выдержать могу едва.

Может ли сказать так смело
Смертный? Иль достоин он?
Не напрасно грудь кипела,
Был услышан сердца стон!

Звезды, вспыхните огнями,
Солнце, ярче ты свети —
Мной владеющее пламя
Не под силу вам снести.

Волны! Высоко вздымайтесь,
Налетай, могучий рок,
Раздавить меня пытайтесь,
Чтоб подняться я не мог!

Я перчатку брошу прямо
Вам в лицо, не устрашась,
И с усмешкою упрямой
В бой пойду, вперед стремясь.

Вам любви известно ль пламя,
Душ познали ль вы сродство?
Нет, не вашими цепями
Заковать навек его!

Пусть ваш вал высоко прянет,
Пусть! Несите миру страх!
Но любовь над вами встанет,
Засияет в небесах.

Женни! Страшно жизни море?
В сердце грозный ураган?
Но любовь — то мысль, а горе —
Горе — это лишь туман.

Наш союз — огонь и пламя,
Вечностью он огранен,
Заключен союз сердцами,
Времени не знает он.

Мне упиться дуновеньем
Духа твоего дано,
Для земного лишь — забвенье,
Вечное — навек оно.

Все земное — лишь круженье
Иль журчащая волна,
Лишь любви сопровожденье,
А весь мир — любовь одна!

К ЖЕННИ

СОНЕТЫ

I

Женни! Неужель настало счастье?
Отвечаешь ты любви моей?
Грудь твоя вздымается сильней,

Хоть молчат уста, храня участье.
Гонит из души моей ненастье
    Небо, с каждым часом все сильней,
    Но оно пред красотой твоей
Падает, пред этой дивной властью.

Мрачные туманные виденья,
    Облеченные в ночную тьму,
Вызвали в душе моей смятенье,
Отдали ее во власть туманов,
    Я никак тревогу не уйму
Пред лицом несчастий — великанов.

II

Словно из пучины вод ужасных,
    Из глубин души раздался крик:
    «Ах, любви промчался сладкий миг,
Больше нет гармоний сладкогласных,
Демонов коварных и прекрасных
    Промелькнул и вновь затмился лик,
    Их большой пожар любви возник —
Вновь исчез — любовь не для злосчастных.

Сердце той, что к небу поднялась,
    Что в груди несет огонь небес,
Что виденьем кажется для глаз,
Красоты всесильной поглощенье —
    Не дарит тебе своих чудес,
И твой образ отдан в плен забвенью».

III

А душа понять никак не может,
    Плачет, угнетенная судьбой,
    И бежит, охваченная мглой,
Так ее утрата счастья гложет;
Злоба мира душу не тревожит,
    А стихии ярость — бред больной,
    Где ей, бедной, справиться со мной,
Лишь одно мое смятенье множит —

Падает душа, как в мрак могильный,
    Позабыв навеки вышину,

В жилах затихает кровь бессильно,
Мир покрыт седою пеленою,
Я в волнах бушующих тону,
Потому что нет тебя со мною.

IV

Но она еще звенит и стонет,
Песня из сердечной глубины,
Грустные и радостные сны
Вспоминая, сердце в звуках тонет,
Грусть его к моей богине гонит,
Сердцу крылья дивные даны,
И среди небесной вышины
Песнь моя пускай ее не тронет, —

«Пусть она навеки отвернется,
Я всегда к ней буду обращен,
Буду песню петь, пока поется,
Буду сладким жить воспоминаньем,
Лишь тогда замолкнет сердца стон,
Коль умру я, побежден страданьем».

V

«Слишком высоки ее владенья,
Слишком ярок свет ее очей,
Не достичь — стремиться можешь к ней,
Можешь посвящать стихотворенья.
Но не встретят отклика стремленья,
Только горше станет и больней,
Без ответа быть мечте твоей,
А чудесным снам без воплощенья.

К звездам голубым и золотистым
Можешь ты стремиться из долин,
Видеть дали в отблеске лучистом,
Но бесплоден твой полет орлиный —
Должен оставаться ты один,
И опять звучит напев старинный».

VI

Как я горд — ведь я любим тобой,
И мой разум прояснила ты...

До твоей я поднят высоты,
Бьется твое сердце предо мною...
Я смятенья своего не скрою,
Стали явью давние мечты,
Пред царицей дивной красоты
Робко я склонился головою.

Дух мой стал отважней и смелее,
К делу и к стихам меня зовет,
И теперь войду я не робея
В жизнь, в водоворот ее движенья,
Пусть звучит в мирах мечты полет,
К милой Женни вечное стремленье.

VII

Что ж тебе дрожать перед тенями, —
Породили ложь их и обман,
Жизнь пусть выливает свой дурман,
Тешится позорными страстями —
Где ей высоты изведать пламя
И стремлений вечный ураган,
Боль любви, гармоний океан —
Правит лишь расчет ее шагами.

Но звучит все громче лира. Бьется
Любящее сердце все сильней.
Им под силу с бурями бороться,
Обнимать в просторах отдаленных
И тебя, и скорбь груди моей, —
Вечностей ряды в мирах бездонных.

VIII

Пусть несутся, Женни, спотыкаясь,
Лет ряды, рои червей,
Пусть средь бурь или в тиши ночей
Умирают тысячи, измаясь...
Нам лишь свет блеснет, переливаясь,
Нам дана любовь; спасенье в ней.
Радость будет литься из очей,
Звезды будут нам мерцать, ласкаясь...

Женни меня любит — что границы?
Нас цепям земным не одолеть,

Нам с тобой в единой мысли слиться,
Души, вечного стремленья полны,
Будут вместе без конца гореть,
А червей земных поглотят волны.

К ЖЕННИ

СОНЕТЫ

I

Женни! Смейся! Ты удивлена:
Почему для всех стихотворений
У меня одно названье: «К Женни»?
Но ведь в мире только ты одна
Для меня источник вдохновений,
Свет надежды, утешенья гений,
Душу озаряющий до дна.
В имени своем ты вся видна!

Имя Женни — каждой буквой — чудо!
Каждый звук его чарует слух,
Музыка его поет мне всюду,
Как волшебной сказки добрый дух,
Как весенней ночи трепет лунный,
Тонким звоном цитры златострунной.

II

Именем твоим, страниц не числя,
Тысячи могу заполнить книг
Так, чтоб в них гудело пламя мысли,
Воли и деяний бил родник,
Бытия открылся вечный лик
И весь мир поэзии возник,
И неистощимый свет эфира,
И восторг богов, и скорби мира.

Имя Женни я могу прочесть
В звездной зерни, и зефир небесный
Мне его несет, как счастья весть.

Я навечно буду вновь и вновь
Петь о нем — да станет всем известно:
Имя Женни есть сама любовь!

К ЖЕННИ

СОНЕТЫ

I

Я знаю, что мечтанье
  Божественную грудь живит;
Что душишь ты рыданья,
Что смелые дерзанья
Тебе несут страданья,
  Что каждый тонкий нерв дрожит
  И каждый теплый вздох летит
  И к небу свой полет стремит.

Никто понять не может
  Всю силу властную святых
Тех духов, что тревожат
Тебя, что прилетают
  К тебе из стран чужих,
Любя, чело склоняют.

II

Но, Женни, знай: богами
  Певцу благая власть дана, —
Владеет он сердцами,
Стремленьями и снами,
Твое он знает пламя
  И чем твоя душа полна,
  В тебе какая глубина,
  Куда несет тебя волна.

Иль жить ему, немея,
  И скорбь, и горе испытать,
Боль высказать не смея?
В оковах принужденья
  По каплям кровь терять
И гибнуть от мученья?

III

У нас сердца ведь слиты,
   Твое ли сердце заболит —
То и мое разбито,
И нет ему защиты,
Все радости забыты.
   Тебе ль принадлежит
   То, что в душе горит?
   Так пусть же скорбь молчит!

Пускай горит, сверкает
   Любви святое волшебство,
Пусть гордо расцветает,
Пускай звучит всечасно,
   Лелеять буду я его
В мелодиях прекрасных.

СОЧЕЛЬНИК ПЕВЦА

РОМАНС

На берегу потока,
Задумавшись глубоко,
   Певец младой сидит,
Играют, пенясь, волны,
А он, раздумья полный,
   Мечтою вдаль летит.

«Как ты, поток могучий,
Летящий вдаль вдоль кручи,
   В далекий шумный лес, —
Так радость вся минула,
В потоке утонула,
   И юный жар исчез...

Ночь, с звездными очами,
С таинственными снами, —
   Навек исчезла ты,
И волшебство златое
Ушло туда, в былое —
   И больше нет мечты.

Я помню, сердце билось
И целый день томилось,
Тревогою полно,
Когда же ночь спускалась
И в грезы одевалась,
Стремилось ввысь оно.

Тогда весь мир наш дольный
Широкий и привольный
Волшебной жизнью жил,
И небо ближе было,
И нам оно дарило
Лучи своих светил.

Но не взошла ль, сияя,
Чаруя, увлекая,
Как дальних духов зов,
Открыв очам чудесной
Лазури синь небесной,
Волшебница-любовь?

И не пришла ль богиня,
Чтоб мог я жить отныне
В объятиях весны?
Утишила мученья,
Осуществив стремленья
И сделав жизнью сны?

Но ах! Даря мне счастье
Своею вечной властью,
Сама она — как жаль! —
Всегда полна сомненья,
И взгляд туманит тенью
Бескрайняя печаль!».

К ЖЕННИ

Как колокол звенит
Иль как напев хоральный,
Как некий дух летит
К нам с колокольни дальней,

Там феникс возродился,
Поднялся из огня,
Его призыв разлился,
На сотни стран звеня.

Его могучи крылья...
Им новый дав размах,
Летит он без усилья
В эфирных облаках.

Растет веселье мира,
Огни небес горят,
Звенят кимвал и лира,
Яснее каждый взгляд.

Как, Женни, были ярки
Те дни былых времен,
Когда тебе подарки
Несли со всех сторон.

Ты радовалась долго,
Когда в огнях, зимой,
Рождественская елка
Вставала пред тобой.

Иль из глубин сердечных,
Из сладких сна оков,
Из песнопений вечных,
Надев живой покров,

Поднялся феникс этот
С мелодией в крови,
Из пламени и света,
С приветами любви?

Взлелеянный тобою,
В твоей груди взращен,
Окраской золотою
Сверкнул в лицо мне он.

А я стоял, взволнован,
Как громом поражен,

Любовью околдован,
  Надеждой увлечен.

Как будто сон волшебный
  Меня оцепенил,
И лишь твой взгляд целебный
  От чар освободил.

Прими, о жизнь и сладость,
  Венок стихов моих,
Пусть упоенье, радость
  Сверкнут в глазах на миг!

СОДЕРЖАНИЕ*

* После названия стихотворения указаны страницы, данные Марксом в рукописи. В квадратных скобках обозначены страницы, на которых стихотворения Маркса помещены в томе. *Ред.*

[ТЕТРАДЬ СТИХОВ, ПОСВЯЩЕННАЯ ОТЦУ][164]

СТИХОТВОРЕНИЯ

МОЕМУ ДОРОГОМУ ОТЦУ
К ДНЮ РОЖДЕНИЯ 1837 г.
КАК СЛАБЫЙ ЗНАК ВЕЧНОЙ ЛЮБВИ

К. Г. Маркс. Берлин

Написано К. Марксом в феврале — апреле 1837 г.

Впервые опубликовано в Marx — Engels Gesamausgabe. Erste Abteilung, Bd. I, H!bd. 2, 1929

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

СОДЕРЖАНИЕ*

СТИХОТВОРЕНИЯ

* В квадратных скобках обозначены страницы, на которых стихотворения Маркса помещены в томе. *Ред.*

ПРИЛОЖЕНИЕ:

ПОСВЯЩЕНИЕ

ОТЦУ

I

СОЗИДАНИЕ

Вдаль летит в волнах кипучих
Творческий извечный дух;
Жизней и миров могучих
Сонмы предстают вокруг.
И его магические взгляды
Образов рождают мириады.

Робко времена, пространства,
Сфер созвучных волшебство,
Ночи звездное убранство
Смотрят ввысь на лик его.
Головой отечески кивает
И любовью мир весь озаряет.

Ведая свои пределы,
Вечное течет вперед.
Скоро форма мысль одела,
И поэзия цветет.
И звучит пророческая лира
Из глубин прозрачного эфира.

«Все нежнее звезд свеченье,
Лоно гор миры хранит,
Духа моего прозренья,
Пусть опять вас дух узрит,
Грудь когда раскроется пред вами,
О себе вы ей скажите сами.

Лишь любовь понять сумеет
Мысль заветную мою,
Пусть она в вас пламенеет,
Мой огонь я вам даю.
Гармоничность мир гармоний свяжет,
Лишь душа душе завет свой скажет».

«Вас, как дивную картину,
Мастер создавал в былом,
Возвращайтесь к господину
Ныне в облике ином.
Страсти утопите в человеке,
Он со мной сольется пусть навеки!»

II

ТВОРЧЕСТВО

Жарко творческое пламя
Из груди твоей лилось,
Вскоре с этими огнями
Сердце и мое сжилось.
Арфою златой они звенели,
Пламя сердца нежностью одели.

Слышал я, как в хор сливались
Струй далеких голоса,
Видел: с блеском поднимались,
Опускались небеса.
Поборов в душе моей боренье,
Радость, боль я влил в стихотворенье.

Формой гибкою одета,
Как скала, душа стоит;
Светоч мной зажжен от света,
Что в тебе всегда горит,
Каждый образ с нежностью стремится
Вновь с своим творцом соединиться.

ЛЕСНОЙ РУЧЕЙ

Зашел я в рощу. У ручья
Увидел купы лавров я.
Внизу ручей сверкает
И по скале спадает.

Под лаврами он все журчит
И неустанно вдаль бежит,
Искрится и стремится
С воздушным морем слиться.

Но, мысля высоко скакнуть,
Он бьет скале в седую грудь,
И брызгами тумана
Слетает вниз нежданно.

Так он по роще вдаль бежит
И смерти боль в себе таит,
Но лавр ему украдкой
Сон навевает сладкий.

ВОЛШЕБНАЯ АРФА

БАЛЛАДА

Певец услышал, поражен,
Как будто струн далеких звон,
И мыслит он в смятенье:
«Ах, почему же грудь болит,
И что за песня там звенит —
Плач звезд иль привиденья?»

Вскочил он, слыша дальний звук,
И озирается вокруг —
Вдали сиянье манит:
«Вверх, вниз, певец, иди за мной,
До струн вверху и под землей
Рука твоя достанет!»

Какие выси впереди!
Душа сжимается в груди,
А звуки все слышнее...
За ними он то вверх, то вниз —
Ведь все пути переплелись —
А щеки все бледнее.

Заветный перед ним порог,
Дверь настежь. Песенный поток
Его приподнимает,

Он видит лиру пред собой,
Она, не тронута рукой,
  Как волшебством играет.

Он полон радости, тоски,
Они безмерно глубоки,
  Признанье раздается:
«Не цитру — душу слышу я,
В ней весь я сам, печаль моя,
  Она из сердца льется».

Он слышит горный ручеек
И в бездне мчащийся поток —
  Звучит немолчно лира,
В нем кровь кипит, а песнь звенит.
За песней вслед душа летит,
  Навек уйдя от мира.

ПОХИЩЕНИЕ

БАЛЛАДА

  Вот рыцарь у ворот стоит
  А дева из окна глядит:
«Ах, рыцарь, как мне отсюда спуститься?»
Молчанье вокруг; не алеет денница.

  ««Тебе веревку брошу я —
  Лови — ведь в ней судьба твоя,
  Ты узел завяжи надежно
  И вниз спускайся осторожно»».

«Ах, рыцарь, ах, рыцарь, бегу я, как тать,
Ах, рыцарь, что может меня оправдать?»
  ««Свое лишь берем мы, моя дорогая,
  Нас с пляской теней проводит стая!»»

«Ах, рыцарь, я вниз взглянуть страшусь,
В глазах потемнело, никак не решусь!»
  ««Я жизнь тебе отдал, а ты все не можешь,
  Пустячным страхом себя тревожишь!»»

«Ах, рыцарь, игра опасна твоя,
Но лишь по тебе тоскую я!

Милые залы, я с вами прощаюсь,
Уж с вами я в жизни не повидаюсь.

Другой я силе предана,
Расстаться с вами я должна!»
Нельзя больше медлить, дрожать и томиться,
Пора ей вниз по веревке спуститься.

Еще далеко, далеко до конца,
А взор помутнел, увял цвет лица,
И больше нет сил, разжимаются руки,
На грудь ему падает в смертной муке.

«Ах, рыцарь, меня обними еще раз,
Чтоб в душу мне сладость любви влилась,
Вдохну аромат твоего поцелуя
И в сладком небытии утону я».

И крепко рыцарь держит ее,
К груди прижимает счастье свое,
Они слились душой и устами,
Вдруг смерть и его коснулась крылами.

«Прощай, мой любимый, мой дорогой!»
««Помедли, готов я идти за тобой!»»
Над ними вечное пламя взлетело,
И падают два бездыханных тела.

ТОСКА

РОМАНС

«Ах, почему твой взгляд поблек
И грудь твоя вздыхает?
Тебя как будто гонит рок
И ночь тебя терзает?»

««Мне нужен взор, что полон чар,
Как радуги сверканье,
В котором песня и пожар
И звезд ночных мерцанье.

Я видел этот взор во сне,
Что сон сулит, не знаю,

Но сердце вянет в тишине,
Я смерти ожидаю!»»

«Зачем далекая страна,
Где нет для сердца пищи?
Здесь радостнее бьет волна,
Любовь светлей и чище».

««Здесь нет волны, здесь света нет —
Я вижу — издалека
Мерцает мне волшебный свет,
А здесь мне одиноко!»»

Дрожа всем телом, он глядит
Туда, где край желанный,
А сердце бедное горит,
И пал он бездыханный.

ВЕНСКИЙ ОБЕЗЬЯНИЙ ТЕАТР В БЕРЛИНЕ

I

«Почему, скажите, валит туда народ?
Играет Тальма? Там муз хоровод?»
От бешеных страстей мы хотим передышки,
Комедию там играют — мартышки.

II

Я потихонечку сидел
И на игру зверей глядел.
Актеры природе не изменили
И стены нечаянно оросили...
Вдруг кто-то схватил меня за рукав:
«Я ввек не видел подобных забав:
Какая-то барышня, просто диво,
Упала на грудь обезьяне паршивой.
И шепчет ей так, глаза закрыв:
Какой прекрасный душевный порыв,
Я мучаюсь, я гармонию пью —
Мартышка в душу проникла мою.
Мартышка сердце мое отравила,

Меня к ней влечет магнетической силой,
Какое тебе волшебство дано,
Мне трудно дышать, в глазах темно».

«АРМИДА» КАВАЛЕРА ГЛЮКА[165]

I

Однажды решил я насладиться,
Трат не жалея, повеселиться,
При свете лампы я фрак надел,
В театр — и в первую ложу там сел.
Но как же я просчитался, несчастный,
Бранил и ругал я себя ужасно!
Держал я либретто пред барышней, в скуке,
Шепчу ей: «Совсем замерзли руки!»
Она: «В перчатках было б тепло вполне!»
В ответ: «На нервы они действуют мне».
Затылок и грудь замерзли. «Смотрите,
Покрепче шарф, — говорит, — затяните!»
Я молвил: «В зале нет огня,
От сырого же мяса тошнит меня».
Она: «Чудесный балет, не правда ль?» «Кстати, —
Зевнул я, — а что в «Интеллигенцблатте»?»

II

И звуков меня поглотил океан,
Она усмехнулась: «Ну и болван!»

НОЧНАЯ ЛЮБОВЬ

РОМАНС

(См. стр. 20)

ДОГОВОР О НАЙМЕ

Мадам. Еще что бы хотелось вам? Чтоб без обид!
Прислуга. Все ясно, но вот что всего важнее:
Чтоб мне сохранить клиентуру вернее,
Раз в месяц на чай чтоб ко мне был визит.

СЕНТИМЕНТАЛЬНЫЕ ДУШИ

Они рыдают: теленка забил мясник!
Мычал бедняжка, и вдруг поник!
Они смеются: забавно, о, небеса,
Странна природа — бороды нет у пса!
Без удержу крик — безумия знак,
Валаама ослица ревела вот так!

НОВОМОДНАЯ РОМАНТИКА

Девочка, что Гёте в письме излила свой пыл,
Молила его, чтоб ее любил.
  Однажды в театр какой-то явилась
  И там прекрасным мундиром пленилась.
Он с улыбкой глядит, а она ему вдруг:
«Беттиной, сударь, владеет недуг —
  К вам головку она приклонила б,
  Стремленье духа тем утолила б!»
Мундир отвечает сухо весьма:
«Чего хочет Беттина, не знает сама!»
  Она: «Ну, мышка, не бойся ни крошки,
  В моей голове не водятся вошки!»

СОЛНЦУ ПРАВДЫ (Ф. КВЕДНОВ)

Лампы свет и звезд мерцанье,
Сердца глубь, красы сиянье,
  Бледность щек и душ родство —
Ты их тон и краски смажешь,
Это солнце правды, скажешь,
  Это — просто шутовство!
Можешь солнцем правды зваться тоже,
Только солнце слишком с тенью схоже!

НА РЫЦАРЯ-ГЕРОЯ

Хоть бей, дави — ты не отделишь их,
В одном всегда увидишь ты двоих.
  О модных танцах днем болтает,
  В ночь — древний клоп его сжирает,

МОЕЙ СОСЕДКЕ НАПРОТИВ

Опять она в окно глядит,
О боже мой, душа болит,
Муж — коротышка, желтый дом,
Жена, как жердь — тоска кругом,
Чтоб вдохновенье сохранить,
Я должен шторы опустить.

ПЕСНЯ СИРЕН

БАЛЛАДА

Играют с ветром волны,
Движенья, шума полны,
Их радует простор.
И вечно в них кружится,
Вздымается, клубится —
Сирен прекрасных хор.

Лишь тронут лиру руки —
И сладостные звуки
Несутся в тот же миг;
Земля, сонм звезд — внимают
И тихо подпевают
Чудесной песне их.

В той песне — жар искусства,
Она ласкает чувства,
И внемлющий пленен,
О жизни забывает
И силы он теряет,
В пучине тонет он.

Мир образов нежданных
Встает из волн туманных
В волшебный этот миг,
Как если б спали боги
Без горя, без тревоги
В пучине вод морских.

Вот по волне кипучей
Скользит челнок летучий —

В нем радостный певец.
Его открыты вежды,
Поет он песнь надежды,
Слияния сердец.

Проникли вглубь те звуки,
Наяды, в сладкой муке,
Внимают им сквозь сон.
Звенят и плещут волны
И, восхищенья полны,
Звучат им в унисон.

Но вот он слышит пенье,
Далекое томленье
Божественных сирен.
Они хотят той песней,
Мелодией чудесной,
Певца увлечь, взять в плен.

«Юноша, дивной игрою
Властвуй над морем немым,
Ты, прельщенный высотою,
Музами храним!

Здесь, в дворцах подводных наших
Песнь яснеи слышна,
Нет мелодий наших краше,
Внемлет им волна.

Волны несут их, благоговея,
В омуте кружат,
И становится яснее
Просветленный взгляд.

В круг приди наш вдохновенный
С трепетом в крови,
Танец волн узри священный,
В нем — вся боль любви.

Море мир весь породило,
И когда вокруг
Все неясно, пусто было,
В нем рождался дух.

Небеса глядятся в море,
Звезды в нем горят,
В бесконечном вод просторе
Утопает взгляд.

Там дрожат, трепещут капли,
Чтоб миры обнять —
Дух рождается не так ли,
Чтобы ввысь взлетать?

Если дышишь ты стремленьем
Частью стать всего,
Хочешь ты излиться пеньем
Духа своего —

К нам спускайся, к нам спускайся,
Руки протяни,
Вечным духом проникайся,
В глубину взгляни!»

Они из волн выходят
И хоровод заводят,
До неба достают,
В их взглядах свет и пламя,
И быстрыми руками
Они по струнам бьют.

Что ж юноша? В смятенье
Он плачет, слыша пенье,
И громок сердца стук.
Он с них не сводит взгляда —
В нем счастье и отрада,
Стремленье и испуг.

Он долго размышляет,
Молчит, потом вздыхает,
Но вот он поднял взгляд...
Как бог, он смотрит смело,
В нем дерзость без предела,
Его слова звучат:

«Что радости в пучине? —
Там выси нет в помине,
Богов там вечных нет;

Ваш блеск — одно коварство,
В нем нет от бед лекарства,
А в песнях — тьма, не свет.

В вас нет сердцебиенья,
Высокого стремленья,
Полета к вышине.
В моей груди — там боги,
В боренье и тревоге,
Обмана нет во мне.

Как вы меня поймете
В стремленье и полете,
Иль в гневе и в любви?
В полет, в полет хочу я,
Как молния лечу я,
С мелодией в крови!»

Склоняются сирены
Пред речью вдохновенной,
И голос их утих;
Плывут, печали полны,
Но вот поднялись волны —
Уже не видно их.

УДИВЛЕНИЕ ФИЛИСТЕРА

«Не знаю, как так можно, себя утратить вдруг!
Не будешь ты обкраден, коль застегнешь сюртук».

МУДРОСТЬ МАТЕМАТИКОВ

I

Наша наука значки для всего найдет,
Из разума сделан простой расчет.
Если бог точка, он от цилиндра ра́знится,
Станешь на голову, значит не сядешь на задницу.

II

Коль a любимой будет, любимым — b, друзья,
То головой своею могу ручаться я,
Поставить только стоит в один ряд a плюс b,
И парочка влюбленных заявит о себе.

III

Весь мир они линиями исчертили,
Но только о духе совсем позабыли.
Коль a и b любой решают спор,
То сколь же дешев стал бы приговор!

ВОДЯНОЙ

БАЛЛАДА

1

Вода так странно там журчит,
Кружась, пенясь, куда-то мчит,
Как бьет, ревет волна,
Того не слышит вода.
Сердце и ум ее молчат —
Пускай потоки журчат.

2

Но кто в глубине, в пучине возник?
Там притаился столетний старик.
Месяц взойдет — начинает плясать,
Тянется к звездам опять и опять.
Он прыгает, корчится, он истомлен,
Все ручейки готов выпить он.

3

Волны — убийцы старца того,
Точат и гложут кости его,
Для него, старика, прыжки и скачки —
Словно удары железной руки.
Гримасой боли кривится рот,
Пока ту пляску рассвет не прервет.

4

Вода так странно там журчит,
Кружась, пенясь, куда-то мчит,
Как бьет, ревет волна,
Того не слышит вода.
Сердце и ум ее молчат —
Пускай потоки журчат.

МЕДИКАМ

Филистер-медик! Тебя нет гнусней!
Весь мир для тебя — мешок костей,
Едва водородом кровь охладишь,
Пощупаешь пульс — все в порядке, решишь,
Что надобно, думаешь, сделал все я,
Теперь вполне можно жить в покое,
Господь ведь наш не был дураком,
С анатомией был он отлично знаком!
А каждый цветок тоже будет хорош,
Когда ты его для отвара сожжешь.

ПСИХОЛОГИЯ МЕДИКОВ

Кто на ночь клецек наестся с лапшой,
Кошмар того душит ночной порой.

МЕТАФИЗИКА МЕДИКОВ

Что духа нет и не было ранее,
Доказывает нам быков существование
Пустой обман — о душе вести речь, —
В желудке она нам не попадалась,
А если бы где-то она оказалась,
Ее бы пилюлей могли мы извлечь.
Так, чтоб мигом отлетели
Души, находившиеся в теле.

АНТРОПОЛОГИЯ МЕДИКОВ

Тот, кто к терпенью привыкает,
Он как бы мазь себе в кожу втирает,
И никакой сквозняк
Его не проймет никак!
Можно всего достичь на свете,
Если сидеть на строгой диете,
Тогда лишь познал культуру мир,
Когда изобретен был клистир.

ЭТИКА МЕДИКОВ

Носите в пути побольше рубашек,
И пот вам тогда не будет тяжек,
Остерегайтесь поддаться страсти,
От которой в желудке бывают напасти.
На пламя глядите осторожно —
Глаза опалить огнем ведь можно.
С вином бывает полезна вода,
Молока добавляйте в кофе всегда,
И не забудьте, за нами пошлите,
Когда на тот свет уйти захотите.

ПЕРВАЯ ЭЛЕГИЯ ИЗ «СКОРБНЫХ ЭЛЕГИЙ» ОВИДИЯ

ВОЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД

1

Книжечка, спеши скорее
В многославный город Рим,
Я остался здесь, робея —
Зевса гнев неумолим.

2

Будь в одежде бедной, странник,
В трауре, как автор твой,

Без прикрас — ведь он изгнанник,
Сломан времени грозой.

3

Ты пурпурные одежды,
Цвет фиалки — позабудь,
Ведь без счастья и надежды
Радости не знает грудь.

4

Имя скрой стыдливо-робко,
Кедром не благоухай
И серебряной головкой
Чернь ствола не украшай.

5

Все такие украшенья —
Для счастливых лишь письмен,
А в тебе — мои мученья,
Черной ночи тяжкий плен.

6

На тебя пусть глянут косо —
Но роптать ты не должна,
В рубище, простоволоса,
Пемзою не лощена.

7

В горе ты идешь глубоком,
Тем, вдобавок, смущена,
Что горючих слез потоком
Вдоволь ты орошена.

8

Передай привет священным
Сердцу дорогим местам,

Мне б с тобою, сокровенным
Вслед желаньям и мечтам.

9

Если на тебя кто взглянет,
Тут же вспомнив о былом,
Если спрашивать кто станет
О хозяине твоем —

10

«Жив» — скажи. «А как живется?» —
Ты ни слова им в ответ,
Если только сердце бьется,
Милость тут, добра в том нет.

11

Коль появится желанье
Больше знать — себя вручи;
Только бойся наказанья,
О не должном промолчи.

12

Ты услышишь осужденье,
Я у многих не в чести —
Что же, прояви терпенье,
Очи долу опусти.

13

Пусть тебя сомненье душит,
Промолчи — не нужен спор,
Пламенем огонь не тушат,
А укорами — укор.

14

Может, и со вздохом станет
Кто-то говорить с тобой,
Может, горе затуманит
Взор невольною слезой.

15

Он проявит состраданье
К тяжким бедствиям моим:
«Хоть бы Цезарь упованью
Внял и сжалился над ним!»

16

За того, кто тихо просит
О пощаде божество,
Грудь моя мольбу возносит —
Да минует гром его!

17

Если б боги просьбам вняли,
Чтобы мог я умереть
В граде, что они избрали,
И от молний не сгореть!

18

Передав привет, упреки,
Может быть, услышишь ты,
Что не так изящны строки,
Нет в них прежней красоты.

19

Пусть судья припомнит время,
Что родило этот стих,
Этих обвинений бремя
Пусть он снимет с плеч моих.

20

Ибо полноту искусства
Только радость создает,
Если мрак окутал чувство,
То грозит и музе гнет.

21

Песни все полны тоскою,
Коль в изгнании поэт,

Бурей, морем и зимою
Окружен он, пленник бед.

22

Коль певец в цепях боязни, —
То зачахнет стих любой,
Я же — в ожиданье казни,
Вижу меч над головой.

23

Все же то, что написал я —
Снисходительный прочтет,
Он поймет, что испытал я,
И тоску мою поймет.

24

Погрузи в пучину горя
Меонида * самого [166] —
Он, с угрозой страшной споря,
Чар забудет волшебство.

25

Слава пусть других возносит,
Ты же, скромность возлюбя,
Не стыдись, когда отбросит
Вдруг читатель прочь тебя.

26

Мне со счастьем поздно знаться,
От мечтаний я устал,
Я не стану домогаться
Ни награды, ни похвал.

27

В дни, когда я веселился,
Был я воодушевлен.

* — Гомера.

К суете похвал стремился,
Блеском имени прельщен.

28

Рад я, что могу хоть петь я,
Что мой пыл не охладел,
Песня ведь одна в ответе,
Что печален мой удел.

29

Так иди! Величье Рима
Встретишь ты в конце пути,
Если б, божеством хранимый,
За тебя мог я пойти!

30

Только не мечтай, что тайно
Ты в великий град пройдешь,
И как будто гость случайный
Там пристанище найдешь.

31

Пусть ты будешь без заглавья —
Цвет расскажет все скорей,
Но не избежишь бесславья
Ты, назвавшись не моей.

32

Тихо ты войди, чтоб песня
Вред тебе не нанесла:
Ах, в ней силы нет чудесной,
Что сердца в полон брала.

33

Коль тебя отбросят грубо —
Ибо ты мое дитя —
Мол, читать тебя не любо,
Соблазнишь ты всех, шутя —

34

Скажешь ты: «Смотри názванье,
Уж любви я не учу,
От богов мне наказанье
Вышло; я теперь молчу».

35

Берегись входить ты в залы,
Что поднялись, блеск любя:
Как бы там не увидала
Свита Цезаря тебя.

36

Ведь не знают те чертоги
Господина твоего,
Хоть оттуда гневно боги
Молнью бросили в него.

37

Правда, там же обитают
Боги, кротости полны,
Но, коль громы нас пугают,
Мы боимся и весны.

38

Даже ветра дуновенье
Горлице внушает страх,
Если ей пришлось мгновенье
Быть у ястреба в когтях.

39

Коль из волчьей спасся пасти,
Весь дрожа, ягненок, он,
Новой устрашась напасти,
Все бежит, чуть что, в загон.

40

В высь эфира не взлетал бы,
Фаэтон, останься жив,

И коней не погонял бы
Он, о страхе позабыв.

41

Зевса гнев меня пугает,
Я страшусь его огня,
В небе молния блистает,
Мню: он бьет копьем в меня.

42

Кто утесов Кафарея
Из аргивян избежал,
Тот уж к берегам Эвбеи
Парус свой не приближал.

43

Челн мой бурею разбило;
Плавать уж боится он
В скалах, где его носило,
Прочь от них он устремлен.

44

Так что, книга, будь умнее,
Осторожней оглядись.
Масс приязнь всего вернее,
Незачем стремиться ввысь.

45

Смело крыльями своими
В высь вонзившись, пал Икар,
Хоть свое оставил имя
Морю бурному он в дар.

46

Браться ль за весло должны мы
Или парус поднимать —
Здесь с тобою не решим мы,
Там увидим, как решать.

47

Коль увидишь кротость, ясность
 На возвышенном челе,
Если не грозит опасность,
 Если скрылся гнев во мгле,

48

Если кто с улыбкой станет,
 Книга, на тебя смотреть,
Если руку он протянет,
 То ты можешь не робеть.

49

Знать, судьба уже смягчилась,
 Улыбнулась хоть тебе.
Рана черная закрылась —
 Так воздай хвалу судьбе.

50

Ибо раны исцеленье —
 От того, кто наносил,
Телефу мог излеченье
 Принести один Ахилл.

51

Только яд не подобает
 Лить, спасения ища,
Ведь надежда улетает
 В ночь, пред страхом трепеща.

52

Гнев улегся. Осторожно,
 Чтоб не вспыхнул он опять,
Шаг один ты сделай ложный —
 Мне беды не избежать.

53

Но зато какая сладость
 Оказаться в храме муз,

Там тебе доставит радость
Славы с творчеством союз.

54

Дружною стоят семьею
Много там сестер твоих,
Дивною ночной порою
Создавал, я помню, их.

55

На челе у каждой блещет
Имя гордое, горя.
Творчества огонь трепещет,
И надежды в нем заря.

56

Три стоят поодаль, словно
Черной мглой окружены —
Книги об игре любовной *,
Звуки шуток в них слышны.

57

С ними ты не знайся, либо
Их жестоко упрекни,
Телегона и Эдипа
Повторили грех они.

58

А другое сочиненье
Был огонь пожрать готов —
В нем увидишь превращенья,
Духа путь для всех миров **.

59

Людям, облик изменившим,
Расскажи, как я велел,
Обо всем, со мною бывшем,
Как превратен мой удел.

* *Овидий.* «Искусство любви». *Ред.*
** *Овидий.* «Метаморфозы». *Ред.*

60

Раньше я из чаши счастья
Пил, прильнув к ее краям —
Ныне слезы лью в ненастье,
Но угодно так богам.

61

Что-то затянулись сборы...
Много б я еще сказал,
Но неумолимы Оры,
Мчит вперед за валом вал.

62

Если бы тебе решил я
Все сказать, что давит грудь,
Никогда б не завершил я,
И тебя мог груз согнуть.

63

Путь далек, спеши, прошу я.
Ведь в туманной, серой мгле,
Здесь со скифами живу я
В отдаленнейшей земле.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ СОНЕТ, ПОСВЯЩЕННЫЙ ЖЕННИ

Лишь одно скажу тебе я, Женни,
Радостно я кончил песен ряд.
Затихает мерных волн движенье,
С уст твоих срывавших аромат;
Так и волны времени кипенья
Мимо рощ, лесов, утесов мчат
И, в тебе нашедши завершенье,
Счастливо у ног твоих лежат.

В огненном, широком одеянье,
С сердцем, просветленным до конца,
Сбросив гордо цепи, в мирозданье

Выхожу я твердыми шагами,
Скорбь стираю с твоего лица,
И мечты становятся делами!

БЕЗУМНАЯ

БАЛЛАДА

Танцует женщина в свете луны,
Ее очертанья в ночи видны;
Развевается платье, взгляд горит,
Словно алмаз на скале блестит.

«Тебя, свет-море, жду я,
Тебя обнять хочу я;
Дай мне венок из ивы,
Одень меня красиво!

Рубин тебе я подарю,
В нем жар, которым я горю,
Хороший мой его носил,
Но в бездне моря он почил.

Мои ты песни слышишь?
Пусть волны прыгнут выше,
И ветры плакать станут,
На танец мой лишь глянут!»

Бедняжка к иве подошла,
Венком зеленым обвила,
И странно смотрит на нее,
Внезапно впавши в забытье.

«Качни меня сильнее,
И в море брось скорее,
Сынку венок дарило —
Что ж мать ты обделило?»

Она весь берег обошла,
Для ив — для всех — венки сплела,
Качалась вверх и вниз потом
В безумном танце колдовском.

ДВЕ ПЕСНИ, ПОСВЯЩЕННЫЕ ЖЕННИ

ИСКАЛ

ПЕСНЯ

Я устремился в путь, порвав оковы.
— Куда ты? Мир хочу найти я новый!
— Да разве мало красоты окрест?
Внизу шум волн, вверху сверканье звезд!

— Мой путь, глупец, не прочь из мирозданья;
Эфира звон и диких скал молчанье
Юдоли нам покинуть не дают;
Привет земли нас вяжет сотней пут.

Нет, должен из души моей подняться
Взыскуемый мной мир и с ней обняться, —
Чтоб океан его во мне кружил,
Чтоб свод его моим дыханьем жил...

И я пошел, и я вернулся снова,
Неся миры, рожденные от слова;
Уж заиграл над ними солнца свет,
Но гром ударил — и миров тех нет.

НАШЕЛ

ПЕСНЯ

Что пляшет этот куст в смятеньи диком,
Что тянутся цветы с весенним ликом,
Что небо синий изгибает свод,
Что к облачной горе́ долина льнет?

Чуть шумными крылами воспарю я, —
Уж снова на скале лежу, тоскуя;
Вперяю ль очи я в ночной простор, —
С лучом звезды не может слиться взор.

Потоки жизни, мчитесь чрез пороги,
Ломайте все препоны по дороге,
Свободой золотой опьянены;
О, хаоса безумные сыны!

И снова взор мой полетел, как птица,
Чтобы блаженно, наконец, забыться;
Зачем, зачем ему миров искать,
Когда в тебе он может мир обнять?

КОРОЛЬ ЦВЕТОВ

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ БАЛЛАДА

1

«Эй, человечек в свете дневном,
Цветочным хочешь стать королем?
К подвигу себя готовь —
Алую отдай нам кровь!»

2

««Яркие, бледные цветы
Выпили, выпили кровь молодую.
Отдайте мне царство моей мечты,
В чашечке, в чашечке утону я»».

3

«Кровь твоя, человечек, красна,
Но только сердца где глубина?
Королем цветочным хочешь стать —
Сердце должно в свете солнца сиять!»

4

««Я сердце, сердце свое берегу,
Оно громко стучит и в глазах сверкает,
Сердце я вам отдать не могу,
Иль глаз моих сиянье растает!»»

5

«Человечек, милый, подожди,
Мы расцветем на твоей груди,
Сердце начнет в свете солнца сиять —
Королем ты должен нашим стать!»

6

Человечек дрожит, в душе его жар,
Разорвана грудь багрово-кроваво:
««Вот сердце мое, отдаю вам в дар,
Так где же венец мой и держава?»»

7

«Человечек при свете дневном,
Не можешь цветочным ты стать королем,
Кровь по жилам твоим не бежит,
Пускай хоть сердце твое горит!»

8

Человечек вырвал глаза, изнурен,
И землю скребет руками,
Могилу вырыл глубокую он,
Лежит в ней тихо, как камень.

МОРСКАЯ СКАЛА

Над водой скалы громада
Грозной высится стеной;
Полон гнилостного яда,
Грудь ее грызет прибой.
Глядя в бездну, каменное тело
В судороге тяжкой онемело.

И кипит пучина злая
Годы, годы без числа;
Год за годом изнывая,
Волны гонит прочь скала.
Мох седой покрыл ее вершину,
Рдеют раны сквозь морскую тину.

В полночь слышен шум стенаний:
То скалу в тяжелых снах
Мучит бред воспоминаний
Об умчавшихся веках.
Путник, не ищи сюда дороги:
Там внизу безжалостны пороги!

ПРОБУЖДЕНИЕ

I

Твой сверкающий взор,
Восхищенный и трепетный, —
Как звук растущий струны,
Что прикована к лире
В смутной дремоте, —
Пронзает покров
Священной праночи, —
И вот уж мерцают
Вечные звезды
В кроткой любви.

II

В себя погрузившись,
С бьющимся сердцем,
Ты глядишь в бесконечность
Вечных миров,
Над тобой, под тобой,
Необъятных, безмерных,
Парящих в круженье
Недремлющей вечности,
И, словно атом,
Сливаешься с Целым.

III

Твое пробужденье —
Непрестанный восход,
Твой восход —
Падение вечное.

IV

И когда ударяет
Кипящее пламя
Твоей души
В ее глубину,
Тогда беспредельная,
На крыльях духов,
Возносится с нежным,

Пленительным звуком
Светлая тайна души
Из ее демонической бездны.

V

Твое погруженье —
Непрестанный восход,
Твой непрестанный восход —
Трепетных уст,
Румяных эфиром,
Пламенный, вечный
Поцелуй божества.

НОЧНАЯ МЫСЛЬ

ДИФИРАМБ

Смотри — орлиные крылья в зенит
Подняли тучу большую,
Мечет искры она, грозою шумит,
С утра несет мысль ночную.

Могучая мысль стремит свой полет,
В грозном сверканье молний,
Из страшных глаз кровь струею бьет,
В небесный остов бьют волны.

Вкруг спящей пары тихо эфир
Зажигает факелов пламя;
Оружье гремит, в мгле предвечной мир,
Тучи стон летит над полями.

МОЛИТВА ОТЧАЯВШЕГОСЯ

«Если некий бог, забывший жалость,
Угнетает так, что бед не снесть,
От его миров мне не досталось
Ничего! Одно осталось — месть!

Гордо самому себе отмщу я,
Существу, что правит в вышине,

Даже силу в слабость превращу я,
   Платы за добро не будет мне.

Грозный замок я себе построил,
   Он взметнется в холод, к облакам,
Ужас будет крепостной стеною,
   Боль и мука будут править там.

Если вверх нечаянно кто глянет,
   Пусть назад отпрянет, устрашен,
Пусть внимать лишь зову смерти станет,
   И могилу счастью роет он.

Пусть всевышний громом бьет, надменный,
   Со своей железной высоты,
Пусть мои до тла разрушат стены —
   Вечность, мне их вновь отстроишь ты!»

ТРИ ОГОНЬКА

Вдали горят три огонька,
Как три таинственных зрачка,
В грозу и бурю, в дождь и град
Они горят, всегда горят.

Один стремится к небесам
И счастья кротко ищет там,
Взгляд светит нежно и светло —
Не бог ли дал ему тепло?

Другой к земле лишь устремлен,
Победных лир он слышит звон,
На братьев он глядит своих
И замирает вновь — на миг.

А третий золотым лучом
Горит, не помня ни о чем,
Не смотрит вглубь и в высоту,
Встает, как дерево в цвету.

Неугасимо огоньки
Горят, как яркие зрачки,
Пусть дождь, пусть град, пусть ветер злой —
Блаженны две души в одной.

ЛУННЫЙ ЧЕЛОВЕК

Ты звездный свет в груди храни,
Мерцанье звезд чарует...
Вон лунный человек, взгляни:
Он весело танцует.

Роса — слеза небес — блестит
В его кудрях волнистых,
Падет на луг и зазвенит
В цветах безмолвно-чистых.

Роса блестит, звенит во мгле,
Таят безмолвье дали,
Цветы поведают земле
Небесные печали.

Хоть лунный житель оживлен,
Но скорбь в груди таится,
Ведь в сердце солнца хочет он
Навеки погрузиться.

Он ждет подряд уж много лет,
Следит он сфер круженье,
Грудь полнит песен грустный свет,
Садов, лугов цветенье.

И рощи полнит горем он,
Но вот луга ликуют,
На миг он с жизнью примирен
И весело танцует.

ЛЮЦИНДА

БАЛЛАДА

Шум веселья, песнопенья,
Люди радости полны,
Души всех, без исключенья,
Только счастью преданы.

Все алей, алее щеки.
Стук сердец быстрей, быстрей.

Даже небосвод высокий
Слышит отзвуки речей.

Все здесь в братском единенье,
Дружбою полны сердца,
Нет сословий, разных мнений,
Лишь любовь здесь — без конца.

Только нет веселью воли
И непрочен сердца мир
В час, как из земной юдоли
Мчится ввысь оно, в эфир.

Иль допустят смертных боги
В радости подняться к ним,
Чтоб они, забыв тревоги,
Небо духом мерили земным?

И уже бредет с кинжалом,
Сердце злом ожесточа,
Гость нечаянный по залам,
Слово зависти шепча.

Для невесты был он светом,
Он, как жизнь, ее любил;
Сердце от нее с обетом —
И с любовью — получил.

В бой пошел он, чтоб досталось
Добрым силам торжество,
И победой увенчалось
Скоро мужество его.

Вот, познавши славы сладость,
В город он родной идет,
Где мечта его и радость,
Где любовь его живет.

Видит городские стены,
Радостью охвачен он.
Близко час благословенный,
Явью скоро станет сон.

Вот уже он у порога
Дома — золотой мечты.

Там гостей он видит много,
Окна светом залиты.

А слуга сдержать решился
Гостя, встав пред ним стеной:
«Ты куда же устремился,
Странный человек чужой?»

«Мне Люцинду!» «Коль угодно,
Ты ее легко найдешь,
Свадьба у нее сегодня,
Ты число гостей умножь!»

Чужеземец изумился,
Вестью злой ошеломлен,
Пошатнувшись, прислонился
К косяку дверному он.

«Только в праздничной одежде
В праздничный являйся зал,
Ты переоденься прежде!» —
Так слуга ему сказал.

Он спешит к себе. Смятенье,
Ярость, скорбь в его груди,
Чувство боли, униженья,
Сзади мрак и впереди.

Гневен шаг его суровый,
Яростен его напор,
С петель — дверь, долой засовы,
Входит. Затуманен взор.

Факел из руки дрожащей
У служанки вырвал он,
Влажен лоб, дыханье чаще,
Хоть не слышен тяжкий стон.

Плащ, пурпурною волною
Ниспадающий к ногам,
Сколот брошью золотою,
Кудри вьются по плечам.

На груди, украшен златом,
Прячет он булатный меч.
Славу он добыл булатом,
Милую не смог сберечь.

Не сдержав сердцебиенья,
Он спешит на торжество,
Все сильнее нетерпенье,
Молнии в глазах его.

Лоб то холоден, то жарок...
Входит в светлый он покой,
Слышится жужжанье Парок —
Жертве вслед очередной.

Он идет в тоске, в печали,
В пышной мантии своей,
Ужасом в просторном зале
Он повеял на гостей.

Одинок, как привиденье,
Ходит он, в душе темно,
Хоть повсюду оживленье,
В кубках пенится вино...

Здесь немало дев прекрасных,
Но Люцинда краше всех,
Светом глаз лучисто-ясных,
Грудью, белою как снег.

Все сердца лишь к ней стремятся,
Радости огнем горят,
И не может оторваться
От нее ни мысль, ни взгляд.

А она летит, блистая,
Горем не омрачена,
Стан сгибая, разгибая,
Быстро круг ведет она.

Мимо гостя пролетела —
Он как вкопанный стоит,
И она вдруг погрустнела,
Пурпур спал с ее ланит.

Прочь уходит, не помешкав,
Чтоб от встречи ускользнуть,
Но в ушах звенит насмешка —
Некий бог закрыл ей путь.

Смотрит он суровым взглядом,
Ужас средь гостей растет,
Он становится с ней рядом,
А она стоит и ждет.

Вся тревоги и смятенья
И волнения полна...
Ей уйти бы — но к дуэнье
Прижимается она...

«Что, скажи, с тобою сталось?
Где обеты? Где мечты?
Ты неверной оказалась,
Клятве изменила ты!»

Гости вкруг него стеснились —
Праздник он испортил им, —
Но сейчас же расступились
Перед криком громовым.

«Пусть лишь на себя пеняет
Тот, кто близко подойдет!»
И толпа ему внимает,
В ней сочувствие растет.

«Нет, не будет кровожадным,
Верьте, мщение мое,
Только зрелищем отрадным
Я порадую ее.

Чтобы лучше наслаждаться
Ты могла и к другу льнуть,
И помехи не бояться —
Я уйду. Свободен путь.

Сожаленьям здесь нет места,
Нынче свадьба и моя,
Ночь и кровь — моя невеста,
С ней теперь венчаюсь я.

Только раз дай мне напиться
Светом из твоих очей,
А теперь пора пролиться
Крови бешеной моей!»

Сам себя клинком пронзает,
Что готовил он давно,
Нити жизни обрывает,
И в глазах его темно.

Глухо падает на землю,
В мышцах не осталось сил,
Смерть несчастного объемлет,
Где же бог, чтоб воскресил?

А Люцинда подхватила
Беспощадно — злобный меч
И в себя его вонзила —
Снова крови течь и течь.

Вся в испуге и смятенье,
Видя брызжущий поток,
У нее взяла дуэнья
Кровью залитый клинок.

А Люцинда в содроганье
Падает ему на грудь,
И, припав устами к ране,
Хочет жизнь в него вдохнуть.

Флер, что обвивал так нежно
Величавый, стройный стан,
Кровью был облит мятежной,
Щедро лившейся из ран.

Но людей порывы слабы,
Смерть не могут отогнать,
А не то она могла бы
Жизнь вселить в любимого опять.

Наконец, от дорогого,
Вся в крови, оторвалась,
И толпа, с роптаньем, снова
Ужаснувшись, раздалась.

Как богиня, что решает
Смертью наказать себя,
Взгляд на мужа устремляет,
Отрекаясь, не любя.

И усмешкою презренья
Искривился бледный рот,
Возглас страха и мученья
Горестям конец кладет.

Гости в ужасе бежали,
Прекратилась суета,
И кимвалы замолчали,
В пышных залах пустота.

ДИАЛОГ

Певец стоит одушевлен,
Сжимает крепко цитру он
И струны бьет перстами...
«Как ты поешь, мою песню любя.
Звенишь, будто есть душа у тебя,
Как будто горит в тебе пламя?»

««Ты думаешь, что недоступно мне —
Боренье души и свет в глубине,
И образы, в сердце кипенье?
Они мерцают, как звездочек рой,
Они полыхают, как вихрь огневой,
И только ввысь их стремленье.

Я ощущала весь жар огня,
Когда твое слово звало меня, —
Но я о тебе забывала —
Когда дыханье уст молодых
Из самого сердца глубин дорогих,
Тебя играть побуждало.

И дивный облик тогда возникал,
Он золотом локонов в песне сверкал,
Напевов чудесных полный,
Горело пламя в девичьих очах,

И ты исчезал, утопая в мечтах,
Восторга несли меня волны.

Тот образ в сердце мое проник,
И цвел сильнее каждый миг,
В божественных звуках тая;
Вот тонет, вот всплывает он,
Лазурью неба освещен,
Он словно заря золотая!»»

«Ах, цитра! Что за волшебство —
Родник звучанья твоего,
Как май, он веселится;
Он дыханьем тебя дарит,
В ответ твоя струна звенит
И пляской сфер искрится!

Ты в ней мечту и радость пьешь,
Всю музыку ей отдаешь —
И стынешь одиноко.
Но ты мечтала и жила,
Горела ею и цвела,
А я — я был далеко!»

««Лелею я, певец, мечты,
Достичь стремлюсь я высоты,
И звезд ловлю мерцанье, —
Звенит струна и жизнь скорбит,
Струна звучней — заря горит,
И даль встает в сиянье!»»

СТРАШНЫЙ СУД

ШУТКА

Ах! От этой мертвой жизни,
От хвалы, что там поют,
Я тоскую как от тризны,
Дыбом волосы встают.

Коль получит завершенье
Жизнь с игрою сил ее —

Прекратятся все мученья,
Завершится бытие.

Будем мы, склонясь пред богом,
Аллилуйю распевать,
Пред благим его чертогом
Горе, счастья нам не знать.

Страх берет меня, поверьте,
Как представлю этот час,
Страшно мне на лоне смерти
Слышать грозный трубный глас.

Небеса одни у бога —
Сколько же там душ святых!
Там старух ужасных много —
Время не щадило их.

Их тела могила прячет,
Сверху плесень, снизу гниль,
Души прыгают и скачут,
В пляске поднимают пыль.

Все так тонки и субтильны,
Так эфирны, страх взглянуть,
Ты шнуруй как хочешь сильно —
Стан тебе так не стянуть.

Ну — и тут я, безобразник,
Громче всех хвалу запел,
Богу я испортил праздник,
Он от гнева закипел.

Он архангелу кивает
Гавриилу, ну а тот
Крикуна скорей хватает
И пинка ему дает.

Да, приснится же такое
О последнем судном дне!
Что такое сон? Пустое!
Так простите грех мой мне.

ДВЕ АРФИСТКИ

БАЛЛАДА

«Зачем ты с сердцем, полным песен,
Спешишь упорно в замок тот?
Чем он прекрасен иль чудесен?
Иль там любимый твой живет?»

««Если знаешь, кто здесь обитает,
Что же спрашиваешь ты?
Знай, что им одно лишь обладает —
Власть небесной красоты!

Я его не видела в сиянье,
Только самоцветов вид,
Что огнем украсили то зданье,
Привлекает и манит.

Мнится мне, что в нем и родилась я,
В нем я увидала свет,
Там дыханье юга, трепет счастья,
Нежной родины привет.

Здесь свободней песня молодая,
Грудь вздымается вольней,
И звенит здесь лира золотая
В светлой горести своей.

Но великий мастер мне неведом,
Что мою волнует грудь,
Я не знаю за каким святым я следом
Ввысь сумела заглянуть.

И напрасно с сердцем восхищенным
У ворот закрытых я стою,
Прислонившись к мраморным колоннам,
Песнь любви скорбя пою!»»

И, тряхнувши черными кудрями,
Льет потоки слез немых,
А другая, горяча как пламя,
Поцелуем сушит их.

«Меня такая ж точно сила
Влечет к святилищу тому,

Я в поисках его бродила,
Издалека стремясь к нему.

Но нужно ль горю предаваться?
Не лучше ль будет нам с тобой
Прекрасным видом любоваться,
Плясать над быстрою рекой?

Так будет грудь дышать полнее,
И ближе к избранной черте
Мы будем жить с тобой, лелея
Мечту о дивной красоте.

Давай же в хижине с тобою
Песнь обрученья будем петь,
Чтоб ей таинственной волною
На запад радостный лететь!»

И много дней они прекрасных
Средь сладких звуков провели,
И стаи птичек сладкогласных
Игрой печальной привлекли.

И раз, когда, забыв печали,
Они однажды сном святым
На ложе мягком, мшистом спали,
Явился дивный гений к ним.

Он их на крыльях золотистых
Унес в таинственную высь,
И сонмы звуков нежных, чистых
От хижины туда неслись.

ЭПИГРАММЫ [167]

I

В кресле удобном тупо сидит
Немецкая публика и молчит.
Когда вокруг бушуют стихии
И хмурятся тучи вверху грозовые,
Молния свищет, виясь змеей, —
В ее уме безмятежный покой.

Но только солнце сверкнет в лазури,
Едва утихнет грохот бури,
Встает она, кричит чуть свет,
И пишет книгу: «Конец всех бед».
Фантазии строить она готова
И ищет всех гроз теперь основу —
«Неправильно это произошло,
Иначе бы сделать небо могло.
В мире порядок наладить бы строгий,
Голова чтоб сначала, потом уже — ноги».
И словно ребенок все суетится,
В ветоши старой, как червь, копошится.
Заняться бы лучше ей настоящим,
Землю с небом оставить для пользы вящей.
Они ведь своим путем идут,
А волны спокойно о скалы бьют.

II

ГЕГЕЛЬ. ЭПИГРАММЫ[168]

1

Высшую мудрость открыв и бездны глубин обнаружив,
Стал я важен, как бог, в сумрак закутан, как он.
Долго плыл я — ища — в океане бушующем мысли,
Там я Слово нашел, крепко находки держусь.

2

Я обучаю словам, перемешанным в яростном вихре,
Каждый пусть их поймет, как ему любо понять.
Ведь не стесняют его никакие крепкие путы,
Ибо, словно поэт, что слышит в шорохе волн,
Гулко бьющихся в брег, возлюбленной сладкие речи,
Что он помыслил — познал, что ощутил — то и мысль,
Так пусть каждый вбирает нектар этой мудрости чистой;
Все я пред вами раскрыл, преподнеся вам Ничто!

3

Кант и Фихте в надзвездном эфире
Ищут мир неизвестный во мгле:
Я ж стараюсь и глубже и шире
То понять, что нашел на земле.

4

Простите нас за эпиграммы
И за мелодий мрачных гаммы.
Мы углубились в Гегеля ученье,
И от эстетики его нет избавленья.

III

Однажды немцы, пустившись в путь[169],
До народной победы смогли дотянуть.
Когда же воздали успехам хвалу,
Слова прочитали на каждом углу:
«Повсюду свершилось великое чудо —
Скоро все люди трехногими будут!»
И сразу же грусть затуманила лица,
И сами себя они стали стыдиться:
«О, слишком уж много случилось за раз!
Покоя нас снова зовет милый глас.
А все, что тревожит — оставим мы книгам,
На книги найдем покупателей мигом».

IV

Коль звезды вам дадут в подарок, —
Свет этой бледен, свет той — слишком ярок.
А от солнца либо больно глазам,
Иль слишком уж до́лго свет идет его к нам.

V

Так Шиллеру нужно в упрек поставить:[170]
Не может как следует он позабавить,
Витает всегда где-то там в высоте,
О повседневном не зная труде,
Играет громами и молнией он,
Забыт им совсем обыденный жаргон.

VI

А Гёте любит красоту сверх меры:
Ему милее черни лик Венеры;
Хоть образы из жизни он берет,
Он их возносит до таких высот,

Что все они, их все переживанья
Душевное теряют содержанье.
Нам с Шиллером уж больше по пути:
По крайней мере, у него найти
Мы можем в строчки влитые идеи,
Понять их смысла, правда, не умея.

VII

НА НЕКУЮ ЛЫСУЮ ГОЛОВУ

Подобно молнии, из туч летящей,
Мир озаряющей, блестящей,
Из головы Зевеса без помех
Афина вышла, облачась в доспех.
Высокая ей радость овладела,
Она на голову счастливцу села.
Пусть он в глуби ее не породил,
Хоть на себе ее он поместил.

VIII

ПУСТКУХЕН (ЛОЖНЫЕ «ГОДЫ СТРАНСТВИЙ»)[171]

1

Поэтом Шиллер был хоть куда;
Знал библию он плохо, — вот беда!
В своем он «Колоколе» *, к сожаленью,
Не посвятил ни строчки вознесенью
И тому, как на ослике своем
Въехал в город Христос верхом.
А в драме «Валленштейн» — ведь вот обида! —
Ни слова нет о подвигах Давида.

2

Для женщин Гёте — отвратный дух,
Поскольку не годен совсем для старух.
Природу берет он как таковую,
Церковной моралью ее не шлифуя.
А надо б взять лютеровский катехизис —
Благие стихи из него б получились.
Ах, Гёте, прекрасное делать он мог,
Да жаль, забывал прибавлять: «Сделал бог».

* *Ф. Шиллер*. «Песнь о колоколе». *Ред.*

3

Ошибается тот жестоко,
Кто Гёте так ценит высоко!
Низменны все его стремленья —
Для проповеди где его сочиненья?
Разве есть у него благочестья частица,
Чтоб учитель, крестьянин могли научиться!
Божьей печатью он не означен;
И школьной ему не решить задачи!

4

Историю с Фаустом вам изложу я,
Поэт тут немало напутал, скажу я,
Был Фауст греховен, наделал долгов,
Он был из азартнейших игроков.
А сверху помощи вовсе нет,
Позор его ждет. Как спастись от бед?
И ужас беднягой такой овладел,
Не шутка — ад ведь его удел!
Тогда он подумал о смерти и жизни,
О знанье и гибели в злом катаклизме.
И наболтал об этом так много, страх,
Все в темных и мистических словах.
Украсить бы автору все, что коряво,
И мысль провести: за грехом рыщет дьявол.
А тем, кто спасенья ищет в кредите,
Сказать бы: спасенье души соблюдите!

5

Фауст смеет размышлять в пасхальный день, —
И сатане возиться с ним не лень?
Ведь все равно: кто в пасху размышляет,
Тот сам себя на муки ада обрекает.

6

К тому ж правдоподобья в драме нет:
Ужель полиция спала б так долго?
В тюрьму попасть давно бы Фаусту след:
Ведь он удрал, не уплативши долга!

7

Фауста грех никак не тревожит,
Он для себя жить только может;
В боге сомневался, во Вселенной всей,
Забыв, что их одобрял Моисей.
Зачем его глупая Грета любила —
Лучше б она ему внушила,
Что черти душу его заберут
И скоро наступит страшный суд.

8

«Прекрасная душа» [172] к чему-то годится,
Но ей бы в монашку в очках нарядиться
«Что сделал бог, того лучше нет», —
Так начинает настоящий поэт.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ ЭПИГРАММА НА МАСТЕРА СУЕСЛОВИЯ [173]

Меси пирог свой, не жалея рук,
Лишь подмастерье пекаря ты, друг.
Кем Гёте был? — Ведь каждому понятно,
Что ты не дашь ответ на это внятный,
Ведь ремеслом твоим он даже не владел.
А как же мудрым гением он стать сумел?

ГАРМОНИЯ

Тебе известно ль волшебство,
Что души двух объединяет,
В одно дыханье их сливает
И выявляет их родство?
Они горят чудесно в розе алой,
Их прячет мягкий мох, как покрывало.

Но знай, куда ты ни пойдешь,
Ты с ним не встретишься, с желанным,
Его не свяжешь талисманом,
Его по блеску не найдешь.
Оно от солнца даже не возникло,
К земной же пище вовсе не привыкло.

Оно всегда в себе живет,
Пусть время быстро вдаль стремится,
Пусть Аполлон на колеснице
Замедлит ход... и мир умрет...
Оно в себе могущество взрастило,
Пред ним миров, богов ничтожна сила.

Оно напоминает звук
Какой-то дивной лиры вечной,
Огонь горит в нем бесконечный,
Высоких дум и сладких мук.
В тебе звенят все эти струны дружно...
Прислушайся — нигде искать не нужно.

ИСТЕРЗАННАЯ

БАЛЛАДА

I

В одежде пышной, багряной,
Она у дверей стоит,
Атласный пояс вкруг стана
С изяществом дивным обвит.

И розы с безмолвной негой
Ей в кудри вплела любовь.
Одни — белее снега,
Другие — огонь и кровь.

Но только бледные щеки
Свет роз не красит живой,
Она — как лань, что жестокий
Охотник пронзил стрелой.

Напрасно алмазов сверкает
Мерцающая волна,
От щек ее кровь отливает,
И к сердцу стремится она.

«Опять я должна торопиться,
В веселье пустом утопать,
В танце парить, как птица,
И горе в груди скрывать.

Другое таю желанье
В моей кипучей крови,
Зачем мне огней сверканье
Холодное, без любви?

Сказать, что душу тревожит,
Сказать, что творится со мной,
Одно только небо может —
Язык не знает земной.

Пусть смерти мне выпадет жребий,
Пусть в муках я утону,
Но только бы быть на небе,
Увидеть чудес страну!»

Она в небеса голубые
В слезах вперяет свой взгляд,
И только вздохи немые
О ее мечтах говорят.

Ложится в постель одиноко
С молитвой кроткой своей,
И сон ей владеет глубокий,
И ангел стоит над ней.

II

Минули года над нею,
Ее красоты не любя,
Она стала тише, грустнее
И все углубленней в себя.

Она не в силах бороться
И горе утишить свое,
И сердце бессильно бьется,
И ей не найти забытье.

Однажды она лежала
В постели, не зная сна,
Казалось, уже умирала
От тяжкого гнета она.

Глаза широко раскрыла,
Смятенье в них, пустота,

Она о себе забыла,
Что-то смутное шепчут уста.

Из глаз струится могучий,
Безудержный крови ручей...
И вдруг ей стало лучше,
Свет духа горит пред ней.

«Я вижу, небо открылось,
Душа моя дивно легка,
Надежда осуществилась,
Я к звездам теперь близка!»

Уста безнадежно трепещут,
Душа сыта бытием,
А духи крылами плещут,
Улетая в эфирный дом.

Лишь небо ее манило,
С ним связана прочно она;
Ей жить слишком холодно было,
Земля была слишком бедна.

ЧЕЛОВЕЧЕК И БАРАБАНЧИК

СКАЗОЧКА*

Барабанчик — не человечек, человечек — не барабан.
Барабанчик слишком уж умный, человечек — просто болван.

Барабанчик — он привязан, человечек — он стоит.
Человечек с ног валится, барабанчик все сидит.

И так человечек злится, по барабанчику бьет,
Барабанчик от смеха трясется, человечка от злости трясет.

Человечек строит рожи, барабанчик смеется над ним,
И тогда кричит человечек злобным голосом не своим:

«Эй ты, барабан, барабанчик, что смеешься ты и гремишь?
Издеваешься ты надо мною, ты дразнишь меня и язвишь!

* Написано Марксом на нижненемецком наречии. *Ред.*

Чтó ты ухмыляешься нагло, позор и стыд полюбя?
Ты греми, когда я ударю, и виси, где повешу тебя!

Зачем вырезал из полена я тебя, для какой красоты?
Чтоб ты творил все, что хочешь? Иль сам себя сделал ты?

Ты должен плясать, когда бью я, и греметь, когда я пою,
И плакать, когда смеюсь я, смеяться под пляску мою!»

И грозно кричит человечек и зло барабанчик он бьет,
Его на куски он ломает, из бедного кровь течет.

У барабанчика нет человечка, у человечка исчез барабан,
Идет в монастырь человечек, он принял монашеский сан.

ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ГОРДОСТЬ

Видя залы расписные,
Тяжесть гордых зданий вековых,
Вечные валы людские,
Торопливость бешеную их;

Страшного смятенья полный,
Я спросил — мной овладел испуг:
И тебя захватят волны,
Станет близок этой жизни круг?

Толпам должен я дивиться,
Что на небо дерзко взобрались?
Этой жизни покориться —
Суета с корыстью в ней слились?

Великаны и пигмеи!
Чтó вы? Груды мертвые камней!
Взгляда я для вас жалею,
Вам не дам огонь души моей.

Взгляд мой всю толпу пронзает,
Вдаль пытливо проникает он,
И тоска горячая сверкает,
Зал насмешкой дерзкой поражен.

Всех вас гибель ждет, конечно,
Вы сгниете все в своих дворцах,
Сохраните ль блеск беспечный
Или просто превратитесь в прах.

Что же мы? Нам нет границы,
Горизонт не заграждает путь.
Нам дано вперед стремиться,
Чтоб лишь в дальних странах отдохнуть.

Но мечта неутолима,
Не дает пристанища нам даль.
Пролетают страны мимо,
А в груди лишь мука и печаль.

Что за чудеса пред нами?
Груды щебня. Где ж полет?
Им не ощутить то пламя,
Что из пустоты их создает.

Нет нигде колонн победных,
Что так гордо в высь взвились.
Виден труд улиток бедных,
Камешки здесь тщательно сплелись.

Но душа все мирозданье
Обнимает, воспламенена.
И, не зная состраданья,
Сотни солнц с небес сорвет она.

Вот она летит все выше,
В небеса, до царственных высот.
В глубине богов колышет,
Громы миру меч ее кует.

Вам от встреч не уклониться,
Мысль божественная держит путь.
Коль хотите с ней сдружиться,
То величием зажгите грудь.

Пусть величье то себя поглотит
И само погибнет от того.
Пусть вулканом прогрохочет,
Демоны пусть плачут вкруг него.

Не умрет оно в паренье,
Трон оно воздвигнет для хулы.
Станет торжеством паденье,
И позор достоин похвалы.

Но когда согласно бьются
Светом озаренные сердца
И друг другу признаются:
Хорошо быть вместе до конца.

Душ согласное пыланье
Мир согреет музыкой мечты.
И сердца сольют желанья
По законам вечной красоты.

Если б смел сказать я, Женни,
Что один огонь нам души сжег
И что в них одно движенье,
Что с тобой нас слил один поток, —

Я бы мир весь вероломный
Вызвать мог на беспощадный бой,
Пусть бы он упал, огромный —
Пламя б он не погасил собой!

Словно бог, по мирозданью
Средь развалин шествовал бы я,
Слово каждое — деянье,
Я творец земного бытия!

ПРОГУЛКА

«Зачем ты смотришь на утес,
Что душу так волнует?»
««Сиянье вечера зажглось,
Оно утес целует»».

«Ведь видел ты не раз, не два, —
Что в том, скажи на милость, —
Что солнце поднялось сперва,
А после опустилось?»

««Однажды видел я: закат
В сиянии разлился,
Ее прощальный грустный взгляд
Впитать его стремился.

Мы шли, не ведая тревог,
Наш взгляд вдали терялся,
И на груди ее платок
От ветра колыхался.

Закат был небывало ал,
Лицо ее пылало,
Ее я к сердцу прижимал —
И скоро ночь настала.

И вот стремлю я вдаль свой взгляд
С пустынного откоса,
Она пылает, как закат,
Кивает мне с утеса»».

ПЕСНЯ К ЗВЕЗДАМ

Мирьяды вас, прекрасных,
В лазури голубой,
И образов неясных
Вы создаете рой.

Здесь чистых душ веселье,
Там нежных чувств река,
И словно ожерелье
Здесь горе и тоска.

Лишь к вам подняты вежды
В вечерний тихий час,
В вас детские надежды
И вечность тоже в вас.

Но ах! Вы без тревоги
В ночной горите мгле,
Ведь отказали боги
Навеки вам в тепле.

Горите так вы вечно,
    Но ваш обманчив свет,
В вас кротости сердечной,
    Души горячей нет.

Ваш свет и блеск смеются
    Над нами без конца,
Об вас в томленье бьются
    Бессильные сердца.

Ведем мы с горем войны,
    Тоски не утоля,
И видим, что спокойны
    И небо и земля.

Пусть наш покой исчезнет,
    Пусть смерть нам — и тогда
Ни веточка не треснет,
    Не упадет звезда.

Иначе вы лежали б
    Давно на дне морском,
И вовсе не сияли б
    На небе голубом.

Вы правду говорили б,
    Уйдя от блеска прочь,
И больше не светили б,
    Кругом царила б ночь.

СНОВИДЕНИЕ

ДИФИРАМБ

Я цветущую картину
  Создал бы из легковейных снов,
  Из кудрей ее сплетал бы,
    Сердца кровью напитал бы,
      Только, чтоб в волнах могучих сна
      В пламени была видна она,
Чтоб она была подвижной,
  С ветром пела о любви,

Золотом она блистала б,
Становился б шире тесный дом,
Кудри б веяли, играя,
Деву черным одевая,
И из песен кровь моя рекой
Мрамор орошала бы немой.
Лампа солнцем бы сияла,
Сердце залило бы небосвод.

Падали б вокруг пространства,
Присмирев, к ногам богатыря,
У меня в очах огонь могучий,
Вихрь — он лирой стал певучей,
А из сердца пенье полилось,
Солнце — страсть его, печаль — утес.
Я склонился бы смиренно,
Только гордо б голос мой звучал.

ПЕСНЯ МОРЯКА В МОРЕ

(См. стр. 379—381)

ВОЛШЕБНЫЙ КОРАБЛЬ

РОМАНС

Кораблик летит вокруг света
Без паруса и фонарей,
А палуба мраком одета,
И сломана мачта на ней.

Как мрачен матрос за штурвалом,
Румянца нет на щеках,
Нет мыслей в мозгу усталом,
Нет света в его глазах.

Буря вокруг его стонет,
И судно бьет об утес,
Оно трещит, но не тонет —
Накренилось, вновь поднялось.

И вдруг среди волн мрачно блещет
Багряной крови струя,
Душа рулевого трепещет,
Его словно жалит змея.

А сверху и снизу крики,
О мести духи кричат.
Суров взгляд кормчего дикий,
А волны корабль стремят.

Он видит дальние страны,
Он видит берег чужой,
Но вспыхнет пожар нежданный,
И гибнет он под волной.

БЛЕДНАЯ ДЕВУШКА

БАЛЛАДА

Как дева эта бледна,
Тиха, молчалива,
Душа ее так нежна,
Печальна, стыдлива.

В ней светлого нет уголка,
Лишь волны, волны,
Там только любовь и тоска
В борьбе безмолвной.

Была отрадой сердец,
Красоты небесной,
Невинности образец,
С душою чудесной.

Раз рыцарь мимо летел
На коне горделивом,
Любовью взор кипел,
Могучим порывом.

Она была пленена,
А он уехал,
Его влекла лишь война,
Любовь — лишь помеха.

И радость была далека,
И небо уныло,
Воцарилась в сердце тоска
Без конца, без начала.

А вечер придет к ней в дом
Молчаливо, сурово —
Она падет пред Христом
И молится снова.

Но только облик другой
Пред ней возникает,
С могучей силой такой —
Кто с ним совладает?

«Ведь ты моя навсегда,
Никуда не уйдешь ты,
И небу неискренно, да,
Свою жизнь отдаешь ты».

И ужасом покорена
Она задрожала,
Охвачена мраком, она
Из храма бежала.

Слезами она изошла,
Ломает руки:
«Печаль мне душу сожгла,
Грудь изныла от муки.

Утратила небо я,
Мою усладу;
Душа отдана моя
Не господу — аду.

Но он с головы до пят
Как бог, был прекрасен,
Бездонен был его взгляд,
Могуч и ясен.

И он не взглянул на меня,
Хоть на миг единый,

А я во власти огня
 Теперь до кончины.

Другая к нему прильнет,
 К груди прижмется,
А сердце мое замрет,
 Тревожно забьется...

Я готова была б отдать
 И души спасенье,
Только бы взгляд его нежный поймать,
 Замерев в смущенье.

Небеса — ведь они без него
 Холодны и нищи,
Там печали одной торжество,
 Только скорби жилище.

Здесь бурно поет и шумит
 Волна на просторе,
Ее холод мне грудь остудит
 И сердечное горе».

И она бросается вниз
 В валы ледяные,
И с ней они понеслись
 В дали ночи седые.

Сердце билось любовью немой —
 И вдруг замолчало.
На трепетный взгляд живой
 Пелена упала.

Охладели ее уста,
 Что манили так сладко,
И эфирная красота
 Унеслась без остатка.

Для нее ни листок, ни цветок
 С ветки уж не сорвутся,
И молчат и закат и восток
 И уже не проснутся.

А валы все спешат во мглу
   Беспокойно, сердито,
Вот о выступившую скалу
   Ее тело разбито.

А рыцарь, обнявшись, сидит
   С своей милой прекрасной,
И веселая цитра звенит
   О любви сладкогласно!

СКРИПАЧ

(См. стр. 19—20)

СЦЕНЫ ИЗ ТРАГЕДИИ

ОУЛАНЕМ

Действующие лица

Ouланем — немецкий путешественник.
Лючиндо — его спутник.
Пертини — житель города в горах Италии.
Альвандер — житель того же города.
Беатриче — его приемная дочь.
Вирин.
Порто — монах.

Действие происходит в доме Пертини, перед этим домом, в доме Альвандера и в горах.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Город в горах

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Улица. Оуланем, Лючиндо. Пертини перед своим домом.

Пертини. Синьоры! Полнят толпы чужеземцев
Наш город, воспеваемый молвой,
Их наши чудеса к себе влекут.
Вас приглашаю я к себе — нигде
Гостиницы свободной нет у нас,
И все, что только в силах предложить,
Я предоставлю вам — приязни чувство,
Вас увидав, я сразу испытал.

Оуланем. Спасибо, незнакомец, но боюсь я,
Не слишком ли ты ценишь нас.

Пертини. Нисколько.
Вам не к чему так скромничать, синьоры.
Ouланем. Но мы хотим подольше здесь побыть.
Пертини. Тот день, когда решите вы уехать,
Печален будет для меня.
Оуланем. Спасибо.
Пертини. *(Зовет мальчика.)*
Эй, мальчик! В залу отведи господ,
Им после странствий нужно отдохнуть,
Побыть одним и поменять, конечно,
Тяжелую дорожную одежду.
Оуланем. Идем. Но скоро мы назад вернемся.
(Оуланем и Лючиндо уходят вместе с мальчиком.)
Пертини. *(Один, настороженно оглядывается.)*
Да, это он, и день тот наступил!
Я друга старого не мог забыть,
И память мне отныдь не изменяет;
Но вот теперь я думаю иначе...
Да, это он, тот самый Оуланем,
А память прекратит меня терзать.
Была ты ночью у моей постели,
Со мной спала ты, память, и вставала, —
Да, с человеком этим я знаком,
И есть еще другое, что я знаю,
И все — лишь Оуланем, Оуланем!
То имя — словно смерть, но пусть звучит,
Пока еще живет его носитель.
Да! Это встало из моей души,
Как воздух ясно и как кости крепко,
Я эту клятву вижу пред собой,
Да, я нашел — пусть он теперь отыщет!
Мой план готов, а сердцевина плана
И жизнь его — ты это, Оуланем,
Судьбу, как куклу, хочешь за веревку
Тянуть и с небом в камешки играть?
Богов из ребер создавать своих?
Мой маленький божок, брось роль свою...
Но только реплики моей дождись!
(Входит Лючиндо.)

СЦЕНА ВТОРАЯ

Пертини, Лючиндо.

Пертини. Что вы одни, мой юный господин?
Лючиндо. Я любопытен, старику все старо!

Пертини. Ах! Ваш старик!
Лючиндо. Нет, нет. Когда душа моя,
Хотя б одну глубокую мечту,
Стремленье затаенное питала —
То было лишь — назвать его отцом,
Такой глубокий, вдохновенный ум,
В себя готовый все миры вобрать,
И сердце, полное теплом небесным —
Я думал, нет таких на свете, но
Его узнал я...
Пертини. Как звучит прекрасно,
Когда уста горячие, младые,
Похвалят старших страстно-горячо.
В той похвале — библейская мораль,
История о старцах и Сусанне,
О блудном сыне притча; но позвольте —
Известен вам тот господин, с кем вас
Связал, как кажется, союз сердечный?
Лючиндо. Как «кажется»? Ведь кажимость — лишь сон.
Вы человеконенавистник?
Пертини. Нет,
Я человек.
Лючиндо. Простите, коль обидел!
Вы дружбу проявили к чужеземцу.
Кто к страннику с любовью подойдет,
Тот, значит, не собой лишь ограничен! —
Но нужен вам ответ. Так вот ответ —
Нас связывает с ним союз особый,
Что в глуби сердца нашего был выткан,
Вот так огни двух факелов, сливаясь,
Сиянием сердца их озаряют,
Как будто демоны благие света
Нас выбрали навеки друг для друга.
Его давно, давно уже я знаю,
С тех пор, как есть во мне воспоминанье,
Но как нашли друг друга мы, клянусь я,
Не знаю.
Пертини. Романтично все звучит,
Но это только звук, синьор мой юный,
Звук, что поможет в просьбе отказать...
Лючиндо. Я вам клянусь.
Пертини. Но в чем же вы клянетесь?
Лючиндо. Его не знаю я и все же знаю,
Он прячет тайну глубоко в груди,

Да я ее и знать бы не хотел,
Сегодня — но она влечет меня,
Ведь я себя не знаю.

Пертини. Это плохо.

Лючиндо. Так одинок я, так от всех далек.
Любой бедняк — и он похвастать может
Родителями с праздничной ухмылкой;
Его вскормивших помнит он и все
Былое сберегает. У меня ж
Лишь имя есть — Лючиндо, но я мог бы
И деревом иль виселицей зваться!

Пертини. Чего ж хотите? С виселицей дружбы?
Я вам скажу, как с нею породниться.

Лючиндо. *(Серьезно.)* Зачем пустыми звуками играть,
Коль грудь моя горит?

Пертини. Пускай горит,
Пока не выгорит!

Лючиндо. *(Вспылив.)* Зачем?

Пертини. Да так!
Но я всего лишь скромный обыватель,
Что каждый час так часом и зовет.
По вечерам зовет, чтобы проснуться,
И утром вновь начать считать часы,
Пока совсем не прекратится время,
Не станут черви стрелками часов,
И это вплоть до страшного суда,
Когда Иисус Христос и Гавриил
Всех наших прегрешений список длинный
Прочтут под страшный рев могучих труб,
Поставят нас направо иль налево
И шкуру божьим кулаком проверят —
Чтобы узнать, мы агнцы или волки.

Лючиндо. Меня не вызвать им — я безымянный.

Пертини. Что ж, это рад услышать я от вас!
Но так как я простецкий обыватель,
То мыслями простецкими я полон,
Простыми, словно камень иль песок:
Кто племени не знает своего
И вместе с племенем другим живет —
Он лишь бастард!

Лючиндо. Что ты сказал, опомнись!
Скажи, что солнце черно, месяц — плоский,
И что лучей они не посылают,
За то, что говоришь ты, платят жизнью!

Пертини. Не нужно, милый друг, импровизаций!
Я судорогой нервной не страдаю!
К тому ж бастарды часто столь пышны,
И столь могучей силой расцветают,
И гордо поднимаются до неба,
Как будто знают — создало их счастье,
А не союз безрадостный и рабский!
Бастарды — пасквили, сказал бы я,
Природа — автор; брак сидит на кресле,
С чепцом и атрибутами другими,
В заботах глупое его лицо,
У ног его лежит сухой пергамент
С начертанным проклятием попов,
Глухие залы церкви — перспектива,
На заднем плане — лишь толпа разинь,
И я хвалю бастардов!

Лючиндо. *(Вспылив.)* Хватит, хватит!
Что значит это? Выскажись ясней!
Но и мои слова услышишь ты!
А впрочем, что мне спрашивать тебя?
Не ад ли развернул свои картины,
Не встал ли предо мной сухой скелет,
Уставясь на меня с проклятьем злобным?
Но знай — не безнаказанно ты бросил
Своей бесовской лапою огонь
И грудь мою зажег гореньем грозным.
Не думай, что играешь ты с ребенком
И на головку детскую бросаешь
Победоносно кости. Нет, со мной,
Со мной ты опрометчиво играешь,
Пустился рано ты на откровенность,
Змеиный яд излил свой слишком рано —
И злобу и позор свой ощутив,
Я это все тебе назад швырну,
Глотай свой яд, тогда с тобой сыграю,
А ныне говори — я так хочу!

Пертини. Не Фауст вы, а я не Мефистофель,
Хоть, может быть, вы так вообразили,
Со мной вам эта штука не удастся,
Иду наперекор я вашей воле.

Лючиндо. Ты пожалей себя, не раздувай
Огонь, иначе вспыхнет он,
Да и тебя сожжет.

Пертини. Все это фразы,

Он только вас одних сожжет, поверьте.
Л ю ч и н д о. Меня? Пускай! Ведь кто я для себя?
Но вот тебя я обхвачу руками
И как клещами грудь твою сожму,
Перед двоими пропасть распахнется,
Ты упадешь, а за тобою я,
И прошепчу смеясь — пошли, приятель!
П е р т и н и. Фантазией одарены вы. Видно,
Немало вы мечтали в вашей жизни?
Л ю ч и н д о. Вы угадали, я мечтатель, да!
И правда — что от вас я мог узнать?
Вы видите нас только в первый раз
И все ж меня готовы оскорбить.
Чего же ждать? Чего от вас просить?
Нет ничего у вас, а я зато
Готов теперь за стыд вам отомстить.
Круг очертили вы, и для двоих
В нем тесно — попытайтесь убежать!
Но пусть судьба свой скажет приговор.
П е р т и н и. Читали вы учителю ту сцену,
Из старой взяв трагедии ее?
Л ю ч и н д о. Да, правда, мы трагедию играем.
Ну что ж, пойдем — куда вы захотите!
П е р т и н и. Куда, когда, зачем я захочу?
Увольте!
Л ю ч и н д о. Баба! Дразнишь ты меня —
Но я тебе в лицо скажу — ты баба.
По улицам я это прокричу,
При всех я изобью тебя, коль только
Ты не пойдешь за мной, пытаясь шуткой
Отделаться, где кровь моя бурлит.
Ни слова больше, хоть иди, хоть нет —
Но приговор твой вынесен, мерзавец!
П е р т и н и. *(Вспылив.)* Еще раз это повтори, мальчишка!
Л ю ч и н д о. Хоть тысячу, когда хотите вы,
Чтоб растревожить вашу желчь, чтоб кровь
Из ваших глаз струилась, повторю я.
Да, баба ты, мерзавец — повторил я!
П е р т и н и. Что ж, мы поговорим, вы так и знайте!
Есть место, что связало нас двоих,
И это — ад, не для меня, для вас!
Л ю ч и н д о. Что принялись вы мямлить здесь? На месте
Мы все решим сейчас — и в ад слетев,
Скажите бесам там — я вас послал!

Пертини. Одно лишь слово!
Лючиндо. Для чего слова?
Я вас не слышу, ваше слово — ветер.
Кривляйтесь, как хотите, все равно,
Не вижу я. Оружье принесите,
Пусть говорит оно; мое в нем сердце,
А коль не разобьется...
Пертини. *(Прерывая его.)*
Дерзить не нужно, брось ребячество, мальчишка!
Что можешь потерять ты? Ничего!
Ты просто камень, что с луны упал,
На нем три слога кто-то написал?
Ты знаешь их, они звучат «Лючиндо».
Я против звуков тех пустых и звонких
Не стану ставить честь свою и жизнь.
Иль кровь мою ты хочешь сделать краской
И мной, как кистью, хочешь ты водить?
Нет, наше положение неравно,
И в нашем столкновенье есть ли смысл?
Я есмь, я знаю кто я есмь, а ты кто?
Себя не знаешь ты — тебя и нет!
Хотел бы честь отдать ты мне в залог,
Которой ты, бастард, не ведал даже?
И против полноценной ставки ты
Поставить захотел свою пустышку?
Пусть имя будет у тебя, и честь,
И жизнь — тогда лишь только имя,
И честь и жизнь против тебя поставлю!
Лючиндо. Так вот чем захотел спастись ты, баба,
Так тонко ум твой косный рассчитал?
Как твой расчет хитер, неправда ль, баба?
Но знай, что я итог твой зачеркну
И напишу в итоге слово «баба»,
Я покажу, что ты глупей скотины,
Тебя я перед всеми обесславлю,
Рассказывай потом, и объясняй
Всем дядям, тетям, детям и мужчинам —
Лючиндо я, и так себя зову,
Пусть так меня зовут, а не иначе,
Пусть я таков, а мог бы быть иным,
Пусть даже это «я» не существует
В обычном смысле бытия — пускай.
Зато ты будешь лишь собою — бабой!

Пертини. Отлично. Ну, а что б скажи, случилось,
Когда б тебе я имя дал, да, имя?
Лючиндо. Без имени ты сам — как дашь ты имя,
Ты, только что увидевший меня?
К тому же зренье — лишь обман, лишь стыд,
Что гонится за нами... Пустота...
Пертини. А если б кто-то больше знал, чем видит?
Лючиндо. Во всех ты видишь подлеца — себя.
Пертини. Да, не обманет первый взгляд меня,
Но я тебя не первым взглядом вижу!
Мой взгляд изведал многие глубины...
А вдруг знакомы мы?
Лючиндо. Не может быть!
Пертини. Не правда ли, чудесный есть поэт,
Который любит в жмурки поиграть.
Фантазиями редкими наполнен,
Из жизни рифму хочет сделать он —
А вдруг и жизнь свою он сочинил?
Лючиндо. Я вижу здесь какую-то случайность!
Пертини. Случайность — так философ говорит,
Когда ему служить не хочет разум.
Случайность — это вымолвить легко.
Ведь имя — тоже случай: Оуланем —
Так может зваться всякий, коль иного
Нет имени... Да, имя то — случайность!
Лючиндо. Вы знаете его? Тогда скажите!
Пертини. За что детишек хвалят? За молчанье!
Лючиндо. Противно мне просить вас, — все же я
Вас заклинаю, чем вы дорожите.
Пертини. Отделаться хотите медяками?
Я баба, что же заклинать меня?
Лючиндо. Коль бабой не хотите вы прослыть,
Противное вы делом докажите!
Пертини. Мне наплевать, что б вы ни говорили,
Мне наплевать на вашу доброту.
Лючиндо. На крайности меня вы не толкайте,
Туда, где нет границ, всему конец.
Пертини. Ну что ж, давайте испытаем крайность,
Пускай мой жребий вытянет судьба!
Лючиндо. Так что же, значит, нет нигде спасенья?
Стальная грудь тверда и непреклонна,
Душа насмешкой опустошена.
Она, словно бальзам, впивает яд
И улыбается в последний час,

Последний — для тебя, пойми же ты,
Ты пред Судьей предстанешь через миг,
Так разорви цепь жизненных грехов
Последним, да, последним добрым делом.
Одно лишь слово, как эфир, легко,
Шепни — и все!

Пертини. Все — случай, милый друг!
Я тоже верю в случай, уж поверь мне!

Лючиндо. Напрасно все! Но ты постой, глупец,
Отделаться ты не сумеешь так.
Твой острый взгляд, конечно, обманулся...
Сам подойду к нему я и взгляну
Ему в лицо, ему в глаза вопьюсь я,
Взгляну, как неприкаянный ребенок,
А ты, мерзавец, мне не нужен больше!
(Бросается прочь.)

Пертини. Твоя погибель не пришла пока что,
Но знай, Пертини забывать не склонен.
(Зовет.) Эй, эй, Лючиндо, воротись! Скорее!
(Лючиндо возвращается.)

Лючиндо. Ну что тебе?

Пертини. Вернулся? Хорошо.
Скажи синьору ты о ссоре нашей,
Что вызвал ты меня, но был ты слишком
Любезным и к тому ж благочестивым...
Покайся, извиненья попроси!
И поклонись, и руку поцелуй,
И розгу сам себе покрепче срежь!

Лючиндо. Меня ты вынуждаешь!

Пертини. Все морально.
Все нравственно звучит, как в букваре.
Ты в бога веришь?

Лючиндо. Исповеди хочешь?

Пертини. А ты того ж не требовал? Но ладно,
Ты только мне ответь — ты веришь в бога?

Лючиндо. Что в том тебе?

Пертини. Да ведь не модно это,
И потому хотел я точно знать!

Лючиндо. Не верю я в него, как верят все,
Я просто знаю бога, как себя.

Пертини. При случае поговорим об этом.
Как веришь ты, мне это все равно,
Но коль ты веришь, богом поклянись мне!

Лючиндо. Чтоб я тебе поклялся?

П е р т и н и. Что ни слова,
Ни звука даже не проронишь ты!
Л ю ч и н д о. Клянусь я богом!
П е р т и н и. А чтоб ты не питал ко мне вражды,
Знай, что не так я плох, я прямодушен.
Л ю ч и н д о. Что я тебя люблю, тебя ценю,
Поклясться б я не мог, ты мне поверь;
Мне это не дано, но что прошло —
Пусть будет позабыто навсегда,
Останется тяжелым только сном,
Ушедшим, как все сны всегда уходят,
Его бросаю я в волну забвенья;
Вот в этом лишь клянусь я тем, кто свят,
Кто в жизнь призвал круговорот миров,
Чей взгляд рождает вечность, — им клянусь;
Но ныне заплати за клятву мне!
П е р т и н и. Пойдем — тебя я в тихий угол отведу,
Все покажу — и пропасти средь скал,
Где, как вулканы, зыблются моря,
Где тихий штиль колышется, немея,
И где ряды годов, шумя, проходят —
Когда же буря стихнет, мы тогда —
Л ю ч и н д о. Что? Камни, бухты, черви, ил?
Утесы, скалы высятся повсюду,
Ключи везде шумят, бурлят — сильнее
Иль тише — только что мне в том, скажи?
Везде места таинственные есть,
Что нас, рабов, приковывают цепью.
Они в груди моей умножат бурю,
И если разорвут ее — пускай!
Веди ж меня туда, скорее к цели.
Не медли, не раздумывай, вперед!
П е р т и н и. Пусть только гром утихнет за горами,
И молния очистит грудь, как пламя,
Пойдем туда, где ты увидишь чудо,
Но я боюсь, ты не уйдешь оттуда.
Л ю ч и н д о. Куда угодно я готов пойти,
Лишь к цели бы попасть на том пути!
П е р т и н и. Пошли!

(Оба уходят.)

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Зал в доме Пертини. О у л а н е м *один, сидит за столом и пишет. Вокруг лежат бумаги. Быстро вскочив,*

он прохаживается взад и вперед и внезапно останавливается, скрестив руки.

Оуланем. Все гибнет! Час прошел, недвижны Оры,
И падает пигмеево строенье!
Прижму я скоро вечность к сердцу крепко
И ей людское прокричу проклятье.
А вечность! То не вечная ли боль,
Несказанно-таинственная смерть,
Шедевр, что создан на позор нам,
А мы — шуты лишь только заводные,
Ход времени кривляньем отмечаем.
Живем, чтоб что-нибудь случилось в мире,
И гибнем — надо, чтобы что-то гибло!
Быть нужно тем, чего миры не знают,
И побеждать их боль и скорбь немую
Гигантской мощью страждущей души:
Живою стала смерть — в чулках, в ботинках...
Страданье трав, глухая гибель камня,
И птица, что напрасно ищет звуков
Для жалобы на скорбь воздушной жизни,
Раздор, борьба слепая и стремленье
С себя стряхнуть себя, себя избить —
Теперь на двух ногах стоит все это,
Проклятье жизни глубоко вдыхая;
И мне вплестись в то колесо огня
И в круге вечностей плясать от счастья?
Когда б всепоглощающую бездну
Вне их нашел — я бросился б в нее,
Мир сокрушая между ней и мной,
Он развалился б от моих проклятий,
Я обнял бы глухое бытие,
Оно в моих погибло бы объятьях
И погрузилось бы навек в ничто;
Исчезнуть и не быть — вот жизнь была бы!
А так — в потоке вечности нестись,
Гимн гóря петь творцу, горя́ стыдом,
С проклятьем гордым в онемевшем сердце?
Ликует взгляд, увидев разрушенье,
Сломал бы он миры, что вяжут нас!
Расколоты и связаны навек,
Привязаны мы к глыбе бытия,
Привязаны мы к ней, навек, навек.
Миры, поняв свой рок, катятся прочь
И песню смерти собственной поют,

А мы, мартышки пред холодным богом,
Еще отогреваем мы змею
На полной страсти и огня груди,
Она же вырастает в Облик Мира
И жалит нас с высот недостижимых!
А скучная волна шумит все время,
Чтобы гнусность сделать хуже, в ухо нам,
Но хватит — жребий брошен — все готово,
И лживое разрушено заклятье,
Проклят конец того, что создало проклятье!
(Садится за стол, пишет.)

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Дом Альвандера; сначала перед домом.
Л ю ч и н д о, П е р т и н и.

Л ю ч и н д о. Зачем я здесь?
П е р т и н и. Чтоб женщину увидеть,
И все; когда же в вас она
Вдохнет покой мелодией своей —
Уйдем мы!
Л ю ч и н д о. Что? Меня ведешь ты к девкам?
В тот миг, когда вся жизнь на плечи мне
Ложится горестным, тяжелым грузом,
Когда могуче дышит грудь моя,
Стремясь разрушить самое себя,
И смерть несет любое дуновенье,
Тут — женщина?
П е р т и н и. Зачем вам кипятиться?
И смерть и пламя изрыгать зачем?
Причем тут девки? Вы на дом взгляните —
Похоже ли, что девки здесь живут?
Я ль буду сводника играть для вас
И день для вас я превращу в фонарь?
Зайдите лучше, может быть, найдете
Вы то, чего желаете.
Л ю ч и н д о. Я вижу
Обман, но только склепан он топорно,
Вы от меня хотите ускользнуть,
На миг я вас послушаюсь, но дальше
Вам промедленье жизни будет стоить!

(Они входят в дом, занавес падает, другой занавес поднимается. Комната современная, элегантная.

Беатриче сидит на софе, рядом с ней гитара;
Лючиндо, Пертини, Беатриче.)

Пертини. Я представлю, Беатриче, вам
Приезжего, богатого синьора,
Со мною в отдаленном он родстве!
Беатриче. *(Лючиндо.)* Добро пожаловать!
Лючиндо. Простите! Не могу я слов
И языка найти для чувств моих.
Так редкая волнует красота,
Вздымает кровь и отнимает речь.
Беатриче. В хорошем настроенье вы, синьор,
За настроенье я благодарю,
Не за слова — и что в них толку, право,
Коль говорит язык ваш, а не сердце?
Лючиндо. О, если б сердце говорить могло
И вылить то, что влили вы в него,
Слова бы стали пламенною песней
И вечностью — дыхание любое,
Иль небом, бесконечною страной,
В которой жизнь сверкала б светлой мыслью,
Гармонии и нежности полна,
В своей груди вселенную скрывая,
Эфирной изливаясь красотой —
Оно о вас бы только говорило!
Пертини. Не осуждайте, барышня, его,
Он немец и всем естеством своим
Мелодию и душу источает.
Беатриче. Ах, немец! К немцам благосклонна я,
Ведь я немецкого происхожденья,
Садитесь же сюда, синьор германец!
(Показывает ему место на софе.)
Лючиндо. Спасибо, барышня!
(Тихо к Пертини.)
Пошли, пошли, иначе я погибну.
Беатриче. *(Сконфуженно.)* Сказала слишком много я?
(Лючиндо хочет говорить, Пертини прерывает его.)
Пертини. Довольно лести и похвал, довольно,
Нет, Беатриче, это все пустяк,
Синьору должен я помочь кой в чем.
Лючиндо. *(Смущен, тихо.)*
О чем вы? Вы играете со мной.
Пертини. *(Громко.)* Но вы не беспокойтесь, пустяки,
Мне доверяет барышня на слово,

Не правда ль, Беатриче, пусть побудет,
Пока вернусь я? Будьте осторожны,
Вы чужеземец, глупостей не надо.

Беатриче. Ужель, синьор, я так вас приняла,
Что вы подумали, как будто я
Вас, друга моего большого друга —
И чужеземца, прогоню из дома,
Где каждого охотно принимают?
Не льстите, будьте только справедливы!

Лючиндо. Меня своей вы добротой сразили!
Лишь ангелы так кротко говорят!
Простите, коль увлечены потоком
Неукротимых, гибельных страстей,
Уста сказали то, что неуместно.
Но вы на небо гляньте, что смеется
Из облачной прозрачной высоты,
И на цвета, что выси украшают,
То в свете блекнут, то во мраке тают,
Что слиты мелодично-безмятежно
В картине одухотворенной, нежной
И промолчите... Промолчит ли тот,
Кого заклятьем волшебство влечет?
Кто может с искушением бороться,
Когда уста дрожат и сердце бьется?
Так стонет арфа, тронута слегка
Волшебным дуновеньем ветерка.

Беатриче. О, как умеете вы сладко льстить,
Умеете и яд вы подсластить.

Лючиндо. *(Тихо к Пертини.)*
Проклятый плут и все же — бравый плут,
Что делать мне? Мне уходить пора!

Пертини. *(Громко.)*
Вы на меня взглянули так сурово
За то, что я не дал вам молвить слово,
Вы размечтались, красоту любя,
А я вас, друг мой, вывел из себя.
Но Беатриче полагать могла,
Что вас она серьезно увлекла.
Да, таковы немецкие все шутки —
Легки на вкус, но тяжелы в желудке.
Пошел я!

Лючиндо. *(Тихо.)* Слушай!

Пертини. *(Громко.)* Помните одно:
Желудок — к сердцу иногда окно.

Вернусь и захвачу с собою вас,
Хоть нелегко расстаться вам сейчас.
(Про себя.) Пойду, не то старик мне все погубит,
А этот все забудет, коль полюбит.

(Пертини уходит. Лючиндо смущен.)

Беатриче. Еще раз нужно мне просить вас сесть?

Лючиндо. Коль вы хотите, я охотно сяду!

(Садится.)

Беатриче. Ах, у Пертини странные причуды!

Лючиндо. Он странный, странный, странный человек!

(Пауза.)

Вы, синьорина, цените его?

Беатриче. Ведь он друг дома, старый, добрый друг,
И дружески всегда ко мне расположен;
Но я его порою не терплю,
Он часто груб и часто одержим —
Простите, он ваш друг — каким-то духом,
Что выдает себя, меня пугая,
Как будто с ночью борется в себе он,
Что взгляда дня трусливо избегает,
Боясь открыто спорить — это хуже
Того, что говорит он, хуже даже
Того, что в сердце кроется его.
Но это домыслы, и вам напрасно
Так говорю я — это ведь злословье!

Лючиндо. Вы о своем жалеете доверье?

Беатриче. Когда бы это лишь меня касалось —
Но что я говорю? Вы на доверье
Завоевали ль право? И однако,
Ужели плохо, коль я все скажу,
Что знаю? Это каждому скажу я.
Я знаю ль то, чего не знают все?

Лючиндо. Ах, все! Вам нравятся, конечно, все?

Беатриче. И вам, не так ли?

Лючиндо. Милый, кроткий ангел!

Беатриче. Меня, синьор, страшите вы, что с вами?
И речи ваши быстры и легки!

Лючиндо. Я должен быстрым быть, проходит время,
Что медлить? Промедленье — это смерть.
Скрывать ли мне — ведь это очень странно,
Я вас увидел — как сказать словами,
Мы, кажется, сто лет знакомы с вами,
Из музыки, что я в груди носил,

Живое существо я вдруг открыл,
Как если б нас связал союз духовный,
Что в краткий миг стал жизнью полнокровной!

Беатриче. Да, вас считать чужим — одно мученье,
Хоть быть мы незнакомыми должны,
Наверно мрачных гениев стремленьем
Когда-то были мы разлучены.
Но может, гении другие были,
Они волшебно нас соединили...
И все ж, и все ж, чего-то я страшусь —
За радостью идет так часто грусть!

Лючиндо. Философ сердца дивный вы, поверьте...
Не в силах я сдержаться — ты виновна;
Пусть быстро я и смело поступаю,
Но глубоко тебя я почитаю,
Ах, грудь теснит, все нервы в напряженье,
Что делать мне? Ведь скоро я уеду,
Уеду, разлучусь с тобой, с тобой,
Тогда, миры, летите в пропасть все вы,
Прости, мое дитя, прости ты время,
Что на меня взвалило гнета бремя,
Тебя люблю, клянусь я, Беатриче,
Любовь и Беатриче — то одно,
Одним дыханьем их произношу,
Без них я не живу и не дышу!

Беатриче. Напрасно вы все это говорили,
То — как стихи, они пройдут, звеня,
Когда б мое вы сердце получили,
Конечно, не ценили б вы меня,
Решили б — вот, обычное дитя,
Готовое себя отдать, шутя.
Мелькнет та мысль, и сник уж наш поэт,
Любви и уваженья нет как нет.
Во мне ничто бы не было вам мило,
И с вами б я сама себя бранила.

Лючиндо. Ты, что несешь мне радость и волненье,
Ты в сердце загляни мне без смущенья,
Я не любил еще, любить не мог,
Насмешка надо мною — твой упрек.
Пусть лучше взвешивает все купчина,
Корысть в нем — осторожности причина.
Любовь — соединение всего.
Достигнуты в ней цели всех желаний,
Она — нагрянувшее волшебство,

И места нет в любви для колебаний.
Она луч света в глуби бытия,
И ей гореть, пыланья не тая,
В другом еще возможно колебанье,
Но не в любви, что вся — одно сгоранье.

Беатриче. Кокетство — прочь! И если сердце бьется,
Один огонь из двух пускай зажжется,
Но страх терзает душу в глубине,
Как будто горе угрожает мне,
Мне слышится, с мгновеньем каждым резче,
Какой-то свист, вой демонов зловещий!

Лючиндо. То пламя, неизвестное тебе,
То отступленье прежнего в борьбе,
Так шлет оно тебе привет прощальный
Пред тем, как раствориться в дымке дальной.
Как станешь ты моею, Беатриче?

Беатриче. Отец мне приготовил жениха,
Он ненавистен мне, хоть это грех,
Но верь, я скоро больше расскажу;
Где ты живешь, друг сердца моего?

Лючиндо. Я — у Пертини.

Беатриче. Я пошлю гонца,
Но имя, я уверена, твое,
Как музыка движенья сфер звучит!

Лючиндо. *(Серьезно.)* Меня зовут Лючиндо.

Беатриче. Ах, как нежно
Звучит — Лючиндо. Это имя — мир мой,
Мой бог, моя душа — все для меня.

Лючиндо. Ты, Беатриче, все, вот это правда;
И больше ты, чем все — ты Беатриче.

(Он порывисто прижимает ее к груди, дверь распахивается, входит Вирин.)

Вирин. Что вижу я? Змея ты, Беатриче,
Холодная как мрамор добродетель! Ха!

Лючиндо. Что делаешь ты здесь? Мне это странно.
Взялась откуда эта обезьяна?

Вирин. Юнец проклятый! Ну, поговорим,
И это мой соперник! Человек,
Чей образ к людям ненависть пробудит,
Надутый наглостью мужлан бесстыдный,
Листок бумаги для обтирки перьев,
Герой для смехотворного романа.

Лючиндо. К тому же, как сказал я — обезьяна!
Но постыдитесь здесь браниться так,

Задор ваш, как шарманка, что играет
При балаганах, где шуты дерутся,
Он скоро нужен будет.

Вирин. Поговорим еще с тобой, мальчишка!
Поверь мне, скоро твоего дружка
Я уберу с дороги, Беатриче!

Лючиндо. Молчи! Сейчас с тобою выйдем мы!

(Входит Пертини.)

Пертини. Что тут за крик? Иль вышли вы на площадь?

(Вирину.)

Не каркай, ворон, глотку я заткну!

(Про себя.)

Я вовремя пришел, ведь этот парень
Меня немного недопонял!

(Беатриче падает в обморок.)

Лючиндо. На помощь, ах, в беспамятстве она!

(Склоняется над ней.)

Приди в себя, о сладкий ангел мой!

(Он целует ее.)

Жар у тебя? Она глаза открыла
И дышит. Что случилось, Беатриче?
Не убивай, я от тоски умру!

*(Он поднимает ее, обняв.
Вирин хочет на него броситься,
Пертини удерживает его.)*

Пертини. Друг ворон, подойди, скажу я слово!

Беатриче. *(Слабым голосом.)*
Лючиндо, мой Лючиндо, потеряла
Тебя я прежде, чем приобрела!

Лючиндо. Не бойся, милый друг, ведь я с тобою,
А этого я скоро успокою.
(Относит ее на софу.)
Здесь отдохни. Я отомщу за дерзость.
Святое место осквернит ли мерзость?

Вирин. Пойдем поговорим.

Пертини. Что ж, поспешим,
Я секундантом буду вам двоим!

Лючиндо. А ты, дитя, совсем спокойна будь.

Беатриче. Прощай.

Лючиндо. Прощай.

Беатриче. *(С глубоким вздохом.)*
О как трепещет грудь!

Занавес. Конец первого действия.

ГЛАВЫ ИЗ ЮМОРИСТИЧЕСКОГО РОМАНА

СКОРПИОН И ФЕЛИКС

КНИГА I

ГЛАВА 10

Далее следует, как мы и обещали в предыдущей главе, доказательство того, что указанная сумма в 25 талеров принадлежит лично господу богу.

Эти деньги бесхозны! О, высокая мысль: не власть какого-либо человека обладает ими, а лишь высшая власть, которая царит над облаками, объемлет вселенную, и, следовательно, также и указанные 25 талеров, она осеняет своими крылами, которые сотканы из дня и ночи, из солнца и звезд, из гигантских гор и бесконечных песчаных пустынь, звучащих, как гармония, как шум водопада, куда не достает рука смертного, она осеняет этими крылами и упомянутые 25 талеров и — но я не могу продолжать, глубины моей души взволнованы, я вглядываюсь во вселенную и в самого себя и в указанные 25 талеров (какая субстанция заключена в этих трех словах! Их местонахождение — бесконечность, они звучат, как ангельские голоса, они напоминают о страшном суде и о государственной казне), ибо — именно Грету, кухарку, Скорпион, возбужденный рассказами своего друга Феликса, увлеченный его пламенной мелодией, побежденный своими свежими юношескими чувствами, прижимает к своему сердцу, предчувствуя, что найдет в ней фею.

Отсюда я заключаю, что феи носят бороды, ибо на лице Магдалины Греты, в отличие от кающейся Магдалины, красовались, как у славного воина, бакенбарды и усы, нежные бакенбарды, завиваясь, льнули к чудно выточенному подбородку, который, подобно утесу на пустынном море — но люди замечают его издалека — великаном возвышался на этом лице, похожем на плоскую тарелку с жидкой похлебкой, гордо сознавая

свое величие, прорезая воздух, вызывая волнение среди богов и потрясая людей.

По-видимому, богине фантазии приснилась усатая красотка, и она затерялась в волшебных просторах ее широкого лица, а когда проснулась, то оказалось, что ужасный сон приснился самой Грете: будто она великая вавилонская блудница, откровение Иоанна Богослова * и божий гнев, будто бог вырастил колючее жнивье на коже, избороржденной нежными линиями волн, чтобы ее красота не вовлекала в прегрешения и чтобы ее юность была защищена, как роза шипами,

чтобы мир
это знал
и по ней любовью не сгорал.

ГЛАВА 12

«Коня, коня, престол мой за коня», — сказал Ричард Третий **.

«Мужчину, мужчину, меня самое за мужчину», — сказала Грета.

ГЛАВА 16

«В начале было Слово, и Слово было у бога, и Слово было бог и Слово стало плотию и обитало с нами, и мы видели славу его» ***.

Невинная, прекрасная мысль! Однако ассоциации идей повели Грету дальше, она решила, что Слово живет в бедрах, как Терсит у Шекспира, что кишки Аякса живут в ее голове, а его разум в его брюхе ****, и она, Грета, а не Аякс, осознает и разумеет, как Слово стало плотью, она увидела в бедрах его символическое выражение, заметила их славу и решила — их помыть.

ГЛАВА 19

Но у нее были большие голубые глаза, а голубые глаза тривиальны, как вода Шпре.

Глупая, тоскливая невинность сквозит из них, невинность, которая жалеет самое себя, водянистая невинность; когда к ней приближается огонь, она поднимается ввысь в виде серого пара, а больше за этими глазами нет ничего, весь их мир — голубой,

* См. Библия. Новый завет. Откровение Иоанна Богослова, 17. *Ред.*

** *Шекспир.* «Ричард третий». Акт 5, сцена четвертая. *Ред.*

*** Библия. Новый завет. Евангелие от Иоанна, 1, 1 и 1, 14. *Ред.*

**** *В. Шекспир.* «Троил и Крессида», акт 2, сцена первая. *Ред.*

их душа — это синильщик *; зато карие глаза — это идеальное царство, бесконечный, полный духов ночной мир дремлет в них, молнии души вспыхивают в них и их взоры звучат как песни Миньон **, как далекая нежная знойная страна, в которой живет богатый бог, наслаждающийся своей собственной глубиной, бог, который, погрузившись в космос своего бытия, излучает бесконечность и страдает от нее. Мы чувствуем себя связанными, словно волшебством, мы хотели бы прижать к нашей груди это мелодичное, глубокое душевное существо, упиться духом из его глаз и создавать песни из его взглядов.

Нам нравится роскошно волнующийся мир, который раскрывается перед нами, мы видим на заднем плане гигантские солнечные мысли, мы предчувствуем демонические страдания, и нежно движущиеся фигуры ведут перед нами хоровод, кивают нам и пугливо, как грации, отступают назад, как только мы их узнаём.

ГЛАВА 21

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗДУМЬЯ

Феликс не слишком нежно вырвался из объятий своего друга, потому что он не подозревал его глубокой, полной чувств природы и был как раз занят продолжением... своего пищеварения, которому мы сейчас раз и навсегда предложим поставить завершающий, ключевой камень его великолепного действия, поскольку оно задерживает наше повествование.

Так подумал и Мертен, ибо могучий удар, который ощутил Феликс, был нанесен именно его широкой исторической рукой.

Имя *Мертен* напоминает Карла Мартелла ***, и Феликс решил, что он действительно ощутил ласку молота; с такой приятностью было связано электрическое потрясение, которое он ощутил.

Он широко раскрыл глаза, закачался и подумал о своих грехах и о страшном суде.

А я размышлял об электрической материи, о гальванизме, об ученых письмах Франклина к его геометрической подруге и о *Мертене*, ибо меня терзает любопытство, мне очень хочется открыть, что может скрывать за собой это имя.

Что этот человек по прямой линии происходит от *Мартелла*, несомненно — пономарь уверил меня в этом, хотя в этой фразе и отсутствует всякое благозвучие.

---

* В оригинале игра слов: «Blaufärber» — означает: «синильщик» и «враль». *Ред.*

** *Гёте*. «Годы учения Вильгельма Мейстера». *Ред.*

*** Мартелл — молот. *Ред.*

Л превращается в Н, а поскольку *Мартелл* — англичанин, как знает всякий человек, сведущий в истории, а в английском «а» часто звучит как немецкое «э» долгое, которое совпадает с кратким звуком «э» в слове Мертен, то *Мертен* вполне может быть измененной формой слова *Мартелл*.

Отсюда следует заключить, что, поскольку у древних германцев имя, как видно из таких эпитетов, как Круг, Риттер, Раупах, Гофрат, Гегель, Цверг *, выражает характер своего носителя, Мертен, видимо, является богатым, честным человеком, хотя по своему ремеслу он портной, а в этой истории он отец Скорпиона.

Это последнее обстоятельство позволяет выдвинуть новую гипотезу, ибо поскольку он, с одной стороны, портной, а с другой стороны, его сын называется Скорпион, то оказывается вполне вероятным, что он происходит от бога войны Марса (родительный падеж *Мартис*, греческий винительный падеж — *Мартин*, а отсюда *Мертин* и *Мертен*), ибо ремесло бога войны — это кройка, поскольку он отрезает руки и ноги и потрошит земное счастье.

Далее, Скорпион — это ядовитое существо, убивающее взглядом, раны, нанесенные им, смертельны, его взгляд уничтожает — прекрасная аллегория войны, взгляд которой уничтожает, в результате которой появляются рубцы, которые изнутри кровоточат и больше не могут быть излечены.

Однако, поскольку Мертен обладал не слишком языческим характером, а напротив, был настроен весьма по-христиански, кажется еще вероятнее, что он происходит от святого *Мартина;* небольшая перемена гласных дает «*Миртан*», а «и» часто звучит в устах простого народа как «е», например, говорят «Гиб мер» ** вместо «Гиб мир», а поскольку «а» в английском языке, как уже отмечалось, часто преобразуется в «э» долгое, которое с течением времени легко становится «е» кратким, особенно при росте культуры, то имя *Мертен* возникает совершенно естественно и означает портного-христианина.

Хотя эта этимология совершенно правдоподобна и глубоко обоснована, мы не можем не подумать еще об одной, которая очень ослабляет нашу веру в святого *Мартина;* впрочем, он мог бы быть принят только в качестве патрона-покровителя, ибо он, насколько мы знаем, никогда не был женат, так что не мог иметь мужского потомка.

---

* Круг — кружка, кувшин; Риттер — рыцарь; Раупах — улитка; Гофрат — надворный советник; Гегель — бык; Цверг — карлик. *Ред.*

** Дай мне. *Ред.*

Это сомнение, кажется, рассеивается следующим фактом. Вся семья *Мертенов* имела то общее свойство с Уэкфильдским священником *, что ее члены сочетались браком при первой же возможности, т. е. преждевременно, и из поколения в поколение украшалась *миртовыми* ** венками, из чего одного, прибегая к чудесам, следует объяснить, что *Мертен* родился и появляется в этой истории в качестве отца Скорпиона.

Слово *Мирты* (Myrthen) вынуждено было потерять «h», поскольку при заключении брака выступает на первый план «Eh», а «he» *** пропадает, в результате чего из слова Myrthen получилось Myrten.

Буква «y» — это греческое «υ», а вовсе не немецкая буква. А поскольку, как уже было сказано, семья *Мертенов* была чисто немецким коренным родом, и вместе с тем очень христианской семьей портных, то иностранное, языческое «y» должно было превратиться в немецкое «i», и поскольку брак является господствующим элементом в этой семье, а «i» — это пронзительный, кричащий гласный, хотя *Мертенские* браки были очень нежны и кротки, то это «i» превратилось сначала в «eh», а потом, чтобы смелое изменение не слишком бросалось в глаза, в «e», краткость которого свидетельствует о решительности при заключении брака, так что слово «*Myrthen*» в немецком многозначном слове «*Мертен*» нашло высшую форму завершения.

После этого вывода мы могли бы связать христианского портного, святого *Мартина*, высокий дух *Мартелла*, быструю решимость бога войны *Марса* с заключением брака, что вытекает из обоих «e» в слове «*Мертен*», так что эта гипотеза объединяет в себе все предыдущие и одновременно опровергает их.

Другого мнения придерживается схолиаст, который с большим прилежанием и неустанным напряжением написал комментарий к старинному историку, из произведения которого почерпнуто наше повествование.

Хотя мы не можем согласиться с его мнением, оно заслуживает все же критической оценки, поскольку родилось в душе человека, который с громадной ученостью связал большое умение в деле курения, чьи пергаменты окутаны священными парами табака, т. е. наполнены ора́кулами пифийского одушевления, почерпнутого в парах фимиама.

Он полагает, что слово «*Мертен*» происходит от немецкого слова «Mehren» ****, которое, видимо, происходит от слова

* См. *О. Голдсмит.* «Уэкфильдский священник». *Ред.*
** Мирт — символ брака. *Ред.*
*** Игра слов: «Eh» — значит «эге», «he» — «эй», а «Ehe» — «брак». *Ред.*
**** — увеличение, умножение. *Ред.*

«Meer» *, потому что браки *Мертенов* «умножились», как песок «*на море*», и далее, поскольку в понятии портного содержится понятие «увеличителя», поскольку он делает людей из обезьян. На этих основательных и глубокомысленных исследованиях построил он свою гипотезу.

Когда я ее прочитал, меня охватило какое-то головокружительное изумление, табачный оракул увлек меня, но скоро проснулся холодный четко мыслящий рассудок и выдвинул следующие контраргументы.

В понятие увеличителя, которое, как я могу согласиться с указанным схолиастом, может быть во всяком случае включено в понятие портного, ни в коей мере не может включаться понятие уменьшителя, потому что это есть contradictio in terminis **, то есть, объясняем для дам, то же самое, что включить понятие господа бога в понятие черта, понятие остроумия в понятие чайного общества, понятие самих дам в понятие философов. Но когда слово «Mehrer» превратилось в «Merten», то слово, очевидно, уменьшилось на букву «h», т. е. не увеличилось, что, как доказано, противоречит по существу его формальной природе.

Таким образом, «Мертен» вовсе не может происходить от «Mehren», а то предположение, что это слово происходит от «Meer», опровергается тем фактом, что семьи *Мертенов* никогда не падали в воду, никогда не были легкомысленными — это всегда были набожные семьи портных, что противоречит понятию бушующего моря, благодаря чему становится ясно, что указанный автор, несмотря на свою непогрешимость, ошибся, а наш вывод является единственно правильным.

После этой победы я слишком устал, чтобы продолжать дальше, и буду наслаждаться счастьем самодовольства, одно мгновение которого, как полагает Винкельман, ценнее всех похвал потомства, хотя я в этом убежден точно так же, как Плиний Младший.

ГЛАВА 22

«Глянь туда и сюда — везде только море и воздух,
Море набухло волной; тучами воздух грозит.
А между ними гремят могучими вихрями ветры:
И не знает, кому повиноваться, волна.
Кормчий растерян — бежать иль молиться — что делать?

---

* — море. *Ред.*

** — противоречие в терминах. *Ред.*

Сверху и снизу грозят воздух и волны ему» *.
«Глянь туда и сюда — Скорпиона и Мертена видишь,
Этот тонет в слезах, гневом пылает другой».
«Слышится гром между ними — слов поток ревет непрестанно,
Море не знает, кому повиноваться из них».
«Я же, кормчий, болтаю, но что сказать, пропустить мне —
Я не знаю, их крик в угол искусство загнал».

Так Овидий рассказывает в своих «libri tristium» ** печальную историю, которая, как последующая, вытекает из предыдущей. Видно, он уже не знал, как ему быть. Но я расскажу следующее: — —

ГЛАВА 23

Овидий находился в Томах, куда его забросил гнев бога Августа, потому что у него было больше гения, чем рассудка.

Здесь, среди диких варваров, увядал нежный певец любви — любовь и была причиной его падения. Его мыслящая голова опиралась о правую руку, а тоскующие взгляды устремлялись к далекому Лациуму. Сердце певца было разбито и все же он, должно быть, еще надеялся, и все же его лира не могла замолкнуть и изливала в мелодичных сладкоречивых песнях его тоску и его горе.

Тело дряхлого старика овевал северный ветер, наполняя его неведомыми ужасами, потому что прежде он цвел в горячей южной стране, его фантазия украшала там свои пышные жаркие игры роскошными одеждами, а когда эти дети гения были слишком вольны, то грация накидывала на плечи божественное легкое покрывало, его складки широко развевались и с них сыпались теплые капли росы.

«Скоро ты будешь прахом, бедный поэт!» — и слеза покатилась по щекам старика, когда послышался могучий бас Мертена, который в волнении нападал на Скорпиона. —

ГЛАВА 27

«Невежество, безграничное невежество».

«Поскольку (это относится к одной из предыдущих глав) его колени слишком склонились в одну сторону!», — но здесь

* *Овидий.* «Скорбные элегии», кн. первая, элегия II, стихи 23—26 и 31—32 (в рукописи приведено по-латыни). *Ред.*

** — «Скорбных элегиях». *Ред.*

нет определенности, определенности, а кто может определить, кто может узнать, какая сторона правая, а какая сторона левая?

Скажи ты мне, смертный, откуда дует ветер, или есть ли у бога нос на лице, и я скажу тебе, где правое и где левое.

Это всего лишь относительные понятия для того, чтобы можно было в лоне мудрости впитывать в себя глупость и безумие.

Ах! Напрасны все наши стремления, суетны все наши желания, пока мы не узнаем, что есть правое и что левое, ибо налево поставит он козлищ, и направо овец *.

А если он повернется, станет по-другому, потому что ночью ему приснился какой-то сон, так козлища окажутся направо, а благочестивые налево по нашим жалким представлениям.

Поэтому определи мне, что правое и что левое, и весь узел творения развязан. Acheronta movebo **, я точно тебе выведу, где будет стоять твоя душа, из чего я далее заключу, на какой ступени стоишь ты сейчас, ибо это праотношение станет измеримым, поскольку твое положение определяется господом, а твое нынешнее положение может быть измерено по ширине твоей головы, я смошенничаю, когда появится Мефистофель, я стану Фаустом, ибо ясно, что мы все, все являемся Фаустами, поскольку мы не знаем, какая сторона правая и какая левая, наша жизнь поэтому представляет собой цирк, мы бежим по кругу, ищем, где его стороны, пока не падаем на песок и гладиатор, то есть жизнь, не приканчивает нас; нам нужен новый спаситель, ибо — мучительная мысль, ты отнимаешь у меня сон, отнимаешь у меня здоровье, ты убиваешь меня — мы не можем отличить левую сторону от правой, мы не знаем, где они находятся ———

ГЛАВА 28

«Очевидно, что на луне, на луне лежат лунные камни, в груди женщин ложь, в море песок, а на земле горы!» — возражал мужчина, который постучал в мою дверь и вошел, не ожидая разрешения.

Быстро отодвинул я мои бумаги, сказал ему, что я очень рад, что не знал его до сих пор, потому что таким образом увеличивается мое удовольствие оттого, что я познакомился с ним, что он учит великой мудрости, что все мои сомнения рассеиваются благодаря ему; но только, как быстро я ни говорил, он говорил еще быстрее, шипящие звуки теснились у него

* См. Библия. Новый завет. Евангелие от Матфея, 25, 33. *Ред.*

** Я сдвину с места Ахерон (*Вергилий*. «Энеида», VII, 312). *Ред.*

в зубах, весь он казался, как я с ужасом убедился, при более близком и внимательном наблюдении, засохшей ящерицей, всего лишь ящерицей, вылезшей из гнилой стены.

Он был очень невысок, и его фигура была очень похожа на мою печку. Его глаза можно было назвать скорее зелеными, чем красными, и скорее булавками, чем молниями, а его самого скорее кобольдом, чем человеком.

Видимо, это был гений! * Я узнал это быстро и определенно, поскольку его нос рождался из его головы, как Афина Паллада из головы праотца Зевса; этим же я объяснил себе и нежное багряное пылание этого носа, свидетельствовавшее о его эфирном происхождении, в то время как о самой голове можно было сказать, что она без волос, но при этом пришлось бы назвать головным убором толстый слой помады, который буйно разросся вместе с другими атмосферными и археологическими памятниками на коренной породе.

Все в нем свидетельствовало о высоте и глубине, но строение его лица, казалось, выдавало бюрократа, потому что его щеки были как пустые гладкие тарелки, защищенные от дождя чрезвычайно выдающимися скулами, на которые можно было бы класть бумаги и правительственные декреты.

Короче, из всего мы увидим, что он был бы самим богом любви, если бы не был похож на самого себя, и что его имя звучало бы так же мило, как «любовь», если бы оно не напоминало скорее куст можжевельника.

Я попросил его успокоиться, ибо он выразил мнение, что он античный герой, на что я ему скромно возразил, что античные герои были несколько лучше сложены, а герольды имели более простые, менее сложные и более благозвучные голоса, а Геро, наконец — это знаменитая красавица, действительно прекрасная натура, в которой внешность и душа соревнуются и каждый хочет приписать одной себе ее совершенство, поэтому она не подходит для его любви.

Но он зато возразил, ш-ш-што у него могучее стр-р-роение скелета, что у него имеется тень, такая же и даже лучш-ш-ше, чем у других людей, потому что он отбрасывает больш-ш-ше тени, чем света, ш-ш-што его супруга может в его тени наслаждаться прохладой, прозябать и даже с-с-сама стать тенью, что я гр-р-рубый человек, что у меня характер босяка, что я дурак, ш-ш-што его зовут Энгельберт и это имя лучше звучит, чем С-с-скорпион, ш-ш-што я обманулся в 19-й главе, поскольку голубые глаза крас-с-сивей, чем карие, ш-ш-што голубиные

* Здесь слово «гений» употребляется в смысле сказочного духа, восточного джина. *Ред.*

глаза самые пытливые и что он сам, хотя и не голубка, но по крайней мере глух к разуму *, причем он л-л-любит майорат, и у него есть ванная комната.

«Вам н-н-нужно доверять моим пр-р-равам, и брос-с-сь свои исследования о правом и левом, она живет напротив, и не направо и не налево».

Дверь захлопнута, из моей души возникло небесное видение, мило звучавший разговор закончился, но через замочную скважину еще шелестело словно голос духов: «Звенящее бревно, звенящее бревно!» **

ГЛАВА 29

Я сидел размышляя, отложив Локка, Фихте и Канта в сторону, и погрузился в глубокое исследование, чтобы понять, какое отношение может иметь ванная к майорату, как вдруг меня словно пронзила молния, и одна мысль за другой, звеня, прояснила мой взгляд, и передо мной встала ясная картина.

Майорат — это ванная комната аристократии, потому что ванная комната нужна лишь для того, чтобы мыть. Однако мытье белит, то есть придает бледный блеск мытому. Точно так же майорат серебрит старшего сына дома, то есть придает ему бледную серебряную окраску, запечатлевая в то же время на других членах дома бледную романтическую окраску нужды.

Кто купается в реках, тот кидается в бушующую стихию, преодолевает ее ярость и борется могучими руками; с другой стороны, тот, кто сидит в ванне, оказывается взаперти и наблюдает углы ванной.

Обычный человек, т. е. не возвеличенный майоратом, борется с бушующей жизнью, бросается в волнующее море и по праву Прометея добывает жемчуга из его глубин, перед его глазами во всем великолепии выступает внутренний образ идеи, и он смелее творит, в то время как владелец майората позволяет капать на себя только каплям, боится вывихнуть свои суставы и поэтому садится в ванну.

Философский камень найден, найден!

ГЛАВА 30

Поэтому в наши дни нельзя писать эпопею, как явствует из двух только что приведенных изысканий.

Прежде всего мы выдвигаем основательные наблюдения по поводу правой и левой стороны, т. е. срываем с этих поэтиче-

* В оригинале игра слов: Taube — голубка, Tauber — голубь, а также глухой. *Ред.*

** Сравни настоящий том, стр. 576—580. *Ред.*

ских выражений их поэтическое облачение, как Аполлон сдирал кожу с Марсия, и превращаем их в сомнительные выражения, в чудовищного павиана, который имеет глаза, чтобы не видеть, и является Аргусом наоборот; у Аргуса было сто глаз, чтобы открывать потерянное, а у него, у меланхолика, штурмующего небо, у сомнения, есть сто глаз, чтобы сделать виденное невиденным.

А между тем сторона и место — это главный критерий эпической поэзии, и поскольку больше нет сторон, как мы доказали указанным выше образом, то эта поэзия может проснуться от своего смертного сна, только когда трубный глас разбудит Иерихон *.

Далее, мы нашли философский камень, к сожалению, все указывают на камень, а они ———

ГЛАВА 31

Они лежали на земле. Скорпион и Мертен, ибо неземное явление (это относится к одной из предыдущих глав) так потрясло их нервы, что сила сцепления их суставов под влиянием хаоса расширения, которое, как зародыш, еще не вырвалось из всемирных взаимоотношений и не превратилось в особую форму, ослабла, так что их носы упали на пупки, а головы на землю.

Мертен истекал густой кровью, в ней содержалось много железа, сколько именно, мне не удалось определить, потому что дело с химией в общем обстоит еще плохо.

В частности, органическая химия с каждым днем становится все более сложной благодаря ее упрощению, поскольку каждый день открываются новые правещества, которые имеют то общее с епископами, что носят названия стран, которые принадлежат неверующим и находятся in partibus infidelium **. Эти названия, кроме того, столь же длинны, как и титулы членов многих ученых обществ и немецких владетельных князей, свободомыслящие употребляют их вместо имен, потому что они не связаны ни с каким языком.

Вообще органическая химия — это еретик, который хочет объяснить жизнь с помощью мертвого процесса! Она богохульствует против жизни; представьте себе, что я стал бы выводить любовь из алгебры.

---

* См. Библия. Ветхий завет. Книга Иисуса Навина, 6, 19. *Ред.*

** — «В стране неверных» — добавление к титулу католических епископов, назначавшихся на чисто номинальные должности епископов нехристианских стран. *Ред.*

Очевидно, что все это в целом покоится на учении о процессе, которое еще недостаточно разработано и никогда не может быть разработано, потому что опирается на карточную игру, игру чистой случайности, в которой туз является главным действующим лицом.

Однако туз лег в основу совершенно новой юриспруденции, ибо однажды вечером, когда Ирнерий проигрался (он как раз пришел с вечера, проведенного в дамском обществе, изящно одетый в синий фрак, в новых ботинках с длинными застежками и в шелковом кармазиновом жилете), он сразу же сел и написал диссертацию об *ассе* *, которая завела его так далеко, что он начал преподавать римское право.

А римское право заключает в себе все, в том числе учение о процессе, в том числе и химию — ибо это микрокосмос, оторвавшийся от макрокосмоса, как это проделал Паций.

Четыре книги Институций — это четыре стихии, семь книг Пандектов — это семь планет, а двенадцать книг Кодекса — это двенадцать знаков Зодиака.

Однако в это целое вступил не какой-либо дух, а Грета, кухарка, которая позвала к ужину.

Скорпион и Мертен в бурном возбуждении закрыли глаза и таким образом приняли Грету за фею. После того как они освободились от своего испанского ужаса, датируемого последним поражением и победой Дон Карлоса, Мертен оперся о Скорпиона и поднялся как дуб, ибо Овидий и Моисей говорят, что человек должен смотреть на звезды, а не на землю **, — а Скорпион схватил руку своего отца и придал своему телу опасное положение, поскольку он поставил его на обе ноги.

ГЛАВА 35

«Ей-богу, портной Мертен — хороший мастер, но он дорого берет!»

«Vere! beatus Martinus bonus est in auxilio, sed carus in negotio!» *** — воскликнул Хлодвиг после битвы у Пуатье, когда духовные лица заявили ему в Туре, что *Мертен* выкроил ему рейтузы (он скакал в них на своей отважной лошаденке, благодаря которой он добился победы), и когда они попросили двести золотых гульденов за эту услугу Мертена.

А все дело обстоит так —

---

* Игра слов: нем. «Ass» — «туз», и лат. «As» — «асс», монета. *Ред.*

** *Овидий.* «Метаморфозы», I, 84—86. *Ред.*

*** —Поистине блаженный Мартин хорош для помощи, но дорог в деловых отношениях! *Ред.*

ГЛАВА 36

Они сидели у стола, во главе стола Мертен, справа от него Скорпион, слева — Феликс, старший подмастерье, а глубоко внизу — причем между принцепсами и плебсом оставался известный промежуток — находились подчиненные члены государственного организма *Мертена,* обычно называемые подмастерьями.

В промежутке, в который не могло вступить ни одно человеческое существо, находился не дух Банко *, а собака Мертена, которая ежедневно должна была произносить застольную молитву, ибо *Мертен,* который штудировал гуманитарные науки, полагал, что его Бонифаций — так назывался пес — одно и то же лицо, что и святой Бонифаций, апостол немцев; при этом он опирался на одно высказывание Бонифация, когда тот заявил, что он — лающий пес (см. письмо 105, стр. 145, изд. Серария). Поэтому он с суеверным почтением относился к этому псу, чье место было самым элегантным — прекрасный кармазиновый балдахин из тончайшего кашемира, обитый, как пышная софа, и содержащий искусно переплетенные пружины, был местопребыванием этого Бонифация, с него свисали шелковые кисточки, а как только сборище кончалось, его несли в уединенное место отдаленного алькова, возможно, того же самого, которое Буало в своем «Аналое» ** описывает как храм покоя благочинного.

Бонифация не было на месте, промежуток оставался незанятым, и Мертен побледнел. «Где Бонифаций?» — воскликнул он со стесненным сердцем, и весь стол пришел в явное движение. «Где Бонифаций?» — спросил Мертен еще раз и — как он испуганно вздрогнул, как вздрогнул каждый сустав его тела, как поднялись дыбом его волосы, когда он услышал, что Бонифаций отсутствует!

Все вскочили на ноги, чтобы искать его, и сам Мертен совершенно потерял свой обычный душевный покой, он позвонил, вошла Грета, ее сердце предчувствовало дурное, она думала ———

«Эй, Грета, где Бонифаций?» И она явно успокоилась, а он, махая руками, опрокинул светильник, так что всех окутала тьма и наступила чреватая бедой, грозовая ночь.

---

* *В. Шекспир.* «Макбет». Акт 3, сцена четвертая. *Ред.*

** *Н. Буало.* «Аналой». Песнь первая. *Ред.*

ГЛАВА 37

Давид Юм полагал, что эта глава всего лишь locus communis * предыдущей, и полагал он это еще до того, как я ее написал. Его доказательство было следующее: поскольку эта глава есть, предыдущей главы нет, а эта глава вытеснила предыдущую, из которой она вытекает, хотя не причинно-следственным путем, ибо в этом он сомневался. Но каждый гигант — т. е. и каждая глава из двадцати строк — создает карлика, каждый гений — скучного филистера, каждое волнение моря — ил, и как только исчезают первые, начинают последние, они занимают место за столом и дерзко вытягивают свои длинные ноги.

Первые слишком велики для этого мира, поэтому их вышвыривают. Последние, напротив, пускают в нем корни и остаются, как можно, впрочем, убедиться на примере таких фактов, что после шампанского остается длительный противный привкус, после героя Цезаря — актер Октавиан, после императора Наполеона — король буржуа Луи-Филипп, после философа Канта — кавалер Круг, после поэта Шиллера — надворный советник Раупах, после неба-Лейбница — каморка при школе-Вольф, после пса Бонифация — эта глава.

Так базисы опускаются вниз, как осадок, а дух улетучивается.

ГЛАВА 38

Последняя фраза о базисах касалась абстрактного понятия, а не женщины **, ибо абстрактное понятие и женщины — как они различны! — восклицает Аделунг. Но я полагаю как раз противоположное и со всем основанием это докажу, но только не в этой главе, а в книге, которая совсем не разделена на главы, книге, которую я собираюсь написать, как только я буду убежден в существовании святой троицы.

ГЛАВА 39

Кто желает достичь наглядного, а не абстрактного понятия о ней — я имею в виду не греческую Елену и не римскую Лукрецию, а святую троицу, тому я *не* могу ничего лучшего посоветовать, как мечтать о Н и ч е м и не засыпать, а, напротив, бодрствовать в господе и исследовать данное предложение,

---

* — общее место. *Ред.*

** Игра слов: «Base» — «базис» и «кузина». *Ред.*

потому что в нем и содержится указанное наглядное понятие. Если мы поднимемся до его высоты, удалившись на одну ступень от нашего нынешнего местонахождения *, поднявшись над ним, как облако, то перед нами выступит гигантское *«не»*, если мы опустимся до его середины, то мы содрогнемся перед огромным «Ничто», а если мы погрузимся в его глубину, то увидим, что оба они снова гармонически примиряются в идущем к нам навстречу слове «не», написанном вертикальными буквами, смелым пламенным шрифтом.

«Не» — «Ничто» — «не»

— это наглядное понятие троицы, а что касается абстрактного, то кто мог бы его обосновать, ибо: «Кто восходил на небо и нисходил?», «Кто собрал ветер в пригоршни свои?», «Кто завязал воду в одежду?», «Кто поставил все пределы земли?», «Какое имя ему? и какое имя сыну его? Знаешь ли?» — спрашивает премудрый Соломон **.

ГЛАВА 40

«Я не знаю, где он находится, но очевидно одно, что череп есть череп!» — воскликнул Мертен. В тревоге наклонился он, чтобы в темноте узнать, чьей головы коснулась его рука, и вдруг словно уничтоженный он отнял ее, ибо глаза ——

ГЛАВА 41

Конечно! Глаза!

Они представляют собой магнит и притягивают к себе железо, вследствие чего и нас притягивают дамы, а не небо, ибо дамы смотрят двумя глазами, а небо лишь одним.

ГЛАВА 42

«Я докажу ему противоположное!» — сказал мне невидимый голос, и когда я взглянул, откуда доносился голос, я заметил — вы мне не поверите, но я уверяю, я клянусь, что это было так, — тогда я заметил, — но не сердитесь, не пугайтесь, ибо это не касается ни вашей супруги, ни вашего пищеварения, — тогда я заметил самого себя, потому что я сам вызвался доказать противоположное.

«Ах! я двойник!» — пронзило меня, и элексиры дьявола Гофмана *** ——

---

* Игра слов: «Standpunkt» — «местонахождение» и «точка зрения». *Ред.*

** Библия. Ветхий завет. Книга притчей Соломоновых, 30, 4. *Ред.*

*** *Гофман.* «Элексир дьявола». Часть I, раздел 3. *Ред.*

ГЛАВА 43

— Лежали передо мной на столе, как раз когда я размышлял о том, почему вечный жид — урожденный берлинец, а не испанец; но я вижу, что это совпадает с доказательством противоположного, которое я хочу представить, вследствие чего мы, точности ради — не будем делать ни того, ни другого, а удовольствуемся только замечанием, что небо находится в глазах у дам, но глаза дам не находятся на небе, из чего следует, что нас притягивают не столько глаза, сколько небо, ибо мы замечаем не глаза, а лишь небо в них. А если бы нас притягивали глаза, а не небо, то в таком случае мы почувствовали бы притяжение неба, а не дам, потому что у неба не один глаз, как сказано выше, а нет ни одного, но само оно представляет собой всего лишь бесконечный, исполненный любви взгляд божества, нежный, мелодичный глаз духа света, а глаз не может иметь глаза.

Окончательный результат нашего расследования поэтому состоит в том, что нас притягивают дамы, а не небо, потому что мы не видим в нем глаз дам, а в них мы видим небо; так что мы, так сказать, чувствуем влечение к глазам, потому что это вовсе не глаза и потому что вечный Агасфер — это урожденный берлинец, ибо он стар, хил, видел много стран и глаз, но все равно чувствует влечение не к небу, а к дамам, а имеется всего два магнита — небо без глаз и глаз без неба.

Один лежит над нами и влечет нас ввысь, другой — под нами и тянет нас в глубину. А Агасфера с могучей силой влечет вниз, иначе зачем бы он стал вечно бродить по странам земли? И бродил ли бы он вечно по странам земли, если бы он не был прирожденным берлинцем и привык бы к песчаным равнинам?

ГЛАВА 44

ВТОРОЙ ОТРЫВОК ИЗ ПОРТФЕЛЯ ГАЛЬТО

Мы пришли к загородному дому, была прекрасная, синяя ночь. Ты шла со мной под руку и хотела освободиться, но я не пустил тебя, моя рука связала тебя, как ты связала мое сердце, и ты позволила мне держать тебя.

Я шептал слова, полные тоски, говорил о самом высоком и о самом прекрасном из того, что мог сказать смертный, ибо я не сказал ровно ничего, я был погружен сам в себя, я видел, как возникает царство, эфир которого был столь легок и вместе с тем столь тяжел, а в эфире возник божественный образ, сама красота, которую я когда-то смутно видел — но не узнал —

в глубоких снах фантазии, она сверкала молниями духа, улыбалась, и ты была этим образом.

Я сам себе удивлялся, потому что благодаря моей любви я стал великим, гигантским; я видел бесконечное море, но в нем больше не шумели волны, оно приобрело глубину и вечность, его поверхность была кристаллом, а к его темной бездне были прикреплены дрожащие золотые звезды, которые пели песни любви, источали жар, так что само море было теплым!

Если бы эта дорога была жизнью!

Я поцеловал твою нежную кроткую руку, я говорил о любви и о тебе. Легкий туман парил над нашими головами, его сердце разбилось, он пролил большую слезу, она упала между нами, а мы почувствовали слезу и молчали. ————

ГЛАВА 47

«Это или Бонифаций или штаны!» — воскликнул Мертен. — «Свет, говорю я, свет!» — и стал свет. «Боже мой, это вовсе не штаны, а Бонифаций, он улегся здесь, в темном углу, а его глаза горят мрачным огнем, но что мне приходится видеть?» «Он истекает кровью!» — И Мертен упал, не говоря больше ни слова. Подмастерья сначала посмотрели на собаку, потом на своего хозяина. Наконец он резким движением поднялся с пола. «Что вы рты разинули, ослы? Или вы не видите, что святой Бонифаций ранен? Я все это строго расследую, и горе, трижды горе виновному; а теперь быстрее, посадите его на его сидение, вызовите домашнего врача, принесите уксуса и теплой воды и не забудьте позвать школьного учителя Витуса. Его слово много значит для Бонифация»! Так быстро последовали распоряжения. Во все стороны бросились они к двери. Мертен посмотрел на Бонифация внимательнее, глаза пса все еще не приобретали кроткого блеска, и он долго тряс головой.

«Нам угрожает несчастье, большое несчастье! Позовите священника!»

ГЛАВА 48

Мертен несколько раз в отчаянии вскакивал на ноги, поскольку ни один из помощников все еще не удосужился появиться.

«Бедный Бонифаций! А что если бы я сам осмелился пока что заняться лечением? Ты весь разгорячен, изо рта у тебя струится кровь, ты не хочешь есть, я вижу сильное напряжение

мышц твоего брюха, я понимаю, в чем дело, Бонифаций, я понимаю!» — и тут вошла Грета с теплой водой и уксусом.

«Грета! Сколько дней у Бонифация нет стула? Разве я тебе не предписывал по крайней мере раз в неделю ставить ему клизму, но я вижу, что в будущем мне самому придется заняться делом такой важности! Принеси оливкового масла, соли, отрубей, меда и клистир!»

«Бедный Бонифаций! Твои святые мысли и наблюдения переполняют тебя, с тех пор как ты не можешь выделить их устно или письменно!»

«О! Удивительная жертва глубокомыслия, о ты, благочестивый з а п о р!»

СТИХОТВОРЕНИЯ К. МАРКСА

ИЗ АЛЬБОМА ЕГО СЕСТРЫ СОФИ [174]

Написано К. Марксом в 1835—1836 гг.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

ДОЧЬ

БАЛЛАДА

Пред матерью в молчанье
   Склонилась с плачем дочь,
Печали и страданья
   Не в силах превозмочь.

Неровно сердце бьется,
   Лицо ее горит,
Вздох прямо к сердцу рвется,
   А взгляд огнем блестит.

«Ах, дочь, дитя родное,
   Ах, в чем твоя печаль?
Скажи мне, что с тобою,
   Чего тебе так жаль?»

Как свежести попросит
   Увянувший цветок,
С луны росу приносит
   Прохладный ветерок, —

Вот так и утешенье
   Спасает грудь от мук,
Не так страшны мученья,
   Когда есть рядом друг.

Дочь кудри рассыпает,
   Качает головой,

Слова едва роняет,
Охвачена тоской.

«Ах, бедам нет названья,
Грядущее черно,
Душа полна страданья,
И сердце сожжено».

Глаза раскрыв широко,
Она глядит на мать,
Печального упрека
Не в силах удержать.

«Тот, для кого рабою,
Богиней я была, —
Он, изгнанный тобою,
Ушел туда, где мгла.

Любви и горя полный,
Он поспешил туда,
Где яростные волны
Боль смоют без следа.

Теперь с ним только ветер,
Валы со всех сторон,
Зато на целом свете
Меня лишь ищет он.

И мне в благоуханьях,
Средь роз, постыдно жить,
Коль должен он в скитаньях
Весь век свой проводить!»

Слова все тише, тише,
Все глуше, глуше звук...
Мать слышит и не слышит,
Владеет ей испуг.

На землю пало тело,
И к небесам рука, —
Она привет хотела
Послать за облака.

ГОРДОЙ КРАСАВИЦЕ

ДВА СОНЕТА

I

Что ты смотришь, будто ждешь признанья,
Будто я тобою ослеплен,
Пред тобой коленопреклонен?
От меня не жди ты обожанья.

Не пробудишь ты во мне желанья,
Образ твой не посещал мой сон,
Крови бег тобою не смущен,
И смешны твои мне притязанья.

Жар потухнет, что в очах горит,
Где таятся молнии и пламя,
Их зальет горючими слезами.
Где амур таится средь ланит,
Будет там морщинам лишь раздолье,
Вместо танцев будет богомолье.

II

Та, что сердце мне навек пленила,
Остается вечно молодой,
Ей не страшен времени прибой,

В ней раздолье мысли легкокрылой, —
Вечной красоты живет в ней сила,
Сфер гармонья стала ей родной,
В ней любовь, и радость, и покой.

Все в ней, что меня одушевило,
В облаках парит, среди лучей,
И манит меня своим сияньем,
Я иду, охваченный дерзаньем.

Я всегда б с богиней шел моей.
Поцелуй один из уст прекрасных —
Бога я и небо знал бы ясно.

НЕСКОЛЬКО СТИХОТВОРЕНИЙ К ДНЮ РОЖДЕНИЯ ОТЦА. 1836.

ТЕБЕ

I

Один сидел в толпе друзей я,
Одушевлен в сердечной глубине,
Вдруг, вижу, муза подошла ко мне,
Напевом дивным душу грея.

«Дай, муза, я промолвил, песни,
Чтобы я мог пропеть о том,
Кого любовно я зову отцом,
Что в сердце жар родит чудесный.

В мелодии он жизнь свою облек,
И устрашились мрака силы
Пред мужеством его и пылом,
Склонился перед ним порок.

Но как же выразить мне чувства
К нему? Где столько взять искусства?»

II

«Хотя глаза полны слезами,
Хоть чистый звук во мне звучит,
Но вот язык — язык молчит,
Пусть даже взыскан я богами.

Пусть радостью я полон новой,
В морях идей душа плывет,
И взгляд до неба достает —
Но все ж мне не хватает слова!»

Но муза тихо отвечала мне:
«Зачем же словом петь иль песней —
Здесь дело было бы уместней, —
Ты сыном покажи себя вполне,

Когда себя в добре покажешь —
Ты о себе ему расскажешь!»

ПО ЗАВЕРШЕНИИ ЭТИХ СТИХОВ

Одно лишь чувство, а не слово —
Вот обязательств всех основа;
Слова бездумные бегут,
Сердечных уз не создают...

Все ж для высокого смиренно
Высокий храм мы создаем,
С любовью детской, неизменной
Мы место там ему даем...

Его в природе почитаем,
Но все же храм мы созидаем;
Но то, что набожным дано,
И любящим разрешено.

И повинуясь силе властной,
Тебе несу мои листы,
Стремленье, что себе неясно,
Намеки в них увидишь ты...

Ты в сердце сыщешь оправданье
Моей отваги и дерзанья —
Вложил ты песни в грудь мою —
Любя, тебе их отдаю.

ШИЛЛЕР

ДВА СОНЕТА

I

Вижу, некий юноша прекрасный
Сходит в дом людей, как божество,
Молния блестит в руках его,
Ум его охвачен думой властной.
В хороводе, быстры, сладкогласны,
Кружатся хариты вкруг него,
И царит в природе торжество,
Небо над землей склонилось страстно.

Быстрый взгляд куда он ни метнет,
Форма с мыслью там соединится,

Красота к величию стремится,
Боль уходит, счастье настает.
Всюду жизнь, веселье, пенье, радость,
Время обрело навеки младость!

II

В сердце — радости его истоки,
Радостью он обнял мир земной,
Смело дух воспел он мировой,
К раю мчится быстрый, ясноокий —
Солнечных лучей он льет потоки,
И душа, согрета красотой,
Музыкой серебряной, живой,
К духу света мчится в путь высокий.

В светлой роще девы красоты
Рвут цветы ему на украшенье,
Слезы льют в порыве умиленья,
Он целует нежные цветы
И соединяет жизнь венками
С чистотой, сияющей как пламя.

ГЁТЕ

ДВА СОНЕТА

I

С гор далеких, что встают громадой,
Муж идет, несущий волшебство,
Гении летают вкруг него,
Обвевая дивною прохладой.
Улыбаясь, смотрит он на дали,
На людей, исполненных сует,
У него в груди — покой и свет,
Что ему мечты их и печали!

Лютню он потом свою берет,
Звук ее — как солнц и сфер движенье,
В ней — богов бессмертных вдохновенье,
Что свой блеск и чары всюду льет.
Небо он на землю не приносит —
Он земной огонь на небо бросит.

II

Ангелы рождаются в глубинах
Мирового духа, чар полны;
К творчеству — к огню приобщены,
Люди ввысь летят, с равнин низинных.
Звукам лиры золотой, прекрасной
Вечной красоты огни даны,
Тенью пусть порой окружены —
Красотой своей лучистой ясны.

С вами чувствовать не будет бог,
Боги наслаждаются с собою,
Светлый край дарован им судьбою,
Им невидим грязный наш поток.
Приходите в край его высокий —
Будет близким свет, а ночь далекой.

ЖЕЛАНИЕ

Хочу я душу в океане
Уничтоженья утопить,
Все сердце выдохнуть в дыханье,
Всю боль и скорбь свою излить!

Все стихло. Буря замирает,
А в сердце пламя все горит,
Какой-то демон в нем рыдает,
Хохочет и судьбу корит.

Решили вы — для вас, конечно,
Раскроются небес врата,
И там ваш дух пребудет вечно...
Все это тлен и суета.

Что мне душа, что небо? Мимо!
Ты, вечности бесплодной сон!
Ведь то, что мной в груди таимо,
Не знает бога и времен...

Та радость, что в себя вдохнул я,
Как молния, прошла — и нет,

Ее теперь в волну швырнул я,
Пускай ее исчезнет след.

Она чиста лишь раз, а вечность —
Всю радость умертвит она,
И счастье канет в быстротечность,
Останется лишь тень одна,

А боль — она пребудет с нами,
Как только духа бог пошлет
Вести пустынными мирами
Печальный жизни хоровод.

И стаи черных мыслей — фурий
Истерзанное сердце рвут:
Сонм вечностей — страшнее бури,
Они конец мечтам несут.

Я пуст, я весь раздавлен ими,
А их поток меня несет
Волнами жаркими своими
Чрез океан миров вперед.

И должен вере я предаться,
Жить, ей раздавленный, во мгле,
Мирами, небом не гнушаться,
С проклятьем вечным на челе?

Что ваших вечностей вращенье
И царство тягостное их?
В объятиях уничтоженья
Вкушу я смерти сладкий миг.

Служите богу, коль хотите —
Из недр его вы поднялись,
Меня вы с ним не примирите,
Мы с ним навеки разошлись.

Пусть боль, борьба, мечты горенье
Со мною в прах, в ничто уйдут,
И две слезы в знак сожаленья
На землю пусть с небес падут.

СЛЕПАЯ

БАЛЛАДА

Она сидит в комнатке темной,
   А крыша вот-вот упадет,
Печально в душе бездомной,
   И сердце тоска гнетет.
И глухо звучит из глубин сердечных,
Где духи счастья спят сном бесконечным.

Вы знаете солнца пламя,
   Заря над вами зажглась,
И жизнь прекрасна пред вами,
   И боги ласкают вас.
Ко мне благосклонны не были боги,
Не знала я радости, только тревоги.

Свет не проникнет чрез преграду,
   Что мой взгляд облекла темнотой,
Это чудовище горю радо,
   Скрыв от меня весь мир земной.
Я стою вечно в глухой пустыне,
И нет мне пути к цветущей долине.

Я слышу моря кипенье,
Бури немолчный рев,
И ветра в утесах пенье,
И шум непокорных валов.
Я слышу, как все зимой цепенеет,
Весной — ароматами ветер веет.

Грубого я могу коснуться,
   Оно не уйдет от рук земных,
Со страшными мне не разминуться —
   Некий бог послал на землю их.
Но прекрасное только взгляд постигает,
Что в небо потом свой огонь обращает.

От меня навеки скрыты те чары,
   Что всё поднимают ввысь,
Что, блеска охваченные пожаром,
   По всему бытию разлились.
Я чувствую их в груди, но напрасно —
Их облик не ухвачу я ясно.

Ах, часто уж мне казалось,
   Что слово я то нашла,
Но буря всегда приближалась,
   И все уносила мгла.
И только во вздохах могла я излиться,
Они лишь могли с прекрасным слиться.

Со всей моей мольбою
   Я не стала близка никому,
Чтоб могла я гордиться собою,
   Быть защитой, утехой ему.
Напрасно дал некий бог мне стремленья
И слезы мне дал для успокоенья.

Я вне Всего страдаю
   В тисках пустой тщеты,
Любви совсем не знаю
   И царства красоты.
Под властью жизни нахожусь я,
Даров от жизни не дождусь я!

Там, где грудь томленьем страстным
   Вся напоена,
О великом и прекрасном
   Дум душа полна,
Там не отыщется даже и след мой,
Ибо и свет перед ночью слепнет.

Кто век не видел любви благотворной,
   Кому и солнца луч не светил,
Пред кем вся жизнь всегда была черной,
   Кто людям страшен и постыл,
Тот просто жертва грозного бога,
Что дал ему груз этой жизни убогой.

Теперь моя песня спета,
   Дышать больше силы нет,
Что в сердце хранила, к свету
   Стремится, дыханью вслед.
Пусть дряблое тело мое разобьется
И горе мое чужим отольется...

И, словно вся жизнь несчастной
   В песне той излилась,

И сила высшая властно
   В сердце больном родилась,
Она, подняв голову к небу, слышит,
Как тучка летит, как ветер дышит.

И гармонии сфер небесных
   Слух ее вдруг увлекли,
Высей хочется ей чудесных,
   Ей, не знавшей совсем земли.
Каморка ее в лучах расцветает,
Цветы вокруг нее венки сплетают.

Некто, в эфирном наряде,
   Нежно приблизился к ней,
Чтоб увидеть в последнем взгляде
   Блаженство небесных огней.
Он окружен воздушным сияньем
И дышит неземным обаяньем.

Он к креслу приблизился нежно,
   И касается век рука —
И мглы уже нет больше прежней,
   И жизнь вдруг стала легка.
Она стиснула грудь — не то разорвется,
Она взгляд подняла — пусть свет в него льется.

Шлет привет она глазу небес в волненье,
   Чья улыбка так ясно видна,
Зефира чувствует дуновенье,
   И бога мощь ей внятна.
Голубого эфира раскрыты просторы,
И всё ее пронизали взоры.

Чуя радости бесконечность,
   Пала ниц пред послом красоты,
Видя облика гармоничность
   И лица неземные черты,
Что лишь в груди ее таилось,
В совершенстве форм теперь воплотилось.

И вот уже песнь затихает,
   Гаснут искры уже в облаках,
И эфир ее не обвевает,
Но огонь все сильней в глазах.

Она вся тянется вслед за лучами,
Земля не удержит души ее пламя.

Уступает стремленью тело,
Высоко душа взнесена,
И вот в небесных пределах
В хоре вышних духов она[175].

РИЦИО, ПЕВЕЦ МАРИИ СТЮАРТ

БАЛЛАДА

Рицьо встал в благоговенье
Пред богиней грез своих,
Опустился на колени
Он в блаженный этот миг.

Только радость, что пылает
С виду на лице его,
Грусть подспудную скрывает
И тревоги торжество.

А Мария с состраданьем
Тихо говорит ему:
«Ах, тебя томит желанье?
Что тебе в нем? Не пойму!

Музыка твоя — чудесна,
Светлый мир творит она,
Дай мне радостные песни,
А печаль мне не нужна.

Пусть певец своей подруге
Только бодрость в сердце льет,
Хоть его закрутят вьюги —
Виду пусть не подает!»

Нежного певца чарует
Этот голос неземной,
И любого околдует
Он своею красотой.

«Только радость подобает
Душам, жив в ком горний свет,
Только счастье в них сверкает,
Горя в них не виден след.

Королева! Пред тобою
Мог бы я окаменеть,
Только силой неземною
Песен бог велит мне петь.

Где б ни был певец — в палатах
Иль среди лесов густых,
Радость всюду с ним, крылата,
И она рождает стих...

Ну, а горе он скрывает,
Коль тоскою обуян.
Он печали изливает
Лишь в грозу и ураган...

Надо, чтоб уста молчали,
Если сердце давит гнет?
Не скажу я о печали —
Радость вновь ко мне придет.

Как певец, я поднимаюсь,
Королева, до тебя,
Но как человек, склоняюсь,
Лишь покорность возлюбя».

Высшим благородством дышит
Королевы нежный взор,
И певец укоры слышит,
Что звучат не как укор.

Облик весь ее светлеет,
Высшая в ней власть видна,
Божество в ней пламенеет —
Не богиня ли она?

Смолк певец в благоговенье,
Полон вдохновенья взгляд,
Сердце тонет в упоенье,
Губы юные горят.

И берет он цитру в руки,
Грудь его полна огня,
Льются по палатам звуки,
Дивной нежностью звеня.

Больше нет над ним уж власти,
От оков освобожден,
В песне, полной нежной страсти,
Смело высказался он.

Как волна в скалах прибрежных
Дико бьется средь камней,
Песен звук его мятежных
Бьет по струнам все страстней.

И чудесней нет напева,
Нет прекрасней этих грез,
Слыша песню, королева
Удержать не может слез.

Он поет, как он, сгорая
Юным пламенем живым,
Полюбил навек, не зная,
Что же происходит с ним...

Вдруг раскрылась дверь (снаружи
Кто-то слушал у дверей),
И толпа солдат с оружьем
Ворвалась, под звон мечей.

«Эй, хватай певца скорее!» —
Кто-то крикнул, разъярен,
Но спокойно, не робея,
С лирой встал пред ними он.

Скорбь и ужас ей владеет —
Гордо встала рядом с ним:
«Тронуть кто его посмеет —
Королевой он храним!»

Он рванулся горделиво
(Бледен королевы лик),
И толпа солдат трусливо
Отступила в тот же миг.

«Я за дерзость объясненья
Жизнью заплатить готов,
То что здесь есть преступленье,
Это в небесах — любовь.

И клянусь, что буду вечно
Королеву я любить,
Я умру, но бесконечно
Это чувство будет жить».

Королева долго, нежно
Смотрит, плача, на певца,
Души разлились безбрежно,
Их блаженству нет конца.

Грозен звон клинков нестройный,
Блеск мечей со всех сторон,
Юноша стоит спокойно,
И величья полон он.

Он вперед шагает смело,
А во взгляде — торжество,
Но железо зазвенело
И пронзает грудь его.

И взглянув ей в очи прямо,
Он упал, еще дыша,
«Победить!» — шепнул упрямо —
И уходит прочь душа.

ПРИЗЫВ

Птичка! Вниз спускайся
На руку ко мне,
В песне разливайся,
Песне о весне,
Но остерегайся
Крылья сжечь в огне.

Пусть орел могучий
Над землей парит
И над горной кручей,

Над рекой летит.
Там, где Феб гремучий
Колесницу мчит.

Пусть он реет властно
В зареве побед —
Он не видит ясный
Звезд далеких свет,
Облаков прекрасный
Предзакатный цвет.

Он стремит безмолвный
В облаках полет,
Хоть седые волны
Море вдаль несет,
Хоть владыка молний
Выси гор трясет.

Зевса выполняет
Порученья он
И с горы взлетает
В синий небосклон,
Трупы разрывает,
Кровью опьянен.

Но когда в сиянье
Вешнем вся земля,
Роз благоуханьем
Сердце веселя,
Шлет свое дыханье
На луга, поля —

В час, как жизни сила
Полною струей
У природы в жилах
Бьется — в час такой
Он немой могилы,
Строгой ледяной.

Он живет высоко
В небе, среди скал,
Видит его око
Пламени оскал,

Но любви нисколько
Он не испытал.

Видно, ослепляет
Солнца свет его,
В свете исчезает
Весен волшебство,
Он величье знает,
Больше ничего.

Не звенит чудесным
Звуком песня в нем,
Нет в нем места песням,
Что как волшебством
Жгут сердца небесным,
Сладостным огнем.

Птичка дорогая,
К облакам вспорхнуть
Не стремись, играя —
Не таков твой путь.
Песню пой, родная,
А орлом не будь.

Птичка! Вниз спускайся,
На руку ко мне,
В песне разливайся,
Песне о весне,
Только не купайся
В грозовом огне.

ПЕВЦЫ

БАЛЛАДА

Певцы однажды жили —
Ребята, хоть куда,
И обо всем судили
Решительно всегда.

Один был мастер песен,
Ну, прямо волшебство,
Казалось, мир весь тесен
Для радостей его.

Но было все искусство
   Его лишь показным,
Надуманные чувства
   Одни владели им.

Другие в восхищенье
   Глядели на певца,
И ропот одобренья
   Он слышал без конца.

Счастливца охватила
   Фантазии игра,
Но чувство в нем убила
   Вся эта мишура.

Но вот явился как-то
   Паж королевский к ним,
Одет в шелка и бархат,
   С посланием таким:

«О вас молва доносит —
   Вы лучше всех, певцы,
Король к себе вас просит,
   Спешите, молодцы!»

«Молва не зря доносит,
   Мы славные певцы,
Когда король нас просит, —
   Пойдемте, молодцы!»

Шли с лирами златыми
   Они в недолгий путь,
Паж гордо шел пред ними,
   Выпячивая грудь.

Меж тем король несчастный
   Измучился от бед,
Супруги нет прекрасной,
   Подруги сердца нет.

«Мне грустно! Ваше пенье
   Хочу послушать я!
Найду в нем утешенье —
   Вы мне тогда друзья!»

Певцы запели песни
Про солнечный восход,
Про свет луны чудесный,
Небесный хоровод.

Один пел величаво
О звездах золотых,
Но не пришлись по нраву
Владыке песни их.

«Что в звездном мне просторе,
Что мне лучистый трон,
Когда на сердце горе —
Я вами оскорблен.

И лиры золотые
Не успокоят боль,
Коль песни их пустые», —
Так говорил король.

Певцы остолбенели,
Испуг им в грудь проник,
Запеть опять хотели,
Но онемел язык.

Но входит молчаливо
В круг молодой певец,
На нем венок из ивы
И лавровый венец.

Печальными глазами
Глядит он, сокрушен,
Горючими слезами
Безмолвно плачет он.

Стоит он робкий, юный,
Кругом зеленый луг,
Он тронул нежно струны,
Полился чистый звук.

Звучит печально слово,
Но в нем и торжество,
Король стал светел снова,
Прижал к груди его.

Как сына награждает
Он юного певца,
Но мальчик убегает,
Пленивший все сердца.

ДВОЕ КОРОЛЕВСКИХ ДЕТЕЙ

В чужие, дальние страны
Отправился внук королей,
Хотел показать он желанной
Всю силу любви своей.
Бежит он, летит он, неутомимый,
Чтоб дар любви принести любимой.

Она сидит в кресле пунцовом,
Улыбкой озарена,
Возвращается мыслью к оковам,
Что на сердце кладет она.
Нет легче их и нет крепче их,
Кто вырваться может из уз таких?

И тут к ней подходит рыцарь,
А слезы текут из очей,
Он в бой, словно буря, мчится,
Но он лишь дитя пред ней.
Бряцают на рыцаре звонкие шпоры,
Впились в него королевны взоры.

Неверящими глазами
Она на него глядит —
В доспехах, горящих как пламя,
Рыцарь пред нею стоит:
«Что, рыцарь, тебя сюда привело?»
Как арфа, звучит ее голос светло.

«Я не могу оставаться
В тесной, скудной стране,
Мне нужно вдаль отправляться,
Некий бог приказал это мне.
Туда, где жизнь бурным потоком несется,
Пойду за правду с неправдой бороться.

Видеть сам я хочу мир дальний,
Что знаком лишь по песне певца,
Мне всегда его слышать печально,
Когда лютня звенит без конца.
О жизни иной я тогда мечтаю,
Медлить нельзя — я душой ощущаю».

Королевна глядит в смятенье,
Пока рыцарь так говорит,
От героя она в восхищенье,
А сердце ее болит.
Слов похвал и упрека не скажет она —
Решимостью твердой грудь его полна.

«Но, на бой уходя кровавый,
Королевна, любовь моя,
Не могу искать я славы,
Коль кольца не вручу тебе я.
Простое колечко сделал мастер,
Но тем, кто любит — залог в нем счастья».

Она со взглядом открытым
Берет и целует кольцо,
Но слезы текут по ланитам,
И она отвернула лицо.
Осталось им раз друг на друга взглянуть —
И рыцарь пошел в опасный свой путь.

Королевна сидит, пирует,
Прошел уже целый год,
Она все время тоскует,
Верный рыцарь вестей не шлет.
«Иль он никогда не явится снова,
Забыл он верность, забыл свое слово?»

Но дивное оживленье
За дверью где-то вдали.
Вот дверь раскрылась — движенье,
И люди в зал вошли.
Они к королевне прямо идут
И тусклым голосом песню поют.

«Господа и дамы — место,
Принесли мы героя сюда,

Смотри на него, невеста,
Он верен тебе был всегда.
А мы поклялись ему служить,
Ему навеки верными быть».

И в зале толпа зашумела,
Вносят рыцаря — отблеск, след,
Его голова поседела,
А в жилах крови нет.
Испуган, прочь убежал весь двор,
В него королевна вперила взор.

К груди его прижимая,
Промолвила нежно она:
«Тотчас умереть могла б я,
Была б тебе жизнь лишь дана!»
И рыцарь встал, завершив испытанье:
«Мне жизнь подарило любви дыханье!»

ПЕСНЯ О БУРЕ

Вам, бурям, ураганам —
Ужели нет пути?
Могли б по разным странам
Вы гнев свой пронести!

Ведь вас не подавляет
Гнет мелочных людей,
И душу не скрывает
Вам остов из костей.

Вам в глубь миров проникнуть
И их проклясть дано,
О ненависти крикнуть,
Что на душе черно.

На небо смерч могли бы
Вы бросить, гром любой,
Вы облака зажгли бы,
Как молньей голубой,

А вы едва запели
Младенческий напев,
По миру еле-еле
Плететесь, ослабев.

Протяжно не звучит он,
Напев из ваших уст,
Тоскою не звенит он,
Он как-то глух и пуст.

Мой дух сковало тело,
А небо — мысль мою,
Повсюду есть пределы
Земному бытию.

Так громко сердце бьется,
Но не защищено,
И с жизнью расстается
От молнии оно.

И все ж оно бушует
И не боится бед,
Страдает и ликует,
В нем страха вовсе нет.

Вам всем пред ним склониться,
В нем сила и полет,
Вы — ветров вереница,
Вам имя бурь нейдет.

Я цепи все сломаю
И к небу полечу,
Пожаром запылаю
И мир весь охвачу.

Прямa моя дорога,
Я горы сокрушу,
У мира и у бога
Отчета попрошу.

Ты, небо, падай, падай,
Я упаду с тобой,
Раздавленный громадой,
Останусь я собой.

Как буду умирать я,
Богам и бытию
Пошлю мое проклятье
И злую боль мою.

СТАРИК

РОМАНС В ШЕСТИ ПЕСНЯХ

I

Сидел старик у моря
И с ним дитя,
Взгляд застывает в горе,
По ветру летя.

От тягости непостижной
В душе немота,
Голова его неподвижна,
Неподвижны уста.

И сын с тоскою глубокой
На него глядит,
А слезы льются потоком,
И он говорит:

«Отец дорогой, так чудесно
Эти волны звучат,
В них дивный отблеск небесный,
Что ж ты не рад?»

II

На мальчика старец возводит
Потухший взор,
Далёко мысль его бродит,
На слова он не скор.

«Нет, радости я едва ли
Воскурю фимиам,
Скорее я дань печали
И горю отдам».

«Узнать мне разрешено ли,
Ты мне скажешь когда-нибудь,
О какой говоришь ты боли,
Что гложет твою грудь?»

«Я пока говорить не буду,
И какой в этом толк?
Будет час — скорбь увидишь повсюду,
И узнаешь свой долг».

III

Старик ненасытным взглядом
На сына глядит,
Он радость свою и отраду
Прижимает к груди.

Показал на волны живые
  Он тихой рукой,
Словно клады они земные
  Унесли с собой.

И опять он глядит так печально,
  Как и в прежний миг,
Шепчет ветер лишь погребальный
  В волосах седых.

А мальчику странно-странно,
Но слово отца
Трепещет в груди постоянно
Без конца.

IV

Старик у самого моря
С сыном своим стоит,
Радость в блестящем взоре,
Все его веселит.

«Как волны сверкают в кипенье
Лишь по воле творца,
Так нам бы без принужденья
Жить и жить без конца.

Но пришли угнетатели морем
С цепями, с мечом,
И с тех пор мы исходим горем
В краю родном.

Но народ встал в ночи постылой
За свободу свою;
Завтра можешь испробовать силу
И ты в бою».

V

Старик сидит у моря
В ночи, в ночи,
В его просветленном взоре
Как солнца лучи.

Пред ним просторы морские,
Он смотрит туда —
Не несут ли волны седые
Боевые суда.

Бесконечно моря волненье,
Взгляд вдаль устремлен,
Его сын пошел в сраженье,
Скоро ль будет здесь он?

Сам сказал он: «Сражайся за право!» —
И сын полетел
Сбросить цепи, что враг лукавый
На страну надел.

VI

И слышит он — издалека
Песнь победы слышна.
«Враг коварный разбит жестоко,
Свободна страна!»

И уже к земле безопасной
Суда спешат,
Сын выходит на берег прекрасный,
Горит его взгляд.

Весь в крови, он глядит горделиво,
Украшен венком.
Он подходит к отцу молчаливо,
Сверкая огнем.

Тот сына к груди прижимает,
Радость на челе,
И душа его оставляет
Тело на земле.

БОГИНЯ РЕЙНА

БАЛЛАДА

К Рейну юноша подходит —
Как блестит волна!
Он с нее очей не сводит,
Взгляд проник до дна.

И не может он прохладу
От души вдохнуть,
Не впивает их отраду
Молодая грудь.

Он вздыхает, он страдает,
Вздохи глубоки,
Слезы по щекам стекают,
Полные тоски.

Он в мечте тоскливо-сладкой
На реку глядит,
Кажется, что лихорадкой
Лоб его горит.

А когда в вечернем глянце
Солнце сходит вниз,
Пред закатом — вдруг румянцем
Щеки занялись.

Пульс его сильнее бьется,
И горит чело,
Кажется — вот взгляд зажжется
Радостно-светло.

«Неужель ее приветить, —
Молвит он волне, —
И в зеленом доме встретить
Не придется мне?

Ветра слышу я дыханье,
Как вода поет;
Вижу я волны сверканье,
Что спешит вперед.

Но к чему мне красок сладость,
Блеск и пестрота.
Эта пышность мне не в радость,
Не о том мечта!

Мне известно, краски, волны,
Что таите вы,
Спите ли, молчанья полны,
Мчитесь ли, резвы.

Ваша глубина богиню
Дивную таит,
Что над всею гладью синей
Правит и царит.

Неизвестное земному
Краю существо,
Человеку незнакомо
Это волшебство.

Я стремлюсь всегда мечтами
Только к ней, сюда,
Не сдержать меня цепями
Людям никогда».

А волна шумит прощально,
Звук ее суров.
«Ухожу опять печально
Я от берегов!»

Юноша глядел на волны,
Свет луны сиял,
Рейн лицо его безмолвно,
Грустно отражал.

Голос, ветерка нежнее,
Вдруг в волнах звучит.
Слышит юноша, робея,
А волна молчит.

«Ты тоску напрасно множишь,
Дам тебе совет:
Ты меня лишь слышать можешь,
Но не видеть, нет!»

Он услышал — и клокочет
Чувство в нем смелей,
Он ее увидеть хочет,
Он не стал трезвей.

«Долг пусть призывает властно —
Не хочу домой.
Дай увидеть мне прекрасный
Лик, богиня, твой».

«Пред мольбой должна склониться,
Милый человек,
С жизнью лишь своей проститься
Должен ты навек!»

И она в величье властном
По волнам плывет
И уходит вглубь бесстрастно —
Он уж не живет.

ПЕНА

Волна по камням гармонично журчит,
Блестящими хлопьями вкруг разливаясь,
Растут они быстро, поверхность кипит
И пенится, искрами вдруг зажигаясь.

Волна водопадом свергается вниз,
Утес одинокий она покрывает,
И пены уже пузыри поднялись,
В заливах искристых пена всплывает.

Она блестит, ослепляет она,
Зовет меня вниз с утесов окрестных,
Я б бросился вниз, где шумит волна,
В цветах искупался бы этих чудесных.

И хочется мне туда в глубину,
Меня тянет какая-то высшая сила.
Я прыгаю с камня в волну,
Такое волненье меня охватило.

Стоял наверху товарищ со мной,
Поступок мой он не мог объяснить.
Смеялся, бранился приятель мой,
Меня от прыжка он не мог отвратить.

А я гляжу на пену вокруг,
И на сердце моем стало как-то странно,
Голова кружилась, захотелось мне вдруг
Блаженства миг ощутить несказанный.

«О как все мерцает, как все блестит,
Как все парит, словно на небе тучи,
Сердце как будто на небо летит,
Как будто я поднят пеной летучей.

Такой игры красок уж мне не видать,
Громад, что вздымаются ввысь белоснежно,
Внизу так прохладно, так вольно дышать,
И нервам отрадно и чувствам мятежным.

Какой здесь восторг в твою душу проник,
Паришь ты далеко от бренного мира.
Какой живописец такого достиг?
Все соткано будто из хлопьев эфира».

Я радость удерживать больше не стал,
Глаза и лицо я омыл себе пеной,
Ее к кипящей груди прижимал,
Я в лоно потока проник дерзновенно.

Глаза мои залил свет золотой,
И встал я, и вышел из пенного ложа,
Но там, где все было полно красотой,
Волна лишь кипела, мечту уничтожа.

И слезы из глаз потекли моих —
«Ведь видел ты красоты сиянье,
Оно появилось пред взглядом на миг,
Как тучи, цветы, благоуханье...

Но сердцу жажду как утолить?
Оно хотело до сути добраться,
Сверкающей пеной себя облить —
Пришлось ему с мечтою расстаться!»

В погоню за красотой ты пойдешь
И думаешь — боги услышат моленья,
Бросаешься ты в глубину — и что ж?
Прекрасного больше нет виденья!

ЯВЛЕНИЕ

Когда ж соединится
Души вечерний свет
И вздохов вереница,
Обычной жизни бред —
С лучами разума златыми,
Словами божества святыми?

Иль в сумерках туманных
Все должен я бродить,
Желаний полон странных,
С мечтами лишь дружить?
В самом себе вполне замкнуться
И от исканий отвернуться?

К чему тогда стремленье
И дум морской поток?
Я думал — то паренье
Мне ниспослал сам бог.
Ужель все то мечты пустые,
Что слезы лишь родят глухие?

И только лишь пойду я
Путем небесных сфер,
Едва наверх взгляну я,
Забыв обман химер,

Я слышу голос состраданья:
«Что хочешь на ступени знанья?

Твой шаг земной и грубый
Позорит храм благой,
Тебе веселье любо? —
У этой двери стой!
Коль глубиной ты увлечешься,
Отчаяньем одним напьешься!

Пред целью той поникнуть,
Парящей вдалеке,
В себя и в мир проникнуть
Обязан ты в тоске,
Познать игру всех сил могучих —
Того и не желай ты лучше!»

Тут с неба вниз слетает
Благое существо,
Тихонечко роняет
Слова, как волшебство:
«К чему боязни и сомненья
И постоянные мученья?

И тень, и свет небесный
Сроднились — ты взгляни,
В себе ты так же тесно
Врагов соедини.
Коль зов один глушить ты будешь,
К борьбе обоих ты принудишь.

Игру оставь ты сердцу,
А небу смысл оставь,
И при моем посредстве
Их от вражды избавь.
Когда они совсем сольются,
Ты можешь в радость окунуться.

Меня давно ты знаешь,
Ко мне ты знаешь путь
И часто прибегаешь,
Устав, ко мне на грудь.
Будь подданным моим всецело,
Чтоб тьма тобою не владела».

ЗВЕЗДЫ

ТРИ СОНЕТА

I

На рой звезд тоскливо я глядел,
«Неужель ее навек не стало,
Той, чье чувство нежно трепетало,
Ведь любовь была ее удел!
Звезды! Как пустынен ваш предел,
Господина власть вас всех связала,
Вечность путь вам вечный указала,
Здесь же дух возвышенный сгорел!
Чем вам заменить пред богом вашим
Эту душу, близкую ему,
Что ему молилась одному?
Разве чистый взор в слезах не краше
Всех его небес? Иль не светлей
И не ярче солнца свет очей?»

II

«Звезды, вы способны ли молиться,
Чувствовать, кто светит там с высот,
Перед кем безмолвен небосвод,
Времени поток у ног струится?
Нет, ваш свет спокойно серебрится,
Нет в вас сердца, что лишь им живет,
Голос ваш того не позовет,
Чья метает молнии десница.
Блеск ваш — это горних духов свет,
Что средь вас извечно обитают,
Средь эфира без тревог летают
В дивной пляске сфер, не зная бед.
И земной над ними нет уж власти,
Вечное паренье — вот их счастье».

III

Что ж при свете звезд так ноет грудь?
Непонятное души желанье,
Что, полна любви, полна страданья,
Прочь из тела хочет упорхнуть.
Сердца зов не может обмануть,

Не химеры — голосов воззванья,
Что зовут, влекут нас на дерзанья,
Ангел нам показывает путь.
Да теперь ее я вижу ясно —
К духу близкому она летит,
Взгляд его навстречу ей блестит
Со звезды далекой и прекрасной.
Вот она — узнал я — в высоте,
В блеске и духовной чистоте.

ЭНГЕЛЬБЕРТ КЛИНГХОЛЬЦ

БАЛЛАДА

С своею выдумкой прекрасной
Прошедшие ушли века,
С огнем, сиявшим прежде ясно,
Вздымавшим пламя в облака.
Лишь к одному явило время милость,
Его не унеся, остановилось.

Блестит он в царстве этом бедном,
Гнилых развалин образец,
На черепе холодном, бледном,
Златой зари горит багрец,
Но только вся игра лучей напрасна,
Она пробить тот череп все ж не властна.

Один из рыцарей немецких,
Саксонец Энгельберт — он был
Герой ста схваток молодецких,
И предков он не посрамил.
Он в миньятюру превратился,
В сюртук берлинский облачился.

Лицо его перекосило,
Исчезло взоров волшебство,
Его согнуло, искривило,
Смотреть нам страшно на него.
С Медузой он бы мог вполне сравниться,
И Парка на него глядеть страшится.

Лепечет что-то он; однако
Тот лепет с гоготаньем схож,

Такой бывает в царстве мрака,
Таких при свете не найдешь.
Теперь позвольте рассказать, откуда
Явилось к нам, сюда, вот это чудо.

В лесу — рассказ так начинался —
Стояло дерево в густых кустах,
И там случайно оказался
Из темной Индии монах —
Пройдя по многим странам отдаленным,
Решил прилечь под древом, утомленный.

Но это дерево без тени,
На нем нет листьев, нет плодов,
Кругом деревья все в цветенье, —
Здесь не увидишь ты цветов.
О, как монах усталый рассердился,
Он к дереву свирепо обратился:

«Чурбан тупой и бесполезный,
Не дал прилечь ты старику,
И я тебя, мой друг любезный,
Уничтоженью обреку.
Ты в человека должен превратиться,
Но только будут все тебя страшиться».

Он посохом ударил с силой
О ствол, раздался звук глухой,
И вышел, словно из могилы,
Немецкий рыцарь наш живой.
Хоть был монах настроен нешутливо,
Все ж улыбнулся он на это диво.

Таким казался необычным
Тот, что явился вновь на свет.
Казался он себе приличным,
Но неуклюж, спасенья нет.
Он говорит: «Прекрасны вы, вы чудо,
Вас никогда, поверьте, не забуду».

Монах напутствие для жизни
Ему отечески дает:
«В другой ты будешь жить отчизне,
Ты встретишь там другой народ.

И дать тебе хочу я наставленье,
Каким твое должно быть поведенье.

Пускай тебе не будет странно,
Что неуклюжим будешь ты —
Какой художник из чурбана
Мог сделать чудо красоты?
Такому, кем ты *был,* дано немало —
И мускулы, и жабьих дней начало.

Прикрыть твой череп не могу я, —
Совсем без листьев был ты, брат,
Но толстых ниток подарю я,
Пускай они себе торчат.
Вот так и мозг и череп ты откроешь,
И этим все сомненья успокоишь.

Лишен навек глубокой думы,
Ты пуст, как тот чурбан лесной,
В котором волк, медведь угрюмый
И гусеницы спят зимой.
Тебе во лбу я сделал яму, чтобы
Ты признак глубины имел особый.

Тебя и речью одарил я,
В ней тоже неба благодать,
Но чтоб всегда мог без усилья
Ты ветер с бурей вспоминать,
То чаще издавай ты хриплый шепот,
Как голых веток глуховатый ропот.

От этого большая прибыль —
Пусть молвишь чепуху порой,
С тобой не станут спорить, ибо
Ты всех пугаешь хрипотой.
Коль нету слов и мыслей нету тоже —
Волшебной силы той, что есть дороже?

Тебя спасти искусство в силах —
Ведь жизнь тебе дало оно —
Как мумии, что спят в могилах,
Так и тебя — то все одно —
Порою умащать елеем нужно,
Иль жизнь твоя пред смертью безоружна.

Тебя никто толкать не будет,
Зато ты сам других толкай,
Суди, хотя тебя не судят,
Плоды от всех цветов хватай.
Пусть ничего ты этим не добудешь,
Зато ты стойким, твердым прозван будешь.

Тебя причислит к черни всякий,
Кто в желтый дом не кандидат,
Ты всем наперекор, однако,
Кричи: «Я, мол, *аристократ,*
С кронпринцем вечно одного я мненья,
Как он, люблю большие я именья».

Улитке подражай — без скока
Ходи, без явной быстроты...
Считают все, что ты далеко,
А ты подполз, уж рядом ты...
Теперь кидайся ты остервенело,
Скривятся все, но стерпят — действуй смело.

Пускай лишен ты обаянья,
И силы духа нет в тебе,
Людей пугать — и то призванье,
Подарок в жизненной борьбе.
Любовный взор к тебе не обратится,
Но будет всяк тебя зато страшиться.

Теперь иди, спеши за гадким,
За мерзким гением своим,
Любви ты не узнаешь сладкой,
Мечтой не будешь ты томим.
И свыше тысячи ты талеров получишь,
Год проживешь в Берлине ты всех лучше».

Итак, героя путь означен,
Волшебный старец прочь ушел,
Но страстным пламенем охвачен
Теперь, мы видим, бывший ствол.
А то, что в промежутке с ним случилось,
Для песни бы и вовсе не годилось.

Амур раз на земле увидел
Уродливое существо.

Весь мир был на него в обиде,
Кипела зависть вкруг него.
И рассмеялся бог любви: забавно!
Звенящее бревно *! Вот это славно!

Я вижу, что он смотрит гордо,
И в жизни новой преуспел,
Но кости, как они ни тверды,
Спасенья не дадут от стрел.
И в бедняка стрелу он посылает
И в нем огонь могучий зажигает.

Девица с кротостью во взгляде,
Эфирнейшее существо,
Волос каштановые пряди —
Она к себе влекла его.
Она горела некой силой властной,
Влекла душой живою и прекрасной.

Она парит в зефирном танце,
И женственность в чертах горит,
И все цвета в ее убранстве,
Что бог по одному дарит.
Земля и небо в ней соединились,
В гармонии чудесной воплотились.

В отчаянье он пал на землю,
Волшебной силой поражен,
Лишь страху и боязни внемля,
Он мрачной ночью окружен.
И вдруг вдали он слышит звук чудесный:
Старик-индус подходит, нам известный.

«Иль мне послать тебя в пустыни,
Где я тебя бревном узнал?
Иль жизнь твою пресечь отныне
Чтоб ты, как прежде, мирно спал?
Нет стал ты лучше, в ангела влюбленный,
То первый плод, тобою принесенный».

* Игра слов; по-немецки фамилия Клингхольц означает «звенящее бревно». *Ред.*

ПОКОЙ

Тебя хвалю нелицемерно,
Покой в твоих делах царит,
Слова твои спешат безмерно,
Но мысль зато — стоит.

ДУХОВНЫЙ ЦВЕТОК

«Высокий цвет да будет пощажен,
Тот самый, что воздвиг внутри могучий трон».
Исполните совет тот — или
Цветок тот упадет в бессилье.

ОПЕРА

I

Трагедьи ныне позабыты,
От них не будут люди сыты;
Вот оперы куда приятней людям,
А коль исчезнут — здоровее будем.

II

Мир древний опер не постиг, —
Но музыки был полон стих;
Теперь в местах таких запели,
Где б говорить мы не хотели.
Коль будет пенье в тяжкий труд,
Для болтовни есть место тут.

Опера «ГАНС ГЕЙЛИНГ» [176]

На землю дух небесный опустился,
В волнах житейских долго бился,
Познанья жажды, мужества лишен,
Но промолчим, ведь «Зал был ярко освещен».

Опера «БРОНЗОВЫЙ КОНЬ»[177]

Одна была здесь сцена,
Что мне понравилась отменно,
Таких побольше б — вот мечта —
Ведь сцена, хоть на миг — была пуста.

МИЗАНТРОП

Да, ты всегда людей бранить готов,
Ты точно знаешь, человек каков,
В глубины ты зашел такие,
Где не были еще другие.

АМОРАЛЬНАЯ И МИСТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Живете вы в одной заботе,
Один исток обеим дан,
В вас света нет, и вы течете
В уничтоженья океан.

И родственницы вы, конечно,
Насмешка вам — одна дорога.
Одна лишь черта дразнит вечно,
Другая — бога.

СТИХОТВОРЕНИЯ К. МАРКСА

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ ЕГО СЕСТРЫ СОФИ[178]

Написано К. Марксом в 1833 — приблизительно 1837 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

Мгновенья уходят,
Краток их счет,
То, что уводят,
Вновь не придет.

Жизнь — это тленье,
Смерть навсегда,
Наши стремленья
Родит нужда.

Исчезновенье
Всем предстоит:
Мысли, волненья
В ничто обратит.

Духи смеются
Над делом твоим,
Все люди бьются
Над чем-то пустым.

Только расстройство —
Все в мире зло,
Да беспокойство —
«Счастье прошло».

Жадны стремленья,
А цель — бедна,
Вся жизнь — мгновенье,
Страстей война.

Великим хвалиться,
Быть малым душой,
Себя стыдиться —
Вот жребий людской.

Карл Маркс

КАРЛ ВЕЛИКИЙ [179]

Покрыто было темнотою
И грубо стерто варварской рукой
Все созданное красотою,
Что было родственно душе людской.

Все то, что пел в одушевленье
Великой Греции поэт,
Что он унес от всесожженья
Прошедших безымянных лет.

Что, полный гнева и печали,
Сам Демосфен изобразил,
Когда на форуме народу тьма стояла,
А он Филиппа гордого стыдил.

Все, что велико и прекрасно,
Что муз волшебный круг им дал,
Что души покоряло властно,
Своею стер рукой вандал.

Жезлом взмахнул своим могучим
Великий Карл и музы воскресил,
И стала красота еще певучей,
Искусства он одушевил.

Смягчил он воспитаньем нравы
Холодной варварской земли,
И в хижинах царило право,
Закон там крепко берегли.

И больше, чем его походы,
В которых кровь лилась рекой,
Победы все, чреватые невзгодой,
Добытые геройскою рукой,

Нам то внушает восхищенье,
Что человечеству дал он
Венец прекрасный просвещенья,
Что вырвал он у варварских времен.

И будет жить он, незабвенный,
В истории растущей вширь земли,
И лавр она ему сплетет нетленный,
Чтоб бури времени его не унесли.

1833. Карл Маркс

ПРИЛОЖЕНИЯ

СВИДЕТЕЛЬСТВО О РОЖДЕНИИ КАРЛА МАРКСА

АКТ О РОЖДЕНИИ № 231

В году тысяча восемьсот восемнадцатом, *седьмого* числа *мая* месяца, в *четыре* часа *пополудни* передо мной — чиновником ратуши *Трира,* ведающим делами гражданского состояния в *Трирском* округе — предстал *господин Генрих Маркс, тридцати семи* лет [180], проживающий в *Трире, адвокат высшего апелляционного суда,* показал мне ребенка *мужского* пола и заявил, что этот ребенок появился на свет в *Трире пятого* числа *мая* месяца в *два* часа *утра* от *господина Генриха Маркса, адвоката,* проживающего в *Трире*, и его жены *Генриетты Пресборк* и что этому своему ребенку они пожелали дать имя *Карл*.

После того как был показан ребенок и было сделано вышеприведенное заявление в присутствии двух свидетелей, а именно: *господина Карла Петраша, тридцати двух* лет, *правительственного секретаря,* проживающего в *Трире*, и *Матиаса Кроппа, двадцати одного года, служащего,* проживающего в *Трире*, я обо всем этом в присутствии лица, показавшего ребенка, и свидетелей составил настоящий *акт* в двух экземплярах, которые после их зачтения были подписаны лицом, показавшим ребенка, свидетелями и мною.

Совершено в *Трире* в день, месяц и год, как указано выше.

Карл Петраш. *Кропп.* *Маркс.* *Э. Грах.*

Впервые опубликовано в Marx — Engels Gesamtausgabe. Erste Abteilung, Bd. 1, Hlbd. 2, 1929

Печатается в соответствии с документом

Полностью на русском языке публикуется впервые

ЕДИНЕНИЕ ВЕРУЮЩИХ С ХРИСТОМ ПО ЕВАНГЕЛИЮ ОТ ИОАННА, гл. 15, ст. 1—14, ЕГО ПРИЧИНА И СУТЬ, БЕЗУСЛОВНАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ И ОКАЗАННОЕ ИМ ВЛИЯНИЕ[181]

ГИМНАЗИЧЕСКОЕ ЭКЗАМЕНАЦИОННОЕ СОЧИНЕНИЕ К. МАРКСА ПО РЕЛИГИИ

Прежде чем рассматривать причину и суть и влияние единения Христа с верующими, мы должны установить, необходимо ли это единение, обусловлено ли оно природой человека, не в состоянии ли он самостоятельно достигнуть той цели, для которой бог создал его из ничего.

Если мы обратим свой взгляд на историю, эту великую учительницу человечества, то увидим, что в ней глубоко запечатлено, что всякий народ, даже если он достиг высочайшей степени культуры, если из его среды вышли величайшие люди, если у него искусства достигли полного расцвета, если науки разрешили самые трудные вопросы, несмотря на все это не в состоянии был сбросить с себя оковы суеверий, что он не составил истинного и достойного понятия ни о себе, ни о божестве, что в нем никогда ни нравственность, ни мораль не являются свободными от чуждых добавлений, от неблагородных ограничений, что даже его добродетели скорее созданы грубой силой, необузданным эгоизмом, жаждой славы и смелыми действиями, чем стремлением к истинному совершенству.

И древние народы, дикари, которые не познали еще учения Христа, обнаруживают внутреннее беспокойство, боязнь гнева своих богов, внутреннее убеждение в своей отверженности и приносят жертвы своим богам, надеясь этим искупить свою вину.

Даже величайший мудрец древности, божественный Платон, во многих местах выражает глубокую тоску по высшем существе, появление которого удовлетворило бы неудовлетворенное стремление к свету и истине.

Так история народов показывает нам необходимость единения с Христом.

Но и тогда, когда мы рассматриваем историю отдельного человека, природу человека, мы хотя и видим в груди его искру божества, влечение к добру, стремление к познанию, тоску по истине, но огонь желания пожирает даже искры вечного: искушающий голос греха заглушает стремление к добродетели,

оно презрительно отбрасывается, когда жизнь дает нам почувствовать всю свою власть. Низменное стремление к земным благам вытесняет стремление к познанию, тоска по истине заглушается ласкающим голосом лжи, и таким образом человек, единственное существо в природе, которое не достигло своей цели, единственный член в целом мироздании, который не достоин бога, создавшего его. Но добрый творец не мог ненавидеть свое творение; он хотел возвысить его до себя и послал своего сына и возвестил нам через него:

«Вы уже очищены чрез слово, которое я проповедал вам» (*Иоанн*, 15, 3).

«Пребудьте во мне, и я в вас» (*Иоанн*, 15, 4).

После того как мы видели, как история народов и размышления отдельных личностей доказывают необходимость единения с Христом, мы рассмотрим теперь последнее и самое трудное доказательство, самое слово Христа.

А где же яснее выражает он необходимость единения с ним, как не в прекрасном сравнении с виноградной лозой и ветвью, где он называет себя виноградной лозой, а людей ветвями. Ветвь сама по себе не может приносить плодов, так и вы, говорит Христос, не можете ничего сделать без меня. Еще сильнее высказывается он об этом, говоря:

«Кто не пребудет во мне» и т. д. (*Иоанн,* 15, 4, 5, 6).

Между тем это надо понимать лишь в отношении тех, которые могли узнать слово Христа. Ибо мы не можем судить о решениях господних о других народах, так как мы даже не в состоянии понять его.

Наше сердце, разум, история, слово христово громко и убедительно говорят нам, что единение с ним безусловно необходимо, что мы без него не можем достигнуть своей цели, что без него мы были бы отвержены богом, что только он в состоянии был спасти нас.

Проникнутые убеждением, что это единение безусловно необходимо, мы хотим узнать, в чем же состоит сей высокий дар, этот луч света, который из высших миров проникает в наше сердце, одушевляя его, и просветленными возносит нас на небо, — какова внутренняя суть и причина его?

Раз мы поняли необходимость единения, причина его, наша потребность в спасении, наша склонная к греху природа, наш колеблющийся разум, наше испорченное сердце, наша отверженность от бога для нас ясны, и нам незачем больше искать причину его, какова бы она ни была.

Но кто мог бы прекраснее выразить сущность единения, чем сделал это Христос в сравнении виноградной лозы с виноградной ветвью? Кто мог бы в больших трактатах изобразить так всесторонне все части, самую сокровенную часть этого единения, как не сам Христос словами:

«Я есмь истинная виноградная лоза, а отец мой — виноградарь» (*Иоанн,* 15, 1).

«Я есмь лоза, а вы ветви» (*Иоанн,* 15, 5).

Если бы ветвь могла чувствовать, с какой радостью смотрела бы она на садовника, который ухаживает за ней, который осторожно очищает ее от сорных трав и крепко привязывает ее к лозе, из которой она извлекает пищу и соки для прекрасных цветов.

В единении с Христом мы прежде всего обращаем любящие взоры к богу, чувствуем к нему самую горячую благодарность, с радостью падаем перед ним на колени.

А затем, когда, благодаря нашему единению с Христом, для нас взойдет более яркое солнце, когда мы почувствуем всю нашу отверженность и в то же время будем ликовать по поводу нашего спасения, только тогда сможем мы полюбить того бога, который прежде казался нам оскорбленным властителем, теперь же является всепрощающим отцом, добрым наставником.

Но не только на виноградаря смотрела бы виноградная ветвь; если бы она могла чувствовать, она тесно прижалась бы к лозе, она почувствовала бы себя самым тесным образом связанной с ней и с выросшими на ней ветвями; она уже потому полюбила бы другие ветви, что один и тот же виноградарь заботится о них, один ствол дает им силу.

Таким образом, единение с Христом состоит в самом тесном и живом общении с ним, в том, что мы всегда имеем его перед глазами и в сердце своем и, проникнутые величайшей любовью к нему, обращаем в то же самое время сердце наше к нашим братьям, которых он тесно связал с нами, за которых он также принес себя в жертву.

Но эта любовь ко Христу не бесплодна, она не только преисполняет нас чистейшего почитания и уважения к нему, а приводит к тому, что мы соблюдаем его заветы, жертвуя собой друг для друга, будучи добродетельными, но добродетельными только из любви к нему (*Иоанн*, 15, ст. 9, 10, 12, 13, 14).

Это — та огромная пропасть, которая отделяет христианскую добродетель от всякой другой и возвышает ее над всякой

другой, это — одно из величайших действий, которое производит в человеке единение с Христом.

Добродетель здесь уже не мрачное чудовище, каким изображает ее стоическая философия; она не детище сурового учения о долге, какое мы встречаем у всех языческих народов, но то, что она делает, она делает из любви к Христу, из любви к божественному существу, и, выходя из этого чистого источника, она является освобожденной от всего земного и поистине божественной. Всякая отталкивающая сторона отпадает, все земное уходит, все грубое исчезает, и добродетель вся преображается, становясь в то же самое время мягче и человечнее.

Никогда человеческий разум не в состоянии был изобразить ее таким образом; его добродетель всегда оставалась ограниченной, земной добродетелью.

Достигши этой добродетели, этого единения с Христом, человек тихо и спокойно будет ожидать ударов судьбы, мужественно устоит против бури страстей, неустрашимо перенесет ярость злого, ибо кто в состоянии его угнетать, кто в состоянии отнять у него его Спасителя?

Он знает, что все то, о чем он просит, будет дано, ибо он просит только о единении с Христом, следовательно, только о божественном, и кого не возвысит и не утешит это слово, которое Спаситель сам возвещает? (*Иоанн*, 15, 7.)

И кто не будет охотно переносить страдания, зная, что своим пребыванием во Христе, его делами выражается уважение к самому богу, что его совершенство возвышает владыку мира? (*Иоанн*, 15, 8.)

Таким образом, единение с Христом внутренне возвышает, утешает в страданиях, успокаивает и дает сердце, открытое человеческой любви, всему великому, благородному не из-за честолюбия, не из стремления к славе, а только ради Христа. Таким образом, единение с Христом дает радость, которую эпикуреец напрасно пытается найти в своей поверхностной философии, более глубокий мыслитель — в скрытых глубинах знания, которую знает только простодушное детское сердце, соединенное с Христом и через него с богом и которая делает жизнь прекраснее и возвышенней (*Иоанн*, 15, 11).

Написано К. Марксом 10 августа 1835 г.

Впервые опубликовано в издании: «Archiv für die Geschichte des Sozialismus und der Arbeiterbewegung», Jg. 11, Leipzig, 1925

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

ЗАСЛУЖЕННО ЛИ ПРИЧИСЛЯЮТ ПРИНЦИПАТ АВГУСТА К БОЛЕЕ СЧАСТЛИВЫМ ЭПОХАМ РИМСКОГО ГОСУДАРСТВА? [182]

ГИМНАЗИЧЕСКОЕ ЭКЗАМЕНАЦИОННОЕ СОЧИНЕНИЕ К. МАРКСА НА ЛАТИНСКОМ ЯЗЫКЕ

Перед тем, кто пожелает исследовать вопрос о том, каким было время Августа, открывается много способов, с помощью которых он может об этом судить: во-первых, он может прибегнуть к сравнению с другими эпохами римской истории, ибо если показать, что время Августа было похоже на те предшествующие эпохи, которые называют счастливыми, и не похоже на те эпохи, в которые, по суждению современников и новейших исследователей, нравы изменились и ухудшились, государство раскололось на партии, а на войне его постигали неудачи, — то по этим эпохам можно делать заключения об эпохе Августа; затем нужно исследовать, что говорили об этой эпохе древние, как смотрели на империю чужеземцы, боялись ли они ее или презирали, и, наконец, как обстояло дело с искусствами и литературой.

Но для того чтобы не быть слишком многоречивым, я сравню с эпохой Августа прекраснейшую эпоху из числа предшествовавших ей, эпоху, которую сделали счастливой простота нравов, стремление к добродетели, честность должностных лиц и народа, эпоху, когда была подчинена Нижняя Италия, а сделав это, сравню с ней эпоху Нерона, несчастнее которой не было.

Ни в одно время римляне не чувствовали такого отвращения к занятию изящными искусствами, чем в эпоху, предшествовавшую Пуническим войнам [183], когда образование уважалось в наименьшей степени, ибо самые выдающиеся люди тех времен занимались главным образом земледелием и уделяли внимание только ему, когда красноречие было излишне, так как люди немногими словами говорили о том, что следует делать, и требовали не изящества речи, а изложения сути предмета; история тогда не нуждалась в красноречии, а сообщала только о фактах и сводилась лишь к написанию анналов.

Однако весь этот период был наполнен борьбой между патрициями и плебеями, потому что с момента изгнания царей вплоть до первой Пунической войны продолжались споры о правах тех и других, а бóльшая часть истории излагает

лишь законы, которые издавали трибуны или консулы, ожесточенно боровшиеся друг с другом.

О том, что достойно похвалы в это время, мы уже сказали.

Для того чтобы описать эпоху Нерона, не нужно много слов, потому что кому же не ясно, каково было это время, если убивали лучших граждан, если царил гнусный произвол, если нарушались законы. Рим был сожжен, а полководцы, поскольку они боялись, что их успешные деяния могут вызвать подозрения, и поскольку ничто не толкало их к великим делам, искали славы больше в мире, чем в войне.

Что эпоха Августа не похожа на эту последнюю эпоху, никто не может сомневаться, ибо его правление знаменито кротостью. Хотя исчезла всякая свобода и даже всякая видимость свободы, хотя по приказу принцепса менялись учреждения и законы и вся власть, которой раньше обладали народные трибуны, цензоры и консулы, перешла в руки одного человека, — римляне все же полагали, что правят они и что слово «император» — это только другое название для тех должностей, которые прежде занимали трибуны и консулы, и не замечали, что у них отнята свобода. И разве это не верное доказательство мягкости правления, если граждане могут сомневаться, кто является принцепсом и управляют ли они сами или ими управляют?

На войне же римляне никогда не были удачливее, потому что в это время были покорены парфяне, побеждены кантабры, разгромлены реты и винделики. Германцы же, злейшие враги римлян, с которыми безуспешно боролся Цезарь, хотя в отдельных сражениях в результате предательства, коварства, доблести и того, что они жили в лесах, и побеждали римлян, но вообще мощь многих племен Германии была сокрушена благодаря тому, что Август даровал отдельным лицам римское гражданство, благодаря силе войск, которыми руководили опытные полководцы, а также в результате вражды, возникавшей между самими германскими племенами.

Итак, ни в отношении внутренних дел, ни в отношении военных действий эпоху Августа нельзя сравнивать с эпохой Нерона и еще более худших принцепсов.

Что касается партийных раздоров и споров, которые происходили в эпоху, предшествовавшую Пунической войне, то и они прекратились, потому что, как мы видим, Август сосредоточил в своем лице все партии, все должности, всю власть, и, следовательно, верховная власть не могла расходиться сама с собой, что приносит высшую опасность любому

государству, поскольку в результате этого его авторитет у чужеземных народов уменьшается, а общественными делами занимаются больше в силу честолюбия, чем ради блага народа.

Однако эпоха Августа не должна восхищать нас до такой степени, чтобы мы не видели, что она во многих отношениях хуже эпохи, предшествующей Пуническим войнам. Ибо нельзя называть эпоху счастливой, если нравы, свобода и доблесть понесли ущерб или пришли в полный упадок и если царят скупость, расточительность и невоздержанность; однако ум Августа, учреждения и законы, созданные людьми, которых принцепс избрал для того, чтобы улучшить положение потрясенного государства, оказали большое воздействие на ликвидацию последствий, вызванных гражданскими войнами.

Например, мы видим, что Август очистил от следов преступлений сенат, в состав которого проникли в высшей степени продажные люди, удалил из него многих, чьи нравы ему были ненавистны, и ввел многих других, которые отличались доблестью и умом.

Во время принципата Августа государству служили всегда мужи, славившиеся своей доблестью и мудростью, ибо разве можно назвать в эту эпоху людей более значительных, чем Меценат и Агриппа! Хотя мы видим, что принцепс никоим образом не был свободен от притворства, он, по-видимому, как мы уже сказали, не злоупотреблял силой и прикрывал ненавистную власть видимостью мягкости. И если государство, каким оно было до Пунических войн, было наиболее пригодным для своего времени, так как оно возбуждало в душах стремление к великим делам, внушало страх врагам и вызывало между патрициями и плебеями прекрасное соревнование, которому, правда, не всегда была чужда зависть, то государство, которое установил Август, кажется нам наиболее пригодным для его времени. Ибо когда люди изнежены и простота нравов исчезает, а размеры государства увеличиваются, — то император может лучше обеспечить свободу народу, чем свободная республика.

Теперь переходим к тому, каково было суждение древних об эпохе Августа.

Они называют его божественным, считают, что он скорее бог, чем человек. Этому можно было бы не верить, если бы об этом свидетельствовал только Гораций. Однако и выдающийся историк Тацит всегда говорит об Августе и его эпохе с величайшим почтением, высочайшим восхищением и даже с любовью.

А литература и искусства ни в какие времена так не процветали; в эту эпоху жили многие писатели, и их творения служили источником, из которого почти все народы черпали образование.

Итак, поскольку государство, по-видимому, было хорошо устроено, принцепс хотел принести народу счастье, и наиболее выдающиеся люди по его инициативе занимали государственные должности, поскольку эпоха Августа не уступает лучшим эпохам римской истории и поскольку она, по-видимому, отличается от дурных эпох; поскольку мы видим, что партийные споры и раздоры прекратились, а искусства и литература процветали, — то в силу всего этого принципат Августа заслуженно следует причислить к лучшим эпохам, а также отметить, что большого уважения заслуживает и тот человек, который хоть и имел возможность делать все, однако, достигнув власти, думал только о благе государства.

Написано К. Марксом 15 августа 1835 г.

Впервые опубликовано в издании: «Archiv für die Geschichte des Sozialismus und der Arbeiterbewegung», Jg. 11, Leipzig, 1925

Печатается по рукописи

Перевод с латинского

АТТЕСТАТ ЗРЕЛОСТИ ВОСПИТАННИКА ТРИРСКОЙ ГИМНАЗИИ

Карла Маркса,

родом из *Трира*, 17 лет от роду, *евангелического* исповедания, сына *адвоката-стряпчего, господина юстиции советника Маркса из Трира,* пробывшего 5 лет в Трирской гимназии и 2 года в первом классе.

I. Нравственное поведение по отношению к начальству и товарищам *было хорошее.*

II. Способности и прилежание. *Он обладает хорошими способностями; проявил в древних языках, в немецком и в истории весьма удовлетворительное, в математике удовлетворительное и во французском только слабое прилежание.*

III. Знания и успехи.

1. Языки:

a) В немецком *его грамматические познания, как и его сочинение, очень хороши.*
b) По-латыни *он переводит и объясняет легкие места читаемых в гимназии классиков без подготовки, бегло и уверенно; а при надлежащей подготовке или при некоторой помощи часто и более трудные места, в особенности такие, где трудность заключается не столько в особенностях языка, сколько в сущности и в общей связи идей. Его сочинение обнаруживает, объективно говоря, богатство мыслей и глубокое понимание предмета, но часто оно излишне перегружено; в лингвистическом отношении оно свидетельствует о продолжительных упражнениях и стремлении к настоящему латинизму, хотя в нем попадаются еще грамматические ошибки. В устной речи он приобрел удовлетворительную беглость.*
c) В греческом *его познания и его умение понимать читаемых в гимназии классиков почти такие же, как в латинском*[184].
d) Во французском *его грамматические познания довольно хороши; он читает с некоторой помощью и трудные вещи и обладает некоторой беглостью в устном изложении.*
e) В еврейском *.

2. Науки:
a) Религиозные познания. *Его знания христианского вероучения и этики довольно ясны и обоснованы; и он в известной степени знает историю христианской церкви.*
b) Математика. *По математике у него хорошие познания.*
c) В истории и географии *он, в общем, имеет довольно удовлетворительные познания.*
d) Физика. *В физике знания у него средние.*
e) ⟨Философская пропедевтика⟩ **

3. Навыки:
a) ⟨Рисование⟩ **
b) ⟨Пение⟩ **

Нижеподписавшаяся экзаменационная комиссия на основании этого, ввиду того, что он оставляет теперь гимназию, чтобы

* Не заполнено. *Ред.*
** Места в угловых скобках здесь и ниже в аттестате вычеркнуты. *Ред.*

изучать юриспруденцию, постановила выдать ему аттестат зрелости и выпускает его, *питая надежды, что он оправдает возлагаемые на него, благодаря его способностям, надежды.*

Трир, *24 сентября* 1835 г.

Королевская Экзаменационная Комиссия
Брюггеман, королевский комиссар
Виттенбах, директор
Лёрс
Хамахер
Швендлер *Кюппер*
Штайнингер *Шнееманн*

Впервые опубликовано в издании «Archiv für die Geschichte des Sozialismus und der Arbeiterbewegung», Jg. 11, Leipzig, 1925

Печатается в соответствии с документом

Перевод с немецкого

ГЕНРИХ МАРКС — КАРЛУ МАРКСУ

В БОНН [185]

Трир, 8 ноября 1835 г.

Милый Карл!

Прошло больше трех недель, как ты уехал [186], а от тебя ни слуху ни духу! Ты знаешь свою мать и ее страхи — и все же такая безграничная небрежность! Это, к сожалению, слишком подтверждает мнение, сложившееся у меня, несмотря на некоторые твои хорошие качества, — что в душе ты эгоистичен.

Мама* об этом письме ничего не знает. Я не хочу приумножать ее страхи, но повторяю, что это с твоей стороны безответственно.

Я лично могу и подождать, но жду, что ты не замедлишь успокоить маму.

Твой отец
Маркс

Впервые опубликовано в Marx—Engels Gesamtausgabe. Erste Abteilung, Bd. 1, Hlbd. 2, 1929

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

* — Генриетта Маркс. *Ред.*

ГЕНРИХ МАРКС — КАРЛУ МАРКСУ
В БОНН

Трир, 18—29 ноября 1835 г.

Милый Карл!

Прежде всего, несколько слов о моем письме, которое, возможно, огорчило тебя. Ты знаешь, что я не хочу педантично пользоваться авторитетом отца. Я могу и собственному ребенку признаться, если в чем-либо неправ. Я, действительно, сказал тебе, чтобы ты написал, когда немного осмотришься. Все же, коль скоро дело затянулось, тебе следовало бы не так буквально принимать мои слова, — тем более, что ты знаешь, как беспокоится и боится за тебя твоя добрая мама. Ну, об этом хватит.

Твое письмо, которое я разобрал с трудом, доставило мне много радости. Я не сомневаюсь в твоей доброй воле, в твоем усердии, а также в твоем твердом намерении совершить что-то дельное. Пока же меня радует, что начало занятий тебя удовлетворяет, они даются тебе легко и что ты понемногу входишь во вкус своей профессии.

Девять лекционных курсов, мне кажется, многовато. Я не хочу, чтобы ты делал больше, чем могут выдержать тело и душа. Но, если тебе это не слишком трудно, пусть будет так. Поле знаний неизмеримо, а время ограничено. В следующем письме ты мне, вероятно, напишешь побольше и поподробнее. Ты знаешь, как меня интересует все, что тебя близко касается.

Ты не должен треб[овать] от лекций по праву [...] нежности и поэтичности. Сама материя не допускает [...] поэтического творчества, тебе придется с этим примириться и [...] счесть достойным глубоких мыслей. Извини [...] предметы.

Что еще тебе сказать? Читать наставления? Чтобы [...] сказать тебе то, чего ты не знаешь? Хотя ты достаточно одарен от природы [...] Твой ясный ум, чистота твоих чувств, твоя неиспорченность не дадут тебе свернуть с правильного пути [...] А мои желания тебе хорошо известны. Я хочу, чтобы ты добился [...], чего при менее благоприятных обстоятельствах [...] не мог достигнуть я. Желаю тебе стать тем, что могло бы получиться из меня, если бы я появился на свет в столь же благоприятных условиях. Мои лучшие надежды ты можешь и оправдать и разрушить. Может быть, неправильно и одновременно неразумно возлагать свои лучшие надежды на одного человека и этим подрывать свой собственный покой. Но кто, как не природа, повинна в том, что и не слишком слабые люди проявляют отцовские слабости?

Тебе, милый Карл, выпало на долю счастье, какое редко достается юношам твоего возраста. Ты в самом начале своего

жизненного пути нашел друга, и притом друга весьма достойного, старше тебя и опытнее. Умей ценить это счастье. Дружба в подлинном, классическом смысле этого слова — прекраснейшая жемчужина в жизни, а в таком возрасте, как твой, — совершенно необходимая для жизни. Лучшим пробным камнем твоего характера, твоего ума и сердца, более того — твоей нравственности, будет то, сумеешь ли ты сохранить этого друга и остаться достойным его.

В том, что ты остаешься нравственно чистым, я действительно не сомневаюсь. Но все же великим двигателем морали является чистая вера в бога. Ты знаешь, я далеко не фанатик. Но человек раньше или позже испытывает [потреб]ность в вере, и в жизни бывают минуты, когда даже безбожник [нево]льно склоняется перед всевышним. И это обычно так [...], ибо каждый может поклониться тому, во что верили Ньютон, Локк и Лейбниц.

[Господин] Лёрс очень обиделся, что ты не нанес ему прощального визита[187]. Он [сказал] господину Шлику, что так поступили только ты и Клеменс. Мне пришлось решиться на невинную ложь и сказать ему, [что...] мы были там в его отсутствие [...] Общество [...] упоминание тебя вместе с Клеменсом мне не слишком понравилось.

Господин Лёрс назначен вторым директором, и вчера для введения его в должность сюда прибыл в качестве комиссара господин [Брюгге]ман. Было очень [...] торжественно: господин Б[рюггеман] и господин Лёрс выступали с речами. Днем господин Лёрс дал большой обед, на котором присутствовал и я. Многие, с кем я здесь беседовал, осведомлялись о тебе, и со всех сторон мне желали счастья в связи с тем, что господин Виненбрюгге — твой друг. Я, право, очень хочу познакомиться с ним и буду весьма рад, если вы оба посетите нас на пасху и, разумеется, погостите здесь. Я воспринял бы это как знак его дружеского расположения к тебе.

Итак, милый Карл, будь здоров и, давая питательную и здоровую пищу своему уму, не забывай, что на этой грешной земле тело — его вечный спутник, от которого зависит состояние всего организма. Хилый ученый — несчастнейшее существо на свете. Поэтому занимайся не больше, чем это позволяет твое здоровье. Добавь сюда ежедневные прогулки и умеренность, и я надеюсь обнять тебя окрепшего духом и телом.

Трир, 18 ноября 1835 г.

Твой преданный отец

Маркс

A propos!* Твое стихотворение я читал по складам. Говорю тебе, милый Карл, со всей откровенностью: я твоего стихотворения не понимаю — ни его подлинного смысла, ни его тенденции. Для обыденной жизни неоспоримо то положение, что, когда наши самые горячие желания исполняются, ценность желаемого сильно уменьшается, а зачастую и вовсе утрачивается. Вряд ли таков смысл твоих стихов. В крайнем случае это было бы достойно внимания, как нравственный принцип, ибо тот, кто руководствуется этими идеями, избегает безнравственных наслаждений и откладывает даже дозволенное, чтобы тем самым укрепиться в своем желании или даже получить больше удовольствия. О нечто подобном хорошо сказал Кант в своей «Антропологии» [188].

Разве ты думаешь найти счастье только в абстрактном идеализировании (имеющем некоторое сходство с мечтательностью)? Короче говоря, дай мне ключ, я признаю свою ограниченность.

[НА ЛЕВОМ ПОЛЕ ПЕРВОЙ СТРАНИЦЫ]

В связи с чествованием господина Лёрса меня крайне огорчило положение доброго господина Виттенбаха. Я готов был плакать по поводу того, что оскорбление нанесено этому человеку, единственным недостатком которого является его чрезмерно доброе сердце. Я сделал все, чтобы выразить ему свое глубокое уважение, и, между прочим, сказал, как предан ему также и ты и что ты хотел написать в его честь стихи, но не сделал этого только потому, что у тебя не хватило времени. Это осчастливило его. Не хочешь ли ты, чтобы доставить и мне удовольствие, послать ему через мое посредство несколько строф?

[ПРИПИСКА НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ВВЕРХУ СПРАВА]

P.S. Милая мама была занята, и поэтому отправка письма затянулась по сегодняшний день — до 29 ноября. Удивительно, что мы до сих пор не знаем твоего точного адреса.

[ПРИПИСКА МАТЕРИ]

Горячо любимый, дорогой Карл!

С большим удовольствием берусь за перо, чтобы написать тебе. Письмо дорогого отца уже давно лежит готовым, а я все не выберу времени. Между тем мне бы уже хотелось получить от тебя весточку, которая подтвердила бы, что у тебя все в по-

* — Кстати! *Ред.*

рядке, ибо ты можешь мне поверить, что я очень тоскую по тебе. Мы, благодарение богу, все здоровы, все деятельны и прилежны, и даже Эдуард * так старается, что мы надеемся когда-нибудь сделать из него дельного человека.

Не считай мой вопрос слабостью женского пола: мне хочется знать, как ты устроил свое небольшое хозяйство. Экономия в хозяйстве, как в большом, так и в малом, играет важную роль и является насущной необходимостью. Хочу еще заметить тебе, милый Карл, что чистоту и опрятность ты не должен рассматривать как нечто маловажное, так как от этого зависят здоровье и хорошее настроение. Следи за тем, чтобы комнаты у тебя часто убирались, и определи время для этого. Мойся, милый Карл, каждую неделю губкой и мылом.

Как у тебя с кофе? Готовишь ты его себе сам или устраиваешься еще как-то? Прошу тебя написать мне обо всем, что касается хозяйства. Твоя любезная муза ведь не почувствует себя оскорбленной прозой твоей матери. Скажи ей, что посредством низшего достигается высшее и лучшее.

Итак, будь здоров. У тебя, наверно, есть какие-нибудь желания к рождеству, и, если только я могу их выполнить, я сделаю все с удовольствием. Будь здоров, мой милый, дорогой Карл. Будь молодцом, помни о боге и о твоих родителях. Adieu **.

Любящая тебя мать

Генриетта Маркс

Все дети шлют тебе привет и [целуют тебя], а ты, как и всегда, мой самый любимый и хороший.

Впервые опубликовано в Marx—Engels Gesamtausgabe. Erste Abteilung, Bd. 1, Hlbd. 2, 1929

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

ГЕНРИХ МАРКС — КАРЛУ МАРКСУ

В БОНН

[Трир, февраль — начало марта 1836 г.]

Милый [Карл!]

Хотя ты не так поэтично описал свое состояние, как мне того хотелось бы, но все же тебе вполне удалось нас расстроить. Надеюсь, по крайней мере, что печальный опыт заставит тебя

* — Эдуард Маркс. *Ред.*

** — До свидания. *Ред.*

несколько внимательнее относиться к своему здоровью. Ведь после чистой совести оно — величайшее благо человека, а за грехи молодости, за неумеренные или даже просто сами по себе вредные развлечения приходится тяжело расплачиваться. Печальный пример тому у нас — господин Гюнстер. Конечно, о пороках здесь нет и речи, но курение и пристрастие к напиткам разрушили его и без того слабую грудь, так что он вряд ли переживет лето. Вся его жизнь сплошное страдание, и в его лице мы потеряем человека большой души.

Даже чрезмерные занятия являются безумием в подобном случае. Напротив, умеренное движение, например, прогулки или даже иной раз верховая езда, но не бешеная, очень полезны, а еще лучше — бодрость духа и устранение всяких мрачных мыслей.

Твой счет, милый Карл, вполне à la Carl: в нем ни складу ни ладу. Вся эта операция была бы очень простой, если бы счет был короче, более последователен, а цифры расположены столбцами. *Порядок* требуется и от ученого, в особенности же от практикующего юриста.

В целом мне нечего возразить, я только считаю, что приобретение большого количества книг, особенно толстых исторических трудов — в настоящий момент не нужно и обременительно.

Твоя поездка * была целесообразной, если она принесла пользу здоровью, только тебе следовало бы заранее написать об этом несколько строк.

Я все еще, несмотря на *оба* твои письма (ты видишь, мы им ведем счет), не знаю плана твоих занятий, а это меня очень интересует. Как я вижу, ты не занимаешься естественно-историческими науками, и если действительно физика и химия преподаются так плохо, то ты поступишь правильно, прослушав их в Берлине. Было бы, однако, целесообразно прослушать хотя бы общее введение в камералистику, так как всегда хорошо иметь общее представление о том, чем когда-нибудь придется заниматься.

A propos! ** Господин Грати, живущий здесь, прислал мне рекомендацию на имя господина Вальтера. Я направил ее последнему с письмом, — известно ли тебе что-либо об этом? Мне это было бы приятно, — ведь как раз этот профессор тебе так понравился.

Участие в кружке [189] мне нравится — можешь мне поверить — больше, чем участие в пирушках. Молодые люди,

* По-видимому, в Голландию. *Ред.*

** — Кстати! *Ред.*

которые находят удовольствие в таком единении, — это, конечно, люди образованные, и они сознают свою ценность в качестве будущих достойных граждан государства яснее, чем те, главное достоинство которых — необузданность.

Ты правильно делаешь, что не торопишься с печатанием. Поэт, литератор в наше время должен создать что-то ценное, если он хочет выступить публично. А то он может просто приносить дань музам. Это всегда остается одним из благороднейших способов угождать женщинам. Но если первое вступление в жизнь всюду большей частью является решающим, то прежде всего это относится к этим полубогам. Их превосходство должно проявиться в первых же стихах, чтобы каждый почувствовал в них искру божью. Говорю тебе откровенно: меня глубоко радуют твои задатки, я многого жду от них, однако мне будет очень больно увидеть тебя выступающим в роли посредственного рифмоплета. Так что удовольствуйся пока тем, что ты доставляешь радость своим близким. Только выдающийся человек вправе притязать на внимание избалованного света, у которого есть Шиллер, — поэтические души, вероятно, сказали бы: «боги».

Впрочем, милый Карл, благодарю тебя за столь лестные для отцовского сердца слова, что свое первое произведение ты прежде всего отдашь на суд мне. Это тем более мило с твоей стороны, что ты знаешь, как мало я наделен от природы поэтическим даром: за всю свою жизнь я не смог накропать сколько-нибудь сносного стихотворения, даже в чудесные дни первой любви. Пока же я буду думать об этом и ждать, дабы убедиться, не был ли это просто комплимент.

Как это получилось, милый Карл, что твоя поездка не фигурирует в графе расходов? Надеюсь, ты ездил не на чужой счет?

Прилагаю 50-талеровую ассигнацию и могу тебе сказать по этому поводу, что тебе надо думать только о занятиях и воздерживаться в дальнейшем от всяких прихотей, так как ты нуждаешься лишь в самом необходимом. Надежда, что когда-нибудь ты сумеешь служить опорой твоим братьям и сестрам, слишком прекрасна и слишком радует доброе сердце, чтобы мне захотелось отнять ее у тебя.

Сейчас мне больше нечего добавить, — я только еще раз советую тебе беречь здоровье. Нет существа более жалкого, чем хилый ученый, и нет более несчастных родителей, чем те, на глазах у которых тает многообещающий сын, воспитанный ценой самопожертвования. Запомни это. Я могу лишь взывать

к твоему сердцу, ибо верю, что оно у тебя доброе и благородное. Обнимаю тебя от всей души.

Твой отец
Маркс

[ПРИПИСКА МАТЕРИ]

Милый, дорогой Карл! Твоя болезнь очень нас огорчила, но я желаю и надеюсь, что ты поправишься. И хотя я очень беспокоюсь о здоровье своих милых детей, но все же я убеждена, что если ты, милый Карл, будешь вести себя разумно, то доживешь до старости. Но для этого ты должен избегать всего, что может быть тебе во вред: не разгорячаться, не пить много вина и кофе, не употреблять много перца и пряностей, не курить, не засиживаться допоздна и рано вставать. Остерегайся также простуды и не танцуй, милый Карл, пока совсем не поправишься. Тебе, верно, смешно, милый Карл, что я изображаю из себя доктора, — ты не знаешь, как близко родители принимают к сердцу болезни своих детей и сколько горьких часов это уже нам доставило. Лишь бы вы, дети, были здоровы нравственно и физически, а в остальном пусть вас ничто не заботит. Милый папа, слава богу, всю зиму чувствовал себя хорошо, в работе также не было недостатка. Мы все также чувствовали себя хорошо.

Как тебе нравится мой родной город? * Он очень красиво расположен, и я надеюсь, что он так вдохновит тебя, что ты посвятишь ему стихотворение.

Напиши поскорее, милый Карл. Лучше пиши понемногу, но часто. Adieu **. Мысленно целую тебя, милый Карл.

Любящая тебя твоя мать
Генриетта Маркс

Впервые опубликовано в Marx—Engels Gesamtausgabe. Erste Abteilung, Bd. 1, Hlbd. 2, 1929

Печатается по рукописи
Перевод с немецкого
На русском языке публикуется впервые

ГЕНРИХ МАРКС — КАРЛУ МАРКСУ

В БОНН

Трир, 19 марта 1836 г.

Милый [Карл!]

Только что получил твое письмо, и, должен признаться, оно меня несколько удивило.

* Нимвеген. *Ред.*
** — До свидания. *Ред.*

Студенты Трирского землячества
Боннского университета
(Маркс в последнем ряду четвертый справа)

Что касается твоего письма со счетом, то я тебе еще тогда сказал, что не смог в нем разобраться. Насколько я понял, ты нуждаешься в деньгах, поэтому я послал тебе 50 талеров. С тем, что ты взял с собой, это составит 160 талеров. Ты отсутствуешь пять месяцев, и даже теперь ты не говоришь, в *чем* ты нуждаешься. Это во всяком случае странно. Милый Карл, я повторяю, что я охотно сделаю все, но как многодетный отец — а ты знаешь, я не богат — я не хочу делать больше, чем это необходимо для твоего здоровья и карьеры.

Поэтому если ты несколько вышел за рамки в своих расходах, то не будем говорить об этом, раз уж так случилось. Но я уверяю тебя, что *выделенная сумма* — «это *nec plus ultra*» *. По моему убеждению, можно обойтись меньшим. Здешний нотариус господин Мюллер дает меньше. Может быть, все можно сделать лучше. Но ни при каких условиях не тратить большей суммы. Для этого нужны были бы особенно счастливые обстоятельства, а их сейчас нет. Напротив, мои доходы уменьшились. Я говорю это вовсе не затем, чтобы тебя огорчить, отнюдь нет, но чтобы раз и навсегда сообщить тебе о своем твердом решении.

По совету г-на Гофмана, я посылаю перевод на имя держателя лотерейных билетов в университете г-на Кауфмана, у него ты сможешь брать столько денег, сколько тебе нужно.

Храни тебя господь и приезжай поскорее. Мы все ждем тебя с нетерпением.

Твой преданный отец

Маркс

Впервые опубликовано в Marx—Engels Gesamtausgabe. Erste Abteilung, Bd. 1, Hlbd. 2, 1929

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

ГЕНРИХ МАРКС — КАРЛУ МАРКСУ

В БОНН[190]

[Трир, май — июнь 1836 г.]

Милый Карл!

Твое письмо, которое я получил только 7-го, укрепило мою веру в твою прямоту, откровенность и порядочность, что для меня дороже денег. Поэтому не будем больше об этом говорить. Посылаю тебе с этим письмом 100 талеров, а если тебе потре-

* — *самое большее. Ред.*

буется, то получишь еще. Впрочем, ты, надеюсь, поумнеешь и будешь впредь заботиться и о низких материях, ибо, богу известно, что, несмотря на все философии, эти материи доводят многих до седых волос.

И разве дуэли так уже связаны с философией? Это ведь дань общественному мнению, более того — страх перед ним. И перед чьим мнением? Отнюдь не всегда это мнение лучших, и все же!!! Люди всюду так непоследовательны. — Постарайся, чтобы эта склонность — и даже не склонность, а страсть — не пустила корни в твоей душе. Ты можешь в конце концов погубить самые прекрасные надежды, свои и своих родителей. Я уверен, что разумный человек может легко и с достоинством не обращать внимания на это, tout en imposant *.

Милый Карл, если можешь, запасись свидетельствами от известных хороших врачей. Ты можешь это сделать с чистой совестью. Грудь у тебя слабая, по меньшей мере в настоящее время. — Если хочешь, я пришлю тебе такое свидетельство от господина Бернкастеля, который тебя лечил. Но чтобы совесть твоя была спокойна, не кури много.

Ты не сдержал своего слова мне. — Ты ведь помнишь свое обещание, а я-то немного возгордился признанием моих критических способностей. Однако подобно политическим оптимистам, я приемлю фактическое положение таким, какое оно есть. Но все же мне хотелось самому познакомиться с делом, то есть с тем, как прошли переговоры, — суть которых я, возможно, мог бы лучше понять, чем Шефер, — познакомиться, насколько возможно, с существом предмета. Если же последнее сопряжено с большим трудом, то я подожду твоего приезда.

Будь здоров, милый Карл, оставайся всегда таким же открытым и преданным, считай отца своим первым другом, а твою добрую мать — своей первой подругой. Я не мог ничего скрыть от нее, так как иначе ее испугало бы твое долгое молчание. Она экономна, но [главное ее качество] — любовь к жизни, этому подчинено все остальное. От всего сердца обнимаю тебя.

Твой преданный отец

Маркс

Должен сообщить тебе нечто удивительное.

Твой друг Клейнерц написал мне, что с ним очень сурово поступили (вероятно, из-за того, что он ушел), и он даже был

* — внушая к себе уважение. *Ред.*

вынужден держать школьные экзамены, которые он, однако, к собственному своему удивлению, выдержал блестяще. Он опасается очень серьезных затруднений. Большую помощь ему могло бы оказать рекомендательное письмо нашего епископа * декану медицинского факультета господину профессору Мюллеру, который в молодости видел много добра от этого достойного человека.

И, подумай только: добрый господин Гёрген вызвался поговорить с епископом, который сразу же дал свое согласие, сказал, чтобы я сам составил эту бумагу (не пожелав, однако, признаться, какие отношения связывают его с господином Мюллером). Я послал рекомендацию оплаченным письмом господину Мюллеру и известил об этом господина Клейнерца.

Последний проявил большую деликатность, дабы обеспечить мою позицию в глазах друга, поверившего мне на слово, он немедля, не дожидаясь успеха ходатайства, прислал мне свой послужной список, который в самом деле превосходен. Впрочем, он, видимо, не сомневался в успехе.

Как случай играет человеком?

Милая мама шлет тебе привет и целует тебя. Сейчас слишком поздно, чтобы еще писать — до следующего раза.

[ПРИПИСКА]**

В настоящий момент я не могу послать больше. На днях ты, вероятно, получишь через Рабе 20 талеров.

Впервые опубликовано в Marx—Engels Gesamtausgabe. Erste Abteilung, Bd. 1, Hlbd. 2, 1929

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

СВИДЕТЕЛЬСТВО ГЕНРИХА МАРКСА О СОГЛАСИИ НА ПЕРЕХОД КАРЛА МАРКСА ИЗ БОННСКОГО В БЕРЛИНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Я не только разрешаю моему сыну, Карлу Марксу, но это моя воля, чтобы он в следующем семестре посещал университет в Берлине для продолжения там изучения права и камеральных наук, начатого в Бонне.

Трир, 1 июля 1836 г.

Маркс,
юстиции советник, адвокат

* — Й. Л. А. Хоммера. *Ред.*

** — на первой странице письма. *Ред.*

[ДЛЯ КАРЛА МАРКСА][191]

Прошу тебя, милый Карл, пиши сразу же, пиши откровенно, правдиво и ничего не скрывая. Успокой меня и твою милую добрую маму, и мы охотно забудем о небольших денежных жертвах.

Маркс

Впервые опубликовано в Marx—Engels Gesamtausgabe. Erste Abteilung, Bd. 1, Hlbd. 2, 1929

Печатается по рукописи
Перевод с немецкого

Полностью на русском языке публикуется впервые

ВЫПУСКНОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО БОННСКОГО УНИВЕРСИТЕТА[192]

Копия

Мы, ректор и сенат Королевского Прусского Рейнского Университета Фридриха-Вильгельма в Бонне, настоящим удостоверяем, что господин *Карл Генрих Маркс,* уроженец Трира, сын проживающего там же господина советника юстиции Маркса, получивший подготовку к академическим занятиям в гимназии г. Трира, был зачислен в наш Университет 15 октября 1835 г. на основании аттестата зрелости, выданного названной гимназией; с тех пор до настоящего времени он являлся его студентом и изучал юридические науки.

За время своего пребывания в Университете он, как следует из представленных свидетельств, прослушал нижеуказанные курсы:

I. В зимнем семестре 1835—36 гг.

1. Энциклопедия права у проф. *Пуггé* — весьма прилежно и внимательно.
2. Институции у проф. *Бёкинга* — весьма прилежно и с постоянным вниманием.
3. История римского права у проф. *Вальтера* — так же.
4. Греческая и римская мифология у проф. *Велькера* — с превосходным прилежанием и вниманием.
5. Вопросы изучения Гомера у проф. *фон Шлегеля* — прилежно и внимательно.
6. История искусств нового времени у проф. *д'Альтона* — прилежно и внимательно.

II. В летнем семестре 1836 г.

7. История германского права у проф. *Вальтера* — прилежно.
8. Элегии Проперция у проф. *фон Шлегеля* — прилежно и внимательно.
9. Европейское международное право и
10. Естественное право у проф. *Пугге́*. Оценка по обоим курсам не могла быть поставлена из-за скоропостижной кончины проф. Пугге́, последовавшей 5 августа.

Касательно его поведения следует отметить, что он подвергся однодневному заключению в карцер за то, что в ночное время он, в состоянии опьянения, произвел шум, нарушив покой; за исключением этого, о нем неизвестно ничего предосудительного в нравственном и экономическом отношениях. Позже на него было донесено, что он в Кёльне носил запрещенное оружие. Расследование еще продолжается.

Подозрений относительно участия в запрещенном студенческом объединении не было.

В удостоверение этого ему выдано настоящее свидетельство за печатью Университета и за собственноручными подписями нынешнего ректора, а также нынешних деканов юридического и философского факультетов.

Бонн, 22 августа 1836 г.

Ректор
Фрейтаг

Декан юридического факультета
Вальтер

Судья университета
фон Саломон

Декан философского факультета
Лёбель

Оппенхоф

[Университетская печать.]

Смотрел чрезвычайный правительственный уполномоченный и куратор

фон Рефюс

Впервые опубликовано в издании: «Archiv für die Geschichte des Sozialismus und der Arbeiterbewegung», Jg. 12, 1926

Печатается в соответствии с документом

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

ГЕНРИХ МАРКС — КАРЛУ МАРКСУ

В БЕРЛИН

Трир, 9 ноября 1836 г.

Милый Карл!

Еще до получения твоего письма мы уже имели известия о тебе, предупредительно присланные мне господином Йенигеном. Его письмо очень любезно и по отношению к тебе и ко мне. Он убедительно просит меня, чтобы я посоветовал тебе исполнить его желание sans gêne * и часто посещать его и его семью. Занимая столь скромное положение в свете, я тем менее могу сомневаться в искренности этого человека, поскольку всегда видел, что он ведет себя как один из достойнейших и благороднейших людей. Каждому приятно снискать уважение человека редкого сердца и ума.

Для меня было неожиданностью, что господин Эссер так тебя отличил, и это делает тебе честь, ибо доказывает, что, несмотря на свои строгие принципы, ты умеешь быть обходительным с самыми различными людьми. Твоя принципиальность напоминает мне годы моей юности, тем более, что эти принципы составляли мое единственное достояние. Ловкостью я не обладал, и это легко объяснимо.

Мама говорит, что ты баловень счастья. Я не возражаю против этого. Дай бог, чтобы ты в это верил. По меньшей мере я ни на минуту не сомневаюсь в твоем сердце, в том, что ты искренен, когда с радостью повинуешься своим родителям. Ни в чем другом чрезмерность не является более простительной, чем в этом, и не беда, если здесь сердце берет верх над головой.

Даже если господин Рейнхард болен, то у него есть клерк, который все-таки должен что-то знать о моем деле.

Господин Зандт — не «фон», он — брат генерального адвоката Зандта из Кёльна и служит в кассационном суде. Господин Мёйрин хорошо его знает. В случае надобности он может дать тебе справку о моем деле [193], в котором он, вероятно, представляет противную сторону.

Меня очень радует, что тебе так нравится господин Мёйрин, так как я его очень люблю. Он принадлежит к тем редким людям, которые при светском тоне сохраняют доброе сердце. Практичностью своего ума он, несомненно, превосходит многих высокоученых господ.

---

* — не стесняясь. *Ред.*

Особенно я рад, что ты общаешься с образованными людьми и мало проводишь времени с юношами, по крайней мере с теми, которых ты недостаточно знаешь.

Единственное, о чем я прошу тебя, не переутомляй себя занятиями, постарайся сохранить свои физические силы и свое столь слабое зрение. Ты записался на многие и важные курсы — у тебя, конечно, есть все основания, чтобы серьезно работать, но не доводи себя до истощения. Тебе, бог даст, предстоит еще долгая жизнь — для твоего блага и блага твоей семьи и, если предчувствия меня не обманывают, для блага всего человечества.

К сожалению, я пока не договорился с какой-либо торговой фирмой [194]. Я хочу поговорить об этом с господином фон Неллем. Пока ты получишь 50 талеров. В настоящее время ты уже, должно быть, можешь примерно высчитать, сколько денег тебе требуется ежегодно. Я все же хотел бы это знать.

Я написал тебе из Франкфурта, где я был по делам Германа *. Господин Доннер передал письмо надворному советнику. Оно было отдано 20 октября. По-видимому, ты его еще не получил [195]. Оно содержит много наставлений, поэтому я пока воздержусь от новых нравоучений. Мне все же хочется получить ответ на то письмо. В связи с одним, бесспорно, очень важным вопросом я даже прошу тебя вложить в свое письмо отдельное послание на мое имя. Как правило, я ничего не скрываю от милой мамы, но в данном случае меня беспокоят ее чрезмерные страхи, которые не умеряются, как у мужчины, в достаточной мере более сильным чувством долга.

Я — не ангел и знаю, что не хлебом единым жив человек. Но перед священным долгом должны умолкнуть все посторонние соображения. И я повторяю: нет для мужчины более священного долга, чем тот, который он возлагает на себя по отношению к более слабой женщине [196]. Будь со мной в этом отношении — как и во всем остальном — совершенно откровенен, как с другом. И если, проверив себя, ты останешься тверд в своем решении, то действуй тогда как зрелый муж. Это нисколько не мешает поэтическому взлету, — ведь и взлет во имя долга преисполнен поэзии.

Герман уехал сегодня в Брюссель, где он поступает в хорошую фирму, за что пришлось сразу внести 1000 франков. За это его обязаны только ввести в курс дела, без указания срока. Так что теперь от его прилежания и понимания зависит, как скоро он встанет на ноги. От его прилежания я жду многого,

* — Германа Маркса. *Ред.*

больше, чем от его интеллекта. Жить он будет, разумеется, не у хозяина фирмы, он должен сам себя содержать. Жаль, что у этой доброй души мало разума!

Мэнни * посещает гимназию и, как видно, все же намерен проявить больше усердия. — Девочки старательны и прилежны. У меня волосы встают дыбом, как подумаю, что в наше время этот товар пользуется спросом лишь в том случае, если он позолочен, а я так несведущ в этом искусстве.

Почему ты не сообщил мне подробнее о Клейнерце? Меня очень интересует, что с ним стало.

Храни тебя господь, милый, дорогой Карл, и всегда люби своего отца так, как он любит тебя.

Маркс

Впервые опубликовано в Marx—Engels Gesamtausgabe. Erste Abteilung, Bd. 1, Hlbd. 2, 1929

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

ГЕНРИХ МАРКС — КАРЛУ МАРКСУ

В БЕРЛИН

Трир, 28 декабря 1836 г.

Милый Карл!

Если бы я был менее снисходителен, если бы я вообще мог долго сердиться, особенно на своих любимцев, то у меня имелись бы все основания совсем тебе не отвечать. Вообще не похвально быть чересчур обидчивым, особенно по отношению к отцу, ошибка которого не так уж велика.

Если бы ты подумал о том, что к тому времени, когда я писал тебе последнее письмо, я еще ничего от тебя не получил, кроме твоего первого письма, что промежуток был довольно велик, даже считая от моего второго письма отсюда; что я вмешался в дело, которое, само по себе, было мне не особенно приятно, — вмешался из чувства долга по отношению к достойной самого высокого уважения особе **, — то ты бы понял, как сильно должно было огорчить меня твое необъяснимое молчание. И если я употребил несколько выражений, которые, возможно, прозвучали резко, то я не придавал своим словам

* Эдуард Маркс. *Ред.*
** Женни фон Вестфален. *Ред.*

особого значения, но обиделся я не без основания. Впрочем, уверяю тебя, я не был одержим animus calumniandi *.

Не будь я такого высокого мнения о твоем добром сердце, я вообще не был бы так привязан к тебе и меньше страдал бы от твоих заблуждений. Ты же знаешь, что как высоко я ни ставлю твои способности, без доброго сердца они потеряли бы для меня всякий смысл. Ты сам признаешь, что ты раньше подавал мне повод усомниться в твоей воздержанности. Памятуя обо всем этом, тебе следовало бы поменьше обижаться на своего папу.

Вообще тебе пора избавиться от напряжения, которое губит душу и тело, и я вправе требовать, чтобы ты в этой связи немного считался с благополучием твоей доброй матери и моим. Мы ведь не витаем в эмпиреях и тревожимся о твоем здоровье.

Я повторяю — ты возложил на себя большие обязанности. Хотя и с риском возбудить твою обидчивость, я, милый Карл, высказываю свое мнение по-своему, несколько прозаически: при свойственной поэтам склонности к преувеличениям и экзальтированности в любви, ты не в состоянии вернуть душевный покой существу, которому ты всецело предан. Наоборот, тебе грозит опасность погубить этот покой. Только самым образцовым поведением, мужественным и твердым стремлением, которое завоюет тебе расположение и доброжелательность людей, ты можешь добиться того, что обстоятельства примут счастливый оборот, и это успокоит ее и подымет в чужих и собственных глазах.

Я говорил с Женни — мне так хотелось ее совершенно успокоить. Я сделал все, что в моих силах, но ведь одними рассуждениями этого не добьешься. Она еще не знает, как отнесутся ко всему этому ее родители. Мнение родственников и света — это тоже не пустяк. Я боюсь твоей не всегда оправданной обидчивости и поэтому предоставляю тебе самому оценить создавшееся положение. Будь в моих силах активным вмешательством защитить и успокоить это благородное существо, я не остановился бы ни перед какой жертвой. Но, к несчастью, я слаб во всех отношениях.

Она приносит тебе неоценимую жертву — она проявляет самоотверженность, оценить которую может только бесстрастный разум. Горе тебе, если ты когда-нибудь об этом забудешь! Но теперь действенно вмешаться можешь только ты. Ты должен доказать, что, несмотря на свою молодость, ты зрелый человек, который заслуживает уважение света, завоевывает его семимильными шагами; человек, который гарантирует свое посто-

* — духом злословия. *Ред.*

янство и свои серьезные намерения и заставляет умолкнуть злые языки, упрекающие тебя в прошлых ошибках.

Ты сам увидишь, как лучше всего за это приняться.

В этой связи я должен тебя спросить: знаешь ли ты, в каком возрасте можно получить место преподавателя? Это очень важно знать, так как, думается мне, в твои планы входит как можно скорее добиться этого места, — хотя бы это была одна из низших должностей, — и постепенно снискать известность своими трудами.

Первым рычагом должна быть поэзия, — в этой области поэт, разумеется, компетентен. Однако к такому поэтическому творчеству, которое чарует людей, скорее способен человек умный, знающий свет. В обычных условиях это значило бы требовать от юноши слишком многого. Но тот, кто берет на себя высокую обязанность, должен быть последовательным: выполнение высокого и прекрасного долга освятит в глазах самого поэта ум и политику.

Очень прошу тебя: натура у тебя хорошая, но необузданная, — поэтому сохраняй спокойствие, умеряй эти бури, старайся поменьше возбуждать их в груди существа, которое заслуживает покоя и нуждается в нем. Твоя мама, я, Софи *,— добрая и очень самоотверженная девочка, — оберегают твое счастье, насколько это позволяют обстоятельства, а в награду за твои усилия тебе улыбнется в будущем счастье, ради которого стоит потрудиться.

В твоих взглядах на юриспруденцию есть доля истины, но, будучи приведенными в систему, они способны вызвать бурю, а ты еще не знаешь, какими грозными могут быть бури в науке. Если предосудительные моменты в деле нельзя совсем устранить, то по меньшей мере форма должна была бы быть смягчающей и приятной.

Ты ничего не пишешь мне о Мёйрине, а также не сообщаешь, был ли ты у господина Эйххорна.

Я не хочу сейчас писать господину Йенигену, а так как никакой срочности нет, то ты можешь подождать оказии.

Если ты посылаешь мне толстые письма обычной почтой, они стоят очень дорого. Предпоследнее стоило талер. Так же дороги и пакеты, отправляемые спешной почтой — последний также обошелся в талер.

Если в дальнейшем ты захочешь написать много, то пиши обо всем, о чем только можно, чтобы мы знали о самых разных вещах. Потом придай этому форму пакета и отошли с багажной

---

* — Софи Маркс. *Ред.*

каретой. Ты ведь не обидишься на эти небольшие замечания насчет экономии.

Надеюсь, что ты получил вино, которое мы тебе послали. Почерпни из него бодрость, оставь все лишние затеи, всякое отчаяние, оставь поэзию, если она не украшает жизнь и не делает ее счастливой.

[ПРИПИСКА МАТЕРИ]

Милый Карл! Твой милый отец так торопится с отправкой письма, что мне не остается ничего другого, как сердечно приветствовать тебя.

Любящая тебя мать

Генриетта Маркс

[ПРОДОЛЖЕНИЕ ПИСЬМА ОТЦА]

Прилагаю чек на 50 талеров. Если ты предпочитаешь, чтобы я нашел там для тебя фирму, то скажи мне приблизительно, сколько я должен выделять тебе ежемесячно. Ты уже должен так или иначе это знать.

Маркс

[ПРИПИСКА СЕСТРЫ СОФИ]

Твое последнее письмо, милый Карл, вызвало у меня горькие слезы; как ты мог думать, что я пропущу случай сообщить тебе о твоей Женни!? Я только и живу мыслями и мечтами о вас. Женни любит тебя. Если ее беспокоит разница в летах, то это только из-за ее родителей. Она постарается их постепенно подготовить. Затем напиши им сам. Они о тебе высокого мнения. *Женни* часто нас навещает. Не далее как вчера она была у нас и проливала слезы счастья и печали, получив твои стихи [197]. Наши родители, братья и сестры очень ее любят, последние — прямо безгранично. Раньше десяти часов вечера ее *никогда* не отпускают, как тебе это нравится?

Adieu *, дорогой, милый Карл, от души желаю тебе исполнения твоего самого заветного желания.

Впервые опубликовано в Marx—Engels Gesamtausgabe, Erste Abteilung, Bd. 1, Hlbd. 2, 1929

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

* — До свидания. *Ред.*

ГЕНРИХ МАРКС — КАРЛУ МАРКСУ

В БЕРЛИН

Трир, 3 февраля 1837 г.

Милый Карл!

Твое последнее письмо необычайно обрадовало меня, так как оно показало мне, что ты избавляешься от своих маленьких слабостей, которые, кстати сказать, меня беспокоили; что ты понимаешь свое положение и с энергией и достоинством стремишься обеспечить свое будущее. Но, милый Карл, не впадай в противоположную крайность.

Не говоря уже о том, что общительность много дает человеку, особенно молодому, с точки зрения развлечения, отдыха и развития, благоразумие в свою очередь требует — и этим нельзя пренебрегать, так как теперь ты не один — найти себе поддержку некоторых людей, разумеется, честным и достойным образом. Важные люди, или считающие себя таковыми, не легко прощают *пренебрежение* и не склонны отыскивать уважительные причины, в особенности если они в какой-то степени благоволили к человеку. Господа Йенигген и Эссер не только порядочные люди, но, очевидно, нужные тебе, и было бы в высшей степени неблагоразумно и поистине невежливо пренебрегать ими, ибо они тебя очень прилично приняли. В твои годы и при твоем положении ты не можешь требовать соблюдения взаимности.

Не следует забывать и о теле. Здоровье — высшее благо для каждого, особенно же для ученого.

Знай меру во всем! С твоими природными данными и при твоем теперешнем прилежании ты достигнешь своей цели, и один семестр ничего не решает.

Как ни велик мой опыт, я не могу составить для тебя вполне ясный план со всеми деталями.

Во всяком случае, мне думается, нет никакого сомнения, что твое намерение выдвинуться в области науки очень хорошо и тебе по силам, если только ты не будешь пренебрегать одной мелочью, — а именно — несколько разовьешь свой голос.

Конечно, это может потребовать долгого времени, и было бы, разумеется, в данном положении вещей желательно что-то для этого сделать. В этом отношении тебе не остается ничего другого, как *выступить в печати*. Но как выступить? Это трудный вопрос, но ему предшествует еще и другой. Удастся ли тебе сразу снискать доверие дельного издателя? Это может оказаться самым трудным. Если это тебе удастся, — а ты во всем

удачлив, — тогда встанет второй вопрос: философия или юриспруденция или и то и другое вместе — это, мне думается, превосходно для того, чтобы заложить основу. Чистая же поэзия может быть на втором месте, и она не повредит репутации, разве что в глазах отдельных педантов. Легкие полемические статьи в данном случае самые полезные, а имея несколько хороших названий, если они оригинальны и нового стиля, ты спокойно и наверняка сможешь ожидать профессуры и т. д. и т. п. — Но ты должен принять твердое решение, хотя и не сразу, но уже в этом году. И, как только ты его примешь, твердо его придерживайся и неуклонно ему следуй. Тебе ведь не так трудно стать адвокатом, как это было твоему отцу.

Ты знаешь, милый Карл, что из любви к тебе я пошел на кое-какие вещи, которые не совсем отвечают моему характеру, и это меня иной раз удручает. Но никакая жертва мне не кажется слишком большой, если ее требует счастье моих детей. Я приобрел безграничное доверие твоей Женни. Эта милая, прелестная девушка терзает себя непрестанно — она боится, как бы она тебе не причинила вреда, не заставила тебя работать сверх сил и т. д. и т. п. Ее тяготит мысль о том, что ее родители ничего не знают или, как мне кажется, ничего знать не хотят. Она сама не может себе объяснить, каким образом, будучи, как она полагает, всецело рассудочным человеком, она могла безудержно отдаться своему чувству. Быть может, причиной тому — некоторая замкнутость.

Письмо от тебя, — которое ты можешь вложить в письмо ко мне, — не продиктованное фантазиями поэта, может принести ей утешение. Оно должно быть, в чем я, кстати, не сомневаюсь, преисполнено нежности и чистой преданной любви, но в нем также должны быть ясно обрисованы ваши отношения и виды на будущее. Ранее выраженные надежды следует изложить прямо, ясно и с глубоким убеждением, чтобы вновь убедить ее.

Ты должен твердо уверить ее, что ваши отношения не только не принесли тебе вреда, а, наоборот, — оказали на тебя самое благотворное воздействие, — и в известном отношении я сам в это верю. С другой стороны, требуй с твердостью и уверенностью мужчины, перед которым бедное дитя оказалось столь беззащитной, чтобы она не колебалась, не оглядывалась назад, но спокойно, доверчиво и твердо смотрела в будущее.

Что ты скажешь своему отцу? Не находишь ли ты, что я — всем на удивление — переквалифицировался в посредника? Как превратно могли бы понять меня, если бы узнали о моем влиянии. Какие корыстные побуждения могли бы мне при-

писать. Но я себя не упрекаю, — да пошлет небо удачу, и я буду чувствовать себя глубоко счастливым.

К господину Эйххорну стоило бы пойти, но это я предоставляю на твое усмотрение. Но у господ Йенигена и Эссера, повторяю, я хотел бы, чтобы ты бывал чаще.

Не менее полезно было бы установить более тесный контакт, по меньшей мере, с одним из наиболее влиятельных профессоров.

Ты больше не видел молодого господина Шривера? Мы ведь с ним в очень хороших отношениях, а мадемуазель Шривер, вероятно, выйдет за твоего друга Карла фон Вестфалена. Поэтому мне было бы приятно, — так как он и без того должен скоро сюда приехать, — если бы ты несколько раз побывал у него.

Не слышал ли ты чего-либо нового о докторе Клейнерце? Мне бы все же хотелось узнать о нем что-нибудь.

Прилагаю аккредитив. Он на бо́льшую сумму, чем ты сам просишь. Однако я не хотел ничего менять, так как теперь я верю, что ты не истратишь больше, чем это необходимо.

Ну, будь здоров, милый Карл, напиши поскорее, если ты еще не отправил письма — такого именно, какое я жду. Напиши также, что поделывает хозяин твоего дома, он меня очень интересует.

Господин фон Нотц сказал мне, что ты приедешь сюда на осенние каникулы. Я этого не одобряю, и, если ты взвесишь свои отношения с дорогой тебе особой, ты со мной согласишься. Но, возможно, я приеду в Берлин. Что ты на это скажешь?

Твой преданный отец

Маркс

Передай мои наилучшие пожелания моему дорогому другу Мёйрину и его милой супруге. Скажи ему, что с его стороны было бы очень хорошо уделить мне минуту.

P. S. Было бы неплохо, милый Карл, если бы ты писал чуть разборчивее.

Женни я вижу редко. Она не может поступать так, как ей хочется. Ты можешь быть спокоен: любовь ее верна. Если ты напишешь письмо, как я этого желаю, то я попрошу ответа.

Впервые опубликовано в Marx—Engels Gesamtausgabe. Erste Abteilung, Bd. 1, Hlbd. 2, 1929

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

ГЕНРИХ МАРКС — КАРЛУ МАРКСУ
В БЕРЛИН

Трир, 2 марта 1837 г.

Поразительно, что я, от природы такой ленивый, когда надо писать письма, буквально не могу остановиться, когда пишу тебе. Я не хочу и не могу скрывать, что питаю к тебе слабость. Мое сердце переполняет радость, когда я думаю о тебе и твоем будущем. И все же я порою не в силах прогнать печальные, зловещие, вызывающие страх думы, когда словно молния, вспыхивает в мозгу мысль: соответствует ли твое сердце твоему уму, твоим дарованиям? — Есть ли в нем место для земных, но более нежных чувств, которые приносят чувствительному человеку такое утешение в этой юдоли скорби? А так как в этом сердце явно царит демон, ниспосылаемый не всем людям, то какого он происхождения: небесного или же он подобен демону Фауста? Будешь ли ты, — это сомнение сильно терзает мое сердце, — восприимчив к подлинно человеческому семейному счастью? А с некоторых пор, — с того времени, как я полюбил известную тебе особу * словно родное дитя, — меня не меньше мучают сомнения, в состоянии ли ты дать счастье своим близким?

Ты спросишь, что навело меня на эти мысли? Подобные сомнения часто возникали у меня, но я легко прогонял их, ибо всегда чувствовал потребность окружить тебя всей любовью и заботой, на какие способно мое сердце. А затем я вообще их забываю. Но в лице Женни я вижу поразительное явление. Она, которая с детски чистым сердцем отдалась своему чувству к тебе, минутами проявляет, помимо воли, своего рода страх, какое-то мрачное предчувствие, и это не укрылось от меня. Я не знаю, чем это объяснить. Стоит мне заговорить об этом, как она тут же старается совершенно рассеять мои опасения. Что должно, что может это означать? Я не в силах себе это объяснить, но мой жизненный опыт, к прискорбию, не позволяет мне легко впадать в заблуждение.

Твоя карьера, лестная надежда, что ты когда-нибудь прославишь свое имя, твое житейское благополучие, — все это не только дорого моему сердцу, все это — давние, глубоко укоренившиеся иллюзии. Но, в сущности, эти чувства свойственны по большей части слабому человеку и не свободны от всякого рода шелухи, каковы — гордыня, тщеславие, эгоизм и т. д.

* — Женни фон Вестфален. *Ред.*

Но я могу тебя заверить, что осуществление этих иллюзий не могло бы сделать меня счастливым. Только если твое сердце останется чистым, если каждое биение его будет подлинно человечным и никакой демонический гений не будет в силах изгнать из твоего сердца самые высокие чувства — только тогда я обрету то счастье, мечтою о котором я живу уже многие годы. В ином случае самая прекрасная цель моей жизни будет разбита. Но к чему мне слишком расстраиваться и, быть может, огорчать тебя? В сущности, я не сомневаюсь в твоей сыновней любви ко мне и к твоей доброй, милой матери, и ты сам прекрасно знаешь наше самое уязвимое место.

Перехожу к вещам положительным. Женни несколько дней назад — после того, как она получила твое письмо, переданное ей Софи *, — навестила нас и говорила о твоем намерении [198]. Она, по-видимому, согласна с твоими доводами, но испытывает страх перед таким шагом, и это легко понять. Что касается меня, то я считаю этот шаг хорошим и похвальным.

Судя по ее намекам, Женни пишет тебе, чтобы ты не направлял письмо прямо — с этим ее мнением я согласиться не могу. Для ее спокойствия предупреди нас за восемь дней, в какой именно день ты пошлешь письмо. Эта милая девушка заслуживает всяческой предупредительности, и только жизнь, полная нежной любви, сможет вознаградить ее за все то, что она уже перенесла и что ей еще предстоит перенести, ибо ей приходится иметь дело с людьми своеобразными.

Мысль о ней — вот что главным образом поддерживает во мне желание, чтобы ты в скором времени успешно выступил на общественной арене и этим дал ей душевный покой, — таково, по крайней мере, мое мнение. И я уверяю тебя, милый Карл, что, не будь этой причины, я бы сейчас скорее удерживал тебя от всякого выступления, а не толкал на этот путь. Но ты видишь, чаровница немного вскружила и мою старую голову, и больше всего на свете я хотел бы видеть ее спокойной и счастливой. Только ты в состоянии это сделать, и такая цель стоит того, чтобы посвятить ей все свои силы. Быть может, хорошо и полезно, что ты уже в начале своего жизненного пути вынужден действовать осмотрительно, проявлять осторожность и зрелость ума, наперекор всем демонам. Я благодарю небо за это, так как хочу вечно любить в тебе человека, и ты знаешь, что, будучи человеком практическим, я все же не настолько прозаичен, чтобы утратить способность к восприятию возвышенного и доброго. Тем не менее, я не хочу совершенно оторваться от

* — Софи Маркс. *Ред.*

земли, с которой я связан корнями, и перенестись в воздушные сферы, где я не чувствую твердой почвы. Все это, естественно, побуждает меня больше, чем я это сделал бы в противном случае, обдумывать те возможности, которые имеются в твоем распоряжении.

Ты принялся писать драму, и в этом и впрямь много правильного. Но с важностью дела, с широкой известностью, которую оно неизбежно приобретает, естественно, сопряжена и опасность провала. И не всегда — особенно в больших городах — решающую роль играет внутренняя ценность. Интриги, коварство, соперничество возможны среди наиболее способных к этому, и часто перевешивают достоинства, особенно когда последние не поддерживаются и не подкрепляются громким именем.

Как разумнее всего действовать в этих условиях? По возможности добиваться, чтобы этой большой пробе сил предшествовала менее серьезная, связанная с меньшим риском, но все же достаточно значительная, дабы в случае удачи создать себе имя. Чтобы достигнуть этой цели при помощи небольшой вещи, нужно, чтобы сюжет касался чего-то исключительного. Я долго раздумывал об этом, и вот какая идея кажется мне подходящей.

Сюжет следует почерпнуть из истории Пруссии, — причем взять не продолжительный период, как того требует эпопея, а краткий момент, имевший, однако, решающее значение для судеб страны.

Сюжет должен быть почетным для Пруссии, он должен дать возможность показать роль гения монархии, во всяком случае в лице благороднейшей королевы Луизы.

Таким моментом является великая битва при Бель-Альянс-Ватерлоо [199]. Грозная опасность — не только для Пруссии и ее монарха *, но и для всей Германии и т. д., и т. п. Пруссия, действительно, сыграла здесь решающую роль — следовательно, это может быть ода в высоком стиле или что-то другое, в этом ты разбираешься лучше меня.

Трудности сами по себе были бы не очень велики. Во всяком случае, самое трудное — это вместить широкую картину в узкие рамки, а также удачно и искусно обрисовать великий момент. Одной такой оды, патриотической, прочувствованной и проникнутой немецким духом, было бы достаточно, чтобы заложить основу репутации, создать себе имя.

* — Фридриха-Вильгельма III. *Ред.*

Но я могу лишь предлагать, советовать. Ты вышел из-под моей опеки, вообще превзошел меня в этом вопросе, и потому я предоставляю решение тебе самому.

Сюжет, о котором я говорил, имел бы то большое преимущество, что его можно было бы разработать очень быстро и к случаю — в связи с очередной годовщиной 18 июня. Расходы невелики, и, если понадобится, я готов их нести. — Мне очень хотелось бы, чтобы милая Женни была спокойной и могла высоко держать голову. Нельзя, чтобы милая девочка изводила себя. Если бы тебе удалось осуществить свой замысел — а это тебе вполне по силам, — то ты будешь обеспечен и сможешь в какой-то степени отказаться от тепличной жизни.

К тому же, эта тема не может не вызвать вдохновения, ибо поражение в этой битве навсегда ввергло бы в оковы человечество, в особенности же дух его. Только нынешние двуличные либералы могут боготворить Наполеона. Конечно, при нем никто не смел и подумать вслух о том, о чем сейчас ежедневно и беспрепятственно пишут во всей Германии и особенно в Пруссии. Тот, кто изучал историю Наполеона и то, что тот понимал под нелепым выражением «идеология», может со спокойной совестью ликовать по поводу его свержения и победы Пруссии.

Передай от меня сердечный привет другу Мёйрину. Скажи ему, что я до сих пор не смог выполнить данного мне поручения: восемь дней я лежал с гриппом и после этого решаюсь бывать только на заседаниях суда.

Твой преданный отец

Маркс

Впервые опубликовано в Marx—Engels Gesamtausgabe. Erste Abteilung, Bd. 1, Hlbd. 2, 1929

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

ГЕНРИХ МАРКС — КАРЛУ МАРКСУ

В БЕРЛИН[200]

Бад Эмс, 12 августа 1837 г.

Милый Карл!

Мое письмо, написанное в состоянии сильного возбуждения, возможно, очень обидело тебя, и я от всей души сожалею, если это так. Не думаю, однако, чтобы я был неправ. Предоставляю тебе самому судить, имелись ли у меня веские причины вспылить. Ты же знаешь, ты должен знать, как я тебя люблю.

Твои письма (поскольку я не нахожу в них следов болезненной чувствительности и фантастических черных мыслей) стали для нас подлинной потребностью: этим летом они были бы бесценны для меня и для твоей любящей матери. Эдуард * уже полгода как прихварывает и очень изможден. Как знать, поправится ли он. К тому же, — что столь редко наблюдается у детей и что так угнетающе действует, — он охвачен глубокой тоской, в сущности, страхом перед смертью. Ты ведь знаешь маму. Она не отходит от него, мучаясь и днем и ночью, и меня вечно терзает страх, что она не выдержит такого напряжения.

Меня самого уже 7—8 месяцев мучает сильный кашель, который обостряется из-за необходимости часто выступать. Софи также не совсем здорова, лекарства не помогают. И в этих условиях твои отношения с Женни, ее длительное нездоровье, ее глубокая тревога, мое двусмысленное положение по отношению к Вестфаленам, хотя я всегда действовал только самым прямым путем, — все это очень влияло на меня и порою приводило в такое уныние, что я сам себя не узнавал. Поэтому я спрашиваю тебя, не был ли я слишком уж суров под влиянием этого глубочайшего уныния?

Любя тебя больше всех на свете, за исключением мамы, я тем не менее не слепой и меньше всего хочу быть слепым. Я отдаю тебе должное во многом, но я не могу полностью отогнать от себя мысль, что ты не лишен эгоизма и что его в тебе, быть может, больше, чем это необходимо для самосохранения. Я не могу избавиться от мысли, что я в твоем положении больше щадил бы родителей и проявлял бы больше самопожертвования по отношению к ним. Если я ничем не обязан своим родителям, кроме появления на свет, — хотя справедливости ради следует сказать о материнской любви, — то как я боролся и страдал, лишь бы возможно дольше не огорчать их.

Не оправдывай себя ссылками на свой характер. Не обвиняй природу. Она поступила с тобой как любящая мать. Она дала тебе достаточно сил, к тому же человек наделен волей. Но при малейшей буре всецело отдаваться во власть горя, при каждом страдании обнажать свое разбитое сердце и этим самым разбивать сердца любимых людей — это ты называешь поэзией? Избави нас бог от этого прекраснейшего из всех даров природы, если таково его непосредственное действие. Нет, только слабость, изнеженность, себялюбие и самомнение побуждают всё сводить к самому себе и заслоняют самые дорогие образы!

* — Эдуард Маркс. *Ред.*

Первейшая из человеческих добродетелей — это способность и воля к самопожертвованию, к тому, чтобы отодвинуть на задний план свое «я», если этого требует долг, требует любовь. Речь идет не о блистательном, романтическом или героическом самопожертвовании — плоде минутного героизма или мечтательности. На это способен и величайший эгоист, так как именно в этих случаях «я» проявляется с особым блеском. Нет, речь идет о ежедневно и ежечасно повторяющихся жертвах, которые идут от чистого сердца хорошего человека, любящего отца, нежной матери, любящего супруга, благодарного сына, о тех жертвах, которые придают жизни неповторимую прелесть и делают ее краше вопреки всем превратностям.

Ты сам так прекрасно описал жизнь своей превосходной матери, так глубоко прочувствованно сказал о том, что вся ее жизнь — непрерывная жертва на алтарь любви и верности, и ты не преувеличил. Но зачем нужны прекрасные образцы, если они не вызывают подражания? Можешь ли ты, положа руку на сердце, похвалиться, что поступал так до сих пор?

Я не хочу задеть тебя и уж, конечно, не имею желания огорчать, так как я, в сущности, достаточно слаб, чтобы не раскаиваться в том, что я обидел тебя. Но дело не только в том, что из-за этого страдаю я, страдает твоя добрая мать. Это я, быть может, и стерпел бы. Нет людей менее себялюбивых, чем хорошие родители. Но ради собственного твоего блага я не могу перестать и не перестану говорить на эту тему, пока не уверюсь, что ты избавился от этого пятна в твоем в остальном столь благородном характере. Вскоре ты станешь отцом семейства и должен им стать. Но ни честь, ни богатство, ни слава не осчастливят жену и детей. Это можешь сделать только ты, твое лучшее «я», твоя любовь, твоя нежность, способность подавлять бурные стороны твоего характера, вспышки, болезненную чувствительность и т. д., и т. п. Я уже говорю не о себе, а обращаю твое внимание на те узы, которыми тебе предстоит связать себя.

Ты сам говоришь, что ты баловень счастья. Да хранит тебя всевышний всегда на твоем пути, насколько это позволяют слабости человеческой природы. Но и счастливейший знает горькие часы; ни для одного из смертных солнце не сияет вечно. Но от счастливца можно по праву требовать, что он противопоставит буре свое мужество, твердость, смирение, бодрость. Мы имеем право требовать, чтобы прошедшее счастье стало броней, защищающей нас от преходящих страданий. Сердце счастливого человека широко и мощно, и его не так-то легко разбить.

Милая мама переслала мне сюда твое письмо. Набросок плана прекрасен, и если план будет хорошо осуществлен, то сможет стать прочным памятником литературы. Но придется столкнуться с большими трудностями — прежде всего со стороны тех, чье самолюбие будет уязвлено, а также из-за того, что впереди не стоит имя человека, известного своим критическим дарованием. Зато газета может помочь создать репутацию. И в этой связи возникает вопрос, намерен ли ты выступить под своим именем. Ведь для тебя так важно снискать известность, доказать свои критические способности, чтобы добиться профессуры. Из твоего письма я этой уверенности не почерпнул. Да поможет тебе бог.

С моей поездкой в Берлин, видимо, ничего не выйдет. Это было бы слишком обременительным после тех больших расходов, которые пришлось нести в этом году. К тому же, должен признаться (хотя это еще не наверняка), у меня имелось намерение по возможности попытаться перейти в магистратуру. Предварительно я хотел бы знать мнение об этом господина Йенигена, содействие которого во всяком случае могло бы быть очень полезно. Так как этого не произошло, то я питаю мало надежды. Я не хотел от тебя требовать ничего такого, что противоречило бы твоим чувствам, но, пожалуй, ты мог бы действовать разумнее. Я узнал, впрочем, что господин Йениген с женой направляются в Париж и проедут через Трир. Ты много потерял, так как госпожа Йениген этим летом писала исключительно нежные письма твоей Женни.

Я с большим нетерпением жду письма от тебя, чтобы узнать новости о твоих делах. Но прошу тебя написать поподробнее.

Сегодня я пожертвовал ради тебя своей утренней прогулкой, но сейчас как раз самое время немного пройтись. К тому же, надо черкнуть несколько строк милой маме, которой я хочу послать это письмо. Мне было бы трудно снова много писать, а таким образом мама все же получит большое письмо.

Будь здоров, милый Карл, люби меня всегда так, как ты об этом говоришь, только не заставляй меня краснеть от твоей лести. Нет ничего плохого в том, что ты высокого мнения о своем отце. Я все же кое-чего добился в жизни — достаточно, чтобы иметь тебя, но далеко недостаточно, чтобы быть довольным собой.

Твой отец

Маркс

P. S. Так называемая надгробная проповедь, которую ты от меня требуешь, — это произведение строк на десять. У меня его больше нет, думается, что оно у Софи, и в конечном счете подверглось некоторым изменениям.

Впервые опубликовано в Marx—Engels Gesamtausgabe. Erste Abteilung, Bd. 1, Hlbd. 2, 1929

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

ГЕНРИХ МАРКС — КАРЛУ МАРКСУ

В БЕРЛИН

Бад Эмс, [около 20 августа 1837 г.]

Дорогой, милый Карл!

Не знаю, получил ли ты уже мое предыдущее письмо, [посланное] тебе через дорогую твою матушку. Надеюсь все же, что ты его получил. Пока же, так как я охотно переписываюсь с тобой и так как тебе, наверно, будет приятно увидеть человека, в дружеском общении с которым я провел много дней, то я пользуюсь любезностью подателя сего, чтобы переслать тебе эти несколько строк.

Податель сего — славный молодой человек, воспитатель сына принца Карла *. Я познакомился с ним здесь, где я живу обычно замкнуто, не заводя так легко новых знакомств. Мы провели с господином Геймом немало приятных часов, и, насколько можно за такой короткий срок узнать человека, я полагаю, что он — славный, милый и порядочный человек. Он обещал навестить тебя, и я буду рад, если он найдет правдивым образ, нарисованный эгоизмом отца.

Тебе, наверно, было бы приятно увидеть кое-какие достопримечательности во время предстоящих каникул, а господин Гейм в силу занимаемого им положения, вероятно, легко сможет тебе в этом помочь.

Когда ты улучишь момент написать мне, мне будет приятно получить от тебя краткий набросок того, что ты проделал в этом году в области юриспруденции. Судя по твоим наметкам, ты считаешь, что тебе незачем заниматься камералистикой. Не забрасывай только естественных наук, так как нельзя быть уверенным, что ты сможешь когда-нибудь наверстать упущенное, сожаление же приходит слишком поздно.

---

* — Фридриха Карла, прусского принца. *Ред.*

Быть может, в ближайшие годы наступит благоприятный момент для того, чтобы вступить на юридическое поприще, если ты решишь обосноваться в Бонне, так как там нет никого, кто поднимался бы над общим уровнем. Я знаю, что в отношении науки Берлин имеет свои преимущества и большую притягательную силу. Но, не говоря уже о том, что там возникнут более серьезные трудности, ты должен подумать и о родителях, радужные надежды которых серьезно пострадают, если ты будешь так далеко от них. Конечно, это не должно нарушать твои жизненные планы. Ведь родительская любовь — самое бескорыстное из всех чувств. Но если бы твои жизненные планы можно было гармонично сочетать с родительскими надеждами, это доставило бы мне величайшую из всех радостей, число которых так сильно уменьшается с годами.

Мое пребывание здесь пока дало мало пользы. Но, несмотря на томительную скуку, мне придется продлить его, дабы удовлетворить желание твоей доброй матери, которая на этом настаивает.

Я долго лелеял мечту увидеть тебя на каникулах, но от этого придется отказаться. Мне стоит больших усилий расстаться с этой мечтой, но ничего не поделаешь. Противный кашель изводит меня во всех отношениях!

Да хранит тебя бог, милый Карл. Живи счастливо, не пренебрегай здоровьем. Я не могу не повторять это слишком часто: обогащая свой дух, щади свое здоровье.

Сердцем и душой твой отец

Маркс

Впервые опубликовано в Marx—Engels Gesamtausgabe. Erste Abteilung, Bd. 1, Hlbd. 2, 1929

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

ГЕНРИХ МАРКС — КАРЛУ МАРКСУ

В БЕРЛИН

Трир, 16 сентября 1837 г.

Милый Карл!

Твое последнее письмо, которое мы получили примерно дней восемь назад, позволяет рассчитывать, что вскоре последует его более пространное продолжение, и я охотно подождал бы, чтобы получить полное представление. Но тебе, наверно,

трудно так долго ждать ответа, тем более, что дело касается плана, от которого, быть может, зависят твои ближайшие шаги.

Ты знаешь меня, милый Карл: я не упрям и не склонен к предубеждениям. Какую именно научную карьеру ты изберешь, мне, в сущности, все равно. Но выберешь ли ты именно то, к чему у тебя призвание, этот вопрос меня, конечно, тревожит. Сначала мы думали об обычных вещах. Но такая карьера тебя, по-видимому, не прельщает. Поэтому, признаюсь, соблазненный твоими столь рано созревшими взглядами, я выразил одобрение, когда ты избрал своей целью научную деятельность, будь то в области права или философии, — скорее, как мне казалось, в области последней. Трудности, сопутствующие этой карьере, мне достаточно известны: я познакомился с ними, когда в последнее время имел возможность часто встречаться в Эмсе с одним профессором из Бонна. С другой стороны, нельзя не признать, что человек, уверенный в себе, мог бы играть в Бонне крупную роль в качестве профессора права. К тому же из Берлина легче получить направление в Бонн, конечно, при некоторой протекции. Эту протекцию тебе должна была бы дать поэзия. Но даже, если тебе повезет, на это нужно несколько лет, а твое особое положение вынуждает тебя торопиться...

Подойдем к вопросу с другой стороны (а важно помнить, что при хорошем классическом образовании получение профессуры всегда может оставаться конечной целью). Способствует ли практическая деятельность столь быстрому продвижению? Как правило, — нет, и это слишком хорошо доказывается опытом. Протекция и здесь играет очень большую роль. Без нее ты не сможешь жаловаться, если спустя несколько лет после окончания учения, станешь ассесором не на жаловании и останешься ассесором в течение долгого времени. Но и при самых строгих нравственных устоях и взыскательности позволительно снискать себе протекцию собственными достоинствами. Такой покровитель, убежденный в высоких деловых качествах своего протеже, добросовестно опекает и продвигает его. Дары, которыми наделила тебя природа, весьма способствуют этому. Наилучшее применение дарований — это уже твое личное дело. Третьему лицу тем более трудно судить об этом, что в подобных случаях необходимо принимать во внимание индивидуальные особенности. Тебе необходимо, за что бы ты ни взялся, — рассматривать дело с этой точки зрения, *взвесить* все, так как тебе надо торопиться, — это чувствуешь ты сам, и это чувствую я.

В некотором отношении это, конечно, неприятно, но ведь и самая прекрасная картина имеет свои теневые стороны, и здесь важно уметь смиряться с неизбежным. Впрочем, это смирение зиждется на столь светлых качествах, настолько порождено собственной волей, — волей, которой руководят сердце и разум, — что его следует рассматривать скорее как наслаждение, а не как жертву.

Но вернусь к твоему вопросу: что тебе посоветовать? В связи с твоим планом театральной критики я должен прежде всего признаться, что я в этом деле не особенно компетентен. Драматургическая критика требует большой затраты времени и большой осмотрительности. Если иметь в виду искусство, то такая деятельность в наше время, быть может, принадлежит к числу достойнейших. С точки зрения славы, она может проложить путь к диплому ученого.

Как ее примут? Полагаю, что скорее враждебно, чем доброжелательно. Насколько я знаю, путь превосходного ученого Лессинга не очень-то был усыпан розами. Он жил и умер бедным библиотекарем.

Даст ли тебе эта деятельность материальные преимущества? Этот вопрос связан с предыдущим, и я не в состоянии дать категорического ответа. Я по-прежнему считаю, что отдельные превосходные работы, хорошая поэма, талантливая трагедия или комедия лучше послужат твоей цели. — Но ты сам прокладываешь свой путь и хочешь следовать по нему и дальше. Я могу только молить небо, чтобы ты каким-нибудь образом как можно скорее достиг поставленной цели.

Хочу сказать тебе еще только одно. Если ты после трех лет учения ничего больше не требуешь из дому и из-за этого принужден заняться чем-то таким, что тебе может пойти во вред, то лучше не искушай судьбу. Каких бы жертв мне это ни стоило, я скорее предпочту пойти на них, чем повредить твоей карьере. Если же ты сумеешь сделать это разумно и без ущерба для твоей карьеры, то, конечно, это будет для меня большим облегчением. Ведь со времени разделения суда и в связи с растущей активностью молодых людей мои доходы сократились пропорционально увеличению расходов. Но, как я уже сказал, это соображение не должно служить помехой.

Коль скоро ты возвращаешься на путь практической деятельности, то почему ты ничего не говоришь о камералистике? Быть может, я ошибаюсь, но мне кажется, что поэзия и литература скорее найдут себе покровителей в административной сфере, чем среди юристов, и поющий регирунгсрат представляется мне более естественным, нежели поющий судья. Да и,

по сути дела, разве камералистика не есть именно то, что тебе необходимо как настоящему юристу, наряду с естественными науками? Последними ни в коем случае не пренебрегай, это было бы непростительно.

Ты сам в состоянии извлечь урок из своего положения, и как раз та сторона существования, на которую ты в нормальных условиях еще долго не обращал бы внимания, становится для тебя *буквально вопросом жизни.* Поэтому тебе придется поразмыслить, проверить себя и начать действовать. Я нисколько не боюсь, что эти, хотя и неприятные, соображения толкнут тебя к низким, раболепным поступкам. Несмотря на мою седую голову, несколько удрученное состояние духа и заботы, я продолжал бы бороться и презирать низости. Тебе же, богато одаренному от природы, с твоими непочатыми силами это должно казаться невозможным. Но гордой юности в расцвете сил может показаться унижением то, что настойчиво диктуется разумом и долгом по отношению к самому себе, особенно же по отношению к лицам, заботу о благе которых ты почитаешь своей обязанностью. Конечно, желать, чтобы человек в 19 лет был умудрен жизненным опытом, это значило бы требовать слишком много. Но тот, кто в 19 лет...

Твоего последнего письма я не показал Вестфаленам. Эти очень хорошие люди — люди особого склада. Все подвергается у них такому многократному и непрестанному обсуждению, что лучше, насколько возможно, не давать им для этого повода. Так как твои занятия в этом году остаются прежними, то незачем давать им пищу для новых фантазий.

Женни еще нет здесь, но она скоро приедет. То, что она тебе не пишет, это ребячество и упрямство, иначе и не назовешь. Что она любит тебя самоотверженной любовью, это вне всяких сомнений, и она была близка к тому, чтобы засвидетельствовать это своей смертью.

Ей пришла в голову мысль, что писать не нужно, или какая-то другая смутная мысль, — ведь в ней есть что-то гениальное. Но какое это все имеет отношение к делу? Ты можешь быть уверен, — я в этом убежден (а ты знаешь, что я не легковерен), что даже князь не в состоянии отнять ее у тебя. Она привязана к тебе всей душой и, — ты не должен забывать об этом, — в ее годы она приносит тебе жертву, на которую обыкновенные девушки, конечно, не были бы способны. Если ей пришла в голову мысль, что она не хочет или не может писать тебе, то, ради бога, не придавай этому значения. Ведь это, по сути дела, только внешний знак, без которого можно обойтись, если ты уверен в главном. Я поговорю с ней об

этом, когда представится случай, хотя я делаю это очень неохотно.

Целый год я радовался тому, что увижу тебя. Так и живешь вечными иллюзиями. Единственное, что никогда не обманывает, — это доброе сердце, движения души, любовь, и тут я могу считать себя богатым, ибо я владею любовью несравненной жены и хороших детей.

Не заставляй нас больше так долго ждать писем. Твоя добрая мать нуждается в подбадривании, а твои письма оказывают чудесное действие на ее настроение. Она в это лето так много страдала, что только существо, которое забывает о себе ради своих близких, может все это вынести и все же остаться самим собой. Да избавит нас бог от этой долгой борьбы. Пиши иногда несколько строк для Эдуарда *, но делай это так, будто он опять совсем здоров.

Если ты, не унижая себя, можешь сблизиться с господином Йенигеном, мне это будет приятно, я очень этого хочу. Тебе было бы очень полезно видеться с господином Эссером, — насколько мне известно, он в дружеских отношениях с Мёйрином.

Далее, прошу тебя зайти к господину тайному советнику юстиции Рейнхарду и от моего имени попросить его, чтобы мое дело [193] сдвинулось с мертвой точки. Выиграю я его или проиграю, — у меня без того хватает забот, и я хотел бы по меньшей мере выбросить из головы хоть эту заботу.

Ну, мой хороший, милый Карл, — по-моему, я написал достаточно. Я редко делю вещи на порции и думаю, что подогретые порции не чета свежим. Будь здоров, не забывай, что твой отец стар, а у тебя в жилах течет молодая кровь. И если тебе посчастливится уберечь ее от бурных и опустошительных страстей, то все же освежай ее юношеской бодростью, мужественной радостью и подобающими молодости развлечениями, которые согласуются с велениями сердца и разума.

Сердечно и от всей души обнимаю тебя.

Твой преданный отец

[ПРИПИСКА МАТЕРИ]

Милый, дорогой Карл!

Мое самое заветное желание, чтобы доброе небо сохранило тебя здоровым. Ты ведешь скромную жизнь, но ты должен быть таким же в своих желаниях и надеждах.

Так как самого существенного ты уже достиг, то можешь теперь действовать более спокойно и осмотрительно. Госпожа

* — Эдуарда Маркса. *Ред.*

фон Вестфален разговаривала сегодня с детьми. [Женни должна] не сегодня — завтра приехать. Она пишет, что рвется обратно в Трир и жаждет узнать о тебе. Я полагаю, что молчание по отношению к тебе вызвано девичьей стыдливостью, которую я часто замечала у нее и которая, конечно, не является недостатком, а, наоборот, только усиливает ее обаяние и остальные хорошие качества.

Эдгар *, вероятно, поедет продолжать свое образование в Гейдельберг.

Ты можешь быть уверен, что мы принимаем очень близко к сердцу твое благополучие и успех во всем, что ты предпринимаешь. Пусть всевышний, всеблагой господь укажет тебе верный путь, наиболее полезный тебе. Об этом мы будем молить его. Сохраняй бодрость и преодолевай трудности. Терпение и труд все перетрут. Я мысленно сердечно целую тебя. Закажи для себя на осень шерстяной жилет. Он убережет тебя от простуды. Напиши поскорее, милый Карл.

Твоя вечно любящая мать

Генриетта Маркс

Напиши также несколько строк Герману **. Вложи записку в письмо к нам. Он делает большие успехи, и им очень довольны.

Впервые опубликовано в Marx—Engels Gesamtausgabe. Erste Abteilung, Bd. 1, Hlbd. 2, 1929

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

ГЕНРИХ МАРКС — КАРЛУ МАРКСУ

В БЕРЛИН

Трир, 17 ноября 1837 г.

Милый Карл!

Неужели ты вправду обосновался в Штралове? Мыслимо ли это в такое время года да еще в краю, где не цветут лимоны ***? Но где же ты тогда? Вот в чем вопрос, а для делового человека знание адреса — первое условие переписки. Поэтому мне приходится пользоваться любезностью других.

Но адрес — это форма, что, по-видимому, как раз и является твоей слабой стороной. Ну, а с содержанием ведь дело должно обстоять иначе? Так, по меньшей мере, следовало пред-

* — Эдгар фон Вестфален. *Ред.*

** — Герману Марксу. *Ред.*

*** Перефразированные слова из стихотворения Гёте «Миньон». *Ред.*

положить, если принять во внимание, 1) что в материале у тебя недостатка нет, 2) что твое положение достаточно серьезно, чтобы вызывать большой интерес, 3) что твой отец, быть может, несколько пристрастен в своей привязанности к тебе и т. д. и т. п. И даже после двухмесячного перерыва, — причем второй месяц принес мне множество забот и огорчений, — я получаю письмо, лишенное формы и содержания, ничего не говорящий обрывок, никак не связанный ни с минувшими событиями, ни с будущим!

Чтобы переписка представляла интерес и ценность, она должна быть последовательной. Пишущему непременно надо иметь перед мысленным взором *свое* последнее послание, а также ответ на него. Твое предпоследнее письмо возбудило у меня нетерпеливое ожидание. Я написал несколько писем с просьбой прислать некоторые сведения. И вот вместо всего этого я получаю бессвязное отрывочное письмо и, что много хуже, письмо, *полное горечи*.

Говоря откровенно, мой милый Карл, я не люблю этого новомодного словечка, которым прикрываются слабые люди, злобствующие на весь свет за то, что они без малейшего труда и усилий с их стороны не владеют роскошно обставленными дворцами, выездами и миллионными состояниями. Эта разочарованность мне отвратительна, и я меньше всего ожидаю ее от тебя. Да и какие у тебя к тому основания? Разве судьба не баловала тебя с колыбели? Разве природа не наделила тебя щедро своими дарами? Разве родители не окружили тебя горячей любовью? Мешало ли что-либо до сих пор удовлетворению твоих разумных желаний? И не завоевал ли ты непонятным образом сердце такой девушки, что тебе завидуют тысячи? И вот первая же превратность судьбы, первое неисполненное желание уже вызывают разочарование! И это сила? Это называется мужественным характером?

Ты сам в решительных словах выразил намерение обеспечить свое будущее и во имя этого ограничивать себя в настоящем. Разве ты не написал этого слово в слово? А ведь только дети сожалеют о данном ими слове, когда они начинают ощущать бремя своего обещания.

Но фортуна и здесь хранит тебя. Твоя добрая мать, у которой сердце мягче, чем у меня, и которой все еще часто вспоминается, что и мы некогда были игрушкой в руках слепого озорника, забила тревогу, а чересчур добрые родители твоей Женни захотели, не теряя ни минуты, исцелить бедное раненое сердце. Рецепт уже, верно, в твоих руках, если только, за отсутствием точного адреса, послание не затерялось.

Времени мало, так как Софи должна до почты занести письмо господам фон Вестфален, которые теперь живут далеко. А так как об оказии мне сообщили только сегодня, то я должен кончать письмо. В сущности, мне и сейчас нечего было бы сказать. Самое большее, я мог бы задавать вопросы, но не хочу быть навязчивым. Пусть мой уважаемый сын соизволит разрешить мне только одно, а именно — выразить удивление, что я все еще не получил ни одной просьбы насчет денег. Может быть, ты уже сейчас хочешь жить за счет взятой ранее слишком большой суммы? Это было бы рановато.

Милая мама все не может примириться с тем, что ты не приедешь осенью домой, как другие. Если ждать до следующей осени тебе и милой маме кажется слишком долго, то приезжай на пасхальные каникулы.

Твой преданный отец

Маркс

[ПРИПИСКА СЕСТРЫ СОФИ]

Будь здоров, милый Карл, поскорее напиши нам, что теперь ты доволен и спокоен. До пасхи, Карл, — время до тех пор покажется мне вечностью!

Впервые опубликовано в Marx—Engels Gesamtausgabe. Erste Abteilung, Bd. 1, Hlbd. 2, 1929

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

ГЕНРИХ МАРКС — КАРЛУ МАРКСУ

В БЕРЛИН

Трир, 9 декабря 1837 г.

Милый Карл!

Если человек знает свои слабости, он должен принять против них меры. Если бы я приступил сейчас, как обычно, к письму, которое содержало бы логичные обоснования, то под влиянием любви к тебе я впал бы в сентиментальный тон и предыдущее утратило бы всякий смысл. Ты, как мне кажется, никогда не перечитываешь писем, и в этом есть своя логика, ибо зачем перечитывать, если ответное письмо не содержит ответа.

Хочу высказать тебе свои жалобы в афоризмах. И то, что я выскажу здесь, действительно является жалобой. Чтобы уяснить их самому себе и заставить тебя все это проглотить, как

горькую пилюлю, я буду ставить вопросы, на которые сам же a posteriori* намерен дать ответы.

1. Какая задача стоит перед молодым человеком, которого природа безусловно одарила необыкновенными талантами, в особенности:

a) если он, по его собственным словам, которым я, впрочем, охотно верю, чтит своего отца, а мать считает идеалом,

b) если он, не считаясь со своим возрастом и положением, связал со своей судьбой судьбу благороднейшей девушки и

c) тем самым добился того, что весьма уважаемая семья дала свое согласие на брак, который, по всей видимости и с житейской точки зрения, сулит их возлюбленной дочери опасности и невеселые перспективы?

2. Имеют ли твои родители некоторое право требовать, чтобы твое поведение, твой образ жизни приносили им радость или, по меньшей мере, какие-то радостные мгновения и не причиняли бы, по возможности, горя?

3. Каковы были до сих пор плоды твоих прекрасных природных дарований по отношению к твоим родителям?

4. Каковы эти плоды в отношении тебя самого?

В сущности, я мог бы и должен был бы на этом кончить, предоставив тебе самому ответить на вопросы и подробно их осветить. Но я боюсь в этом деле любой поэтической жилки. Я хочу ответить на все это прозаически — в соответствии с действительной жизнью, ответить так, как все обстоит на самом деле, невзирая даже на опасность показаться слишком прозаическим моему уважаемому сыну.

Настроение у меня сейчас и впрямь не слишком поэтическое. Кашель, продолжающийся уже год, затрудняет мне ведение дел, а с некоторых пор к этому добавилась еще и подагра. По слабости моего характера все это расстраивает и раздражает меня больше, чем следует. Поэтому ты, конечно, можешь ожидать от меня лишь такого описания, какое в состоянии дать угрюмый, стареющий человек, раздраженный бесчисленными разочарованиями и особенно тем, что он вынужден преподнести своему кумиру зеркало, в котором он предстает в искаженном виде.

ОТВЕТЫ И ЖАЛОБЫ

1. Дары заслуживают, требуют благодарности, и так как прекрасные дары природы безусловно являются наивысшими, то они требуют благодарности в особенно высокой степени. Но отблагодарить природу можно, лишь употребив эти дары

* — на основании опыта. *Ред.*

подобающим образом, говоря попросту — добиться того, чтобы талант приносил прибыль.

Я хорошо знаю, что на этот вопрос можно и должно ответить в более возвышенном тоне, а именно, что эти дары надлежит употребить для собственного совершенствования, и против этого я, конечно, не спорю. Да, эти дары надлежит использовать для собственного совершенствования. Но как именно? Человек — духовное существо и вместе с тем — член общества, гражданин государства. Стало быть, речь идет о физическом, нравственном, умственном и политическом совершенствовании. Только если в стремления к этой великой цели будет внесена гармония, может возникнуть прекрасное, привлекательное целое, угодное богу, людям, родителям и любимой, — нечто такое, что с бо́льшим основанием и в бо́льшем соответствии с природой можно назвать подлинно пластичной картиной, нежели встречу со старым школьным товарищем.

Но я повторяю: только в стремлении равномерно совершенствовать все части целого проявляется воля стать достойным этих даров. Только при такой соразмерности может возникнуть прекрасный образ, подлинная гармония.

Но если стремление, даже самое искреннее, ограничивается совершенствованием отдельных частей, оно не только не дает благого результата, а порождает карикатуры: в физической сфере — фатов, в нравственной — экзальтированных мечтателей, в политической — интриганов, а в умственной — ученых медведей.

a) Да, такова цель, которую должен поставить перед собой молодой человек, если он действительно хочет доставить радость своим родителям, — причем сердце должно само подсказать ему, как много они сделали для него, — в особенности же если он сознает, что родители возлагают на него свои прекраснейшие надежды;

b) Да, он должен помнить, что он взял на себя обязанность, — возможно превосходящую требования, предъявляемые к человеку его возраста, но тем более священную, — пожертвовать собой ради счастья той, которая, будучи одарена от природы прекрасными качествами и занимая высокое общественное положение, пошла на большую жертву: променяла свое блестящее положение и радужные перспективы на ненадежное и невеселое будущее, соединив свою судьбу с судьбой человека, более молодого, чем она. Создать для нее достойное ее будущее — такова простая и практическая задача, которая должна быть решена в реальном мире, а не в дымной комнате при свете коптилки, возле одичавшего ученого.

с) Да, на нем лежит большой долг, и благородная семья вправе требовать большого возмещения за отказ от прекрасных надежд, столь оправданных замечательными качествами их дочери. Действительно, тысячи родителей не дали бы своего согласия. И в минуты уныния твой собственный отец готов был пожелать, чтобы так поступили и они, — слишком уж близко я принимаю к сердцу счастье этого ангела, которого я люблю как родную дочь и именно поэтому тревожусь о ее благе.

В совокупности все эти обязательства образовали такие прочные узы, что одного этого достаточно, чтобы изгнать всех злых духов, рассеять все заблуждения, исправить все недостатки, вызвать в себе новые, лучшие побуждения, превратить необузданного юношу в уравновешенного человека, отрицающего все гения — в глубокого мыслителя, бесшабашного вожака таких же бесшабашных юнцов — в человека, сознающего свою ответственность перед обществом. Такого человека, который может сохранить достаточно гордости, чтобы не извиваться как угорь, но должен обладать в достаточной степени практическим умом и тактом, чтобы чувствовать, что только в общении с высоконравственными людьми можно научиться искусству показывать себя с наиболее приятной и выгодной стороны, снискать как можно скорее уважение, любовь и авторитет и применить на деле таланты, которыми действительно так щедро одарила его природа-мать.

Такова, коротко говоря, *задача*. Как же она решается?

Боже правый!!! Несобранность, беспорядочные блуждания по всем отраслям знания, смутные раздумья при свете коптилки, нечесаные волосы, одичание в шлафроке ученого взамен одичания за кружкой пива; угрюмое уединение вкупе с пренебрежением всеми приличиями и даже почтением к *отцу*. Искусство общения с миром сведено к грязной комнате, где, быть может, среди классического беспорядка любовные письма Женни и благонамеренные отцовские увещевания, возможно написанные со слезами, используются для зажигания трубки, что, впрочем, было бы лучше, чем если бы они из-за еще более безответственной неряшливости попали в руки постороннего. И в этой-то мастерской безрассудной, бесцельной учености должны созреть плоды, которые освежат тебя и тех, кого ты любишь, здесь будет собран урожай, который послужит выполнению священных обязанностей?

3. Несмотря на мою решимость, меня глубоко огорчает, почти гнетет чувство, что я причиняю тебе боль, я снова начинаю поддаваться слабости и, чтобы поддержать себя в подлинном смысле слова, принимаю предписанные мне реальные

пилюли, проглатываю их все сразу, ибо я хочу сейчас быть твердым и излить все свои жалобы. Я не хочу быть мягкосердечным, так как чувствую, что был слишком снисходителен, слишком мало говорил о своих претензиях к тебе и тем самым в известной степени разделяю твою вину. Я хочу и должен тебе сказать, что ты доставил своим родителям много огорчений и мало или вовсе не доставил им радости.

Едва пришли к концу буйства в Бонне, едва погасили твои долги, — а их, говоря по правде, было немало, — как нас повергли в замешательство начавшиеся любовные страдания. И словно снисходительные родители из какого-нибудь романа, мы превратились в вестников этой любви и несли этот крест. Но, глубоко чувствуя, что здесь сосредоточено счастье твоей жизни, мы терпели то, что не в силах были изменить, и, быть может, даже играли неподобающую роль. Будучи еще юным, ты уже отдалился от своей семьи, но, рассматривая глазами родителей ее благотворное влияние на тебя, мы надеялись, что добрые результаты не замедлят проявиться. Ведь в пользу этого говорили и разум, и необходимость. И какие же плоды мы пожинаем?

Мы так и не познали удовлетворения, приносимого разумной перепиской, которая, как правило, служит утешением в разлуке. Ибо переписка предполагает последовательный и постоянный обмен мнениями, взаимно и согласованно осуществляемый обеими сторонами. Мы ни разу не получили непосредственного ответа на свои письма; ни разу твое очередное письмо не имело связи ни с твоим предыдущим посланием, ни с нашими письмами.

Если сегодня мы получали известие, что у тебя появился новый знакомый, то затем он бесследно исчезал подобно мертворожденному младенцу.

Чем, собственно, занят, о чем думает, что делает наш слишком горячо любимый сын, об этом изредка бросалась напыщенная фраза и полнозвучный регистр, как по волшебству, замолкал.

Нередко мы месяцами не получали писем, — в последний раз это было, когда ты знал, что Эдуард * болен, мама недомогает и мне самому нездоровится, вдобавок в Берлине свирепствовала холера. И словно это не требовало никаких извинений, в твоем следующем письме ни словом не упоминалось об этом. Оно содержало лишь несколько наспех нацарапанных строк и выдержку из дневника, озаглавленную «Визит», которому

* — Эдуард Маркс. *Ред.*

я, говоря откровенно, охотнее бы указал на дверь, чем принял его, — бредовую стряпню, свидетельствующую только о том, что ты впустую тратишь свои дарования и не спишь ночами, порождая монстров; что ты подражаешь современным уродам, которые коверкают слова, пока сами не перестают их понимать, провозглашая гениальным творением поток слов, потому что они лишены всяких идей или содержат лишь извращенные идеи.

Правда, кое-что в твоем письме все же содержится: жалобы, что Женни не пишет. Ты жалуешься, хотя в глубине души ты убежден, что счастье улыбается тебе во всех отношениях. По меньшей мере, у тебя нет никаких оснований для отчаяния или разочарования. Но этого тебе недостаточно, твое драгоценное ego * жаждало прочесть то, что уже все знали (что, конечно, в данном случае вполне оправдано), и это было почти все, что уважаемый сын мог сказать своим родителям, зная, что они больны, что он огорчает их своим неразумным молчанием.

За год наш уважаемый сын, вопреки всякой договоренности, тратит почти 700 талеров, словно мы богачи, тогда как и самые богатые люди расходуют менее 500. И почему? Надо отдать ему справедливость: он не кутила, не мот. Но как может человек, чуть ли не каждую неделю или две изобретающий новые системы и вынужденный рвать прежние работы, на которые было затрачено много труда, — как может он, спрашиваю я, думать о мелочах? Как может он подчиняться мелочному порядку? Каждому позволяется запустить руку в его карман, обмануть его, лишь бы при этом не трогали его чертежей [201]. И, конечно, вскоре выписывается новый чек. Мелкие людишки вроде Г. Р. и Эверса могут беспокоиться о таких вещах, но ведь то простые смертные. Правда, они по своей простоте стараются усвоить смысл лекций или хотя бы слова их и найти себе покровителей и друзей, ибо экзамены принимаются людьми, профессорами, педантами, а порой и злопамятными подлецами, которые любят выставлять на позор тех, кто держится независимо. Ведь величие человека заключается в том, что он творит и разрушает!!!

Правда, эти бедные молодые люди спокойно спят, разве что посвящая иногда часть ночи или всю ночь удовольствиям. Мой же деловой, талантливый Карл проводит жизнь в тяжких ночных бдениях, изнуряет свои тело и дух серьезными занятиями, лишает себя всяких удовольствий, — и все это ради возвышенных абстрактных умствований, но то, что он создает сегодня, он разрушает завтра и в конечном счете уничтожает

* — я. *Ред.*

свое и не усваивает чужое. Результатом же является хилое тело и смятенный ум, тогда как заурядные простые смертные беспрепятственно продвигаются вперед и порой лучше или по меньшей мере с большими удобствами достигают цели, чем те, которые пренебрегают радостями молодости и губят свое здоровье в погоне за тенью учености, — чего они, вероятно, вернее добились бы в недолгом общении со сведущими людьми и вдобавок доставили бы себе развлечение!!!

Кончаю, ибо по учащенному пульсу чувствую, что близок к тому, чтобы смягчиться, а я хочу сегодня быть безжалостным.

Должен присовокупить сюда и жалобы твоих братьев и сестер. По твоим письмам вряд ли можно заключить, что у тебя имеются братья и сестры. Что же касается доброй Софи, которая так переживала из-за тебя и Женни и так безгранично тебе предана, то когда ты в ней не нуждаешься, ты о ней не думаешь.

Я оплатил твой чек на *160* талеров. Я вряд ли могу отнести его к минувшему учебному году, ибо за него ты уже получил сполна. Впредь мне не хотелось бы часто сталкиваться с подобными вещами.

В данный момент приезжать сюда было бы безумием! Я знаю, что ты все равно неаккуратно посещаешь лекции, хотя, вероятно, все же платишь за них, но я хочу соблюсти, по крайней мере, внешнее приличие. Я не раб общественного мнения, но и не люблю злословия на свой счет. На пасхальные каникулы можешь приехать или даже недели на две раньше, — я не такой уж педант. И, невзирая на мое сегодняшнее послание, можешь быть уверен, что я приму тебя с распростертыми объятиями и прижму к отцовскому сердцу, которое болит только из-за чрезмерной тревоги.

Твой отец

Маркс

Впервые опубликовано в Marx—Engels Gesamtausgabe. Erste Abteilung, Bd. 1, Hlbd. 2, 1929

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

ГЕНРИХ МАРКС — КАРЛУ МАРКСУ

В БЕРЛИН

Трир, 10 февраля 1838 г.

Уже два месяца, как я не выхожу из комнаты, и месяц, как лежу в постели. Поэтому я тебе не писал. Сегодня я хочу побыть несколько часов на ногах и проверить, удастся ли мне

написать письмо. Рука слегка дрожит, но ничего, разве только мне придется писать более кратко, чем я желал бы и должен был бы сделать.

Когда я писал тебе немного резкое письмо, я был в дурном настроении, и это надо принять во внимание. Тем не менее, я ничего не выдумал под влиянием этого настроения, быть может, лишь немного преувеличил.

Пускаться снова в рассуждения по поводу каждой жалобы я сейчас не в состоянии и вообще не могу состязаться с тобой в искусстве абстрактно рассуждать, ибо прежде чем проникнуть в святая святых, мне надо было бы изучить специальную терминологию, а для этого я слишком стар.

Хорошо, если твоя совесть и твоя философия мирно уживаются друг с другом.

Лишь в одном вопросе все трансцендентальное, конечно, бессильно, и ты весьма благоразумно счел за благо хранить по этому поводу гордое молчание. Я имею в виду презренный металл, ценности коего для отца семейства ты, видимо, еще не осознал. Тем острее сознаю ее я, подчас я упрекаю себя за то, что дал тебе слишком много воли в этом отношении. Идет только четвертый месяц учебного года, а ты уже взял 280 талеров. Я еще не заработал столько нынешней зимой.

Но ты неправ, выдумав, будто я тебя не понимаю или недооцениваю. Ни то, ни другое. Я отдаю должное твоему сердцу, твоей нравственности. Уже в первый год твоей юридической карьеры я дал тому неопровержимое доказательство, даже не потребовав объяснения по одному очень неясному пункту, несмотря на всю его сложность. Это объяснялось исключительно верой в твою высокую нравственность, и, благодарение богу, я продолжаю в это верить. Но вера не делает меня слепым, и я складываю оружие только из-за усталости. Верь всегда и никогда не сомневайся в том, что ты занимаешь большое место в моем сердце и являешься одним из сильнейших рычагов моей жизни.

Твое последнее решение весьма похвально и хорошо продумано. Это умно и похвально, и если ты выполнишь обещание, то оно, вероятно, принесет прекрасные плоды. И будь уверен, что не один ты приносишь большую жертву. Это же относится и ко всем нам, но разум должен восторжествовать.

Я устал, милый Карл, и вынужден закончить. Сожалею, что не мог написать так, как я бы этого хотел. От всего сердца обнял бы тебя, но мое болезненное состояние делает это невозможным.

Твое последнее предложение относительно меня сопряжено с большими трудностями. Какими правами я располагаю? Какая у меня есть опора?

Твой преданный отец

Маркс

[ПРИПИСКА МАТЕРИ]

Милый, дорогой Карл!

Твой дорогой отец впервые ради тебя взялся за перо. Добрый отец очень слаб. Дай бог, чтобы к твоему благородному, доброму отцу поскорее вернулись силы. Я, дорогой Карл, пока здорова, покорна судьбе и спокойна. Милая Женни относится к нам, как любящее дитя к своим родителям, во всем принимает живое участие и нередко подбадривает нас своим милым детским нравом, своей способностью видеть во всем светлую сторону. Напиши мне, милый Карл, что с тобой было и совсем ли ты поправился. Меня больше, чем всех, огорчает, что ты не приедешь на пасху. Чувства берут верх над разумом, и я сожалею, милый Карл, что ты слишком благоразумен. Не суди о моей глубокой любви по размерам этого письма; бывает подчас, что человек много чувствует, но выразить может мало. Будь здоров, милый Карл, напиши скорее своему доброму отцу, и это, несомненно, ускорит его выздоровление.

Твоя неизменно любящая мать

Генриетта Маркс

[ПРИПИСКА СЕСТРЫ СОФИ]

Тебе будет приятно, милый Карл, получить весточку от отца. Мое длинное письмо кажется мне теперь настолько маловажным, что я не знаю, прилагать ли его, ибо боюсь, что оно не стоит платы за его пересылку.

Папочке лучше, да и пора. Скоро уже восемь недель, как он лежит. Только последние дни он стал подниматься, чтобы дать проветрить спальню. Он сегодня сделал усилие над собой, чтобы дрожащей рукой написать тебе несколько строк. Бедный папочка сейчас очень нетерпелив, и это неудивительно. Всю зиму он не вел никаких дел, а потребности возросли вчетверо. Я каждый день пою отцу и читаю ему вслух. Пришли же мне поскорее романс, который ты мне давно обещал. Напиши поскорее, это всем нам доставит радость. Каролина * нездорова,

* — Каролина Маркс. *Ред.*

и Луиза * тоже в постели. У нее, по всей вероятности, скарлатина. Эмилия ** бодра и весела, а Иетта *** в не слишком приятном расположении духа.

Впервые опубликовано в Marx—Engels Gesamtausgabe. Erste Abteilung, Bd. 1, Hlbd. 2, 1929

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

ГЕНРИХ МАРКС — КАРЛУ МАРКСУ

В БЕРЛИН [202]

16 февраля [1838 г.]

Дорогой Карл, приветствую тебя несколькими словами. Больше я пока еще написать не могу.

Твой отец

Маркс

Впервые опубликовано в Marx—Engels Gesamtausgabe. Erste Abteilung, Bd. 1, Hlbd. 2, 1929

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

ЖЕННИ ФОН ВЕСТФАЛЕН — КАРЛУ МАРКСУ

В БЕРЛИН

Нидербронн, 24 июня 1838 г.

О том, что она осталась позади, эта юдоль скорби, старое церковное гнездо **** с его человечеством в миниатюре, скажет тебе название местности вверху настоящего письма [203]. А дальше оно должно рассказать тебе о нашей поездке в Вогезы, о моей внешней и внутренней жизни в маленьком приветливом курортном местечке. Но сначала ты должен замереть и прислушаться, дорогой моему сердцу возлюбленный, прислушаться к милым приветам любви, которые оно несет тебе, к сладким, нежным словам любви, которые оно нашептывает тебе. — Дорогой Карл, если бы ты сейчас мог быть со мной, если бы я могла покоиться на твоей груди, смотреть вместе с тобой

---

* — Луиза Маркс. *Ред.*

** — Эмилия Маркс. *Ред.*

*** — Генриетта Маркс, сестра Карла Маркса. *Ред.*

**** — имеется в виду Трир. *Ред.*

на веселую, приветливую долину, на прелестные луга, на горы с их поросшими лесом вершинами! Но, ах! Ты так далеко, так недосягаемо далеко. Напрасно ищет тебя мой взор, напрасно я простираю к тебе руки, напрасно призываю тебя всеми сладкими словами нежнейшей любви. Взамен я должна покрывать горячими поцелуями немых свидетелей твоей любви, прижимать их к сердцу вместо тебя, орошать их своими слезами. Карл, присылай мне чаще этих вестников любви, пиши мне чаще. Я нуждаюсь в этом, нуждаюсь больше, чем я это в состоянии выразить. Это единственное, что я имею, что может ободрить тоскующую душу, единственное, что мешает мне всецело предаться горю, отчаянию. Я все еще не могу прийти в себя, все еще не в силах спокойно и стойко выносить мысль о невосполнимой утрате. Все видится мне таким печальным, таким зловещим, все будущее представляется мне таким мрачным; ничто не улыбается мне в будущем, не радует меня впереди. Даже светлое прошлое рождает лишь горестные воспоминания, и, увы, каждый час безрадостного настоящего снова и снова заставляет проводить грустное сравнение между нашим былым богатством и теперешней нищетой. Каждый день, каждое мгновение напоминают мне, что отныне все стало иным, чем оно было некогда, что прошлое никогда не вернется, что нет уже с нами чудесного человека *, благословившего нашу любовь, что ему уже не суждено посылать благотворные, живительные лучи во тьму настоящего, что он навеки отнят у нас, навеки ушел.

Нынешний день особенно ярко воскрешает передо мной его дорогой, чудесный образ. Сегодня ровно год с тех пор, как мы вместе были в Кюренце **. Мы были совершенно одни и два или три часа говорили о важнейших явлениях жизни, о благороднейших, священных интересах, о вере и любви. Он говорил чудесные драгоценные слова, запечатлевшиеся золотой заповедью в моем сердце. Он говорил со мной с такой любовью, сердечностью, с таким проникновением, на которые способны лишь столь богатые натуры. Мое сердце преданно отозвалось на эту любовь и сохранит ее вечно! — Бывает любовь, простирающаяся за пределы нашего бытия, любовь *бесконечная,* и она принадлежит ему. В тот день он был настроен очень печально и серьезно; он много говорил о внушающем опасения состоянии Эдуардхена ***, уже тогда совершенно ясно предвидя печальные последствия этого, а также жаловался

* — Генриха Маркса. *Ред.*
** — предместье Трира. *Ред.*
*** — Эдуарда Маркса [204]. *Ред.*

на собственную свою физическую слабость. В тот день он очень сильно кашлял и был очень измучен.

Я собрала для него пучок земляники и давала ему лучшие ягоды. Ты бы видел, как он радовался, как он благодарил меня, улыбался мне. Никогда не забыть мне этой небесной улыбки! — Позже он стал бодрее, даже шутил и поддразнивал меня, все время называя госпожой президентшей. Дело в том, что жена президента Риве была тогда так больна, что каждый день ожидали ее смерти, а твой папа уверял, что я могла бы занять ее место, что мне следовало бы выбрать президента в качестве временного мужа, так как с тобой это дело долгое, и фигурировать пока что в роли госпожи президентши. Эта фантазия очень, очень долго забавляла его, и как только я взглядывала на него, он спрашивал лукаво: «Как поживает моя милостивейшая госпожа начальница?» Так каждый день, каждое мгновение напоминают мне об этом превосходном человеке, снова и снова пробуждая острую тоску по дорогом ушедшем и по прекрасным дням его пребывания среди нас. И все же я не хотела бы, чтобы он вернулся в этот мир скорби, нет, я благословляю его участь и завидую ей, — я радуюсь блаженному покою, который он вкушает в объятиях своего бога, радуюсь, что он отмучился, отстрадал, что он обрел в нездешнем мире богатую награду за свою прекрасную жизнь!

Прости мне, Карл, эти вспышки горя, прости, что я так долго останавливалась на воспоминаниях о незабвенном, священном предмете твоей печали и печали всех нас, что этим я вновь пробуждаю едва притупившуюся боль и не умею удержаться от сетований. Прости, что моему письму к тебе недостает бодрости, но я еще не в силах совладать со своим настроением, еще не могу вполне преодолеть свои страдания. Да и как могли бы мы лучше и достойнее почтить его память, если не постоянными мыслями о нем, вечно свежими воспоминаниями о его чистой жизни, его высоких добродетелях, его небесной любви. И в этом заключено для нас величайшее утешение, наивысшее успокоение.

Я шлю тебе в этом письме несколько волосков с головы дорогого человека. Это последнее, что осталось от его земной оболочки, — горе и заботы посеребрили их. Я покрыла их поцелуями, оросила слезами.

Пусть они послужат тебе талисманом в этой жизни, постоянно напоминают тебе о добродетелях твоего...

Впервые опубликовано в Marx — Engels Gesamtausgabe. Dritte Abteilung, Bd. 1, 1975

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

ЖЕННИ ФОН ВЕСТФАЛЕН — КАРЛУ МАРКСУ
В БЕРЛИН [205]

Трир [1839—1840 г.]

Мой дорогой и единственно любимый!

Сердце мое, ты больше не сердишься на меня и не тревожишься обо мне? Я была сильно взволнована, когда писала последнее письмо, а в такие минуты все представляется мне более мрачным и ужасным, чем оно есть на самом деле.

Прости мне, единственный, любимый, что я так тебя напугала, но я была глубоко потрясена твоим сомнением в моей любви и верности. Скажи, Карл, как ты мог это сделать, как ты мог так сухо написать мне, высказать подозрения только потому, что я молчала несколько дольше обычного, дольше таила в себе печаль из-за твоего письма, из-за Эдгара *, ах, из-за столь многого, что наполняет мою душу невыносимым горем. Я сделала это лишь из желания пощадить тебя и не расстраивать себя, — к этому меня обязывает долг перед тобой и перед моими близкими. Ах, Карл, как мало ты меня знаешь, как мало ты понимаешь мое положение и как мало чувствуешь, в чем мое горе, где кровоточит мое сердце.

Любовь девушки не похожа на любовь мужчины, она и должна быть иной. Конечно, девушка не может дать мужчине ничего, кроме любви и самой себя, безраздельно и навеки. В обычных условиях девушка должна обрести полное удовлетворение в любви мужчины, должна забыть ради любви обо всем остальном.

Но, Карл, представь себе мое положение. Ты не уважаешь меня, не доверяешь мне. Что я не в силах удержать твою теперешнюю романтическую любовь, это я знала с самого начала, чувствовала в глубине души еще до того, как это было разъяснено мне столь холодно, глубокомысленно и мудро. Ах, Карл, мое горе именно в том, что то, что наполнило бы несказанным восхищением всякую другую девушку, — твоя прекрасная, трогательная, страстная любовь, твои неописуемо прекрасные слова о ней, вдохновенные творения твоей фантазии, — все это лишь пугает меня, а зачастую и приводит в отчаяние. Чем полнее я предамся блаженству, тем ужаснее будет моя судьба, когда твоя пламенная любовь остынет и ты станешь холодным и сдержанным. Видишь ли, Карл, тревога о сохранении твоей любви отнимает у меня всякую радость. Я не могу беззаветно радоваться твоей любви, ибо я более не уверена в ней. Для меня нет ничего страшнее этого.

* — Эдгара фон Вестфален. *Ред.*

Поэтому-то, Карл, я не так благодарна тебе за твою любовь, не так воодушевлена ею, как она того заслуживает. Поэтому я часто напоминаю тебе о других вещах, о жизни и действительности, вместо того чтобы полностью уйти в мир любви, раствориться в ней, как это умеешь делать ты, слиться в высшем духовном единстве с тобой и забыть обо всем остальном, только в этом находя утешение и блаженство.

Карл, если бы только ты мог почувствовать мое горе, ты был бы мягче со мной и не видел бы повсюду низменную прозу и будни, не отыскивал бы везде недостаток истинной любви и глубины чувства.

Ах, Карл, будь я уверена в твоей любви, у меня не так пылала бы голова, не так болело бы и обливалось кровью сердце. О, если бы я могла быть уверена в твоем сердце, то, Карл, клянусь господом, моя душа и не мыслила бы о жизни и холодной прозе. Но, мой ангел, ты не уважаешь меня, не доверяешь мне, и я не могу сохранить свежей и юной твою любовь, ради которой я пожертвовала бы всем, всем. Эта мысль убивает меня. Прочти это в моей душе, и ты снисходительнее отнесешься к тому, что я стремлюсь найти утешение вне твоей любви. Я так хорошо чувствую, как ты прав во всем, но представь себе и мое положение, мою склонность к печальным раздумьям, — подумай обо всем этом, и ты больше не будешь так суров со мной. Если бы ты мог на мгновение стать девушкой, да еще такой странной, как я. Со времени получения твоего последнего письма я терзалась страхами, что ты можешь из-за меня оказаться втянутым в ссору, а затем и в дуэль. Днем и ночью я видела тебя раненым, истекающим кровью, больным, и, Карл, скажу тебе все, эта мысль не делала меня такой уже несчастной, ибо я воображала, что ты потерял правую руку, и это наполняло меня радостью и блаженством. Понимаешь, любимый, я думала, что в этом случае я действительно могла бы стать необходимой для тебя, ты всегда бы держал меня возле себя и любил. Я думала, что тогда я могла бы записывать все твои чудесные, божественные мысли и быть действительно полезной тебе. Я так естественно и живо представила себе все это, что мне слышался твой милый голос, твои милые слова лились ко мне, и я внимала им и заботливо сохраняла для других. Видишь ли, я всегда рисую себе такие картины, и в эти минуты я счастлива, ибо тогда я возле тебя, тогда я твоя, вся твоя. Если бы только я могла считать это возможным, я была бы совсем довольна.

Дорогой, единственно любимый, напиши же мне поскорее, скажи, что ты здоров и по-прежнему меня любишь. Но, милый

Карл, мне нужно серьезно поговорить с тобой. Скажи, как ты мог усомниться в моей верности? Ах, Карл, позволить, чтобы кто-то другой затмил тебя! Я признаю превосходные качества других людей и не считаю тебя непревзойденным, но, Карл, я так невыразимо люблю тебя, как же я могу найти что-либо достойное любви в ком-то еще? Ах, Карлхен, я никогда, никогда ни в чем не провинилась перед тобой, и все же ты мне не веришь. Странно, однако, что тебе назвали человека, совершенно неизвестного, которого почти не видели в Трире, тогда как меня часто видели в свете оживленно и весело беседующей с самыми разными мужчинами.

Я часто бываю веселой и задорной, шучу с совершенно чужими мне людьми, веду с ними оживленную беседу, — чего я не могу делать с тобой. Ты понимаешь, Карл, я могу болтать с кем угодно, но стоит тебе только взглянуть на меня, и я не в силах вымолвить ни слова от страха, кровь застывает у меня в жилах, душа моя трепещет. Часто, когда я вдруг подумаю о тебе, я немею от волнения, и тогда я за все блага мира не могла бы произнести ни слова. Ах, я не знаю, что это, но у меня делается так странно на душе, когда я думаю о тебе, а думаю я о тебе не изредка и не специально. Нет, вся моя жизнь, все мое существование пронизано мыслью о тебе. Мне часто приходит на ум то, о чем ты мне говорил или спрашивал меня, и тогда меня охватывает неизъяснимое, чудесное чувство. А когда ты целовал меня, Карл, и обнимал так горячо и крепко, что у меня от страха и волнения прерывалось дыхание, и смотрел на меня так странно и нежно, — ах, милый, ты и не знаешь, какими глазами ты на меня часто смотрел. Если бы ты только знал, Карлхен, какое странное у меня чувство, — я его не в состоянии описать. Порой я думаю, как чудесно будет, когда я, наконец, всегда буду рядом с тобой и ты станешь называть меня своей женушкой. Конечно, милый, тогда я смогу сказать тебе все, что я думаю, тогда я не буду так стесняться, как теперь. Карл, милый, как прекрасно иметь такого возлюбленного! Знал бы ты, что это такое, ты ни за что бы не поверил, что я могу полюбить кого-то другого. Ненаглядный мой, мне думается, что ты, верно, уже не помнишь многое из того, что ты мне говорил. Однажды ты сказал мне что-то такое чудесное, что может сказать лишь тот, кто страстно влюблен и мыслит самого себя лишь в нераздельном единстве с любимой. Ты часто говорил мне такие прекрасные вещи. Ты еще это помнишь, Карлхен? А если бы мне пришлось обо всем рассказать, что я думала, — ты, плутишка, конечно, воображаешь, что я и так все тебе сказала, но ты глубоко заблуждаешься. Когда я уже

не буду твоей возлюбленной, тогда я и скажу тебе то, что нельзя сказать никому, кроме любимого, которому полностью принадлежишь. Но тогда, Карлхен, и ты скажешь мне все и снова посмотришь на меня с такой любовью. Это было для меня самым прекрасным в мире. Ах, сердце мое, помнишь, когда ты впервые взглянул на меня так, а затем поспешно отвел глаза, а потом снова взглянул, и я сделала то же, и наконец наши взгляды встретились, и мы долго, долго смотрели друг на друга не в силах оторваться!

Любимый, не сердись на меня больше, напиши мне что-нибудь ласковое, — ведь это доставляет мне такую радость. И не беспокойся так сильно о моем здоровье. Я часто воображаю, что оно хуже, чем это есть на самом деле. *Право же, я чувствую себя сейчас лучше, чем в течение долгого времени.* Я также не принимаю больше лекарств, и аппетит у меня снова очень хороший. Я много гуляю в Веттендорфском саду и весь день усердно занимаюсь делом. Но, к сожалению, я ничего не могу читать. Если бы только мне найти книгу, которую я могла бы как следует понять и которая немного отвлекла бы меня. Я нередко целый час читаю одну страницу и все же ничего не понимаю. Конечно, сердце мое, я смогу потом наверстать упущенное, и даже если теперь я немного отстану, ты поможешь мне нагнать, — ведь я быстро схватываю. Быть может, ты знаешь какую-нибудь книгу, но она должна быть особого рода, слегка научная, чтобы я понимала не все, но все же разбирала кое-что словно сквозь туман, нечто такое, что не всякий любит читать, но также не сказки и не стихи, которых я не выношу. Думается, мне пошло бы на пользу, будь моя голова чем-то занята. Когда работаешь руками, это оставляет слишком много простора для мыслей. Карлхен, главное будь здоров. Твоя забавная возлюбленная снова унеслась мыслями далеко. Я рада, что твое [настроение] изменилось...

[ПРИПИСКА БРАТУ ЭДГАРУ]

Будь добр, дорогой Эдгар, передай это письмо. Я тоже готова выполнить любое твое поручение любовного характера.

Впервые опубликовано на английском языке в: Karl Marx — Frederick Engels. Collected Works. Volume 1, Moscow 1975

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

ВЫПУСКНОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО БЕРЛИНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА [206]

Мы, ректор и сенат
Королевского Университета Фридриха-Вильгельма
в Берлине,

удостоверяем настоящим выпускным свидетельством, что господин Карл Генрих *Маркс,* — уроженец Трира, сын скончавшегося там адвоката Маркса, достигший уже совершеннолетия, получивший подготовку к академическим занятиям в гимназии г. Трира, — был имматрикулирован у нас, на основании аттестата зрелости названной гимназии и выпускного свидетельства Боннского университета, 22 октября 1836 г.; с этого времени до конца зимнего семестра 1840/41 гг. находился здесь в качестве студента, занимаясь юридическими науками.

В течение этого времени он прослушал в нашем университете — как видно из представленных документов — нижеуказанные курсы:

I. *В зимнем семестре 1836/37 гг.*

1. Пандекты у г-на проф. фон *Савиньи,* прилежно
2. Уголовное право » » *Ганса,* с отличным прилежанием
3. Антропология » » *Стеффенса,* прилежно.

II. *В летнем семестре 1837 г.*

1. Церковное право
2. Общий германский гражданский процесс
3. Прусский гражданский процесс

} у г-на проф. *Геффтера,* прилежно.

III. *В зимнем семестре 1837/38 гг.*

1. Уголовный процесс у г-на проф. *Геффтера,* прилежно.

IV. *В летнем семестре 1838 г.*

1. Логика у г-на проф. *Габлера,* с превосходным прилежанием.

2. Всеобщая география у г-на проф. *Риттера,* записался на лекции.
3. Прусское право » » *Ганса,* с отличным прилежанием.

V. *В зимнем семестре 1838/39 гг.*

1. Наследственное право у г-на проф. *Рудорффа,* прилежно.

VI. *В летнем семестре 1839 г.*

1. Исайя у г-на лиценциата *Бауэра,* посещал лекции.

VII и VIII. *В зимнем семестре 1839/40 гг. и летнем семестре 1840 г.*

Не записался на лекции.

IX. *В зимнем семестре 1840/41 гг.*

1. Еврипид у г-на д-ра *Гепперта,* прилежно

фон Медем.
23. 3. 41

Относительно его поведения во время его пребывания в здешнем университете не было замечено в дисциплинарном отношении ничего особо предосудительного, в экономическом же отношении следует отметить лишь то, что неоднократно подавались на него жалобы за долги.

В участии в запрещенном студенческом объединении в здешнем университете он до сих пор не обвинялся.

В удостоверение чего составлено настоящее свидетельство за печатью университета и собственноручными подписями нынешнего ректора и судьи, а также нынешних деканов юридического и философского факультетов.

Берлин, 30 марта 1841 г.

Лихтенштейн. Краузе. Ланцицолле. Цумпт.

Смотрели заместители королевского правительственного уполномоченного:

Лихтенштейн. Краузе.

Впервые опубликовано в издании: «Archiv für die Geschichte des Sozialismus und der Arbeiterbewegung», Jg. 12, Leipzig, 1926

Печатается в соответствии с документом

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

РЕКОМЕНДАТЕЛЬНЫЙ ОТЗЫВ ДЕКАНА ФИЛОСОФСКОГО ФАКУЛЬТЕТА ПРОФ. К. Ф. БАХМАНА О ДОКТОРСКОЙ ДИССЕРТАЦИИ КАРЛА МАРКСА [68]

Высокочтимый господин!
Достойнейшие советники!

Настоящим я представляю Вам весьма достойного кандидата в лице г-на *Карла Генриха Маркса* из *Трира*. Вышеназванный прислал: 1. *Заявление* (под литерой «а»). 2. Два университетских свидетельства о его академических занятиях в Бонне и Берлине (литеры «b» и «с»). Отмеченные в них нарушения дисциплины могут быть оставлены нами без внимания. 3. Заявление на латинском языке, автобиографию и экземпляр диссертации на тему «*Различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура*» (литера «d»). 4. 12 фридрихсдоров; излишек сверх установленной суммы будет возвращен кандидату. Диссертация свидетельствует как об уме и проницательности, так и о начитанности кандидата, вследствие чего я считаю его весьма достойным присуждения степени. Поскольку вышеназванный, согласно его заявлению на немецком языке, желает получить лишь степень доктора, то, очевидно, то обстоятельство, что в своем заявлении на латинском языке он говорит о степени магистра, является ошибкой, вызванной незнакомством с уставом факультета. Вероятно, он полагал, что эти две степени связаны одна с другой. Я убежден, что разъяснение по этому вопросу удовлетворит его.

Прошу о Вашем мудром решении.

С уважением

доктор *Карл Фридрих Бахман*,
в настоящее время декан.

Иена
13 апреля
1841 г.

Высокочтимому декану философского факультета
Как будет угодно Вашему Высокоблагородию

Люден *Я. Ф. Фриз*
Ф. Ханд *Гётлинг*
Э. Рейнхольд *Шульце*
Дёберейнер

Впервые опубликовано в издании: «Archiv für die Geschichte des Sozialismus und der Arbeiterbewegung». Jg. 12, Leipzig, 1926

Печатается по рукописи
Перевод с немецкого
На русском языке публикуется впервые

ЖЕННИ ФОН ВЕСТФАЛЕН — КАРЛУ МАРКСУ

В БОНН [207]

[Трир, около 10 августа 1841 г.]

Чернышок! Как я счастлива, что ты весел, что мое письмо воодушевляет тебя, что ты тоскуешь обо мне, что ты живешь в оклеенных обоями комнатах, что ты пил шампанское в Кёльне, что там существуют гегельянские клубы, что ты мечтал — короче, что ты мой любимый, мой чернышок. Одного мне все же не хватает: ты мог бы немного похвалить меня за мой греческий и посвятить моей учености небольшую, хвалебную статью. Но вы, господа гегелинги [208], не признаете ничего, даже самого превосходного, если оно не в вашем духе, и посему мне остается скромно почивать на *собственных* лаврах. Да, милый, к сожалению, я все еще вынуждена почивать и притом на перине и подушках и даже это небольшое послание написано в постели.

В воскресенье я осмелилась сделать отважную вылазку в передние комнаты, это, однако, пошло мне во вред, и теперь приходится искупать свое прегрешение. Шлейхер только что сказал мне, что он получил письмо от одного молодого революционера, который жестоко ошибся в оценке своих соотечественников. Он не рассчитывает, что ему удастся приобрести акции или что-либо иное. Ах, милый, милый! Ну, вот теперь ты впутываешься еще и в политику. Это опаснее всего. Карлхен, помни всегда об одном: дома у тебя есть любимая, которая надеется и тоскует и полностью зависит от твоей судьбы. Милый, сердце мое, как бы я хотела повидать тебя!

К несчастью, я еще не могу точно назвать день. Пока я совсем не поправлюсь, я не получу разрешения на поездку. Но еще неделю я задержусь, не больше. Иначе наш дорогой синоптик * в конце концов уедет, и я так и не повидаю сего достопочтенного мужа. Сегодня рано утром я уже проштудировала в аугсбургской газете ** три статьи о Гегеле и сообщение о выходе в свет книги Бруно [209].

Собственно, милый, я уже теперь должна была бы сказать тебе свое vale faveque ***, так как ты хотел получить от меня лишь две строки, а лист уже исписан почти до конца. Но сегодня мне не хочется столь строго придерживаться буквы закона, и я думаю растянуть запрошенные строки на такое же количество

---

* — Бруно Бауэр. *Ред.*

** — «Allgemeine Zeitung». *Ред.*

*** — будь здоров и оставайся верен мне. *Ред.*

страниц. И не правда ли, сердце мое, ты не в обиде за это на свою Женнихен, а что до самого содержания, то не забывай, что только плут дает больше, чем он имеет. Сегодня в голове у меня до обидного пусто, шумит так, словно там нет ничего, кроме громыхающих мельничных жерновов. Мысли все исчезли, зато сердце так полно, так переполнено любовью, тоской и горячим томлением по тебе, бесконечно любимому.

Разве ты не получил за это время через Вобана написанного карандашом послания? Оказывается, посредник больше не годится, и впредь мне придется направлять послания непосредственно своему господину и повелителю.

Как раз в этот момент проезжает коммодор Напир в белом доломане. При таком зрелище голова идет кругом. У меня такое чувство, словно передо мной волчье ущелье в «Волшебном стрелке» [210], когда мимо вдруг проносятся стаи зверей и причудливые фантастические фигуры. Только при этом на нашей жалкой маленькой сцене всегда видны канаты, которыми привязаны орлы, совы и крокодилы, — здесь же механизм несколько иного рода.

Папочка * завтра первый раз подымется с постели и немного посидит. Он слегка пал духом из-за очень медленного выздоровления, но это не мешает ему беспрестанно командовать, так что не успеем мы оглянуться, как он получит большой крест ордена командоров.

Не будь я самым жалким образом прикована к постели, я уже скоро собралась бы в путь. Все готово. Платья, воротнички, чепчики в полном порядке, — не хватает только той, которая должна их носить. Ах, милый, сколько я думаю бессонными ночами о тебе и твоей любви, как часто я молилась за тебя, благословляла тебя и призывала благословения на твою голову и как сладко я потом грезила о прошлом и будущем блаженстве. — Нынче вечером в Бонне играет Хайцингер. Ты пойдешь в театр? Я видела ее в роли донны Дианы.

Карлхен, я охотно написала бы тебе еще много, еще обо всем, но мама ** больше не позволяет, — она отбирает у меня перо, и я даже не могу послать тебе самый горячий сердечный привет. Шлю тебе воздушные поцелуи. Летите, летите к моему Карлу и прильните к его губам столь же жарко, сколь горячо и искренне вы ему посланы, а потом перестаньте быть немыми посланцами любви и шепните ему все те милые, ласковые слова, которые подскажет вам любовь. Расскажите ему все, — но нет, оставьте *что-нибудь* для вашей хозяйки.

* — Людвиг фон Вестфален. *Ред.*

** — Каролина фон Вестфален. *Ред.*

Будь здоров, дорогой, единственный!

Больше писать не могу, иначе у меня закружится голова... * и т. п. Ты знаешь, quadrupedante putrem sonitu ** и т. д. и т. п. Adieu ***, дорогой человек с железной дороги. Adieu, дорогой человечек. — Неужто я вправду могу выйти за тебя замуж?

Прощай, прощай, мой любимый.

Впервые опубликовано в Marx/Engels Werke, Ergänzungsband. Erster Teil. Berlin, 1968

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

ЖЕННИ ФОН ВЕСТФАЛЕН — КАРЛУ МАРКСУ

В КЁЛЬН [211]

[Крейцнах, начало марта 1843 г.]

Хотя на последней конференции обе великие державы по известному пункту не приняли решения и не заключили никакого договора об обязанности начать переписку и, значит, не было никакого внешнего повода, заставляющего сделать это, все же маленькая корреспондентка с прекрасными локонами чувствует внутреннюю потребность положить начало переписке выражением чувства глубокой, искренней любви и благодарности тебе, мой любимый, хороший, дорогой и единственный. Ты никогда еще не был так мил и дорог моему сердцу, и все же я каждый раз была в восторге, когда ты прощался со мной, мне снова хотелось вернуть тебя, чтобы еще раз сказать тебе, как люблю, как горячо я люблю тебя. Но последний раз ты ушел победителем. Я не могу выразить, как ты мне дорог, как глубоко запал в мое сердце, когда я не вижу тебя и передо мной стоит, как живой, только твой образ, такой преданный, такой ангельски кроткий и добрый, во всем величии любви и блеске ума. Если бы ты теперь мог быть здесь, мой любимый Карлхен, сколько желания счастья нашел бы ты в своей славной резвушке! А если ты еще раз проявишь плохие намерения, *злой* умысел, то я не приму никаких реакционных мер; я покорно склоню свою голову, отдавая ее во власть злого мальчишки.

* Далее следуют три неправильно написанные латинских слова, не имеющие смысла. *Ред.*

** — «Топотом громких копыт...» (*Вергилий*, «Энеида», книга восьмая, стих 596). *Ред.*

*** — До свидания. *Ред.*

«Что», как? Свет, что, как, свет. Ты еще помнишь наши разговоры в сумерках, наши объяснения без слов, часы в полудреме? Мой дорогой, каким милым, хорошим, каким снисходительным и радостным ты был!

Передо мной стоит твой образ, такой блестящий, сильный, мое сердце стремится всегда быть вместе с тобой, оно радостно трепещет при мысли о встрече, оно с тревогой всюду следует за тобой. Идешь ли ты в Пасшритир, идешь ли в Золотой Мертен, к папаше Руге, к Пансе, везде я сопровождаю тебя, и обгоняю, и следую за тобой. Если бы я могла расчистить тебе дорогу и утрамбовать, убрать все препятствия, стоящие на твоем пути! Но, увы, нам пока еще не суждено ухватиться за колесо судьбы. Со времени грехопадения, со времени проступка мадам Евы мы обречены на пассивность. Наша судьба — ждать, надеяться, терпеть и страдать. Самое большее, что нам доверяют, — это вязанье чулок, иголку и ключ, а все, что сверх того, то от лукавого. Только когда речь заходит об определении места издания «Deutsche Jahrbücher» *, тут вторгается женское вето и играет незримо решающую роль. Сегодня ночью я подумала о Страсбурге. Если ты предпочтешь Францию Германии, не воспрепятствует ли это твоему возвращению в Германию и не окажется ли, что либеральная суверенность может прийти к выводу: «эмигрируйте или просто оставайтесь вдали от отечества, если оно вам не мило»? Но все это, как я уже сказала, только мои мысли, и кум Руге будет знать, что надо делать, особенно если за всем этим издали наблюдает твоя курочка и подает свое особое прошение. Итак, пусть дело покоится в лоне отца Авраама.

Сегодня утром, когда я убирала комнату, ставила на место шашки, собирала окурки сигар, сметала пепел, мне попался на глаза прилагаемый листок. Ты оторвал листок из работы друга Людвига ** и забыл его здесь. Возможно, ты уже читаешь дальше, так что он тебе не нужен. Но для почтенного господина переплетчика, в случае, если ему придется переплести все в один том, он крайне необходим. Иначе была бы испорчена вся работа. Наверняка ты посеял еще какие-нибудь листы. Это было бы очень жаль. Побереги же остальные.

А теперь я должна тебе рассказать, как я переживала, когда ты ушел. Я вдруг увидела, что ты не взял кашне, которое бы тебя выручило, и, отдав свой носик на произвол ветра, непогоды, воздуха, подверг его всем превратностям судьбы.

---

* Речь идет о «Deutsch-Französische Jahrbücher» [212]. *Ред.*

** — Фейербаха [213]. *Ред.*

Это вызвало у меня большое беспокойство. А в дополнение к этому, семеня ногами, появился парикмахер. Я думала, что смогу сэкономить, и спросила его с особой любезностью, сколько ему остался должен господин доктор. Последовал ответ — 7,5 зильбергрошена. Я быстро подсчитала в уме, и 2,5 грошена были спасены. Но у меня не было подходящей монеты, и я дала ему 8 зильбергрошенов в уверенности, что он даст мне сдачи. Но что делает этот негодяй? Он благодарит и прячет все деньги в карман, мои 6 пфеннигов пропали, и я осталась с носом. Я всячески пыталась дать понять ему, но или он не заметил моего опечаленного взора, да и мать * старалась меня успокоить — короче, мои 6 пфеннигов исчезли, как исчезает все прекрасное. Какое разочарование!

Ну, а теперь о предметах туалета. Сегодня утром я вышла в город и увидела у купца Вольфа много новых кружев. Если ты не сможешь купить их недорого или будешь просить кого-либо выбрать, то уж прошу тебя, мой дорогой, предоставь это мне самой. Вообще, дорогой, я считаю, что *теперь* было бы *действительно лучше*, если бы ты ничего не покупал, а сберег свои деньги на дорогу. Знаешь, дорогой, когда я буду с тобой, мы будем покупать вместе, а если нас обманут, так уж обоих, пожалуйста, дорогой, сейчас пока не покупай. То же самое и с цветами. Я боюсь, ты заплатишь за них слишком дорого, а выбрать вместе было бы очень приятно. Если ты все-таки не хочешь отказаться от цветов, то возьми розовые. Они больше всего подходят к моему зеленому платью. Но лучше бы ты этим не занимался. Знаешь, дорогой, лучше, если ты это сделаешь, когда станешь моим законным, представшим перед алтарем муженьком. И еще одно, пока я не забыла. Разыщи мое последнее письмо. Мне было бы очень неприятно, если бы оно попало в чужие руки. Оно написано не совсем в доброжелательном духе, и его цели необоснованно злы.

Напали они на тебя, как на беглеца, когда ты вернулся? Или сменили гнев на милость? Возвратился ли Оппенхейм и сердится ли все еще Клессен? Лафарж [214] пришлю, как только смогу. Ты уже передал Айссу злосчастное письмо? Как обстоит дело с паспортом? Дорогой мой, все эти вопросы не имеют ко мне прямого отношения, а теперь начинаются те, которые затрагивают мое сердце. Хорошо ли ты вел себя на пароходе, или снова на борту была некая мадам Герман? Ах ты негодник, я тебя отучу от этого. Все время на пароходах. На подобного

* — Каролина фон Вестфален. *Ред.*

рода поездки я сразу же наложу запрет в contrat social *, в нашем брачном контракте, и всякие отклонения от него будут строго наказываться. Каждый такой случай будет учитываться, и за каждый ты должен будешь покаяться. Я создам другое, в высшей степени мучительное брачное право, подобное земельному праву. Уж попадешься ты в мои руки! Вчера вечером я опять смертельно устала, но все же справилась еще с одним яйцом. Следовательно, акции на еду не так уж низки и, как и дюссельдорфские, поднимаются. Когда ты приедешь, они будут, надеюсь, альпари и государство гарантирует проценты. А теперь прощай. Разлука причиняет боль, боль в сердце. Прощай, любимый, единственный, чернышок милый, родной, «что, как!» Ах ты, плутишка. Талатта, талатта, прощай, пиши скорее, талатта, талатта.

Впервые опубликовано в сборнике «Familie Marx in Briefen». Berlin, 1966

Печатается по рукописи
Перевод с немецкого

БРАЧНЫЙ ДОГОВОР МЕЖДУ КАРЛОМ МАРКСОМ И ЖЕННИ ФОН ВЕСТФАЛЕН

Брачный договор

между

г-ном Карлом Марксом, д-ром философии, проживающим в Кёльне, и девицей Иоганной Бертой Юлией Женни фон Вестфален, не имеющей занятий, проживающей в Крейцнахе,

от 12 июня 1843 года [215].

№ 715 описи актов

Мы, Фридрих-Вильгельм,
Божьей милостью
Король Пруссии,
Великий Герцог Нижнего Рейна и т. д. и т. д.
возвещаем и сим обязываем знать, что:

Перед нижеподписавшимся Вильгельмом Христианом Генрихом *Бургером*, королевским прусским нотариусом, проживающим в городе *Крейцнахе*, в *Кобленцском* судебном округе и обоими поименованными в конце свидетелями, предстали

* — общественном договоре. *Ред.*

г-н *Карл Маркс*, д-р философии, проживающий в *Кёльне*, с одной стороны, и девица *Иоганна Берта Юлия Женни фон Вестфален*, не имеющая занятий, проживающая в *Крейцнахе*, с другой стороны.

Эти присутствующие стороны заявили, что они намерены сочетаться браком и что в отношении своего будущего брака, торжественная церемония заключения которого состоится в скором времени, они согласовали друг с другом и установили следующие статьи и условия, а также гражданские последствия таковых:

Во-первых. Между будущими супругами должна иметь место законная общность имущества постольку, поскольку таковая не ограничивается специальными оговорками в последующих статьях.

Во-вторых. Эта общность должна также полностью распространяться и на будущие недвижимости супругов, поскольку сим будущие супруги объявляют движимым состоянием все те недвижимости, которые будут еще унаследованы ими в дальнейшем и которые достанутся еще одному или другому из них позднее, и эти будущие недвижимости, которые они полностью передают в общность имущества, приравниваются ими к движимостям, коим образом, следовательно, согласно статье тысяча пятьсот пятой Гражданского кодекса имеет место обращение недвижимого имущества в движимое [:Ameublissement:].

В-третьих. Каждый супруг должен особо уплатить за себя те долги, которые он до вступления в брак сделал или обязался оплатить, унаследовал и навлек на себя каким-либо иным путем; вследствие сего эти долги должны оставаться исключенными из общности имущества.

Итак, между будущими супругами все согласовано и установлено, о чем и был составлен настоящий брачный договор, который внятно прочитан участвующим сторонам.

Совершено в *Крейцнахе*, на квартире г-жи вдовы фон *Вестфален*, двенадцатого *июня* одна тысяча восемьсот сорок третьего года, в присутствии привлеченных, лично известных нотариусу, свидетелей — Иоганна Антона *Риккеса*, частного лица, и Петера *Бельца*, портного, обоих проживающих в *Крейцнахе*. И в удостоверение сего настоящий документ подписали сперва вышепоименованные, известные нотариусу по имени, сословию и месту жительства присутствующие стороны, а вслед за ними поименованные свидетели и нотариус.

На подлиннике, который остался у нотариуса на хранении и к которому была приложена печать достоинством в два талера, собственноручно поставили свои подписи:

«Д-р *Карл Маркс, Женни фон Вестфален, И. А. Риккес, Петер Бельц* и *Бургер,* нотариус».

Одновременно повелеваем и указываем всем судебным исполнителям, при обращении к ним с просьбой, приводить настоящий акт в исполнение; нашим главным прокурорам и нашим прокураторам при окружных судах руководствоваться таковым; всем офицерам и начальникам военных частей или их заместителям оказывать таковому твердую поддержку, если к ним обратятся за этим на законном основании.

В удостоверение сего настоящий первый главный экземпляр был подписан нотариусом и скреплен его служебной печатью.

Верность этого главного
экземпляра подтверждаю

Бургер, нотариус *

Впервые опубликовано в Marx—Engels Gesamtausgabe. Erste Abteilung, Bd. 1, Hlbd. 2, 1929

Печатается в соответствии с оригиналом

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

* На документе стоит круглая печать нотариуса и приложена расписка в получении гонорара на общую сумму 6 талеров 15 зильбергрошенов, включая оплату услуг свидетелей и канцелярских расходов. *Ред.*

ПРИМЕЧАНИЯ

УКАЗАТЕЛИ

ПРИМЕЧАНИЯ

1 «*Размышления юноши при выборе профессии*» — сочинение Карла Маркса, написанное на выпускных экзаменах в Трирской гимназии в августе 1835 года. Всего сохранилось семь письменных работ, выполненных юношей Марксом на этих экзаменах: указанное сочинение на немецком языке на вольную тему, сочинение на латинском языке о принципате Августа, сочинение на религиозную тему (оба последних публикуются в приложениях к данному тому), упражнение по латинскому языку без предварительной подготовки, перевод с греческого, перевод на французский язык, работа по математике (все опубликованы в «Karl Marx — Friedrich Engels. Historisch-kritische Gesamtausgabe». Erste Abteilung. Band 1, zweiter Halbband, S. 164—182. Berlin, 1929).

В рукописи сочинения имеются многочисленные подчеркивания, сделанные преподавателем истории и философии, тогдашним директором гимназии И. Виттенбахом (в данном издании они не воспроизводятся). Ему же принадлежит следующий отзыв: «Довольно хорошо. Работа отличается богатством мыслей и хорошим систематическим изложением. Но вообще автор и здесь впадает в свойственную ему ошибку, в излишние поиски изысканных образных выражений. Поэтому изложению во многих подчеркнутых местах недостает необходимой ясности и определенности, часто точности, как в отдельных выражениях, так и в целых периодах». — *3*.

2 *Письмо к отцу* — единственное сохранившееся письмо К. Маркса студенческих лет и самое раннее из писем, которые до нас дошли. — *8*.

3 Имеется в виду: J. G. Heineccius. «Elementa juris civilis secundum ordinem Pandectarum, commoda auditoribus methodo adornata». Amstelodami, 1728 (И. Г. Гейнекций. «Основы гражданского права, согласно порядку пандектов, изложенные удобным для слушателей методом», Амстердам, 1728); A. F. J. Thibaut. «System des Pandekten-Rechts». Bd. 1—2, Jena, 1803—1805 (А. Ф. Ю. Тибо. «Система пандектного права». Тт. 1—2, Иена, 1803—1805). — *10*.

4 *Пандекты* — греческое название дигест (лат. digesta — собранное), важнейшей части свода римских законов и правовых норм (Corpus juris civilis), составленного в 528—534 гг. при императоре Восточной римской империи Юстиниане I. Пандекты содержали извлечения из сочинений видных римских юристов по гражданскому и судебному праву. — *10.*

5 Упомянутая работа не сохранилась. — *10.*

6 Имеется в виду книга: J. G. Fichte. «Grundlage des Naturrechts nach Principien der Wissenschaftslehre». 2 Teile. Jena und Leipzig, 1796 (И. Г. Фихте. «Основы естественного права, согласно принципам науки». 2 части. Иена и Лейпциг, 1796). — *10.*

7 F. C. Savigny. «Das Recht des Besitzes. Eine civilistische Abhandlung». Erster Abschnitt, § I. Gießen, 1803 (Ф. К. Савиньи. Право владения. Исследование по гражданскому праву. Первый раздел, § I. Гиссен, 1803). — *11.*

8 Цитаты из книги Савиньи приведены Марксом по памяти. — *11.*

9 Имеется в виду классификация договоров в сочинении И. Канта «Metaphysische Anfangsgründe der Rechtslehre». Königsberg, 1797 («Метафизические основоположения учения о праве». Кёнигсберг, 1797). — *13.*

10 Речь идет о книгах: G. E. Lessing. «Laokoon: oder über die Grenzen der Mahlerey und Poesie». Berlin, 1766 (Г. Э. Лессинг. «Лаокоон, или О границах живописи и поэзии». Берлин, 1766); K. W. F. Solger. «Erwin. Vier Gespräche über das Schöne und die Kunst». 2 Teile. Berlin, 1815 (К. В. Ф. Зольгер. «Эрвин. Четыре диалога о прекрасном и об искусстве». 2 части. Берлин, 1815); J. J. Winckelmann. «Geschichte der Kunst des Alterthums». 2 Teile. Dresden, 1764 (И. И. Винкельман. «История искусств древности». 2 части. Дрезден, 1764); H. Luden. «Geschichte des teutschen Volkes». 12 Bände, Gotha, 1825—1837 (Г. Люден. «История немецкого народа». В 12 томах, Гота, 1825—1837). — *14.*

11 E. F. Klein. «Grundsätze des gemeinen deutschen peinlichen Rechts». Halle, 1799 (Э. Ф. Клейн. «Принципы общего германского уголовного права», Галле, 1799); «Annalen der Gesetzgebung und Rechtsgelehrsamkeit in den Preußischen Staaten». 26 Bände, Berlin und Stettin, 1788—1809 («Анналы законодательства и юриспруденции в прусских государствах». В 26 томах, Берлин и Штеттин, 1788—1809). — *14.*

12 Упомянутый философский диалог не сохранился. — *15.*

13 Маркс имеет в виду следующие книги: J. P. A. Feuerbach. «Revision der Grundsätze und Grundbegriffe des positiven peinlichen Rechts». Th. 1, Erfurt, 1799; Th. 2, Chemnitz, 1800 (И. П. А. Фейербах. «Пересмотр принципов и основных понятий позитивного уголовного права». Ч. 1, Эрфурт, 1799; ч. 2, Хемниц, 1800); *его же* «Lehrbuch des gemeinen in Deutschland geltenden peinlichen Rechts». Gießen, 1801 («Учебник действующего в Германии общего уголовного права». Гиссен, 1801); K. L. W. von Grolmann. «Grundsätze der Criminalrechts-Wissenschaft». Gießen, 1798 (К. Л. В. фон Грольман. «Принципы науки уголовного права». Гиссен, 1798); A. W. Cramer. «De verborum significatione tituli

pandectarum et codicis cum variae lectionis apparatu». Kiliae, 1811 (А. В. Крамер. «О значении слов в пандектах и Кодексе [Юстиниана] со сводом вариантов». Киль, 1811); J. N. von Wenning-Ingenheim. «Lehrbuch des Gemeinen Civilrechtes, nach Heise's Grundriß eines Systems des gemeinen Civil-Rechtes zum Behuf von Pandecten-Vorlesungen». Bd. 1—3. München, 1822—1823 (И. Н. фон Венинг-Ингенхейм. «Учебник общего гражданского права, составленный в соответствии с сочиненными Хейзе Основами системы общего гражданского права для чтения лекций о пандектах». Тт. 1—3, Мюнхен, 1822—1823); Ch. F. Mühlenbruch. «Doctrina pandectarum». Vol. 1—3. Halis Saxonum, 1823—1825 (Х. Ф. Мюленбрух. «Учение о пандектах». Галле, 1823—1825). — *15.*

14 Маркс имеет в виду руководства по пандектам немецкого юриста В. А. Лаутербаха, изданные в Тюбингене в конце XVII — начале XVIII века. Lauterbach W. A. «Collegium theorico-practicum. Ad L. Pandectarum Libros methodo synthetica» (Hrsg. von Urlich Thomas Lauterbach) Vol. 1—43 und Register. Tübingen, 1690—1714 (Лаутербах В. А. «Теоретически-практический сборник для изучения 50 книг пандектов, составленный по синтетическому методу». Тома 1—43 и указатель. Тюбинген, 1690—1714). *Его же.* «Compendium juris brevissimis verbis, sed amplissimō sensu & allegationibus universam ferè materiam juris exhibens» (Hrsg. von Joh. Jacob Schütz). 1 Aufl., Tübingen, 1679 («Учебник права в кратчайших формулах, но с обширнейшим значением и аргументацией, показывающий почти все содержание права». Издан И. Я. Шютцем, 1[е] издание, Тюбинген, 1679). — *15.*

15 Сборник по каноническому праву «Concordia discordantium canonum» («Согласие противоречивых канонов»), составленный в XII веке болонским монахом Франциском Грацианом, стал в XVI веке основной частью «Свода канонического права» («Corpus juris canonici»), который в средние века противопоставлялся своду римского гражданского права («Corpus juris civilis»). G. P. Lancelotti. «Institutiones juris canonici». Venetiis, 1598 (Дж. П. Ланчеллотти. «Институции канонического права». Венеция, 1598); «Институции» в качестве приложения вошли в «Corpus juris canonici». — *15.*

16 Имеется в виду вышедшее в 1623 г. в Лондоне сочинение Ф. Бэкона «De dignitate et augmentis scientiarum» («О достоинстве и приращении наук»). — *15.*

17 H. S. Reimarus. «Allgemeine Betrachtungen über die Triebe der Thiere, hauptsächlich über ihre Kunst-Triebe: zum Erkenntniß des Zusammenhanges der Welt, des Schöpfers und unser selbst». Hamburg, 1760 (Г. С. Реймарус. «Общие размышления об инстинктах животных, преимущественно об их сложных инстинктах, для выяснения связи между миром, творцом и нами самими». Гамбург, 1760). — *16.*

18 *Докторский клуб* — кружок представителей радикального крыла гегелевской школы (младогегельянцев), возникший в 1837 г. в Берлине. В состав докторского клуба входили: приват-доцент теологии Бруно Бауэр, преподаватель истории Карл Фридрих Кёппен, преподаватель географии Адольф Рутенберг и др. Клуб, в деятельности которого активно участвовал и Маркс, играл важную роль в младогегельянском движении. — *16.*

[19] Упомянутое произведение не сохранилось. — *16.*

[20] Имеется в виду либеральный ежегодник «Deutscher Musenalmanach» («Немецкий альманах муз»), издававшийся с 1830 г. в Лейпциге (в 1832 г. одним из редакторов ежегодника стал А. Шамиссо). — *16.*

[21] Как видно из письма Генриха Маркса сыну от 16 сентября 1837 г. (см. настоящий том, стр. 631), Карл Маркс намеревался в это время издавать журнал театральной критики. — *17.*

[22] G. F. Gaertner. «Ueber die Provinzial-Rechte». Sendschreiben an den Königl. Geheimen Justiz-und vortragenden Rath im hohen Justiz-Ministerium zu Berlin, Herrn A. W. Goetze. Berlin, 1837 (Г. Ф. Гертнер. «О правах провинций». Послание королевскому тайному советнику юстиции в Берлине г-ну А. В. Гётце. Берлин, 1837). — *17.*

[23] Письмо не сохранилось. — *17.*

[24] Оба стихотворения, написанные молодым Марксом, очевидно, в феврале — апреле 1837 г., входили в тетрадь стихов, посвященную отцу (см. настоящий том, стр. 439—539).

Общее заглавие — «*Неистовые песни*» — было дано при публикации стихотворений в 1841 г. в журнале «Athenäum». Текст обоих стихотворений при этом подвергся незначительным изменениям. В журнальном варианте стихотворения «Скрипач» отсутствует имеющееся в рукописи в пятой строфе после строк

«Ты о чем? о песнях рая?
Саблей зарублю тебя я».

двустишие:

«Прочь из дома, с глаз долой,
Не рискуй, дитя, главой!»

В № 62 «Frankfurter Konversationsblatt» от 3 марта 1841 г. был опубликован отклик на «Неистовые песни». Отрицательно отзываясь о их форме, газета признавала «оригинальный талант» автора. — ***19.***

[25] «*Тетради по эпикурейской философии*», написанные Марксом в 1839 г., были широко использованы в его докторской диссертации (настоящий том, стр. 147—233). Тетради представляют собой исследования Маркса в области античной философии и наряду с изложением его собственных взглядов содержат обширные выписки на латинском и греческом языках из древних авторов, относящиеся главным образом к эпикурейской философии. Рукопись дошла до нас в виде семи тетрадей, из которых пять (тетради I—IV и VII) имеют на обложке заголовок: «Эпикурейская философия». На обложках II—IV тетрадей пометки — «Зимний семестр 1839 г.».Обложки тетрадей V и VI не сохранились. В тетради VI не хватает также нескольких страниц текста. Последние пять страниц тетради V представляют собой выписки из работы Гегеля «Энциклопедия философских наук», озаглавленные «Схема натурфилософии». Эти выписки печатаются в данном томе после «Тетрадей» (см. настоящий том, стр. 141—146, а также примечание 45).

Первая публикация «Тетрадей» в составе выпущенного в 1927 г. первого тома Marx—Engels Gesamtausgabe воспроизводила в основном лишь собственный, авторский текст Маркса без сделанных им выписок и кратких комментариев к ним. Полный текст был впервые опубликован на русском языке в сборнике: К. Маркс и Ф. Энгельс. «Из ранних

произведений» (Москва, 1956). На языке оригинала (с параллельным немецким переводом латинских и греческих цитат) работа впервые полностью напечатана в Marx—Engels Werke. Ergänzungsband. Erster Teil (Berlin, 1968).

В настоящем издании выписки из греческих и латинских произведений даны в русском переводе. Греческие и латинские термины и выражения сохранены лишь в том случае, если они употреблены в немецком тексте в авторских отступлениях и комментариях и не могли быть даны в переводе на русский язык без ущерба для общего понимания текста и сохранения его колорита. На полях воспроизведены вертикальные подчеркивания, сделанные в рукописи Марксом. В приводимых Марксом цитатах из древних авторов как в «Тетрадях», так и публикуемой вслед за ними докторской диссертации редакцией в квадратных скобках цифрами указаны книги, главы и параграфы того или иного произведения, в соответствии с разбивкой текста, принятой в изданиях произведений этих авторов. В отдельных случаях в цитатах, на основании использованных Марксом источников, сделаны (также в квадратных скобках) вставки, необходимые для восстановления смысловой связи. Общее заглавие дано в соответствии с авторскими заголовками отдельных тетрадей. — *21.*

26 Маркс имеет в виду книгу: «Petri Gassendi Animadversiones in decimum librum Diogenis Laertii, qui est de Vita, Moribus, Placitisque Epicuri» («Пьера Гассенди замечания по десятой книге Диогена Лаэрция, трактующей о жизни, нравах и мнениях Эпикура»), вышедшую в Лионе в 1649 году. — *23.*

27 *Пролепсис* — буквально «предчувствие», у стоиков — предвосхищение, первичное общее понятие, врожденное, но вступающее в действие только в связи с чувственным опытом; у эпикурейцев — эмпирическое общее понятие. — *23.*

28 *Атараксия* — понятие древнегреческой этики, обозначающее безмятежность, душевный покой. В этике Эпикура — высший идеал жизни, состояние мудреца, достигшего путем познания природы и избавления от страха смерти внутренней свободы. — *25.*

29 L. Feuerbach. «Geschichte der neuern Philosophie von Bacon von Verulam bis Benedict Spinosa». Ansbach, 1833 (Л. Фейербах. «История новой философии от Бэкона Веруламского до Бенедикта Спинозы». Ансбах, 1833). — *43.*

30 Этот трактат Аристотеля не сохранился. Упомянутое Марксом место встречается в сочинении Аристотеля «De partibus animalium» («О частях животных»). — *44.*

31 Ниже Маркс цитирует сочинения Секста Эмпирика «Против математиков» и «Пирроновы основоположения» по женевскому изданию 1621 года (Sextus Empiricus. Opera quae extant. Magno ingenii acumine scripti, Pyrrhoniarum hypotyposeon libri III. Quibus in tres philosophiae partes accerrime inquiritur. Henrico Stephano interprete: Adversus mathematicos, hoc est, eos qui disciplinas profitentur, libri X. Gentiano Herveto Aurelio interprete, graece nunc primum editi ... Coloniae Allobrogum, 1621). — *47.*

32 *Приверженцы сада* — ученики Эпикура; получили это название в связи с тем, что основанная в 307—306 гг. до н. э. школа Эпикура в Афинах

располагалась в саду. «Сад» стал главным центром материализма и атеизма древнего мира. — *48.*

33 Очевидно, Маркс цитирует в «Тетрадях» Плутарха по изданию Г. Ксиландера, вышедшему во Франкфурте-на-Майне в 1599 году. (Plutarchus Chaeronensis. Commentarius Ne suaviter quidem vivi posse secundum Epicuri decreta, docens. In: Quae extant omnia, cum latina, interpretatione Hermanni Cruserii, Gulielmi Xylandri ... T. 2: Continens Moralia. Gulielmo Xylandro interprete. Francofurti, 1599). — *52.*

34 H. Ritter. «Geschichte der Philosophie alter Zeit». Erster Theil. Hamburg, 1829 (Г. Риттер. «История философии древнего мира». Часть I. Гамбург, 1829). — *54.*

35 Речь идет о мистической концепции Плутарха о трех извечно существующих категориях людей, которую он развивает в своем сочинении «О том, что следуя Эпикуру невозможно жить счастливо». — *72, 198.*

36 Эти стихи, по-видимому, принадлежат Якобу Бёме, который по свидетельству своего биографа Абраама фон Франкенберга неоднократно вписывал их в альбомы своих друзей. Маркс, очевидно, цитирует стихи Бёме по книге: L. Feuerbach. «Geschichte der neuern Philosophie von Bacon von Verulam bis Benedict Spinoza», Ansbach, 1833, S. 161. — *75.*

37 Русский перевод приводимых Марксом отрывков из поэмы Лукреция и нумерация стихов (также и в предыдущих цитатах на стр. 36 и 60) даются по изданию с параллельными русским и латинским текстами: Лукреций. «О природе вещей». Редакция латинского текста и перевод Ф. А. Петровского. Издательство Академии наук Союза ССР, 1945.

Лишь в редких случаях дается иной перевод, более близкий к цитируемому Марксом отрывку из поэмы. Данная Марксом нумерация стихов по лейпцигскому изданию Эйхштедта 1801 г. отличается во многих случаях на одну — три строки как от вышеуказанного издания, так и от некоторых других изданий. — *87.*

38 При работе над вторым изданием Полного собрания Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса на языках оригинала (Marx—Engels Gesamtausgabe) ученые ГДР в 1972—1973 гг. установили, что та часть «Тетрадей по эпикурейской философии», которую раньше считали пятой тетрадью, является шестой, а та часть, которую считали шестой тетрадью, является пятой (обложки ни у той, ни у другой не сохранились). Поэтому в настоящем томе эти тетради по сравнению с Marx—Engels Werke. Ergänzungsband, Teil 1. Berlin, 1968 (Сочинения Маркса и Энгельса. Дополнительный том, часть 1, Берлин, 1968) переставлены местами, т. е. пятая тетрадь стала шестой, а шестая пятой. Внутри же самих тетрадей текст расположен в полном соответствии с упомянутой первой частью немецкого дополнительного тома.

Что касается расположения текста пятой и шестой тетрадей в данном томе по сравнению со сборником — К. Маркс и Ф. Энгельс. «Из ранних произведений» (М., 1956), то изменение коснулось не только перестановки тетрадей местами, но и последовательности в подаче текста. Эта последовательность была вполне обоснованно уже изменена в первой части немецкого дополнительного тома (часть материала,

сохранившегося в виде обособленных листков, была отнесена в сборнике 1956 г. не к той тетради, к которой она действительно принадлежит). Такая последовательность внутри указанных тетрадей сохранена и в настоящем томе. — *106*.

39 Выписок из книги шестой поэмы Лукреция «О природе вещей» в дошедшей до нас рукописи «Тетрадей» не содержится. — *108*.

40 F. Ch. Baur. «Das Christliche des Platonismus oder Sokrates und Christus». Tübingen, 1837. — *111*.

41 *Кенологизирование* — пустая болтовня.

Ссылаясь здесь на Аристотеля, Маркс, по-видимому, имеет в виду девятую главу первой книги «Метафизики», где Аристотель критикует учение Платона. — *115*.

42 Имеется в виду сочинение Плотина «Эннеады». — *117*.

43 G. W. F. Hegel. «Vorlesungen über die Geschichte der Philosophie». In: G. W. F. Hegel. Werke. Vollständige Ausgabe durch einen Verein von Freunden des Verewigten. Bd. 14, Berlin, 1833. (Г. В. Ф. Гегель. «Лекции по истории философии». В издании: Г. В. Ф. Гегель. Сочинения. Полное собрание, издаваемое кругом друзей усопшего. Том 14, Берлин, 1833). — *119*.

44 Выписок из работы Цицерона «Тускуланские беседы», указываемой Марксом на обложке тетради VII, в дошедшем до нас тексте рукописи не содержится. Вместе с тем в тетради VII имеются выписки из неупомянутой на обложке тетради работы Цицерона «О высшем добре и зле». — *131*.

45 *Схема натурфилософии* представляет собой краткую запись содержания тех параграфов работы Гегеля «Энциклопедия философских наук» (G. W. F. Hegel. «Enzyklopädie der philosophischen Wissenschaften»), которые посвящены философии природы. Эта запись была сделана Марксом в 1839 г. в «Тетрадях по эпикурейской философии», а именно на пяти страницах в конце пятой тетради. Возможно, что схема была составлена Марксом в связи с рассмотрением в пятой тетради характера и особенностей натурфилософии Эпикура в порядке сопоставления ее с современными Марксу интерпретациями натурфилософии, в частности и Гегеля.

Схема Маркса дана в трех вариантах. Первый вариант охватывает содержание параграфов 252—334 «Энциклопедии философских наук» Гегеля и наиболее близко воспроизводит порядок изложения им предмета и его формулировки. Второй вариант резюмирует меньшее число параграфов, относящихся к философии природы, однако отличается значительной самостоятельностью в отношении систематизации и терминологии. Наиболее оригинальным в этом смысле является третий вариант, который в еще бо́льшей степени освобожден от специфической гегелевской терминологии и в то же время, несмотря на краткость, наиболее полно отражает содержание натурфилософии Гегеля. — *141*.

46 Работа К. Маркса «Различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура» является частью задуманного им еще в 1839 г. общего исследования по истории античной философии.

В ходе занятий этими проблемами Марксом были составлены подготовительные «Тетради по эпикурейской философии» (см. настоящий

том, стр. 21—140), использованные им и при написании данной работы. В начале апреля 1841 г. Маркс направил ее на философский факультет Иенского университета в качестве диссертации на соискание степени доктора философии. Ученая степень была ему присуждена 15 апреля. Одновременно Маркс намеревался опубликовать свою работу в печати. В связи с этим им было написано посвящение и предисловие, датированное мартом 1841 года. Однако опубликовать работу не удалось, хотя Маркс возвращался к этому замыслу в конце 1841 — начале 1842 г. Авторская рукопись не разыскана. Сохранилась только написанная неизвестным лицом неполная копия ее с поправками и вставками, сделанными рукой Маркса. Тексты четвертого и пятого разделов первой части диссертации, а также «Приложения», за исключением одного фрагмента, принадлежность которого к диссертации лишь предположительна, и части авторских примечаний к «Приложению», не сохранились. Это видно при сравнении текста диссертации с составленным Марксом оглавлением (см. стр. 155). Каждый раздел первой части и каждая глава второй имеют самостоятельную нумерацию авторских примечаний. Эти примечания в виде воспроизведения цитат на греческом и латинском языках из источников и комментаторских дополнений также дошли до нас не целиком. В соответствии с сохранившейся копией рукописи они даны в переводе на русский язык после основного текста диссертации и обозначены в отличие от редакционных примечаний и сносок порядковыми номерами со скобкой. Явные описки исправлены. Важнейшие смысловые изменения, внесенные Марксом в копию рукописи, оговорены в подстрочных редакционных примечаниях.

В первой публикации диссертации Маркса — K. Marx, F. Engels und Ferdinand Lassalle. «Aus dem literarischen Nachlaß». Bd. 1, Stuttgart, 1902 — были опущены почти все авторские примечания, за исключением нескольких отрывков, и упомянутый фрагмент. Первая полная публикация (по сохранившейся части рукописи) была осуществлена Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС в 1927 г. при издании 1-го тома MEGA (Karl Marx — Friedrich Engels. «Historisch-kritische Gesamtausgabe». Erste Abteilung, Bd. 1, e Erster Halbband, S. 1—81). — *147.*

47 Намерение Маркса написать более обширную работу по истории эпикурейской, стоической и скептической философии не было осуществлено. — *153.*

48 C. F. Köppen. «Friedrich der Grosse und seine Widersacher». Leipzig, 1840, S. 39. Эта книга посвящена Карлу Марксу. — *153.*

49 Маркс цитирует здесь книгу Давида Юма «A treatise of human nature» («Трактат о человеческой природе») по немецкому переводному изданию «Über die menschliche Natur». Erster Band, Halle, 1790, S. 485. — *153.*

50 Маркс цитирует отрывок из письма Эпикура к Менойкею по десятой книге Диогена Лаэрция, параграф 123; цитата, как и следующие цитаты из Эсхила, приведена Марксом на греческом языке (ср. настоящий том, стр. 24). — *153.*

51 Хотя работа «De placitis philosophorum» («О мнениях философов») и приписывается Плутарху, он, по всей вероятности, в действительности не является ее автором. — *159.*

52 *Гимнософистами* греки называли индийских философов, строгих аскетов. — *163.*

53 Рукопись упомянутых в содержании (см. стр. 155) отделов первой части диссертации «Общее принципиальное различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура» и «Результат» не разыскана. — *168.*

54 *Гирканское море* — древнее название Каспийского моря. Вероятно, речь идет не о «гирканских рыбах», а о «гирканцах или питающихся рыбами». — *174, 217.*

55 По всей вероятности, имеются в виду комментарии немецкого профессора философии Нюрнбергера и немецкого филолога Шнейдера к следующим изданиям: «Diogenes Laertius. De vitis, dogmatibus et apophthegmatibus liber decimus graece et latine separatim editus... a Carolo Nürnbergero». Norimbergae, 1791 («Диоген Лаэрций. О жизни, мнениях и изречениях, книга десятая, изданная отдельно по-гречески и по-латыни Карлом Нюрнбергером», Нюрнберг, 1791) и «Epicuri physica et meteorologica duabus epistolis eiusdem comprehensa. Graeca ad fidem librorum scriptorum et editorum emendavit atque interpretatus est Io. Gottl. Schneider», Lipsiae, 1813 («Физические и метеорологические мнения Эпикура, содержащиеся в его двух письмах. Греческий текст на основании рукописных и печатных книг исправил и истолковал Иог. Готтл. Шнейдер». Лейпциг, 1813). — *177.*

56 Речь идет не об ученике Эпикура Метродоре из Лампсака, а об ученике Демокрита Метродоре из Хиоса, который в соответствующей выдержке из Стобея, приводимой в авторском примечании, неточно назван учителем Эпикура. Эта же выдержка приведена в шестой тетради по эпикурейской философии (см. настоящий том, стр. 128 и 223). — *184.*

57 Приложение к работе, которое, согласно содержанию, должно было состоять из двух разделов (см. стр. 155), сохранилось в виде двух фрагментов: начала первого параграфа второго раздела и авторских примечаний ко всем трем параграфам первого раздела. Общее заглавие приложения, отсутствующее в первом фрагменте, воспроизводится здесь по содержанию. Текст этого фрагмента почти дословно совпадает с текстом из третьей тетради по истории эпикурейской философии (см. настоящий том, стр. 72—74) и переписан рукой неизвестного на такой же бумаге, что и текст в тетради. На этом основании высказывалось мнение, что настоящий фрагмент не относится к докторской диссертации, а является частью не дошедшей до нас работы по античной философии, носящей, очевидно, черновой подготовительный характер. В то же время содержание фрагмента и приводимые в нем цитаты из сочинения Плутарха имеют тесную связь с сохранившимся текстом авторских примечаний к приложению (см. стр. 230—233). Окончательно решить вопрос о принадлежности фрагмента к той или иной работе на основании имеющихся фактов пока не представляется возможным, поэтому в настоящем томе он публикуется в составе докторской диссертации. — *198.*

58 В рукописи авторских примечаний все цитаты приведены на языках оригинала — латинском и греческом. Цитаты из книги Диогена Лаэрция «Жизнь и учения людей, прославившихся в философии» даны

Марксом в отличие от «Тетрадей по эпикурейской философии», где они заимствованы из комментированного издания Гассенди (Лион, 1649), по вышедшему в 1833 г. в Лейпциге в издательстве Таухница изданию, которое в некоторых местах значительно отличается от гассендиевского. Этим объясняется в ряде случаев расхождение в тех же самых цитатах, данных Марксом в примечаниях к диссертации и в «Тетрадях по эпикурейской философии».

В тексте примечаний Маркса в отдельных необходимых случаях сделаны пояснительные редакционные вставки в квадратных скобках. — *201.*

59 *Массалиоты* — жители города Массалии (позднее Марсель), основанного около 600 г. до н. э. в качестве греческой колонии выходцами из малоазийской Фокеи.

Упоминаемое Марксом сражение римского полководца Мария с германскими племенами кимвров, вторгшихся в Галлию и северную Италию, произошло в 101 г. до н. э. при Верцеллах. — *208.*

60 Речь идет о борьбе двух направлений в немецкой философии конца 30-х — начала 40-х годов XIX века.

«*Либеральной партией*» в философии Маркс называет здесь младогегельянцев. К концу 30-х годов наиболее радикальные из них (Б. Бауэр, Л. Фейербах, А. Руге и др.) перешли на позиции атеизма, подвергли критике философию Гегеля слева и выступили с требованиями буржуазных свобод. Реакцией на эту эволюцию младогегельянства явилось оформление так называемой «позитивной философии».

«*Позитивная философия*» — религиозно-мистическое направление в философии, выступившее с критикой философии Гегеля справа (Х. Г. Вейсе, И. Г. Фихте-младший, А. Гюнтер, Ф. Баадер, поздний Шеллинг). «Позитивные философы» пытались подчинить философию религии, выступали против рационального познания и считали божественное откровение единственным источником «позитивного» знания. Всякую философию, объявлявшую своим источником рациональное познание, они считали «негативной». — *211.*

61 Маркс приводит выдержку (в рукописи на французском языке) из книги «Système de la Nature ou Des Loix du Monde Physique et du Monde Moral». Par M. Mirabaud, Secrétaire Perpétuel et l'un des Quarante de l'Académie Française. Londres, 1770 («Система природы, или О законах мира физического и мира духовного». Сочинение г-на Мирабо, непременного секретаря и одного из сорока членов Французской академии. Лондон, 1770). Действительным автором книги был французский материалист П. А. Гольбах, поставивший на своей книге, в целях конспирации, фамилию умершего в 1760 г. секретаря Французской академии Ж. Б. Мирабо. — *230.*

62 Оба цитируемых Марксом произведения Шеллинга: «Philosophische Briefe über Dogmatismus und Kriticismus» и «Vom Ich als Princip der Philosophie, oder über das Unbedingte im menschlichen Wissen» («О «я» как принципе философии, или О безусловном в человеческом знании») вышли в свет в 1795 году. Впоследствии Шеллинг отказался от прогрессивных взглядов и перешел на позиции религиозного мистицизма. В 1841 г. Шеллинг был приглашен прусскими властями в Берлинский университет для борьбы против влияния представителей гегелевской школы, особенно младогегельянства. — *231.*

63 Маркс, по-видимому, ссылается на 13-ую лекцию по философии религии, прочитанную Гегелем в летний семестр 1829 года («Vorlesungen über die Philosophie der Religion»). — *232.*

64 Речь идет о критике различных способов доказательства существования бога, содержащейся в работе Канта «Критика чистого разума». — *232.*

65 Маркс имеет в виду следующее замечание Канта из его работы «Критика чистого разума», сделанное в связи с рассуждениями о логическом значении элементов суждения (субъект, предикат, связка «есть»): «Сто действительных талеров не содержат в себе ни на йоту больше, чем сто возможных талеров. В самом деле, так как возможные талеры означают понятие, а действительные талеры — предмет и его полагание само по себе, то в случае если бы предмет содержал в себе больше, чем понятие, мое понятие не выражало бы всего предмета и, следовательно, не было бы адекватным ему. Но мое имущество больше при наличии ста действительных талеров, чем при одном лишь понятии их (т. е. возможности их). В самом деле, в случае действительности предмет не только аналитически содержится в моем понятии, но и прибавляется синтетически к моему понятию (которое служит определением моего состояния), нисколько не увеличивая эти мыслимые сто талеров этим бытием вне моего понятия» (см. Иммануил Кант. Сочинения в шести томах. Том 3. Москва, 1964, стр. 522). — *232.*

66 *Венды* — древнее название славян. — *232.*

67 В конце 1841 — начале 1842 г. Маркс сделал новую попытку опубликовать свою диссертацию. В связи с этим он набросал начало нового предисловия. Набросок носит черновой характер и содержит много исправлений и зачеркнутых мест. — *234.*

68 Докторская диссертация Маркса вместе с заявлениями о соискании ученой степени на немецком и латинском языках была 13 апреля 1841 г. официально зарегистрирована в книге записей Иенского университета под номером 26.

В этот же день деканом философского факультета Бахманом и группой профессоров был подписан рекомендательный отзыв на диссертацию (см. настоящий том, стр. 654). 15 апреля Марксу заочно была присуждена степень доктора философии и выписан диплом. — *235, 654.*

69 Настоящая работа представляет собой начало задуманной Марксом критической статьи, направленной против абстрактной, нигилистической трактовки проблемы государственной централизации в статье Мозеса Гесса «Deutschland und Frankreich in bezug auf die Zentralisationsfrage», которая была опубликована в приложении к «Rheinische Zeitung» 17 мая 1842 г. и помечена корреспондентским значком Гесса ÷ ÷. Статья Маркса, по-видимому, не была закончена. Написанная часть ее дошла до нас в виде рукописи. — *237.*

70 Данная статья Маркса написана в связи с нападками немецкого философа Группе на книгу Б. Бауэра «Kritik der evangelischen Geschichte der Synoptiker». Bd. 1—2. Leipzig, 1841 («Критика евангельской

истории синоптиков». Том 1—2. Лейпциг, 1841). Выступив против лидера младогегельянцев в своем памфлете «Bruno Bauer und die akademische Lehrfreiheit» под флагом внепартийности и нейтральности в философии (в статье Маркс приводит в несколько перефразированном виде заявление Группе: «Пишущий эти строки никогда не служил ни одной партии и не находился под чьим-либо влиянием»), Группе пытался подорвать авторитет Бауэра как критика евангельских источников. Журнал младогегельянцев «Deutsche Jahrbücher» посвятил памфлету Группе еще ряд статей, в которых выступил в защиту Бауэра. — *240.*

71 Маркс излагает здесь приводимое в книге Б. Бауэра «Kritik der evangelischen Geschichte der Synoptiker» (том 2, стр. 296) высказывание протестантского теолога А. Неандера из его книги «Das Leben Jesu Christi in seinem geschichtlichen Zusammenhange und seiner geschichtlichen Entwicklung dargestellt». Hamburg, 1837, S. 265 (А. Неандер. «Жизнь Иисуса Христа, представленная в ее исторической связи и ее историческом развитии». Гамбург, 1837, стр. 265). — *242.*

72 Ниже Маркс приводит выдержки из Нового завета по книге Б. Бауэра «Kritik der evangelischen Geschichte der Synoptiker» (том 2, стр. 297, 299 и 296). — *242.*

73 Это редакционное заявление находится в тесной связи со статьей Маркса «Коммунизм и аугсбургская «Allgemeine Zeitung»» (см. настоящее издание, том 1, стр. 114—118), в которой Маркс дает отпор выступлению аугсбургской «Allgemeine Zeitung» против коммунизма и ее нападкам на «Rheinische Zeitung». Как в своей статье, так и редакционном заявлении Маркс полемизирует с корреспонденцией, которая была опубликована в № 284 аугсбургской «Allgemeine Zeitung» 11 октября 1842 г. под заглавием «Die Kommunistenlehren» («Коммунистические доктрины»). В редакционном заявлении Маркс уличает автора корреспонденции «Коммунистические доктрины» в том, что он в искаженном виде изложил статью «Kommunisten in Preußen» («Коммунисты в Пруссии»), которая была опубликована 6 октября 1842 г. в № 277 «Stadt-Aachener Zeitung». — *244.*

74 Настоящее редакционное примечание относится к напечатанной в том же номере корреспонденции «Vom Rhein». Эта корреспонденция, в свою очередь, представляет собой реплику на ранее напечатанную в приложениях к №№ 265, 268, 275 и 277 «Rheinische Zeitung» от 22 и 25 сентября, 2 и 4 октября 1842 г. статью «Fehlgriffe der liberalen Opposition in Hannover». — *246.*

75 После восстановления во Франции монархии Бурбонов там была провозглашена 4 июня 1814 года Конституционная хартия. Она устанавливала режим конституционной монархии, но широкие слои населения были совершенно отстранены от политической жизни. 26 июля 1830 г. королем Карлом X были обнародованы шесть указов (Июльские ордонансы), которые представляли собой грубое нарушение Конституционной хартии 1814 года (роспуск вновь избранной палаты депутатов, лишение торгово-промышленной буржуазии избирательных прав, новое ограничение свободы печати и т. д.) и означали попытку придворных кругов, верхушки дворянства и высшего духовенства совершить государственный переворот. Ордонансы послужили непо-

средственным поводом к Июльской революции 1830 г. во Франции и к свержению династии Бурбонов. — *246.*

76 В 1837 г. король Эрнст-Август и его сторонники произвели государственный переворот в Ганновере. Отменив конституцию 1833 г., носившую умеренно-либеральный характер (по конституции министры назначались королем, но были ответственны перед ландтагом), король возобновил действие конституции 1819 г., которая сохраняла в силе сословный принцип представительства и крайне ограничивала права ландтага. Либеральные круги Ганновера добивались восстановления конституции 1833 года; это требование было сформулировано в протесте семи профессоров Гёттингенского университета (братьев Гримм, Дальмана, Гервинуса, Эвальда, Альбрехта и Вебера), которые были смещены за это со своих должностей; некоторые из них были высланы. События в Ганновере вызвали широкий отклик во всей Германии. — *246.*

77 Серия статей Маркса «Муниципальная реформа и «Kölnische Zeitung»» (три корреспонденции), а также примыкающая к ней статья «Корреспондент «Kölnische Zeitung» и позиция «Rheinische Zeitung»» были написаны Марксом в связи с развернувшейся острой дискуссией по поводу реформы местного управления, которую намеревалось провести прусское правительство в Рейнской провинции. С занятием немецких областей на левом берегу Рейна французской армией там были в основном ликвидированы феодальные институты и в 90-х годах XVIII в. в будущей прусской Рейнской провинции было введено новое общинное устройство. Городские и сельские общины в правовом отношении были поставлены в равные условия, а привилегии феодального землевладения в сельских общинах были значительно урезаны. С установлением прусского господства в 1815 г. правительство и феодальное дворянство пытались ликвидировать это положение вещей, лишив равноправия городские и сельские общины. Прусские власти принуждали города Рейнской провинции принять реакционное прусское положение о городском устройстве 1808 г., а для сельских общин предусматривалось введение нового положения. Таким путем правящие круги надеялись вернуть привилегии рейнскому дворянству.

Прогрессивная рейнская буржуазия и демократически настроенная интеллигенция выступили против этих устремлений прусских властей и энергично защищали правовое равенство городских и сельских общин. «Rheinische Zeitung» решительно поддерживала эту линию и боролась за дальнейшее углубление демократических завоеваний французской буржуазной революции. С августа по декабрь 1842 г. она опубликовала ряд статей в защиту равноправия города и деревни, выступая против проведения прусского сословного принципа и расширения привилегий феодального дворянства. Когда газета «Kölnische Zeitung», введя в заблуждение читателей, сообщила, что жители Рейнской области якобы выступают за разделение городских и сельских общин, и при этом ложно интерпретировала также взгляды и аргументы, содержавшиеся в корреспонденциях «Rheinische Zeitung», Маркс выступил с возражением, которое он — после того как «Kölnische Zeitung» ответила — продолжил еще в трех статьях. В них Маркс не только солидаризировался с требованиями радикальной буржуазии накануне мартовской революции 1848 г., но, будучи революционным демократом, подходил к этим требованиям с более последовательных и решительных позиций. Свою острую критику ретроградной и вместе

с тем демагогической позиции правительства и прусского короля в вопросе о реформе Маркс в подцензурной печати должен был маскировать внешним выражением лояльности. Он делал это с большим искусством, разоблачая попытки своих оппонентов из «Kölnische Zeitung» обратить внимание на оппозиционный характер выступлений «Rheinische Zeitung», — попытки, которые он с полным основанием квалифицировал как политический донос. Опроверг он и другие инсинуации консервативной печати, а именно ее стремление всячески очернить «Rheinische Zeitung» в глазах тогдашнего обывателя. — *248*.

78 Начиная с середины октября 1842 г. в «Kölnische Zeitung» появилось несколько статей, автор которых решительно нападал на равноправие города и деревни. Корреспондент «Kölnische Zeitung» подписывал свои статьи значками —— или —.— и им, очевидно, был кёльнский нотариус по фамилии Дубиец. Он требовал раздельной муниципальной реформы для города и деревни, обосновывая это тем, что отсталость деревни якобы не позволяет предоставить сельским общинам одинаковые права с городами. Помимо этого, автор утверждал, будто защитники прогрессивного принципа равноправия города и деревни вообще хотели помешать проведению муниципальной реформы. В подписанной значком —.— статье «Резюме», которая была опубликована в приложении к № 309 «Kölnische Zeitung» от 5 ноября 1842 г., были собраны воедино все основные аргументы из предыдущих корреспонденций и, вопреки фактам, утверждалось, что большинство рейнского населения будто бы выступает за разделение города и деревни. Хотя редакция «Kölnische Zeitung» опубликовала также материалы, отразившие противоположную точку зрения, однако, она по существу солидаризировалась со взглядами автора статьи «Резюме». — *248*.

79 *Ландтаги* (сословные собрания провинций) были учреждены в Пруссии в 1823 году. Они состояли из: 1) представителей княжеского сословия — бывших владетельных семей Германской империи, главы которых являлись членами ландтага по праву рождения; 2) представителей рыцарского сословия, т. е. дворянства; 3) представителей городов; 4) представителей сельских общин. Так как основным условием для участия в выборах в ландтаг было владение земельной собственностью, то большая часть населения была вообще отстранена от выборов. Избирательный ценз и вся механика выборов обеспечивали большинство в ландтагах дворянству. Ландтаги созывались королем, компетенция их ограничивалась вопросами местного хозяйства и управления. В области политической ландтаги обладали весьма ограниченными совещательными функциями — они имели право высказывать свое мнение по поводу тех или иных законопроектов, предлагаемых правительством на их обсуждение. Первый рейнский ландтаг заседал с 29 октября 1826 г. по 7 января 1827 г., а четвертый — с 10 ноября по 31 декабря 1833 года.

На страницах «Rheinische Zeitung» (см. № 307 от 3 ноября 1842 г.) говорилось о двух противоположных решениях первого и четвертого ландтага по вопросу о реформе местного управления и подчеркивалось, что сословное представительство изжило себя и по существу стало абсурдом. Газета указывала, что независимо от этих двух противоположных решений ландтаг вообще нельзя рассматривать в качестве выразителя народного мнения Рейнской провинции. — *249*.

80 В петиции города Кобленца от 16 сентября 1842 г. высказывалась просьба «всемилостивейше даровать городу Кобленцу муниципальное

устройство, учрежденное по собственному выбору». Аналогичные просьбы содержались в петиции города Ахена от 16 сентября 1842 г., а также в петиции города Кёльна, датированной сентябрем 1842 г. Города Кёльн и Кобленц ссылались при этом на привилегии, которыми они пользовались в средние века и которые потеряли силу с введением французского общинного права. — *249.*

81 Лица, подписавшие 31 октября 1842 г. петицию от имени жителей города Трира, просили короля «даровать муниципальное устройство, которое распространялось бы на все общины королевской прусской Рейнской провинции и основывалось на принципах свободного выбора ее представителей, на гласности дебатов в общинных учреждениях и на большей, чем было раньше, самостоятельности». — *249.*

82 Маркс, возможно, намекает на передовую статью главного редактора «Kölnische Zeitung» Карла Гермеса, опубликованную в № 305 этой газеты от 1 ноября 1842 года. В ней, одобряя в целом кабинетский указ от 4 октября 1842 г., согласно которому от цензуры освобождались только книги объемом свыше 20 печатных листов, автор статьи все же вынужден был признать: «Вряд ли многие смогут набраться выдержки при таком положении, когда то, что хотелось бы опубликовать как небольшой набросок, необходимо исследовать со всех сторон и переработать в пространное произведение». — *250.*

83 Имеется в виду статья «Передача рейнским депутатам проекта общинного устройства, отклоняющего равноправие между городскими и сельскими общинами», которая была опубликована в № 314 «Rheinische Zeitung» от 10 ноября 1842 года. В ней «равенство всех граждан» характеризуется как политический жизненно важный вопрос муниципальной реформы и содержится призыв протестовать против нового проекта общинного устройства, выдвинутого прусским правительством. — *251.*

84 Имеется в виду заявление редакции «Kölnische Zeitung», опубликованное в № 315 газеты 11 ноября 1842 г. в форме заметки без заглавия. — *251.*

85 Имеется в виду серия статей Генриха Клессена «Реформа рейнского общинного устройства», опубликованная в приложении к №№ 307, 310, 312, 314, 317, 333 и 335 «Rheinische Zeitung» от 3, 6, 8, 10, 13, 29 ноября и 1 декабря 1842 года. — *252.*

86 На основе распоряжений прусского короля от 21 июня 1842 г. в прусских провинциях были образованы сословные комиссии, которые избирались провинциальными ландтагами из входивших в них представителей сословий. Эти комиссии могли созываться королем в объединенный совещательный орган — соединенные сословные комиссии. Впервые это было сделано 18 октября 1842 года. Ср. статью К. Маркса «О сословных комиссиях в Пруссии» (см. настоящий том, стр. 275—291). — *254.*

87 Данное редакционное примечание написано Марксом к статье «Der Entwurf zum neuen Ehegesetz», опубликованной в приложении к № 319 «Rheinische Zeitung» от 15 ноября 1842 года. В этом примеча-

нии Маркс наметил основные линии критики проекта закона о разводе, которую он позднее дал на страницах «Rheinische Zeitung» в специальной статье (см. настоящее издание, том 1, стр. 161—164, статья «Проект закона о разводе»).

Подготовка и обсуждение в правительственных сферах законопроекта о разводе, крайне затруднявшего расторжение брака, были окружены глубочайшей тайной. Тем не менее 20 октября 1842 г. «Rheinische Zeitung» опубликовала проект закона и тем самым положила начало широкой публичной дискуссии о нем на страницах «Rheinische Zeitung», «Leipziger Allgemeine Zeitung» и других газет. Опубликование проекта закона о разводе и решительный отказ редакции «Rheinische Zeitung» назвать лицо, приславшее текст законопроекта, было одной из причин запрещения «Rheinische Zeitung». — *256.*

88 Имеется в виду статья «Bemerkungen über den Entwurf einer Verordnung über Ehescheidung» («Замечания о проекте закона о разводе»), напечатанная в приложении к № 310 «Rheinische Zeitung» от 6 ноября 1842 года. — *256.*

89 Имеется в виду «Общее прусское право» («Allgemeines Landrecht für die Preußischen Staaten»), утвержденное и опубликованное в 1794 году. Оно включало в себя уголовное, церковное, государственное и административное право и отражало отсталый характер феодальной Пруссии в области юрисдикции. — *258.*

90 Публикуемая заметка отражает стремление Маркса как редактора «Rheinische Zeitung» использовать либеральную фразеологию королевского указа о печати, к которой Фридрих-Вильгельм IV нередко прибегал в демагогических целях, для того чтобы создать юридические преграды для готовившихся цензурных преследований газеты и отразить придирки правительственных чиновников и реакционной печати. К подобному вынужденному обстановкой тактическому приему Маркс прибегал и в других случаях. — *259.*

91 Имеется в виду статья с пометкой «Кёльн, 14 ноября», напечатанная в приложении к № 320 «Kölnische Zeitung» от 16 ноября 1842 г. Автор, подписавшийся значком —.—, в этой статье снова отклоняет при помощи тех же аргументов принцип равноправия города и деревни, на этот раз прямо выступая против «Rheinische Zeitung». При этом он ссылается на серию статей Клессена, на серию статей Маркса «Муниципальная реформа и «Kölnische Zeitung»» и на другие статьи из «Rheinische Zeitung». — *261.*

92 *Биккендорф* — деревня в окрестностях Кёльна. — *261.*

93 Направление, которое придал «Rheinische Zeitung» Маркс, став 15 октября 1842 г. ее главным редактором, вызвало опасение прусских властей. Обер-президент Рейнской провинции фон Шапер писал в Берлин о том, что тон газеты «становится все более дерзким и резким». По его поручению правительственный президент Кёльна фон Герлах 12 ноября 1842 г. передал редакции «Rheinische Zeitung» рескрипт министерства цензуры об изменении направления газеты, а также два распоряжения, в которых содержалось требование удалить из редакции Адольфа Рутенберга (власти считали его тогда инициато-

ром радикального курса) и представить на утверждение обер-президента нового редактора. Ответом редакции было письмо книгоиздателя Й. Э. Ренара, официально числившегося ответственным редактором газеты. Фактически автором письма был Маркс. Это явствует из сохранившейся черновой рукописи, в соответствии с которой письмо и публикуется.

Аргументация Маркса, в которой он в тактических целях использовал мнимо либеральную фразеологию цензурной инструкции и других правительственных постановлений о печати, лишила представителей правительства предлога для запрещения газеты, хотя, как это видно из доклада фон Шапера министерству цензуры от 17 декабря 1842 г., власти не оставили намерения начать следствие против редакторов «Rheinische Zeitung», в частности, против Маркса. Однако, не имея формальных поводов для преследования, власти должны были временно ограничиться усилением цензурных мер.

Сохранившаяся черновая рукопись содержит вычеркивания и исправления, сделанные чернилами рукой Маркса, и вычеркивания карандашом, сделанные рукой неизвестного. Врученное властям письмо, которое было переписано Ренаром, совпадает с исправленным Марксом текстом. См. «Rheinische Briefe und Akten zur Geschichte der politischen Bewegung 1830—1850». Hrsg. von Joseph Hansen, 1. Bd., Essen a. d. Ruhr, 1919, S 377—380 («Рейнские письма и документы по истории политического движения 1830—1850 гг.». Изд. Йозефом Ганзеном. Том 1, Эссен, 1919, стр. 377—380).

В настоящем издании текст письма воспроизводится в том виде, который придал ему Маркс после своих вычеркиваний и исправлений; при этом важнейшие из них оговариваются в подстрочных примечаниях. Все вычеркнутые карандашом рукой неизвестного слова и фразы в тексте сохраняются, но оговариваются в подстрочных примечаниях. — *264.*

94 Новая цензурная инструкция прусского правительства от 24 декабря 1841 г. предусматривала не только сохранение, но даже усиление правительственного контроля над печатью, прикрываемого фразами о либеральной и умеренной цензуре.

Цензурная инструкция была опубликована в № 14 официозной «Allgemeine Preußische Staats-Zeitung» 14 января 1842 года.

См. также статью Маркса «Заметки о новейшей прусской цензурной инструкции» (настоящее изд., т. 1, стр. 3—27). — *264.*

95 Речь идет, в частности, о статьях, помещенных в приложениях к №№ 135, 146, 172 «Rheinische Zeitung» от 15 мая, 26 мая и 21 июня 1842 г.: «Auch eine Stimme über eine «Hegemonie in Deutschland»» («Еще одно мнение по поводу одной «гегемонии в Германии»»); «Hegemonie in Deutschland» («Гегемония в Германии»); «Weitere Verhandlungen über die Hegemonie Preußens» («Дальнейшие дебаты о гегемонии Пруссии»), а также о статье в № 195 «Rheinische Zeitung» от 14 июля 1842 г. «Über Preußens Hegemonie» («О гегемонии Пруссии»).

В это время Маркс еще не был редактором газеты. — *265.*

96 Данная заметка напечатана в приложении к № 326 «Rheinische Zeitung» от 22 ноября 1842 г. в виде редакционного подстрочного примечания к статье «Die Hannoverschen Industriellen und der Schutzzoll» («Ганноверские предприниматели и покровительственные пошлины»). Статья, возможно, написана Марксом как редактором газеты, хотя исчерпывающих доказательств его авторства нет. — *268.*

97 В этой статье Маркс использовал письмо Гервега в редакцию «Rheinische Zeitung» от 22 ноября 1842 г. (см. «Rheinische Briefe und Akten zur Geschichte der politischen Bewegung 1830—1850». Essen a. d. Ruhr, 1919, S. 382—384).

«Свободные» — название существовавшего в первой половине 40-х годов XIX в. младогегельянского кружка берлинских литераторов, ядро которого составляли Б. Бауэр, Э. Бауэр, Э. Мейен, Л. Буль, М. Штирнер и другие. Выступления членов кружка носили характер абстрактной критики существующих порядков, лишенной реального революционного содержания, а внешне ультрарадикальная форма этих выступлений нередко компрометировала демократическое движение. В последующие годы многие представители «Свободных» отреклись от радикализма. — *269*.

98 Став редактором «Rheinische Zeitung», Маркс принял меры к тому, чтобы воспрепятствовать использованию газеты представителями «Свободных» в качестве трибуны для их псевдореволюционных выступлений. Критику Марксом «Свободных» см. в его письме к А. Руге от 30 ноября 1842 г. (настоящее издание, т. 27, стр. 368—370). — *269*.

99 Имеется в виду корреспонденция «Vom Main» («С Майна») от 10 ноября 1842 г., напечатанная в № 317 «Rheinische Zeitung» от 13 ноября 1842 года. — *272*.

100 Цитируется редакционная поправка, напечатанная в № 322 «Rheinische Zeitung» от 18 ноября 1842 года. — *272*.

101 Здесь и ниже цитируется статья «Leipzig (Julius Mosen und die «Rheinische Zeitung»)» — «Лейпциг (Юлиус Мозен и «Rheinische Zeitung»)», опубликованная в № 329 аугсбургской «Allgemeine Zeitung» от 25 ноября 1842 года. — *273*.

102 24 ноября 1842 г. в № 328 «Rheinische Zeitung» был помещен подробный отчет о происходившем в Лейпциге 11 ноября празднестве в честь Шиллера. На этом празднестве поэт Юлиус Мозен произнес посвященный Шиллеру тост в стихах, который был полностью опубликован еще 16 ноября 1842 г. в № 320 «Rheinische Zeitung». В этом тосте содержалась острая критика аугсбургской «Allgemeine Zeitung», которая была названа Мозеном «Allgemeine Literatur-Polizei» («Всеобщей литературной полицией»). — *273*.

103 Поводом для написания данной работы явилось выступление «Allgemeine Zeitung» с оправданием попытки прусского правительства подменить введение конституции учреждением общегосударственного сословно-представительного органа (см. примечание 86). Критикуемая Марксом статья «Ueber die Zusammensetzung der ständischen Ausschüsse in Preußen» («О составе сословных комиссий в Пруссии») была опубликована в приложениях к №№ 335 и 336 «Allgemeine Zeitung» от 1 и 2 декабря 1842 года (цитаты, приводимые Марксом из «Allgemeine Zeitung» ниже, взяты из этой статьи). Сделав из тактических соображений оговорку о том, что «Rheinische Zeitung» ведет полемику против точки зрения консервативной прессы на прусские государственные институты, а не против самих этих институтов, Маркс на деле подверг их резкой критике, разоблачив мнимый конституционализм. — *275*.

104 Имеется в виду «Allgemeines Gesetz wegen Anordnung der Provinzialstände» («Общий закон о создании провинциальных сословных собраний»), изданный в Пруссии 5 июня 1823 года. На основании этого закона был издан 27 марта 1824 г. закон об учреждении сословного собрания (ландтага) в Рейнской провинции. — *276*.

105 Маркс приводит здесь выдержки из закона от 27 марта 1824 г. об учреждении сословного собрания в Рейнской провинции. — *277*.

106 Владения мелких немецких князей во время наполеоновских войн и Венского конгресса были *медиатизированы*, то есть присоединены к территории более крупных германских государств. При этом владельцы сохранили ряд особых привилегий, в том числе право участия в сословном представительстве. — *287*.

107 См. «Ueber ständische Verfassung in Preußen». Stuttgart und Tübingen, 1842; L. Buhl. «Die Bedeutung der Provinzialstände in Preußen». Berlin, 1842 (Л. Буль. «Значение провинциальных сословных собраний в Пруссии». Берлин, 1842). — *287*.

108 *Право вирильного голоса* — право представительства в сословных собраниях германских государств, которым пользовались лица, принадлежащие к рыцарскому (дворянскому) сословию, и отдельные германские города в силу привилегий, полученных ими в период средневековья. — *287*.

109 12 и 14 декабря 1842 г. в №№ 346 и 348 «Rheinische Zeitung» были опубликованы две анонимные статьи, в которых сообщалось о бедственном положении мозельских крестьян и осуждалось пренебрежительное отношение к их жалобам правительственных кругов. Автором статей был мелкобуржуазный демократ, юрист П. Й. Кобленц. Появление статей вызвало обращение в газету обер-президента Рейнской провинции фон Шапера с двумя рескриптами, в которых мозельский корреспондент «Rheinische Zeitung» обвинялся в извращении фактов и клевете на правительство. Требуя ответить на ряд вопросов, фон Шапер по существу добивался дезавуирования материала, обличающего правительство. 18 декабря в № 352 «Rheinische Zeitung» опубликовала рескрипты обер-президента (они были по указанию фон Шапера напечатаны почти во всех рейнских газетах политического направления). Поскольку Кобленц после этого не сумел достаточно глубоко обосновать положения своих статей и опровергнуть таким образом выдвинутые против него обвинения, эту задачу взял на себя Маркс, решив использовать полемику с фон Шапером для широкого обличения прусского социально-политического строя. К моменту опубликования настоящего извещения о предстоящем ответе обер-президенту Маркс подбирал материалы для своей статьи «Оправдание мозельского корреспондента», которая была им вскоре написана и с 15 января начала публиковаться на страницах «Rheinische Zeitung» (см. настоящее издание, том 1, стр. 187—217). — *292*.

110 Имеются в виду два рескрипта обер-президента Рейнской провинции фон Шапера по поводу статей мозельского корреспондента «Rheinische Zeitung» (см. примечание 109). — *292*.

111 T. Désamy. «Calomnies et politique de M. Cabet». Paris, 1842, p. 7 (Т. Дезами. «Клевета и политика г-на Кабе». Париж, 1842, стр. 7). — *294*.

112 Настоящие замечания представляют собой написанный Марксом проект ответа на обвинительные пункты министерского рескрипта от 21 января 1843 года о запрещении с 1 апреля 1843 г. «Rheinische Zeitung» и об установлении над ней на оставшееся время особо строгой цензуры. Характер ответа определялся стремлением Маркса не допустить дальнейших репрессий правительства в отношении «Rheinische Zeitung» и добиться отмены ее запрещения, но отнюдь не ценой изменения ее политического направления. Отсюда «эзопов язык» в освещении позиции «Rheinische Zeitung» по принципиальным вопросам общественной жизни Германии.

Основные мысли написанных Марксом «Замечаний по поводу обвинительных пунктов министерского рескрипта» вошли в третью часть меморандума акционеров «Rheinische Zeitung» от 12 февраля 1843 г., составленного в связи с запрещением газеты и направленного королю Фридриху-Вильгельму IV и прусскому министру внутренних дел Арниму. См. «Rheinische Briefe und Akten zur Geschichte der politischen Bewegung 1830—1850». Bd. I, Essen a. d. Rhur, 1919, S. 457—460 («Рейнские письма и документы к истории политического движения 1830—1850 гг.». Том I, Эссен на Руре, 1919, стр. 457—460). — *295.*

113 По-видимому, Маркс имеет в виду «Neue eleganteste Conversations-Lexicon für Gebildete aus allen Ständen», Bd. 2, Leipzig, 1835 («Новый наиболее изящный энциклопедический словарь для образованных людей всех сословий». Том 2, Лейпциг, 1835). На стр. 255 второго тома указывалось, что в 1818 г. Гегель приехал в Берлин, чтобы «свою философию, так сказать, сделать государственной философией». — *296.*

114 Речь идет о статье «Eingesandt aus Preußen» («Прислано из Пруссии»), опубликованной в № 30 «Königsberger Allgemeine Zeitung» от 4 февраля 1843 г. — *296.*

115 Поводом для обвинений «Rheinische Zeitung» в оскорблении иностранных держав послужила статья «Die russische Note über die preußische Presse» («Русская нота по поводу прусской печати»), опубликованная в № 4 от 4 января 1843 г. Статья содержала критику русского царизма и вмешательства его представителей в германские дела с целью подавления оппозиционной печати. Опубликование этой статьи вызвало протест со стороны царского правительства. — *299.*

116 Маркс в этом абзаце почти дословно приводит одно из положений прусского указа о цензуре от 18 октября 1819 года. — *299.*

117 *Ультрамонтаны* — наименование воинствующего направления в католицизме, стремившегося к усилению папской власти. В Рейнской провинции католики находились в оппозиции к прусскому правительству, которое покровительствовало протестантам. — *299.*

118 Имеются в виду сепаратистские идеи, которые развивались Й. Гёрресом в издававшемся с 1838 г. в Мюнхене журнале «Historisch-politische Blätter für das katholische Deutschland». — *299.*

119 См. настоящее издание, том 1, стр. 161—164, а также настоящий том, стр. 256—258. — *300.*

120 2 марта 1843 г. в Кёльне состоялись выборы двух депутатов и их четырех заместителей в 7-ой рейнский ландтаг. Депутатами были избраны

Кампгаузен и Меркенс, заместителями — Шенк, Мюленс, Думонд и Эссинг.

Ниже цитируется статья с пометкой «Vom Rhein, den 6, März» («С Рейна, 6 марта»), опубликованная в № 67 «Rhein- und Mosel-Zeitung» от 8 марта 1843 года. — ***301.***

121 «*Rhein- und Mosel-Zeitung*» издавалась в Кобленце. Поэтому Маркс ниже называет ее также «кобленцской газетой». — ***302.***

122 См. статью Маркса «Дебаты шестого рейнского ландтага (статья третья). Дебаты по поводу закона о краже леса» (настоящее издание, т. 1, стр. 119—160). — ***303.***

123 Ниже Маркс цитирует две статьи, посвященные немецкому антиклерикальному поэту Фридриху фон Заллету в связи с его кончиной. Одна из них была опубликована в № 63 «Trier'sche Zeitung» от 6 марта 1843 г. («Фридрих фон Заллет умер!»), вторая — в качестве ответа на первую — в приложении к № 70 «Rhein- und Mosel-Zeitung» от 11 марта 1843 г. («Евангелие для мирян Фридриха фон Заллета»). В статье Маркс, подвергая резкой критике реакционную позицию «Rhein- und Mosel-Zeitung», выступает в то же время против стремления «Trier'sche Zeitung» представить Заллета поборником евангельских догм.

«*Евангелие для мирян*» («Laien-Evangelium») — сборник стихов Заллета на религиозные темы, опубликованный в 1842 году. — ***306.***

124 Friedrich von Sallet, «Laien-Evangelium», Leipzig, 1842, S. 442. — ***308.***

125 *Сан-бенито* — одеяние желтого цвета, которое надевали на осужденных инквизицией узников, когда их вели на казнь. — ***308.***

126 Имеется в виду статья с пометкой «Vom Rhein, den 11. März» («С Рейна, 11 марта»), опубликованная в № 72 «Rhein- und Mosel-Zeitung» от 13 марта 1843 г. Приведенные ниже цитаты взяты из этой статьи. — ***309.***

127 Данная заметка написана Марксом в связи с чтением и конспектированием выходившего под редакцией Л. Ранке журнала «Historisch-politische Zeitschrift», Hamburg, 1832, Bd. I. Внимание Маркса, в частности, привлекла статья Ранке «Über die Restauration in Frankreich» («О реставрации во Франции»). Заметка содержится в четвертой «Крейцнахской тетради» выписок по всемирной истории, относящихся к июлю — августу 1843 г. (эти выписки Маркс делал в маленьком рейнском городке Крейцнахе, где он находился с мая по октябрь этого года). Высказанные в заметке мысли о несостоятельности идеалистического понимания Гегелем соотношения между абстрактной идеей государства и ее конкретно-историческими формами и т. д. непосредственно связаны с содержанием работы Маркса «К критике гегелевской философии права» (см. настоящее издание, том 1, стр. 219—368). — ***312.***

128 Имеются в виду Конституционная хартия 1814 г. — основной закон реставрированной монархии Бурбонов, и Конституционная хартия, опубликованная 14 августа 1830 г. после буржуазной революции во

Франции и являвшаяся основным законом Июльской монархии. Конституционная хартия 1830 г. в своих основных положениях повторяла Конституционную хартию 1814 г., однако преамбула хартии 1814 г., гласившая об «октроировании» конституции королем, была в конституции 1830 г. изъята и права верхней и нижней палаты расширены за счет некоторых прерогатив монарха. По новой конституции он рассматривался только как глава исполнительной власти, лишался права отменять законы и приостанавливать их действие. — *312.*

129 Ранней весной 1843 г. у Маркса возникла идея создания нового журнала в качестве органа немецких и французских демократов. Он намеревался издавать его вместе с младогегельянцем А. Руге, редактором закрытого правительством журнала «Deutsche Jahrbücher» (см. письмо Маркса Руге от 13 марта 1843 г., настоящее изд., т. 27, стр. 373—375). В конце мая 1843 г. Маркс выезжал в Дрезден для встречи с Руге по этому вопросу. В ходе предварительных переговоров наметились две тенденции в отношении направления будущего журнала. Руге преследовал, главным образом, просветительные цели, рассчитывал превратить журнал в средство обмена идеями в области философии (преимущественно немецкой) и социально-политических наук (в первую очередь французских), Маркс же стремился теснее связать теоретические задачи журнала с непосредственной революционной борьбой против феодально-абсолютистских порядков в Германии, использовать журнал как идейное оружие в борьбе за переустройство существующего мира. Разный подход к программе журнала нашел отражение в подготавливаемых для него материалах, а также в переписке будущих редакторов. Желание Маркса придать журналу более радикальный и боевой характер сказалось и в данном варианте проспекта «Deutsch-Französische Jahrbücher», который Маркс составил, получив в августе 1843 г. проспекты Руге на немецком и французском языках. Используя текст проспектов Руге, Маркс изменил некоторые формулировки, особенно второго и отчасти третьего пунктов, которые в проспектах Руге выглядели следующим образом:

Французский текст проспекта Руге

2) «Обзор газет, в котором найдут спокойную, но справедливую и суровую оценку периодические издания нашего времени, дух, которым они руководствуются, их дела и их тенденции, а также их воздействие на общественное мнение.
3) Критика книг, которые будут опубликованы по ту и по другую сторону Рейна».

Немецкий текст проспекта Руге

2) «Обзор газет и журналов, отражающих свое отношение к проблемам нашего времени.
3) Обзор старой литературы и беллетристики в Германии, так же как обзор книг обеих стран, открывающих и продолжающих собой новую эпоху».

При выработке окончательного текста проспекта «Deutsch-Französische Jahrbücher» Руге должен был учесть вариант, составленный Марксом, и воспроизвести, целиком или частично, некоторые предложенные им формулировки. Для сопоставления приводим этот текст, опубликованный в выпуске 1—2 «Deutsch-Französische Jahrbücher», Paris, 1844:

«Этот журнал является критическим изданием, но это не немецкая литературная газета. Мы будем помещать выдержки из французских и немецких источников:

1. О людях и системах, которые имеют влияние и значение, о злободневных вопросах, о конституции, законодательстве, политической экономии, нравах и учреждениях. Вместо божественной политики небесной державы будет представлена истинная наука о человеческих делах.

2. Обзор газет и журналов, отражающих свое отношение к проблемам нашего времени.

3. Обзор старой литературы и беллетристики в Германии, который неизбежно должен подвергнуть критике старый немецкий дух в его трансцендентном, а ныне загнивающем существовании; а также обзор книг обеих стран, открывающих и продолжающих собой новую эпоху, в которую мы вступаем». — *313.*

130 Журнал «Deutsch-Französische Jahrbücher» должен был способствовать сплочению различных представителей передовой демократической и социалистической мысли Франции и Германии, стать, как об этом писал Маркс Л. Фейербаху 3 октября 1843 г., органом «французско-немецкого научного союза» (см. настоящее издание, том 27, стр. 375). К сотрудничеству в журнале были приглашены Ф. Энгельс, Л. Фейербах, Г. Гейне, М. Гесс, К. Бернайс, Ю. Фрёбель, а также П. Ж. Прудон, Ф. Ламенне, А. Ламартин, Луи Блан, П. Леру, Э. Кабе и др. Опубликование данного заявления редакции создаваемого журнала за подписью Маркса и Руге в газете фурьеристов «Démocratie pacifique» было вызвано появлением 10 декабря 1843 г. в газете «Bien public» анонимной заметки, автором которой был Ламартин. — *314.*

131 Речь идет о корреспонденции из Лейпцига от 16 ноября, опубликованной в «Kölnische Zeitung» 20 ноября 1843 года. — *314.*

132 Конспект первого тома «Мемуаров» якобинца Левассёра («Mémoires de R. Levasseur (de la Sarthe).» Vol. 1—4. Paris, 1829—1831) был составлен Марксом в связи с намерением написать работу по истории французской революции. К революционным событиям во Франции в конце XVIII в. Маркс проявил значительный интерес еще летом 1843 г., о чем говорят его выписки из специальных работ на эту тему немецких историковВаксмута и Людвига, содержащиеся в «Крейцнахских тетрадях» по всемирной истории. По свидетельству А. Руге (письма Руге Фейербаху 15 мая 1844 г., Флейшеру — 20 мая и 9 июля 1844 г.; см. «A. Ruges Briefwechsel und Tagebuchblätter», Bd. I, Berlin, 1886), после переезда в Париж осенью 1843 г. у Маркса возник план создания труда по истории Конвента, над осуществлением которого он интенсивно работал в течение ряда месяцев 1844 г., просмотрев большое количество материалов, в том числе прессу, воспоминания современников и т. д. Об этом замысле Маркса, оставшемся нереализованным, писала и радикальная «Trier'sche Zeitung» в 1845 г., откликаясь на высылку Маркса из Франции. Отрывки из «Мемуаров» Левассёра в 1844 г. печатались в газете «Vorwärts!», возможно, по совету Маркса.

Время составления данного конспекта, по-видимому, совпадает с началом экономических исследований Маркса: он находится в третьей из серии тетрадей с выписками из трудов экономистов, заполнявшихся Марксом со времени приезда в Париж вплоть до августа

1844 года. Наряду с конспектом «Мемуаров» Левассёра тетрадь содержит окончание выписок из французского издания книги Адама Смита «О богатстве народов» (начало их во второй тетради).

Страницы тетради разделены вертикальной чертой на две колонки. На левой приведены извлечения из книги в виде прямых цитат на французском языке (лишь одна дана по-немецки) или краткого пересказа (на немецком языке) отдельных мест. Собственный текст Маркса сводится к нескольким лаконичным замечаниям и отсылкам, которые публикуются в настоящем издании корпусом. На правой стороне соответствующих страниц приведено более связное конспективное изложение содержания книги, которому предпослано заглавие Маркса: «Борьба монтаньяров с жирондистами». Весь текст написан по-немецки за исключением нескольких французских терминов и выражений, которые в данной публикации даются в переводе. В ряде случаев, особенно когда речь идет об оценке событий и деятелей, Маркс и здесь воспроизводит текст Левассёра дословно или почти дословно в немецком переводе. Эти места приводятся в публикации как цитаты, т. е. петитом (кавычки принадлежат редакции).

В настоящем издании публикуется сначала текст левых колонок под редакционным подзаголовком: «Выписки», а затем текст собственно конспекта, содержащийся на правых колонках. Подчеркивания, воспроизводимые курсивом, принадлежат Марксу. — *315.*

133 20 июня 1792 г. в Париже произошла массовая манифестация перед зданием Законодательного собрания и королевским дворцом Тюильри. Участники ее требовали отмены королевского вето на декрет об образовании под Парижем лагеря марсельских федератов, а также возвращения на министерские посты лидеров жирондистов, уволенных королем в отставку. Фактический отказ удовлетворить эти требования еще больше накалил обстановку. Отстраненный от должности за покровительство манифестантам мэр Парижа жирондист Петион был под давлением парижских секций восстановлен в середине июля на этом посту. Несмотря на вето короля, в Париж в течение июля 1792 г. из Марселя и других городов стали прибывать отряды федератов, усилившие движение за упразднение королевской власти и энергичный отпор внешним врагам революции. — *316.*

134 20 апреля 1792 г. Законодательное собрание вотировало декрет об объявлении войны Австрии, положивший начало длительной вооруженной борьбе революционной Франции с коалицией контрреволюционных государств. Этому акту предшествовала энергичная военная агитация Якобинского клуба (обращения 15 и 17 февраля 1792 г.), развернутая под влиянием жирондистов. Представители левого крыла клуба (Робеспьер и др.), наоборот, считали необходимым максимально оттягивать неизбежный военный конфликт, чтобы выиграть время для укрепления революционного порядка.

Якобинский клуб («Общество друзей конституции»), основанный в октябре 1789 г., первоначально объединял представителей различных политических течений антиабсолютистского лагеря. В результате внутренней борьбы в июле 1791 г. клуб покинули умеренные конституционалисты, а после восстания 10 августа 1792 г. — жирондисты, и в нем целиком возобладало влияние революционно-демократических кругов (якобинцев). Став их партийным центром, клуб вместе с провинциальными филиалами сыграл выдающуюся роль в осуществлении революционных преобразований. — *316.*

135 На указанной странице Левассёр пишет о двусмысленном положении одного из лидеров умеренных конституционалистов генерала Лафайетта накануне восстания 10 августа 1792 г. Он не пользовался доверием ни королевского двора, ни тем более противоположной стороны — революционно-патриотического лагеря. — *316*.

136 *10 августа 1792 г.* — день свержения монархии во Франции в результате народного восстания. — *316*.

137 *Междуцарствие* — период между восстанием 10 августа 1792 г. и созывом Конвента 20 сентября 1792 г. (первое открытое заседание — 21 сентября), длившийся 42 дня; был заполнен острой борьбой между Законодательным собранием и революционной Коммуной Парижа, которая была создана вместо прежнего городского муниципалитета во время восстания 10 августа и руководила действиями повстанцев. — *316*.

138 *Бюро Конвента* состояло из переизбираемого каждые две недели председателя и шести секретарей. — *316*.

139 *Фельяны* — умеренные конституционалисты, представители которых (братья Ламет и др.) вышли 16 июля 1791 г. из Якобинского клуба (см. примеч. 134) после принятия им петиции о низложении короля и основали собственный политический клуб (заседал в помещении упраздненного в 1789 г. монашеского ордена «Feuillants», отсюда название). Пользуясь значительным влиянием в Законодательном собрании, фельяны всячески стремились — в интересах крупной буржуазии и либерального дворянства — воспрепятствовать дальнейшему углублению революции. — *317*.

140 На указанных страницах Левассёр опровергает выдвинутые жирондистами в адрес вождей Горы обвинения, будто видные монтаньяры были подкуплены эмигрантами и иностранными агентами. Он характеризует Дантона, Робеспьера и Марата (последнего с оговоркой о том, что он не разделяет его «бредовые» теории) как бескорыстных и преданных революции деятелей. — *317*.

141 На этих страницах Левассёр приводит содержание защитительной речи Марата в Конвенте 25 сентября 1792 г. В ней Марат сумел доказать необоснованность исходящего от жирондистов обвинения в подстрекательстве к восстанию против Конвента и добился отклонения предложения, осуждающего его деятельность. Относящийся к Марату с антипатией Левассёр должен был признать мужество и хладнокровие, с которым он вел борьбу против кампании клеветы и ненависти, развязанной его противниками. — *318*.

142 У Левассёра: «Туманное и многословное красноречие этого последнего с трудом могло соперничать с пустой мишурой Луве». Далее Левассёр свидетельствует о бездоказательности обвинений Робеспьера в стремлении к диктатуре и в инспирировании расправы с заключенными роялистами в сентябре 1792 года. В своей речи в Конвенте 5 ноября 1792 г. Робеспьер полностью опроверг эти инсинуации жирондистов. — *319*.

143 Рассмотрение предложения Бюзо, предусматривающего распространение декрета об изгнании свергнутых Бурбонов на представителей

побочной ветви этой династии — членов семьи герцога Орлеанского — было отсрочено большинством голосов. По свидетельству Левассёра, многие члены Конвента опасались, что высылка бывшего герцога Орлеанского, Филиппа Эгалите, явится опасным прецедентом нарушения депутатской неприкосновенности. — *319.*

144 На указанных страницах Левассёр характеризует жирондистов как партию, действия которой объективно играли на руку контрреволюционным силам. «Хотя они и были ревностными республиканцами, к несчастью, они дали оружие роялизму и, что еще хуже, укрыли кое-кого из роялистов в своей среде». — *320.*

145 *2—5 сентября 1792 г.* в обстановке наступления вражеских армий, тревожных слухов о контрреволюционных заговорах и готовящейся расправы с семьями патриотов, выступавших против иноземных врагов, народные массы Парижа овладели тюрьмами и, организовав импровизированные суды, казнили около тысячи заключенных — сторонников монархического режима. Эти стихийные акты народного террора были использованы жирондистами для обвинения якобинцев в организации «сентябрьских убийств». — *321.*

146 Вопрос об *отправлении культа* возник в Конвенте в связи с обсуждением 12 и 14 декабря 1792 г. доклада о начальном образовании. В ходе прений было отвергнуто предложение о введении религиозного обучения в начальной школе, но в то же время видные деятели Горы (Робеспьер, Дантон) высказались против мнения некоторых депутатов, предлагавших вообще запретить отправление религиозных культов.

Под *декретом о продовольствии* имеются в виду проведенные Конвентом в декабре 1792 г. по настоянию жирондистов отмена регламента для хлебной торговли и постановление о подавлении вооруженной силой движения за установление твердых цен. Эти меры резко ущемляли интересы народных масс, страдавших от недостатка продовольствия и роста цен на него. Представители Горы в этот период не поддержали требования масс об установлении твердых цен на хлеб и другие продукты, хотя и отвергли защищаемый жирондистами принцип полной свободы торговли. Так, выступая по продовольственному вопросу 2 декабря 1792 г., Левассёр отстаивал необходимость принудительных мер, направленных против саботажа продажи хлеба фермерами и хлеботорговцами. — *326.*

147 *10 марта 1793 г.* представителями наиболее радикального плебейского течения революционного лагеря, так называемыми «бешеными», добивавшимися установления твердых цен, социальных мер против нищеты, наказания спекулянтов и т. д., были предприняты попытки поднять восстание. Участниками восстания, во время которого были разгромлены две жирондистские типографии, была составлена петиция, требующая изгнания жирондистов из Конвента. Однако, не получив поддержки якобинцев, не решившихся еще открыто выступить против жирондистов, «бешеные» не достигли своих целей.

Клуб кордельеров («Общество друзей прав человека и гражданина») — одна из наиболее радикальных демократических организаций периода французской революции, основанная в 1790 году. В клубе преобладали левые элементы якобинцев. Несмотря на участие в его

деятельности «бешеных», клуб не поддержал их выступление 10 марта 1793 г. — *327*.

148 *31 мая и 2 июня 1793 г.* в Париже произошло народное восстание, приведшее к изгнанию жирондистов из Конвента. Была установлена революционно-демократическая диктатура якобинцев, опиравшихся на поддержку народных масс. Успеху восстания способствовало сплочение революционных сил (якобинцев, «бешеных») в борьбе против политического господства партии жирондистов, ставшей выразительницей контрреволюционных тенденций крупной буржуазии. — *328*.

149 Согласно свидетельству Левассёра, Дантон характеризовал Дюмурье как весьма талантливого генерала, однако с сомнительными, с точки зрения республиканцев, политическими убеждениями. Дантон обращал внимание и на крайнее честолюбие Дюмурье, на его явное нежелание подчиняться контролю Конвента и склонность окружать себя льстецами и интриганами. — *328*.

150 Углубление продовольственного кризиса, рост недовольства народных масс, агитация «бешеных» за введение твердых цен побудили Конвент весной 1793 г. вернуться к продовольственному вопросу. Считаясь с настроением народа, якобинцы на этот раз высказались за таксацию (установление *максимума*) цен на зерно. Несмотря на сопротивление жирондистов, декрет о максимуме цен на хлеб был принят 4 мая 1793 года. — *329*.

151 Комиссия 12 была создана Конвентом 18 мая 1793 г. по настоянию жирондистов, стремившихся нанести удар революционным организациям столицы, для расследования деятельности Коммуны Парижа. В результате народного восстания 31 мая была упразднена. — *329*.

152 В данном разделе публикуются все разысканные стихотворения молодого Маркса, которые он написал в 1833—1837 гг. (главным образом в 1835—1837 гг.), а также главы из сатирического романа «Скорпион и Феликс». Стихи составляют шесть тетрадей, четыре из которых написаны рукой Маркса, а пятая и шестая — рукой его сестры Софи.

Первая и вторая тетради носят название «Книга любви», часть первая и «Книга любви», часть вторая, третья тетрадь — «Книга песен». Все эти три тетради Маркс посвятил своей невесте Женни фон Вестфален. Титульными листами этих тетрадей в настоящее время мы не располагаем. Титульный лист первой тетради воспроизводится по факсимиле, напечатанном в книге: John Spargo. «Karl Marx. His Life and Work». New-York, 1910 (Джон Спарго. «Карл Маркс. Жизнь и деятельность», Нью-Йорк, 1910). Титульные листы второй части «Книги любви» и «Книги песен» воспроизводятся по описанию Франца Меринга, которое он дал в предисловии к изданию «Aus dem literarischen Nachlaß von Karl Marx, Friedrich Engels und Ferdinand Lassalle». Bd. 1, Stuttgart, 1902, S. 25 («Из литературного наследия Карла Маркса, Фридриха Энгельса и Фердинанда Лассаля». Том 1, Штутгарт, 1902, стр. 25). Титульный лист четвертой тетради, посвященной отцу, сохранился и воспроизводится по оригиналу. Наконец, пятая тетрадь представляет собой альбом сестры Маркса Софи, а шестая — ее записную книжку. В альбом она вписыва-

ла только стихи брата, а в записную книжку также и стихи других авторов.

По своему характеру стихи Маркса можно разделить примерно на пять жанров. Это философская лирика, стихи, посвященные выдающимся немецким мыслителям (Гегелю, Гёте, Шиллеру), эпиграммы, баллады и, наконец, посвященные Женни лирические стихи, написанные в большинстве случаев в форме сонетов. Особое место занимают сцены из трагедии в стихах «Ouланем».

Как известно, Маркс был помолвлен осенью 1836 г. с дочерью правительственного советника Людвига фон Вестфалена Женни, подругой его детских лет, втайне от ее родни. Прошло семь лет с момента их обручения, прежде чем Маркс и Женни смогли пожениться. Свои чувства к любимой, с которой он часто бывал разлучен, Маркс и запечатлел в стихах.

На поэзию молодого Маркса, безусловно, оказала прежде всего влияние немецкая классическая литература в лице ее величайших представителей — Гёте, Шиллера и Гейне. Кроме того, на поэтическую деятельность Маркса повлияли немецкие романтики — Уланд, Шамиссо, Брентано и другие. Боннский университет, где первоначально учился Маркс, был цитаделью немецкого романтизма. Там преподавал один из теоретиков этого направления — Август Вильгельм Шлегель, лекции которого Маркс посещал.

Сам Маркс весьма критически относился к литературным достоинствам своих юношеских стихотворений, находя, однако, в них теплоту и искренность чувств (см. настоящий том, стр. 9). Позднее это критическое отношение усилилось. Дочь Маркса Лаура Лафарг, в частности, писала Францу Мерингу: «Мой отец относился к этим стихам весьма непочтительно; всякий раз, когда мои родители заговаривали о них, они от души смеялись...». («Aus dem literarischen Nachlaß...», S. 25—26).

Так как целый ряд стихов из трех первых тетрадей повторяется в тетради, посвященной отцу, то повторяющиеся стихи печатаются только один раз, преимущественно в тетради отцу, ибо они здесь даются Марксом в наиболее совершенной и отработанной форме. В первых трех тетрадях сохраняются лишь заголовки этих стихов с указанием в скобках тех страниц тома, где они публикуются. Исключение сделано лишь для стихотворения «Песня моряка в море». Поскольку Маркс в тетради отцу сократил его наполовину, то оно дается там, где впервые встречается, т. е. в «Книге любви», часть вторая, а в тетради отцу повторяется лишь его заголовок с отсылкой на страницы, на которых оно опубликовано. Стихотворения «Ночная любовь» и «Скрипач», содержащиеся в тетради отцу, воспроизводятся не в ней, а в первом разделе тома, так как они были в 1841 г. опубликованы в журнале «Athenäum». В тетради отцу даются лишь заголовки этих стихотворений с отсылкой на страницы первого раздела тома.

Что касается альбома Софи и ее записной книжки, в которых тоже много повторяющихся стихов, то здесь, поскольку обе эти тетради написаны не рукой Маркса, заголовки таких стихов не воспроизводятся. Повторяющиеся стихи в этих двух тетрадях просто не даются.

Подавляющая часть стихов Маркса на русском языке публикуется впервые. Ранее было переведено на русский язык лишь незначительное число стихотворений, и, кроме того, часть стихотворений публиковалась в отрывках в работах, посвященных жизни и деятельности Маркса. При публикации в данном томе использованы ранее печатавшиеся переводы, в частности О. Румера, Е. Ильиной и других советских

поэтов. Основная часть стихов переведена А. Старостиным. Все стихи Маркса на языке оригинала (немецком) публикуются также в 1-м томе 1-го отдела МЭГА (второе издание). — *331.*

153 Данная тетрадь Маркса содержит 12 стихотворений. Из них стихотворение «Человеческая гордость», а также баллады «Бледная девушка», «Люцинда» и «Истерзанная» были Марксом позднее включены в тетрадь, посвященную отцу.

Очевидно, некоторые стихи, включенные в эту тетрадь, а также в две следующие, написаны ранее осени 1836 года, возможно даже в 1835 году. Это подтверждается датированным 1835—1836 гг. альбомом Софи, ибо некоторые стихи, содержавшиеся в этом альбоме, повторяются в трех тетрадях Маркса. — *333.*

154 В тетради, посвященной отцу, это стихотворение дано Марксом с незначительными изменениями. — *341.*

155 Баллады «Бледная девушка» и «Люцинда» включены Марксом в тетрадь, посвященную отцу, с небольшими изменениями. — *345.*

156 Баллада «Истерзанная» включена Марксом в тетрадь, посвященную отцу, с небольшими изменениями и пропуском двух строф. — *359.*

157 «Книга любви», часть вторая содержит 22 стихотворения. Из них «Песня к звездам» и «Песня моряка в море» повторяются в тетради, посвященной отцу (см. примечание 152). — *363.*

158 Стихотворение «Песня к звездам» включено Марксом в тетрадь, посвященную отцу, с небольшими изменениями. — *367.*

159 «Книга песен» содержит 23 стихотворения. Из них стихотворение «Гармония», а также баллады «Две арфистки» и «Песня сирен» были позднее Марксом включены в тетрадь, посвященную отцу. — *391.*

160 Баллада «Альбоин и Розамунда» является поэтической версией исторических событий второй половины VI века нашей эры, связанных с покорением королем лангобардов Альбоином племени гепидов, последним королем которых был Кунимунд. Убив короля гепидов Кунимунда (у Маркса — Кюнемунд), Альбоин женился на его дочери Роземунде, однако был умерщвлен своим оруженосцем Хельмихисом. — *395.*

161 Это стихотворение включено Марксом в тетрадь, посвященяую отцу, с небольшими изменениями. — *406.*

162 Это стихотворение включено Марксом в тетрадь, посвященную отцу, с небольшими изменениями. — *409.*

163 Баллада «Песня сирен» включена Марксом в тетрадь, посвященную отцу, с некоторыми изменениями и пропуском одной строфы. — *416.*

164 В тетрадь, посвященную отцу, Маркс собрал избранные образцы своего юношеского поэтического творчества, включив в нее баллады, сонеты, романсы, песни, перевод первой элегии Овидия, эпиграммы и шутки (всего 60 стихотворений), а также сцены из написанной в стихах

трагедии «Ouланем». В качестве приложения Марксом дано прозаическое произведение — главы из сатирического романа «Скорпион и Феликс». Два стихотворения из этой тетради, «Ночная любовь» и «Скрипач», были Марксом позднее, в 1841 г., опубликованы в журнале «Athenäum». Поэтому они печатаются в первом разделе тома.

Стихотворения в тетради отцу Маркс расположил несколько иначе, чем это сделано в оглавлении, которое было составлено им самим. В томе в целом соблюдается тот порядок расположения стихов в этой тетради, который был дан Марксом в рукописи. Изменение в расположении коснулось лишь сцен из трагедии «Ouланем». У Маркса она помещена между стихотворениями «Прогулка» и «Песня к звездам»; в томе же трагедия печатается после всех стихотворений, перед главами из романа «Скорпион и Феликс». Для удобства читателя в содержании после названия каждого стихотворения в квадратных скобках указываются те страницы тома, на которых оно помещено.

Ряд стихов, помещенных в этой тетради, был написан Марксом ранее февраля 1837 г., очевидно, в 1836 и даже в 1835 году. — *439.*

165 *«Армида»* — опера К. В. Глюка. — *449.*

166 В древности Гомера называли Меонидом, ибо, согласно преданию, имя его отца было Меон. По другой версии Гомера называли так, потому что отец его родился в Меонии (Лидии). — *461.*

167 Столкнувшись в Берлине с убогим филистерством, ханжеской религиозной ортодоксией и косностью германской общественной жизни, Маркс в ряде эпиграмм беспощадно высмеивает тогдашнюю немецкую действительность. К этой категории относится и эпиграмма «В кресле удобном тупо сидит...». — *485.*

168 Четыре посвященных Гегелю строфы, которые Маркс объединил одним заголовком «Гегель. Эпиграммы», свидетельствуют о том, что в начале 1837 г. Маркс еще только приступил к изучению гегелевской философии. Процесс ее усвоения и постижения не был для юного Маркса простым. Сознавая универсальный характер философии Гегеля и широту его воззрений, Маркс в то время весьма критически оценивал сложную форму изложения гегелевских идей. Молодому Марксу тогда она казалась в известной мере проявлением ложной претензии на глубину, прикрываемой нарочитой туманностью языка. Эти упреки в адрес Гегеля Маркс и выразил в своих эпиграммах на него. — *486.*

169 В эпиграмме «Однажды немцы, пустившись в путь...» Маркс снова критикует бесплодное теоретизирование и застой в политическом движении Германии. В эпиграмме упоминается «народная победа», т. е. битва при Лейпциге, во время которой войска России, Пруссии, Австрии и Швеции 16—19 октября 1813 г. одержали победу над Наполеоном. Однако разгром наполеоновской армии не привел к единству Германии и к установлению прогрессивного общественного строя. Причину этого Маркс видит в пассивности немецких буржуазных кругов. В этой эпиграмме он критикует забвение традиций освободительных войн этими кругами, предпочитавшими сочинять путаные утопии вместо практического осуществления идеалов свободы и единства Германии. — *487.*

170 В ряде эпиграмм Маркс дал сатирическую картину литературной и культурной жизни своего времени. Так в V и VI эпиграммах он защищает Шиллера и Гёте как представителей гуманизма и прогресса от ханжеских и филистерских нападок консервативных писателей и пиетистов, которые поносили великих немецких поэтов. — *487.*

171 В VIII эпиграмме Маркс энергично защищает Гёте от тех нападок, которым тот подвергался со стороны консервативных писателей и критиков, особенно в 20-х—30-х годах; эти нападки поощрялись церковными кругами, видевшими в Гёте отступника от религии, язычника, проповедника аморальности, либерализма и т. д. Главным выразителем антигётовских настроений был лютеранский пастор Иоганн Фридрих Вильгельм Пусткухен-Гланцов, против которого и направлены эпиграммы Маркса «Пусткухен (ложные «Годы странствий»)» и «Заключительная эпиграмма на мастера суесловия». В связи с созданием Гёте романа «Годы странствий Вильгельма Мейстера» Пусткухен в 20-х годах XIX в. опубликовал несколько пародий на этот роман, некоторые под тем же названием. Гёте высмеял Пусткухена в ряде ксений. Особенное возмущение нападки Пусткухена вызвали в берлинских прогрессивных литературных кругах. Маркс, приехавший в 1836 г. в столицу Пруссии в связи с переходом из Боннского в Берлинский университет, ознакомился с книгами Пусткухена и написал упомянутые эпиграммы. — *488.*

172 «*Исповедь прекрасной души*» — название шестой книги романа Гёте «Годы учения Вильгельма Мейстера». Маркс в этой эпиграмме пародирует нападки Пусткухена на эту книгу. — *490.*

173 В этой эпиграмме против Пусткухена Маркс, очевидно, опирается на стихотворение Гёте «Гёте и Пусткухен». — *490.*

174 В альбоме Софи имеется 26 стихотворений Маркса, которые не содержатся в его собственноручных четырех тетрадях. Кроме того, в альбоме имеется целый ряд стихотворений, которые Маркс позднее включил в тетради, посвященные Женни фон Вестфален и отцу. Это: «Два неба», «Мысль», «Человеческая гордость», «Последняя песнь певца», «Люцинда», «Любовь певца», «Истерзанная», «Бледная девушка», «Чувства», «Пусткухен (ложные «Годы странствий»)», «Договор о найме», «Немецкий вкус» (повторение IV, V и VI эпиграмм из цикла «Эпиграммы», содержащегося в тетради отцу), «Гармония», «Заключительные сонеты. К Женни». — *541.*

175 Стихотворение «*Слепая*» повторяется также в записной книжке Софи, где оно содержит две следующие, заключительные строки:

«И с грохотом крыша вниз слетает,
Обломки тело ее засыпают». — *554.*

176 «*Ганс Гейлинг*» — опера немецкого композитора Генриха Маршнера. — *581.*

177 «*Бронзовый конь*» — опера французского композитора Даниэля Франсуа Эспри Обера. — *582.*

178 Записная книжка сестры Маркса Софи наряду со стихотворениями Маркса содержит ряд стихотворений других авторов, а также личные записи самой Софи и ее друзей и знакомых, адресованные ей. Кроме стихотворений Маркса «Человеческая жизнь» и «Карл Великий», которые не встречаются ни в тетрадях Маркса, ни в альбоме Софи, в записной книжке Софи имеется 9 стихотворений, которые содержатся в ее альбоме. Два из них — «Два неба» и «Истерзанная» содержатся также в первой части «Книги любви», причем баллада «Истерзанная» включена Марксом и в тетрадь отцу. Остальные 7 стихотворений — это: «Богиня Рейна», «Слепая», «Ко дню рождения отца», «Заключительное стихотворение» (в альбоме Софи оно называется «По завершении этих стихов»), «Шиллер. 2 сонета», «Гёте. 2 сонета», «Дочь».

Записная книжка Софи дает некоторое представление о поэтической деятельности Маркса еще в гимназические годы. Стихотворение «Карл Великий» в ней датировано 1833 годом. Возможно, Маркс и ранее писал стихи, но до нас эти его поэтические опыты не дошли. — *583.*

179 Образ Карла Великого в этом стихотворении нарисован Марксом, без сомнения, под влиянием директора Трирской гимназии Иоганна Гуго Виттенбаха, преподававшего в классе Маркса историю. Виттенбах написал ряд исторических исследований, в которых подчеркивал заслуги Карла Великого в области развития образования и пробуждения интереса к античной культуре (так называемое «каролингское возрождение»). — *586.*

180 Возраст отца Маркса в документе указан неточно. Согласно последним исследованиям, Генрих Маркс родился не в 1782, а в 1777 году. — *589.*

181 О гимназических экзаменационных работах Маркса см. примечание 1.

Данное сочинение было оценено преподавателем Кюппером 17 августа 1835 г. следующим образом: «Богатое мыслями, блестящее и сильное изложение, заслуживающее похвалы, хотя сущность единения, о котором идет речь, не определена, причина его затронута только с *одной* стороны, а необходимость его доказана недостаточно полно». — *590.*

182 Рукопись латинского сочинения подчеркнута во многих местах экзаменатором. На полях сделан ряд замечаний на латинском языке, среди них несколько замечаний, касающихся содержания работы. При публикации сочинения в данном томе эти подчеркивания и замечания не воспроизводятся. В конце сочинения дана следующая общая его оценка, подписанная директором гимназии Виттенбахом и преподавателем латинского и греческого языков Лёрсом: «Кроме указанных мест, вызвавших наши замечания, и нескольких ошибок, особенно в конце, сочинение неплохое, как по содержанию, так и по обнаруженным в нем знаниям истории и латинского языка. Но какой скверный почерк!!!». — *594.*

183 *Пунические войны* (264—241, 218—201 и 149—146 гг. до н. э.) — войны, которые вели между собой два крупнейших рабовладельческих государства древности — Рим и Карфаген — за установление господства

в Западном Средиземноморье, за захват новых территорий и приобретение рабов. Войны закончились разгромом Карфагена. — *594*.

184 В первоначальном варианте аттестата, сохранившегося в архиве Трирской гимназии, дана более развернутая характеристика знаний аттестуемого по греческому языку, а именно: «Его знания и умение понимать классиков почти такие же, как и в латинском; меньшими обладает он в переводе читаемых в гимназии классиков, вследствие недостаточной твердости в грамматике и меньшей уверенности, чем в латинском, хотя ему часто удается правильно объяснять даже более трудные места; в общем он переводит довольно бегло». — *598*.

185 Часть писем Генриха Маркса сыну дошла до нас в плохом состоянии. Места, не поддающиеся расшифровке, отмечены в тексте квадратными скобками с многоточиями внутри. В квадратных же скобках приводится в некоторых случаях предположительное толкование неразборчивых мест.

Из ответных писем Карла Маркса отцу не сохранилось ни одного, относящегося ко времени его пребывания в Боннском университете (октябрь 1835 — август 1836). Из переписки с отцом, которую в последующий период Маркс вел из Берлина (он переехал туда во второй половине октября 1836 г. из Трира, где провел осенние каникулы, во время которых состоялась его помолвка с Женни фон Вестфален), до нас дошло лишь одно письмо Карла Маркса от 10—11 ноября 1837 года (см. настоящий том, стр. 8—18).

Отрывки из ряда писем Генриха Маркса сыну были опубликованы в книге Е. Ильиной «Неутомимый путник», Москва, 1964, а также в № 11 журнала «Юность» за 1958 г. (в подборке Е. Ильиной). В настоящем томе в концовках к письмам Генриха Маркса наличие таких отрывков не оговаривается. — *599*.

186 Около 13 октября 1835 г. Карл Маркс переехал из Трира в Бонн, чтобы поступить на юридический факультет Боннского университета. 15 октября он был принят в университет. — *599*.

187 По окончании Трирской гимназии Маркс демонстративно не нанес прощального визита преподавателю Лёрсу, который был известен своими реакционными взглядами и которому было поручено следить за благонадежностью учителей и учеников гимназии. 17 ноября 1835 г. Лёрс был назначен вторым директором Трирской гимназии. — *601*.

188 Генрих Маркс имеет в виду § 60 работы И. Канта «Anthropologie in pragmatischer Hinsicht». Königsberg, 1798 («Антропология с прагматической точки зрения», Кёнигсберг, 1798). — *602*.

189 В Бонне Маркс вступил в кружок молодых поэтов. Один из основателей этого кружка, Иоганн Михаэль Бирман, воспитанник Трирской гимназии, был обвинен в сочинении революционных песен. Этот кружок, в который входили Эмануэль Гейбель и Карл Грюн, поддерживал контакт с гёттингенским кружком поэтов, главными членами которого были Теодор Крейценах, Мориц Каррьер и К. Л. Бернайс. Оба кружка намеревались совместно издавать Альманах муз. — *604*.

190 На письме имеются позднейшие, большей частью не поддающиеся расшифровке пометки, по-видимому, принадлежащие Карлу Марксу. — *607*.

191 Эти строки сыну Генрих Маркс написал на отдельном листе, послав их ему вместе с вышеприведенным свидетельством о своем согласии на переход Карла Маркса из Боннского в Берлинский университет. — *610*.

192 Выпускное свидетельство сохранилось в виде написанной рукой неизвестного копии, представленной в Иенский университет вместе с другими документами, которые были посланы туда Марксом в связи с ходатайством о присуждении ему докторской степени за работу по истории античной философии (см. также примечание 68). — *610*.

193 Речь идет о жалобе, поданной на Генриха Маркса в 1832 г. жителями общины Ирш за то, что он как адвокат якобы превысил свои полномочия. После рассмотрения дела в разных инстанциях берлинский кассационный суд 23 сентября 1837 г. решил вопрос в пользу Генриха Маркса. Интересы Маркса защищал тайный советник юстиции Рейнхард, противную сторону представлял советник юстиции Зандт. — *612*, *633*.

194 Речь идет о торговой фирме, через посредство которой Генрих Маркс мог бы посылать сыну деньги. — *613*.

195 Письмо не разыскано. — *613*.

196 Имеется в виду помолвка Карла Маркса с Женни фон Вестфален, состоявшаяся в Трире, куда Маркс приехал во время осенних каникул 1836 года. Генрих Маркс дал свое согласие на помолвку, однако она держалась в тайне от родителей Женни до марта 1837 года. — *613*.

197 Очевидно, Маркс послал через Софи для Женни три тетради своих стихов — «Книгу любви», ч. I, «Книгу любви», ч. II и «Книгу песен» (см. примечание 152). — *617*.

198 В одном из несохранившихся писем Карла Маркса к Женни фон Вестфален, написанном в феврале 1837 г., речь шла о его намерении письменно просить руки Женни. — *622*.

199 При *Ватерлоо* (Бельгия) 18 июня 1815 г. армия Наполеона была разбита англо-голландскими войсками под командованием Веллингтона и прусской армией под командованием Блюхера.

Бель-Альянс — деревня в четырех километрах от Ватерлоо. В ней во время сражения при Ватерлоо происходили крупные бои. — *623*.

200 Письмо Генриха Маркса адресовано жене и сыну. Оно содержит приписку для Генриетты Маркс, которая в данном томе не воспроизводится. По-видимому, письмо сначала было послано в Трир Генриетте Маркс, а оттуда в Берлин — Карлу Марксу. — *624*.

201 Намек на слова Архимеда («Не прикасайся к моим чертежам!»), с которыми он обратился к одному из римских воинов, ворвавшихся в Сиракузы (212 г. до н. з.). — *641.*

202 Эти строчки являются последним письмом Генриха Маркса к сыну. Они представляют собой приписку к письму Генриетты Маркс, которое она в середине февраля послала Карлу Марксу. 10 мая 1838 г. тяжело больной Генрих Маркс скончался. — *645.*

203 Женни фон Вестфален примерно с 18 июня 1838 г. вместе со своим сводным братом Карлом Гансом Вернером фон Вестфаленом отдыхала в курортном городе Нидербронне в тогдашнем Нижнем Эльзасе. Конец данного письма не сохранился. — *645.*

204 Эдуард Маркс, брат Карла Маркса, скончался 14 декабря 1837 года. — *646.*

205 Небольшие отрывки из этого письма на русском языке ранее были опубликованы в книгах: П. Виноградская. «Женни Маркс», М., 1964 и Е. Ильина. «Неутомимый путник», М., 1964. Конец письма не сохранился. — *648.*

206 На свидетельстве стоит пометка «к № 26», сделанная в апреле 1841 г. в Иенском университете при регистрации полученных от Маркса заявлений и документов в связи с ходатайством о присуждении ему докторской степени за работу по истории античной философии (см. примечание 68). — *652.*

207 Небольшие отрывки из этого письма на русском языке ранее были опубликованы в книге: Е. Ильина. «Неутомимый путник», М., 1964. — *655.*

208 Выражение *«гегелинги»* вошло в употребление после выхода в свет книги реакционного историка и публициста Г. Лео «Die Hegelingen. Actenstücke und Belege zu der s. g. Denunciation der ewigen Wahrheit». Halle, 1838 («Гегелинги. Документы и доказательства к так называемому осуждению вечной истины». Галле, 1838). Книга была направлена против Штрауса, Руге, Михелета и других последователей Гегеля, которых Лео презрительно называл «гегелингами». — *655.*

209 Упомянутое объявление о выходе в свет книги Бруно Бауэра «Kritik der evangelischen Geschichte der Synoptiker» («Критика евангельской истории синоптиков») и три его небольших статьи были опубликованы в приложении к № 213 «Allgemeine Zeitung» от 1 августа 1841 г. См. также примечание 70. — *655.*

210 *«Волшебный стрелок»* — опера К. М. Вебера (либретто Ф. Кинда). — *656.*

211 Небольшие отрывки из этого письма на русском языке ранее были опубликованы в книгах: П. Виноградская. «Женни Маркс», М., 1964 и Е. Ильина. «Неутомимый путник», М., 1964. — *657.*

212 В это время Карлом Марксом и Арнольдом Руге разрабатывался план издания журнала «Deutsch-Französische Jahrbücher». В результате переговоров местом издания журнала был выбран Париж. См. также примечания 129 и 130. — *658.*

213 По-видимому, имеется в виду работа Людвига Фейербаха «Vorläufige Thesen zur Reformation der Philosophie» («Предварительные тезисы к реформе философии»), напечатанная во втором томе сборника «Anekdota zur neuesten deutschen Philosophie und Publicistik». Zürich und Winterthur, 1843, S. 62—86 («Неизданное из области новейшей немецкой философии и публицистики». Цюрих и Винтертур, 1843, стр. 62—86). — *658.*

214 По-видимому, имеется в виду вышедшая в 1841—1842 гг. в Париже в четырех томах книга: «Mémoires de Marie Cappelle, veuve Lafarge, écrits par elle-même» («Мемуары Марии Каппелль, вдовы Лафарж, написанные ею самой»). В 1841 г. в Лейпциге вышла также книга: «Marie Lafarge, verurtheilt als Giftmischerin und angeklagt als Diamentendiebin. Criminalgeschichte der neuesten Zeit» («Мария Лафарж, осужденная как отравительница и обвиненная в краже бриллиантов. Уголовная история новейшего времени»). — *659.*

215 Брак между Карлом Марксом и Женни фон Вестфален был зарегистрирован несколько позднее, 19 июня 1843 года. — *660.*

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А

Б

В

Г

Д

Е

Ж

З

И

Й

К

Л

М

Н

О

П

Р

С

Т

Ф

Х

Ц

Ш

ЛИТЕРАТУРНЫЕ И МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ПЕРСОНАЖИ

УКАЗАТЕЛЬ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ

СОДЕРЖАНИЕ*

* Звездочкой отмечены произведения, впервые публикуемые в составе Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса.

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЭТИЧЕСКИЕ ОПЫТЫ МОЛОДОГО МАРКСА (1833—1837)

ПРИЛОЖЕНИЯ

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Том подготовлен к печати *Б. А. Крыловым*

Редактор *Л. Г. Чурбанов*

Редактор греческих и латинских текстов
А. В. Старостин

В редакционной работе над томом принимали участие
Л. И. Гольман, А. И. Малыш и *Б. Г. Тартаковский*

Помощник подготовителя и редакторов
О. А. Королева

Технический редактор *А. П. Агафошина*

Корректоры *А. М. Денисов, Е. И. Щукина*

★

Сдано в набор 11 октября 1974 г. Подписано в печать 26 мая 1975 г. Формат 60×92¹/₁₆. Бумага типографская № 1. Условн. печ. л. 48,32. Учетно-изд. л. 42,44. Тираж 45 тыс. экз. Заказ № 1693. Цена 1 р.

★

Издательство политической литературы, 125 811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

★

Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградское производственно-техническое объединение «Печатный Двор» имени А. М. Горького Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 197136, Ленинград, П-136, Гатчинская ул., 26.

